Кисунько Г.В.

Секретная зона. Исповедь генерального конструктора

(В 1961 году у нас был успешно испытан первый образец противоракетной системы, из которой могла бы вырасти мощная и надежная система ПРО для всей нашей страны. Генеральный конструктор этой системы Григорий Васильевич Кисунько.)

Аннотация издательства: Мало кто знает, что еще в 1961 году у нас был успешно испытан первый образец противоракетной системы, из которой могла бы вырасти мощная и надежная система ПРО для всей нашей страны. Почему спустя тридцать пять лет мы так и не имеем ее, рассказал в своих воспоминаниях генеральный конструктор этой системы Григорий Васильевич Кисунько. Сын «врага народа», а в сущности просто рабочего-машиниста, расстрелянного в 1938 году якобы за подготовку вооруженного восстания против советской власти, он с юных лет жил, учился, воевал и работал под тяжким гнетом «разоблачения», не теряя при этом достоинства, принципиальности и не жалея здоровья и сил на создание надежного оружия для защиты своей Родины от ракетно-ядерного нападения. Из этой книги читатель узнает не только о трудной судьбе строго засекреченного в недавнем прошлом талантливого ученого и организатора, но и много интересного об известных и малоизвестных людях, с которыми он работал и встречался – в том числе и в кремлевских кабинетах, – Сталине, Берия, Рябикове, Ванникове, Куксенко, Королеве, Устинове и других, ставших неотъемлемой частью нашей истории.

Вместо предисловия

«Шифротелеграмма № ... от ... марта 1961 года. Моск. время ...ч. ... мин. Сов. секретно, особой важности.

Москва, Президиум ЦК КПСС, тов. Хрущеву Н. С.

Докладываем, что 4 марта 1961 года в ... часов ... минут по московскому времени в район полигона «А» (точка прицеливания Т-2) с Государственного центрального полигона Минобороны была запущена баллистическая ракета Р-12, оснащенная вместо штатной боевой части ее весовым макетом в виде стальной плиты весом 500 кг. Цель запуска – проверка функционирования экспериментального комплекса средств ПРО (система «А»), Средствами системы «А» цель была обнаружена на дальности 1500 км после выхода ее над радиогоризонтом. По данным радиолокатора «Дунай-2» центральная вычислительная машина построила и непрерывно уточняла траекторию цели, выдавала указания цели радиолокаторам точного наведения, рассчитала и выдала на пусковые установки углы предстартовых разворотов, рассчитала момент пуска. По команде ЭВМ был произведен пуск противоракеты В-1000 с пусковой установки № 1. Полет противоракеты и наведение ее на цель проходили нормально, в соответствии с боевым алгоритмом. На высоте 25 км по команде с земли от ЭВМ был произведен подрыв осколочно-фугасной боевой части противоракеты, после чего по данным

кинофоторегистрации головная часть баллистической ракеты начала разваливаться на куски. Службами полигона ведутся поиски упавших на землю остатков головной части Р-12. Таким образом впервые в отечественной и мировой практике продемонстрировано поражение средствами ПРО головной части баллистической ракеты на траектории ее полета. Испытания системы «А» продолжаются по намеченной программе».

Двадцать дней потребовалось, чтобы найти разбросанные в степи остатки головной части баллистической ракеты, сбитой 4 марта 1961 года. Это были три обломка:

– искореженный остаток носовой части конуса, лишенный теплозащитной обмазки, со следами окалины, с рваными оплавленными краями;

– кольцевой шпангоут, тоже искореженный, служивший элементом жесткости конусного стального корпуса боеголовки;

– стальная плита – весовой имитатор (500 кг) штатной боевой части.

Всего в системе «А» было осуществлено 11 успешных перехватов баллистических ракет Р-12 и Р-5 с уничтожением их боеголовок неядерными противоракетами за счет кинетической энергии столкновения боеголовок с поражающими элементами противоракет, а также химической энергии взрыва тротиловой начинки, содержавшейся в каждом поражающем элементе. Такой способ поражения тем эффективнее, чем больше скорость сближения противоракеты с целью. То есть его проверка на ракетах-мишенях средней дальности гарантировала еще большую эффективность по межконтинентальным баллистическим ракетам.

В упомянутых выше одиннадцати перехватах головные части ракет-мишеней в трех пусках были снаряжены весовыми макетами боевых частей (как в пуске 4 марта); в остальных восьми пусках это были либо штатные боевые части с 500-килограммовыми фугасами, либо штатные конструкции ядерных боевых частей с нейтральными элементами вместо ядерного вещества. Во всех этих восьми пусках головные части полностью уничтожались на траекториях в результате взрывов собственных фугасов, инициированных попаданием в них поражающих элементов противоракет. От боеголовки в каждом таком пуске не оставалось ничего, кроме облака взрыва, причудливо расползающегося в небе вокруг точки перехвата.

В США параллельный системе «А» противоракетный комплекс «Найк-Зевс» отрабатывался в расчете на применение в противоракетах ядерных боезарядов. 19

июля 1962 года был осуществлен первый перехват баллистической ракеты противоракетой этого комплекса с фиксацией промаха, теоретически обеспечивающего поражение цели противоракетным ядерным зарядом. Первый перехват баллистической боеголовки с неядерным («кинетическим») ее поражением был осуществлен в США 10 июня 1984 года.

Однако первопроходцы ПРО хорошо понимали, что создание и успешные испытания системы «А» – это всего лишь первый шаг, хотя и основополагающий, на пути к решению наисложнейшей военно-технической проблемы 20-го столетия. И как бы разведкой к следующему шагу явилось изготовление и запуск пяти противоракет в специальной комплектации с целью отработки тепловых головок самонаведения и еще десять противоракет в других специальных комплектациях бортовой оптической и радиоаппаратуры.

По существу проблематики ПРО еще в 1953 году высказались маститые академики при обсуждении письма семи маршалов Советского Союза о необходимости приступить к разработке этой проблемы: «ПРО – это такая же глупость, как стрельба снарядом по снаряду». И под таким девизом находилось не мало охотников пострелять интриганскими снарядами разных калибров (не исключая и министерских) по «противоракетным глупцам». Поэтому очень нелегко шли дела по системе «А», не только из-за научно-технических трудностей. И даже работа системы «А» 4 марта 1961 года проходила совсем не так гладко, как можно подумать, прочитав приведенную выше шифровку на имя Н. С. Хрущева. Так уже повелось, что за победными реляциями всегда скрываются «невидимые миру слезы».

Но слезы, даже невидимые, не в характере первопроходцев ПРО. Совсем другое дело – инфарктные секунды:

Когда идут протяжки,
а по спине мурашки,
инфарктные секунды кувалдят и гудят.
Случались неудачи,
а как же нам иначе
ракетой научиться в ракету попадать?

Примечание. Протяжка – сигнал (команда) на включение лентопротяжных механизмов контрольно-регистрирующей аппаратуры, подаваемый примерно за 40 секунд до старта ракеты или противоракеты при полигонных испытаниях. Выдача

сигнала «Протяжка» сопровождается тремя фоническими сигналами в сети громкоговорящей связи, после которых выдается сигнал (команда) «Старт» – тоже дублируется фонически. Совокупность фонических сигналов «Протяжка – Старт» напоминает передаваемые по радио сигналы точного времени: три длинных и один короткий.

Все мы досыта наглотались таких секунд: и рядовые инженеры, и техники, и главные и генеральные конструкторы. Хотя, конечно же, среди первопроходцев никого нельзя назвать рядовым. Им всем, кому довелось самозабвенно вкалывать по зову отечества во имя его защиты от самого грозного оружия XX века, – всем им, моим незабвенным друзьям, с кем довелось делить и удачи и неудачи, я посвящаю эту книгу, а в ней – хорошо известную им песню:

Балхаш сверкает бирюзою,
струится небо синевой,
а над площадкою шестою
взметнулся факел огневой.
Не первый раз я вижу это,
но как волнуется душа,
когда летит антиракета
над диким брегом Балхаша!
А на холмах степного края,
как в сказке три богатыря,
площадки первая, вторая
и третья с главной говорят.
Знакомы мне «скорлупки» эти,
в которых вся моя душа:
ведь в их лучах летят ракеты
над диким брегом Балхаша.
Мне не забыть, как ранним мартом
в машине нашей цифровой
за три минуты перед стартом
произошел случайный сбой.
Но в тот же миг машину эту
мы вновь пустили, чуть дыша,
и все же сбили мы ракету

над диким брегом Балхаша.
Когда наступит час инфаркта
или другой случится сбой,
я вспомню день Четвертый марта
и красный вымпел над шестой.
Тот час я встречу песней этой,
а если смолкну, не дыша, –
прогрохочу антиракетой
над диким брегом Балхаша.

«Скорлупки» – сферические, диаметром около 30 метров, куполообразные радиопрозрачные укрытия антенн в радиолокаторах системы «А». Впоследствии нашли применение в аналогичных радиолокаторах, наземных и корабельных, предназначенных для слежения за космическими объектами.

В исполнении на мелодию «Дымилась роща под горою...» эта песня звучала как наказ от павших на безымянных высотах в Великой Отечественной: не допустить, чтобы в новом адском пожаре горели и дымились наши рощи, знакомые и незнакомые поселки. Ради этого по-фронтовому трудились и вчерашние фронтовики, и бывшие мальчишки и девчонки военной поры.

Надо было видеть радостные лица этих людей, когда они разглядывали упавшие на землю остатки сбитой головной части ракеты Р-12, выставленные на фанерных щитах у входа на главный командный пункт системы «А». До этого событие, свершившееся 4 марта 1961 года, воспринималось ими как нечто радостное, но незримо абстрактное, выраженное в сухих цифрах и графиках, которые надо было перелопатить при анализе работы средств системы в проведенном пуске и подготовке к очередному пуску. В технических протоколах по результатам проведенного пуска они ставили свои подписи под завершающей фразой: «Задачи пуска выполнены». Но в их сознании за этой фразой не было живого овеществленного образа. И только теперь, разглядывая выставленные на обозрение «железки», люди зримо осознавали результат своего первопроходческого труда. Но выражали свою радость и свою гордость чаще всего одним словом: «Здорово!» И всем было ясно, что здорово не только то, что была сбита баллистическая боеголовка, но и то, что произошло это, несмотря на останов боевой программы ЭВМ, случившийся за 145 секунд до подлета баллистической головки к точке ее перехвата противоракетой. И поэтому кто-нибудь уточнит: «Оно-

то здорово, но случись еще раз такое или похожее на то, что было в этом пуске, – и начнут выносить нас прямо с пультов с инфарктами». Но ему обязательно возразят: «Зачем выносить? Мы и своим ходом, если надо – даже ползком на бровях».

Пуск 4 марта и последовавшие затем другие успешные пуски противоракет по баллистическим ракетам создатели системы «А» восприняли без шапкозакидательской эйфории и зазнайства. В те далекие мартовские дни 1961 года они продолжали свое будничное дело, вдохновленные чувством глубокого морального удовлетворения от добротно сделанной работы, от успехов, выстраданных в творческих научных поисках, в самозабвенном труде в НИИ, в КБ, на заводах, в забытой Богом пустыне, без отпусков и выходных, сутками напролет без сна и отдыха. Но выражалось это чувство с «технарской» сдержанностью, с достоинством, с профессиональным пониманием того, что сделан лишь первый шаг в адски сложной проблематике ПРО. И с уверенностью в своих силах и способности пройти столько шагов, сколько потребуется на выбранном ими непроторенном пути.

Мы понимали, что впереди – не только новые проблемы и новые трудности, но и новые козни вчерашних скептиков.

Но что нам козни, коль без страха и сомненья
избрали сами мы нелегкий свой маршрут,
где нет ни легкого успеха, ни везенья,
а есть зато отчизной вдохновленный труд?
И все ж наивны были наши представленья,
что только от годов седеет голова,
что подлость можно отвратить щитом презренья,
что клевета, обман и зависть – трын-трава
и что косить ее не наше, дескать, дело –
сама собой засохнет в праведных лучах.
А ведь она посевы глушит так умело!
И не один полезный злак под ней зачах.

Нелегкая судьба выпала нашему злаку, проклюнувшемуся 4 марта 1961 года. Наша ракета, можно сказать, попадает в муху в космосе...

Н. С. Хрущев, «Правда», 18 июля 1962.

Глава первая

Щит зенитный над столицей
возводили мы не зря,
и моя в нем есть крупица,
откровенно говоря.

...Тот памятный для меня рабочий день в феврале 1952 года начался с телефонного звонка из Министерства оборонной промышленности. Звонил главный инженер 8-го главка, специально созданного для руководства серийным производством аппаратуры для станции наведения зенитных ракет Б-200, – Сергей Николаевич Савин. Я приготовился к тому, что он, как обычно, попросит кого-нибудь направить на такой-то завод для решения технических вопросов по настройке такого-то блока. Я пообещаю заняться этим делом лично, свяжусь с заводом, уточню подробности и по результатам уточнения направлю туда нужного специалиста. И на этот раз, поздоровавшись с Сергеем Николаевичем, я, не дожидаясь его вопроса, заявил, что, мол, готов выполнить любое задание 8-го главка, направить кого надо и куда надо для решения технических вопросов. Но Сергей Николаевич оказался явно не расположенным поддержать разговор в начатом мной полушутливом ключе. С подчеркнутой официальностью он настоятельно приглашал меня к себе по делу исключительной важности и срочности, которым лично занимается сам Устинов. Сергей Николаевич сказал мне:

– Ради этого дела вам надо отложить любые другие дела. И пригласить вас по этому делу мне приказал лично министр Дмитрий Федорович Устинов.

Через полчаса я был уже в министерском кабинете С. Н. Савина. Здороваясь со мной, он сделал мне предостерегающий знак молчания, приложив палец к губам, и молча, опасливо озираясь, протянул мне красновато-бордовую обложку из добротного картона, на которой была вытиснена надпись: «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА». Внутри обложки оказались три листа машинописного текста, озаглавленного следующим образом:
«ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ГЕНЕРАЛИССИМУСУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ
ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Не могу больше молчать о, мягко говоря, вредительских действиях руководителей разработки системы «Беркут» доктора технических наук Кисунько Григория Васильевича и кандидата технических наук Заксона Михаила Борисовича...». Далее в трех специальных разделах излагались «факты

вредительства». В левом верхнем углу – резолюция: «Тт. Рябикову, Устинову, Еляну. Разобраться и доложить. Л. Берия».

Прочитав весь текст кляузы и резолюцию, я, прежде всего, обратил внимание на то, что письмо, адресованное Сталину, попало прямо к Берия. Хорошо это или плохо? Скользнул взглядом по серым, с разрывами тучам, клубившимся в куске февральского неба, выхваченном оконным проемом министерского окна. На миг окно показалось маленьким и зарешеченным. Да, теперь я не только сын врага народа, раскулаченного в 1930 году и обезвреженного органами в 1938 году. Теперь я и сам враг народа и мне, может быть, уже намечено где-то помещение с таким окошком.

Эти мои размышления были прерваны Савиным, который протянул мне прошнурованный блокнот для секретных черновиков, в котором на первом листе было написано начало будущего ответа Д. Ф. Устинова на резолюцию Берия:
«Товарищу Берия Лаврентию Павловичу.
По Вашему поручению от ... 1952 года № ... докладываю...»

Далее листы блокнота были чистыми. Устинов распорядился, чтобы Савин предложил мне лично составить текст ответного письма с научно-технической аргументацией по пунктам обвинений во вредительстве, выдвинутых против меня и Заксона. Но при этом официально исполнителем документа должен считаться Савин. А ведь министр запросто мог отписаться в том смысле, что мы, мол, чистые производственники, работаем по технической документации КБ-1, подчиненного Третьему Главному управлению при Совмине СССР, и поэтому не компетентны судить о научно-технической деятельности специалистов КБ-1. И пусть бы разбирались в этом деле начальник ТГУ (Третье Главное управление) Рябиков и начальник КБ-1 Елян.

Много листов было исписано и зачеркнуто, прежде чем я вернул Савину блокнот с окончательным чистовым вариантом текста. Савин тут же вызвал секретчика, приказал срочно отпечатать документ в машбюро, а меня попросил подождать, чтобы лично проверить машинописный текст. Все это было сделано очень быстро, и Савин, прощаясь со мной, сказал, что письмо Устинова будет сегодня же с нарочным доставлено Берия с пометкой «Серия К», что означает «вручить лично».

После этого я вернулся к своим обычным делам, но где-то в глубине сознания не унималась тревога от того, что существуют еще два экземпляра злополучной кляузы с резолюцией Берия, адресованные Рябикову и Еляну. Смутная тревога

стала явной, когда ко мне заявился майор госбезопасности, формально числившийся замначальника комплексного отдела по разработке системы «Беркут». В КБ-1 существовала целая команда таких офицеров во главе с Г. Я. Кутеповым – первым замом начальника КБ-1. Один из них был одновременно и начальником конструкторского отдела № 32, состоявшего в основном из заключенных, и начальником спецтюрьмы, в которой содержался этот «спецконтингент».

– Григорий Васильевич, – начал майор, – некоторых наших специалистов беспокоит ряд вопросов, касающихся работ на антенном заводе.

– Какие именно вопросы беспокоят ваших специалистов?

Подглядывая в тетрадь, майор начал путано излагать содержание уже известной мне кляузы.

– А теперь я готов выслушать ваше мнение по этим вопросам, – закончил майор, изготовившись к записям в тетрадь.

– Все эти вопросы специальные, из антенной техники, и вы не смогли их правильно воспроизвести даже из четко изложенного оригинала. Это и понятно: ведь вы не специалист в данной области. Значит, и мои объяснения запишете неточно в эту тетрадь, кому-то неточно доложите, и эти неточности могут обернуться для меня непредсказуемыми последствиями. Поэтому я бы предпочел напрямую поработать с тем самым письмом, в котором против меня выдвинуты перечисленные вами обвинения. Да, именно обвинения, а не безобидные «вопросы некоторых специалистов».

– Не понимаю, о каком письме вы говорите?

– О том самом, в котором меня оклеветали перед ЦК КПСС, и я вправе лично ознакомиться с возведенной на меня кляузой и ответить на нее тоже лично, а не через вашу тетрадь. Вот тогда, если по моим письменным объяснениям возникнут вопросы у «некоторых ваших специалистов», мы и продолжим наш разговор.

На следующий день такой же разговор состоялся с другим майором госбезопасности. Выходит, что в КБ-1 кто-то решил пустить расследование кляузы о вредительстве не по линии специалистов, а через офицеров госбезопасности. Кто же? Если оба офицера говорили со мной по поручению зам. главного конструктора, в подчинении которого находится их отдел, то почему он не сделал это сам? С ним все же можно было говорить на языке техники.

Не менее странные петляния вокруг меня в связи с «вредительским делом»

были затеяны в ТГУ. По поручению главного инженера ТГУ В. Д. Калмыкова его заместитель и начальник технического отдела, скрывая от меня наличие письма с резолюцией Л. П. Берия, пытались провести надо мной процедуру скрытого допроса точно в таком же стиле, как госбезопасники в КБ-1. В ответ я потребовал показать мне письмо с тем, чтобы письменно дать разъяснения на выдвинутые против меня обвинения, но они сделали вид, что письмо не существует, и на этом наш разговор закончился, можно сказать, вничью. Если, конечно, не считать того, что все это усилило не покидавшее меня чувство тревоги и страха от мысли о том, что, может быть, этой кухней управляет кто-нибудь прямо с Лубянки, а Рябиков, Елян и главные конструкторы об этом даже не знают.

В моем воображении снова возникал образ маленького зарешеченного оконца, как тогда в министерстве у Савина. А может быть, мне и Заксону повезет и нас просто переведут в спецконтингент 32-го отдела? Теряясь в подобных догадках, мог ли я предположить, что донос об «антенном вредительстве» обрастет новыми «фактами», которыми Берия займется лично?

К Берия меня вызвали в конце февраля 1953 года с полигона Капустин Яр, как выяснилось, уже по другому навету.

Чтобы вылететь в Москву, мне пришлось добираться до аэродрома Гумрак на вездесущем По-2, который прочно прижился на полигоне с тех пор, как С. А. Лавочкин проводил здесь автономные испытания зенитной ракеты В-300 для «Беркута». На этом самолетике пилот Щепочкин раньше любого полигонного летчика-поисковика ухитрялся находить упавшие остатки ракеты, обозначить места падения приметными знаками, прихватить наиболее важные узелки ракеты и ее аппаратуры, доставить их лично своему генеральному конструктору. Сейчас Щепочкин продолжал выручать полигон и «почтовые ящики» тем, что мог слетать куда надо в любое время и в любую погоду. В день моего вылета он подрулил на своем обутом в лыжи По-2 прямо к проходной площадки Б-200, – и вот мы уже как на такси мчимся над сверкающей снежными искрами степью, над дорогой, проложенной грейдером прямо по заснеженной целине. Сейчас, когда над ней уже поработали февральские вьюги, дорога превратилась в плотный снежный бугор, лентой вьющийся по степи, и если снова пускать грейдер, то лучше всего рядом со старой дорогой. Так за зиму здесь появилось рядом несколько заваленных снегом не проходимых ни для какого транспорта бывших дорог, и лишь когда сойдет снег, разберутся водители, где настоящая дорога.

Когда грейдерный «плужок» пропашет в снегу дорогу – радость не только людям с площадок, которые могут теперь добраться в поселок Капустин Яр, где есть баня и буфет, где никто не имеет понятия о полигонном сухом законе. Радость наступает и для степных зайцев, когда раздается стрекот трактора, вышедшего в степь с грейдером. Дошлые зверюшки знают, что после этого большого, только на вид страшного грохотуна останется широченная полоса свободной от снежного покрова целинной травки. Правда, заячье пиршество на травке иногда прерывается темно-зеленоватыми, тарахтящими как трактор коробками, которые быстро проносятся по травке, оставляя за собой противно пахнущие струйки теплого воздуха. Ночью они на бешеной скорости гонят впереди себя по снегу, словно огромного зайца, пятно слепящего света, и тогда бывалый заяц знает, что нужно поскорее убегать в сторону и от дороги и от света, притаиться за снеговой кочкой и переждать. А зазеваешься – выдвинутся из темно-зеленых коробок отвратительно блестящие черно-синие палки с дырками на концах и начнут изрыгать из своих дырок огонь, грохот и заячью смерть.

Но вот По-2 свернул от заброшенной людьми и зайцами дорожной трассы, и я невольно залюбовался наплывавшей под крыло бескрайней снеговой равниной и бегущей по ней внизу впереди самолета полукружной дугой беспорядочно вспыхивающих и потухающих искр, словно бы взбиваемых на снегу падающими на него лучами. Вспомнил запорожскую степь, край моего детства. Там куда ни глянь – видно, что степь и вдалеке не кончается, а закрывается каким-нибудь бугром, разделяющим две речки или степные балки. И хочется выйти на этот бугор и посмотреть – что за ним скрывается, и так бы идти и идти, и очень любопытно – куда бы пришел? А здесь ничто ничем не закрывается, вся степь – ровная, как доска, куда ни глянь – везде одинаковая, без конца и края.

Самолет идет низко, но не видно даже одиночных былинок прошлогодней травы, пробивающихся из-под снега. Значит, хорошо поработали здесь зайцы, и теперь они промышляют кормом где-то в других местах. Степь безжизненна. Но тут же в опровержение этой мысли я увидел почти по курсу самолета рыжую лису, лениво трусившую по снегу. Говорить в грохоте самолетного двигателя было бесполезно, но я и без слов понял и огонек азарта в глазах Щепочкина, и его кивок в сторону лисы и циферблата часов. Дескать, время у нас еще есть, можно погоняться за лисой. Лиса, заметив самолет, когда Щепочкин довернул его в ее сторону, ускорила бег и что есть мочи пустилась наутек. Она шла по прямой,

самолет за ней, и было видно, что зверек выбивается из сил. Потом лиса в изнеможении села на снег, повернувшись злобно оскаленной мордочкой в сторону надвигающейся опасности. Все ее тельце дергалось от частого дыхания, рот был широко открыт и пенился слюной, а язык свисал, как у собаки, томящейся от жары. Но при этом вся поза лисы продолжала оставаться воинственной, и зверек даже угрожающе поднял в сторону самолета полусогнутую переднюю лапку. Когда же самолет прошел над лисой, она, как бы расслабившись, распушила хвост на снегу, некоторое время поворотом головы следила за удалявшимся самолетом. Потом, словно бы вдогонку за ним, снова ленивой трусцой побежала по снежному насту, готовая и убежать от опасности, и, если надо, встретить ее лицом к лицу, даже при чудовищно неравных силах.

Когда подлетали к гражданскому аэродрому, я увидел, как из маленького домика, служившего аэровокзалом, вышли и направились для посадки в Ли-2 пассажиры. Но наш самолет прошел мимо: оказывается, нам посадка назначена на военном аэродроме. Значит, на Ли-2 я не успею. Вот и погонялись за лисой. Что скажет Берия, когда узнает, – а узнает обязательно, – из-за чего вызванный им Кисунько опоздал на самолет? Вспомнив, что при отправке с полигона Калмыкова и Расплетина были задействованы и дрезина, и обкомовские машины к паромной переправе, я подумал, что на аэродром, вероятно, тоже были даны команды от спецслужб об отправке меня в Москву. Возможно, органы уже засекли наш По-2 и московский Ли-2 будет ждать, пока меня доставят с военного аэродрома на гражданский. Но на военном аэродроме, оказавшемся пустым заснеженным полем с единственным запертым на замок домиком, меня никто не ждал.

Теперь надо быстрее добраться до гражданского аэродрома. Это примерно в двух километрах от места стоянки военных самолетов, куда меня доставил Щепочкин. Но добираться надо по колено в снегу. Распахнув шинель, чтоб не мешала, побежал туда, где уже ревел моторами Ли-2. Но глубоко в снегу застревали и сползали с ног галоши. Пришлось взять их в руки. Когда до Ли-2 оставалось каких-нибудь двести метров, резко усилился рев его двигателей и я увидел, что он двинулся по дорожке и пошел на взлет. Я ускорил бег и начал усиленно размахивать руками; в одной руке был портфель, а в другой галоши. Добежал до места, где только что стоял Ли-2, и продолжал тем же способом подавать знаки уже взлетевшему самолету. Потом зашел в домик, служивший аэровокзалом на этом полностью уничтоженном войной аэродроме. В кассе узнал, что улетевший самолет

ушел на Москву, а следующий самолет на Москву пойдет грузовым рейсом через полтора часа. «Но вам, если желаете, я могу продать билет на этот рейс», – сказала мне кассирша.

Взяв билет, я почувствовал сильный озноб. Бег по колено в снегу в пижонских штиблетах, надетых на летние носки, – все равно что босиком. Запыхавшийся, разгоряченный от бега, наглотавшись холодного воздуха, я теперь почувствовал сильную боль в горле, мне было трудно дышать, до шепота сел голос. Согреться бы чем-нибудь в буфете, но окошко буфета было закрыто, и мне остается ждать в неотапливаемом сборном домике, где так же холодно, как и снаружи, – разве что без ветра.

Г рузовой рейс в 17.00 московского времени выполнял Ли-2, оборудованный в пассажирском варианте, но весь его салон с креслами был завален тюками, опечатанными сургучом или пломбами. Я вольготно примостился возле тюков, которые помягче, и уснул. Разбудил меня в Воронеже кто-то из экипажа, пригласил пройти в аэровокзал, чтобы согреться, пока будут дозаправлять самолет.

В буфете аэровокзала, – может быть, потому что дело шло к ночи, – не было ничего горячего. Только вода и фрукты. Такими фруктами однажды угощал Еляна и меня начальник Первого ГУ при Совмине Б. Л. Ванников.

– Такого угощения в вашем ТГУ не дождетесь. Это грейпфруты, импорт. Так что вы давайте, не стесняйтесь, – говорил он.

Но Елян ему возразил, сказал, что это такой сорт апельсинов. Это были ароматные, сочные плоды с темно-красноватыми прожилками в мякоти под оранжево-крапчатой кожурой. Сейчас я взял в буфете полдесятка этих фруктов вместе с двумя по сто пятьдесят водки в стаканах, насыпал в стаканы соли и перцу, хорошо все это размешал и выпил одним махом под «грей-апельсиновую» закуску: своего рода шоковая бомба против «свеженькой» простуды. А когда с экипажем зашел в самолет и снова завалился спать среди тюков, то уже не слышал и как взлетел наш Ли-2, и как он сел в Быково, где меня ждала «Победа», высланная Еляном. Оказывается, Амо Сергеевич точно знал, каким рейсом и куда я должен прилететь. Добравшись глубокой ночью домой, я позвонил дежурному по предприятию, но трубку, к моему удивлению, взял Елян. Поздоровавшись, он сказал:

– Завтра, а вернее уже сегодня, в девять ноль-ноль увидимся у Василия Михайловича Рябикова. А пока отдыхайте, до свидания.

В кабинете Рябикова, куда я явился в назначенное время, за длинным столом сидели и рассматривали какой-то документ, передавая друг другу машинописные листочки, Калмыков, Елян, Щукин, Куксенко, Расплетин, представитель от Устинова – С. Н. Савин. Я присоединился к Савину, у которого был отдельный экземпляр документа, а точнее, сразу двух документов: технического протокола и докладной записки на имя Л. П. Берия с изложением сути решения, оформленного в протоколе. Суть же этого решения заключалась в том, чтобы антенны, изготовленные заводами с отступлениями от ТУ, зафиксированными военной приемкой, принять и отгрузить для монтажа на местах их будущей эксплуатации, а заводам засчитать выполнение плана. Мне не по душе была половинчатость такого решения: антенны с изъянцем, но на монтаж пока можно допустить, а там, может быть, еще придется их дорабатывать или заменять? Оставался открытым и вопрос о том, будут ли в дальнейшем приниматься другие антенны с такими же отступлениями от ТУ. Лучше бы прямо скорректировть ТУ, и тогда приемка антенн пошла бы нормальным порядком, без подписей высоких начальников. Но кому-то, видно, выгодно держать антенщиков в заложниках, чтобы в любой момент можно было сказать, что станции работают плохо из-за плохих антенн, и начать на объектах такой же крутеж, как сейчас на полигоне. Я понимал весь этот подвох, но был убежден, что антенны рано или поздно будут реабилитированы. И эта уверенность подкреплялась имеющимися у меня двумя техническими протоколами, подтверждающими, что корректировка ТУ не повлияет на качество работы антенн в составе станций. Правда, меня настораживало, что Калмыков и Расплетин устроились немного в стороне от остальных и обсуждали отдельные места текста, уже не раз ими перечитываемого.

В кабинет вошел Рябиков, поздоровался со всеми сразу, сел во главе стола, спросил:

– Все ознакомились с документами? Есть замечания? Или будем подписывать? – Он обвел всех взглядом, в конце задержав его на сидевших особняком Калмыкове и Расплетине.

– Можно подписывать, – как бы за всех ответил Куксенко.

– Наш министр Дмитрий Федорович Устинов согласен подписать эти документы, – сказал Савин.

– Тогда прошу приступить. Не забудьте, товарищи, – все четыре экземпляра.

Когда все подписи были поставлены, Рябиков сказал:

– На этом закончим. Сегодня в двадцать два ноль-ноль всем быть у Лаврентия

Павловича.

До этого вызова к Берия я ни разу не был в Кремле, не знал, с какой стороны и через какие ворота туда можно попасть, а тем более как пройти к Берия. Чтобы навести справки по этому вопросу, я позвонил Павлу Николаевичу Куксенко, а он вместо ответа просто предложил поехать вместе, в его ЗИМе. Ехали молча. У Павла Николаевича был постоянный пропуск в Кремль, но и мне не пришлось выписывать пропуск: везде на постах были списки, по которым солдаты, проверив документы и взглянув на часы, пропускали участников назначенного у Берия сбора. С любопытством новичка я рассматривал и Кремлевскую стену изнутри, и здания за нею, вдоль которых пришлось проходить к угловому подъезду здания Совмина. Гардероб, вестибюль, два полукружных лестничных марша, ведущих на второй этаж, мягкие ковры, от которых скрадываются шаги в коридоре. Где-то здесь много раз проходил Ленин, наверное, недалеко кабинет Сталина. Здесь на каждом шагу, каждая пядь – живая история. Здесь вершатся чохом судьбы миллионов людей от одного лишь слова, сказанного устно или написанного в виде резолюции в левом верхнем уголке какой-нибудь бумаги. Судьбы таких, как я и мой отец, министров и полководцев.

И странное дело – я не ощущал никакого чувства приподнятости, торжественности, какое, кажется, должен был испытывать, ступая впервые по кремлевской земле, по коридорам с дверями, на которых начертаны звучные имена соратников Сталина. Вместо этого у меня было тягостное ощущение какой-то неотвратимой беды, неприметно витавшей вокруг и подталкивавшей меня к дубовой двери с блестящей металлической пластинкой, на которой выгравированы имя, отчество и фамилия того, кто вызвал нас к 22.00. Пластинка выглядела почти по-домашнему и напомнила мне оставшиеся от петербургских традиций надписи, которые мне довелось видеть в Ленинграде на дверях квартир профессоров, доцентов, врачей. Да, скорее, именно врачей, потому что в приемной, куда мы зашли с Павлом Николаевичем, уже ждали приема посетители, вид которых – даже у самого Рябикова и Устинова – был как у тяжелобольных, знающих о своей обреченности, или как у родственников обреченных больных. Ждали вызова в кабинет Хозяина молча, а с входящими товарищами здоровались кивками или в крайнем случае шепотом.

Точно в 22.00 дверь из кабинета Берия открыл его помощник Сергей Михайлович Владимирский. На его лице промелькнула гримаса, которую следовало

понимать как улыбку, входящую в трафарет любезности, выработанный для посетителей, приглашаемых в кабинет Хозяина.

Кабинет Берия напоминал небольшой зрительный зал с возвышением в виде сцены, на которой громоздился огромный письменный стол Хозяина, уставленный телефонными аппаратами. Всю длину зрительного зала, исключая промежутки у «сцены» и входной двери, занимал широченный стол с приставленными к нему кожаными креслами. Когда все вошедшие расселись за этим столом, я успел подумать, что такая его ширина и расстановка кресел вроде бы рассчитаны на то, чтобы никто из «зрителей» не смог передать что-либо ни на противоположную сторону стола, ни соседу справа или слева.

Берия буквально возник на «сцене» из неприметной боковой двери, будто пройдя сквозь стену, под которую была замаскирована дверь. Мы все встали, а он сказал: «Садитесь». Я обратил внимание и на его кавказский акцент, и на великолепный, с иголочки костюм из мягкой темной ткани, на белоснежную рубашку с изысканно повязанным галстуком в вырезе однобортного пиджака и еще на то, что у Берия безобразно огромный живот, который не скрадывался даже хитроумным покроем костюма. Лысая голова и плечи неестественно откинуты назад, как противовес животу, удерживающий его хозяина в вертикальном положении. Вместе с тем при свете ярких люстр блики от пенсне или, может быть, очков с очень тонкой оправой казались лучами той сатанинской силы, благодаря которой этот всемогущий человек видит всех и все насквозь.

Берия сел за свой стол как раз напротив длинного широченного стола, за которым сидели прибывшие по его вызову люди. Восседая над ними, он обвел их взглядом, будто пересчитывая всех и просвечивая каждого. Начал с правого дальнего конца, где с выражением прилежных учеников сидели Калмыков и Расплетин, потом, перескочив через пустой стул, скользнул по лицам Щукина, Устинова, Рябикова. Слева ближе всех к Берия сидел его помощник – тот самый, который пригласил всех в кабинет. Он сидел напротив Рябикова, далее через один стул – Елян, за ним рядом сидел я, а через один стул от меня – главный конструктор Куксенко, оказавшийся крайним по левой стороне стола. Мне показалось, что Берия «просвечивал» меня дольше других, и я старался не мигая выдержать эту процедуру.

– Сначала ознакомимся с одним докумэнтом, – начал Берия, поднявшись с кресла и взяв со стола папку. – Я его вам сейчас прочитаю: «Дорогой Лаврентий

Павлович! Докладываем Вам, что пуски зенитных ракет системы «Беркут» по реальным целям не могут быть начаты из-за того, что поставленные на полигон заводом № 92 антенны оказались некачественными. Завод отнесся к своей работе безответственно, допустил грубейшие отступления от утвержденных технических условий, а представитель КБ-1 Заксон самовольно разрешил отгрузку антенн с этими отступлениями. Просим Ваших указаний. Калмыков, Расплетин».

– Кто писал эту шифровку? – спросил Берия.

– Мы, Лаврентий Павлович, – поднявшись по-военному, ответили Калмыков и Расплетин. – Мы вдвоем.

– Как это вдвоем? Кто держал ручку?

– Текст обсуждали вдвоем, а в блокнот вписывал я своей авторучкой, – пояснил Калмыков.

Я понял, что зачитанная шифровка была неожиданностью не только для меня, но и для всех остальных присутствующих, кроме, конечно, помощника Берия. Вот чем, оказывается, занимались авторы шифровки втайне от меня и Заксона на полигоне. Они, конечно, знали, что у Берия в сейфе уже лежит кляуза на двух антенщиков-вредителей, что все документы по приемке антенн Заксон подписывал с моего ведома. Значит, явно рассчитывали, что их шифровка сработает как хороший довесочек к той кляузе, как бензин, вылитый на тлеющие угли. Страшно работать с такими людьми. В их действиях угадывается и холодный жестокий расчет, и опыт, и кто знает, какими делами на их совести легли тридцатые и последующие годы.

– А тэпер прочитаем еще один докумэнт, – продолжал Берия. – «Дорогой Лаврентий Павлович! Докладываем Вам, что антенны А-11 и А-12, изготовленные серийными заводами с отступлениями от ТУ, зафиксированными военной приемкой, согласно принятому нами решению отгружаются для монтажа на боевые объекты системы «Беркут». Рябиков, Устинов, Калмыков, Щукин, Куксенко, Расплетин, Кисунько».

– Какому докумэнту прикажетэ вэрить? – спросил Берия. – На полигоне антенны негодные, а для боевых объектов такие жэ антенны оказываются годными? Объяснитэ мне этот парадокс, товарищ Рябиков!

– Лаврентий Павлович, по-видимому, товарищи Калмыков и Расплетин погорячились и, ни с кем не советуясь, поторопились с шифровкой. Мы посоветовались с главными конструкторами и считаем, что антенны годные, – ответил Рябиков.

– А может быть, они не погорячились, а на них в Москве надавили и заставили подписать этот другой докумэнт об отгрузке антенн на объекты? А оттуда куда будем отгружать? На свалку? Мэншэвистские штучки! И ротозейство! Да, всеми вами, ротозеями, крутит, как ему захочется, какой-то Изаксон, и притом совершенно бесконтрольно обводит вокруг пальца даже вас, академик Щукин! Сыдытэ! – поморщившись, кинул вскочившему с места Щукину.

– Кто нэпосрэдствэнный начальник этого Изаксона? – зловеще приглушенным голосом спросил Берия.

– Я, Лаврентий Павлович. Моя фамилия Кисунько. Все отступления от ТУ Заксон разрешил с моего личного согласия...

– Обратите внимание, Лаврентий Павлович, – вмешался помощник Берия. – Кисунько соглашается со всем, что бы ни предлагал Заксон. А вот у нас есть точные данные, что он игнорирует дельные предложения других специалистов, например, техников и лаборантов... – помощник запнулся, разыскивая бумажку с фамилиями игнорируемых мною техников и лаборантов.

Пользуясь заминкой, я торопливо, чтобы снова не перебили, выпалил:

– Антенны с такими параметрами вполне годные. Это подтверждено специальными испытаниями на обоих полигонах. Протоколы испытаний мною представлены главным конструкторам.

– Я полностью согласен с товарищем Кисунько, – сказал главный конструктор Куксенко.

Теперь Берия уставился в сторону авторов шифровки. Поморщившись, спросил у Расплетина:

– Почему у вас такое лицо? Красное какое-то. Вы нэ пьяны?

– Никак нет, Лаврентий Павлович. Такой цвет лица у меня с детства.

– Смотрите у меня. Я вам покажу... с детства...

После паузы Берия подытожил:

– Я убедился, что дело здесь не простое. Надо разобраться специальной комиссии. Рябиков, Устинов, Елян, Куксенко.

– И Щукин, – добавил Рябиков.

– Хорошо... Но постоянно помните о бдительности. Многому нас учит история с врачами-вредителями... Результаты работы комиссии доложить мне шестого марта, в понедельник.

При этом Берия сделал пометку на настольном перекидном календаре.

Слова Берия насчет врачей-вредителей при постановке задачи для комиссии опять вызвали у меня чувство обреченности, несмотря на реабилитирующую меня и Заксона реплику Куксенко. Похоже, что у Берия еще до совещания сформировалось мнение по этому делу, подготовленное спецслужбами. Да и помощник в том же духе заранее надергал «факты» с техниками и лаборантами. Но, с другой стороны, реплика Куксенко, подразумеваемая как мнение обоих главных конструкторов, то есть и Куксенко, и Берия-младшего, не сулит ничего хорошего и авторам шифровки. Никто не мог предугадать, куда повернет колесо фортуны.

И еще подумалось мне, что все мы у Берия под надежным колпаком, если он с такой точностью подкинул намек Расплетину насчет цвета лица. Точно сработали бериевские стукачи насчет феноменальной непросыхаемости Александра Андреевича!

Все, кто были на «совещании» у Берия, прямо из Кремля проследовали в ТГУ и собрались в кабинете Рябикова. Сюда же прибыли начальник военной приемки ТГУ полковник Червяков и главный инженер спецглавка Миноборонпрома С. Н. Савин по вызовам Рябикова и Устинова. Было уже за полночь. Рябиков, уставший, с кругами под глазами, снял пиджак, расстегнул ворот рубашки, ослабил галстук, приложился к стакану с боржоми, поставил стул почти на середину кабинета, сел на него верхом, руки как плети опустил на спинку стула. Потом вскинул голову и, вытянув вперед правую руку, зло, по-площадному выругался, глядя в сторону Калмыкова и Расплетина:

– Так что же!.. Почему бы нам не посадить парочку антенных вредителей и благополучно покончить с этим делом? Так сказать, концы в воду?

После паузы Устинов предложил:

– Давай так: на завод отправим сначала малую комиссию. От тебя – председатель, от меня – Савин, от КБ-1...

– Кисунько, – предложил Куксенко.

– Хорошо, а от ТГУ поедет Червяков. Можете прямо сейчас, Николай Федорович? – спросил Рябиков у Червякова.

– Как штык, Василий Михайлович, – ответил полковник. – Одному или с кем прикажете? В машине места хватит.

– А вот возьмите за компанию Григория Васильевича, – сказал Елян. – Вы как, Григорий Васильевич?

– Я тоже как штык.

– А мне, Дмитрий Федорович, разрешите выехать завтра поездом, – сказал Савин, обращаясь к Устинову.

Устинов согласился, и я понял, что Савин, пока мы будем в дороге, постарается объяснить заводчанам, как вести себя с нашей комиссией.

Около двух часов ночи, заехав по домам за личными дорожными вещами, мы с Червяковым в «Победе» направились на «дальний» антенный завод. Там нас вечером встретил директор завода и отвез на своей машине на бывшую квартиру Еляна, где был накрыт стол со всем необходимым к стерляжьей ухе. А уха тоже дымилась на кухне, и уже готовы были занять свои места на сковородке стерлядки, приготовленные для жарки. Пока мы приводили себя в порядок после дороги, прибыли главный инженер завода, секретарь парткома и председатель завкома.

Первый тост произнес директор завода:

– Сегодня двадцать третье февраля, и мы рады приветствовать у себя инженер-полковника Червякова Николая Федоровича и подполковника Кисунько Григория Васильевича по случаю дня Советской Армии. Но пусть они не думают, что мы подлаживаемся к ним как к комиссии. У нас чиста рабочая совесть, и нам не страшны никакие комиссии. За Советскую Армию!

Потом были тосты с обеих сторон за завод, за КБ, персонально за присутствовавших. Но заводчане долго не задержались и оставили гостей отдыхать.

Работа «малой» комиссии началась утром следующего дня с прибытием представителя министерства Савина и вызванного с полигона Заксона. Червяков сразу же задал работе следовательский тон и быстро настроил заводчан и Заксона друг против друга. Поднимались первичные документы по пустяковым вопросам, которые в производстве положено решать заводским технологам и конструкторам самостоятельно. Было ясно, что Червяков просто решил на всякий случай понадергать и подстелить соломку в виде фактов самовольства завода и Заксона без ведома военпредов, – вплоть до выбора цвета лакокрасочных покрытий на внешних поверхностях волноводов. В этих вопросах, в которых копался дотошный военпред, заводчане начали все валить на Заксона, а Заксон в свою очередь – на заводчан, получилось глупое препирательство по вопросам, не стоящим выеденного яйца.

Я попытался вернуть Червякова к главному вопросу – об амплитудной разноканальности, по которой высказаны претензии к антеннам, но он заявил, что этот вопрос ясен как Божий день: антенны не удовлетворяют ТУ – значит,

некачественные.

– А разрешение Заксона – извините! – даже лично ваше, Григорий Васильевич, для военпреда не имеет никакой силы. Для нас закон – подпись главного конструктора или его зама на чертежах и на ТУ. Всякие же эксперименты, технические протоколы – все это ваше внутрикабэвское дело.

Сбить Червякова с заскорузлого трафарета военпредского мышления оказалось делом безнадежным, и я решил для доклада перед комиссией Рябикова подготовить справку о проведенных в Кратове и в Капъяре экспериментах и их результатах, доказывающих, что претензии Калмыкова и Расплетина к качеству антенн необоснованны. Кстати, чтобы убедиться в этом, не надо было выезжать на завод ни малой, ни большой комиссии. Вопрос сугубо не заводской...

В день, когда мы вернулись в Москву, печать и радио объявили о болезни Сталина. В воскресенье Сталин умер. А в понедельник – день, назначенный Берия для доклада ему материалов комиссии Рябикова, – Василию Михайловичу по кремлевке вместо Берия ответил его помощник: «Ваш доклад откладывается до особого указания».

Во вторник, 7 марта, прибыв на подмосковный антенный завод, я был удивлен тем, что прямо в бюро пропусков, загораживая доступ к окошку, валялся какой-то пьяный в стеганой ватной спецовке и всячески поносил Сталина, и не только Сталина, нецензурно ругался.

– Вызвали бы милицию или сами выпроводили это го хулигана, – сказал я начальнику заводской охраны, на что тот ответил:

– Мы охраняем завод от проникновения посторонних лиц, а этот лежит вне режимной территории завода, поэтому ни он сам, ни его пьяная болтовня нас не касаются.

Вернувшись домой поздно вечером, я увидел у себя неожиданного гостя – дядю Захара из Мариуполя, слесаря-электросварщика.

– Что, племяшок, – удивляешься, что нежданный гость?

– Тут удивляться некогда, надо быстрее бежать за выпивкой, пока не закрылись магазины. Ты погоди, я мигом, как тот раз.

«Тот раз» был два года назад, когда дядя тоже приехал поздно, и я побежал в гастроном за пять минут до закрытия. В магазине водки не оказалось, и продавщица предложила:

– Товарищ подполковник, если очень нужно, – разоритесь на коньяк.

Посмотрите, какие красивые бутылки.

Разглядывая полку с красивыми бутылками, я отметил про себя: раз рыжее – значит, вино, что-нибудь слабенькое для дам.

– Хорошо, дайте мне две бутылки этого легкого дамского напитка.

– Вы правы, даму угостить таким напитком тоже не стыдно, – игриво заметила продавщица.

Дома дядя, взглянув на бутылки, поморщился:

– Слабовата пошла профессура, даже с рабочим человеком не может отважиться на рюмку водки. Ну, зачем нам эта дамская бурда?

– Извини, но уже поздно, покрепче ничего не было. Зато у нас этой бурды по бутылке на брата. Жахнем стаканами – и порядок. А завтра будет день – будет и водка.

После первого выпитого залпом стакана коньяку дядя открыл рот, заглатывая воздух, закашлялся, с укоризной, сквозь выступившие слезы, посмотрел на меня:

– Шутки шутишь над дядькой? Спирту подмешал?

– Да нет же, вот сургуч, печать, посмотри на нераспечатанную бутылку. Проверь этикетку: «Коньяк юбилейный». Даже без градусов.

Дядя, повертев бутылку в руках, расхохотался и спрятал ее в чемодан.

– Похоже, что нам хватит и одной бутылки, а эту я беру с собой и вот так же, как ты меня, подурачу легким напитком других твоих дядьков. А то, может, подкинешь для них еще пару бутылочек?

На этот раз я тоже принес бутылку коньяку, закуску, расположился с дядей на кухне, спросил:

– Ну, как там у вас? Надолго к нам?

– У нас – как и у вас. А здесь я вроде бы уже справил свои дела. Завтра – на поезд и домой. Приезжал посмотреть на мертвого вождя. Давка была невообразимая. Но я все же прорвался.

– Зачем было так спешить? Приехал бы позднее, увидел в Мавзолее.

– Уж очень мне хотелось поскорее увидеть этого изверга в гробу. Да, племяшок, теперь это можно говорить. Пока что беспартийным, как я. Но придет время, и об этом будут говорить все. Ты думаешь – я один был такой в этой давке? Его ненавидел весь народ, кроме разве что подлецов и дурачков. Его ненавидели, но молчали, боялись и даже делали одураченный вид, – потому что были задавлены энкавэдэшниками. Учти, что теперь все пойдет по-другому. И еще тебе мой совет:

ты там где-то близко по работе с Берия и его сыном, – старайся держаться от них подальше и вообще будь поаккуратнее.

– Ладно, дядя, поживем – увидим, а пока что давай выпьем за встречу и за то, что послужило поводом для этой встречи.

– И еще за то, что теперь все пойдет по-другому и то старое никогда не вернется. И за светлую память загубленных извергом людей, – таких, как твой батько. Это их, а не отдавшего концы тирана оплакивали люди, проходя в Колонном зале мимо его гроба. Конечно, не все, но я уверен, что большинство.

Мы чокнулись стаканами, я слушал дядю, почему-то вспомнил работягу – так ли уж пьяного? – у проходной антенного завода, а сам думал о том, что Берия никуда не делся, что кляуза на имя Сталина о вредительстве и шифровка с полигона лежат у него в сейфе, и от этого никуда не уйдешь.

– И еще скажу тебе, племяшок, по секрету: за твоего отца один поганец-стукач с помощью двух твоих дядей очень даже нечаянно и надежно угодил под колеса поезда... Нечаянно!

Поистине непостижима тайна того священного чувства, которое с неодолимой силой тянет человека к земле его детства и юности. Даже такого детства, какое выпало мне с клеймом сына и внука кулака, и моей студенческой юности, прошедшей под страхом разоблачения и исключения из института как классово чуждого элемента, в годы величайшей беды, унесшей моего отца.

Почему же я, несмотря на это, с теплым сыновним чувством, а не как злую мачеху вспоминаю землю моего детства и юности? Не потому ли, что в ее недрах, зарытый в расстрельном котловане, покоится, – нет, не покоится, а взывает к живым! – прах безвинно убиенного отца моего? Вот она, пушкинская «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»!

...Сейчас, когда я пишу эти строки, мне вспоминается теплый тихий летний день 1972 года. Широкая привольная запорожская степь. Здесь на берегу небольшой, но быстрой речушки – село Бельманка и в нем – дедовская хата-мазанка под соломенной крышей, в которой родились и мой отец, и пятеро его братьев, две сестры. И я еду с мариупольскими родичами на небольшом автобусе из Мариуполя, чтобы поклониться этой хате, где я родился, где качала меня мама в люльке, подвешенной к «сволоку». Автобус, покачиваясь на неровностях проселочной дороги, приближается к памятным мне из далекого– близкого детства местам, где я не был целых сорок лет. Я прошу остановить автобус на пригорке, с которого уже

видна луговая пойма, где сливаются Бельманка с Бердой и затем с веселым журчаньем устремляются на юг, к Бердянску. Едем дальше, пересекая луговину, и дорога выводит нас мимо хат, расположившихся вдоль речки, к центру села. Возле сельсовета – обелиск с именами погибших в войну сельчан, призванных из Бельманки. Две каменные плиты, на них – 174 имени. С волнением вчитываюсь, узнаю знакомые с детства фамилии.

Пудак... Это фамилия моей первой учительницы Раисы Ивановны. В скорбном списке она представлена трижды. Широколава... Такая фамилия была у моего соседа по парте в первом классе, его имени я не помню. Холод Иван Васильевич... Не тот ли это дядя Холод, который в 1930-м пригнал в Бельманку и передал моему отцу первого «Фордзона»? Нагребецкий... Мальчик, с которым я дружил в четвертом классе. Гришечко Сергей Ильич... Это тот самый Сережа, чья хата стояла через одну от нашей хаты, – единственная в ряду, обращенная к Берде «причилком». Это с ним мы купались в Берде, ловили раков. Пять раз повторяется моя фамилия и еще фамилии родственников по маминой линии – Скрябы, Скрябины, Отирко. Кулага – девичья фамилия моей бабушки Павлины – повторяется пять раз. А сколько их, моих кровно родных земляков и просто земляков, было призвано вне Бельманки, куда раскидала их судьба в тридцатые – распроклятые!

Здесь, у обелиска, все более ощутимое волнение, нараставшее во мне по мере приближения автобуса к селу, теперь уже начало перехватывать дыхание, в горле застрял предательский комок. Между тем меня, незнакомого человека с депутатским значком, окружили и с любопытством изучают сельские мальчишки. А я тоже словно бы узнавал в них и себя самого, и тех давнишних мальчишек, товарищей моего детства, чьи имена запечатлены на обелиске. И особенно остро ощутил себя частицей дорогой моему сердцу бельманской глубинки. Пусть она кому-то покажется заурядным захолустьем, но я благодарю выпавшую мне судьбу родиться именно в этом запорожско– хлеборобском краю, овеянном легендарной славой наших прародичей.

Прародич мой держал орало,
а рядом – саблю и копье,
в походной торбе – хлеб и сало,
а за спиной носил ружье.
Еще носил он осэлэдця,
обычай дедовский храня,

и тютюном умел согреться,
и под седлом держал коня.
И осэлэдцев тех не мало
успело под курганом лечь,
чтоб край отчизны и начало
от супостатов уберечь.
Горжусь тобою, Украина,
России кровная сестра,
правнучка росса-славянина
и дочь Славутича-Днепра.

Я заметил, что в поезде, подъезжая к дому и наблюдая сменяющие друг друга за окном вагона пейзажи, невольно стараюсь не пропустить появление в поле моего зрения даже самых маленьких речек, ручейков, В каждой из них мне хочется найти, – и я непременно нахожу! – черты сходства с речушками моего бельманского детства. И в таких случаях меня охватывает чувство радостной взволнованности, ощущение «вездесущности» моей «малой родины» в Большой Родине, какое, по моему убеждению, было бы недоступно мне, если бы явился я на свет и вырос у берегов большой знаменитой реки. Я бы просто скользил равнодушным взглядом по этой речушечной мелкоте, даже не фиксируя на ней своего внимания. Зато в силу привычки у меня не было бы того благоговения, которое я испытываю перед каждой большой могучей рекой.

Пусть она не велика,
речка возле Бельмака,
где малюсеньким ростком
между Доном и Днепром
появился я на свет!
Пусть с тех пор не мало лет
отшумело, пронеслось,
и копна моих волос
поседела у висков!
Все ж обрывки корешков
неприметного ростка,
что остались в той земле,
видно, помнят обо мне

и меня издалека
тяготеньем тайных сил
обелисков и могил,
корневищами дедов
из глубин седых годов
все влекут в края родные,
где увидел я впервые
землю Родины и небо,
колыханье злаков хлеба,
тополя и отчий дом
между Доном и Днепром.

Глава вторая

Я в восемнадцатом году на свет явился
в селянской хате под соломенной стрехой.
К двенадцати в труде крестьянском навострился,
и подрастал отцу помощник неплохой.
Но юности моей, нескладно пролетевшей,
беспечной прелести я так и не узнал:
я рано стал главой семьи осиротевшей,
когда отца в расстрельный увели подвал.

Человек не властен над своими воспоминаниями. Они сами являются перед мысленным взором его совести, воспроизводя, как в кино, картины и образы минувшего. В этом фильме человек видит, – хочет он того или нет, – события и людей, а среди них – как бы со стороны – видит и самого себя. И ни одного кадра нельзя ни вырезать, ни подретушировать, ни заменить мультипликацией или дублем. В жизни дублей не бывает: что было – то было. Было радостное и горестное, и такое, что вспоминается с гордостью или со стыдом, с болью, с сожалением, и такое, о чем хотелось бы забыть. Всякое было.

Не знаю, как у кого, но у меня вместо пролога к сокровенному фильму моих воспоминаний всегда возникают и проходят один за другим все те же самые первые кадры, может быть даже подсознательно запечатленные памятью в раннем детстве и сохранившиеся на обрывках старинных полуистершихся лент.

...Вдоль сельской улицы по ухабистой дороге, покрытой комьями разбитой

колесами бричек и конскими копытами грязи, засохшей после весенней распутицы, движется странная двухколесная повозка, у которой одно колесо больше другого. Теперь-то я понимаю, что это передний скат для плуга – колешня по-крестьянски, у которой большее колесо идет в борозде, а меньшее – по невспаханной части поля. Между колесами колешни – нечто, похожее на дощатую дверь от какого-то сарая, к которой впереди прилажены веревочные лямки, и в них по очереди впрягаются изнуренные голодом мужики. На досках лежит, сложив руки на груди, умерший от голода дед Гудко – так называли его сельчане за привычку постоянно что-нибудь напевать (гудеть) себе под нос. У деда ослепительно белые борода клинышком, волосы и такие же белые, из домотканого полотна, сорочка и штаны. Сзади на досках возле дедовых ног сидит малыш. Ему сказали, что дедушка – мамин папа – переезжает в новую хату. На ухабах, чтобы не упасть, мальчик хватается за костлявые босые ступни, обтянутые пугающе холодной, посиневшей кожей. При каждом толчке они, как и мальчик, подпрыгивают на досках, от этого мальчик вздрагивает, ему становится страшно, и он просит, чтобы мать взяла его на руки. Но она с трудом шагает за повозкой, какие-то женщины поддерживают ее под руки, помогают ей поправлять дедовы ноги, когда они сползают к краю доски.

– Потерпи, сынок, скоро приедем, – говорит ему мама.

Все это происходило в апреле 1922 года.

Шел мне тогда четвертый год, но я и сейчас, будто наяву, вижу посиневшие дедовы ноги в стоп-кадрах моей памяти.

Зато мне основательно довелось похозяевать с другим моим дедом; которого звали то ли Трофимом, то ли Трифоном, – как правильно, никто не знал из-за какой-то путаницы в церковных записях. Бабушка Павлина называла его Трихванчиком. В отличие от деда Гудко, этот дед не гудел, а молча посапывал, занимаясь по хозяйству. Скупой на слова, он лишь изредка замечал мне, чтоб я не вертелся у него под ногами (или руками) и не мешал работать. Тогда я напоминал деду:

– Не верчусь, а помогаю. Вы же сами просили!

Дед соглашался с этим и тут же придумывал мне какое-нибудь дело: принести кружку воды, отнести кружку обратно, подать молоток, лежавший у него под рукой. Деду нравилось, когда я «вертелся» около него, относился ко мне как-то по-особому. Уже будучи взрослым, я узнал, что он как бы чувствовал себя виноватым в том, что не уберег мою мать-солдатку от тяжелого крестьянского труда и у нее родилась мертвая девочка, которая была бы моей старшей сестренкой, и это

чувство выражал своим вниманием ко мне. И все же дед не раз получал нагоняй от бабушки Павлины за то, что не уберег ребенка, то есть меня. Первый раз – когда я напоролся ногой на косу, только что отточенную дедом. Второй раз я помогал деду провеивать зерно на сортировочной веялке, и мне вентилятором раздробило мизинец левой ноги, из которого «фершал» Иван Иванович удалил потом две или три оказавшиеся лишними сахарно-белые костяшки. Зато дед смастерил для меня повозочку, на которой мать возила меня к «фершалу». Было и такое дело: дед хлопотал возле ярма для волов, а в это самое время пес Рыжий прокусил мне правую руку за то, что мне захотелось сесть на него верхом.

Мне очень нравилось помогать не только деду, но и другим взрослым. Например, дяде Захару, который, оказывается, целый год жил и учился у сапожника в волостном центре, а дед за это платил зерном тому сапожнику. Было очень интересно смотреть, как дядя Захар снимал мерку с ноги, по мерке мастерил деревянную колодку, на нее натягивал заготовку из кожи, ставил стельку, подметку, прошивал где надо дратвой, накатывал ранты... И так из его рук выходили то сапоги, то башмаки – кому что надо, на любой размер и фасон. Была и у меня работа для дяди Захария: ссучить и просмолить дратву с щетинковым волосом на конце, наколоть деревянных шпилек, которыми прибивают подметки. Все это я старался делать хорошо, и дядя Захар всегда, принимая у меня работу, говорил, что я молодец.

Особый восторг у меня вызывало появление на дедовом подворье самого старшего из моих дядей Трифоновичей – Ивана, выделившегося от деда на самостоятельное подворье. Дядя Иван открывал кузню, и тогда уж мне находилась наиважнейшая работа: поддувать воздух в горн кузнечным мехом. Но самое интересное начиналось, когда дядя Иван выхватывал из горна щипцами раскаленный кусок железа и выкладывал его на наковальню, возле которой наготове стоял кто-нибудь из его младших братьев с большим молотом. Дядя Иван своим небольшим молотком ударял по железу, а молотобоец по этому же месту бил молотом, – и далеко по селу разносилось: дзинь-гуп, дзинь-гуп...

На этот перезвон начинали собираться на разговор мужики из ближайших дворов. Много интересного довелось услышать мне в эти вечера в кузне. Дядя Иван рассказывал, как он был в услужении и обучении у кузнеца, как воевал за веру, царя и отечество, был в австрийском плену. Иногда в разговор вступал дед Трифон-Трофим.

Оказывается, когда дед был еще мальчиком, то обе речки, у слияния которых стоит село, были побольше и в них водилась крупная рыба – не то что нынешняя мелкота. К примеру, в Берде вода закрывала весь правый обрывистый берег, красовалась затонами и плесами над нынешними огородами на левом берегу, которые были тогда дном реки, наполняла ров, что начинается у изгиба речки на правом берегу. Сейчас этот ров обвалился и почти зарос травой, и только в самом его начале бьет изумительно чистый холодный родничок. А речка набирает свою былую силу только в весенних паводках или после сильных ливней. И еще слышал дед, что когда-то этот теперь обмелевший ров и речка были границей между запорожско– российскими и татаро– турецкими владениями на запорожской земле. Подумать только: здесь были турки!

Рассказывал дед и о большом степном кургане за селом, который, правда, скрадывается за массивом Бельманского леса, высаженного помещиком Свягиным. Этот курган называют и Бельмак-Могилой, и Горелой Могилой, потому что, по преданию, в давние времена на нем был заживо сожжен турками храбрый запорожец по прозванию Бельмак. Это прозвание перешло и к кургану, и к текущей от него степной речушке Бельманке, и к раскинувшемуся вдоль нее нашему селу Бельманка. Мне довелось побывать у Острой Могилы, что недалеко от Бельмак-Могилы, когда дед взял меня на сенокос. Сам он косил мягкую душистую луговую траву, а я охапками таскал ее к «своему» маленькому стожку. Дед тоже сделает себе «взрослый» стожок, но к вечеру, когда трава немного подсохнет.

Потом я начал мастерить и спускать по течению степного ручья камышовые кораблики – однотрубные, двухтрубные и даже трехтрубные. И обнаружил диких утят в камышовом мелководье. Они вроде бы и не боялись меня, но в руки не давались. Набегавшись за корабликами и утятами, побрел я к своему стожку и там уснул. И приснился мне запорожец Бельмак, лицом точно как мой дед, но одетый как казак Мамай, нарисованный изнутри на крышке сундука у соседа – дяди Кузьмы. У запорожца была кривая, как дедова коса, сабля, и стоял он на самом верху Горелой Могилы, а в траве, прикинувшись будяками, к нему с разных сторон подползали вороги в красных чалмах и фесках, а то и скакали верхом на огромных, как лошади, кузнечиках. Я был тут же на кургане и подсказывал деду Бельмаку, с какой стороны ближе всех подползала вражья сила, а он взмахивал своей саблей-косой, и сверкала она над красноголовыми будяками, и шелестела падающая вместе с ними высокая трава. И так косил дед целый день, а к вечеру, когда трава

подсохла, турки, подожгли ее со всех сторон, и полымя начало подступать к деду Бельмаку и ко мне, и стало очень жарко, как бывает, когда приблизишь лицо к дверце «грубы» – лежанковой печки, в которой полыхает солома... От этой жары и от пламени, обжигающего лицо, а может быть и от припекавшего меня на стожке полуденного июльского солнца, я проснулся. А дед за это время и вправду – ого, сколько накосил травы!

Свой первый день в школе я хорошо запомнил потому, что был изумлен сложенными «из каменного кирпича» стенами, железной кровлей, каменными, гладкими, как стекло, полами в коридоре, деревянными, да еще крашеными, полами в классах. Мне, как и другим ребятам из саманных хат с соломенными крышами и глиняными полами, обыкновенная школа из обожженного кирпича показалась сказочным дворцом.

На первом уроке Раиса Ивановна повесила на классной доске картонку с напечатанной на ней огромной буквой «А». Это было первое задание первоклассникам: выучить букву «А».

А на последней парте сидели два третьеклассника, и учительница дала им задание выучить наизусть стихотворение-загадку:

Мальчишка в сером армячишке
по дворам шныряет, крошки собирает,
на гумне ночует, коноплю ворует.

Затем учительница ушла в соседний, второй класс, но после ее ухода среди первоклассников началось что-то невообразимое. Кто-то за кем-то гонялся, кто-то бегал по партам, кто-то с кем-то боролся, в классе стоял сплошной крик и визг. Пожалуй, только один я тихо сидел на своем месте, напуганный страшными рассказами взрослых о том, как учителя бьют шалунов линейками. Правда, это было до революции, но по привычке случалось и теперь.

И все же отсидеться паинькой в этом всеобщем дебоше мне не удалось. С криком «мала куча» на меня налетел сосед по парте, затем на нас с такими же криками начали валиться другие мальчики, в разных местах возникло еще несколько «малых куч». Но вернулась Раиса Ивановна, все снова заняли свои места, в классе стало тихо. Строго отчитав ребят, учительница велела им смотреть на доску и кричать хором:

– Это буква «А»!

Дети с охотой повторяли эту фразу, стараясь перекричать друг друга. Всем

понравился этот организованный галдеж, узаконенный самой учительницей. К тому же она пригрозила, что кто не будет кричать – останется «без обеда», то есть после уроков будет подметать школьный двор или просто час или два отсидит в классе. Поэтому и я старался перекричать своего соседа по парте, хотя еще до школы выучил не только буквы, но и успел перенять от матери другие премудрости двухклассного церковноприходского образования.

А учительница все же нашла способ поддерживать порядок в первом классе, отлучаясь во второй класс: она поручала присматривать за нами третьеклассникам. Правда, эти верзилы-переростки сами были отъявленные шалуны, но доверие обязывает, и стражи порядка исправно несли службу, а уж оплеухи провинившимся первачкам выдавали безотлагательно. Случались и злоупотребления властью, когда иной первачок оказывался без вины виноватым только потому, что отказался угостить стража харчами из засаленной торбочки, которая приторачивалась к перекинутой через плечо на лямке другой полотняной торбе для книг, тетрадей, грифельной доски, пенала и пузырька с чернилами.

Наша «новая школа», построенная после революции, была трехклассной, а четвертый класс был только в «старой» школе, находившейся рядом с церковью и сельсоветом. Для всех моих одноклассников, кроме меня и Степы Жилко, образование закончилось тремя классами. Но и за эти три года многие из них могли посещать школу только между концом осенних и началом весенних полевых работ, да и зимой часто пропускали уроки, будучи занятыми по хозяйству, особенно те, кто был единственной опорой своих овдовевших в войну матерей. В иных семьях дети ходили в школу поочередно, имея одну на всех пару обуви.

Степа, мой товарищ по четвертому классу, оказался единственным от нашего села участником Всесоюзного слета пионеров-ленинцев. Вернувшись из Москвы, он изумлял ребят подаренной ему парой железных коньков и прихваченным где-то куском телефонного провода. Правда, ни Степа и никто из ребят не имел понятия, что можно кататься сразу на двух коньках, и поэтому Степа подарил мне «запасной» конек. Для нас, сельских ребят, недосягаемой мечтой был один самодельный деревянный конек в виде привязанной к обуви деревянной колодки, заостренной вниз клином с закрепленным вдоль кромки клина железным прутиком – «подрезом». Лучше всего для «подреза» подходил кусок ободка от старой косы, но поди дождись, пока коса «состарится»! А из других железок в нашем селе лишь изредка, – если повезет, – случалось подобрать у поповой или учительской хаты

пустую банку от гуталина с нарисованным на ней слоном и надписью: «Подделок остерегайтесь».

Зато мы со Степой, бывало, пыхтим и топаем по дороге в школу или из школы через бугор по наезженному санями снегу, отталкиваясь свободной от конька ногой и скользя выставленной вперед другой ногой на коньке. А при случае наберешь скорость с горки и мчишься потом на одной ноге, приседая и поднимаясь на ходу и выписывая кренделя в воздухе другой ногой!...

У моего деда было шестеро сыновей и две дочери, младший сын Илья был ровесник старшему внуку Ваньке – сыну дяди Ивана и всего лишь на четыре года старше меня, своего племянника. Между Ильей и Ванькой иногда возникали стычки, когда Ванька вдруг отказывался признавать верховенство над собой Ильи как дяди и даже заявлял: «Пусть дядя сначала сопли подберет!» Но случалось это редко, так как конфликтующие стороны жили далеко друг от друга, на разных подворьях.

Семья деда, семьи выделившихся старших сыновей Ивана и Василя – моего отца и семья проживавшего в дедовой хате третьего по старшинству сына – Павла вели хозяйство единой дружной большой семьей. Общими были пара коней, плуг, сеялка, бороны, «букарь», жнейка-лобогрейка, веялка, бричка, которую можно было перемонтировать в арбу и обратно, два молотильных катка.

Катки, веялка, все необходимое для молотьбы постоянно находилось на дедовом подворье, и здесь всегда устраивался молотильный ток. Все намолоченное за день зерно ночью провеивалось и загружалось в камору – так называлось помещение под крышей дедовой хаты, без окон, но с маленьким душниковым лазом для кошки, отделенное глухой стеной от сеней, служивших зимой и стойлом для лошадей. Из дедовой каморы зерно или масличные семена возили на мельницу или маслобойку, а оттуда по дворам развозили муку в мешках или масло в сулеях.

В молотьбу для детей всех возрастов находилась самая интересная работа. Разве плохо покататься на току на терке – широкой доске с загнутой вверх передней кромкой, движущейся вслед за катком? И это не баловство, ибо без увесистого груза на терке заделанные у нее снизу стальные зубья не смогут ни растирать солому в полову, ни разминать соломинки так, чтобы получился мягкий зимний корм для скота. Но ребятня служит не только грузом на терке: надо всегда иметь наготове старое ведро и не прозевать момент, когда лошадь, запряженная в каток, начнет свое «большое дело». Тогда надо мигом скатываться с терки, чтобы она нагруженной не растерла его в дымящееся от конского тепла месиво, с которым

потом намаешься, пока соберешь его в ведро.

А кто из мальчишек откажется с кем-нибудь из взрослых поехать на арбе в поле за скошенным хлебом? Порожняком всю дорогу к полю мальчику доверяют править лошадьми, а взрослый напарник может даже поспать, подмостив под себя свитку или серяк. А при загрузке жнивья на арбу – успевай и сгребать его остатки на стерне после каждой забираемой копны, и укладывать на арбу подаваемые снизу навильники. Особенно непросто подхватывать навильник, находясь выше полудрабков, однажды я чуть было не напоролся брюхом на вилы. На обратном пути править лошадьми при нагруженной арбе – дело хитрое, не для детей: здесь можно и перевернуться на косогоре или крутом спуске в степную балку. Зато приятно вздремнуть на самой ее верхушке под мягкое, убаюкивающее покачивание крепко стянутой канатами, шуршащей колосковыми усиками массы жнивья, под пение зависшего над степью жаворонка.

Как и другие сельские дети, я всегда имел посильные моему возрасту обязанности по хозяйству, особенно летом, когда не ходил в школу: утром отправить в стадо, а вечером встретить корову, напоить ее и подпасти на леваде до захода солнца, столько-то раз накормить цыплят, утят, а для поросят нарвать нужной травы и полить ее жидким раствором дерти, белить домотканое полотно, смачивая его водой, раскладывая на траве и переворачивая под палящим южным солнцем. Приходилось работать на прополке огорода, бахчи, поливать грядки в огороде, таская ведрами воду из Берды, укладывать скошенный хлеб в копны и стога, хозяйничать дома, когда отец и мать неотлучно неделями находились на полевых работах. Хватало работы и зимой: вернувшись из школы и пообедав, надо и приготовить уроки, и почистить в клуне, где находилась корова, задать корм корове, принести в хату топливо: плиты засушенного кизяка, кукурузные кочерыжки, будылья и кружала подсолнечника... Я знал, что это моя работа и никто, кроме меня, ее не сделает.

Но при всем этом дети ухитрялись быть детьми: зимой – хотя бы полчасика перед сном попрыгать на коньках по зеркальной глади скованной льдом речки, весной – попробовать ногой глубину подтаявшего снизу сугроба: кто больше найдет воды. Летом – пострелять из самодельных луков камышовыми стрелами с жестяными наконечниками, сделанными из пустых гуталинных банок, подобранных в учительском дворе, поудить рыбу в речке и понырять в ней, а там на дне, если повезет, найдутся заржавленная трехлинейка, обоймы к ней и даже пулеметные

ленты – следы отгремевшей Гражданской войны. Порох в патронах всегда оказывался сухим, и было очень интересно, разведя костер, бросать в него свои находки, укрывшись за откосом крутого берега, притаиться, выжидать, когда «рванет», а потом дразнить тех, кто испугался, хотя при этом, конечно, всем бывало страшновато.

У себя на леваде я наловчился «таскать ведрами» из речки рыбью мелкоту. Надо опустить в речку привязанное к веревке ведро, обмазанное изнутри тестом из дерти, немного выждать, а потом быстрым движением вытянуть ведро наружу. В нем окажется немало рыбешек, пожелавших полакомиться дертью. А вот Митьке, – моему соседу, – здорово везло на удочках. Бывало, сидим с ним рядом, – и Митька одну за другой вытаскивает две красноперки, а у меня – ничего. Конечно, хитрый Митька сел выше по течению и перехватывает всех красноперок. Меняемся местами, но и после этого у него – опять красноперка, а у меня опять ничего.

Мне нравилось бывать с Митькой – бывалым, разбитным хлопцем, хорошим товарищем, который мог многое рассказать. После двух войн и голода он и его старший брат Федька остались без родителей. Сейчас Федька работал на шахте в Донбассе, а Митька, как он говорил, жил вместе с ним, но летом временами появлялся в своей хате, которая в остальное время стояла облупившейся «пусткой» с заколоченными окнами. Мне Митька признался, что на самом деле он летом беспризорничал, а на зиму устраивался в какой-нибудь детский дом. А однажды он по секрету показал мне настоящий самопал – самодельный пистолет из куска трубки, расплющенной на конце, прибитой к деревянной рукоятке. Такого не было ни у кого из сельских ребят. После этого мы использовали добываемые из речки патроны для стрельбы из самопала, заряжая его вместо дроби пшеном или горохом.

Зато и я научил Митьку делать свистульку из свежесрезанного вербового прутика и бузиновую «чвиркалку», из которой можно было далеко-далеко чвиркнуть водяной струей.

Митька был смелый мальчик и не боялся купаться в запруженной части речки у водяной мельницы даже тогда, когда ребята с не нашего берега пробовали его прогнать.

– Убирайся из нашего ставка! – кричали они, швыряя в него чем попало. Митька скрывался от их залпов под водой и, вынырнув в неожиданном для них новом месте, отфыркнувшись, спрашивал:

– А почему это он ваш?

– А потому, что мельница на нашем берегу!

– А если он ваш – попробуйте в нем искупаться!

Но из ребят «с того боку» никто не решался принять вызов Митьки: с ним схватиться в воде – хуже, чем с крокодилом.

– Не бойтесь, никого не трону. Честное босяцкое слово! Воды всем хватит!.. Не хотите? Ладно, мы и без вас понyряем. А ну-ка, Гришка, донырни сюда! – Это уже ко мне.

...Жаркий солнечный день. Небо над степным горизонтом вздрагивает, переливается серебристо-голубой лентой. Старые люди говорят, что это святой Петро гонит свои неисчислимые отары. А вот и покачиваемые порывами ветра длинные стебли Петровых батогов на выгоне. На них скромные цветочки, похожие на крохотные голубые бантики. Курай и перекати-поле, остатки пырея после выпаса – все пожухло, до ломкости высохло от зноя. Только степной молочай, увенчанный широкой плоской шапкой из желтоватой семенной кашки, с маленькими продолговатыми листиками на сочных, гладких, туго напруженных стеблях в любую минуту готов – только тронь его – брызнуть обжигающим ядовитым белым молочковым соком. Этот сок – лучшее лекарство от всяких ранок, царапин и ссадин.

В этот день мальчики на выгоне охотились на пауков. А научил нас этому все тот же Митька. Сначала надо в норку опустить прикрепленный к концу нитки шарик из черной смолы, которой смолят сапожную дратву. Потом, подергивая за нитку, подразнить паука, пока он не уцепится в шарик и не увязнет лапками в смоле. После этого шарик вместе с хозяином норки можно тащить наружу. Пауки – отвратительные черные шары, разбухшие от множества мелких желтых яичек, чуть помельче рачьей икры. Но самый захватывающий момент – это с хлопком раздавить паучье страшилище голой пяткой. Правда, говорят, что пауки очень кусачие и ядовитые. Зато и пятки у ребят летом покрепче кожаных подметок.

Но вот из-за бугра за речкой с грохотом выскакивает что-то еще никем из нас не виданное. Поднимая столб пыли и отсвечивая серебристыми бликами под солнечными лучами, оно быстро движется по направлению к броду, ведущему через речку к селу. Кто-то крикнул: «Трактор!»

Конечно же, мальчишки вмиг забыли о своих паучьих удочках и в закатанных до колен штанишках побежали навстречу трактору. Взбивая по дороге пыль, они подражали его гудению:

– Дырр-ррр, дырр-ррр...

Встретив трактор, когда он уже переехал брод через Берду, мальчики повернули обратно. Но даже самые быстроногие едва поспевали за трактором, который шел быстрее любой брички. Когда же он остановился, я увидел, что за его рулем был дядя Иван Холод, который бывал у нас. Мой отец и он были даже сфотографированы вместе в солдатской форме возле автомобиля. А у отца было еще удостоверение с ятями и твердыми знаками о том, что рядовой Кисунько Василий Трифонович является шофером 37-го автомобильно-санитарного отряда.

На тракторе я прочел слово, написанное какими-то неправильными буквами, которое выглядело примерно как «Eoraron», но в нем буква «E» – без нижней палочки, буква «a» – прописью а, но с длинным крючком, вторая буква r – прописью s, но вроде бы написана задом наперед. Получается какая-то странная и непонятная надпись: «Fordson».

Пока я ломал голову над этой надписью, к трактору подошел мой отец, поздоровался с Иваном Холодом, а тот ему ответил:

– Здоров будь, тракторист. Пригнал я тебе машину. Попробуй, принимай.

Отец сел на сиденье, а дядя Иван теперь стоял рядом, опершись на крыло трактора. Отец на что-то нажал, за что-то потянул – и трактор поехал. А дядя Холод что-то прокричал на ухо отцу, трактор остановился и снова двинулся, но... задом наперед! Я застыл от удивления, а дядя Холод, когда трактор поравнялся со мной, схватил меня своими ручищами и усадил на крыло трактора. От неожиданности я не успел даже заметить, как это трактор опять вместо задом наперед пошел передом вперед.

С высоты своего положения я разыскал глазами Алешку из соседнего двора и помахал ему рукой: мол, смотри, а ты не верил, что мой отец знает все машины. Да если бы он захотел, то мог бы, как и дядя Холод, возить по району разных начальников на автомобиле. Но отцу это ни к чему: он и так каждый год осенью и зимой нанимается на какую-нибудь маслобойню или паровую мельницу машинистом парового локомобиля.

Локомобиль – это штука побольше автомобиля, с высоченной трубой и пятым колесом, которое не катится по земле, а вертится в воздухе, и по этому колесу бегает широченный ремень. Через дырку в стене ремень одним концом вбегает в маслобойню, а другим концом тут же выбегает из нее. А внутри маслобойни что-то стучит, покачивается, вертится, и, главное, там очень вкусно пахнет сычиками. Сычики – сочные, ароматные горсти той самой необыкновенно вкусной

коричневатой кашки из раздробленных подсолнуховых семян, которая смачно шипит на жаровнях. Потом из этой кашки выдавливают масло, и все равно остаются очень вкусные жмыхи – макуха. И что интересно: у трактора, оказывается, тоже есть колесо, которым можно вертеть маслобойню! Обязательно выучусь у отца на тракториста.

Но отец сказал, что я еще мал, чтобы учиться вождению трактора. Вместо этого он заставлял меня зимними вечерами считать под его диктовку какие-то цифры на счетах, записывал их в большую книгу, где было напечатано «ДЕБЕТ» и «КРЕДИТ». Потом подводил черту, писал «ИТОГО» и старательно выводил слова: «СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ МАШИННО-ТРАКТОРНОГО ТОВАРИЩЕСТВА «ЗНАМЯ». Под этими словами отец ставил свою подпись. Она у него красивая и разборчивая – не то, что у председателя: какие-то закорючки, и даже не поймешь, какая у него фамилия.

И все же я твердо решил, что когда вырасту, то буду только трактористом. Я ухитрялся все запоминать, когда отец учил тракторному делу своих младших братьев, и порой даже подсказывал им, когда они делали что-нибудь не так.

Зима 1929/30 года. Мы с Ванькой – сыном дяди Ивана – учимся в семилетке, недавно открывшейся в районном селе. Ванька – в седьмом классе, я – в пятом. Живем у квартирной хозяйки, очень доброй бабки Ганны по фамилии Корсунь.

Поздний февральский вечер. За окнами, разрисованными морозными узорами, вьюга. В такую пору особенно хорошо, закончив подготовку уроков на завтра, сидеть в натопленной хате и слушать под завыванье ветра, как перебирает на хромке сын хозяйки Петро. А с разрешения Петра можно даже подержать хромку в руках, перекинуть ремень через плечо и разок-другой, как настоящий гармонист, пройтись пальцами по клавишам, подвигать мехами. Когда вырасту – обязательно куплю себе гармонь, кожаную тужурку, хромовые сапоги, фуражку– капитанку и галифе из темно-синего сукна – как у Петра.

Но пока что у меня есть только балалайка, – правда, очень старенькая, она часто расклеивается, и ее приходится починять самодельным клеем. Моя бабушка Гудчиха, когда умирала, протянула моей маме завязанный узелком платок с медяками и сказала:

– Обязательно купи Грише балалайку. Я, вот видишь, не успела.

Играть на хромке куда сложнее, чем на балалайке. И все же я уже научился на хромке играть «Шахтерочку», – правда, только отдельно правой рукой и отдельно басами, в уме подбирая под слова, когда-то услышанные от дяди Захара:

Шахтер пашенку не пашет,
косу в руки не берет,
а на праздник в воскресенье
прямо в шиночек идет.

Но Петро бережет хромку и редко дает мне поиграть. Вот и сейчас он прячет ее в сундук под замок.

Все садимся вечерять. Сегодня у бабы Ганны очень вкусные галушки, приправленные салом с поджаренным луком. После ужина мы с Ванькой забираемся на теплую лежанку, но долго не можем уснуть.

– Эх, хорошо здесь, а дома лучше.

Оба вспоминаем о своих, которые дома: у Ваньки – мать, братишка Алеша и трехгодовалая Люба, у меня – мать и младшая Оксанка. А отцы наши оба уже в Мариуполе, работают на заводе: дядя Иван – кузнецом, мой отец – помощником машиниста на паровозе. Все это как-то для нас непривычно еще и тем, что вместе с ними уехали на пароконной бричке и их самые младшие братья Дмитрий и Илья. Теперь они грабарничают на Сером и Вороном, возят песок для строительства нового завода. Дядя Захар, как всегда, где-то в Донбассе, и выходит, что из всех мужчин нашего большого семейства в Бельманке сейчас остались только дедушка Трифон и дядя Павло. Остальные не просто на сезонных заработках в Мариуполе, а уже начали там строить дом в рабочем поселке. Значит, отец Ваньки и мой заберут свои семьи в город, и зря в прошедшее лето рядом с нашим домом был выведен под крышу и дом для дяди Павла. Он сможет занять хотя бы и нашу хату.

Мать рассказывала, что у отца работа на паровозе очень удобная: после 12-часовой дневной смены – сутки отдыха, затем 12 часов в ночь – и двое суток отдыха. В свободное время можно и отдохнуть, и поработать с младшими на строительстве дома. Без лошадей, конечно, дом не построишь: надо и пограбарить, чтоб заработать деньги на стройматериалы, подвезти стройматериалы и воду, замесить саман, а ближе к концу – продать лошадей, и это опять же деньги. Вот и приходится Дмитрию и Илье поспевать и на грабарных работах, и на семейной стройке. Однажды, чтобы выиграть время, решили поехать напрямик по льду и чуть не нырнули на дно морское с лошадьми и нагруженной песком бричкой.

...Море. Оно манит меня, хотя я его видел всего один раз, когда после третьего класса мы ездили на экскурсию в Бердянск. Когда на двух арбах, запряженных волами, наша ребячья ватага въезжала в город, меня прежде всего поразила

«каменная дорога» – обыкновенная булыжная мостовая. Но наибольший восторг вызвало то, что нас разместили в школе, где было... аж два этажа! Ведь это же все равно что поставить одну хату на другую! И стояла эта школа у самого моря, у которого не было видно того берега! Скоро и мы будем жить в городе, я буду ходить в двухэтажную школу и смогу – летом, конечно, – купаться в море сколько захочу. А закончу школу – пойду учиться на машиниста. А может быть, на машиниста-электрика? У моей матери на открытке довоенного Екатеринослава я видел вагоны трамвая, которые движутся электричеством, и на них, наверное, работают машинисты-электрики. Она работала кондуктором трамвая, и у нее есть фотография, на которой они с подругой сняты в кондукторской форме. Интересно, есть ли в Мариуполе трамвай?

...Перебирая в мыслях всякую всячину, я начинаю засыпать. И снится мне, будто я еще в четвертом классе и иду в степи через бугор в школу. Метет поземка, колючий ветер обжигает лицо, поэтому я иду, повернувшись к ветру спиной. И вдруг сквозь завыванье ветра мне слышится из сугроба голос матери:

– Сыночек!

Я оглядываюсь, но нигде ничего, кроме обтекаемых поземкой сугробов, не вижу. А голос все отчетливее повторяет:

– Сыночек!

Я открываю глаза. Ванька спит, за окном свистит ветер, но оттуда отчетливо слышится голос матери. Я вскакиваю, подбегаю к окну и вижу ее лицо, закутанное в заиндевевший платок. Бегу к двери, открываю ее, в теплую хату врываются холодные снеговые вихри.

– Мама!

Проснувшаяся баба Ганна помогает маме снять верхнюю одежду.

– Ты ж, голубонька, совсем окоченела. Сейчас мы тебя отогреем.

– Подождите, там... за порогом. Я сейчас... там куры...

Баба Ганна перекрестилась:

– Боже мой, она, мабуть, помешалась. Успокойся, здесь нет никаких курей.

– Не может быть! Неужели я зря их на себе в такую даль тащила?

Мать выбежала из хаты и вскоре вернулась, волоча огромный мешок, из которого выпирали какие-то острые предметы. Она развязала мешок, и все увидели, что он заполнен тушками забитых кур.

– Зачем так много? – спросила баба Ганна.

– Это плата за мальчиков вперед. Сейчас зима, холодно, курей можно держать под стрехой... Больше у нас ничего не осталось. Нас раскулачили... И вас, Ванечка, тоже, – добавила мать. – И машинно-тракторное товарищество разогнали, как кулацкое.

– Та яки ж вы куркули? – всплеснула руками баба Ганна.

– Сначала увели корову, свинью, – продолжала мать. – Потом взяли серяк, два кожуха, ватное одеяло, а все мое набатраченное приданое я заранее, по подсказке добрых людей, связала в узел и спрятала в клуне в полову. А одна негодница все допытывалась: куда, мол, девала белые наволочки с кружевными прошвами? Из погреба раздали соседям по списку соленые огурцы, капусту и зимнюю заправку для борща – томатный морс. А потом главный раскулачник говорит: «Нехорошо, хозяйка, гостей принимаешь. Угостила бы самогоночкой, закусочкой». Я ему ответила, что самогоночка у нас не водится, закусочку из погреба всю раскулачили. А он, гад и говорит: «Самогоночки мы сейчас добудем, а для закуски к нам из твоей печки борщ так и просится». Пришлось выставить негодяям борщ, прямо с пылу, с жару. Все сожрали.

– Щоб воны, подавылись отым борщом! – вставила баба Ганна.

– На счастье, – продолжала мать, – они не тронули курей. И начала я их ловить, когда все ушли. Да что там ловить? Они ко мне привыкли, не боятся, а я их хватаю, а сама плачу от жалости к ним. Возьмите их на первое время, а там что-нибудь придумаем, рассчитаемся с вами за хлопчиков. Хорошо еще, что плату за Гришине учение мы внесли вперед за весь год.

– Бог з нымы, твоимы курямы! И как ты только тащила такую тяжесть на себе пятнадцать верст, да еще в такую ночь? – ответила баба Ганна.

Из слов матери я только сейчас узнал, что вся группа пятого класса, в которой я учился, отличалась не только тем, что мы занимались во вторую смену. Она была платной. Видно, кто-то уже давно навесил на нас ярлыки кулацких детей.

Через несколько дней в район приехал из Мариуполя дядя Иван, с кем-то поговорил, и раскулачивание обеих семей отменили. Вернули даже соленые огурцы и томатный морс. Примерно в это же время, учеников семилетки собрали в школе, и какой-то мужчина читал им две статьи: «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам». В них говорилось о каких-то перегибах. Мы с Ванькой впервые услышали фамилию Сталин и поняли, что он запрещает раскулачивать середняков. Наши отцы и дед – маломощные середняки, и теперь перегибов можно

не бояться. Но вскоре деда Трифона выслали на принудработы за невыполнение плана сдачи хлеба. Ему доводили «план до двора», потом еще и еще, пока у него не кончился хлеб.

Увидеть дедушку мне довелось только осенью, когда уже все жили в Мариуполе в доме, сообща построенном дядей Иваном, моим отцом и их младшими братьями Дмитрием и Ильей. Однажды от неграмотного Трифона Герасимовича пришло письмо, в котором кто-то под его диктовку написал о его жизни и местонахождении. За ним отрядили дядю Илью, а вернулись они оба.

Дед отбывал «принудиловку» в Мелитополе, где такие, как он, рыли канавы для канализации. Жил он еще с одним дедом на частной квартире, куда их определила милиция. По утрам за ними заходил милиционер, отводил их на работу, а вечером приводил обратно. Но с какого-то дня он перестал приходить, и оба «арестанта» решили сами ходить на работу, но прораб их не признавал без милиционера. Чтобы прокормиться, они начали продавать свои скудные пожитки, попрошайничать. В таком состоянии Илья нашел своего отца и привез его в Мариуполь. А милиционер, как говорили, сам куда-то сбежал, узнав, что его отца тоже раскулачили.

Бабушка Павлина в это время продолжала жить в Бельманке в старой дедовой хате, копаясь в огороде. У нее была корова. В селе оставался жить и дядя Павло со своей семьей. Он был колхозным кузнецом. Но на следующее лето семейный совет решил, что им тоже пора удирать в город от надвигающегося голода, а раньше всего надо было переправить в Мариуполь бабушкину корову. Но как это сделать, если корова, как и весь скот в селе, числилась «законтрактованной» и не могла быть выведена из села иначе как по разнарядке на мясозаготовку? И вот меня во время каникул после шестого класса отправили поездом в село за бабушкиной коровой в сопровождении дяди Захара. На станции Волноваха нам предстояла пересадка. Там было множество людей с мешками, корзинами, чемоданами. Они выбегали к приходящим поездам, но двери вагонов были наглухо заперты, и уехать удавалось лишь немногим, кому посчастливилось устроиться на буферах между вагонами, а то и на крышах вагонов. Так было и тогда, когда подошел нужный нам с дядей Захаром поезд. Но бывалый в дорогах дядя нашел открытое окно в одном из вагонов, втолкнул туда сначала меня, а потом и мешок. Не скоро после того, как тронулся поезд, в том же вагоне непонятным для меня образом оказался и он сам.

В Бельманке я пробыл около суток, пока дядя договаривался о «прикомандировании» меня с коровой к перегонщикам гурта скота,

предназначенного для мариупольской бойни. За это время успел побывать у нашей хаты, в которую переехали мы когда-то из дедовой хаты. Вспомнилось, что в новой хате мы нашли первого новосела – симпатичную кошку, сладко дремавшую на русской печке. По каким-то народным приметам кошка была запущена в хату за сутки до нашего переезда. Здесь прошло мое детство, отсюда в мои двенадцать лет, ровно год тому назад, на бричке, запряженной Серым и Вороным, под покровом ночи, уехали в Мариуполь мы с сестрой и наша мама.

Неузнаваемой стала за один год родная хата! Она зияет провалами окон, у которых высажены рамы, дверным проемом без дверей. Куда девался окружавший ее сад? Только на месте шелковицы виден куст побегов, выросших из пня. Живучее дерево! Куда ни глянь – буйствуют бурьяны и в бывшем саду, и на бывшем подворье. Исчезла загата – стенка, сложенная из уплотненной соломы, обозначавшая границу между садом и улицей. Да разве такая только одна наша хата? Таких, мертвых, в селе больше, чем живых, да и живые – неухоженные, обшарпанные, будто приготовились к смерти. От бабушки Павлины я узнал, что нашу хату хотят приспособить под размещение в ней колхозной кузницы.

Ранним утром бабушка в последний раз подоила корову и передала мне налыгач – на добрую путь-дорогу. Дядя Захар представил нас своим знакомым гуртовщикам, простился со мной: у него заканчивался отпуск и он спешил на свою шахту. Наш пеший коровий марш до Мариуполя с подночевкой в бывшей немецкой колонии продолжался до вечера следующего дня. Я попрощался с гуртовщиками и направился со своей коровой к рабочему поселку, а гурт продолжал свой путь правее, к городской бойне. Но глупышка буренушка долго еще поворачивала голову в сторону гурта, порывалась вернуться к нему и жалобно мычала. Все окончилось бы вполне благополучно, если бы на подходе к поселку, где-то на степном бугре, не обнаружилась потеря одного из моих ботинков, находившихся в перекинутом через плечо мешке. Для экономии обуви я шел всю дорогу босиком, рассчитывая надеть ботинки перед входом в поселок.

Но вообще-то эта буренка оказалась невезучей не только для меня. Трудно было с кормом, и через год дедушка решил продать ее на городском сенном базаре, а на вырученные деньги купить козу. К нему подошли покупатели, долго осматривали корову, а потом один из них сказал:

– Дай-ка, дед, налыгач, проверим, какая она на ходу. Может быть, у нее ноги больные.

Дед не успел опомниться, как поводок оказался в руках у «покупателя», а его самого какая-то толчея оттерла в сторону, а тот, кто вел корову, приговаривал:

– Ну, милая, что-то не везет нам сегодня на покупателей.

А дед где-то из толпы кричал:

– Ты, поганец, куда ведешь мою корову?

А поганец отвечал, обращаясь к своим дружкам:

– Люди добрые, уймите этого афериста!

Деда оттирали от коровы все дальше, да еще и отколотили, а корову увели, и вернулся он домой без коровы, без денег и без козы. А бабушка, когда он ей все это рассказал, сказала:

– Хай им грэць, отим харцызякам! Хорошо, что хоть сам живым вернувся.

Глава третья

Я о том здесь речь веду,
что отец попал в беду
и его утерян след
в годы сталинских побед,
когда, жизней не щадя,
смерть была слугой вождя
пролетариев всех стран
и сознательных крестьян,
И поди теперь открой-ка:
как его списала тройка,
где, когда настиг отца
роковой плевок свинца?

Саманно-набивной дом в рабочем поселке имени Апатова в Мариуполе вместил в себя все наше семейство, ранее проживавшее в Бельманке на трех подворьях: деда, дяди Ивана и моего отца. К дому был пристроен сарайчик – он же сени, из которых вела дверь в проходную комнату, а из нее можно было пройти либо прямо в следующую (дальнюю), тоже проходную комнату, либо направо, в крохотную боковушку. Такая же боковушка примыкала и к дальней проходной комнате.

Обе дальние комнаты – проходную и боковушку – занимала семья дяди Ивана. Это была «чистая» половина дома, обогреваемая дымоходом, проложенным в стене от кухонной печки, расположенной в ближней к сеням проходной комнате. В этой же

комнате почти во всю длину наружной стены были устроены нары, на которых головами к стене вповалку устраивались на ночлег дедушка, бабушка и их холостые сыновья: Захар, Дмитрий и Илья.

Семья моего отца занимала ближнюю к сеням боковушку, в которой во всю длину правой от двери стены располагалась кровать родителей, в ближнем к двери углу – двухконфорочная кухонная плита, а к ней торцом примыкал мамин сундук, занимая всю оставшуюся по длине часть левой стены. Днем на нашей плите кухарничали мама и бабушка Павлина, а ночью, прикрытая фанерным щитом, она превращалась в кровать для моей сестры. Я спал на сундуке ногами к плите. Между кроватью и сундуком оставался свободным узкий проход от двери к окну, левее окна по наружной стене – самодельный, размером с тумбочку, кухонный столик, над ним на стене – этажерка с тремя полочками для книг.

Позднее к сарайчику была сделана пристройка для коровы, а в самом сарайчике поселился дядя Павло со своей семьей.

Все, кроме дедушки, бабушки, жены дяди Ивана и детворы, не достигшей шестнадцати лет, работали и получали рабочие хлебные и продуктовые карточки. Но особенно трудно приходилось моей маме. Она работала уборщицей в бараках, служивших общежитием для рабочих, строивших трубопрокатный завод. В бараке во всю его длину были двухъярусные нары, на которых всегда одни отдыхали, другие поднимались, собираясь на работу, третьи, вернувшись со смены, ложились отдыхать. Каждый приходивший в барак приносил на обуви комья грязи, которая накапливалась на полу, перемешавшись с разным мусором, где были и окурки, и пустые пачки от махорки, от папирос, обрывки старых газет, в которые заворачивали еду, обглоданные селедочные кости, консервные банки, осколки четвертинок и поллитровок. Все это плотным слоем утрамбовывалось, и уборщице надо было сначала лопатой откапывать пол и выносить всю грязь на улицу, а потом таскать воду от находившейся на улице колонки и холодной водой отмывать пол. Потом все повторялось сначала. Много ведер грязи и воды довелось перетаскать моей маме. От этого у нее произошла тяжелейшая внутренняя травма, устранить которую удалось только через тридцать лет благодаря искусству знаменитого хирурга-гинеколога, когда мне, как генеральному конструктору, удалось устроить маму в соответствующую больницу. А пока что маме пришлось перейти в кубовую, на работу, которая считалась более легкой, чем работа уборщицы в бараке.

Кубовая – это небольшая будка, в которой находится печь с вмурованным в нее

большим баком – кубом, а над ним – водопроводный кран. От куба наружу через стенку будки выведен кран, из которого жильцы тех же бараков берут кипяток, заменяющий им чай. Работа кубовщицы ненамного легче, чем работа уборщицы: и здесь приходится таскать ведра с антрацитом в кубовую и со шлаком – из кубовой. И все это при ее здоровье – ради голодного пайка по карточкам, которые к тому же не всегда и отовариваются.

Даже за хлебом приходилось занимать очередь с вечера – иначе можно было остаться с карточками, но без хлеба. Это обычно поручалось детворе. В очередях мы ночевали, вскакивали на переклички. И не только за хлебом: иногда удавалось за ночь выстоять очередь и добыть без карточек до полведра бычковых головок, которые продавал рыбзавод как отходы консервного производства. Сколько вкуснейших блюд можно было из них приготовить! Самым выгодным считалось пропустить их через мясорубку, чтобы после размола можно было есть котлеты, не выбрасывая ни одной косточки.

Летом ребятне можно было подкармливаться на уборке фруктов в соседнем с поселком колхозном саду. В пять утра у правления бригадиры отбирали себе из детворы рабочую силу. Иной раз бригадир, увидев знакомое лицо, говорил:

– Тебя не возьму. Прошлый раз нажрался фруктов и сбежал.

Или так:

– Не нужен. Вчера плохо работал. Норму не выполнил.

– Дяденька, это был не я. Вы обознались.

А вообще, ребят всегда приходило больше, чем требовалось бригадирам. Но вскоре были созданы постоянные на весь сезон бригады из самых проверенных. Урожаи были хорошие, и работать приходилось от зари до зари. Убирали одни фрукты, потом созревали другие, и так все лето.

Уходя на работу, никто из ребят, конечно, ничего не ел. Завтракали, обедали и ужинали фруктами. Первые дни набрасывались как саранча и набивали животы чем попало. А потом начинали соображать – какая груша, слива или яблоко вкуснее, не спеша добирались до облюбованного плода на самую верхушку дерева. При выходе из сада рябят иногда обыскивали. Разрешалось выносить прямо на виду на руках несколько яблок или груш. Пойманных при обыске из бригады выгоняли.

Лазая по деревьям от зари до зари, ребята здорово уставали, а к усталости добавлялось чувство голода. Фрукты – фруктами, а дома вечером после миски жиденького борща все равно очень хотелось есть. И – очень хотелось уснуть. А на

рассвете – как не хотелось подниматься, и как жалко было матерям будить своих маленьких работяг!

Совсем другое дело – пионерский лагерь, в котором мне удалось побывать после седьмого класса. Для размещения лагеря была выбрана полянка, окруженная лесопосадками, над обрывом, под которым в садах белели крытые красной черепицей домики приморской слободы, а за ними виднелись железная дорога к порту, песчаный пляж и сине-зеленое море. На этой поляне ребята из головного отряда, куда попал и я, под руководством пионервожатого поставили красноармейские парусиновые палатки, оборудовали в них дощатые нары, вдоль линии палаток устроили и посыпали песком дорожку – линейку для лагерных построений. В стороне от палаток вырыли погреб для лагерных продуктов. Ребята, строившие лагерь, по очереди три раза в день отправлялись в рабочую столовую, что возле порта, и оттуда в эмалированном ведре приносили рыжевато-ржавый, но необыкновенно вкусный суп, в котором даже попадались разварившиеся кусочки мелкой рыбешки, и они легко жевались вместе с костями.

Потом в лагерь привезли армейскую полевую кухню, прибыла первая смена пионеров, и все мы, члены головного отряда, остались в лагере бесплатно. Я не знал, что имею право остаться и на вторую смену, поэтому по окончании срока первой смены пошел работать в сад-колхоз, где меня уже знали по прошлогоднему сезону. А в конце сезона мне выдали даже двенадцать рублей, начисленных на заработанные трудодни.

...В обеденные перерывы ребята, работавшие в саду, купались в протекавшей через него речке. Это – та самая Калка, о которой я еще в Бельманке читал в книжке с твердыми знаками и ятями, сохранившейся со времен церковноприходской школы. Но ее и без книжек знает каждый русский человек. Даже мой неграмотный дед. Только теперь у нее немного другое название: Кальчик. Меня неотвязно преследовала мысль, что мне посчастливится, ныряя и обшаривая илистое или песчаное дно, найти какой-нибудь старинный шлем, щит или меч, как когда-то в Берде находил обоймы с патронами и даже заржавленную, без затвора, винтовку. Хотелось крикнуть ребятам: «А знаете ли вы, что это за речка, в которой вы дурачитесь и визжите, как поросята, подныриваете друг под друга, играете в водяные пятнашки?» И хотелось крикнуть людям: «Да знаете ли вы, что это за речка и какая святая в ней вода, которой вы поливаете капусту и огурцы в огородах? И какая это святая земля, на которой растет этот сад, стоит поселок и по

которой вы ходите каждый день?»

После седьмого класса мне никуда из-за возраста нельзя было поступить, кроме как в только что открывшийся восьмой класс. Что такое восьмой класс, а вслед за ним девятый, десятый – никто не знал. Прошел слух, что учащиеся этих классов приравниваются к студентам. Правда, не ясно было, будут ли нам платить стипендию, но уж хлебные и продовольственные карточки обязательно будут студенческие. И это был не только слух: откуда-то поступила команда всем восьмиклассникам с 1 сентября 1932 года выдать студенческие карточки, сняв их с учета как иждивенцев по месту работы родителей. Между прочим, это давало нам по 600 граммов хлеба в день вместо 400. Однако, как говорится, недолго музыка играла: с 1 января 1933 года студенческие карточки восьмиклассникам были отменены, а как иждивенцы мы были уже давно сняты с учета. Остались мы совсем без карточек. Кончался январь, а мы продолжали оставаться нахлебниками у своих родителей. Это совпало с самым пиком голодомора в украинских селах и пиком продовольственных перебоев в городах, и наш класс решил бастовать.

В день назначенного начала забастовки первый урок приходился на физику, – кстати, учительница физики была нашей классной руководительницей. Она решила начать урок с вызова к доске Федьки Голояда – переростка, самого старшего в классе. После ее слов: «Голояд, к доске» – Федька встал и вызовом ответил:

– Не пойду!

– Почему? Что с вами, Голояд?

– Ты сегодня жрала?

Евгения Ивановна опешила от такого вопроса, а Федька повторил его и, не получив ответа, пояснил:

– А нам не до физики, когда жрать нечего. Пошли, ребята, добывать себе хлеб. Забастовка! – закончил Федька, обращаясь к классу.

Признаться, от Федькиного лексикона опешили и мы, «забастовщики», но все дружно поднялись и направились искать правду. Мы не знали, куда надо идти, и поэтому начали обход всех учреждений, сокращенные названия которых заканчиваются на «ком»: постройком, завком, партком. Везде прорывались к самому старшему начальнику, и Федька делал заявление, что мы будем бастовать, пока нам не выдадут карточки. Потом кто-то сказал, что надо зайти и в контору завода. Там какой-то начальник, выслушав нас, позвонил другому начальнику, отругал его, приказал немедленно решить вопрос. А нам сказал, чтобы перестали

шляться и вернулись в школу на занятия. Так были восстановлены наши «иждивенческие права».

И все же я твердо решил, что после девятого класса, когда мне исполнится 16 лет и я получу паспорт, поступлю куда угодно, лишь бы не быть иждивенцем. И хватит маме надрываться в кубовой!

Но для получения паспорта мне надо было представить документ о социальном положении отца. Такая справка из бельманского сельсовета у нас была. В ней говорилось, что отец – маломощный середняк, и выдана она была четыре года назад, когда было отменено раскулачивание отца и дяди Ивана. Но в милиции мне объяснили, что нужна новая справка, выданная в этом году.

Я понимал, что новую справку мне не дадут. Будучи в селе два года назад в качестве нелегального угонщика бабушкиной коровы, я просил такую справку у секретаря сельсовета, но он сказал, что на руки такие справки не выдаются, а если поступит запрос, то от сельсовета будет ответ, что я – сын кулака. Теперь я решил, что единственный для меня выход – сделать новую справку самому по образцу имеющейся подлинной справки четырехлетней давности.

Не буду вдаваться в секреты технологии, но скажу, что мною была изготовлена целая пачка сельсоветовских бланков с угловым штампом и гербовой печатью, и многих моих земляков я снабдил нужными справками, и все они сработали как подлинные. Среди них была и справка, изготовленная мною для моей одноклассницы по бельманской школе Лиды Лесной. С Лидой мы отправились в милицию вместе, с документами на получение паспортов. У Лиды документы были приняты без замечаний, завтра она получит паспорт. Моя бумага сработала безотказно.

Вслед за Лидой подал документы и я. Начальник внимательно их перелистал, но затем выдвинул ящик письменного стола и начал перебирать в нем какие-то бумаги. Задвинув ящик, зло швырнул в окошко мои документы, прорычал:

– Твой отец – бывший кулак, а не маломощный середняк. Не паспорт тебе надо выдавать, а выслать вместе с отцом куда-нибудь подальше.

Я и тому был рад, что начальник не задержал злополучную справку, не обнаружил подделку. Возможно, он подумал, что справку выдали в сельсовете за взятку, что было тогда обычным делом. Но радоваться было нечему: ясно, что имя моего отца числится в каких-то черных списках.

Из милиции я пошел в контору завода имени Ильича, где выдавали справки о

рабочем стаже. Такие справки брали для получения земельных участков в рабочем поселке, но они заменяли и документы о социальном положении и социальном происхождении. Девушка в конторе оказалась мне знакомой по учебе в 6-7 классах. По моей просьбе она быстро нашла книгу о приеме на работу и увольнениях за 1914 год. В ней была запись о приеме Кисунько Василия Трифоновича – моего отца – молотобойцем и увольнении после начала войны в связи с призывом в царскую армию. Девушка спросила, за какие годы искать дальше. Я ответил, что точно не помню, но, может быть, не стоит копаться в книгах, а проще написать, что отец работает на заводе с 1914 года по настоящее время. Девушка согласилась и в таком виде подписала справку у своего начальника.

С этой справкой я пошел за паспортом уже в другое отделение милиции с документами, в которых адрес моего местожительства значился уже по улице Апатова, дом 8, квартира 34 вместо поселка Апатова, улица 8, дом 34. Сейчас, вспоминая об этом, я благодарю судьбу за то, что милицейскому начальнику не показалось странным, что на улице Апатова, застроенной одноэтажными домишками, нашелся дом с номером квартиры аж 34. Будь он повнимательнее – и не видать бы мне паспорта сроком на один год, выданного 29 июля 1934 года первым отделением РКМ города Мариуполя. И не писать бы мне эти воспоминания, ибо паспортная система, введенная в 1932 году, имела целью очистку городов от классово чуждых элементов. А механизм этой очистки был предельно прост: классово чуждому не выдают паспорт, а потом его за проживание без паспорта привлекают к уголовной или административной ответственности, что могло означать либо ГУЛАГ, либо ссылку.

Теперь мне надо было думать о том, где и как прописать полученный мною паспорт. По моему действительному адресу в поселке Апатова – исключается, так как это значит идти в то самое отделение милиции, где мне вместо паспорта, пообещали высылку. Исключается и липовый адрес по улице Апатова в несуществующем доме с квартирой № 34.

Решение этой задачи пришло неожиданно, когда я бесцельно бродил по городскому рынку и увидел наклеенное на столбе объявление о наборе студентов на первый курс Луганского педагогического института. Вот где выход из моего положения: выехать в Луганск, поступить в институт и прописаться в студенческом общежитии. Но в институт тоже требуется справка о социальном происхождении, и я снова пошел в заводскую контору за справкой о рабочем стаже отца. Там вместо знакомой

мне девушки работала другая. Я попросил ее выдать справку только за 1914 год: мол, мне нужно подтвердить дореволюционный период работы отца. Получив эту справку, я основательно потренировался в подборе чернил и почерка и дописал: «и с 1917 года по настоящее время». Получилось так, что отец работал на заводе с 1914 года с перерывом на войну.

Ехать в Луганск я уговорил своего одноклассника Федора, того самого, который в январе 1933 года возглавил нашу «забастовку». Мы шли вместе в одном экзаменационном потоке. Письменный экзамен по математике проходил в большой аудитории, где на доске были написаны три варианта задач. Я вместо назначенного мне варианта решил все три и сдал свои листочки экзаменатору. Федор, как потом выяснилось, просидел до звонка и сдал пустые листочки. И сразу же стал уговаривать меня вернуться домой: мол, спокойно закончим десятый класс и затем подадим в более солидный вуз в Харькове, Киеве, а то и в Ленинграде и даже в самой Москве.

– Ты как хочешь, а я беру билет в Мариуполь, – сказал он.

Мне было как-то боязно оставаться в чужом городе одному, без напарника, и я стал уговаривать Федора повременить с отъездом хотя бы на 2-3 дня, пока я «на всякий случай» ускоренно пройду через экзаменационный конвейер. Я получил разрешение декана сдавать экзамены по всем предметам в любых потоках, сочинив историю, будто мне срочно надо выехать в Мариуполь по семейным обстоятельствам. Таким способом мне удалось быстро сдать экзамены по всем предметам, кроме устной математики, – из-за того, что не была закончена проверка письменных работ.

Экзаменатор по русскому языку и литературе, держа в руке мое сочинение на вольную тему, задал мне только один вопрос:

– А почему вы решили на физмат? Я бы посоветовал литфак. Из нашего института вышло не мало и литераторов, в том числе два известных поэта. Очень советую еще раз подумать о своем выборе.

Подобные советы довелось выслушивать и от других экзаменаторов, но я только из вежливости обещал подумать. Моим твердым и окончательным решением был физмат.

Вернувшись в Мариуполь, я с ужасом подумал: «Что же я наделал? Поплелся за Федькой, не дождавшись устного экзамена по математике! У Федьки-то паспортные дела в порядке. А что будет со мной, если меня за неявку на устную математику не

зачислят в институт?»

Пришлось дать в институт сумбурную телеграмму с объяснением мнимых причин моего отъезда и с обязательством сдать устную математику. Телеграмма заканчивалась словами: «Выезжаю немедленно».

Возвратившись в институт, увидел свою фамилию в списке зачисленных на физико-математический факультет. Возможно, комиссией была учтена трехвариантная письменная работа по математике. Да и декан мог вспомнить о моем заявлении на внепотоковую сдачу экзаменов. Так и не пришлось сдавать экзамен по устной математике.

...Итак, мой паспорт прописан в студенческом общежитии, и у меня есть койка в четырехместной комнате № 329, а на ней матрац, который я самолично набил отборнейшей соломой. И еще один сюрприз: однажды мне передали, что у входа в общежитие меня ждет знакомый товарищ. Этим знакомым товарищем оказался дядя Захар! Но он, здороваясь со мной, тихо сказал мне, чтобы я называл его Жорой, и вообще, предложил пройти и поговорить подальше от общежития. По дороге в поселок, где он снимал комнату в частном доме, когда мы проходили через пустырь, дядя Захар показал мне паспорт на имя Глобера Жоржа – отчество я не запомнил.

– Не удивляйся, племяшок, – сказал он. – Ведь я, как и ты, классово чуждый, только у меня липа на вымышленную фамилию: так оно подальше от греха, потому что наша фамилия уж очень сильно мечена. Сейчас мы пройдем ко мне, нам хозяйка накроет стол – у меня с ней полные лады, выпьем за встречу. А пока мы одни, расскажи, как там у нас дела дома. Хотя где оно теперь, наше «дома»? Нет его.

В один из февральских дней 1938 года, когда в аудиториях института шли занятия, в пустынном коридоре появился человек лет сорока, худощавый, среднего роста. Он был в пальто из недорогой ворсисто-шершавой бобриковой ткани, изрядно потертом, особенно на рукавах и на воротнике из той же ткани. Нетрудно было догадаться, что оно уже много лет верой и правдой служит своему хозяину и в зимнюю стужу, и весной, и в осеннюю непогоду. У человека были темно-коричневые брюки навыпуск, добротные, грубого покроя ботинки и шапка-ушанка из темной полусуконной ткани, отороченная даже на вид колючим подобием меха неизвестного происхождения. Такие, как у него, ботинки и ушанка в те годы выдавались в Донбассе рабочим горячих цехов в комплекте спецодежды. Владелец шапки почтительно мял ее в руках, – именно мял, а не держал, испытывая чувство благоговения, впервые вступив в храм, называемый институтом. У него были

коротко остриженные под машинку, но уже немного отросшие волосы темно-русого цвета, худощавое, сплошь красноватое, гладко выбритое лицо, казавшееся одновременно и обветренным, и как бы подпаленным. Глубоко посаженные светло-голубые глаза дотошно разглядывали все вокруг из-под кустистых пшенично-рыжеватых бровей.

Человек поднялся по лестничному маршу на самый верхний этаж и остановился в вестибюле институтского клуба перед двумя портретами. В одном из них он узнал портрет своего сына. Точно такой же портрет, но больших размеров, он вчера увидел в городском клубе, и там была надпись: «Стахановец учебы тов. Кисунько». Отец, внутренне обрадованный сюрпризом, на вопросы своих товарищей – паровозных машинистов, прибывших в Луганск на учебную экскурсию, прочитавших его фамилию под портретом, – равнодушно отвечал, что это просто однофамилец. Мало ли людей бывает с одинаковыми фамилиями. А сам подумал о сыне: «Ишь ты поганец, скрыл и от меня и от матери». Теперь отец пришел навестить «однофамильца» в институте.

Пока отец стоял наверху, подошло время перерыва, раздался звонок, зашумели институтские коридоры и постепенно стали словно бы наполняться... песнями. Студенты, в большинстве своем выросшие в украинских селах, занесли с собой в институт сельскую традицию – петь, если оказываются вместе хотя бы два-три хлопца и выдалась свободная минута. А здесь – ого, сколько хлопцев и девчат! И перерыв – целых пятнадцать минут. И вот уже физики и математики с выпускного курса сбились плотным кружком в коридоре и поют. Одна песня сменяет другую: «На городи вэрба рясна...», «Дивка в синях стояла...», «Ой, на гори цыганы стоялы...», «Не спи, вставай, кудрявая...»

Пробовали устроить состязание по песням между физиками и математиками, но вместо этого каждый раз получался великолепный объединенный хор соревнующихся сторон: когда одни начинали петь – другие невольно подхватывали песню своих соперников.

«Здорово, шельмецы, поют», – подумал отец, спускаясь по лестнице на второй этаж и незаметно для себя подмурлыкивая песне. Между тем его сын выделялся в поющей компании тем, что размахивал руками, подражая дирижеру, а по окончании каждой песни объявлял: «Следующий номер нашей программы...» Только вместо фрака дирижер был одет в зеленую бумазеевую куртку от лыжного костюма. В какой-то момент он случайно взглянул в сторону наблюдавшего за ним отца, застыл

в дирижерском взмахе и двинулся по коридору:

– Здравствуй, отец!

В детстве я называл отца «папа», но потом как-то отвык от этого, считая, что «папа» звучит не по-мужски.

– Здравствуй, студент или регент... если не шутишь. Что тут у вас такое: физмат или школа певчих?

– Здесь – интегралы грызут и песни поют. А ты как здесь оказался?

– Я ведь тоже студент... паровозный. Без отрыва от производства заканчиваю курсы мастеров социалистического труда. Вся наша группа здесь на экскурсии. Показали нам, машинистам, завод, где делают паровозы. Через два часа – поездом обратно.

– Подожди минутку, я сбегаю в деканат, попрошу отпустить меня с занятий. Провожу тебя на вокзал.

– Не надо. Пропустишь занятия, опять двойку схватишь. И без этого их у тебя хватает. Мне даже письмо из института прислали. В былые времена проучил бы я тебя ремешком за такие дела. А сейчас что мне с тобой, дылдой, делать?

Дылда не подал виду, что заметил озорные искорки во взгляде отца, маскируемые суровым нахмуром бровей, и в тон ему ответил:

– Я ведь стараюсь и сам не понимаю, почему так получается.

Отец решил первым нарушить избранную им игру, но остался верен своему строгому нраву и привычке не перехваливать сына:

– Видел я твои портреты, стахановец учебы. – Последние слова он произнес с нескрываемой иронией. – Тоже мне, рядом со стахановцами труда выставили! Этого я не понимаю. Рано вашего брата почетом баловать. Ведь еще ничего и не сделал, только учишься. Выучишься, поработаешь – вот тогда и посмотрим, что из тебя получилось.

Выйдя из института, мы трамваем доехали до вокзала. Но в вагоне отец внимательно продолжал разглядывать меня с головы до пят и наконец начал как бы насквозь просвечивать взглядом мою обувь.

– Ну-ка, стахановец учебы, покажи свои галоши, – сказал он мне, когда мы были уже в здании вокзала.

Галоши были в порядке, но под ними на ногах студента оказались остатки прорезиненных, бывших когда-то синими, «спортсменок», а точнее – их матерчатого верха со шнурками. От некогда резиновых подошв не осталось и следа:

вместо них сквозь дырявые носки просвечивали подошвы самого студента. Зато в сочетании с галошами такая обувь выглядела вполне прилично.

Отец покачал головой, а я пробормотал:

– Это ничего, мне в профкоме обещают талон на ботинки.

Идею столь искусной маскировки я позаимствовал у своего сокурсника Жоры – известного пижона и сердцееда. У него был приличный костюм, приобретенный им по талону еще в те времена, когда Жора работал на заводе, неплохо зарабатывал, учился на рабфаке. Но под пиджаком у Жоры не было ни рубахи, ни даже майки. Зато Жорину грудь в вырезе пиджака прикрывал крохотный кусок белой ткани размером с детский слюнявчик, к которому пристегивался воротничок от рубахи. Таким образом Жоре удавалось всегда быть при галстуке и в белой рубашке.

Отец, разоблачив мой обувной камуфляж, начал поглядывать то на мои ноги, то на свои ботинки, потом сказал:

– Давай меняться. И не мотай головой, скорее переобувайся.

– А как же ты? Мне только пробежать от общежития до института и обратно. Совсем рядом. А ты в чем будешь ходить на работу?

– Машинистов ни спецодеждой, ни обувью не обижают. Разве ты не слышал, что транспорт – родной брат Красной Армии? И вообще, прекрати разговоры, а то мне и вправду придется по старой памяти тряхнуть ремешком...

В зале ожидания один за другим стали появляться другие участники мариупольской группы паровозных машинистов, которые в шутку называли себя «паровозными студентами». Один из них был с длинными усами неопределенного цвета: не то седыми, но прокуренными, не то рыжими, но поседевшими. Здороваясь со мной, он сказал:

– Во имя отца и сына, ты, хлопче, значит, даже похож немного на свой портрет, значит, во Дворце культуры. А вот отец твой, значит, не узнал тебя на портрете и говорил, что это, значит, не сын, а, мабуть, однофамилец. Но сейчас и я вижу: разул – значит, сын. Значит, учишься?

– Да, вроде того, значит, – ответил я, невольно подлаживаясь под говор этого человека.

– Ну, давай-давай, значит. Может быть, на свете одним дурнем меньше станет.

– Э, Прокоп, не скажи, – вмешался другой машинист. – Дурень – он дурнем и останется, сколько его ни учи. Говорят же: сколько свинью ни отскабливай, а она все равно хрюкнет.

– Да еще тут же, значит, и пукнет, – в рифму добавил усатый, – и даже так, значит, насвинячит, что, короче говоря... – Прокоп добавил словцо, поясняющее, как именно насвинячит.

Все расхохотались, кроме моего отца, который сделал вид, что разглядывает расписание поездов: он чувствовал себя неловко от подобных шуток в присутствии сына.

И все же, значит, – продолжал Прокоп, – приятно видеть, когда животная начинает свою ученость показывать. Вот я видел когда-то циркача с ученой собачкой: он показывает ей большие цифири на картонках, похожих на рубль, трешку или пятерку, а она, окаянная, ровно столько раз и гавкает, сколько ей рублей покажут. Вот так же, уважаемый, и свинью можно обучить.

– Но только не дурня, – не сдавался уважаемый. – А свинья и ученая останется свиньей. И, между прочим, ту самую цирковую собачку для того и обучали, чтоб такие дурни, как мы с тобой, деньги за билет платили и радовались, что она за наши гроши да на нас же и гавкает...

В это время объявили посадку на поезд, идущий в Мариуполь.

Усатый попрощался со мной за руку с напутствием:

– Бувай, значит, здоров, хлопче, добре учись, и дай тоби Боже не стать ученой свиньей.

С отцом мы простились, по своему обыкновению, без телячьих нежностей, крепко, по-мужски, пожав друг другу руки.

Поезд лязгнул вагонными сцепками, двинулся с места и начал набирать скорость. В тамбуре вагона рядом с усатым стоял мой отец, и мне, когда я отвечал на прощальные взмахи отцовской руки, вдруг показалось, что отец уезжает не в Мариуполь, а куда-то далеко-далеко, откуда – нет возврата. Меня охватила какая-то смутная тревога, и я жадно всматривался вслед удаляющемуся поезду, и даже когда он скрылся – я долго стоял на перроне, будто бы ожидая возвращения поезда и возвращения той минуты, когда мы прощались с отцом.

Ни отец, ни я не знали, что это наше прощание было прощанием навсегда.

Стоя на перроне, а затем возвращаясь в институт, я не переставал думать об отце, вспоминал, как в долгие зимние вечера в нашей сельской хате мать сидела за прялкой, а отец занимался всякой хозяйственной всячиной: сплетал из лозы двуручные корзины для сена или соломы – «сапетки», мастерил деревянные грабли, чинил шорную упряжь. А для мариупольского дома он мастерил всю

оконную и дверную столярку, и вид у нее получился вполне городской. Но особенно быстро и легко удавалось отцу осваивать разные машины и механизмы. Был он шофером в армии, трактористом в Бельманке, сейчас на хорошем счету среди паровозных машинистов. Помнится, поехали мы с ним на маслобойню в село Андреевку, заняли очередь среди других подвод на сдачу семечек. Порядок простой: подошла очередь – сдаешь семечки, и их тут же запускают в лущильню, дробильню, на жаровни, под масляный пресс – и, пожалуйста, получай масло и макуху. И все это на глазах у заказчика. Но на этот раз что-то испортилось в механизме пресса, в очереди образовался затор. Местные механики ковырялись в механизме, но безуспешно. Несколько часов простоял мой отец, наблюдая за их работой, потом предложил: дайте, мол, мне посмотреть. Его послали подальше, но очередь взбунтовалась. Мужики пригрозили повернуть подводы на другую маслобойню. Отца допустили к прессу, и он быстро его наладил. Как было тогда мне, шестилетнему мальчишке, не гордиться своим папой! Встречаясь с мальчиками с других подвод, я говорил: «Это мой папа починил маслобойню!»

...Сейчас отец в вагоне поезда под впечатлением расставания с сыном, может быть, вспоминает свою молодость, сравнивает с молодостью своего сына. Шестнадцатилетний Василий ушел на строительство железной дороги недалеко от своего села. Подносил и утрамбовывал грунт и песок на месте будущей насыпи, укладывал шпалы, рельсы, забивал кувалдой костыли, крепящие рельсы к шпалам, работал кочегаром на «кукушке».

После двух лет работы на железной дороге ему исполнилось 18 лет, и он поступил молотобойцем на мариупольский металлургический завод. В Мариуполе работала у разных людей служанкой, а потом кухаркой у самого городского головы и его будущая жена – односельчанка Надя из бедной семьи Скрябиных.

Родители отдавали Надю с девятилетнего возраста в люди, где она служила за то, что ее кое-как кормили и одевали. Это были обычно многодетные семьи в своем же селе. В 14 лет она уехала в Екатеринослав, там была служанкой в семье итальянского инженера, представителя фирмы, строившей трамвай в этом городе, потом служила кондуктором трамвая.

В 1914 году первым призвали старшего брата Ивана защищать веру, царя и отечество, и Василию пришлось вернуться в село, чтобы заменить Ивана в хозяйстве отца. Вскоре в село вернулась и Надя, они поженились, но потом и Василия призвали в армию, и остались его родители на хозяйстве со своей детворой

и с двумя невестками: Евдокией с годовалым Ваней и с беременной Надей. Нелегкая ноша крестьянского труда выпала на долю невесток, и разрешилась Надя мертвой девочкой.

Василий служил на Кавказском фронте, побывал в Эрзеруме, отбитом у турок русскими войсками, и в это время ему было ровно столько лет, сколько в этом году будет его сыну Григорию, когда тот получит диплом физика. А он, Василий, так и остался со своими двумя классами и одним коридором церковноприходской школы. Правда, на курсах соцмастеров он познакомился с алгеброй и тригонометрией и мог потягаться по Шапошникову и Вальцову, Рыбкину и любым другим задачникам даже с молодыми в цеху, которые учились на рабфаке или в вечернем техникуме. Но все же не зря говорят, что молодым у нас дорога, старикам – только почет. Хотя он еще не старик, но и в свои 42 года ему уже не угнаться в учении за молодыми. Скоро и его сын Григорий, а за ним и дочь выйдут на свои дороги, и ему с Надей вздохнется легче. Еще, как говорится, и сами поживем, и на детей нарадуемся, и внучат понянчим. Вот только слепить бы в этом году или купить какую-нибудь халупу в поселке. А на участке возле халупы он обязательно разведет виноград.

О хорошем винограднике он мечтал еще в Бельманке. Для него была в задумке отведена часть приусадебного участка, примыкающая к выгону. Виноградниками он «заболел» после того, как в войну побывал на Кавказе. Достал книжки по виноградарству и по ним осенью 1929 года заложил на облюбованном участке несколько рядов виноградных саженцев. Но его неожиданно остудил старший брат Иван. Однажды, вернувшись из окружного центра, он сказал: «Надвигается большая беда. Какая – потом увидим. Из села надо удирать. Устроимся работать на завод, участок земли для постройки дома мне обещают. За год надо построить дом, навалиться на него всем нашим гуртом, и переезжать семьями, бросать все...»

«И все же беду, считай, пережили, и будет у нас с Надей свой домик, садик и свой виноград. Все образуется...»

С этой мыслью под мерный стук вагонных колес Василия Трифоновича стало клонить ко сну, и он уснул, не подозревая, что все обернется и «образуется» совсем не так, как ему думалось.

Старший брат моего отца Иван Трифонович в Бельманке последние годы совсем отошел от крестьянских дел и забот нашего «семейного колхоза», возглавлявшегося дедушкой Трифоном Герасимовичем. Их тащили на себе мой отец и другие младшие братья. Они даже в кузнице поднаторели и вполне обходились

без дяди Ивана. А он был полностью занят делами сельскохозяйственного финансово-кредитного товарищества в качестве его председателя. Для конторы этого товарищества он построил великолепное здание из красного кирпича под кровлей из оцинкованного железа. К конторе примыкал дворик в виде площадки, на которой всегда можно было увидеть, осмотреть, потрогать всевозможные сельскохозяйственные машины с непривычными нерусскими названиями. Иван Трифонович часто выезжал по делам товарищества в Мариуполь, Бердянск и другие города, привозил оттуда всякие диковинные вещи, вроде охотничьего ружья, охотничьих собак с такими нерусскими кличками, как Нинэлла, Рекс...

Однажды он привез черный резиновый мяч для игры в лапту, и его старший сын Ванька принес этот мяч в школу. О таких мячах бельманские ребята не имели понятия. У нас были мячи, свалянные из шерсти и обшитые кожей. Ванька делал пассы мячом об землю – то, что никак невозможно сделать деревенским мячом. Из своих рук он мяч не выпускал, и ребята с большим трудом уговорили его провести хотя бы один кон игры в лапту с этим мячом. Но во время игры мяч вроде бы нечаянно залетел в колодец, находившийся в школьном дворе. Колодец был сухим, и на его дне хорошо был виден мяч, но как его достать, если на барабане сруба нет каната? Это была явная проделка ребят, живших вблизи школы, но они успокаивали Ваньку: мол, завтра приходи в школу с канатом, и после уроков достанем мяч. Конечно, на следующий день мяча в колодце уже не было.

В связи с частыми разъездами дядя Иван и одеваться стал по-городскому. Особенно представительно выглядел он в дубленой бекеше со смушковой выпушкой, в папахе из добротного каракуля, в начищенных до зеркального блеска хромовых сапогах.

Вращаясь по своим служебным делам в райкомовских и окружкомовских кругах, дядя Иван тем не менее оставался беспартийным, но при этом, видимо, вовремя уловил надвигающуюся на крестьянство беду и решил податься в город, бросив свою вроде бы выгодную службу. И это по его подсказке перебрался на завод мой отец, а за ним потянулись и другие братья. Дяде Ивану его работа в кредитно-финансовом товариществе была засчитана как рабочий стаж, дающий право на получение земельного участка в рабочем поселке. Поэтому и дом в Мариуполе, задуманный как база для «великого переселения» из Бельманки, строился братьями сообща, хотя записан он был на имя Ивана Трифоновича.

Мудрым оказался дядя Иван: останься он председательствовать в Бельманке –

стал бы или раскулачником, или подкулачником. А теперь, в Мариуполе, он – кузнец, рабочий человек, ударник, опора для всего «семейного колхоза».

И вдруг эта опора рухнула. 8 сентября 1933 года дядя Иван, находясь на отдыхе в санатории, утонул во время купания в Днепре. Его жена Евдокия – двоюродная сестра моей матери, овдовев, сначала пустилась в гульбу с холостыми младшими братьями покойного мужа, но мой отец их приструнил, и тогда она стала искать утеху среди приятелей своего старшего сына. И вот теперь живет у нее незарегистрированный примак – Иван Хомчак, всего на четыре года старше ее сына Ивана.

Хомчак – не по годам разбитной малый. Это он надоумил Евдокию отсудить на свое имя дом, построенный братьями. Суд определил, чтобы мой отец платил Евдокии по государственным расценкам квартирную плату за занимаемую нашей семьей комнатушку. Больше «квартирантов» в доме не осталось: Илья и Дмитрий поженились и живут с женами на частных квартирах, копят деньги на постройку собственных гнезд. Копит деньги и мой отец, присматривает, где бы купить себе дом. И Захара нет.

Хомчак дико напивается с сыном Евдокии Иваном и другим ее приятелем – Арсенем, который еще раньше хаживал к вдове. Во хмелю примак дебоширит, грозит, что всех вышвырнет «из нашего дома», а моего отца, как кулацкую контру, посадит.

Арсень – скользкий тип, известный тем, что околачивается в разных компаниях и ведет провокационные разговоры, за которые другого давно бы посадили. Говорят, что он – тайный доносчик НКВД. Однажды моя мать случайно услышала, как Арсень шепнул Евдокии: «Еще не взяли? Ну, ничего, теперь уже недолго осталось ждать». Даже младший сын Евдокии, школьник, как-то сказал моей матери:

– А я про дядьку Василя такое знаю!

– Ну, так расскажи.

– Нельзя, это государственная тайна. Придет время – сами узнаете.

И моему отцу однажды по секрету сказал дядя моей матери, который служил где-то в Донецке, может быть, даже в НКВД:

– Немедленно бросай все и уезжай куда-нибудь подальше от Донбасса. Здесь с тобой может произойти непоправимая беда.

– У меня совесть чиста, никуда я не поеду.

– Пойми, я рискую головой, говоря тебе об этом. Только ради Надюши, чтобы она

не осталась без мужа. Делай то, что я говорю. По секрету скажу, что старший брат Нади послушался моего совета, и теперь ему ничто не угрожает.

Отец не послушался совета маминого дяди. Будь что будет!

Между тем и сама Евдокия как-то в сердцах сказала моей матери:

– Вы с Василем корите меня за вдовьи развлечения? Хорошо, скоро и ты узнаешь, что значит быть вдовой.

В юности Евдокия была недурна собой: пышнотелая, румяная, бойкая в танцах, веселая, беспечная певунья и хохотунья, может быть, немного глуповатая, но зато во всем селе только у ее отца и еще двух мужиков хаты были крыты не соломой, а черепицей, в хате были деревянные крашеные полы, да и в остальном хата у Акима Скрябина была не похожа на другие. Она состояла вроде бы из трех впритык поставленных хат, разделенных между собой глухими стенами. Из них средняя служила жильем для семьи, в другой был добротный амбар, в третьей хранился всевозможный инвентарь, брички, сбруя, дроги и даже ульи с уснувшими на зиму пчелами. А для скота были отдельно стоящие помещения – не то что у других мужиков, которые и жили под одной крышей со своей скотиной. У таких голодранцев, прежде чем попасть с улицы в жилую хату, надо было пройти через сени, в которых стояли лошадь, корова или то и другое... А рядом, в жилом помещении, стояли, перемешавшись, запахи навоза, детских пеленок, борща и свежеиспеченного хлеба.

Евдокия глубоко презирала таких злыдней, и вдруг ее выдают замуж за одного из них – Ивана, в занюханную хату, в которой как клопы кишат засопливленные младшие отпрыски ее свекра. Она возненавидела хату свекра и всех ее обитателей и облегченно вздохнула, когда с Иваном и детьми удалось выделиться на отдельное подворье рядом с подворьем ее отца. И вот нате вам: опять со всей этой оравой в одном доме в Мариуполе! В принадлежавшем ей доме! С этим приходилось как-то мириться, пока был жив Иван. Но теперь – вон из моего дома!

С Надькой у Евдокии особые счеты еще с тех времен, когда обе были солдатками в доме свекра, и Надька лезла не в свои дела, грозила наябедничать Ивану, когда он вернется с войны. Но сейчас особенно злит Евдокию и то, что Надькин сын заканчивает институт, говорят, будет дальше учиться на профессора, а ее Ванька еле одолел семилетку, дважды побывал второгодником, работает каталем у доменной печи. Да к тому же этот будущий профессор – явная контра и ведет агитацию. Евдокия сама слышала, как он говорил, что наукой доказано, будто в

Библии написана правда и упоминаемые в ней цари и города не выдуманы церковниками, а существовали на самом деле. Она где угодно подтвердит, что студент вел такую агитацию в присутствии своего отца, тестя Ильи – Тимофея Черныша и тестя Дмитрия – Афанасия Ивашины. Очень подозрительная компания. Родственнички.

В тот день Василий Трифонович вернулся домой после двенадцатичасовой ночной смены. Своему сменщику он сдал паровоз блестящим, надраенным «как новый гривенник». Оттого и сам был, как обычно после смены, черным от копоти и мазута, в промасленной, потерявшей свой первоначальный цвет, задубеневшей до хруста парусиновой спецовке, которая лоснилась и тоже блестела как паровоз.

Сняв спецовку в сарае, он повесил ее на колышки и там же поставил свой неизменный сундучок для еды. Потом прихватил из котелка добрую горсть скользкой песчано-глинистой массы, которую выдавали машинистам в качестве «спецмыла», и начал умываться, смачно отфыркиваясь над тазом с водой. После третьей смены воды сказал, обращаясь к жене:

– Готовь завтрак. Проголодался, как волк. И представляешь, иду сегодня с работы и думаю: «Эх , к завтраку бы рюмочку красного винца! Захотелось – ну прямо как перед смертью!

– С чего бы это? Слава Богу, сколько я тебя знаю, ни парубком, ни женатым никогда не пил, не курил.

– А что тут плохого? Впереди – двое суток отдыха, и почему бы немного не расслабиться, когда жить стало, как говорится, лучше и веселее? Жили мы ради детей, пора пожить и для себя. Ты только вдумайся: сын у нас институт кончает, дочка – школу, мне разряд повысили, к осени, глядишь, будет у нас и свой домишко. Дети разлетятся кто куда, а мы будем себе в том домишке жить да поживать. Разведем садочек, виноград...

– Садись, завтракай, отдохни с ночи – вот тебе и будет «расслабиться». А насчет остального – подожди пять дней, отметим твои сорок два года.

...Ночью к ним в комнату вошли участковый милиционер и человек в кожаном пальто, в сапогах. Третьим был Хомчак (?!). Вошли без стука, посветили фонариком, нашли выключатель, зажгли свет. В комнате все проснулись: отец, мать и дочь.

– Ты – Кисунько Василий Трифонович? – обратился милиционер к отцу, стоявшему у кровати в нижнем белье. – Предъяви паспорт.

Милиционер взял паспорт, раскрыл его, полистал и спрятал в милицейскую сумку.

Потом начал ковыряться на полках стенной этажерки, где лежали школьные учебники и тетради, книга «Паровоз. Вопросы и ответы», старинного издания Библия в кожаном переплете.

– Вот это нам пригодится, – сказал участковый, пряча Библию в сумку. При этом он положил на этажерку расписку об изъятии при обыске «религиозной литературы в количестве одной книги».

– А теперь одевайся и показывай, где спрятано оружие. Говорю тебе по-хорошему, – сказал человек в кожаном пальто.

– Ни по-хорошему, ни по-плохому – признаваться мне не в чем.

– Ничего, в другом месте все расскажешь. Руки на зад – и на выход!

– Подождите, пожалуйста. Сейчас соберу узелок! – попросила мать, но отец остановил ее:

– Не надо. Иду ненадолго. Правда свое возьмет.

Безуспешно пыталась моя мать что-нибудь узнать об арестованном муже. Была в милиции, в НКВД. Мне написала коротенькую записку на открытке с просьбой приехать на майские праздничные дни – так как она «немного приболела». Все же ее сын у нее образованный. А она не знает и куда пойти, и с кем и как поговорить.

Я выехал в Мариуполь 29 апреля, еще не зная истинной причины, заставившей маму написать мне открытку с просьбой приехать.

А между тем 29 апреля – день моего выезда из Луганска – оказался роковым для моего отца. В этот день в Донецке появился следующий документ, с которым я познакомился только 7 мая 1992 года:

ПРОТОКОЛ № ...

ЗАСЕДАНИЯ ТРОЙКИ УНКВД ПО ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

29 апреля 1938 года

СЛУШАЛИ:

Дело Мариупольского горотдела НКВД по обвинению Кисунько Василия Трифоновича, 1896 г. рождения, и Ивашина Афанасия Леонтьевича, 1894 г. рождения.

ПОСТАНОВИЛИ:

Кисунько Василия Трифоновича и Ивашина Афанасия Леонтьевича

РАССТРЕЛЯТЬ.

Сведений о дате приведения в исполнение этого постановления в материалах

следствия я не обнаружил, но в компетентных органах мне объяснили, что по положению, существовавшему с 1 декабря 1934 года, такие постановления в то время исполнялись немедленно, по вынесении. Значит, когда я подъезжал к Мариуполю, мой отец был уже расстрелян.

Но обо всем этом мне было суждено узнать более чем полвека спустя, а тогда, а 1938 году, я с хорошим предмайским настроением спешил домой к рабочему поселку от станции Сартана с новеньким патефоном марки ПТ-3 коломенского завода. Патефон в ярко-красном футляре, моя премия за отличную учебу – хороший сюрприз для домашних.

В маленькой комнатушке, ставшей в Мариуполе моим «отчим домом», в полном сборе младшие братья моего отца, даже дядя Захар, который успел побывать в Луганске под одному мне известными псевдонимами: Жорж Глобер и Жорж Орлеанский. Теперь он вернулся в Мариуполь из Пятигорска как Захар Трифонович Кисунько, хотя прибывшая с ним жена продолжает называть его Жорой. Захар и Илья построили себе на двоих добротный дом из шлакоблоков.

Мать говорит мне, что ее здоровье, слава Богу, начинает поправляться. Я рад этому еще и потому, что у нас собралось сразу столько гостей. Сейчас перед ними можно будет продемонстрировать патефон. В то время патефоны были большой редкостью. Вот патефон уже на столике, и из него льется песня:

Лейся, песня, на просторе,
не грусти, не плачь, жена...

Я стараюсь уловить на лицах присутствующих выражение радости, так как и мама и дяди любили песни, знали в них толк и сами при случае не прочь были попеть. Но они как-то странно молчат и словно бы с укоризной смотрят на веселого студента. А из патефона несется новая песня:

Ой ты, волюшка, вольная воля,
в целом мире такой не сыскать...

Дядя Илья, токарь, подходит к патефону, ударяет кулаком по мембранной головке, игла насквозь протыкает и раскалывает пластинку. Из глаз дяди выкатываются слезы.

– Тебе, студент, видно, очень весело. А почему ты хотя бы из приличия не спросишь, где твой отец?

– Может быть, на работе? Или новую спецовку выдают, и он задержался после ночной смены?

Мать всхлипывает, с трудом сдерживая рыдания. У мужчин на глазах слезы.

– Что же случилось? Неужели крушение поезда?

– Ты почти угадал, племяшок. Он в сплошной ночной смене, из которой не возвращаются, и, наверно, уже в новой спецовке. А называется эта смена – НКВД. После короткого рассказа матери дядя Захар сказал:

– Вот так-то, студент. Теперь скажи нам, темным людям, что делать?

Что я мог ответить? Теперь я понял, что и меня самого не случайно, а именно в связи с арестом отца вызывали в луганский НКВД в середине апреля. Я тогда не придал значения этому вызову, потому что принимавший меня сотрудник задавал мне какие-то пустяковые вопросы: как учусь, какие преподаватели, какие дисциплины больше всех нравятся. Я подумал, что, может быть, расследуется донос на какого-нибудь преподавателя, и поэтому всячески расхваливал всех преподавателей. Только в конце беседы мне были заданы вопросы, вроде между прочим, о родителях: где отец, мать, чем занимаются, что пишут. Но я тогда еще ничего не знал о случившемся с отцом, и даже открытку от матери о ее «болезни» не получил. Я ответил, что дома все в порядке, и никакого другого ответа по имевшейся у меня информации не могло быть. Меня отпустили. А в каком случае могли не отпустить? И еще непонятно: неужели в НКВД не поинтересовались моим институтским личным делом? А если интересовались, то как могли не заметить фальшивую справку о социальном происхождении? Или, может быть, в луганском НКВД мое дело попало к просто хорошему человеку? И что было бы, попади оно к другому?

Дядя Захар, остальные дяди и мама, задавая мне вопрос «Что делать?», фанатически верят в силу моей «образованности», которая подскажет мне, как вызволить отца. Им и в голову не приходит, что махина НКВД имеет свой план в виде давно составленных списков. Может быть, сейчас подошла очередь для того списка, по которому мне в 1934 году отказали выдать паспорт и пообещали «выслать куда-нибудь подальше». И все же...

– Все это какое-то недоразумение. Вот увидите, там разберутся, и отец вернется. А мы начнем действовать по Конституции. Сейчас напишем письмо главному городскому прокурору, – сказал я.

– Ничего себе недоразумение: был человек – и нет человека, – ответил мне дядя Илья. – Ты, Гриша, конечно, ученей нас, но мы по– темному так понимаем это дело: слишком уж много этих самых недоразумений. Пройдись только по нашему

поселку – со счета собьешься. Слыхали мы про всяких врагов народа, но теперь уже выходит так, что народ сам себе враг. Вот это и есть сплошное, огромное и очень страшное недоразумение.

Городской прокурор, к которому я попал после Майских праздников, повертев в руках мое заявление, равнодушно ответил:

– Таких заявлений не принимаем.

Мои настойчивые просьбы он выслушивал, рассеянно глядя в окно.

– Но вы, как самый главный прокурор в городе, можете затребовать дело, и все выяснится. Тут просто недоразумение.

Прокурор ответил:

– Обратитесь в НКВД. Я ничем вам помочь не могу.

В НКВД через окошко мне сказали:

– Справок не даем.

Потом я направился к городской тюрьме, где стояла огромная очередь с узелками. На всякий случай купил немного яблок. А когда дошла моя очередь, услышал ответ:

– У нас не числится.

Надо было возвращаться в Луганск: в июне – выпускные государственные экзамены. Написал заявление на имя областного прокурора, прокурора УССР, Генерального прокурора СССР; в НКВД: городское, областное, УССР, СССР; Сталину, Молотову, Калинину. Позднее, когда узнавал о смене наркомов или начальников НКВД, – особенно когда прежние объявлялись врагами народа, – повторно направлял заявления на имя вновь назначенных лиц. Все эти мои письма оставались без ответа.

На луганском вокзале в раздумье, вспоминая, как здесь последний раз виделись с отцом, я по ошибке вышел к двери, на которой была надпись: «НЕТ ВЫХОДА». В этой надписи словно бы затаился прицельно мне адресованный зловещий смысл. С тех пор всегда и всюду при виде подобных надписей у меня невольно возникают ассоциации с трагическими событиями апреля 1938 года.

Вернувшись в институт, я рассказал об аресте отца члену парткома института Ивану Фомичу Боярченко, выразил уверенность, что все это недоразумение, попросил совета. Но Иван Фомич ответил:

– Органы НКВД работают точно. У них недоразумений не бывает. Но ты не падай духом: сын за отца не отвечает. Это сказал сам Сталин. А тебя мы знаем и в тебя верим.

– Но я ведь не о себе, а об отце, которого знаю и в которого верю. Вас, старого партийца, хорошо знают и в Донецкой и в Луганской областях. Прошу вас, попросите, пусть разберутся.

Слушая меня, Иван Фомич, может быть, вспоминал своего друга Владимира Горбатова, вожака и любимца луганских комсомольцев, которого уже нет. Фомич хорошо знал Володю, верит в него и не верит, что он враг. И потому дал мне совет:

– Отцу не поможешь, а себе навредишь. В институте о случившемся никому больше не рассказывай. Кому надо – я расскажу сам.

После разговора с Иваном Фомичом я частенько, пока шли выпускные госэкзамены, ненароком наведывался в фойе институтского клуба, чтобы посмотреть, не сняли ли мой портрет отличника, как сына врага народа. Ведь в последние годы случалось так, что в течение считанных минут снимались и не такие портреты. В этом самом клубе мне пришлось делать доклад о жизни и деятельности П. П. Постышева. Доклад всем понравился. А через несколько дней по всей стране как ветром сдуло портреты этого «соратника великого Сталина».

Видимо, дальше Ивана Фомича мой разговор с ним никуда не пошел. И именно Иван Фомич представлял партком в Государственной экзаменационной комиссии, которая по предложению кафедры приняла решение рекомендовать меня в аспирантуру «как студента с незаурядными способностями». А в областной газете от 30 июня 1938 года в заметке, посвященной выпуску специалистов пединститута, было сказано, что «среди выпускников этого года – талантливый математик комсомолец Кисунько Григорий Васильевич». Иван Фомич был первым, кто показал мне газету с этой заметкой.

Были ли предъявлены отцу при его аресте ордер на арест и санкция прокурора? На эти вопросы ни моя мать, ни сестра– десятиклассница не могли дать ответ. Мать отвечала: «Та чи я ж розбираюся в отих проклятых милицейских бумагах з моею церковноприходською грамотою?» Сестра отвечала: «Мы были так потрясены всем происходящим, что нам было не до милицейских и хомчаковских морд. Мы видели только папу и с ужасом думали о том, что больше его не увидим». Ответ на этот вопрос я получил только в 1992 году, знакомясь с архивно-следственным делом НКВД, где оказались следующие относящиеся к нему документы:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1938 г. апреля 3 дня

Мариупольский городской прокурор Белый, рассмотрев материал и ходатайство

Мариупольского гор. отд. НКВД о даче санкции на арест гр. Кисунько Василия Трифоновича, обвиняемого по ст. 54–10, 54–11 УК СССР,

НАШЕЛ:

Материалами следственного дела гр. Кисунько Василий Трифонович достаточно изобличается в том, что он является участником контрреволюционной организации. При оставлении его на свободе может повлиять на ход следствия и уклониться от суда, а поэтому руководствуясь ст. 142– 156 УПК

ПОСТАНОВИЛ:

Санкционировать содержание под стражей при Мариупольской тюрьме гр. Кисунько Василия Трифоновича, 1896 г. рождения, происходящего из с. Бельманки Днепропетровской области.

Мариупольский Горпрокурор

п/п БЕЛЫЙ

ОРДЕР №

Выдан 3 апреля 1938 г. Действителен « _ 1 _ « суток

Сотруднику _____ НКВД УССР тов. _____ поручается про извести обыск и арест гр-на Кисунько Василия Трифоновича, проживающего пос. Апатова, 8–34.

Начальник Управления НКВД по Донецкой области

Начальник 8 отд. УГБ

Герб. печать Мариуп. ГО НКВД.

Ордер на арест, заверенный гербовой печатью Мариупольского горотдела НКВД, подшит в дело неоторванным от корешка, а это значит, что при аресте он не предъявлялся. Да и как он мог предъявляться, если в нем вместо фамилии сотрудника, которому поручается провести обыск и арест, – пустое место в незаполненной строке? И еще: на ордере нет подписи прокурора, она даже не предусмотрена на форменном бланке. Значит, НКВД имел возможность заполнять и подписывать ордера без санкции прокурора, без нее арестовывать людей, а потом, задним числом, получать санкции. В случае же с отцом и сам ордер мог быть подшит вместе с корешком задним числом, для канцелярского порядка, уже после ареста.

Будь вместо отца – не просвещенного в юридических азах рабочего человека – кто-нибудь из «детей Арбата», органы не решились бы на такую бесцеремонность при его обыске и аресте, – по крайней мере, бумаги были бы оформлены в полном соответствии с правилами дьявольских канцелярий. А в отношении рабоче-крестьянского быдла все эти церемониальные тонкости ни к чему. Но тогда, в 1938

году, собираясь идти с жалобой к городскому прокурору, я еще ничего этого не знал. Не знал и того, что именно этот прокурор по привычке подмахнул подсунутую ему из НКВД санкцию на арест отца.

Ознакомившись в мае 1992 года с архивно-следственным делом моего отца, я понял, что он попал в полосу массовых репрессий бывших «кулаков», которых хватали группами односельчан, после чего НКВД оставалось «скомплектовать» из них мнимые контрреволюционные повстанческие организации, выбивать пытками из этих несчастных признания придуманной следователями вины, на основании этих признаний стряпать «расстрельные» обвинительные заключения и передавать их особым тройкам НКВД. Решения троек приводились в исполнение немедленно по их вынесении.

Выявление «кандидатов в повстанцы» происходило повсеместно как непосредственно органами НКВД, так и через кадровые органы предприятий путем запросов в сельсоветы, для чего существовали специальные бланки по форме № 10.

Вот как выглядит справка по форме № 10 на моего отца в следственном деле НКВД:

Фамилия, имя, отчество – Кисунько Василий Трифонович

Уроженец с. Бельманка

Ск. времени проживал на территории сельсовета – до 1930 года

Когда выехал – в 1930 г.

Причина выезда – раскулачен

Соцположение – кулак

Кто состоит на иждивении и проживает на территории сельсовета – нет никаво (так в подлиннике)

Сколько платил сельхозналога в 1929– 1930, 1931 и 1932 г. – за 1929– 30 211,96

Пользуется ли избирательным правом – нет

Сведения о судимости – нет

Другие сведения – нет

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВЕТА п/п

СЕКРЕТАРЬ СЕЛЬСОВЕТА п/п

В подлиннике справки не указана дата ее выдачи; кроме того, фамилия, имя, отчество и размер сельхозналога заполнены фиолетовыми чернилами, а все остальные данные – черными (подсказка на кулацкий размер сельхозналога?). В этой справке дважды обыгрывается кулацкий акцент, привнесенный ее

составителями в анкетные данные моего отца. И этот акцент по принципу «раз кулак, – значит, контра» прошел через все Энкавэдэвское бумаготворчество по делу В. Т. Кисунько, начиная с самого первого сатанинского документа, предопределившего его арест, а по номерам статей УК – и его расстрельную судьбу:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(об избрании меры пресечения)

Город Мариуполь,

1938 г., апреля месяца, 3-го дня.

Я, оперуполномоченный 3 отд. УГБ Мариупольского горотдела сержант Госбезопасности Трубников, рассмотрев материал по обвинению гр. Кисунько Василия Трифоновича, год рождения 1896, место рождения с. Бельманка Днепропетровской области, адрес пос. Апатова, 8–34, профессия и специальность машинист депо паровозов, завод Ильича, Соцположение рабочий, компрометирующее прошлое и судимости – кулак, партийность – беспартийный, национальность украинец, подданство – СССР, невоеннообязан, в преступлениях, предусмотренных ст. 54–10, 54–11 УК СССР, выразившихся в том, что Кисунько Василий Трифонович является участником контрреволюционной повстанческой организации.

На основании вышеизложенного, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР, постановил:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Кисунько Василию Трифоновичу содержание под стражей в Мариупольской тюрьме.

2. Настоящее постановление, в порядке ст. 144 УПК УССР и приказа НКВД и Прокуратуры Союза ССР от 16.05.1933 года № 1665 представить для санкции Мариупольскому горпрокурору.

п/п Сержант ГБ Трубников

п/п «Согласен» Нач. 3 отд. УГБ ст. л-т ГБ Авербух

п/п «Утверждаю» Нач. ГО НКВД ст. л-т ГБ Ленский

Читатель, вероятно, помнит, что в 1930 году раскулачивание семьи моего отца и семьи дяди Ивана было отменено и отец получил справку из сельсовета, что он – маломощный середняк. Справку, по которой я даже пытался в 1934 году получить паспорт, но милицейский начальник пригрозил выслать меня куда-нибудь подальше как сына кулака. Похоже, что клеймом кулака в то жуткое время по команде сверху

автоматически полагалось метить уже всех, сбежавших в города из сел от коллективизации и от голода. И мой отец, как и всякий, отмеченный таким клеймом, тем самым автоматически оказался и на негласном учете в НКВД и был обречен рано или поздно попасть в его лапы. Наличие доноса только ускорило этот процесс, и отца арестовали немедленно по принципу: «Был бы человек, а статья для него найдется».

Арест был произведен через два дня после того, как по решению особой тройки УНКВД по Днепропетровской области 1 апреля 1938 года была расстреляна «контрреволюционная повстанческая организация бывшего махновца Чернышева», состоявшая из односельчан села Бельманка, большинство которых до ареста, в том числе и сам Чернышев Т. П., проживали в Мариуполе; то есть «враги» орудовали, можно сказать, под самым носом у мариупольского НКВД. Не исключено, что в связи с этим мариупольский НКВД решил «не подкачать», раскрыв и ликвидировав еще одну контрреволюционную повстанческую организацию среди бельманских земляков-кулаков, работающих и проживающих на заводах в Мариуполе. Пытались ее разматывать через В. Т. Кисунько, требуя от него на допросах назвать известных ему лиц этой категории. Но он, пройдя через все ужасы «допросов с пристрастием» с 3-го по 28 апреля, выстоял, и даже свое «признание» в принадлежности к контрреволюционной повстанческой организации, вырванное у него следователем Соляным, подписал 28 апреля, не назвав ни одной фамилии бельманских земляков, крови которых жаждал НКВД. Поэтому Соляному не оставалось ничего, кроме как «зачислить» моего отца в организацию Т. П. Чернышева.

Пока шли следственная обработка моего отца, в мариупольский НКВД поступили показания Тимофея Чернышева, якобы изобличающие Ивашина Афанасия Леонтьевича как участника возглавлявшейся Чернышевым повстанческой организации. (Между прочим, Чернышов – тесть самого младшего брата моего отца Ильи, а Ивашин – тесть другого младшего брата отца – Дмитрия. Оба проживали в близком с нами соседстве в поселке имени Апатова.) Дело Чернышевской организации было обстряпано с головокружительной, даже для НКВД, скоростью: арест Чернышева – 19 марта 1938 года, особая тройка и расстрел – 1 апреля 1938 года. Может быть, из-за этой спешки не успели арестовать и расстрелять вместе с другими «участниками» Ивашина. Сейчас эту оплошность днепропетровского НКВД предстояло исправить мариупольским чекистам. Ивашин был арестован 23 апреля, допрошен 26 апреля, 27 апреля ему предъявлено «Постановление о привлечении в

качестве обвиняемого», 29 апреля – обвинительное заключение (общее) на Кисунько В. Т. и Ивашина А. Л. и в тот же день – решение тройки (тоже для обоих) – расстрелять.

Мне довелось ознакомиться с показаниями Чернышева на 7 листах в протоколе допроса от 26 марта 1938 года (допрашивал начрайотдела НКВД Борисенко). Все это бред сивой кобылы. Достаточно указать, например, на следующее место в показаниях: «Бушко Дементий подговорил Силяева и Коновку в 1930 году убить селькора, учителя – Василия Григорьевича, фамилию не помню. Последний узнал об этом, написал в прокуратуру и нас всех арестовали». Арестовали в 1938 году за то, что сговаривались в 1930-м убить селькора! И всех за это расстреляли!

«УТВЕРЖДАЮ»
Начальник Мариупольского
горотдела НКВД
ст. лейтенант Госбезопасности
п/п ЛЕНСКИЙ
29/IV 1938 года

По следственному делу № 01652

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г. Мариуполь, 1938 г., апреля 29 дня

Я, начальник Волновахского райотдела НКВД – мл. л-т Госбезопасности СОЛЯНОЙ, рассмотрев следственное дело по обвинению:

Кисунько Василий Трифонович, 1896 г. рождения, уроженец с. Бельманка, Куйбышевского района Днепропетровской области, кулак, раскулачен в 1929 году, украинец, гражданства СССР, беспартийный, до ареста проживал в г. Мариуполе, работал машинистом на заводе им. Ильича.

Ивашин Афанасий Леонтьевич, 1894 г. рождения, уроженец с. Бельманка, Куйбышевского района Днепропетровской области, кулак, раскулачен в 1929 году, украинец, гражданства СССР, беспартийный, до ареста проживал в г. Мариуполе, работал на заводе им. Куйбышева слесарем в силовом цеху.

В принадлежности к контрреволюционной повстанческой организации, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 54–2 и 54–11 УК УССР

нашел:

Материалами следствия установлено, что обвиняемые Кисунько Василий Трифонович и Ивашин Афанасий Леонтьевич являлись участниками

контрреволюционной повстанческой организации, имевшей целью организацию вооруженного восстания против Соввласти в момент войны.

Ивашин А. Л. был вовлечен в эту контрреволюционную организацию в 1927 году бывшим махновцем кулаком Чернышевым Тимофей Потаповичем (осужден). Кисунько В. Т. был вовлечен им же в 1929 году. При вербовке оба дали согласие на участие в вооруженном восстании против Соввласти в военный период. Ивашин лично, в соответствии с полученным заданием, вовлек в к-р организацию двух человек кулаков: Кочергу И. К. и Буца Ф. Т.

Обвиняемые: Ивашин А. Л. и Кисунько В. Т. виновными себя признали.

На основании изложенного постановил:

Настоящее следственное дело по обвинению: Кисунько Василия Трифоновича и Ивашина Афанасия Леонтьевича направить на рассмотрение Особой Тройки при УНКВД по Донецкой области.

СПРАВКА:

Обвиняемые: Кисунько В. Т. и Ивашин А. Л. содержатся под стражей в Мариупольской тюрьме с 23 апреля 1938 года.

НАЧ. ВОЛНОВАХСКОГО РО НКВД

МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОНОСТИ

(подпись) СОЛЯНОЙ

Так выглядел итоговый документ следствия по сведенным в одно общее дело обвинениям В. Т. Кисунько и А. Л. Ивашина, якобы завербованных Т. П. Чернышевым в контрреволюционную организацию. Документ, на основании которого (если вообще здесь уместно выражение «на основании») особая тройка постановила расстрелять обоих обвиняемых. Поразительно, что в следственном деле нет никаких отметок об ознакомлении обвиняемых с обвинительным заключением. Но есть еще две особенности дела № 01652, дичайшие даже для НКВД.

Во-первых, особая тройка в Донецке даже не снизошла до того, чтобы хотя бы увидеть тех, кого она постановила расстрелять. Это видно хотя бы из того, что 29 апреля 1938 года, когда тройка якобы выносила свое решение в Донецке, обвиняемые находились в Мариупольской тюрьме, как это следует из справки, приведенной в конце обвинительного заключения, датированного тоже 29 апреля.

Во-вторых, В. Т. Кисунько и А. Л. Ивашин были расстреляны в Мариуполе до фактического вынесения постановления тройки, дата заседания которой (то есть 29

апреля) была проставлена задним числом. Ибо физически невозможно было за один день – 29 апреля:

– составить и утвердить в мариупольском НКВД обвинительное заключение;

– доставить его из Мариуполя в Донецк для рассмотрения особой тройки УНКВД по Донецкой области;

– особой тройке – собраться, рассмотреть обвинительное заключение, оформить протокол своего заседания и его отправку в Мариуполь для исполнения;

– доставить протокол особой тройки в Мариуполь из Донецка.

Но если нельзя было управиться со всем этим за один день, то никто не решал мариупольским и донецким органам в предмайской спешке договориться заранее: Мариуполь направляет в Донецк 29 апреля обвинительное заключение, а Донецк гарантирует, что этой же датой будет оформлен протокол особой тройки с расстрельным решением. При такой договоренности снимались все препятствия к тому, чтобы 29 апреля «авансом» шлепнуть в Мариуполе двух кулацких контриков, изрядно надоевших «занимавшимся» с ними местным энкавэдэшникам.

И еще – об обнаруженных мной махинациях с архивно-следственным делом. Начались они с изъятия из подшивки двух листов (вероятно, связанных с доносами и доносчиками). Оформлено это пометкой с неразборчивой подписью на внутренней стороне папки в конце подшивки: «В деле 39 листов. Листы 9 и 15 отсутствуют».

Но если в деле 39 листов, то после листа под номером 38 с приведенным выше обвинительным заключением не должен ли следовать протокол особой тройки по рассмотрению обвинительного заключения?

На самом же деле под номером 39 подшито заявление младшего брата моего отца – Ильи Трифоновича (вх. К-373 от 22.XII 1956 года) с просьбой сообщить о судьбе арестованного брата. И далее за номером 40 добавлена копия исх. 6/3 21884 от 1957 г. за подписью майора Катунина:

«Уполномоченному КГБ при СМ УССР

по Сталинской области в г. ЖДАНОВЕ

Просим дать указания вызвать гр-на Кисунько Илью Трифоновича, проживающего в г. Жданове, ул. Пограничная, дом 24, и устно объявить, что его брат – Кисунько Василий Трифонович в 1938 году был осужден на 10 лет лишения свободы и, находясь в заключении, умер 18 сентября 1942 года от крупозного воспаления легких».

Одним словом, «органы» решили врать, но только устно. Такова была их

«перестройка» после XX съезда КПСС. При этом письмо Ильи Трифоновича и письмо майора Катунина, подшитые к следственным документам после обвинительного заключения, – фактически вместо расстрельного решения тройки, – как бы дают подсказку, как надо отвечать (врать) о судьбе Кисунько В. Т. и Ивашина А. Л. при поступлении запросов от кого бы то ни было. Явный расчет на то, что родственники расстрелянных не станут маяться с их реабилитацией, смирятся с вестью об их почти естественной смерти.

Версия с крупозным воспалением легких, кроме того, изложена рукописной пометкой на свободной части листа № 38 после подписи составителя обвинительного заключения Соляного: «14/I 1957 г. сообщено Кисунько И. Т., что Кисунько В. Т. умер 18 сентября 1942 года от крупозного воспаления легких».

Но рядом с этой пометкой проставлен штамп: «Следственное дело пересмотрено и оставлено для дальнейшего хранения в архиве по фонду «осужден к ВМН». Значит, при пересмотре дел после XX съезда КПСС «осуждение к ВМН» было проштамповано как правильное.

А как же с протоколом заседания особой тройки? В деле отсутствует первоначальный документ о ее заседании. Только среди документов переписки о реабилитации, проведенной по требованию начальника особого отдела В. А. Сипкевича (в/ч 25617), появилась «Выписка из копии протокола № заседания тройки УНКВД по Донецкой области от 29 апреля 1938 г.», составленная по трафарету: «СЛУШАЛИ – ПОСТАНОВИЛИ – РАССТРЕЛЯТЬ».

Почему выписка, да к тому же из копии? Видно, даже в 1965 году было что хранить в тайне не только в подлиннике, но даже в оскопленной копии кошмарного документа из времен 1938 года. Дело в том, что на территории Украины «расстрельные» решения областных троек по групповым делам полагалось утверждать секретарю ЦК КПУ Н. С. Хрущеву.

Не нарком, не чин военный,
никакой не уклонист,
рядовой, обыкновенный
паровозный машинист,
в сорок два неполных года
ты оставил этот свет
с ярлыком врага народа, –
ярлыка страшнее нет.

Сорок два... Как это мало,
я постиг уже потом.
Мне отца недоставало,
когда сам я стал отцом.
Но, оправданный посмертно,
ты без стуков и звонков
появляешься, наверно,
в страшных снах клеветников.
Встань же, батько, прокурором
и возмездия порукой
стукачам и живодерам
и своей святою мукой
за злодейство с них спроси,
приговор произнеси.

Глава четвертая

Уж ты, доля моя! Ты меня не чуралась:
одарила сызмальства куркульским клеймом.
Словно кошка с мышонком,
ты мной забавлялась
и вломилась бедою в отеческий дом.
Так спасибо тебе: ты меня опекала,
не сгубила на ратных кровавых полях,
и вослед за отцом на расстрел не погнала,
не погнала этапом в кромешный ГУЛАГ.

Мои студенческие годы в Луганском пединституте я вспоминаю с глубоким и теплым чувством признательности к преподавателям-физикам Сергею Николаевичу Холодилину, Николаю Павловичу Охотскому, Михаилу Павловичу Чефранову, математикам Михаилу Гавриловичу Цук, Петру Дмитриевичу Богомолову, Григорию Ивановичу Кононикину. Они не блистали учеными степенями и званиями, но это были питомцы Санкт-Петербургского (кто старше), Ленинградского, Московского и Киевского университетов, хорошо владевшие предметами своего преподавания, прошедшие через школу таких университетских профессоров, как О. Д. Хвольсон, Н. Е. Жуковский, Н. Н. Лузин, Н. С. Кошляков...

Но вместе с тем все эти годы я находился под гнетущим страхом разоблачения меня как «классово чуждого элемента», и для этого страха было не мало оснований. Ибо то, что поиски чужаков где-то и кем-то постоянно ведутся, явно обнаруживалось в том, что в клуб института время от времени собирали всех студентов и преподавателей и объявляли об исключении из комсомола и из института таких-то, оказавшихся детьми кулаков. Среди них мне особенно запомнилась симпатичная румянощекая девушка по фамилии Лебтаг – из семьи немцев-колонистов, которых в те годы подчистую выселяли с юга Украины. И даже один из студентов нашей группы по фамилии Чуйченко оказался кулацким сыном. Каждый такой факт доводился до всего коллектива института с напоминанием о бдительности и еще раз бдительности.

Я попытался проанализировать наиболее вероятные поводы для моего разоблачения и продумать меры, чтобы их исключить. Среди таких поводов могло быть противоречие в «моей» биографии: отец с 1914 года – рабочий в Мариуполе, а мое место рождения – село Бельманка, 1918 год. Такой вопрос мог бы задать не только дотошный кадровик при бдительном изучении моего личного дела, но и любой бдительный комсомолец или профсоюзник при обсуждении моей кандидатуры на выборном собрании. Дело в том, что в тот период по правилам бдительности любой кандидат, выдвигаемый на выборном собрании, обязан был рассказывать свою подробную биографию, – даже если он просит самоотвод. Причем вопросы по биографии задавались с особой придирчивостью, и всякие действительные или мнимые неувязки могли стать поводом для специальной проверки кадровиками. Чтобы избежать такой опасности, я взял себе за твердое правило – «не высовываться» ни на комсомольском, ни на профсоюзном поприщах. И все же я на всякий случай придумал объяснение парадокса моего рождения: дескать, в Гражданскую войну многие спасались в селе от городской голодухи.

Но такая моя версия могла быть вмиг разоблачена, если бы я ее пустил в ход в присутствии институтского комсомольского активиста, в котором я с ужасом узнал выпускника 1930 года сельской семилетки, в которой я учился в «кулацкой» группе пятого класса. Положение усугублялось тем, что этот активист в семилетке был одноклассником моего двоюродного брата Ивана, даже дружил с ним, и ему была хорошо известна наша фамилия. «Так где же вы жили до 1930 года: в селе или Мариуполе?» – мог бы спросить меня этот живой свидетель моего селянского происхождения. Мне повезло, что он был студентом литфака. И все же я набрался

страха за два года, пока этот студент не закончил институт и не уехал из Луганска. Однако во все институтские годы наиболее кошмарным в моем воображении представлялся такой случай, когда кадровик, листая мое личное дело, обратил бы внимание на то, что текст справки о рабочем стаже отца содержит строчку, явно вписанную другими чернилами. Ибо как бы ни подбирал я цвет чернил, но все равно разные партии чернил выцветают по-разному. Это была бы для меня катастрофа!

Была у меня и еще одна уловка, которая должна была уводить всех встречавшихся со мной от мысли о моем селянском происхождении: в украинскоязычной студенческой среде я сначала говорил только «по-городскому». В то время на юге Украины еще бытовало разделение языков на «городской» (русский) и «селянский» (украинский), и мне, якобы коренному горожанину, пришлось имитировать постепенное освоение своего родного языка. Заодно притворно постигал смысл «непонятных» слов из крестьянского лексикона. Например, поют: «...пропыв ярма ще и занозы». А что это такое – занозы, которые можно пропить?

На какой факультет поступать в институт? Я уже говорил, что для меня этот вопрос решался однозначно: только физмат. Как-то получилось, что в 7– 9 классах я пристрастился к задачам по алгебре, геометрии и тригонометрии в объеме учебников и задачников бывших российских гимназий и реальных училищ. Но наиболее крутой поворот в моем интересе к математике произошел совершенно случайно в связи с выполнением мною очередного задания по отовариванию талонов на мясо в поселковом магазине. Отвесив мне, как обычно, вместо мяса несколько селедок, продавщица завернула их в какую-то странную бумагу, – вернее, в листы от какой-то книги, которые мне показались крайне любопытными. Дома я начал изучать засаленные селедочным жиром листочки, – очень интересно, а главное – понятно! С самого начала я наткнулся на объяснение с графической иллюстрацией понятия производной. Я побежал в магазин и попросил продавщицу разрешить мне выбрать для себя несколько листочков, чтобы получилось несколько страниц подряд. На это она ответила: «Бери, у меня этого добра хватает. И что ты нашел в этих бумажках?» Мне удалось установить, что это были листы из книги «Курс высшей математики для техникумов», автор – Брусиловский. (В те годы на Украине техникумы имели статус «узкоколейных» вузов.) Я раздобыл эту книгу, и работа с ней укрепила мою увлеченность математикой. Поэтому не случайно свои занятия на физмате я начинал в группе будущих математиков. Однако уже в первом

семестре я обнаружил, что программа по физике у математиков, по моим представлениям, слабовата, и со второго семестра по моей просьбе я был переведен в группу физиков. Но при этом мне было разрешено сдавать экзамены и по математическим дисциплинам в объеме программы для математиков. Обучаясь в группе физиков, я продолжал участвовать в математическом кружке. Обратив внимание на мой интерес к математике, преподаватели математики М. Г. Цук и П. Д. Богомолов выразили желание заниматься со мной индивидуально по дополнительной программе. От этих занятий у меня сохранились самые теплые воспоминания и чувство благодарности к Михаилу Гавриловичу к Петру Дмитриевичу. И все же главным предметом моих занятий оставалась физика.

В школьные годы мои симпатии делились между математикой и физикой поровну. При этом в физике меня привлекала ее практическая значимость для электротехники, радиотехники и других отраслей науки. Не обошлось у меня и без увлечения радиолюбительством. Чтобы купить необходимые радиодетали, я пропускал школьные завтраки, которые сверх карточных норм отпускались по льготным ценам ученикам, и это позволяло мне каждый день копить по 20 копеек. Так был построен первый детекторный приемник, куплен антенный канатик с изоляторами. Но как раздобыть опорные мачты для антенны? С помощью дяди Ильи удалось добыть (ночью, чтоб никто не видел) две длинных водопроводных трубы из тех, что были завезены в поселок строителями, прокладывавшими водопровод с водозаборными колонками. Но мой отец, увидев трубы, задал мне взбучку и сказал, чтобы «сегодня же ночью» трубы были возвращены на их законное место.

Затеяв мальчишескую аферу с водопроводными трубами для антенных мачт, мы с дядей Ильей (бывшим всего на четыре года старше меня) совершенно не задумывались о возможных ее последствиях. А ведь до нас в Мариуполь доходили передаваемые шепотом слухи из Бельманки, где даже подростков хватают и судят за колоски, собранные на полях после уборки урожая! Вместо того чтобы вернуть трубы туда, где взяли, мы их спрятали, прикопав землей в огороде: надеялись, что со временем все уляжется и будет у нас стоять настоящая антенна. Но «со временем» пришлось забыть об этой затее, – после того что приключилось с Семеном Акимовичем Скрябиным, братом жены дяди Ивана и двоюродным братом моей матери.

Дядя Семен работал на заводе «Азовсталь» шофером на грузовике-полуторке. Однажды, доставив груз на территорию завода, он возвращался порожняком за

новым грузом. На КПП у заводских ворот вохровец потребовал у него документ на груз. Шофер удивился: «Какой еще груз? Я же еду порожняком». Тогда вохровец указал на обрывки провода, которыми были подвязаны четыре угловые защелки, чтобы на ухабистых дорогах от тряски у грузовика не открывались борта кузова. Такие обрывки провода нетрудно было найти среди хлама, валяющегося на территории строящегося завода. Вохровец вызвал своего начальника, был составлен акт о краже проволоки, «виновника», пойманного с поличным, сняли прямо с машины, и после скорого суда загремел Семен Акимович на 8 лет в один из лагерей, строивших канал Москва – Волга. Хорошо помню обратный адрес на его письмах в Мариуполь: г. Химки Московской области, п/я 101. Вернулся он по амнистии, объявленной всем дожившим до нее «каналоармейцам» после хорошо организованной для Сталина и его соратников прогулки на катере по готовому каналу. Впоследствии Семен Акимович рассказывал, что выжить ему помогло то, что он не попал в землекопы, – благодаря своей шоферской специальности, оказавшейся дефицитной даже в ГУЛАГе.

И все же мне удалось проверить свой приемник у Володьки – сына инженера, проживавшего на верхнем этаже итээровского дома. У него на крыше была настоящая антенна, сделанная его отцом. Подключившись к антенне и заземлению, я долго возился с настройкой и подбором подходящей точки на кристалле детектора, пока не услышал в наушниках, – правда, не очень громко:

Конница Буденного раскинулась в степи...

Не веря своим ушам, я передал наушники Володьке, и после этого мы по Очереди передавали их друг другу, слушая передачу «аж из Харькова».

От Володьки домой я мчался вдоль заводского забора, размышляя о том, как поделюсь с матерью и скупым на похвалы отцом. Размечтавшись, не успел посторониться вовремя от встретившихся мне двух пьяных верзил. Один из них влепил мне затрещину, плюнул в лицо липкой, вонявшей водкой слизью, прорычал:

– Кышш с дороги... – и добавил похабное, по-южному расцвеченное ругательство.

Я отскочил в сторону и побежал, прижимая к себе приемник, но у меня с одной ноги соскочила галоша: по торжественному случаю в этот воскресный июльский день я был в новеньких, надетых на носки галошах, доставшихся отцу по талону в «ударном» магазине.

Один из верзил подобрал галошу и швырнул ее за заводской забор.

– Хулиган! Дурак! – выкрикнул я.

В ответ у хулигана в руке сверкнул нож, и я, потеряв хлопавшую на ноге вторую галошу, быстро помчался к палисадничку у ближайшего дома. Там по случаю выходного дня отдыхала компания рабочих: одни играли в домино, а другие наблюдали за игрой. Увидев вбежавшего во двор мальчика и гнавшегося за ним хулигана, двое дюжих парней подошли к калитке. Хулиган выматерился, повернул обратно, по дороге подобрал вторую мою галошу и отправил вслед за первой. Господь Бог словно бы вразумлял будущего генерального конструктора знамением: дескать, создавая новую технику, не забывай о хулиганах, готовых вознаградить тебя за нее плевками и оплеухами.

Но вскоре моя заинтересованность в физике внезапно переместилась из области научно-технической в область познавательно-теоретическую. Случилось это на уроке физики, когда впервые появившийся у нас новый учитель без всяких предисловий просто сказал, что сейчас мы выведем основное уравнение кинетической теории газов. Оказывается, можно очень красиво, – иначе не скажешь, – математически объяснить и вычислить давление газа, рассматривая движение молекул, из которых он состоит. И тем самым, как бы мимоходом, доказать математически закон Бойля и Мариотта. Передо мною открылось окошко в тончайшую область физики, где математика заменяет физические приборы, где без математики делать нечего. Много позже я узнал, что эта область называется теоретической физикой, но и не зная ее названия, я представлял себе ее как некий сплав физики и математики, как настоящую физику. Разумеется, в пределах моих школьных представлений я никакого понятия не имел о взаимодействии теоретической и экспериментальной физики. Таковы были истоки моих равновеликих усилий к изучению как физики, так и математических дисциплин на физмате.

Мой способ изучения теоретической физики заключался в том, что я не конспектировал лекции, а только слушал. Потом обкладывался книгами, программами университетских курсов и изучал предмет лекций по возможности в изложении разных авторов. И только после этого составлял конспект, стараясь изложить материал изучаемого курса «по-своему». Такая работа, конечно, отнимала много времени, не оставляя его для каких бы то ни было развлечений. Я совсем не интересовался девушками и, возможно, приобрел среди них репутацию лопоухого отличника. В этом духе я стойко держался даже после того, как был снят

запрет на западные танцы и при институтском клубе открылись платные курсы, на которых под баян изучались фокстрот, танго, румба, вальс-бостон. Но Женя С. и Шура В. все же уговорили меня записаться в школу танцев в качестве партнера Шуры. Женя, жених Шуры, стеснялся подчеркивать свой маленький рост рядом с невестой, бывшей почти одного роста со мной. На занятия танцевальной группы мы приходили втроем. После занятий Женя, ожидавший нас в фойе, уводил Шуру, а я возвращался в читальный зал к оставленным там книгам и тетрадям. Но однажды шустрая подруга Шуры – Вера, оказавшись во время танца со своим партнером рядом с нами, предложила Шуре временно поменяться партнерами. Дескать, нельзя научиться танцевать только с одним и тем же партнером. Шура, как мне показалось, охотно согласилась. Может быть, я был неважным партнером, так как не мог сосредоточиться на танце, а обдумывал что-нибудь из физики или векторного исчисления. А может быть, это был девичий заговор насчет меня, потому что обратный обмен партнерами не состоялся. Впрочем, я и сам заметил, что фокстротные «елочки» с Верой у меня получаются необычайно складно, не то что с Шурой. И теперь после танцев я уходил не в читальный зал, а в укромную аллейку парка вместе с Верой.

Необыкновенно оживленная, заразительно веселая, Вера, бывая со мной в парке, любила петь, пританцовывая под собственное пение:

Я вся горю, не пойму от чего...

А потом с разбега и неожиданно, как настоящий пожар, налетала на меня, я неуклюже кружился с ней, и мне казалось, что она действительно горит и что во мне самом гудит, бушует ворвавшееся от нее пламя. Вспышки пламени сменялись затишьями, когда она замолкала и мы сидели на скамейке глаза в глаза. А потом она с озорством разлохмачивала мою шевелюру, вырывалась из моих неумелых объятий и снова пела:

Милый может гасить все пожары, но не может гасить только мой.

Вера начала вытаскивать меня в кино. В читальном зале мы тоже садились вместе. ...В наш последний вечер Вера была особенно оживленной, неистово веселой, но чувствовалось во всем этом что-то ненастоящее. Она спела, вероятно, весь репертуар Любови Орловой и Эдит Утесовой, плясала, кружилась, взяв меня за руки. Мы были в парке до рассвета. Потом, склонившись ко мне на скамейке, словно бы сникла, в ее взгляде погасли огоньки наигранной веселости, и она сказала:

– Нам пора, мой милый... Мой самый милый и самый глупый! Я выхожу замуж...

Он был призван с нашего курса в летную школу и сейчас ее заканчивает. Но люблю я тебя. Глупенький мой, ты еще совсем-совсем мальчик! Прощай...

Да, я глупо поступил, встречаясь с Верой. Что мог дать ей клейменый сын и внук изгоев, живущий под страхом того, что его в любой момент могут вышвырнуть из института, и притом с самыми непредсказуемыми последствиями?

Летом 1936 года группа выпускников Луганского пединститута совершала экскурсию по маршруту Луганск–Харьков–Москва–Ленинград. Это была для них коллективная премия за отличную или – как тогда говорили – ударную, стахановскую учебу. В группе было и три студента, окончившие второй курс: математичка Вера Б., физик Шура Чебанов и я.

Руководители кафедры физики посоветовали мне воспользоваться экскурсионной оказией и попытаться оформить перевод на физфак МГУ или ЛГУ, для чего мне были выданы необходимые документы. Однако и в МГУ и в ЛГУ мне заявили, что против перевода нет возражений, но меня могут зачислить только без предоставления общежития. Забегая вперед, скажу, что через год мною была предпринята попытка перевестись в Киевский госуниверситет, и она не удалась опять-таки из-за общежития. Но зато во время пребывания в Москве мы Шурой Чебановым ухитрились раздобыть в МГУ редкие книги и конспекты лекций, издававшиеся в виде брошюр, нумеровавшихся как «Выпуск 1», «Выпуск 2» и т. д. Очень не просто было подобрать все эти выпуски подряд, не пропустив ни одного номера. Для этого приходилось даже пропускать посещения некоторых достопримечательностей столицы.

Может быть, из-за этих отлучек от экскурсионной группы у меня никаких особенно ярких впечатлений Москва не оставила, – кроме, конечно, потрясающего впечатления от метро. Невыразительные дома массовой купеческой застройки, трудно усваиваемые расположения улиц и переулочков, удивительно мало зелени, обшарпанные храмы. На улицах много видов лошадиного транспорта. Вот торжественно, с достоинством, тащит свою поклажу на огромной платформе его величество битюг – тяжеловоз. А его обгоняет легкомысленно верткий, словно бы игрушечный лихач. У каждой лошади – головной убор из белой плотной ткани с прорезями для ушей, благодаря чему лошади немного смахивают на московских модниц в белых шляпках. Как молодой человек, я, конечно же, не мог не обращать свои изучающие взоры на московских девушек. Среди них было немало настоящих красавиц, но все они были бледнолицые, будто вылепленные из брынзы. Ни тебе

румянца, ни загара. Однажды я даже шутя спросил у Шуры Чебанова – не в сундуках ли их выращивают? Шура заметил, что это ведь блондинки. Но я ответил, вспомнив голубоглазую певунью Веру: «Но разве можно их сравнивать с нашими блондинками, разрумяненными и раззолоченными жарким южным солнцем?»

Особенно живописный вид московским улицам придавали милиционеры-регулировщики в белых касках, белых гимнастерках и белых, до локтей, перчатках. Весь шик был не только и не столько в новой форме одежды, которой еще не было у милиционеров в провинциальных городах. Нельзя было не залюбоваться и торжественными, артистически отточенными движениями регулировщиков. Вообще же было заметно, что московская публика тоже была в среднем одета лучше и чище, чем, например, в Мариуполе и Луганске. Я это объяснял тем, что в Москве много чиновного люду и сравнительно немного особо грязных производств.

В Москве наша экскурсионная группа размещалась в общежитии Московского пединститута в Хилковом переулке. Вечерами экскурсанты выбирали себе развлечения по вкусу, – главным образом, это были посещения рядом расположенного Парка культуры и отдыха. Меня же тянуло вниз по Хилкову переулку к Москве-реке. Мне нравилось быть там наедине с самим собой, сидеть у самой воды, слушать ее тихий плеск о берег, тогда еще не одетый в бетон, смотреть на отражение огней в ночной реке. Я засиживался допоздна, даже после того, как на том берегу, за мостом, в парке умолкала музыка, останавливалось «чертово колесо», закрывались все аттракционы. Этот клочок московской земли, еще не причесанный урбанизацией и не подстриженный ею под городской «ноль», напоминал мне о нашей маленькой Берде в Запорожской области. Здесь даже верба, – в самой Москве, а мне кажется, что она точно такая же, как та, под которой я мальчишкой сидел с самодельной удочкой, потом купался, ловил раков. Великую связь времен и народов символизирует сходство этих двух верб! Разве не выходцы из Киевской Руси основали Москву? Так же, как мою маленькую Бельманку основали люди из Московии, – беглые крестьяне из Тульской и Курской губерний, переселенцы из Смоленской губернии, – вместе с коренными запорожцами, тоже из бывших беглых украинцев, русских и белорусов. И выходит, что я хотя и мужицкого роду, но не хуже самого царя могу именоваться: Великия, и Малыя, и Белыя России дедич и отчич!

– Кулацкий дедич и отчич, – напоминал мне безжалостный внутренний голос, пресекая парение моих мыслей...

Когда экскурсанты прибыли поездом из Москвы в Ленинград, было еще рано, нужные нам учреждения были закрыты. Поэтому всем разрешили отлучку с вокзала на два часа.

Мы с Шурой Чебановым вместе вышли на привокзальную площадь, наткнулись на фигуру царственного всадника, прочитали надпись в стихах насчет «пугала» и пошли дальше, но вскоре какая-то сила нас остановила. Мы изумленно смотрели на открывшуюся перед нами перспективу идеально прямой улицы, вымощенной не булыжниками, а торцами просмоленных деревянных шестигранников, безупречно точно подогнанных друг к другу. В этот ранний час улица была совершенно пустынной, и от этого еще более пленительной представлялась ее непередаваемая красота, не нарушаемая посторонними предметами.

– Это что за улица? – спросил у меня Шура.

Хотя я, как и он, был впервые в Ленинграде, мои товарищи считали меня знатоком этого города. Я был заочно влюблен в Ленинград, по-хорошему завидовал моим бывшим мариупольским одноклассницам Жене и Тосе, которые учились в ленинградских вузах. Встречаясь с ними во время каникул, я жадно слушал их рассказы о Ленинграде. Даже такие названий; как Зимний, Смольный, площадь Урицкого, проспект 25 Октября, проспект Володарского (где жила Женя), набережная Рошаля (где жила Тося), – все эти названия были для них столь же привычными, как в Мариуполе Слободка, Садки, Новоселовка, Жабовка или название какого-нибудь другого поселка. Оказывается, существуют на свете с виду обыкновенные, а на самом деле самые счастливые студенты, которые запросто могут пройтись точно там же, где проходил Пушкин, или выйти из трамвая на остановке, где кондуктор небрежно объявит: «Зимний». Как будто это не знаменитый дворец, а, например, наш заводской клуб или наша 20-я средняя школа. И эти же студенты могут запросто бежать с книжками и тетрадями по набережной Невы, опаздывая на занятия, – и это как раз напротив Медного всадника? Как это можно: в Ленинграде – и опаздывать на занятия?

Но главное – я знал, что в Ленинграде работают в знаменитом физико-техническом институте и преподают в вузах такие профессора, как Иоффе, Семенов, Френкель... Одно дело учиться по их книгам, а другое дело – еще и слушать их лекции.

Я подолгу изучал план Ленинграда, помещенный в энциклопедии. И вот сейчас не могу ответить на элементарный вопрос своего приятеля: «Что это за улица?»

По этой улице мы продолжали идти в направлении к видневшемуся вдали сверкающему золотому шпилю на куполе какого-то здания. На каждом шагу нас что-нибудь вновь и вновь приводило в восторг. Вот мост с четырьмя фигурами бронзовых коней и их укротителей, памятники, дворцы, снова мост, соборы, памятники, еще один мост. Мы были настолько поглощены созерцанием этого великолепия, что даже не догадались взглянуть на таблички с названиями улицы и с номерами домов. Только в конце улицы (который оказался ее началом) я обратил внимание на такую табличку и шлепнул Шуру по плечу:

– Какие же мы с тобой лопухи! Ты спрашиваешь, что это за улица? Это же Невский! Смотри: «Улица 25 Октября». А это – адмиралтейская игла, вот – Главный штаб, Зимний и Дворцовая площадь.

Мой воображаемый Ленинград померк перед реальным.

Пройдя мост через Неву, мы спустились по гранитным ступенькам прямо к воде между странными колоннами с врезанными в них лодками.

– Шура, давай искупаемся, – сказал я.

Бледнокожий грузноватый Шура не спеша снял очки, протер их толстенные стекла, потом, поеживаясь, пригладил ладонями аккуратную жиденькую прическу, будто прикрываясь от пробивающегося сквозь нее утреннего холодка. И только после этого начал развязывать шнурки на ботинках. Я решил не ждать медлительного Шуру, быстро разделся, сделал глубокий вдох, похлопал себя по резко обозначившимся при вдохе ребрам, потом выбросил руки вперед над головой и нырнул. Про себя решил вынырнуть как можно дальше, а потом крикнуть Шуре, как когда-то мне самому кричал Митька в запруженной речке возле сельской водяной мельницы:

– А ну, попробуй, донырни сюда! Или слабо?

Но меня обожгла непривычно холодная, будто ледяная, вода, и от этого перехватило дыхание. Выходит, не подумал, я о разнице температур между Азовским морем и Невой. И еще почувствовал, что запутался в густой цепкой траве под водой. Разглядеть ее было невозможно, так как вода оказалась непрозрачной. Конечно, я испугался и, выпутываясь из тины, поспешил вынырнуть и тут же услышал звук милицейского свистка. Рядом с Шурой, так и не успевшим раздеться, стоял милиционер и выразительным жестом как бы выманивал меня из воды. А я, подгоняемый не столько свистком, сколько холодом, стуча зубами, преодолевая тину, плыл к своей одежде, к Шуре и к милиционеру. И еще с гордостью подумал,

что у ленинградских милиционеров точно такие же нового образца белые гимнастерки, шлемы и перчатки, как у московских. В Донбассе таких еще нет. Еще бы: Ленинград – это Ленинград! И почему это некоторые так рвутся учиться в Москву? Нет, я сегодня же пойду в ЛГУ с бумагами насчет перевода. А если не получится, то по окончании института обязательно попробую поступить в аспирантуру именно здесь, в городе на Неве.

Но пока что в городе на Неве мне надо было ответить на вопрос милиционера:

– Почему купаетесь в неположенном месте?

– Извините, мы не знали. Мы приезжие.

– Предъявите ваши документы.

Проверив документы, милиционер вернул их мне и Шуре, снова надел перчатку, приложил ее к шлему и наставительно сказал:

– Запомните, селяне-громадяне: здесь купаться нельзя.

Стуча зубами, пританцовывая босыми ногами на холодных ступенях гранита и смахивая с себя прилипшие стебельки тины, я уверенно ответил:

– Н-ни в к-коем с-случае!

Милиционер, с трудом сдерживаясь, чтобы не прыснуть со смеху, поспешил удалиться, а я между тем, растирая свою «гусиную кожу», с восторгом сказал, обращаясь к Шуре:

– Ты заметил, какие в Ленинграде вежливые милиционеры? Не наорал. И даже улыбнулся. Что ни говори: не было бы близко границы – и был бы Ленинград столицей СССР!

В числе выпускников-физиков, окончивших институт с отличием, были и мы с Шурой Чебановым. Я предложил Шуре рискнуть и воспользоваться правом участвовать в конкурсе в аспирантуру. Впрочем, мы оба считали, что шансы пройти по конкурсу у нас невелики. Куда нам тягаться с лучшими питомцами прославленных московских и ленинградских вузов! Для меня же дело осложнялось и тем, что совсем недавно произошло с моим отцом. В автобиографии и в анкетах, направленных в Ленинград, как и затем во всех случаях, когда необходимо было заполнять подобные документы, я принял следующую редакцию, ни при каких условиях не изменяемую ни на одну букву: «Мой отец Кисунько Василий Трифонович, машинист паровоза на мариупольском заводе им. Ильича, 3 апреля 1938 года арестован органами Рабоче-крестьянской милиции. Причины и последствия ареста мне не известны. Полагаю, что это было недоразумение». Здесь

была, мягко говоря, неточность: отца арестовала якобы милиция, а не НКВД. Но ведь при аресте отобрал у отца паспорт, ковырялся на этажерке и даже выдал справку об изъятии Библии именно милиционер, а тот в кожаном пальто при сем присутствовал и не представился, кто он такой. Такое рассуждение является чистейшей казуистикой, однако сама по себе вытекающая из нее формулировка впоследствии не раз сослужила мне неоценимую службу. Кроме этой неточности, в моем аспирантском личном деле теперь не было никаких натяжек и шероховатостей, так как теперь справки о соцпроисхождении уже не требовалось.

Из приказа по институту я узнал, что нахожусь в списке студентов, премированных коллективной экскурсией в Москву и Ленинград. В связи с этим пришлось пойти к директору и рассказать начистоту и об отце, и о том, что мне предстоит операция по удалению гланд, а после нее надо побыть возле матери и заодно готовиться к экзаменам в аспирантуру. Короче говоря, я поблагодарил за премию, но экскурсия мне сейчас не ко времени. Директор уловил финансовые трудности, в которых я оказался, и тут же распорядился выдать мою часть премии деньгами.

– А экскурсия, – сказал он, прощаясь со мной, – получится сама собой при любом исходе экзаменов в Ленинграде. Но я вам желаю благополучного исхода.

А он, оказывается, хороший человек, этот директор со странной фамилией, жужжащей одинаково в оба конца: Ажажа. Только во взгляде его добрых карих глаз словно бы таится глубоко спрятанная тревога.

В ожидании, пока освободится место в хирургическом стационаре, я провел две недели в опустевшем на лето студенческом общежитии. Меня одолевала тоска по безвозвратно ушедшим студенческим дням, по товарищам, с которыми здесь жил, учился и с которыми, быть может, никогда не увижусь. Каждый из нас пронесет через всю жизнь по неведомым путям воспоминания о своих институтских друзьях.

Тем более я был рад, что в эти дни в общежитии оказалась и хорошо мне знакомая математичка Вера Б., с которой мы были даже вместе на экскурсии в 1936 году. Она ждала приезда своей матери – учительницы из Воронежа. Вдвоем с Верой мы убивали время в городском саду, наполовину занятом приезжим зверинцем. Там почти все время крутили одну и ту же танцевальную пластинку с названием «Бимбамбула», музыка которой и в самом деле очень подходила для зверинца. Иногда ходили в кино, – особенно когда к нам присоединялся еще один мой товарищ из выпускников-физиков – Никифор, устраивавший свое оформление в

железнодорожную школу согласно полученному направлению от комиссии. Никифор (по-студенчески – Мекеша) и Вера проводили меня в стационар окружной больницы и навещали вдвоем после операции. От них я узнал, что наш директор Ажажа арестован. Я промолчал, но внутренне был убежден, что он ни в чем не виновен.

Потом Никифор уехал домой, и меня навещала, а потом встречала из больницы одна только Вера. Теперь я уже мог ехать домой, но мне представлялось неблагодарным оставлять Веру одну после проявленного ею внимания к моим больничным делам. Все эти дни мы с Верой вспоминали о всяких пустяках из своей недавней студенческой жизни. Мы как-то привыкли быть вместе, это нам обоим нравилось, но мы не могли допустить, чтобы наше прощание с юностью и друг другом обернулось пошлым флиртом. А на серьезный шаг я не мог пойти, оказавшись главой бездомной семьи, осиротевшей после ареста отца.

Только при отъезде, прощаясь со мной, Вера впервые, не стесняясь матери, поцеловала меня, протянула на память свою фотокарточку и сказала:

– В августе мы с Таней будем в туристическом лагере в Мариуполе. Если захочешь, можешь нас найти. От Тани я получила письмо. Тебе привет. Между прочим, она мне еще тогда сказала, что ты до утра целовался с ней в институтском саду после выпускного вечера. А со мной – ни разу за все это время.

Мы обменялись адресами, и я после отхода поезда долго рассматривал фотокарточку Веры и перечитывал надпись на ней: «Грише на память о последних студенческих днях, проведенных вместе. Вера». И откуда я мог знать, что эту карточку в отместку за «дни, проведенные вместе» изорвет в мелкие клочки еще не известная мне моя будущая жена.

На следующий день я тоже уехал поездом из Луганска. По дороге в Мариуполь сделал остановку в областном центре, чтобы еще раз попытаться что-нибудь разузнать об отце. Ответ в областном НКВД был прежним: «Справок не даем».

В Мариуполе оказалось, как говорится, час от часу не легче: моя тетя Евдокия, она же двоюродная сестра моей матери, и ее старший сын Иван вышвырнули вещи моей матери и сестры в сарайчик. В нем теперь живут мать и сестра. А еще раньше тот же Иван развалил в нашей комнате кухонную плиту и пробил проход из этой комнаты в свою спальню.

– Я здесь хозяин. Мне удобнее ходить к себе через эту комнату, – заявил Иван. Все это было сделано, когда мама была на работе, а сестра в школе.

До ареста отца мать два года не работала, оставив по состоянию здоровья работу в кубовой. Сейчас ей снова пришлось поступить на работу, – на этот раз в спортивный зал уборщицей и одновременно ночным сторожем. Но все это ничего: главное – куда пойти учиться Оксане, только что закончившей десятый класс. По моему совету решили, что лучше всего подать заявление в институт, где учился ее брат, которого там хорошо знают. Но вскоре сестра вернулась из Луганска вся в слезах.

– Спасибо за совет. Какой-то твой приятель поставил мне тройку по устной математике.

– Не может этого быть.

– Очень даже может. Вот, смотри: я по памяти записала его вопросы, а вот мои ответы. Что тут неправильного? Он, гад, под конец задал еще один вопрос: не твоя ли я сестра? Потом начал тебя расхваливать и, между прочим, спросил, что слышно насчет отца. Я говорю, что пока ничего. Он говорит: «Экзамен окончен. Вы свободны». На следующий день в вывешенном списке – мне тройка. Для физмата – все равно что двойка.

– Не плачь, доню, – вмешалась мать. – Я тут договорилась в одном детском садике: с первого сентября перейду туда кухарить, а тебя возьмут воспитательницей. Год перебьемся, а там, может быть, поступишь учиться на доктора? Цур ей, той математике. Не женское это дело. А там, может быть, и мою хворь вылечишь. И детский садик – тоже не плохо. Вот я, сколько себя помню, сызмальства все наймычкой по людям мыкалась, и тоже начинала с того, что детей нянчила, а они были чуть поменьше своей няньки, и случалось так, что сразу и детка и нянька плачут. И где и кем я только не работала! И все же ничего: и сама выросла, и вас, слава Богу, з батькой выростыли. Вот только з батьком беда страшная приключилась, да и здоровье у меня уже не то. Пока продержимся, а там, может, и батько вернется.

О предстоящей операции я не сообщал домой. Матери написал, что уезжаю на экскурсию. Но когда я приехал домой после мнимой экскурсии, мать, увидев меня, всплеснула руками:

– Ой, який же ты худьш! У тэбэ, мабудь, чахотка.

– Это потому, мамо, что я был не на экскурсии, а в больнице. Мне сделали операцию.

– То хиба ж тэбэ там нэ годували?

– Годували так, что аж страшно було исты.

Пришлось рассказывать, как меня заставляли есть в больнице, а я боялся. В те времена операции на носоглотке нередко заканчивались смертельным исходом из-за послеоперационного заражения при приеме пищи. Поэтому я голодал, боясь «пойти в рассол» вслед за своим предшественником по палатной койке. Узнав, что у того, кто теперь в «рассоле», то есть в растворе формалина, нет родственников и поэтому на нем будут изучать анатомию студенты-медики, я на всякий случай положил записочку в карман моей больничной пижамы: «Адрес моей матери: Мариуполь, поселок им. Апатова, ул. 8, дом 34, Кисунько Надежда Аврамовна».

В начале августа по этому адресу на мое имя пришла открытка, в которой математички Вера и Таня сообщали, что они находятся в туристическом лагере, который располагается в Мариуполе рядом с городским садом. Это оказалось то самое место, где мы когда-то разбивали свой палаточный пионерлагерь, поэтому я их быстро разыскал. Мы решили все вместе сфотографироваться, но фотографа поблизости не оказалось, а между тем в лагере раздался сигнал, призывающий туристов на какое-то лагерное мероприятие. Девушки начали прощаться со мной, и каждая со значением пожимала мне руку. Я обещал обязательно писать из Ленинграда, а сам думал, как же это я собираюсь ехать в Ленинград, оставляя мать и сестру в сарайчике. Ведь я теперь для них и за себя и за отца. Как-то я спросил мать – не страшно ли ей оставаться ночью одной сторожевать в спортзале. А она ответила, что не страшнее, чем в этом сарайчике, и еще добавила: «Работа – что надо: после занятий уберешь за спортсменами, а потом запирайся и спи до утра, да за это тебе еще деньги начисляют. Можно сказать, не работа, а жилье с уютом и всеми удобствами».

Скоро мне уезжать в Ленинград, а я еще ни разу не побывал в месте постоянных встреч бывших учеников нашей школы. Во время каникул у нас неукоснительно соблюдалось правило – собираться и прогуливаться всей компанией по аллеям заводского сквера. Конечно, это правило действует и сейчас, но я боялся, что при моем появлении в сквере все мои знакомые будут показывать на меня друг другу и шепотом говорить: «Вот идет сын врага народа...» Я пытался сосредоточиться на подготовке в аспирантуру, но в голову лезла мешанина совсем других мыслей, и я решил на несколько дней расслабиться, поездить с сестрой на пляж. Ехать к морю надо было на трамвае через весь город, а потом еще немного прихватывать пешком. Получалось так, что если ехать, то на весь день. Мы с Оксаной купались, загорали и даже сфотографировались в купальных костюмах, и я специально для фото

прикрыл тюбетейкой стриженную перед больницей голову. А сестра все-таки здорово плавает. Саженками, но не по-мужски, а с каким-то особым стилем, который сама же придумала: чуть боком. Красиво получается.

За два дня до отъезда в Ленинград ко мне «домой» неожиданно заявился Никифор. Оказывается, он уже несколько дней в Мариуполе на учительской конференции железнодорожных школ Южно-Донецкой железной дороги. Мне было неловко приглашать друга в гости в сарайчик. Но Никифор сам предложил мне пойти с ним на заключительное заседание конференции и послушать выступление знаменитого в те годы Петра Кривоноса, бывшего машиниста паровоза. Теперь он начальник дороги и в клубе железнодорожников объясняет собравшимся на конференцию учителям, как надо учить детей. Клуб находится у самого моря, где проходит железная дорога от городской станции до порта. И там же в тупике стоял пассажирский состав, служивший гостиницей для прибывших на конференцию учителей железнодорожных школ. Поэтому после закрытия конференции мы с Никифором устроились прямо на берегу и просидели за полночь, слушая шум ночного прибоя. В студенческие годы мы были закадычными друзьями, все было много раз нами обговорено, и ко всему этому в минуты прощания что-либо добавить было невозможно. Сейчас нам было приятно просто помолчать вдвоем.

В порту раздавались звуки гудков, отбивались склянки. В ночной мгле светился маяк – как далекий, недоступный огонек надежды, может быть угасающей навсегда. А слева на берегу, почти рядом с гаванью высятся пыхтящие громадины азовстальских домен. Там, еще мальчишками, мы с приятелем Мишкой, переплыв на левый берег Кальмиуса, искупавшись в море, загорали на песчано-ракушечном пляже. А потом в гавани смотрели на настоящие морские корабли, которые, наверное, прибыли из далеких заокеанских стран. Например, хотя бы вот этот, на котором крупными буквами написано загадочное иностранное слово: «ТУАПСЕ». А сейчас уже давно нет ни того пляжа, ни примыкавшего к нему заболоченного пустыря в устье Кальмиуса. Вместо пляжа возвышается уродливая черная громадина шлаковой горы, а бывший пустырь стал территорией огромного завода. Рядом с заводом выросли дома для ИТР и рабочие поселки, бараки и конечно же спецзона, огороженная колючей проволокой, в которой такие же бараки занимают зэки. Таких спецзон в Мариуполе несколько, и у меня одно время возникала мысль поискать там своего отца. Но она отпала, ибо отец, если бы он был там, давно бы дал о себе знать.

Двадцать восьмого августа 1938 года я сел в поезд Москва-Ленинград. Меня провожали мать, сестра, братья отца. Почти ничего не говорили. И так было все ясно. Вернее, как говорил дядя Захар, дело ясное, что дело темное. Перед отправлением поезда он мне сказал тихонько:

– Ну-ка, возьми это, да поскорее, пока моя жинка не видит.

– Зачем?

– Вижу, ты совсем заучился, что спрашиваешь, зачем человеку деньги.

– Спасибо. Лучше при случае помогите маме, пока я устроюсь.

– Маме – это само собой. А ты, хлопче, того... от нашей рабочей копейки не отворачивайся. Пусть невелика она, – ведь мы деньгу не лопатами загребаем, – но зато от щирого сердца. В общем, не перечь дядьке, который намыкался по белу свету: был я саночником и коногоном на шахте, бывал сыном кулака под чужими личинами, кем и где я только не был, и знаю почем фунт лиха. А насчет жинки я пошутил: эти деньги – от нас обоих.

– Хорошо, давай так, – сказал я. – Держи эти деньги у себя до моего востребования. Если понадобятся, то я сам дам знак...

Через окно вагона я жадно всматривался в пробегавшие мимо жиденькие полоски снегозащитных лесопосадок вдоль железной дороги, а за ними необозримые поля благодатного края, что раскинулся между Доном и Днепром. И вдруг почувствовал себя малюсеньким ростком, который словно бы выдернули из этой дорогой ему земли и увозят от нее неизвестно куда и неизвестно зачем. Примутся ли на новой земле его еще совсем слабые, изрядно подорванные корешки? А если примутся – что получится потом? Вымахает ли он, как тот за окном красавец подсолнух с комелистым стеблем и могучим кружалом с маслянистыми семечками, или, может быть, станет таким же перекати-полем, какое только что промелькнуло за окном?

Много раз я проезжал по этим местам в Луганск и обратно, но сейчас по-особому, как никогда, разглядывал все, что проплывало за окном вагона. И думал, что куда бы ни закатила меня судьба, в моей памяти всегда будет храниться именно вот эта стернистая нива, подстриженная под пшеничный ежик, и зеленеющие на ней мягкие кустистые побеги молодого курая, и эти жирные полосы перепаханного чернозема, вобравшие в себя летнее тепло, жаждущие принять в свое лоно янтарно-ме-довое золото пшеничных зерен. Неодолимой силой будет притягивать меня земля, на которой сделал я первые неуверенные шаги, поддерживаемый рукой матери или ухватившись за ее подол, а потом бегал босиком по умытой дождем

мягкой луговой траве, – земля первых в моей жизни радостей и горестей, надежд и разочарований.

Мне подумалось, что машинист, который ведет сейчас поезд, может быть, так же, как и я, смотрит в окно паровозной будки, но по привычке словно бы ничего особенного и не замечает. Потому что он вернется обратно и много раз будет снова проезжать здесь и увидит, как будет перепахана эта стерня, как потом на месте пахоты зазеленеет сочный, мягкий ковер озими, как неугомонные ветры погонят по степи уже не перекати-поле, а снежную поземку. И увидит он, как весною вновь пробудятся пашни, чтобы сторицей воздать земледельцу за его труд, и зашелестят пшеничные волны, лениво покачивая по степному ветру тяжелыми, налитыми колосьями. Машинист видит жизнь этого края, я же пытаюсь запечатлеть в памяти только один случайный ее миг и увезти его с собой как талисман родной земли.

А вот и полустанок, который называется так же, как та речка, в которой я, ныряя до дна, искал боевые доспехи русских витязей, заплативших в неравном бою с ордынским войском своими жизнями и кровью за родную землю и за распри на ней.

И сейчас, когда поезд снова набрал скорость, перед моим мысленным взором проплывали нетронутые ковыльные степи, по которым мчались русские и ордынские всадники, запорожцы и турки, петровские орлы и суворовские чудо-богатыри, и виделись мне мирные пахари, поднимавшие вековую целину Запорожского края, избавленного от разбойных набегов. Затем снова показалась стерня, а на ней конармейские и махновские эскадроны и тачанки, гоняющиеся то за Врангелем, то друг за другом. В стуке вагонных колес словно бы доносились из небытия и лязг мечей и щитов, и ржание и топот боевых коней, и звон сабель, и стрекотание пулеметов, и гудение того самого первого в Бельманке трактора, на котором мой отец был первым трактористом. Сойти бы мне на этом полустанке и никуда дальше не ехать, а припасть бы к этой бесконечно дорогой земле и вобрать из нее хотя бы малую крупицу той исполинской силы, которую отдали ей павшие воины, и той силы, которую вложили в нее своим трудом и потом поколения российских землепашцев.

Прощаясь с отчим краем, мог ли я предположить, что всего лишь через три года на том самом степном бугре, по склону которого словно бы жмутся к журчащей на перекатах Берде хаты с зелеными садочками, на бугре, где мальчишкой увидел первый мчавшийся в Бельманку трактор, злобно заревут танки с черно-желтыми

крестами, окружая штаб 18-й армии, который будет находиться в моей Бельманке, и погибнет в окружении во главе со своим командующим генералом Смирновым? Мог ли предположить, что при прорыве из окружения много пушек из противотанковой бригады полковника Неделина застрянет в вязкой болотистой пойме невзрачной степной речушки, где я мальчишкой бегал за дикими утятами и пускал камышовые кораблики? Не скоро было суждено мне снова увидеть родные края, и не мог я знать, что к тому времени много братских могил появится на дорогой мне земле дедов и отцов, на земле моего детства и юности.

Детство. Юность. Сейчас я как бы прощался с ними, хотя так и не узнал их беспечной прелести. Они были полны рано свалившимися недетскими тревогами и заботами тех нелегких годов, когда ломались судьбы и жизни многих десятков миллионов сельского люду, когда непостижимая злая сила одних выкуривала из сел в города на великие стройки, других гнала на те же стройки под конвоем, третьих загоняла в голодоморные колхозы, четвертых – просто расстреливала. И многие, обреченные на мучительную смерть от голода и изнурительного труда, могли завидовать расстрелянным. Великий народ был будто поголовно кем-то перенумерован, и эти номера где-то разыгрывались на гигантской рулетке: кого куда. Отдельно взятый человек тогда сравнивался с винтиком, но на самом деле он был легко сдуваемой пылинкой, которую в любой момент может втянуть в себя чудовищный смерч, именуемый НКВД. И главной моей заботой юных лет было – забиться в щель, из которой меня бы не выдуло в этот смерч.

Вся эта жуткая лотерея разыгрывалась на моих глазах, и ее «работу» мне довелось наблюдать на судьбах людей нашего села и рабочего поселка.

Вспоминая отца и этих людей, я думал о том, что всегда буду хранить священную память о тех поколениях, которые в годы моих детства и юности возводили заводы, голодали, надрывались в работе, ютились в холостяцких и семейных бараках, в наспех, словно бы между делом слепленных халупах рабочих поселков. Я вспоминал мариупольских портовых грузчиков, которые, подтянув пояса на голодных животах, разгружали иностранные пароходы, привозившие станки для строящихся заводов, и загружали эти пароходы отборной украинской пшеницей. А в это время те, кто ее вырастил, умирали от голода, как и зэки-землекопы «Азовстали», которые прямо в котлованах падали и больше не поднимались.

Я вспоминал Мариуполь, который только что покинул, его заводы, бараки и

халупы, думал о том времени, когда снесут все эти «нахаловки» и спецзоны и вырастет обновленный красавец город. И неужели к этому все привыкнут, будут считать, что так было всегда и что нет в этом ничего особенного?

Между тем поезд мчал меня к Ленинграду, и мои мысли стали переключаться с Мариуполя на Мойку, 48...

Глава пятая

Труд закончен аспирантский.
Знал бы дед, что Гришка-внук,
сын рабочий и крестьянский,
кандидат физ.-мат. наук!

Тридцать первого августа 1938 года на Варшавском вокзале Ленинграда из вагона только что прибывшего поезда вышел молодой человек лет двадцати с самодельным чемоданчиком из фанеры, запертым висячим сундучным замком. Оставив свой чемоданчик в камере хранения, он налегке отправился к трамвайной остановке, что-то расспросил у находившихся там людей, сел в нужный трамвай. Среди пассажиров трамвая он выделялся плотным южным загаром, но по всему было видно, что побывал он не на курорте, а в каком-то месте, где стригут под машинку и неважно кормят. Примерно через час он появился в пединституте имени А. И. Герцена на Мойке, 48 и зарегистрировался как прибывший на вступительные экзамены в аспирантуру и теперь ожидал коменданта, чтобы получить направление в общежитие. Здесь же в коридоре оказалась девушка невысокого роста, кареглазая, круглолицая, с густым деревенским румянцем на щеках. Две старательно заплетенные черные косы как бы венком были уложены вокруг головы. Ситцевое платье – белым горошком по синему – тоже имело скорее деревенский вид, чем ленинградский. Молодой человек не подозревал, что эта девушка, прибывшая на экзамены в аспирантуру по кафедре истории Древнего мира, тоже обратила на него внимание. И не мог он знать, что у нее возникло чувство непонятной жалости и сочувствия к нему. В выражении его лица, и особенно в глубоко запавших зеленоватых глазах, вместо свойственной его возрасту юношеской беспечности проглядывалось выражение глубоко затаенного горя. А чернявенькая еще подумала, что этот страшно худой, скорее даже изможденный, жердеподобный юноша чем-то напоминает одного из ее младших братьев, и пожелала про себя, чтобы у него все наладилось и чтоб все у него было хорошо. Но

ни эта девушка – будущая аспирантка, прибывшая с Гомельщины, ни этот юноша, – оба они, только что впервые увидевшие друг друга, конечно же не могли знать, что через год с небольшим станут мужем и женой. В эти минуты юноша нервничал, с явным нетерпением кого-то высматривая среди проходивших с улицы других кандидатов в аспиранты. Наконец рванулся навстречу вошедшему молодому человеку, громко окликнул его:

– Сашко! Шура!

Да, это был Шура Чебанов, мой однокашник по Луганскому пединституту. Мы оба были рады, что встретились в городе своей мечты, и еще потому, что в этом огромном городе каждый из нас для другого был единственным знакомым человеком.

Но радость Шуры быстро померкла. Он отвел меня в сторонку и сказал:

– Здесь нам не светит. Я разузнал, что по кафедре теоретической физики на одно-единственное место подано одиннадцать заявлений. Надо нам мотать обратно.

– Но ведь мы уже все равно, как говорил в кино один извозчик, рейс сделали. Давай хотя бы испробуем, что это за штука – вступительный коллоквиум в аспирантуру. И вообще...

Тут я осекся, чтобы не сказать, что вообще не собираюсь, не буду, да и не могу «мотать обратно» при любом исходе коллоквиума. Ибо мои ресурсы состояли из оставшихся с дороги помидоров, яблок, краюхи хлеба и символической суммы денег, рассчитанной на три дня скромного пропитания до коллоквиума, объявленного в извещении на 3 сентября, плюс пару дней на оформление первой аспирантской стипендии. Если же я не буду принят в аспирантуру, то явлюсь в военкомат с пустым карманом и свидетельством об отсрочке призыва, истекающей 1 сентября, то есть завтра. Для Красной Армии безразлично, откуда меня призывать. А для меня из Ленинграда – даже почетнее; к тому же уехать куда-либо я смог бы только «зайцем». Отслужив положенный мне год и получив звание командира запаса, снова попробую поступить в аспирантуру, и обязательно снова в Ленинграде.

А пока что мы с Шурой стояли в институтском коридоре среди незнакомых парней и девчат, прибывших экзаменоваться в аспирантуру. В этом году таких было особенно много по всем кафедрам, и для них даже не хватало мест в институтских общежитиях. Поэтому для тех, которые прибыли последними, институтские хозяйственники нашли временное пристанище, где-то на Растанной улице.

Комендант объяснил, что туда надо ехать трамваем четвертого маршрута по Невскому в сторону Лиговки, а после поворота направо спросить у кондуктора. Тут же он, заметив и узнав чернявенькую девушку, попросил ее взять бумагу со списком всей группы для вручения администратору общежития на Растанной. Она была иногородней, но окончила этот же институт в Ленинграде, поэтому, осмотревшись на Растанной, уехала в институтское общежитие к знакомым девушкам.

Наше временное жилье на Растанной оказалось подобием некоей странной ночлежки. В огромном мужском зале размещалось не менее ста коек. Одни постояльцы приходили, другие уходили, одни прописывались, другие выписывались, и только один человек был здесь вроде бы постоянным жильцом. Это был пожилой – по нашим с Шурой понятиям – мужчина, грузноватый, со старорежимными бородкой и усами а-ля Николай II. Оседлость Николая Николаевича в этой обители обозначалась тем, что чемодан, вмещавший все его личное достояние, всегда находился под койкой владельца, а не в вокзальной камере хранения, как у других жильцов. К тому же и сам Николай Николаевич неотлучно находился при своем чемодане, никуда из дому не выходил. По его словам, у него были сложности с ногами, хотя внутри помещения он передвигался вполне нормально.

Еду Николаю Николаевичу по его просьбе всегда приносил кто-нибудь из сопостояльцев, иногда угощали его и водочкой. Николай Николаевич благодарил, спрашивал: «Сколько я вам обязан?» – обещал завтра же вернуть долг, как только получит деньги по переводу. Но почтовый перевод, который он ожидал со дня на день, опаздывал, и долг забывался. К этому все привыкли, тем более что Николай Николаевич был очень общительным человеком и хорошим рассказчиком. О Петербурге он мог рассказывать не менее, чем Гиляровский о Москве. Среди своих слушателей, собиравшихся вокруг его койки, чтобы послушать разные разности, он как бы невзначай выбирал очередного «голубчика» и говорил ему:

– Не будете ли вы, голубчик, столь любезны, когда окажетесь в провизионном магазине, прихватить заодно кое-что и для меня?

Николай Николаевич как-то быстро все и обо всех узнавал. Проведав, кто такие я и Шура, он представился нам как брат знаменитого химика Реформаторского, автора известного в те годы вузовского учебника; правда, Николай Николаевич предпочел сохранить свою фамилию в русском варианте – Преображенский. Когда

же дошла наша очередь «прихватить кое-что из провизионного магазина», то мы, чтобы не прослыть жмотами, прихватили еще и поллитровку и распили ее «на троих» с этим, – как мы его называли, – осколком Санкт-Петербурга.

Однако этот кутеж прямиком вывел меня на грань финансового краха, тем более что фактическая дата экзамена была перенесена с 3-го числа на 11-е. Поэтому мне пришлось основательно изучить витрины гастрономов и, сопоставив их со своими возможностями, строго определить себе ежедневную норму расходов на питание. Я уговорил Шуру отказаться и от езды на трамвае: дескать, трамвай – не лучший способ изучения Ленинграда и его достопримечательностей. И еще я где-то вычитал, что даже знаменитый баснописец И. А. Крылов предпочитал ходить по Петербургу пешком, да еще без перчаток, в самые лютые морозы.

Все десять дней ожидания экзаменов мы с Шурой проводили в вопросах и ответах по пунктам программы МГУ и ЛГУ по теоретической физике, и происходило это на облюбованной нами скамейке в институтском парке. Постепенно к нам начали присоединяться некоторые из наших коллег, дерзавших попасть в аспирантуру. Среди них более всех мне запомнились прошлогодние выпускники института имени Герцена, которые успели по одному году поработать ассистентами: один – в Брянске, а другой – в Смоленске. Постепенно вокруг нашей скамейки образовался постоянный кружок, – вроде самодельного семинара, который собирался в строго назначенное время, устраивал обеденный перерыв и снова возобновлял свои занятия до конца «рабочего дня». В обеденный перерыв, когда все уходили в столовые, я ухитрялся увиливать от приглашений коллег пообедать вместе. У меня был свой режим питания: с утра закупался и комплектовался побутербродно мой дневной рацион, разделенный на завтрак, обед и ужин, хотя не всегда мне удавалось удержаться от соблазна съесть все сразу, в один присест.

В день экзаменов мои коллеги-соперники, стучавшиеся в дверь, ведущую к вершинам науки, не могли не заметить, что на моем еще более исхудавшем лице как-то по-особенному выделялись скулы, горевшие болезненным румянцем, лихорадочно блестели глубоко провалившиеся, в синих полукружиях глаза. А сам я почувствовал, что к 5 часам, когда подошел мой черед экзаменоваться, у меня от голодухи разболелась голова.

Экзамен проходил конвейером сразу в трех комиссиях. В левой половине зала, ближе к входу, экзаменующегося начинали «допрашивать» на иностранном языке. Затем напротив, в правой половине зала расследовались его философские знания,

и только после этого он попадал на перекрестный допрос комиссии физиков, восседавшей за большими столами, выставленными буквой «Т» в глубине зала. К моему удивлению, отвечать на вопросы членов комиссии пришлось без доски и мела, без написания формул, но вопросы ставились так, чтобы на них невозможно было дать словесный ответ, не владея соответствующими математическими формулировками физических законов и концепций.

Но весь этот высокий суд не объявлял свой приговор никому из испытуемых, а ждал, пока пройдут все одиннадцать, чтобы путем сравнения остановить выбор на одном из них. Этого момента нам довелось ждать до девяти вечера. Вот уже начали расходиться по домам один за другим члены комиссии. Затем вышел ученый секретарь и объявил:

– Комиссия рекомендовала зачислить в аспирантуру по кафедре теоретической физики товарища Кисунько.

Ученый секретарь запнулся, когда читал по бумажке непривычную для него фамилию, а ударение поставил на среднем слоге вместо привычного для меня последнего слога. Может быть, поэтому я не признал прочитанную фамилию за свою, а может быть, еще и потому, что вообще не рассчитывал ее услышать. К тому же из-за жуткой головной боли я находился в странном состоянии отрешенности от всего окружающего.

Из этого состояния вывел меня Шура Чебанов, который встряхивал меня за плечи и с сияющим лицом поздравлял. Вслед за ним меня поздравляли еще два моих недавних соперника: брянский и смоленский. Все трое были искренне рады, как будто это их, а не меня зачислили в аспирантуру. Но я довольно тупо реагировал на их поздравления, так как у меня теперь не то чтобы болела, а буквально разламывалась голова.

Между тем эти трое моих друзей-соперников уже договаривались между собой о том, как бы накормить этого нищего студента, а заодно и вспрыснуть это дело и самим хорошенько поужинать. Я не заметил, как оказался вместе с ними в ресторане, находившемся на Невском, в одном здании с кинотеатром «Баррикады». На столе появились закуска и графин с водкой. Смолянин, который как-то с ходу начал верховодить за столом, налил полные стопки, встал, витиевато-торжественно произнес:

– От имени несостоявшихся аспирантов предлагаю тост за успехи достойнейшего, на кого пал выбор высокочтимой комиссии.

Все дружно выпили, а я при попытке выпить только скорчил гримасу отвращения и поставил бокал на стол. Смолянин отнесся к этому с пониманием.

– Правильно, – сказал он. – Советую сначала подкрепиться. Иначе натощак от одной такой штуки, – он указал на рюмку, – ой как плохо будет! А за себя можно и не пить.

Потом он снова налил в рюмки и произнес новый тост:

– Итак, друзья, за первую, но не последнюю удачу будущего профессора!

Пока товарищи пили и закусывали, виновник торжества, ранее знавший только студенческие столовые, впервые ел блюдо со странным названием «эскалоп». А с водкой у меня были особые счеты после того памятного дня, когда я, семиклассник, имел честь ее отведать. Вернувшись из школы, я обнаружил в проходной комнате, через которую должен был пройти в нашу клетушку-боковушку, компанию за столом, на котором стояла закуска – квашеная капуста в большой эмалированной миске; водку пили стаканами. В компанию входили дядя Митя, дядя Илья и его ровесник – племянник Ванька, было еще трое из нашего поселка. Кто-то из них, увидев меня, сказал, что надо, мол, и Гришке налить, а другой возразил: мол, пацан еще твой Гришка, папку-мамку забоится. Такое оскорбление я не мог стерпеть, – тем более что папка-мамка были на работе. Я швырнул в угол свою полотняную торбу с книжками, решительно подошел к столу, взял граненый стакан, со стуком поставил его на стол и, стараясь говорить «взрослым басом», сказал: «Наливай!..» – при этом еще по-взрослому матюкнулся. Все опешили, кто-то мне налил полный стакан, я его залпом осушил, внутри меня больно обожгло, во рту противно, но я еще успел «по-взрослому» плеснуть стаканом в потолок: мол, смотрите, осушил все до капли. Мои дяди опомнились, начали ругать шутников, а мне, четырнадцатилетнему мужику, пытались пихать в рот горсти квашеной капусты. Но я выскочил во двор и повалился под яблоней на доски, положенные на остов железной койки. Почувствовал сильное головокружение, потом голова словно бы отделилась от тела и куда-то полетела и совсем исчезла в темном пустом пространстве. Проснулся я, а лучше сказать, вернулся из беспамятства поздней ночью. Меня бил озноб, мучила голодная рвота, общее самочувствие было препоганое. Я был противен сам себе.

После этого у меня выработался рефлекс отвращения к запаху водки, и сейчас в ленинградском ресторане мне стоило больших усилий, чтобы поддерживать, хотя бы символически, провозглашаемые тосты, в которых смолянин был большой

мастак.

– Я понял, что примут именно Григория, – говорил он, – еще тогда, когда он на садовой скамье возле института охотно объяснял по программе экзаменов все, что интересовало его коллег-соперников, и старался, чтобы они все поняли так же, как он сам. Так поступают настоящие, хорошие товарищи. За это и выпьем.

Я пробовал отшутиться: мол, я не для вас, ребята, старался, а просто на вас тренировался перед экзаменами.

Опытные ребята из Смоленска и Брянска старались следить, чтобы я с голодухи не очень захмелел. И все же я с какого-то момента отключился от всего и не мог припомнить, когда и как очутился на Растанной на своей койке.

Утром следующего дня проснулся поздно. Голова гудела так, как тогда в поселке. Рядом на табуретке сидел Шура Чебанов и протягивал бутылку с молоком:

– Скорее одевайся, пора в институт. Мне еще надо получить свои документы, взять билет на поезд...

– Ничего, Шура, в следующем году...

– Нет, – перебил Шура, – ни в следующем, ни в каком.

В институте я узнал, что ребята из Смоленска и Брянска уже получили свои документы и убыли. Теперь получил свои документы и Шура, а меня пригласили на собеседование к директору – Федору Федоровичу Головачеву. От него я узнал, что списки отобранных кандидатов в аспиранты с их личными делами подлежат отправке в Москву для утверждения. Ждать придется недели две.

– А могут и не утвердить? – спросил я.

– Таких случаев я не помню. Правда, у вас эта история с отцом... Будем надеяться. Во всяком случае, мы ходатайствуем, чтобы вас утвердили.

В этот же вечер я проводил Шуру на вокзал. В ожидании отхода поезда он спросил меня:

– Интересно, зачислили ту чернявую девушку, которая с нами ехала на Растанную? Ты еще все время поглядывал на нее в трамвае.

Это я смотрел на нее как на поводыря, чтобы не потеряться.

А потом на Растанной, пока нас оформляли, подсел к ней и о чем-то разговаривал. Это тоже – чтоб не потеряться?

– Я начал с того, что спросил, на какую кафедру она поступает. А потом старался выяснить, что ей известно о местных претендентах с физфака, подавших заявления на нашу кафедру.

Прощаясь с Шурой, я пожелал ему успехов в Луганске и добавил:

– А я здесь буду ждать решения из Москвы. Может быть, проболтаюсь недели две здесь на Растанной, а потом...

– Брось ты! – перебил Шура. – Обязательно утвердят.

На следующий день я отправился на почтамт, чтобы узнать – нет ли мне до востребования вестей от дяди Захара. В письмах Сталину, Калинину, Молотову и в другие адреса я указывал обратный адрес на свое имя, но по адресу дяди Захара. Договорились, что, в случае чего, он даст мне знать письмом до востребования. Но на почтамте меня ждал посланный им денежный перевод. На бланке для письменного сообщения было написано: «Это те самые деньги. Зря заставил дядьку бегать на почту, да еще тратиться на перевод». Что ж, 25 рублей на две недели – совсем неплохо. А там – или аспирантская стипендия, или военкомат...

Вспоминая мое поступление в аспирантуру в кошмарном 1938 году, я всегда испытываю чувство благодарности к тогдашнему руководству пединститута имени А. И. Герцена. В духе того времени – кто кому мешал из одиннадцати претендентов вместо меня выбрать кого-нибудь другого с благополучной анкетой? За такое вопиющее притупление большевистской бдительности могло последовать самое строгое наказание.

На кафедре, в соответствии с ее профилем, мне довелось специализироваться в области физики твердого тела. В то время физики в этой области штурмовали подступы к тем вершинам своей науки, с которых позднее, уже после войны, открылись необозримые горизонты полупроводниковой техники.

Мне было предложено найти теоретическое объяснение одному явлению, наблюдаемому при прохождении электротока в облучаемых светом аддитивно окрашенных щелочно-галлоидных кристаллах. Если после пропускания через кристалл тока питающие его проводники отключить от источника и замкнуть друг с другом, то в цепи возникнет ток, который в кристалле будет иметь обратное направление относительно первоначально пропущенного тока. Это явление было экспериментально изучено школой профессора Р. В. Поля в Геттингене, а в СССР – моим научным руководителем профессором П. С. Тартаковским и его учениками. Петром Саввичем была выдвинута и гипотеза для объяснения этого явления.

Этой проблемой мне пришлось заниматься наряду с обширной программой кандидатского минимума по общим и специальным разделам теоретической физики, рефективными докладами на кафедре и, сверх этого, – философией, английским

и французским языками, для меня совершенно новыми, поскольку в вузе я изучал немецкий. Уйдя с головой в аспирантские занятия, я с утра начинал работу в Публичной библиотеке и не уходил из нее до ее закрытия, бывал в библиотеке и научных семинарах физтеха, на семинаре по технической электронике, который вел Петр Саввич в политехническом институте. Впрочем, столь же плотная загрузка была у всех аспирантов. Они и видели друг друга разве что на общих занятиях по философии и в группах по 3– 4 человека на занятиях по иностранным языкам. Аспиранты разных кафедр даже в лицо мало знали друг друга. Правда, на нашем этаже в аспирантском общежитии была комната отдыха с пианино, но в нее заглядывали очень немногие аспиранты, очень редко и, по существу, случайно. Все аспиранты знали только одного из своих коллег – профорга. Это была та самая чернявенькая девушка по имени Бронислава, которая сопровождала нас на Растанную, а теперь проживала в общежитии на нашем этаже с другой аспиранткой – тоже с истфака.

Увлеченно работая над предложенной мне темой, я пришел к выводу, что гипотеза, предложенная П. С. Тартаковским, не может быть принята для объяснения явления электрической поляризации кристалла при фотопроводимости. Видимо, при прохождении фототока образуется дефицит электронов в зоне контакта кристалла с катодом вместо предполагавшегося П. С. Тартаковским их избытка в зоне контакта кристалла с анодом. Такой поворот дела меня несколько озадачил, ибо получалось, что свою аспирантскую деятельность я начинаю с опровержения точки зрения моего научного руководителя. После долгих колебаний, самопроверок и тщательной подготовки я все же решился сделать обстоятельный доклад своему профессору. Но тот, к моему немалому удивлению, быстро уловил суть дела и выразил полное согласие с моими доводами. Он даже похвалил меня за этот совершенно неожиданный новый подход, сказал, что если глубоко проработать мою гипотезу, то может получиться не просто кандидатская, но и докторская диссертация. Особенно советовал исследовать процесс прохождения высокочастотных токов в таких кристаллах.

Мне потребовались полные два года, чтобы довести теорию пространственных зарядов в фотопроводящих кристаллах до логического завершения. Но кроме логики хотелось иметь ее прямое экспериментальное подтверждение, и передо мною возникла дилемма: либо заинтересовать этим делом кого-нибудь из экспериментаторов, либо самому заняться созданием экспериментальной установки

и проведением эксперимента. Петр Саввич успокаивал меня тем, что обещал поставить нужный мне эксперимент на возглавлявшейся им кафедре технической электроники в политехническом институте. Но осенью 1940 года он скоропостижно скончался, и этот вопрос снова встал передо мной.

После смерти П. С. Тартаковского моим научным руководителем согласился стать член-корреспондент АН СССР Яков Ильич Френкель. Ознакомившись с моими наработками по диссертации, он заявил, что здесь дело у меня «на мази», а экспериментальная проверка теории вообще не нужна, так как она (теория) основывается на математически строгом использовании общепризнанных физических законов. Проверять мою теорию – все равно что перепроверять эти законы, давно и многократно подтвержденные экспериментально. «Таким образом, – сказал Яков Ильич, – готовая часть вашей работы уже практически достаточна для оформления к защите как кандидатская, а незаконченную часть работы – с высокочастотными полями – я бы посоветовал продолжить в качестве докторской диссертации. Но лучше всего, если поднажать на нее за оставшееся время до установленного срока представления диссертации к защите».

Я решил не рисковать в погоне за докторским журавлем в небе, а начал прихорашивать свою кандидатскую синицу. В конце концов, ничего страшного не случится, если мною без спешки, через какой-нибудь год после защиты кандидатской, будет представлена и докторская – где-нибудь летом или осенью 1942 года. Если уж спешить, то для того, чтобы успеть защитить кандидатскую диссертацию до начала летних каникул, а летние каникулы использовать для обустройства на новом месте работы, куда меня назначит комиссия.

Конечно, я ошибался, думая, что за один год после октября 1940 года ничего страшного не случится. Но что интересно: пока я оформлял свою кандидатскую, – будто по моему заказу, появилась статья американца Эванса в журнале «Физикл ревью», в которой описан нужный мне эксперимент. Я успел сделать ссылку на эту статью и привести в диссертации фотокопию графика, полученного Эвансом, Благодаря этому в отзыве официального оппонента профессора Б. И. Давыдова появилась фраза: «Теория автора диссертации блестяще подтверждается экспериментом, проведенным Эвансом...»

...С первых дней моего пребывания в аспирантуре мне много писали писем товарищи по учебе в институте. С начала осени их письма стали приходить в конвертах с треугольниками красноармейских штемпелей вместо марок. А одно

письмо оказалось коллективным от нескольких человек, оказавшихся в Ленинграде и даже живших вместе в одной казарме. Мне разрешили навестить будущих танкистов. При встрече с ними я чувствовал себя словно бы виноватым за то, что отсиживаюсь за их спиной со своей аспирантской отсрочкой призыва до 1 сентября 1941 года. А ребята мне отвечали, что они ведь и призваны всего на один год, и раньше чем я окончу аспирантуру, уже к концу 1939 года, снова будут «на гражданке» с военными билетами командиров запаса. Мог ли кто из нас знать, что в конце 1939 года начнется война с Финляндией, а потом их годичный срок для многих растянется на вечность, и лишь немногим посчастливится пережить лихолетье 1941– 1945 годов. Единственным из моих сокурсников-физиков, кого я встречу после войны, будет тот самый Мекеша, с которым мы последний раз виделись в Мариуполе на учительской конференции. И о нем будет мое стихотворение:

УЧИТЕЛЬ ФИЗИКИ

Никифору Маринцеву посвящается

Подраненный, тянул над степью
с ночной бомбежки ДБ-3.
Казался он дымящей тенью
в лучах предутренней зари.
И что-то от него, как камень,
вдруг отделилось: «Рус капут!»
Сверкнул на небе взрыва пламень,
а чуть пониже – парашют.
Он падал над ничьей землею.
«Шнель, шнель! Живым пилота взять!»
«Вниманье! Пулеметы к бою!
Огнем пилота прикрывать!»
Вот он в воронке.
Пролетают над нею пули: надо ждать.
Свои врагов не подпускают,
а немцы не дают бежать.
Настала ночь. Кругом ракеты
мертвящий разливают свет.
Пилот в ночные силуэты

свой разряжает пистолет.
Нет! Не ничейная – родная
земля сражалась вместе с ним!
К ней между кочек припадая,
он выжил и приполз к своим.
...Вернулся невредимый, целый
учитель физики с войны.
Ершистый ежик снежно-белый,
а брови точно смоль черны.
И всех в поселке удивляло,
что молодой учитель сед.
С годами все на место встало:
седой обыкновенный дед.

Добавлю в прозе: дед, раздражающий чиновников своими заботами и нуждами, с которыми его можно безнаказанно и до бесконечности гонять по бумажному кругу. (Увы! – не только чинуш раздражают деды-ветераны. Скажем, подходит к очереди у гастронома молодой балбес с дружками и спрашивает: «За чем очередь?» Узнав, что за праздничными наборами для участников войны, острит под хохот дружков: «А я думал, что вы все давно уже передохли!»)

Но все это будет не скоро. А пока что у меня завязалась переписка и с «гражданскими» однокашниками: с белобилетником Шурой Чебановым, математичками Верой и Таней. Мои письма в основном были о впечатлениях от Ленинграда. Вскоре получил я совместное письмо от Веры и Шуры и в ответном письме поздравил их как мужа и жену. Переписка с Таней заглохла. Последней весточкой о ней было странное письмо ее мужа, который на щиром украинском языке извещал меня, что живут они хорошо, «есть следы» (вероятно, это означало, что ждут ребенка), но все прошлое «мешает им жить». Бедная Таня! Какое прошлое? Неужели судьба одарила ее вздорным и ревнивым мужем, который и в самом деле будет «мешать жить» и ей, и себе самому? Получив эти письма, я невольно вспомнил и институтскую Веру-певунью, и свою первую школьную любовь Дусю, о замужестве которой узнал летом. Не без иронии подумал о том, сколько хороших девчат успел «выдать замуж», – а сам?...

А сам я был в плену проблемы, для решения которой пока что не видно было ни малейшего проблеска. Мать и сестра продолжали ютиться в жалком сарайчике в

обстановке жесткого недоброжелательства, враждебности, мелочно-бытового террора. Они кое-что зарабатывали в детсадике, я им помогал из своей стипендии, – но проблема состояла в том, как избавить их от этого кошмара. Вот здесь были бы к месту слова: «Ну, а девушки потом». Но и девушки, к сожалению, долго ждать не могут, и больная мать в сарайчике долго не выдержит.

Пока что мне оставалось хотя бы найти дополнительный к стипендии источник материальной помощи маме и Оксане. Таким источником явилось чтение лекций студентам-заочникам Вологодского пединститута в зимних и летних сессиях. Уже в июле 1939 года в Вологде мне удалось заработать, по привычным для меня понятиям, кучу денег. Их хватило, чтобы основательно помочь матери и сестре, и самому приодеться, и даже купить себе первые в моей жизни карманные часы.

Но главное, я испробовал свои силы в чтении самостоятельного курса лекций – такого, какие в Ленинграде читались только профессорами и реже доцентами. И, кажется, получилось! Дирекция и деканат пригласили меня на зимнюю сессию заочников, и на следующее лето, и вообще...

– А вообще мы рады будем и насовсем принять вас у себя по окончании аспирантуры, – говорил мне декан. И добавил:

– Женим вас на кружевнице-северяночке. И край у нас хороший, и до Москвы, Ленинграда рукой подать.

И в самом деле: до чего же хорош этот край! Даже в июне, а значит, и все остальное лето, когда на юге все начинает чахнуть и выгорать от жары, здесь ласкает взор по-особому буйная, свежая и чистая зелень деревьев, всегда молодая сочная трава на зеленых лугах – все время такая же, какая бывает на юге только ранней весной, или, может быть, как мягкие нежные всходы озимой пшеницы, только очень густая. Понравился этот северный город еще и тем, что в нем, как и в Ленинграде, стояли белые ночи. От него веяло исконной Русью и русской твердостью в ратных делах, говорят, что и речка, впадающая вблизи института в многоводную Вологду, образовалась из оборонительного рва, отрытого в давние грозные времена. А до чего же доброжелательны и приветливы люди в этом краю с их неторопливой мягкой окающей речью, чем-то напоминающей мне родную украинскую речь! А парни – истые пришедшие из былин добры молодцы! И, конечно же, бесподобно хороши северяночки. К льняным косам и голубым глазам удивительно подходит особая белизна лица: не «брынзовая» и не матовая, конечно, а с едва уловимым пробивающимся из-под кожи румянцем, поистине – «кровь с молоком».

О вологодцах, как и вообще о россиянах, хочется сказать:

О Русь! Народ трудолюбивый!
Ты сердцем добр, но в битвах тверд,
в работе спорый и сметливый,
по-русски прост, по-русски горд.

И нет вины вологодцев в том, что в украинских селах люди содрогались от одного только слова «Вологда», означавшего в их представлении ненасытное страшилище, проглатывавшее и заживо замораживавшее раскулаченные семьи, страшилище, опутавшее окрестный край паутиной из колючей проволоки. Проезжая из Ленинграда в Вологду и обратно, я не мог противостоять неодолимой силе, тянувшей меня к окну вагона, за которым пробегали прямоугольники концлагерей, четко очерченные в ночи пунктирами электрических огней. Этой силой была мысль об отце. Может быть, он здесь, в одном из этих прямоугольников, и не подозревает, что совсем рядом проезжает и думает о нем его сын...

Сегодня по случаю воскресенья я позволил себе поспать дольше обычного. Но и после этого не спеша взял гитару, настроил ее, взял несколько аккордов для проверки строя, подошел к детской кроватке, где в одной распашонке лежал на спине, тыча себе в ротик резиновым петушком, восьмимесячный Василек. Малышу нравилось, когда отец играл на гитаре и напевал над его кроваткой. Сам же он при этом мог в ритме делать ногами в воздухе «велосипед», восторженно улыбаться, «гукать», а изредка даже произносить какое-то слово, которое, по моему твердому убеждению, означало: «Папа!»

Затем, отложив гитару в сторону, я начал отлаживать «опасную» бритву. Обычно я пользовался безопасной, но она оставляла на лице ссадины и плохо выбритые места. Сейчас, готовя принадлежности для бритья, я сказал, обращаясь к жене и матери:

– Вот говорят, что Бог наказал женщин муками родов. Но ведь это бывает несколько раз за всю жизнь. А нас, мужчин, Бог наказал ежедневными муками бритья.

– Ты просто не умеешь бриться, – возразила мне жена.

– Нет, все же именно мужчины – разнесчастнейшая половина людского рода: их и жены пилят, и на войне убивают.

– А на войне убьют – опять же мука для жены с ребятишками, горькая вдовья доля... без мужа, – сказала мать.

Когда я брался за опасную бритву, то старался все делать точно так, как когда-то мой отец: наточить на оселке, потом поправить на ремне, потереть о шершавую ладонь, наконец – осторожно поднести бритву к волосам повыше затылка и услышать сухой треск – как электрический разряд – от острия сверкающего и как бы притягивающего к себе волосы лезвия.

– Огонь-бритва! – одобрительно высказывался после этого отец.

От одной такой наточки отцовской бритвы подряд – с небольшими подправками на ремне – могли побриться и отец, и в порядке старшинства остальные его братья. Потом еще кто-нибудь из них брил голову отцу, а он еще шутил:

– Скреби лучше, чтоб гуще росли.

Впрочем, от этого его волосы не становились гуще.

Однажды и я в очередь с дядьями побрился той же бритвой. Она смачно шелестела, как хорошая коса о траву, и было совсем не больно, даже очень приятно.

Сегодня у меня были веские основания, чтобы побриться в парадном варианте: во вторник прошедшей недели я защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. На заседании ученого совета среди присутствовавших была и моя мама. Сейчас она, собирая, как обычно, для прогулки внука, уже в который раз переспрашивала меня:

– Так ото ж у тэбэ на защити выступалы аж два прохвесоры?

– Да, мамо, не считая председателя, там было еще девять профессоров и шесть доцентов.

– А чого ж ты их мэни не показав?

– Мне же было не до этого.

– И то правда. А хто ж був стой лысый?

– Мой научный руководитель. Это большой ученый. Его даже приглашали читать лекции в Америку, и вот эти его книги были изданы сначала у них на английском языке.

– Ото ж вин и по-английському знае?

– Так же, как по-русски. А после него выступал другой профессор, мой официальный оппонент.

– Я хоч и тэмна людина, а зразу розибрала, що боны дуже добри люды. Отой трэтий все пид тэбэ пидкопувався. То недобра людына. Хто ж вин такый?

– Он доцент. Тоже официальный оппонент, и не плохой человек.

– Доцент, мабуть, ще выше прохвесора?

– Нет, ниже.

– Так чого ж вин полиз против тэбэ, колы за тебе булы аж два прохвесоры? Чи вин, може, здурив? Чи, може, в нього на тэбэ якийсь зуб? Ты стэрэжысь, щоб тоби хтось нэ зробив якусь пакость, як твойому батькови.

– Не беспокойся, мамо, совет ведь весь проголосовал «за», кроме одного «против».

– Ото ж, мабуть, и був против отой доцент. А тэпэр спусты мени вниз колясочку, а мы в ней с Василечком гулятоньки поидэмо.

Последние слова она произнесла нараспев, обращаясь уже к внуку.

Проводив мать и продолжая готовиться к бритью, я пытался мысленно представить свою будущую работу в Астрахани, куда меня направляют на должность заведующего кафедрой теоретической физики. Об этом городе бывалый дядя Захар в письме высказался так: «...насчет работы – это тебе виднее, а насчет остального – скажу, что будешь ты там всегда и со свежей рыбой, и с икрой, и с хорошей бараниной, а при случае и дядьку своего угостишь наваристой ухой и шашлычком...»

Я уже получил полный расчет по аспирантуре и направление на работу. Завтра же надо брать билет и ехать в Астрахань, на месте оформлять все дела. В первую очередь – получить квартиру. Я успел списаться с директором института: мне уже приготовлена квартира, впервые в жизни я буду иметь свою настоящую квартиру! Двухкомнатную – это точно, а может быть, и трехкомнатную, – тогда будет у моей мамы свой уголок. Хватит, намыкалась по клетушкам и сарайчикам.

Хочется забыть, но невольно вспоминается, как забирал я ее из Мариуполя. Приехал в начале сентября 1940 года, она одна в сарайчике, сестра – в областном городе, на втором курсе мединститута. Мать начинает хлопотать, чтобы меня чем-нибудь угостить. Я говорю:

«Брось все это, садись, будет серьезный разговор. Я женился и хочу забрать тебя отсюда в Ленинград. Рассчитывайся с работой, а можно и без расчета. Завтра утром переберемся с вещами к дяде Дмитрию, а вечером от них – на станции Сартана сядем в ленинградский поезд».

– А кто она, твоя жена? Не будет меня обижать?

– Она тоже аспирантка. Нам дали комнату в семейном институтском общежитии, в ней пока и будем жить. Насчет обижать – брось об этом думать.

– А как же Оксана? Куда ей приезжать на каникулы?

– Она приезжала сюда не ради сарая, а ради тебя. А без тебя он ей совсем не нужен. В общежитии или в гостях у кого-нибудь из дядей ей будет лучше. Зачем тебе сторожить эту конуру? Оксана окончит институт – будет ей и работа и жилье.

На следующее утро знакомый дяде Илье шофер подкатил к «нашему» дому в поселке на полуторке. Я взял вещи матери, собранные в мешок, который набивался соломой и служил маме матрацем. Маму усадил в кабину рядом с водителем, сам с мешком устроился в кузове полуторки. Нас во дворе «провожали» Евдокия, ее старший сын и примак, который был в военной форме с двумя кубиками в петлицах. Провожали выкриками, хохотом:

– Профессору подано авто. Подать профессорше с..ную тачку!

– Голодраная профессорша! Скатертью дорога!

– Профессор кислых щей! С..ный профессор!

Это в моем присутствии. Можно себе представить, каково было маме одной в этом гадючнике...

Отрешившись от этих воспоминаний, я начал бриться. Между тем жена сидит за столом, читает и конспектирует иностранную книгу о Митридате. У нее срок аспирантуры перенесен на конец года из-за декретного отпуска. Она торопится, нервничает, сегодня ей мешает даже радио, хотя одно время мы оба привыкли заниматься при включенном радио. Мне как будто бы даже помогала заниматься моими формулами хорошая музыка из приглушенного репродуктора. Вот и сейчас я приладил зеркальце на стене у самого репродуктора, максимально приглушил звук, чтобы не мешать жене, а самому бриться, слушая музыку. Но вот музыка прервалась. Из черной картонной тарелки послышался голос диктора:

– Сегодня в двенадцать часов дня будет передано важное правительственное заявление.

Я подумал, что это очень кстати: мы с Брониславой послушаем правительственное заявление и пойдем прогуляться по воскресному городу к Неве. Жена обязательно захочет постоять у Зимней канавки в том месте, где, по ее представлению, Лиза бросилась в воду после встречи с Германом. Потом мы вспомним, как впервые увиделись в институтском коридоре, когда прибыли поступать в аспирантуру, ехали трамваем на Растанную. Не спеша пройдем по тому самому маршруту, где вдвоем совершили свою первую прогулку по городу, окутанному белой ночью. Будучи еще новичком в Ленинграде, я не имел понятия о маршруте нашей прогулки, и мне казались сказочными впервые увиденные мною улицы, набережные и мосты, по

которым мы проходили. Да, сегодняшняя наша прогулка с женой будет как бы прощальным обходом памятных для нас мест перед моим отъездом в Астрахань.

В 12.00 заговорило радио. Я застыл у репродуктора. Одна щека была побрита, а на другой забелела высохшими хлопьями мыльная пена. Я слышал учащенное сердцебиение приникшей ко мне жены. Война...

Значит, вот уже восемь часов воюют мои институтские товарищи-«одногодичники». А на финском полуострове Ханко воюет младший брат жены Димка. Или, может быть, уже отвоевался? Я проводил его на сборный пункт военкомата на Кировском проспекте ранним утром 7 октября в прошлом году. Он был студентом второго курса ЛГУ. С ним в одной команде были его сверстники с заводов и вузов Петроградской стороны, и принимал команду офицер в морской форме. Когда я, простившись с Димкой, вернулся домой, жена уже была в роддоме, а незадолго до полуночи родился сын. Когда ему придумывали имя, в тесной комнатушке семейного общежития был накрыт стол, и я, разлив по стаканам кагор, дребезжащим голосом, преодолевая комок в горле, сказал:

– Быть ему Василием. Дед вернется – будет знать, что о нем помнили. За это выпьем.

Мама одновременно и улыбнулась, и смахнула слезу, а жена сказала:

– Я согласна.

Мы стояли вокруг кроватки Василия, а я продолжил тост:

– Будь здоров, Василий, и будь человеком, как твой дед, чьим именем тебя назвали. И еще, поскольку ты родился в день, когда твой дядя Дима стал воином Отечества, – чтоб был ты, когда придет время, хорошим красноармейцем.

При этих словах мы с женой смешливо переглянулись, вспомнив мою привычку спрашивать у нее во время ее беременности:

– Как поживает наш красноармеец? Не брыкается?

– А может быть, девочка?

– Ни в коем случае! Или красноармеец – или краснофлотец!

...По окончании речи Молотова по радио начали передавать военные песни и марши.

Сердце бьется краснофлотца
и тревожно дышит грудь...

Да, Димка-краснофлотец сейчас на Ханко, где рвутся бомбы. А в садике – малютка-сын с бабушкой, которая еще ничего не знает, что могут сейчас же начать бомбить

Ленинград. Надо их немедленно разыскать. С этой мыслью жена, резко отпрянув от меня, выбежала из комнаты. В садике, увидев ее, моя мама спросила:

– Что случилось? Почему все куда-то бегут? Что-нибудь дают в магазине?

– Война, мама... немцы напали.

Обе женщины молча застыли, наклонясь над детской коляской, в которой безмятежно, хлопая губами на выдохе, спал маленький Василий.

И все же, забегая далеко вперед, скажу, что не погиб Димка, – один из немногих оставшихся в живых героев прославленной дивизии генерала Симоняка, из тех, кто мужал в морских пехотных ротах
двадцатилетним пареньком,
тонул в Синявинских болотах,
ходил за вражьим «языком»,
от первых бомб у скал гангутских
через блокадный Ленинград
прошел до сопок заамурских,
убитый и живой стократ.

Глава шестая

Я под бумажной бронью
из военкомата свою ученость
в грозный час не укрывал.
Священный голос Родины с физмата
в ряды ее защитников позвал

Прослушав по радио выступление Молотова и Указ о всеобщей мобилизации, я по-быстрому насухо добрился и вышел во двор института. Там уже собирались сотрудники и аспиранты, жившие в институтских квартирах и общежитиях. Появились директор и секретарь парткома института. Секретарь парткома, отвечая на вопросы, видно уже не в первый раз, объяснял, что военнообязанным, приписанным к частям, необходимо являться в пункты и в сроки, указанные в военных билетах. Всем остальным – ждать повестки из военкомата.

– А пока что, товарищи, – сказал он, – прошу разбиться на группы по десять человек. Есть указание рыть щели – укрытия от бомбежек. Сейчас привезут шанцевый инструмент и приедет инструктор по саперному делу. Вас я назначаю

старшими десяток. – При этом он записал в блокнот фамилии старших.

Я оказался в «десятке», в которой было 13 человек, в основном из знакомых мне аспирантов. Инструктор показал места в институтском саду, где надо было отрыть щели, границы участков по десяткам были отмечены колышками. Еще не был снят слой дерна, а у многих с непривычки появились на ладонях и стали лопаться пузыри, на потертые места попадала земля, но каждый старался выглядеть бывалым землекопом. Мне повезло тем, что на половине ширины щели, которую я копал, грунт оказался странно податливым, и мне удалось быстрее моих товарищей продвинуться в глубину. Но неожиданно именно с этой «везучей» стороны обрушилась стенка щели, и пришлось выбрасывать наверх осыпавшуюся землю. Только теперь я сообразил, откуда шел неприятный запах, который до этого старался не замечать: на моем участке щель проходила через край зловонной ямы, которую когда-то засыпали сверху землей. Ее содержимое изрядно перепрело, но душок все же остался.

Наверху у щели останавливались любопытствующие прохожие, и один из них, молодой шутник, сказал по моему адресу:

– Здорово ты, дружище, этим самым... окапываешься!

Я промолчал, но остряку ответил другой прохожий, седоусый:

– А ты чем зубы скалить, лучше бы лопаточкой сам поработал. А бомба – это тебе не шуточки: жахнет – как миленький тут же в это самое ... сиганешь, да еще и своего добавишь.

– Но-но, дядя, не сей панику. Какие могут быть бомбы в Ленинграде? Может быть, уже наши воюют на немецкой территории.

Надо отметить, что в первые дни войны слухи насчет немецкой территории не были большой редкостью: сказывалось довоенное бахвальство, вдалбливавшееся всеми средствами псевдоискусства:

Мы войны не хотим,
но страну защитим:
оборону крепим мы недаром,
и на вражьей земле
мы врага разгромим
малой кровью, могучим ударом.

Однако жизнь подбрасывала факты, которые даже меня, абсолютно несведущего в военных делах, заставляли усомниться в реальности того, о чем пелось в этой

песне.

Взять хотя бы такой факт, когда в первый Верховный Совет СССР, избираемый согласно сталинской Конституции в городе Проскурове, где дислоцировалась Червонная казачья дивизия, был выдвинут кандидатом в депутаты капитан. По тем временам было ясно, что в дивизии хорошо поработал НКВД и в ней командира в более высоком звании не нашлось. Но после первого письма ко мне из этой дивизии мой дядя Илья прислал второе, в котором сообщил: «Газету с портретом капитана Навроцкого порви. Он оказался врагом народа». Что же это за армия, в которой дивизиями командуют капитаны? Наглядный ответ на этот вопрос дала война с Финляндией, позорный провал фарса с марионеточным «правительством» Куусинена. Я вспоминал и затемнения в Ленинграде во время этой войны, круглосуточные дежурства в штабах ПВХО, погибших на Карельском перешейке аспирантов из числа призванных командиров запаса, забитую воинскими эшелонами железную дорогу между Ленинградом и Вологдой, куда я выезжал в январе 1940 года, наконец – такую несуразность, как отряды лыжников из ленинградских студентов-добровольцев, как будто только их не хватало могучей армии в схватке с маленькой армией Финляндии. Все эти разрозненные факты однозначно наводили на мысль, что война с немцами сулит невиданную и неслыханную беду.

Но меня лично начало войны поставило в двусмысленное положение. Я полностью рассчитался с институтом имени А. И. Герцена, у меня направление в Астрахань и письмо директора Астраханского пединститута, там меня ждут. Мне остается явиться в военкомат по месту учета в Ленинграде, предъявить направление на новое место работы и документ о присуждении мне ученой степени и получить разрешение на выезд в Астрахань. Формально все по закону, а по совести – не бегство ли это от призыва по мобилизации в расчете на бронь в Астрахани, которую я наверняка получу как завкафедрой и кандидат наук? Вспомнилось, как три года назад прикидывал, что, в случае чего, буду призываться в армию из Ленинграда. Тогда это «в случае чего» не произошло: меня зачислили в аспирантуру, и я получил отсрочку от призыва. Но что оно могло значить в сравнении с тем, что произошло сейчас? И я решил никуда не ходить, а ждать вызова из военкомата, в котором я продолжал числиться как аспирант.

Между тем знакомые мне аспиранты, старше меня по возрасту и имевшие звания командиров запаса, быстро исчезли из общежития. Только одного из них, по

фамилии Кондратенко-Буга, я однажды встретил у Казанского собора. Прежде в присутствии товарищей я любил с ним пошутить:

– Уж я-то знаю, Степан Иванович, что украинского слова «Буга» нет, так что вторая половина твоей фамилии происходит от слова «Бугай». Зачем морочишь головы россиянам?

– Э, хлопче, вторая половина моей фамилии происходит от баронского титула. Наше родовое гнездо, а проще – замок, стояло на реке Буг, – может, слыхал? Так вот, если хочешь знать, по-настоящему меня следует называть Кондратенко фон Буга.

Теперь «фон Буга» был в новом лейтенантском обмундировании, обтянутом скрипучими блестящими ремнями, и нам, конечно, было не до шуток. Он удивился, что я еще не в Астрахани. «Что тебя удерживает в Ленинграде? – говорил он. – Ожидание вызова из военкомата? Но военкомат есть и в Астрахани. И заметь, что там не валяются на улицах готовые кандидаты наук и заведующие кафедрами, и тебе обязательно будет бронь. О семье тоже подумай: тебя призовут, а ей ютиться в студенческом общежитии...» Я ответил Степану Ивановичу, что он был бы формально прав, если бы война... началась хотя бы на день-два позже и застала меня уже в пути к Астрахани. Но это только формально, а не по совести.

В ожидании повестки из военкомата я как-то неожиданно оказался «номером» в институтской пожарной команде, состоявшей из старшекурсников-студентов и аспирантов, которые тоже были «отсроченными» призывниками. Мы дежурили с утра до поздней ночи и заодно тренировались в технике пожаротушения, а ночью обязаны были по сигналу воздушной тревоги являться в назначенное место, где находился противопожарный инвентарь. Но воздушных тревог не было ни днем ни ночью, и «пожарники» начали поговаривать между собой: «Зря все это. Так и допустят их к Ленинграду». На тренировках была одна и та же программа: мы бежали к «загоревшемуся» дому, тащили с собой багры, лопаты, шланги и сборно-разборную пожарную лестницу, я с напарником тащил стендер. Это было нечто вроде переносной водозаборной колонки, и, пока мы подключали ее к трубе через люк водопроводного колодца, другие «номера» команды раскатывали по двору шланги, сращивали их между собой, привинчивали к стендеру. Затем крышу дома взобравшиеся на нее пожарники обливали водой. Для меня все это выглядело особенно нелепо: я не поехал в Астрахань в ожидании повестки из военкомата, но повестки нет, а я околачиваюсь в какой-то потешной пожарной команде института,

из которого уже отчислен...

Однажды во время нашего «пожарного» дежурства мы увидели, что двор института начал заполняться людьми. Начальник команды пошел выяснить, в чем дело, потом вернулся и скомандовал:

– Сложить инвентарь в кладовку!

Проверив выполнение команды, сказал:

– Ребята, хватит с нас этой муры! Видите? – формируется ополчение.

Когда мы подошли к главному институтскому корпусу, там толпа мужчин, провожаемых женщинами (к этому времени моя семья была эвакуирована из Ленинграда), уже начала приобретать – правда, еще не очень четкую – форму колонны по четыре, вытягиваясь вдоль асфальтированной дорожки. Мы пристроились к ней, и через несколько минут колонна уже шагала по булыжной мостовой Мойки в сторону Невского.

По долинам и по взгорьям...

Песню, начатую «пожарниками», подхватил весь батальон. Впрочем, еще не было ни списков этого батальона, ни списков его рот и взводов, и не было еще в нем командиров. Но зато было нечто, о чем никто не говорил вслух, но именно оно собрало людей в этот батальон... А списки были составлены потом, со сдачей паспортов и военных билетов или справок об отсрочке призыва.

Временными казармами 2-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии (Куйбышевского района) Ленинградской армии народного ополчения стали помещения трех рядом расположенных институтов, пунктом питания – столовая текстильного института. Штаб полка размещался рядом, в помещении средней школы на Невском, меня определили посыльным при штабе. Все ополченцы, кроме нескольких штабных начальников, оставались в своей штатской одежде. И мне в штатском виде приходилось ездить городским транспортом с засургученными пакетами в штаб дивизии и еще по каким-то адресам, иногда получать и привозить ответные пакеты. Однажды я привез приказ о переименовании нашего полка в 20-й сп. У меня создалось впечатление, что наши полковые начальники – сугубо штатские люди, подобравшиеся по принципу знакомства по работе в учреждениях Куйбышевского района, и что еще никто не знает – что с нашим «полком» делать дальше. А вернее всего – просто до нас еще не дошли руки настоящих военных.

Но вот мне и еще трем ополченцам, вызванным из роты, выдали винтовки, и мы поступили под команду настоящего (как мне показалось) военного в командирской

полевой форме защитного цвета с петлицами и знаками различия, в портупее и с пистолетной кобурой. Он скомандовал нам сесть в кузов грузовика, сам сел в кабину, и мы поехали.

Проезжая по Ленинграду, сидевшие в кузове ополченцы, с виду напоминавшие красногвардейцев с винтовками в штатской одежде, молча любовались неописуемой красотой этого города, объятого белой ночью. И нельзя было представить больший абсурд, чем даже сама мысль о том, что на него могут упасть бомбы, снаряды.

Грузовик выехал за город и помчался по шоссе, за обочинами которого мелькали перелески, затаившиеся в белесоватой ночной мгле. А в разрывах белых облаков, переливавшихся из одной причудливо-зловещей фигуры в другую, проплывавших над дорогой и над застывшим в тревожном ожидании лесом, виднелось безмятежно-синее небо. И не было ему дела ни до этих облаков, изредка подсвечиваемых зенитными прожекторами, ни до тех туч черной смерти, которые в это самое время нависли над грохочущим огненным валом, протянувшимся от Балтики до Черного моря.

Мы проехали через КПП в лесу, где часовой проверил документы у нашего военного, и остановились у большого одноэтажного здания, которое оказалось складом обмундирования. По указанию своего военного мы лазили по тюкам, которыми склад был набит до самого потолка, находили тюки требуемой ростовки и тащили их в грузовик. Наконец все положенное количество тюков было погружено и увязано веревками, по которым мы залезли наверх. Когда машина отъехала, кто-то из ребят сказал:

– Вот это складище! Сколько таких машин, как наша, всю ночь грузятся, а обмундирование вроде и не убавляется.

– Убавляется. Я заметил, что только в дальней половине склада тюки доходят до самого потолка. Наверное, склад эвакуируют.

– Болтай побольше. Эвакуируют? А может быть, ополченцев и вообще мобилизованных обмундировывают. И потом – куда эвакуируют? Не на Карельский же перешеек, поближе к границе! А этот склад, я заметил, совсем с противоположной стороны от Ленинграда.

Никто из нас не мог предполагать, что именно эту «противоположную» сторону захватят немцы и что именно приграничный Карельский перешеек окажется глубоким тылом осажденного Ленинграда. Пригревшись на мягко покачивающихся

тюках, ополченцы уснули. А мне даже приснилось, будто еду я на самом верху арбы, груженной необмолоченной пшеницей, направляясь на ток. Но проснулись мы не на току, а у какого-то складского здания в Ленинграде, где остановилась машина... После этой поездки я полагал, что нас скоро обмундируют и превратят в настоящий полк. Но однажды, вернувшись в штаб, чтобы сдать ПНШ расписку о сдаче пакета, я стал свидетелем разноса, устроенного полковому начальнику штаба – вчерашнему бухгалтеру – каким-то военным. У него было по шпале на петлицах. Чувствовалось, что это настоящий кадровый военный. Сняв телефонную трубку и дозвонившись до нужного номера, он сказал:

– Докладывает капитан Волков. Считаю, что полк надо расформировать. Здесь в основном студенты, которые по плану мобилизации должны направляться в военные училища, и командиры запаса, подлежащие мобилизации. И тех и других разыскивают военкоматы. Получается не ополчение, а дезорганизация.

Выслушав, что ему ответили по телефону, капитан отчеканил: «Есть!» – положил трубку и объявил начальнику штаба полка:

– Весь личный состав, кроме отобранной мною группы командиров, – немедленно в военкоматы по месту учета. Ликвидацию всех дел и отчетность перед штабом дивизии оформить в недельный срок.

После расформирования нашего несостоявшегося полка я со справкой, удостоверяющей, что находился с такого-то по такое-то число в этом полку, явился в военкомат. Кроме всех необходимых документов захватил с собой папку-скоросшиватель с машинописным текстом кандидатской диссертации и набросками к докторской. Зачем? Этого я и сам не знал, но с этими бумагами не расставался до конца войны. В тот же день по направлению военкомата я стал курсантом Третьего ЛАУ (Ленинградского артиллерийского училища), – занятие посерьезнее, чем бегать посыльным в ополчении. Очень понравились мне лекции дивинженера Блинова по курсу ВВ (взрывчатые вещества) и практические занятия на 203-миллиметровой гаубице Т-203, которые проводили комвзвода лейтенант Нечаев и комбат капитан Бачинский – участник боев на Карельском перешейке, с орденом Красного Знамени на гимнастерке. Из курсантов были сформированы боевые расчеты, и мы быстро научились переводить гаубицу из походного положения в боевое и наоборот, – это небезопасно, так как приходится 4,5-тонный ствол заводить в люльку или наоборот – выводить его из люльки на штатное место для транспортировки.

Однако роковым минусом в моих курсантских делах оказались стрельбы в тире из личного оружия – карабина. Из-за близорукости, при отсутствии очков, результаты моих стрельб были просто плачевными. Меня проверили в санчасти, и я был откомандирован обратно в военкомат за непригодностью по зрению. Военком приказал мне явиться завтра, так как почти все училища уже эвакуировались из Ленинграда и ему не ясно, что со мной делать.

Проходя мимо Гостиного двора по Невскому, я встретил знакомого аспиранта-филолога Шибанова, который теперь был уже курсантом военного училища ВНОС (Воздушного наблюдения, оповещения и связи). Это училище формируется на территории военного училища связи имени Ленсовета на Советском проспекте, но буквально на днях может эвакуироваться, так как все его имущество уже погружено в эшелон. Шибанов сказал мне, что училище ВНОС как раз ближе других к физике по профилю своих специальностей. Сейчас он возвращается в училище из увольнения.

На следующий день по моей подсказке военком оформил мне направление в это училище, и я направился туда с засургученным пакетом. Во дворе училища связи возле бокового подъезда большого здания сидели на ящиках двое военных. Перед ними стоял еще один ящик, служивший вместо стола, на котором они перебирали какие-то бумаги. Я подошел к ним и доложил:

– Товарищ полковник, допризывник Кисунько прибыл в ваше распоряжение с пакетом.

– Пакет и вас при пакете принять не могу. Все документы и имущество упакованы, училище эвакуируется.

Сидевший рядом с полковником батальонный комиссар молча протянул руку за пакетом, вскрыл его, полистал документы, что-то в них показал полковнику, тот молча кивнул, положил документы в командирскую планшетку, окликнул:

– Старшина Павлов, ко мне!

К полковнику подбежал – словно вырос из-под земли – подтянутый старшина с жучками войск связи на курсантских петлицах. На нем, как и на других курсантах, таскавших по двору какие-то ящики, была потрепанная, но чище, чем у других, хабэбэу, то есть хлопчато-бумажная, бывшая в употреблении курсантская форма.

– Примите нового курсанта в седьмую роту.

– Товарищ полковник, но в чем же я его повезу? Все обмундирование упаковано, погружено в эшелон.

– Отставить разговоры!

Старшина привел меня в свою каморку, окинул оценивающим взглядом. Похоже, что в каморке было списанное хабэбэу.

– Ну-ка, примерь это хабэбэу.

Я надел на себя военную форму, как говорится, с чужого плеча. Она была мне мала в длину, но зато шея свободно болталась в засаленном воротнике. Штрипки в шароварах пришлось расстегнуть и постараться просунуть ноги подальше, чтобы пояс по возможности оказался на месте. Оглядев меня в таком виде и сделав замечание насчет заправочки, старшина, едва удерживаясь от смеха, сказал:

– А что? Вполне ничего. Сапоги какой размер носишь?

– Сорок пятый.

Старшина присвистнул:

– Тогда походи пока в спортсменках-тапочках. Остальные личные вещи сдать в каптерку... Отставить... сдать в каптерку по прибытии на место. Каптерка упакована и опечатана. А пока что – носить их в этом ранце.

– Но... как же я в тапочках? При таком галифе?

– Отставить разговоры! И запомните: не галифе, а шаровары.

Сказав это, старшина словно бы забыл про новичка, принял позу петуха, который собирается кукарекать, прижмурил глаза до узких щелочек под опущенными веками и крикнул так, что я даже вздрогнул от неожиданности: «СЕДЬМАЯ РОТА, ВЫХОДИ СТРОИТЬСЯ НА УЖИН!»

– А ты, – добавил он вполголоса, обращаясь ко мне, – становись внутри строя, чтобы кто-нибудь из комсостава не углядел твои тапочки.

– Но тогда увидят, что я не на своем месте по росту.

– Выполняйте приказание!

Выполняя приказание, кандидат физико-математических наук по-военному щелкнул своими тапочками и цаплиным шагом побежал «строиться на ужин».

Весь следующий день курсанты грузили в вагоны имущество училища, ранее вывезенное в ящиках на Варшавский вокзал. А вечером эшелон отправился на Восток через станцию Мга. К этой станции уже рвались немецкие войска, и эшелону дважды объявлялась воздушная тревога. Поезд останавливался по тревоге, курсанты выскакивали из теплушек и рассредоточивались в кустарниках, но оба раза обошлось без бомбежек: видимо, немцы бомбили боевые порядки войск, оборонявших подступы к станции и железной дороге. Первую тревогу я проспал на

нижних нарах. Проснувшись незадолго до отбоя, удивился, что поезд стоит и в теплушке никого нет, выполз из теплушки, начал оглядываться вокруг, услышал окрик из лесной чащи: «Воздух!» Но я не сразу понял, что это команда, адресованная лично мне, пока не услышал тот же голос:

– В кусты!.. – Далее пошли такие слова, которые воспроизводить на бумаге не принято.

– Чеши, дылда, в кусты, не демаскируй эшелон! – крикнул кто-то из ребят.

После отбоя роту разбили на взводы, и когда наш второй взвод седьмой роты построили в две шеренги, то в первой шеренге правофланговым по ранжиру оказался курсант Проценко – вчерашний студент кораблестроительного института, а во второй шеренге правофланговым оказался я. Оба мы были назначены командирами отделений по своим шеренгам, и острые на язык студенты – в большинстве тоже корабелы – стали обращаться к нам в такой форме:

– Товарищ комод, разрешите обратиться. «Комодам», как и остальным курсантам, не положено было знать, куда идет наш эшелон. Москву обошли по окружной железной дороге. Прошли Рязань, Куйбышев, выгрузились в Уфе. Теперь оставалось переправиться в Бирск на барже по реке Белой. Для этого потребовались два рейса баржи, и когда была закончена погрузка на первый рейс, то трем курсантам под моей командой была поручена охрана оставшегося на пристани имущества в ящиках, покрытых брезентом. С этим имуществом мы прибыли в Бирск вторым рейсом баржи.

После того как силами курсантов было распаковано имущество училища и поставлено в будущих учебных классах, командование решило позаботиться о нашем внешнем виде, насколько это было возможно при нашем хабэбэу, доставшемся нам от довоенных курсантов. У них оно предназначалось только как спецодежда при уходе за боевой техникой и было, мягко говоря, не первой свежести. Поэтому нам выдали по куску хозяйственного мыла, вывели строем на левый берег Белой за окраиной города, и было приказано: «Каждому постирать и высушить на солнце обмундирование». День был погожий, солнечный, и эта операция была выполнена успешно. Во всяком случае, после этого у местного населения вид марширующих по городу курсантских подразделений не должен был вызывать удручающих впечатлений.

Многие курсанты были ленинградцами и переписывались с оставшимися дома родственниками. Но письма оттуда приходили все реже, а затем и вовсе перестали

приходить. У меня прекратилась переписка с дядьями из Мариуполя и с сестрой – студенткой Донецкого мединститута. К счастью, я успел узнать адрес проживания моей семьи, эвакуированной из Ленинграда в группе женщин с грудными детьми, пока я был в ополчении.

В напряженном, спрессованном до минут и секунд ритме курсантской жизни, в тревожном ожидании вестей от родных и очередных сводок Совинформбюро посерьезнели даже самые балагуристые ребята. С них быстро слетела шелуха бесшабашной довоенной беспечности, и как-то сами собой отпали и шуточки насчет «комодов», и студенческое подтрунивание над педантизмом воинских уставов, и пресловутые «разговорчики в строю».

Наш учебный взвод в составе 25 курсантов числился под № 2 в седьмой роте, сокращенно – 72-й взвод. Кроме меня и, может быть, еще одного– двух курсантов он был укомплектован студентами старших курсов Ленинградского кораблестроительного института. Они были знакомы друг с другом по институту, и поэтому наш взвод с самого начала выделялся среди других как дружный, хорошо слаженный коллектив, в котором все за одного, один за всех. И получилось так, что с самого начала нашего существования в Бирске 72-й взвод приказами командования неизменно отмечался как лучший в училище по всем показателям общевойсковой и спецтехнической подготовки, воинской дисциплины и внутреннего распорядка. Помнится, однажды нас даже премировали коллективным походом в театр – конечно, строем, под моим «помкомвзводным» командованием – на пьесу «Стакан воды», которую ставил эвакуированный из Петрозаводска драматический театр. А ведь у нас был очень серьезный конкурент в состязании на первенство в лице 71-го взвода, сплошь укомплектованного студентами-старшекурсниками Ленинградского института инженеров связи, для которых – почти готовых инженеров-связистов – изучаемые в училище предметы электрорадиотехнического профиля были родной стихией, – не то что для моих «корабелов». Дело в том, что оба наших взвода должны были подготовить из своих курсантов воентехников по «радиоулавливателям самолетов» РУС-1 и РУС-2 (так назывались в то время наши первые радиолокационные станции дальнего обнаружения).

После первого показа нам этих станций и первых занятий на довольно примитивном для меня уровне по электротехнике и радиотехнике я понял, что мне с моей подготовкой вполне достаточно небольшой стажировки непосредственно на

станции, чтобы справляться с обязанностями воентехника при ее боевой эксплуатации. И сразу же подал рапорт по команде через командира взвода лейтенанта В. Г. Долгополова с просьбой направить меня в действующую армию в часть, вооруженную РУСами. Командир роты мою подпись «курсант – кандидат физико-математических, наук» понял по-своему и сказал: «Пусть этот курсант со своей кандидатской карточкой обратится к замполиту, а мы здесь ни при чем». В. Г. Долгополову – бывшему студенту Ленинградского политехнического института долго пришлось объяснять ротному, что такое кандидат наук. В конце концов меня вызвал командир батальона и в очень вежливой форме объяснил мне, что моя просьба вполне логична, но в военных делах есть свой порядок, согласно которому каждый будущий командир должен съесть определенный минимум курсантской каши. А воентехник – это тоже командирская должность.

Но на этом история с моим рапортом не закончилась. На первом занятии по радиотехнике преподаватель – военинженер 3-го ранга Н. Н. Алексеев при перекличке курсантов, когда я, отозвавшись на свою фамилию, встал по стойке смирно, сказал, обращаясь к аудитории, примерно следующее:

– Товарищи курсанты! Перед нами не просто курсант, а кандидат физико-математических наук. Это очень высокое звание, о котором я, например, могу только мечтать. И вместо нашего занятия я сам бы предпочел вместе с вами послушать лекцию кандидата наук. Садитесь, курсант Кисунько.

Николай Николаевич хорошо знал свой предмет и был хорошим лектором. Из-за отсутствия учебников он излагал материал в два захода: сначала рисовал на доске схему и давал разъяснения к ней, а затем диктовал текст для записи в тетради, проходя при этом между рядами парт и проверяя записи. Но в мои записи заглядывал редко, так как в них предмет лекции излагался в виде математических формул, описывающих изучаемую схему. То есть так, как следовало бы излагать соответствующий материал в вузовском курсе. После войны кое-что из них было опубликовано в научном журнале.

Не обошел своим вниманием курсанта – кандидата наук и командир седьмой роты лейтенант Вольнов. Случилось это в мое дежурство по роте. Лейтенант в явно нетрезвом виде ввалился в казарму, когда курсанты были на занятиях, кроме меня и двух дневальных. Я ему отрапортовал как положено, он скомандовал «вольно» и прошел в помещение ротной канцелярии. Вскоре оттуда донесся окрик: «Дежурный, ко мне!» Я поспешил выполнять приказание, открыл дверь в

канцелярию, приготовился доложить: «Товарищ лейтенант, дежурный по седьмой роте прибыл по вашему приказанию». Собственно, я не доложил, а осекся на полуслове, увидев, что стол, за которым сидел комроты, был заблеван, отвратительная лужа отдавала сивушным перегаром, стекала на пол.

– Убрать! – изрек лейтенант, властно указывая рукой на эту гадость.

– Есть убрать! – ответил я и, приоткрыв дверь в казарму, подал команду:

– Дневальный, с ведром и тряпкой – ко мне!

– Дневального – отставить! – прорычал лейтенант. – Я вот наблевал, а ты – кандидат наук – уберешь это лично, или я тебя пристрелю за невыполнение приказа. Ну, живо! – при этом комроты пьяной ощупью потянулся к кобуре.

Я понимал, что этот пьяный хам, как говорится, вооружен и очень опасен. Что делать? Ждать, пока он меня пристрелит, или, пользуясь его замедленной от опьянения реакцией, первому выхватить свой наган, пристрелить мерзавца и заодно заработать «вышку» через военный трибунал? Видно, мой мозг молниеносно оценил оба эти варианта, забраковал их и выдал третий, единственно правильный:

– Товарищ лейтенант, разрешите сбегать за ведром и тряпкой!

– Сбегать? Это ты хорошо придумал. За тряпкой бегом марш! ...ный кандидат наук, – с похабным хохотком кинул мне вдогонку Вольнов.

Я пулей выскочил из ротной канцелярии, и побежал, но не за тряпкой, а к командиру батальона капитану Чигвинцеву, который, выслушав меня, быстро отправился в роту, а мне приказал подождать его в штабе батальона. От дневального я узнал, что Чигвинцев заставил самого Вольнова поработать с тряпкой.

После этого события лейтенант Вольнов исчез из училища, а нашим командиром роты стал симпатичный воентехник первого ранга, он же преподаватель электротехники Р. В. Серебрянский.

В училище я пробыл до 18 февраля 1942 года. В этот день по телеграмме из Главного управления ПВО территории страны мне и еще четырем курсантам были присвоены воинские звания, нам выдали командирское обмундирование с полевыми петлицами, вещевые, продовольственные, денежные аттестаты, проездные документы от Уфы до Москвы, предписание явиться в ГУ ПВО. Я был назначен старшим этой команды.

От Бирска до Уфы добирались на двух одноконных санях, на которых нелегко было удержаться из-за толчков на ухабах санного пути, выбитых конскими

копытами. От такой «езды» приходилось то и дело отдыхать, топая за санями пешком. От опрокидывающихся толчков седоки вываливались из саней, от этого у одного из наших товарищей оказалась сломанной нога, и его пришлось оставить в Уфе в госпитале.

В пути от Уфы до Москвы у нас не обошлось без приключений. Одним из них была моя торгово-обменная сделка, когда я, как некурящий, всю свою махорку обменял на какой-то станции на аппетитный золотистый «колобок» – шарик из сливочного масла диаметром сантиметров на пятнадцать. Надо сказать, что на всех остановках нашего поезда ничего нельзя было приобрести за деньги: только на обмен. После отхода поезда мы достали хлеб из своего сухого пайка и решили хорошенько закусить хлебом с маслом. Но когда я разрезал «колобок» по-братски на четыре части, то в нем под тонким слоем масла оказалось... картофельное пюре. Получился повод для шутки: дескать, за масло я рассчитался с бабулей махоркой, и выходит, что пюре досталось мне бесплатно.

В Рязани нам предстояла пересадка на московский поезд. После Рязани все поезда дальнего следования шли до Москвы без остановок, поэтому Рязань служила одновременно и контрольно-пропускным пунктом для въезда в Москву, и санитарно-профилактическим заслоном против завоза в Москву кровососно-тифозной живности. Чтобы получить билеты на Москву, надо было пройти санобработку: сдать всю одежду во входной раздевалке, пройти в душевую, помыться, выйти из душевой в помещение, противоположное раздевалке, и там получить свою одежду. Но в душевых колонках не было холодной воды, а вместо горячей подавался крутой кипяток, и нам пришлось просто «всухую» потолкаться в душевой в ожидании прибытия нашей одежды. Зато одежда была обработана явно не всухую. Особенно досталось обмундированию. Еще совсем новое, даже не разношенное, оно стало неузнаваемым, приняло вид ха-бэбэу, покрытого бурыми и других неопределенных цветов пятнами, да еще с прилипшими в вошебойке отвратительно тучными дохлыми насекомыми.

По прибытии в ГУ ПВО меня, к моему удивлению, направили (как и моих попутчиков) в Главное политическое управление Красной Армии, где нас по одному принимал какой-то капитан. Мне он дал нашу листовку на немецком языке, предложил ее прочесть вслух с переводом каждой фразы на русский язык. Сделал я это, прямо скажу, с грехом пополам, ибо это совсем не то, что читать по-немецки научные тексты по физике, наполовину пересыпанные формулами. И уж совсем

неудачной оказалась попытка капитана поговорить со мной по-немецки. Впрочем, если бы я даже в совершенстве владел немецким, то предпочел бы «провалиться» на этом экзамене, который (как я понимал) имел своей целью выявить возможность использования меня как военного переводчика.

Из ГлавПУра меня с засургученным личным делом направили обратно в ГУ ПВО, а оттуда согласно предписанию я отбыл для дальнейшего прохождения службы в 337-й отдельный радиобатальон (орб) ВНОС.

ПРИКАЗ ПО 337 орб ВНОС

№ 73 от 7 марта 1942 г.

Полагать налицо:

1. Прибывшего с 5.3.42 г. из Штаба Моск. Корп. Района ПВО воентехника 2 ранга Кисунько Г. В., назначить на должность начальника станции РПО № 1 4 роты, зачислить в списки части и на все виды довольствия согласно аттестатов и направить на расчет в г. Химки.

Основание: Ком. предп. МКР ПВО № 118/04.

ЦАМО, ф. 337 орб, оп. 144517, д. № 1, л. 94)

Триста тридцать седьмой орб ВНОС входил в состав Московского фронта ПВО и обеспечивал радиолокационную разведку воздушной обстановки в зоне ответственности МФ ПВО. В начале 1942 года он располагал десятью станциями радиообнаружения (РО) самолетов, дислоцировавшихся в Калуге, Малоярославце, Можайске, Мытищах (станция РУС-2), в Клину, Павшине, Серпухове (станции РУС-2с), в Кубинке, Внукове, Химках (станции МРУ-105).

Станция МРУ-105, на которую я был назначен ответственным за ее техническое состояние и эксплуатацию, была одной из трех английских радиолокационных станций, прибывших в декабре 1941 года в качестве личного дара Сталину от Черчилля. По рассказам наших специалистов, английские инструкторы, высококвалифицированные знатоки своего дела, по окончании своей миссии убыли, оставив лишь фрагменты описаний и инструкций к станциям МРУ-105. Хорош сюрприз для меня, замкомвзвода по технической части!

В старину у казаков был простой и надежный способ оповещения о приближении вражеского войска. В степи на расстояниях прямой видимости выстраивались смотровые вышки – деревянные помосты на высоких сваях с охапками сухой травы, которую дозорные казаки поджигали, заметив приближение врага. Вспыхнувшая трава, политая коптящей жидкостью, давала огненно-дымный

столб, его замечали на других вышках, и там зажигались новые сигнальные огни, а дозорные вскачь неслись к своим, чтобы на словах рассказать о том, что видели своими глазами и что не могло быть передано на языке костровых сполохов.

Нечто похожее по своей примитивности существовало у нас к началу войны для оповещения о налетах вражеской авиации: это была служба воздушного наблюдения, оповещения и связи (сокращенно – служба ВНОС). Она имела разветвленную сеть наблюдательных постов – НП ВНОС, размещенных на территории, разбитой на строго пронумерованные квадраты, и каждый НП ВНОС был зашифрован под номером своего квадрата.

Бойцы-наблюдатели постов ВНОС были вооружены винтовками и ручными гранатами, но главным оружием были бинокли, плакаты с силуэтами наших и вражеских самолетов и другими опознавательными их признаками, а также средства связи с вышестоящими постами ВНОС. Но условия видимости и погоды не всегда благоприятствовали ведению наблюдений за воздухом, и в этих случаях бойцов выручали «ямы подслушивания»: бойцу, сидящему в такой яме, легче было отличить идущий сверху рокот самолетных моторов от мешающих звуков, издаваемых наземными источниками.

Сведения о пролетающих, самолетах, обнаруженных визуально и/или на слух, передавались от НП ВНОС по телефонным, телеграфным линиям и по радио на ротные, батальонные, полковые, дивизионные, корпусные посты ВНОС и на Главный пост ВНОС, располагавшийся в глубоком подземелье в Москве. Все эти данные обрабатывались, сличались между собой и наносились на карты-планшеты воздушной обстановки.

Однако вся эта система могла действовать только при наличии территориального пространства между обороняемым объектом и линией фронта, обеспечивая своевременное оповещение о налете с учетом приведения в боевую готовность зенитной артиллерии, истребительной авиации ПВО, прожекторных частей, объявления воздушной тревоги для населения. В частности, по мере приближения фронта к Москве, и особенно к Ленинграду, вследствие ликвидации сети постов ВНОС на оккупированной территории, становилась совершенно невозможной эффективная противовоздушная оборона этих городов, рассчитанная на столь примитивные средства ВНОС. Трудно представить себе, что было бы с этими городами, если бы их системы ПВО после начала войны не были в считанные недели оснащены новыми по тому времени средствами ВНОС – радиолокационными

станциями или – как их тогда у нас называли – радиоулавливателями самолетов (сокращенно – РУСы). В отличие от НП ВНОС, способных фиксировать самолеты только при пролете буквально над НП, РУСы позволяли не только видеть, но и определять местоположение самолетов на расстоянии 120-150 километров за линией фронта.

Первый вариант отечественных РЛС ПВО под шифром РУС-2 (он же – «Редут») был принят на вооружение приказом НКО от 26 июля 1940 года по результатам совмещенных полигонных и войсковых испытаний опытных образцов. Аппаратура РУС-2 состояла из излучающей и приемной установок, смонтированных каждая на отдельном автошасси в поворотных кабинах, на крышах которых устанавливались соответственно излучающая и приемная антенны. Во время боевой работы обе кабины с закрепленными на них антеннами синхронно вращались, обеспечивая круговой обзор воздушного пространства, обнаружение самолетов, определение их дальностей и азимутов на расстояниях до 120-150 километров в зависимости от высоты полета.

Станций РУС-2 («Редут») было изготовлено всего 12 образцов в качестве опытной партии, после чего станции автомобильного типа выпускались только в одноантенном варианте, который отличался размещением передающей и приемной аппаратуры в одном (неподвижном) автофургоне и наличием совмещенной на прием и передачу вращающейся антенны на выносной мачте. Первые опытные образцы одноантенной РУС-2 были изготовлены в Ленинграде в августе 1941 года и вместо полигонных испытаний сразу же были включены в боевую работу в системе ПВО Ленинградского фронта. По результатам этой работы на основании заключения командующего ПВО Ленинграда одноантенная РУС-2 Постановлением ГКО была принята на вооружение в конце 1941 года. Всего к концу войны было выпущено 132 станции этого типа.

Наиболее массовым типов РУСов (выпущено к концу войны 432 комплекта) были станции РУС-2с (заводской шифр «Пегматит»). Эти станции отличались от одноантенных РУС-2 тем, что их аппаратура представляла собой сборно-разборные комплекты, перевозимые в ящиках и развертываемые в небольших стационарных помещениях (например, в землянках, избах). До начала войны их было изготовлено 10 опытных образцов, из которых два в мае 1941 года были предъявлен заказчику на полигонные испытания. По результатам испытаний в начале июня 1941 года станция РУС-2с была принята на вооружение.

Таким образом, наша промышленность к началу войны и даже в первые ее месяцы едва успела закончить лишь опытно-конструкторские разработки станций РУС-2 и РУС-2с. Поэтому развертывание серийного производства РУСов, поставку их в войска промышленности приходилось делать в условиях эвакуации заводов и НИИ на Восток. В свою очередь формирование специальных радиолокационных организационных структур в войсках и освоение ими принципиально новой техники, выработку тактики ее боевого применения – все это довелось проводить войскам непосредственно в ходе боевых действий. Это были самые первые и самые трудные шаги по внедрению радиолокации в войсках ПВО, шаги, мало кому известные из-за вполне понятной в то время их строжайшей засекреченности. Долгое время даже сам факт существования РУСов считался глубоко засекреченным, и даже сейчас по инерции тех времен радиолокационные войска ПВО остаются в своем названии прикрытыми фиговым листочком радиотехнических войск.

Для периода Великой Отечественной войны в условиях малочисленности станций РУС-2 и РУС-2с характерной войсковой единицей при их боевом применении был радиовзвод ВНОС, представлявший собой боевой расчет с приданной ему станцией. В своем большинстве это были отдельные радиовзводы ВНОС со статусом отдельных войсковых частей в подчинении соединений ПВО или истребительной авиации. Однако в системах ПВО Москвы и Ленинграда для выполнения задач разведки воздушного противника были созданы соответственно 337-й и 72-й отдельные радиобатальоны ВНОС, вооруженные станциями дальнего радиообнаружения (15 июня 1943 года 337-й орб ВНОС был реорганизован в 18-й радиополк ВНОС – первый в Красной Армии радиолокационный полк).

Вспоминая своих фронтовых однополчан – первопроходцев на непроторенном пути от НП ВНОС к радиотехническим войскам ПВО, вместе с тем нельзя не сказать слова благодарной доброй памяти о воинах-наблюдателях ВНОС – предшественниках радиолокаторов. В отличие от казачьих сигнальщиков, боевые расчеты постов ВНОС не имели права ни при каких обстоятельствах без команды сверху оставлять свои позиции. Даже при появлении наземного противника личный состав поста обязан был, заняв оборону, а по возможности и контратакуя врага, не прерывать выполнение боевой задачи по наблюдению за воздухом и передаче сообщений о воздушной обстановке. Именно при таких обстоятельствах в неравном бою с немецкими танками, рвавшимися к Москве, в 1941 году погиб боевой расчет

поста ВНОС на 65 километре от Москвы по Минскому шоссе. Сейчас возле села Акулова возвышается обелиск над братской могилой бойцов этого расчета. А сколько их, неведомых братских могил, ждут своих следопытов в тех местах, где боевые расчеты вносовцев численностью по 5-7 человек погибали в единоборстве с чудовищной махиной вражеского наступления.

Триста тридцать седьмой орб ВНОС был сформирован во исполнение директивы штаба 1-го корпуса ПВО № 1602 от 26 марта 1941 года, предусматривающей общую штатную численность 479 человек, с дислокацией штаба части в городе Бронницы Московской области. В июне 1941 года батальон получил два комплекта станций радиообнаружения «Ревень», которые 22 июня были выдвинуты на боевые позиции в районе Ржева и Вязьмы с боевыми расчетами по 31 человеку. Каждая станция «Ревень» позволяла определить факт пролета и время пересечения самолетом линии, соединяющей передающую, и приемную позиции. 24 августа, в связи с получением и развертыванием более совершенных станций РУС-2 и РУС-2с, станции «Ревень» были сняты с боевых позиций и сданы на склад. 15 августа 1941 года в батальоне было 9 станций, которые занимали боевые позиции в районе городов Клин, Можайск, Калуга, Тула, Рязань, Мытищи, Владимир, Ярославль, Кашин.

Самой первой из этих станций, начавших поступать в июле, был экспериментальный макет на институтском полигоне в деревне Колычеве вблизи Можайска. Аппаратура макета размещалась прямо на лабораторных столах в бревенчатом домике, и в таком виде она была поставлена на боевое дежурство с боевым расчетом лейтенанта Лазуна Г. П. (командир), лейтенанта Кармашова Л. Г. (техник) и ст. политрука Галстяна Л. Г. Техническое руководство боевым расчетом осуществляла группа специалистов НИИ под руководством инженера Я. Н. Немченко, ранее выполнявшая научно-экспериментальные работы на этом полигоне. Этот боевой расчет успешно выполнял боевую задачу, передавая данные о воздушной обстановке по телефону – на КП иап (Руза) и на ротный пост в Можайске, а по радио – на ГП ВНОС. Причем в условиях круглосуточно чередовавшихся дневных одиночных и ночных массированных налетов аппаратура много недель работала практически без выключения. Только через два дня после занятия противником Можайска боевой расчет ночью вышел к Кубинке между Минским шоссе и старой Можайской дорогой по проселочной дороге, захватив с собой всю технику. Домик на полигоне был сожжен, землянки взорваны.

По прибытии в Москву расчет лейтенанта Лазуна получил в НИИ штатную

аппаратуру вместо макетной и был направлен на новую позицию в Истру. Здесь станция РУС-2с успешно вела боевую работу до конца октября 1941 года, пока не был получен приказ коменданта города всем частям оставить Истру, когда в расположении станции уже начали падать вражеские мины крупных калибров. Однажды во время боевой работы станция была подвергнута бомбардировке самолетами Ю-88. Они были обнаружены станцией на расстоянии 110 километров, и весь личный состав, кроме дежурной смены, был выведен в траншеи. Это оказалось очень кстати, так как уже на первом заходе был разбит дом, в котором размещался личный состав. На одном из следующих заходов бомба разбила еще один дом рядом с аппаратным помещением РУС-2с, и бетонная глыба от фундамента разбитого дома проломила крышу, потолок и пол в оперативной комнате, смежной с аппаратным помещением. Личный состав дежурной смены, полагая, что это была бомба, замер в ожидании взрыва. В комнате погас свет, обесточилась аппаратура РУС-2с, а в проломе крыши виднелся клочок предрассветного неба. В считанные часы пролом был заделан, антенны РУС-2с и радиостанции РСБ-Ф отремонтированы, и станция вновь была введена в боевую работу с питанием от собственной электростанции.

В период немецко-фашистского наступления на Москву боевые позиции РУС-2 и РУС-2с подвергались и воздушным бомбардировкам, и огневому воздействию со стороны сухопутных войск, но и в самых сложных боевых условиях боевые расчеты 337-го орб ВНОС бесперебойно обеспечивали командование ПВО Москвы и командование сухопутных фронтов данными о воздушной обстановке. В этот период, как и впоследствии при освобождении Красной Армией городов Подмосковья, боевые расчеты со станциями радиообнаружения быстро передислоцировались в назначаемые им новые пункты. При этом особенно убедительно проявились поразительные даже для нынешнего уровня техники такие качества наших РУСов, как исключительная простота и удобство эксплуатации аппаратуры, ее высокая надежность, мобильность станций, возможность их быстрого свертывания и развертывания на боевых позициях, буквально с ходу включаться в работу на новых позициях при передислокациях.

Особенно острые ситуации возникали в октябре-ноябре 1941 года, когда боевые расчеты станций РУС-2 и РУС-2с не только подвергались бомбардировке вражеской авиации, но и попадали под прямую угрозу захвата противником. Однако и в этих случаях личный состав обеспечивал бесперебойную работу боевой

техники, соответствующую оборону и готовность к немедленной эвакуации и передислокации на новые позиции. При этом потери личного состава составляли 6 человек раненых, убитых не было.

Однако такое сравнительно благополучное положение с потерями существовало до тех пор, пока немцы не узнали о существовании наших РУСов и не начали целенаправленную «охоту» за ними. Так, например, они выследили станцию РУС-2 (в автомобильном двухантенном варианте), которая была развернута в Можайске после освобождения его от немецких войск. Эта станция выдавала данные о воздушной обстановке в зоне более 100 километров за линией фронта, находившейся в районе Бородина. 28 марта 1942 года станция обнаружила на расстоянии 120 километров группу вражеских самолетов, летевших курсом на Москву, и начала выдачу данных о ней по радио на ГП ВНОС и по телефону на ротный пост ВНОС в Можайске, но дежурный по ротному посту подверг эти данные сомнению, заявив, что они не подтверждаются наблюдателями постов ВНОС. Как будто наблюдатели могли обнаружить самолеты, летящие далеко за линией фронта! Между тем вражеские самолеты прошли через всю рабочую зону РУС-2, и через 10-15 минут между силовой и передающей машинами взорвалась первая 50-килограммовая бомба. Только после этого офицеры решили вывести в укрытия (щели) свободный от дежурства личный состав, но опоздали: группа людей во главе с лейтенантом И. В. Куликовым была буквально накрыта второй бомбой. Третья бомба взорвалась в пяти метрах от радиостанции, от чего прервалась связь с ГП ВНОС. Всего в расположение станции было сброшено 10 бомб, причем во время бомбежки вражеские лазутчики с разных сторон запускали зеленые ракеты в сторону станции. Из 29 человек боевого расчета было убито 10 человек, тяжело ранено 6 и получили легкие ранения 5 человек. Среди убитых был и стажер лейтенант Куликов И. В., с которым мы всего лишь три недели назад в один и тот же день прибыли в часть и были зачислены в списки части одним и тем же приказом.

Большие повреждения получила аппаратура РУС-2: в передающей машине был пробит осколками масляный трансформатор, сломана антенна, во всех машинах было обнаружено много осколков и повреждений от них. Особенно сильно пострадала приемная машина. Но, несмотря на это, станция в тот же день была перебазирована в деревню Каланчевку и там в течение нескольких дней приведена в рабочее состояние по временной схеме, придуманной на ходу инженером Е. И. Алейниковым и техником С. В. Нецветаевым: из обломков двух антенн собрали

одну, приемник разместили в передающей машине, а вместо отметчика приспособили установленный в передающей машине переносной осциллограф. В таком одноантенном виде станция была снова поставлена на боевое дежурство в деревне Аксентьево, где после пополнения расчета личным составом продолжала выполнять боевую задачу по обнаружению самолетов противника за линией фронта и даже по определению местоположения его аэродромов. После восстановительного ремонта приемной машины станция была приведена к штатному состоянию. 28 марта 1943 года она была перебазирована в только что освобожденный Ржев, где несла боевую вахту до конца войны.

Осмысливая трагическую историю можайской станции РУС-2, хочется еще раз отметить высокую мобильность и живучесть станций этого типа, – качества, не раз выручавшие наши РУСы в экстремальных ситуациях. Другое дело, что командование фронта только после этой истории распорядилось обеспечивать огневое прикрытие наших РЛС от авиации противника.

Оказавшись в 337-м ОРБ ВНОС в качестве воентехника на английской станции МРУ-105, изучая эту станцию, я невольно убеждался, что «англичанки» во многом уступают РУСам, – и, прежде всего тем, что они громоздки и немобильны. Хотя название МРУ-105 оказалось аббревиатурой от «моубил рэйдио юнит» – мобильная радиоустановка (цифра 105 означает высоту антенных мачт в футах, что соответствует 32 метрам), истинную ее «мобильность» нам довелось познать в начале апреля, когда нам было приказано передислоцироваться на новую боевую позицию в районе южнее Люберец.

Отключить кабели, соединяющие приемную и передающую машины друг с другом и с электростанцией, прицепить две дизель-электростанции к крытым брезентом грузовым автофургонам «Кросслей», прицепить к передающей и приемной машине по автоплатформе – все это было делом несложным. Главная загвоздка была в демонтаже и погрузке на автоприцепы передающей и приемной антенн. Сначала надо было каждую 32-метровую мачту с помощью лебедки и стрелы положить в горизонтальное положение и демонтировать антенно-фидерные системы. Затем – отвернуть болты, соединяющие восемь деревянных ферм в каждой мачте, вложить одну в другую наподобие «матрешки», погрузить каждую матрешку в свой автоприцеп. После этого можно считать готовым к передислокации автопоезд из четырех могучих «Кросслеев» каждый со своим прицепом. Я опускаю такую мелочь, как снятие фундаментных плит, на которых стояли антенные мачты, и по

четыре анкерные плиты для каждой мачты, необходимые для закрепления противоветровых тросов-расчалок. Кстати, на новом месте как раз и надо начинать с фундаментов под антенны и под анкерные плиты, причем линия, соединяющая фундаменты антенн, должна быть перпендикулярной центральному направлению будущей рабочей зоны станции. Дело в том, что МРУ-105 могла обслуживать рабочий сектор, составляющий лишь одну треть окружности по азимуту, причем дальность ее действия на краях сектора была в два раза меньше, чем в центре. (Замечу, что РУС-2 могли работать в режиме кругового обзора или в любом заданном секторе, управляемом с пульта оператора, без уменьшения дальности на краях сектора.)

И все же (почти случайно) мне удалось выявить одно важное преимущество МРУ-105 перед РУСами, которое нам следовало бы позаимствовать. Этому «открытию» способствовало отсутствие многих разделов технической документации, оставленной нам англичанами, о чем я уже писал как о досадном для меня сюрпризе.

При изучении аппаратуры МРУ-105 меня особенно заинтересовал гониометр, в котором между двумя неподвижными катушками, скрещенными под прямым углом, находилась подвижная катушка, ось которой выведена на рукоятку оператора. К неподвижным катушкам подключались кабели от приемных антенн, к подвижной – вход приемника, причем сочетания кабелей, подключаемых к неподвижным катушкам, задавались антенным переключателем на три положения. Смысл двух первых положений не вызывал никаких сомнений: в первом подключаются к гониометру два кабеля от двух скрещенных диполей нижней антенны, во втором – аналогичное подключение кабелей от скрещенных диполей верхней антенны. Согласно рекомендациям английских инструкторов оператору следует выбирать из этих двух положений такое, при котором принимаемый от цели сигнал больше, после чего вращением подвижной катушки определять азимутальный пеленг на цель. Однако смысл третьего положения антенного переключателя никто из тех, кто имел дело с английскими инструкторами, мне не мог объяснить. Кое-кто высказывал предположение, что это запасные контакты на случай выхода из строя контактов в двух других секциях переключателя. Дескать, не зря существует шутливое определение радиотехники как науки о контактах.

Я рискнул аккуратно вскрыть гониометрический узел, чтобы почти «на ощупь» определить тайну «лишних» контактов. Оказалось, что в третьем положении

антенного переключателя к гониометру подключаются по одному диполю от верхней и от нижней антенны, причем именно те диполи, которые имеют максимум приема сигналов в центре рабочей зоны станции. Иными словами, в гониометр подаются для сравнения сигналы от одной и той же цели, принятые одинаковыми двумя диполями, разнесенными по высоте над поверхностью земли. Но с помощью гониометра можно определить отношение этих сигналов, затем по формуле Б. А. Введенского – угол места цели (угол над горизонтом), а по углу места и дальности вычислить высоту цели! Причем в МРУ-105 все было предусмотрено для того, чтобы оператор мог, не производя всех этих вычислений, прямо отсчитывать высоту цели по номограмме внутри кольцевой градусной шкалы гониометра. Но как раз номограмму нам и не оставили английские союзники, а наши приемщики станций и не подозревали о существовании чего-либо подобного. Похоже, что союзники просто утаили от нас возможность определять высоту целей в станции МРУ-105. Впрочем, после того, как мне удалось разгадать тайну приемно-антенного переключателя, дело можно было легко поправить, рассчитав и вычертив номограммы высот с помощью тут же выведенных мною формул. Но для этого нужны были таблицы тригонометрических функций, логарифмическая линейка, а главное – время, которого у меня катастрофически не хватало. Ибо я был не в НИИ, а на боевом расчете и головой отвечал за станцию, на которую практически не было технической документации, пробелы в которой пришлось восполнять изучением аппаратуры «на ощупь». Кое-как разобравшись самому, необходимо было написать до предела упрощенные инструкции, рассчитанные на бойцов с 3– 4-классным образованием. Таких «специалистов» с трудом можно было научить, где и какие кнопки нажимать, где и какие ручки в аппаратуре вертеть, а особенно какие ручки и кнопки нельзя трогать. И все же среди этих ребят нашлись такие, которые после кропотливой учебы освоились с хитрой аппаратурой и могли ее хотя бы обслуживать на дежурстве, включать по тревоге, – если, конечно, аппаратура была исправна. Но при неисправностях и мне самому приходилось очень трудно, так как из-за отсутствия монтажных и принципиальных схем поиск неисправностей приходилось вести практически вслепую. А в начале апреля 1942 года у меня прибавилось забот в связи с передислокацией МРУ на новую боевую позицию в районе Люберец с задачей – обеспечивать наведение истребителей 16-го иап в заданном станции 120-градусном по азимуту рабочем секторе. Мы поступили в оперативное подчинение 16-му иап, но наша информация о воздушной обстановке

одновременно поступала и на КП 6-го АК, и на ГП ВНОС. Команды на включение и выключение станции и постановку боевых задач мы получали с КП 16-го иап.

Надо сказать, что оперативное взаимодействие авиационных истребительных полков и приданных им боевых расчетов 337-го ОРБ ВНОС, особенно в начальный период, сталкивалось с большими сложностями и даже конфликтами из-за отсутствия опыта такого взаимодействия. И люберецкий расчет в этом отношении не был исключением, бывали у нас и без вины виноватые. Например, 15 мая 1942 года нам была дана команда включить установку, когда самолет-разведчик уже прошел через ее рабочую зону, но вину за пропуск самолета возложили на боевой расчет МРУ-105. Точно так же в ночь на 1 июня команда включить установку была подана после того, как самолеты противника пролетели над установкой и по ним был открыт огонь. Инспектировавший установку МРУ-105 (Люберцы) младший воентехник М. А. Подгаецкий докладывал командованию:

«...ОД КП не учитывает времени прохождения донесений НП ВНОС через РП–ГП на КП аэродрома (равное в среднем 7 минутам). КП не сообщает на установку об угрожаемой воздушной обстановке и не практикует включения станции на предварительный поиск целей в районе возможного появления противника. Указанные недостатки в оперативной работе и являются причиной пропуска самолетов и необнаружения их» (ЦАМО, ф. 337 ОРБ, оп. 45552, д. № И, л. 13). При этом «пропуск целей» в ночь на 1 июня произошел как раз в присутствии Подгаецкого на установке (Люберцы). Казалось бы, в вопрос о причинах пропуска целей 15 мая и в ночь на 1 июня внесена полная ясность. Но в Управлении связи Московского фронта ПВО решили во что бы то ни стало найти «рыжего» в люберецком расчете МРУ-105.

«Командиру 337 ОРБ ВНОС Фомину Расследование случая пропуска самолета станцией МРУ-105 Люберцы 15 мая с/г показало, что факт этот произошел вследствие отсутствия на расчете должной дисциплины, халатного отношения к своим обязанностям дежурного оператора и плохой ее работы. Во избежание повторения подобных явлений приказываю...» (ЦАМО, ф. 337 ОРБ, оп. 45552, д. № 11, л, 5).

В ответ на эту грозную бумагу, составленную военинженером 3-го ранга В. И. Савельевым и подписанную полковником Монастыревым, командование 337-м ОРБ ВНОС дерзнуло «отметить, что за последнее время, по отзывам военинженера 1 ранга т. Строгова, никаких претензий к боевой работе и подготовленности

операторов установки МРУ-105 Люберцы не имеется, а предъявляется претензия к неподготовленности командного состава аэродрома Люберцы, вследствие чего и имеются необоснованные и непродуманные обвинения работы и личного состава установки».

На следующий день после получения этого письма полковник Монастырев лично посетил люберецкий расчет МРУ-105 и разразился указанием командованию батальона:

«16 июня 1942 года мною проверено состояние установки в г. Люберцы и обнаружено следующее:

1. Занятия с личным составом не проводились с 1 июня 1942 г., никаких расписаний занятий начальник установки лейтенант Расторгуев предъявить не мог.

2. 16.06.42 при проверке личный состав также не занимался и блиндаж не оборудовался, т. о. личный состав установки целый день не работал и не занимался. (...)

Приказываю:

1. Все перечисленные недостатки устранить 20.06.42 и мне доложить.

2. Занятия на установке проводить ежедневно, иметь расписание занятий на каждый день. (...)

Здесь многоточиями обозначены вычеркнутые архивной цензурой пункты, которые, как и весь документ, не имеют никакого отношения к состоянию техники, выучке операторов и несению ими службы. Все было подчинено снятию с должности Расторгуева, и командир батальона Фомин вынужден был, подчиняясь приказу, написать резолюцию на полученном документе:

«Лейтенанту Расторгуеву имущество, дела и личный состав сдать воентехнику 1 ранга Вольману и прибыть в мое распоряжение. Командиру роты МРУ:

1. К 19.06.42 привести в должный порядок и закончить строительством землянку.

2. Для укрепления расчета все время находиться в Люберцах.

3. Волномер, футляр к нему и трансформатор 18.06.42 сдать на склад.

4. С 18.06.42 проводить регулярные занятия, составить расписание.

5. Об исполнении донести 19.06.42 к 18.00».

За что сняли Расторгуева? Началось с мнимого пропуска цели, а закончилось блиндажом, расписанием занятий и волномером для диапазона РУС-2, не нужного на МРУ-105, доставшегося Расторгуеву от его предшественника лейтенанта

Матвеева. Чудно! 13 июля лейтенант Расторгуев убыл в 1203-й зап...

Мой новый начальник И. И. Вольман был одним из инженеров номерного НИИ – разработчиков РУС-2 и РУС-2с, которым в июне-августе 1941 года было поручено собирать станции РУС-2с прямо на боевых позициях из деталей, оставшихся не вывезенными при эвакуации НИИ в Барнаул. Потом они оказались уже военнослужащими на собранных ими станциях. Это были специалисты без ученых степеней, но я не мог не заметить, что многие из них по своей квалификации и по научному вкладу в создание РУСов не уступают дипломированным кандидатам наук. Вольман принадлежал именно к этой категории недипломированных ученых, успешно занимавшихся сверхсекретными разработками и не помышлявшими о диссертациях. Он был автором и руководителем разработки антенных устройств для РУСов и в 1943 году стал лауреатом Сталинской премии в составе коллектива разработчиков РУСов (Слепушкин А. Б., Тихомиров В. В., Леонов Л. В., Вольман И. И., Михалевич Д. С., Зубков И. Т.).

Как первоклассный антенщик, Вольман помог мне овладеть методами настройки антенно-фидерных устройств с применением реактивных короткозамкнутых шлейфов. Я же поделился с ним результатами своих изысканий, выявивших в МРУ скрытые от нас англичанами потенциальные возможности определения высоты самолетов, показал формульно-математическое решение этой задачи, предложил вдвоем заняться этим делом в двух направлениях: 1) рассчитать, построить на ватмане и задействовать на МРУ-105 семейства кривых (номограммы) для прямоотсчетного определения высоты самолетов и 2) продумать пути доработок РУСов с целью внедрения в них измерения высоты самолетов. Первая часть задачи была выполнена очень быстро, МРУ-105 стали определять все три координаты целей (азимут, дальность, высота), и это вызвало настоящий бум предложений по созданию «высотных приставок» для РУСов. Для облегчения этой задачи полковым изобретателям мною по заданию командования были изложены физико-математические принципы определения высоты самолетов в радиолокаторах с двухъярусными приемными антеннами. Майор Соловьев размножил этот документ и разослал по расчетам в качестве инструкции за своей подписью, как замкомандира части.

Однако я держался в стороне от бума с высотными приставками, поднятого инженерами рот РУС-2 и РУС-2с и инженером батальона, так как считал, что радикальное аппаратурное решение задачи невозможно осуществить силами

батальонной мастерской и боевых расчетов, ибо они не в состоянии создать ни гониометр, ни двухъярусную вращающуюся антенну с общим редуктором и раздельными по каждому ярусу токосъемниками и фидерами. Это хорошо понимал и Вольман, но, тем не менее, он участвовал вместе с другими инженерами в создании «батальонных» высотных приставок. На одном из совместных с Н. И. Кабановым и Б. И. Молодовым предложений он даже написал (на обороте одного из листов): «Без рыбы и рак рыба». Метод гониометрического сравнения высокочастотных сигналов, одновременно принимаемых верхней и нижней антеннами, в приставках заменялся измерениями амплитуд сигналов на экране отметчика по целлулоидной шкале поочередно (а не одновременно!) от верхней и нижней антенн и последующим вычислением отношения этих амплитуд, необходимого для определения угла места цели. Неодновременность измерений сравниваемых сигналов, быстро меняющихся во времени, исключала возможность точного определения угла места, а значит, и высоты цели. В этом же документе Вольман называл ожидаемую ошибку по высоте 500– 700 метров, но на самом деле она была гораздо выше. Например, в «ЗАМЕЧАНИЯХ начальника отдела разведки и ВНОС по работе станций РО при прохождении самолета противника в ночь с 14 на 15.08.1944 года» отмечается (ЦАМО, ф. ОМА оп. 208929с, д. № 6 за 1944 год):

«...2. Высоту цели станции определяли разноречиво: РО Балабаново – 1000 м, РО Серпухов одновременно – 3500 м; на другом участке РО Юхнов – 2000 м, одновременно РО Можайск – 5000 м; на выходе цели РО Юхнов – 2000 м, РО Ржев – 2500 м, РО Вязьма – 4000 м».

Командование 18-го радиополка ВНОС отреагировало на эти замечания приказом от 24 августа 1944 года, в котором, в частности, говорилось:

«...Неточности показаний о высоте, выходящие за пределы ТТД, допускают станции Балабаново, Новосельцева, Можайск, Кашира. Не пользуются высотной приставкой, высоту определяют по входу в зону обнаружения и по выходу... Перечисленные недочеты настолько серьезны, что граничат со срывом боевой работы и характеризуют, во-первых, ослабление бдительности отдельных офицеров и, во-вторых, ослабление работы технического состава по надзору за техникой и по освоению своих же усовершенствований...»

Таково было состояние дел с высотными приставками даже через два года после их внедрения на станциях 337-го ОРБ ВНОС. Их эффективное использование было доступно только отдельным виртуозам-операторам, хорошо натренированным в

быстроте переключения антенн и съема данных с экрана с величинами амплитуд сигналов. Поэтому эталоном данных о высоте по-прежнему были данные от МРУ-105.

Первая приставка для измерения высоты к РУС-2с, изготовленная в 337-м ОРБ ВНОС, была введена в сентябре 1942 года, а все станции 337-го ОРБ ВНОС были оборудованы высотными приставками к концу мая 1943 года. Первая высотная приставка заводского изготовления с гониометром была испытана только в августе 1943 года. А станция П-3 с гониометрическим измерением высоты и отсутствием мертвых зон в вертикальной плоскости обзорной диаграммы была принята на вооружение в 1945 году.

Насколько важными были данные о высоте самолетов, которые начали выдавать станции МРУ, можно видеть по следующему документу, подписанному НШ Московского фронта ПВО 11 июля 1942 г.:

«В целях полного использования данных станций МРУ о полетах авиации комфронта приказал:

1. Обязать дежурных КП аэродромов Кубинка, Внуково и Люберцы данные о полетах авиации (кроме своих истребителей), получаемые от станций МРУ, немедленно докладывать на КП 6 АК. Дежурный КП 6 АК эти данные по внутренней радиостанции докладывает КП фронта.

2. Данные станций МРУ докладываются по форме донесения «Воздух»

(ЦАМО, ф. 337 ОРБ, оп. 45552, д. № 11 за 1943 г., л. 34.)

Между тем перед всеми тремя МРУ начала вырисовываться перспектива выхода из строя из-за отсутствия запасных мощных ламп: высоковольтных кенотронов, модуляторных, генераторных, усилительных. Поэтому 3 августа 1942 года замкомфронта А. В. Герасимов приказал:

«НШ 6 АК, командирам 11, 429, 28, 16 иап, 337 орб ВНОС:

Для экономии ламп и запасных деталей – станции МРУ-105 включать для поисков только в следующих случаях:

1. При получении данных ВНОС о появлении противника.

2. По приказу с КП 6 АК.

3. По инициативе ОД или комполка при необходимости проверить наличие самолетов в ответственных секторах поисками станций».

Однако и при этих условиях по нашим расчетам с инженером роты П. В. Мазуриньш три МРУ смогут просуществовать на имеющихся запасах английских

ламп не более 2-2,5 месяцев. Надо было всерьез думать о замене английских ламп на отечественные.

Возможность замены английских высоковольтных кенотронов и модуляторных ламп на советские облегчалась тем, что у нас были близкие к английским аналоги этих ламп – кенотрон КР-110 и лампа М-400. Правда, лампа М-400 по габаритам не помещалась в модуляторном отсеке передающего устройства, но эту трудность удалось преодолеть, выпилив отверстие в верхней части отсека и заделав его металлическим колпаком. Замена ламп V-1501 на М-400 была выполнена в декабре 1942 года на всех трех МРУ: аналогичная замена кенотронов была проведена в сентябре 1942 года.

Хуже всего обстояло дело с мощными усилительными лампами – тетродами NT-77, которым (как и вообще усилительным лампам в УКВ-диапазоне) не было отечественных аналогов. Размышляя над этой проблемой, я начал склоняться к пока что неясной самому идее построения усилительного каскада в передатчиках МРУ-105 на отечественных генераторных триодах Г-499 (ГУ-500). А это выливалось уже не в замену ламп, а в новую схему мощного усилительного каскада УКВ-диапазона на триодах. Я обзавелся тетрадью и начал в ней прикидки такой схемы, ее теоретические и расчетные обоснования. Вроде все получается, и я предложил Вольману ознакомиться с моей тетрадью, нет ли в моих рассуждениях ошибки. Вольман вернул мне тетрадь с «замечанием», что, по его мнению, это «настоящая диссертация» и в то же время готовый проект. Доложим начальству, переделаем передатчик в Люберцах, а по нашему образцу то же самое сделают во Внукове и в Кубинке.

Глава седьмая

Эй, ветеран! Ты вспомни, расскажи,
где были РУСов боевые рубежи.
Ты расскажи про русовцев-солдат,
что под можайскими березами лежат!

На люберецкой «точке» МРУ-105 мы с Вольманом удачно дополняли друг друга: он – своим инженерным опытом, я – физико-теоретическим подходом к постановке и решению возникавших задач при боевой эксплуатации, по существу, еще только

зарождавшейся у нас новой техники. Например, как могут влиять на работу станции рельеф местности и как в связи с этим следует выбирать площадки для боевых позиций? Не надо забывать, что у первых наших радиолокаторов (и у МРУ тоже) диаграммы направленности не были оторваны от земли и их связь с землей (через «множитель земли» Б. А. Введенского) даже использовалась как исходная в методе определения высоты самолетов. Кроме того, в вопросах боевой эксплуатации станции и ее боевой работы мы были полностью взаимозаменяемы, – можно сказать, равнокомпетентны. Но, видно, люберецкая МРУ была заколдована на невезение для любого, кто окажется ее начальником – командиром боевого расчета. Выше я рассказывал о без вины виноватом Расторгуеве, но не минула чаша сия и сменившего его Вольмана.

Вольман был сугубо невоенным с виду человеком, и в батальоне находились начальники, которые не упускали случая пошпынять его за «недостаточный внешний вид». К ним принадлежал и батальонный комиссар Леинсон, который, как я слышал, был начальником одного из лагерей зэков, а потом оказался в роли комиссара особо засекреченного радиолокационного батальона. Но он строил из себя кадрового военного, особенно перед вчерашними штатскими инженерами, и кричал на них так же, как когда-то на лагерных зэков. Бывая на точках, он ни разу не подходил к радиолокаторам, не интересовался работой боевых расчетов. После проверки расписаний политзанятий и отметок об их проведении Леинсон переходил к самому любимому своему занятию: он объявлял боевую тревогу и с секундомером в руках наблюдал, как красноармейцы, свободные от дежурства на локаторе, прыгают в окопчики, занимают позиции для «обороны от наземного противника».

Может быть, Леинсон не желал Вольману ничего плохого, а просто хотел выработать из него настоящего военного, но одно из его посещений нашей точки переполнило чашу многотерпеливого трудяги– инженера. Как бы осматривая позицию боевого расчета, комиссар увел нас обоих по ходам сообщения подальше от станции и от землянки и затем дал Вольману вводную: «Не сходя с места, объявить боевую тревогу. Ваш заместитель убит».

Вольман, по своему складу исключительно воспитанный интеллигентный человек, имел обыкновение, сам того не замечая, смотреть на собеседника с вежливо-доброжелательной улыбкой. Но сейчас в ответ на вводную, вместо этого обычного для него выражения лица, у него заиграли желваки, и он с глуповатой ухмылкой молча разглядывал то Леинсона, то «убитого» меня.

– Вы что тут улыбаетесь, как у тещи на именинах? – вскричал Леинсон. – Где ваш командирский голос? Соображать надо, а не улыбаться!

Не знал горе-комиссар, что всего лишь недавно в Свердловске была похоронена теща Вольмана, а после этого и жена, что комиссарская острота насчет тещиных именин была особенно оскорбительна для Вольмана.

– Я не могу соображать, когда на меня орут, – ответил Вольман и добавил:

– И вообще, пока я соображал, как, не сходя с места, объявить тревогу, меня тоже убили. Теперь вам самому придется объявлять тревогу, не сходя с этого места.

– ...! Это злостное неповиновение командиру!

Видя взбешенность Леинсона, злобно вращавшего своими воловьими глазами и прилепившегося ладонью к кобуре пистолета, я словно бы ненароком поправил кобуру своего револьвера. Леинсон быстрым шагом пошел к своему автомобилю, мы, как положено, его провожали. Садясь в машину, он злобно процедил сквозь зубы:

– Собрались тут два академика, ...!

В результате этого визита к нам Леинсона появился приказ по 337-му орб ВНОС № 291 от 5 октября 1942 года:

«Проверкой начальником управления связи МФ ПВО комиссаром батальона расчета в/т I р. Вольмана вскрыты следующие недочеты:

1. С 23 сентября занятия на расчете не планируются и не ведутся.

2. В землянках антисанитарное состояние. Внутренний распорядок на машинах и в землянках отсутствует.

3. Нормативы по химической подготовке не отработаны. Противогазы надеваются вместо 5– 7 сек в 12 сек.

4. Учет всего имущества ведется плохо.

5. Учет расхода горючего и часов работы дизелей не ведется.

6. Не выполнено в срок приказание об ограждении установки колючей проволокой.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Начальника установки в/т I р. Вольмана, как не соответствующего должности начальника расчета, отстранить от занимаемой должности и направить в распоряжение штаба батальона.

Врид начальника расчета назначаю лейтенанта Кисунько, помначальника установки назначаю мл. лейтенанта Жабского.

Командиру роты лейтенанту Орлову навести порядок на расчете и доложить мне

8.10.42 г.».

В этом приказе надерганы «недочеты» из фельдфебельского репертуара и ни слова – о выучке операторов, о несении ими боевой службы при налетах вражеской авиации, как будто бы речь идет о подразделении какого-нибудь автобата, а не радиолокационного батальона. А ведь мог бы обнаружить комиссар в люберецком расчете операторов-виртуозов, таких как А. В. Евдокимов, И. Ф. Кружков, С. В. Горюшкин, Э. Б. Ковальчук, Ф. М. Тумакова, Т. Н. Потапова, поинтересоваться мнением КП 16-го иап о работе боевого расчета МРУ или перспективами замены английских ламп отечественными.

Между тем на станциях МРУ приближался самый критический момент, когда они могут прекратить свою работу из-за отсутствия мощных радиоламп. Это нашло свое отражение в следующем документе от 1 февраля 1943 года:

Начальнику управления связи МФ ПВО.

Доношу, что запасных усилительных ламп типа NT-77A для передатчиков МРУ-105 нет. Действующий комплект этих ламп на расчетах Кубинка и Внуково уже проработал 1700-2200 часов, что сильно приближается к пределу срока службы. Поэтому создается угроза остановки этих станций из-за выхода ламп.

Для выхода из создавшегося положения прошу Вашего разрешения на временную остановку станции в г. Люберцы и использование двух усилительных ламп NT-77A на станции Кубинка или Внуково.

На станции в г. Люберцы прошу разрешить производить опыты по замене английских ламп на отечественные.

КОМАНДИР 337 орб ВНОС майор МЕРКУЛОВ

НАЧШТАБА ст. лейтенант МУХИН

(ЦАМО, ф. 337 орб, оп. 45699с, д. № 10 за 1943 г.).

В этом документе, в отличие от моего рапорта по команде ротному начальству, из перестраховки говорится об опытах на люберецкой станции в период ее временной остановки, то есть допускается, что опыт может быть неудачным. Но тогда вместо временной остановки получится вечная остановка, поскольку остаточный комплект люберецких ламп уже передан для Кубинки или Внуково! Для меня с моей тетрадкой, которую Вольман назвал диссертацией, речь могла идти только о капитальной, и притом необратимой, переделке передатчика МРУ, а не о каких-то опытах. Я назвал срок на переделку одну неделю, но попросил, чтобы к работам на этот срок на расчет был прикомандирован Вольман. И мы втроем – с

Вольманом и инженером роты Мазуриным – точно уложились в недельный срок, выбранный в период, когда бушевала февральская нелетная вьюга. Мощность передатчика с новым усилительным каскадом оказалась даже выше, чем была с английскими лампами. Мы радовались и показателям прибора на измерительном шлейфе, и свечению неоновых индикаторов, и особенно – смачно трещавшим искрам высокочастотного разряда на ногте большого пальца, прикладываемом к фидеру. Впоследствии по люберецкому образцу были переделаны передатчики на внуковской и на кубинской МРУ и тем самым окончательно был снят вопрос об остановке станций из-за отсутствия английских ламп.

Восемнадцатого мая 1943 года согласно решению ГКО Вольман был демобилизован и возвращен в НИИ, в котором работал до войны. Будучи связанным с многими организациями радиолокационного профиля, он кое-кому посоветовал побывать на люберецкой МРУ и ознакомиться с имеющимися там новинкам в технических решениях. Так по его подсказке осенью 1943 года на нашей «точке» появились в сопровождении штабного офицера военинженер 3-го ранга и штатский, оказавшийся главным конструктором завода, выпускающего РУСы, эвакуированного из Ленинграда в Новосибирск. Военный, здороваясь со мной, назвался фамилией хорошо мне известного соавтора академика Б. А. Введенского по работам в области распространения радиоволн.

– Расскажите профессору Аренбергу и главному конструктору об устройстве и работе МРУ-105, – сказал мне штабной майор.

Выслушав мой доклад, профессор спросил:

– А есть ли расчетно-теоретические обоснования новой схемы УВЧ-усилителя, реализованного в передатчике вашей станции?

– Эти материалы у меня в землянке.

В землянке, ознакомившись с моей тетрадкой, профессор сказал:

– Пожалуй, потянет на диссертацию.

– Моя диссертация – вот в этой папке, – ответил я, протягивая профессору скоросшивательную папку с машинописными листами. – И защитил я ее в последний предвоенный вторник, семнадцатого июня тысяча девятьсот сорок первого года.

– А вы не согласились бы перейти на кафедру факультета радиолокации, который сейчас создается в Военной академии связи?

– Сейчас война и моя кафедра там, где прикажут.

– Значит, вы не возражаете, если я включу вашу фамилию в приказ? Мне

поручено сформировать кафедру теоретических основ радиолокации.

Я, конечно, согласился, но время шло, а никаких признаков, даже намеков на мой предстоящий перевод в военную академию не было. Зато открылась другая возможность: мой бывший аспирантский товарищ Н. С. Левченя стал начальником кафедры физики в Высшем военно-морском училище имени Фрунзе и сообщил мне о возможности моего перевода в это училище или в Военно-морскую академию на преподавательскую работу по радиолокационной специальности. При моем согласии может быть сделан запрос от военно-морского начальства на имя командующего ОМА ПВО. Я охотно согласился, тем более что у меня к этому времени появилась еще одна тетрадка, в которой были наметки решения задачи о распространении радиоволн УКВ-диапазона над морской (пространственно-периодической) поверхностью. Я чувствовал себя словно бы в гуще множества радиолокационных задач, требующих физико-теоретического освещения, и каждая из них претендовала на мое внеочередное внимание.

Между, тем служба требовала от меня совсем другого: постоянной технической готовности станции, высокого мастерства и дисциплины личного состава в боевом дежурстве и боевой работе да еще командирских забот, поскольку я длительное время оказывался без помощника, то есть был единственным офицером на расчете, и техником и командиром одновременно. А при боевой работе я еще оказывался и оперативным дежурным (ОД), отвечающим за работу дежурной боевой смены и поддерживающим прямую связь с КП иап, так что в донесениях полка о боевой работе можно было прочесть обо мне как о двух лицах:

«В ночь с 9 на 10 июня во время налета вражеской авиации боевая работа расчетами станций радиообнаружения дальнего действия велась хорошо... Особенно четко, отлично работала станция ст. техника-лейтенанта Кисунько (Люберцы), ОД станции ст. техник-лейтенант Кисунько, работавшая непосредственно на начальника отдела наведения 6 АК инженер-полковника Стогова, обеспечившая штаб 6 АК точными данными о противнике, в частности, данными о высоте» (ЦАМО, ф. 337 ОРБ, оп. 45717, д. 4, л. 4).

В процессе боевой эксплуатации люберецкой МРУ конечно же не обходилось без неисправностей. В большинстве своем они устранялись заменой ламп со сгоревшим накалом, пробитых конденсаторов, сгоревших сопротивлений. Но запомнились мне три наиболее «пакостных» для меня случая.

Первый случай – обрыв центральной жилы коаксиального кабеля

синхронизации, соединявшего передающую и приемную машины. Он выявлялся при попытке включить станцию по команде с КП иап. К счастью, цели в нашу зону не вошли, но для нас это было засчитано как небоеготовность техники, кое-кто требовал моей «крови», и я мог загреметь как Расторгуев, если не хуже, но, видно, сообразили, что заменить меня на МРУ пока что некем. При включении станции я находился на своем рабочем месте в приемной кабине, было видно, что на экране отметчика отсутствует зондирующий сигнал, как и сигналы от местных предметов. Первая мысль – что-то случилось с передатчиком. Я пробегаю стометровку от приемной машины к передающей, – передатчик молчит. Мне бы проверить его при переключении с внешнего запуска на внутренний – и выяснилось бы, что передатчик в порядке. Но кто мог предполагать обрыв в кабеле, тем более что станция совсем недавно при пробном включении была в порядке? К этому предположению я пришел только после того, как потерял время на проверку высоковольтного кенотрона и модуляторной лампы. Между прочим, это в психологии радистов: в первую очередь причины неисправностей искать в лампах. А тут еще, не стесняясь в выражениях, меня донимают с КП иап, требуют указать причину неготовности станции, приходится бегать к телефону из передающей машины в приемную, отвлекаться от поисков неисправности. Сначала я сказал, что подозревается передатчик, а потом высказал подозрение на обрыв кабеля, один высокий начальник сказал мне:

– А я подозреваю, что ты ни хрена (он высказался более жестко) не понимаешь в своих передатчиках и кабелях.

Надо сказать, что коаксиальный кабель запуска считался на МРУ как абсолютно незаменимая вещь. Еще от английских инструкторов передавалось нам, грешным, что хранить его надо как зеницу ока, так как в ЗИПе его нет, а другими кабелями его заменить невозможно.

Но делать нечего, и я быстро отключил злополучный кабель и проложил вместо него обыкновенный отечественный силовой кабель, подключив его зачищенными кончиками к нестандартным английским буксам напрямую, закрепив их вставленными в гнезда деревяшками. И станция заработала! Как говорят радисты, на соплях.

После получения команды на выключение станции я прежде всего заделал концы силового кабеля в штатные английские буксы, снятые с коаксиального кабеля, выбросил деревяшки, занялся изучением коаксиального кабеля. Пробником

окончательно подтвердил наличие обрыва в центральной жиле. Нелегко было найти место обрыва. Вскрыв в этом месте оплетку, я оказался первым советским специалистам, невольно заглянувшим в тайну английского высокочастотного кабеля. Его центральный проводник состоял из тонюсеньких посеребренных проволочек, оголенный пучок которых напоминал мягкую рисовальную кисточку, а наполнителем между центральным проводником и экраном оказался еще неведомый в то время нашей промышленности высокочастотный диэлектрик типа полиэтилена. Молодцы англичане, но с посеребренным жгутиком явно перемудрили!

Моя объяснительная записка по этому ЧП вызвала сенсацию, дотошные батальонные бризовцы не упустили случая зарегистрировать замену импортного коаксиального кабеля на отечественный силовой как рационализаторское предложение.

Вторая запомнившаяся мне «пакостная» неисправность на МРУ – поломка контактной пластины антенного реле на верхнем ярусе приемной антенны. Как я узнал недавно, листая архивные дела, в подобном случае мой внуковский коллега обратился с рапортом по команде с просьбой «разрешить опустить приемную антенну и заменить реле рефлектора верхней антенны». Я же, не желая выводить станцию из боеготовности, решил устранить неисправность реле наверху, на высоте 32 метра. Это реле крепилось на вершине антенной мачты к специальной раме с большим боковым выносом от самой мачты. Значит, работать можно было лишь распластавшись крестом, упираясь ногами в мачту, держась за нее одной вытянутой рукой, а второй – тоже вытянутой – рукой работать с реле. Реле – деревянная коробка, размером и формой напоминающая скворечник, а внутри ее – начинка, к которой надо добраться, выяснить, что с ней произошло, и отремонтировать. Проделать все это – даже просто вскрыть коробку, загерметизированную для водонепроницаемости, повиснув на одной руке и работая только другой, – на высоте 10 этажей было немыслимо. Оставалось одно: снять реле, опуститься с ним вниз, там отремонтировать, а потом поставить его на место на верхотуре. Но что значит – снять, а потом поставить реле, консольно висящее на раме, прикрепленное к ней болтами, соединенное своими контактами с рефлектором? А еще к этой проклятой коробке подсоединены провода питания катушки реле. Все это надо отсоединить, «отболтить» крепление коробки, не уронить ее (ведь все – одной рукой), и, между прочим – не свалиться самому. А потом, уже с отремонтированным

реле, – все в обратном порядке. Сейчас, когда я описываю эту свою затею, мне задним числом становится жутко. Как я мог решиться на эту верхолазную акробатику, тем более что для этого надо было быть спортсменом или хотя бы обладать природными спортивными данными? Ни того, ни другого у меня не было. Но, несмотря на это, все обошлось благополучно. И удивительно, что нечто похожее на страх промелькнуло лишь в самом начале, когда я впервые залез на верхушку мачты и посмотрел вниз. Мне показалось, что у меня головокружение и я словно бы теряю сознание. Но потом понял, что это ощущение вызвано медленным покачиванием верхушки мачты. После этого я старался не смотреть вниз, работая на мачте.

Может быть, в роли монтажника-высотника я не испытывал страха потому, что моя безопасность была в моих руках, вернее, в той руке, на которой я зависал, чтобы другой рукой дотянуться до реле. И, возможно, еще потому, что мое внимание было целиком поглощено выполняемой работой и сознанием того, что если при сломанном реле поступит команда включить станцию, то в выдаче координат целей возможны ошибки по азимуту на 180 градусов! То есть самолет, находящийся, например, севернее станции, может быть ошибочно принят как находящийся южнее станции. С точностью, как говорят, наоборот! Может быть, в моем трюкачестве было что-то и от беспечности по глупости-молодости, о которой писал А. С. Пушкин:

С утра садимся мы в телегу,
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: «Пошел… !»

Но потом случилось такое, когда моя безопасность попала в зависимость от службы СМЕРШ. Это произошло при пробном запуске резервного дизель-генератора, когда в дизеле оторвалась крышка нижней головки шатуна, пробив дыру в картере. После такой аварии восстановить дизель было невозможно, и я понял, что в воздухе запахло СМЕРШем.

К развороченному дизелю я приставил часового, а сам позвонил комиссару Леинсону, доложил о случившемся, попросил указаний, но он ответил:

– Какие еще вам нужны указания?

– Может быть, от штаба полка будет назначена комиссия?

– Какая еще вам комиссия? Вы специалисты, сами и разбирайтесь.

Мы с дизелистами быстро установили, что из двух болтов, крепивших оторвавшуюся

деталь, один имел свежий разлом только на половине сечения, а вторая половина была застарело черной от смазки и копоти. Выходит, что в материале болта был скрытый технологический дефект. Об этом мною был составлен акт с подписями дизелистов и моей. Этот акт я спрятал вместе с половинками срезанного болта в запирающийся железный ящик с секретными документами. А вскоре после этого к нам на объект пожаловал старший лейтенант, который представился как будущий новый начальник полкового СМЕРШа.

– Хочу побыть у вас, познакомиться с личным составом взвода, – сказал мне этот старший лейтенант.

Я предложил ему располагаться в моем командирском закутке во взводной землянке и заниматься своим делом, а я буду заниматься своими делами на станции.

Между тем мои солдаты начали передавать мне, что смершак, беседуя с ними, задает им довольно каверзные вопросы обо мне: насчет аварии на дизеле, передач с взводной радиостанции, откуда я умею читать по-иностранному, откуда у меня иностранные журналы. «Но вы будьте спокойны, товарищ старший лейтенант, мы знаем, как ему надо отвечать», – говорили мне бойцы. «Но с ним будьте поаккуратней, слишком уж здорово он под вас копает».

Однажды в шутку я сказал старшему лейтенанту:

– Что-то мы с тобой дюже деловые, даже про пьянку забыли. Не возражаешь по чарочке под командирский доппаек?

После чарки и закуски – разговор о том, о сем, и будто невзначай смершак задает мне вопрос:

– Так что там у тебя получилось с отцом? Из твоей автобиографии и анкеты я так ничего и не понял.

– Больше чем я написал в личном деле, мне ничего об отце не известно. Признаться, я как раз хотел попросить тебя прояснить эту историю.

– Постараюсь заняться этим делом. Тем более что до войны я служил в мариупольском НКВД. И даже лично взрывал завод «Азовсталь». Правда, – было дело, – сначала растерялся, драпанул на Восток, но начальство шугануло меня обратно, в тыл к немцам: не успел вовремя – значит, давай сейчас. Или– или... У нас шуток не любят. И, представь себе, – жахнул и «Азовсталь» и ресторан – самый большой, что на главной улице, когда в нем было полно немцев.

Выслушав этот рассказ, я сказал смершаку:

– Я профан в подрывных делах, но, думаю, что такой заводище, как

«Азовсталь», нельзя взорвать одному человеку, да еще в тылу у немцев. Для этого туда надо завезти взрывчатку, заложить ее как надо и куда надо, установить запалы, систему подрыва. А насчет ресторана на главной улице, – кстати, напомни мне ее название...

– Улица Ленина, – ответил смершак.

– Так вот, главная улица в Мариуполе называется «Проспект Республики». И выходит, что в Мариуполе ты, братец мой, никогда не был. Кстати, ты, кажется, интересуешься моими иностранными журналами. Вот они, два номера «Джорнал ов физике». Это советские журналы, издаваемые на английском языке под редакцией академика Иоффе. Они у меня еще из Ленинграда. А что касается дизеля, то вот две половинки того болта, который, как видно по его разлому, давно был надтреснут наполовину своего диаметра, и нам просто повезло, что он не сломался раньше... И еще просьба к тебе: все, что касается моей персоны, узнавай от меня напрямую, а не через солдат моего взвода.

– Не серчай, старшой, – ответил мне старший лейтенант, разливая остатки водки в стаканы. – Мужик ты понятливый, и не надо тебе объяснять, что такая у нас служба. А твои солдаты за тебя горой. За это надо выпить.

На следующий день старший лейтенант Варавва из СМЕРШа простился со мной и укатил на своем мотоцикле. А был он у меня не как будущий новый начальник нашего полкового СМЕРШа, а, по-видимому, представитель вышестоящего органа СМЕРШ.

В то время я не придал особого значения этому визиту, но в 1985 году, работая в ЦАМО, я наткнулся на документ, который заставил меня, можно сказать, убедиться в своей наивности. В одном из политдонесений майора Леинсона в Политуправление МФ ПВО сообщалось, что лейтенант Доценко скрыл в анкетах свое кулацкое происхождение. Учитывая особую секретность 18-го радиополка ВНОС, майор Леинсон высказался о нецелесообразности дальнейшего пребывания Доценко в этом полку. Значит, где-то кто-то копался в личных делах офицеров нашей части, и Варавве, вероятно, было поручено проверить меня в связи с записью в личном деле об аресте моего отца «органами РКМ»? Или же поводом для проверки была авария на дизеле? Думаю, что если бы вместо РКМ было НКВД, то и без проверки закатали бы меня, как Доценко, в штрафную роту. Но мне, видимо, повезло еще и в том, что в тот период довоенные архивы НКВД по оккупированным городам (какими были и Мариуполь, и областной центр Сталино) находились в

эвакуационном беспорядке, и посетивший меня смершак действительно ничего не мог узнать о моем отце. А по дизелю я оправдался вещественным доказательством того, что причиной аварии был давно надтреснутый болт. Но, конечно, не помог бы мне этот болт, если бы смершак заглянул в архивно-следственное дело моего отца, – расстрелянного в 1938 году «кулака, сына кулака, участника контрреволюционной повстанческой организации».

В период 1942/43 года значительная часть границы Московского фронта ПВО проходила по линии сухопутного советско-германского фронта, установившейся после разгрома немцев под Москвой. По мере продвижения наших войск на запад выдвигались и периферийные РЛС 337-го орб (впоследствии 18-го рп) ВНОС в районы Ржева, Юхнова, Гжатска, Вязьмы. В этот период действия вражеской авиации в границах МФ ПВО характеризовалась, во-первых, активизацией разведывательных полетов одиночных самолетов, во-вторых, групповыми налетами до 20-60 машин на аэродромы железнодорожные станции и другие объекты, в-третьих, не прекращались и попытки прорваться на Москву. При этом нередко одновременно в разных участках обороняемой зоны «работали» одиночные самолеты-разведчики. Противник держал в постоянном напряжении все средства МФ ПВО, и в первую очередь – его радиолокационные «глаза и уши». Задача ставилась так, чтобы ни один самолет-разведчик не был пропущен, чтоб был сбит, ибо вслед за разведчиком следовало ждать бомбовые и штурмовые удары по разведанным объектам, – как правило, в темное время суток, как одиночными самолетами, так и группами до 35 машин.

Самолеты-разведчики обладали высокими маневренными качествами, и борьба с ними была очень не простой. Чтобы атаковать разведчика в наивыгоднейшем для себя ракурсе, нашему истребителю надо было достаточно точно знать высоту самолета противника. Вот почему и большие военачальники, и мы – технари были так озабочены внедрением измерителей высоты и на гониометрах МРУ, и на самодельных высотных приставках к РУС-2 и РУС-2с, и даже по дальности входа в диаграмму видимости РЛС.

Как указано в «Историческом формуляре» 337-го орб ВНОС, по данным боевых расчетов способом наведения нашей ИА сбито вражеских самолетов: в 1942 году – 44/57, в 1943-м – 36/142, в 1944-м – 1/7, в 1945 году авиация в зоне ответственности станций 18-го радиополка ВНОС не появлялась. В приведенных цифрах знаменатели означают общее число наведений; таким образом, в 1942 году

не увенчались сбитием самолетов противника 13 наведений, в 1943 году – 106 наведений, в 1944 году – 6 наведений. Отсюда явно видно снижение КПД наведений: от 77,2% в 1942 году до 25,4% в 1943 году и 14,3% в 1944 году, когда из 7 одиночных самолетов был сбит аж один. На мой взгляд, этот парадокс объясняется тем, что зона перехватов переместилась на Запад вместе с обслуживающими ее РУСами, и здесь в полной мере стала сказываться удаленность зоны перехвата от зон бесперебойного слежения за целями и высокоточного определения их координат станциями МРУ-105. Теперь, при наведении по данным только РУСов, наши истребители все чаще могли оказываться в невыгодных для ведения воздушного боя исходных ракурсах при встрече с противником из-за неточностей в целеуказаниях по высоте, как это, частности, отмечалось в замечаниях начальника управления разведки и ВНОС, приведенных в главе 5.

Однако при наведении нашей ИА по данным РУСов главные трудности возникали из-за провалов видимости целей вследствие лепестковой изрезанности антенных диаграмм в вертикальной плоскости. Здесь безжалостно работал «множитель земли» академика Введенского, но он же и подсказывал пути решения проблемы. Например, при высоте антенны РУС-2с 12 метров нижний (прижатый к земле) лепесток имел максимум под углом 4,8° к горизонту, а нулевые уровни (провалы) – вдоль земли и под углом 9,6° к горизонту. Но если антенну переместить на высоту 8 метров, то под углом 9,6° будет вместо провала максимум. В МРУ-105 две фиксированно разнесенные по высоте антенны по обстановке переключались таким образом, чтобы обеспечивалась непрерывность ведения цели. Воентехник Пестов В. Г. предпочел реализовать на РУС-2с вариант антенны с переменной высотой и сделал это на своей «точке» силами боевого расчета. Для изменения высоты антенны были применены три трубы, из которых одна служила верхней подвижной частью мачты, на которой была закреплена антенна, а две другие, вкопанные в землю, служили направляющими, между которыми с помощью лебедки могла перемещаться верхняя труба. Обнаружение целей при обзоре пространства проводилось при максимальной высоте антенны, что обеспечивало прижатие антенного лепестка к земле и за счет этого увеличение дальности действия станции. С приближением целей производилось опускание антенны, и приземный лепесток поднимался, оставаясь направленным на цели.

С совершенствованием техники повышалось и боевое мастерство операторов радиолокационных станций. Вот несколько выдержек из политдонесений нашего

батальона:

«Отличную боевую работу показали расчеты во время попытки вражеской авиации сделать налет на Москву 5 сентября. Установка воентехника Нецветаева по приказанию ГП была выключена. Наблюдатель Савин далеко на западе увидел разрывы зенитных снарядов. Он немедленно доложил об этом воентехнику, и по своей инициативе они включили установку. Старшие операторы Соловьев, Гуздь сразу же обнаружили большую группу вражеской авиации и передали о них данные на ГП... Эту же группу на расстоянии 103 км обнаружил старший оператор кубинской установки Васильев. По его данным на эту группу была наведена наша ИА, в результате 5 Ю-88 было сбито... В этот вечер во время бомбежки аэродрома бомбы рвались невдалеке от установки, но ни один боец кубинского расчета не бросил своего поста, а каждый хладнокровно выполнял свою работу.

На расстоянии 130– 135 км эту же группу самолетов обнаружил старший оператор внуковской установки ефрейтор Муравьихин. Наши самолеты были подняты в воздух. По данным, которые Муравьихин передавал на КП 28 иап, два Ме-109 и три Хе-111 были сбиты.

В тот же день 5 сентября в 9ч. 30м. старший оператор красноармеец Козлова (Серпухов) обнаружила вражеский самолет на расстоянии более 90 км. Тов. Козлова не теряла из виду и наши самолеты, немедленно поднятые по тревоге, и противника, который оказался Ю-88. В результате наведения нашей ИА он был сбит. (Отлично сработала станция с антенной переменной высоты!)

В ночь с 16 на 17 сентября (1942) командование батальона получило приказ выделить один расчет с установкой в Погорелое Городище. Этот расчет (лейтенанта Кармашова) в назначенный срок (к 12.00 18 сентября), несмотря на большие трудности в условиях бездорожья, был развернут в указанном пункте, а 22 сентября по данным этой установки наша ИА сбила 3 самолета противника. 23 сентября в 11.30 были сбиты еще три самолета из обнаруженной ею группы вражеской авиации».

От себя добавлю, что лейтенант Кармашов по представлению комиссара батальона, найденному мной в архиве, был осужден военным трибуналом к 10 годам лишения свободы за то, что подчиненный ему красноармеец-водитель в нетрезвом виде (где-то раздобыл самогон) совершил наезд на женщину со смертельным исходом при перевозке имущества расчета из Красногорска к Погорелому Городищу. А водитель отделался легким испугом «за управление транспортным средством в нетрезвом

состоянии».

Однако пора вернуться к моей люберецкой точке, тем более что настало время мне с нею расстаться. В июле 1944 года меня назначили инженером роты МРУ (Люберцы, Кубинка, Внуково). В мои обязанности входило помогать техническим замам начальников расчетов в обеспечении постоянной технической готовности аппаратуры МРУ-105 и ее безотказности в боевой работе. Честно говоря, эти замы не очень-то и нуждались в моей помощи. Аппаратуру они изучили во всех ее тонкостях и каверзах, которые она подбрасывала нам в течение двух с половиной лет, так что мои наезды в точки МРУ в новой роли во многом смахивали на отбытие номера. Поэтому я охотно по предложению инженера полка Н. И. Кабанова принял участие в составлении и взял на себя редактирование «Руководства службы станций дальнего радиообнаружения». Оно предназначалось в качестве учебника для личного состава полка и было составлено авторским коллективом из инженеров рот по опыту работы станций во время войны. Однако этим документом заинтересовалось ГАУ, и после сентября 1944 года, когда был готов машинописный вариант, мне довелось работать напрямую с Воениздатом (помещавшимся тогда в Орликовом переулке) и куратором от ГАУ майором Лубяко. ГАУ решило издать «Руководство службы» в качестве своего нормативного документа. Впрочем, в этот период мне приходилось бывать и в суточном наряде в качестве дежурного по полку, и как раз в одно из моих дежурств в штаб полка поступила телефонограмма, обязывавшая направить в штаб ОМА ПВО к назначенному времени такого-то (то есть меня) по приказанию замкомандующего генерал-майора артиллерии Дзивина.

Генерал-майор Дзивин, человек кавказской наружности, принял меня доброжелательно, спросил, как мне служится, в чем состоит моя служба, доволен ли я своей службой. Выслушав мои ответы, сказал, что на имя командующего поступила просьба откомандировать меня в распоряжение Главного управления вузов ВМФ для использования на преподавательской работе, спросил, согласен ли я на такое откомандирование. Я ответил, что запрос сделан с моего согласия.

– А кто бы мог заменить вас в должности инженера роты МРУ? – спросил Дзивин.

– В полку много толковых инженеров, техников. Любой подойдет, – ответил я и после паузы (подумал: говорить или промолчать?) добавил, что за два с половиной месяца пребывания в этой должности я убедился, что она просто не нужна. Вполне достаточно иметь толковых воентехников на самих станциях.

Генерал Дзивин пообещал мне дать положительный ход моему делу, но после

Октябрьских праздников. А пока что мне необходимо заняться тщательной предпраздничной проверкой техники на всех трех объектах и обеспечить образцовое несение праздничной вахты.

Оставшиеся три недели до праздников я провел, выражаясь моряцким языком, в сплошном аврале по уходу за техникой на объектах Люберцы, Внуково, Кубинка. Мысленно я представлял себя уже в морской форме в столь дорогом моему сердцу Ленинграде. Не скрою, что во мне пробудились и романтические грезы мариупольского мальчишки, мечтавшего, – как и все мальчишки приморских городов, – обязательно стать моряком:

С ряжей я бычков удил,
а в мечтах баркас водил
и гарпунил кашалота
с китобойного вельбота.
Эх, бы мне бушлат носить
и морской табак курить!

Но, конечно, главное направление моих мыслей было связано с тем, что флот – колыбель радиотехники, с традициями, идущими от морских минных классов, где преподавал изобретатель радио А. С. Попов, флот – благодатное поле для научной разработки проблем радиолокации, к которым меня основательно довернула служба в 337-м орб ВНОС. Я интенсивно начал заниматься со своей «морской» тетрадкой (правда, впоследствии, получив возможность работать с научной литературой, я обнаружил, что решенную в ней задачу давно решил лорд Рэлей), теперь меня интересовали подходы к более сложной задаче о структуре радиолокационного сигнала, отраженного от морской поверхности, возмущенной движением подводной лодки. Но почему молчит генерал Дзивин, который обещал мне решить вопрос о моем откомандировании к морякам после праздников?

В одно из моих дежурств по полку меня вызвал (не помню, по какому вопросу) майор Леинсон. В это время ему позвонил генерал Соколов из штаба ОМА ПВО, и я стал невольным свидетелем следующего разговора:

– Товарищ Леинсон, надо срочно решать вопрос о Кисунько. Я обращаюсь к вам, потому что командир полка болен. Больше ждать нельзя. Нас торопят сверху.

– Так точно, товарищ генерал, мы оформляем представление его к ордену Красной Звезды.

– Насчет ордена – это само собой. Но я о другом: Кисунько надо завтра в девять

ноль-ноль с личным делом быть в ГУК ОМА ПВО. Со всеми аттестатами и предписанием об откомандировании.

На следующий день я получил предписание ГУК ОМА ПВО явиться в ГУК Арт Красной Армии. От кадровика я узнал, что все это делается по личному распоряжению маршала артиллерии Н. Н. Воронова, который тогда был и Главкомом артиллерии и Главкомом ПВО страны. Значит, морской вариант не получился. Но почему в ГУК Арт? Все получилось так неожиданно, что я не успел ни с кем попрощаться в полку. Могут подумать – зазнался на радостях. А ведь у меня в полку сложились хорошие отношения и с командованием – майором Меркуловым, майором Соловьевым, начштаба Мухиным, и с офицерами боевых расчетов. Даже непредсказуемый майор Леинсон, однажды обозвавший нас с Вольманом «академиками», лично предложил мне вступить в ВКП(б), дал мне рекомендацию, и не без его подсказки мне дали рекомендации политрук роты Яковлев и замполитрука старшина Гробов. И это при том, что ему были до тонкостей известны мои анкетные данные!

Признаться, я не собирался подавать заявление в партию все по той же причине: надо рассказывать биографию, лишний раз напоминать об аресте отца, посвящать в это дело новый круг людей, кто-то начнет задавать вопросы. В нашей сверхсекретной части лучше, если об этом будет известно как можно меньшему числу людей. С другой стороны, если я откажусь – мол, считаю себя недостаточно подготовленным, когда мне предлагает свою рекомендацию высшее лицо партийной власти в полку, – не навлеку ли я на себя ненужные подозрения? В роте и в полку процедура приема прошла гладко, но я не переставал побаиваться ненужных вопросов на армейской парткомиссии при утверждении и выдаче мне партбилета. И действительно, председатель парткомиссии спросил меня об отце, не служит ли он где-нибудь у немцев. Я ответил:

– Не мог он попасть к немцам. А если бы попал, то им бы не служил.

– Скажите, – только очень кратко, – что вас побудило подать заявление в партию?

– Если очень кратко, – то же, что и вас, товарищ генерал.

– А ведь неплохо ответил, товарищи? – обратился генерал к членам комиссии. Потом, вручая мне партбилет, генерал сказал:

– Поздравляю. Желаю успехов на войне и после войны. Когда-нибудь вы станете известным ученым, и я буду рассказывать товарищам, как вы сумели кратко

и математически точно ответить перед парткомиссией на мой вопрос.

Но спустя некоторое время после моего вступления в партию совершенно необъяснимо тот же Леинсон выступил организатором направленной против меня разнузданной травли. Причем все делалось за моей спиной на инструктивных сборах офицеров боевых расчетов и штабных служб. Мне в вину вменялись и низкая воинская дисциплина во взводе, и сокрытие от командования нарушений дисциплины, и панибратство с подчиненными, делались грязные намеки на неуставные отношения с красноармейцами-девушками. Все это, по его словам, должен рассмотреть суд офицерской чести, и в этом деле Леинсону подпевал мой комроты, – единственный по-вольновски закомплексованный ко мне человек в нашем полку (я имею в виду лейтенанта Вольнова в училище ВНОС).

По отношению ко мне майор Леинсон и комроты Орлов были единодушны в предубежденности, что я, поскольку являюсь ученым, не могу быть хорошим командиром. Недаром Леинсон в свое время обозвал нас с Вольманом академиками. Отсюда – постоянные попытки «выявить недочеты» в общевойсковых вопросах и, что называется, ткнуть меня в них носом. «Для подготовки расчета по общевойсковым дисциплинам» (как было сказано в приказе) ко мне после снятия Вольмана был назначен помощником мл. лейтенант Ж...ский, выдвинутый командованием батальона из старшин за некоторые личные услуги по интендантской части. Но при первой же отлучке по вызову в штаб батальона он поймал неприличную болезнь, был по моему настоянию удален из расчета и очутился в штабном хозвзводе – поближе к санчасти. Но там этого «знатока общевойсковых дисциплин» постигла беда пострашнее: на занятии с бойцами при объяснении устройства ручной гранаты в его левой руке сработал капсюль-детонатор. Результат – хорошо известный для подобных случаев: на левой руке остались только мизинец и безымянный палец.

Припоминаются два ЧП, связанные с попытками проверить общевойсковую подготовку моего расчета, Майор Леинсон приказал мне объявить боевую тревогу, я приказал всем свободным от боевого дежурства занять свои места в окопах. Потом майор дал мне вводную: «На вашу позицию пикирует вражеский самолет!» Я скомандовал: «Залпом по вражескому самолету – огонь!» Бойцы на каждый мой «Огонь» условно перезаряжали винтовку и клацали затворами, но майор истошно орал: «Не слышу и не вижу ваш огонь!» Меня это взбесило, и я, выразительно подмигнув сержанту Евдокимову, скомандовал еще трижды «Огонь», и тот трижды

выдал огонь из самозарядной винтовки. Майор испугался, закричал: «Отставить!» – быстро побежал к машине и уехал. Наши выстрелы услышали рядом стоявшие на позиции зенитчики и доложили о них по команде по своей связи, доклад прошел на КП фронта, а оттуда уже по вносовской связи потребовали от меня доложить о причинах стрельбы. Я ответил, что майор Леинсон проверял выучку личного состава на условиях, близких к боевым. Тогда спрашивавший меня начальник выругался, обозвал нас с майором дурачьем и положил трубку. Думаю, что виновнику этой «проверки» влетело от высокого начальства.

Второе ЧП возникло на нашем расчете, можно сказать, под руководством комроты, когда он решил проверить стрелковую подготовку личного состава. Были заготовлены мишени, личный состав строем с винтовками проследовал в лес к поляне, выбранной для устройства стрельбища. После того как отстрелялись все свободные от суточного наряда и боевого дежурства, комроты приказал мне временно подменить остальных и вместе с ними лично прибыть на стрельбище. Я ответил через посыльного, что согласно уставам РККА подмена лиц суточного наряда, караульной службы и боевых расчетов категорически запрещается. Что касается меня лично, то, как единственный офицер на расчете, я круглосуточно являюсь оперативным дежурным на станции и должен находиться неотлучно в ее расположении. Тогда комроты прибыл со стрельбища лично и потребовал безоговорочного выполнения его приказания, как якобы отданного в боевой обстановке. «Под мою ответственность», – добавил он. После, окончания стрельб примерно через час комроты, отобедав, завалился спать в землянке, а в это время с КП иап поступила команда – включить установку и вести поиск воздушного противника. Но... станция не включалась. Оказалось, что силовой кабель от дизель-электростанции был перебит. Выяснилось, что во время моего отсутствия на станции «подменный» (по приказу комроты) часовой решил поупражняться в стрельбе по воронам, садившимся на столбики, поддерживавшие кабели. Небоеготовность станции из-за недисциплинированности личного состава получила надлежащую оценку командования с взысканиями начальникам, в том числе командиру роты и мне. И что удивительно: этот факт недисциплинированности ставился в вину именно мне, а не комроты, когда пытались подвести меня под суд офицерской чести.

И вот, наконец, ко мне на «точку» прибыл председатель суда чести офицеров нашего полка Владимир Иванович Шамшур – пожилой, умудренный годами

воентехник одного из расчетов, до войны возглавлявший издательство (или один из журналов) радиотехнического профиля. Человек высочайшей интеллигентности, культуры и глубокой порядочности, Владимир Иванович в присущей ему манере товарищеской доброжелательности, не скрывая дружеского расположения и уважения ко мне, рассказал мне суть обвинений, которыми Леинсон пытался напичкать его как председателя суда. Кроме ранее доходивших до меня «крамол» в его рассказе появилась «аморалка» с девушкой комсоргом взвода, которую я якобы представил к медали «за боевые заслуги», имея в виду совсем другие «заслуги». Владимир Иванович согласился со мной, что при разнарядке в количестве одной медали, и только для девушек, было бы странно, если бы я представил не комсорга, не говоря уже о том, что распространяемые сплетни являются оскорблением чести и достоинства и моей и девушки-комсорга.

– Поэтому, – сказал я Владимиру Ивановичу, – если вы соберете заседание товарищеского суда, то я для начала из вот этого нагана в защиту своей чести застрелю Леинсона, а после этого вместо вашего суда мной займется другое судилище.

– Надеюсь, Григорий Васильевич, до этого дело не дойдет. По крайней мере, пока я председатель товарищеского суда.

Я никогда не возвращался к этой теме в разговорах с В. И. Шамшуром, хотя имел с ним не мало контактов после войны, когда он был директором издательства «Советское радио». Поэтому не знаю, каким образом он притушил это «липовое» дело. Единственное, что успел сделать Леинсон под шумок этого дела, – отозвал представление меня к ордену Красной Звезды. В приведенном выше разговоре с генералом Соколовым он пообещал возобновить ранее отозванное представление, но свое обещание конечно же не выполнил. Тем более что на следующий день я убыл из полка.

Вспоминая всю эту нелепую историю, я никак не мог разгадать ее подоплеку. Зачем политработнику, давшему мне рекомендацию в партию, надо было меня же топить? Сейчас я, кажется, понял, что суть дела как раз и состоит в этой рекомендации, с одной стороны, и в проявлении ко мне внимания СМЕРШа – с другой. Представитель СМЕРШа вышестоящего над полком уровня никаких своих выводов полковому начальству не обязан был сообщать, и было не ясно, что будет с Кисунько, не намотают ли на него вредительское дело. Если намотают, то тут же окажутся, по меньшей мере, ротозеями, потерявшими бдительность, все давшие ему

рекомендацию в партию. Поэтому на всякий случай надо расправиться с этим потенциальным вредителем, хотя бы убрать его из полка, как это было сделано с лейтенантом Доценко – «сыном кулака» – по инициативе того же Леинсона.

В ГУК Арт выяснилось, что на имя Главного маршала артиллерии Воронова поступило письмо от маршала войск связи Пересыпкина (подготовленное профессором Аренбергом) с просьбой откомандировать меня для использования на преподавательской работе в Военной академии связи. Об этом была личная договоренность двух маршалов по телефону, но в памяти Воронова моя фамилия не зафиксировалась, и он написал резолюцию на письме Пересыпкина: «Использовать в артиллерийской академии». Меня это не устраивало, и я упросил кадровика дать мне отсрочку на сутки для сдачи в ГАУ редактируемого мною «Руководства службы станций дальнего радиообнаружения», а майор Лубяко попросил через начальство ГАУ выхлопотать для меня отсрочку в ГУК Арт на неделю для завершения работы, выполняемой по заданию ГАУ. За эту неделю я связался с профессором Аренбергом, а он добился, чтобы Пересыпкин позвонил Воронову, напомнил о договоренности обо мне.

При этом профессор даже подумал, что меня могут переманить артиллеристы на более высокую должность, и тут же заявил, что будет оформлять меня сразу на должность преподавателя вместо ранее обещанной должности младшего преподавателя.

По истечении недельной отсрочки я явился в ГУК Арт к уже знакомому мне полковнику, который встретил меня словами:

– Здорово ты меня обвел вокруг пальца, старший лейтенант. И что хорошего ты нашел в этой академии? И должность... Мы бы сообразили что-нибудь получше. Еще не поздно оставить все как было. Мы ответим Пересыпкину, что Кисунько согласился работать у нас. И еще подумай: Ленинград – и Москва. Как говорится, две большие разницы.

Я вежливо поблагодарил, но подтвердил, что меня устраивает именно ленинградский вариант. Стоит ли ему говорить о моей влюбленности в Ленинград, о том, что в Ленинграде – физтех, политехнический институт, мой научный руководитель по аспирантуре, его школа теоретиков, научные семинары?

Тринадцатого декабря 1944 года я прибыл в Ленинград с предписанием в Военную Краснознаменную академию связи имени С. М. Буденного для дальнейшего продолжения службы в должности преподавателя кафедры

теоретических основ радиолокации. В военном городке мне были предоставлены две комнаты в четырехкомнатной квартире с казенной мебелью, а летом 1945 года я привез в Ленинград мать, жену и сына, находившихся в эвакуации в Костромской области.

Глава восьмая

Защитили мы столицу
от воздушных вражьих сил
Лейтенантскую частицу
в это дело я вложил.

Лето 1946 года. Ленинград. Военный городок Академии связи. Воскресенье. У нас на квартире зазвонил телефон.

– Але, – робко ответила моя мама, еще не привыкшая к телефону. А в трубке прозвучало:

– Здравствуйте. Попросите, пожалуйста, Григория Васильевича.

– Он пошел с женой и сыном в Сосновку, будут через полтора часа, к обеду.

– Передайте, пожалуйста, что звонил Берия.

Мама уронила трубку. Что еще надо ему от ее сына? Мало ли им того, что забрали мужа?

Когда мы вернулись с прогулки, она с тревогой разглядывала меня, словно бы мысленно прощаясь с сыном. А сын, – почти так же, как в тот страшный день его отец, – говорит:

– До чего же стопаря захотелось после купания в этой холоднющей воде.

Мать поспешно достала припрятанную поллитровку из тех, что полагались мне по литерной карточке научного работника. После обеда нерешительно подсела ко мне, рассказала о телефонном звонке, спросила:

– Що ж це воно тепер будэ? Сам Берия тебе розшукуе...

– Успокойся, мамо: это звонил не сам, а его сын, слушатель академии. Я обещал принять у него досрочно экзамен, так как он уезжает в Москву. Мы договорились встретиться у меня дома, потому что сегодня выходной и все помещения на кафедре опечатаны.

Надо сказать, что учиться на открывшемся факультете радиолокации считалось престижным, и среди его слушателей были сыновья и даже дочери видных военачальников и полковников, состоявших при больших начальниках.

Мне особенно хорошо запомнились события, связанные с защитой дипломного проекта Сергеем Берия. Я получил приказание быть в назначенное время в помещении № 206 на нашей кафедре на совещании, которое будет проводить начальник академии. В этом помещении столы для лабораторной практики были плотно сдвинуты к одной стенке и аккуратно зачехлены. Посередине были два стола, составленные вместе как один стол, покрытый красным бархатом. Собравшиеся на совещание занимали места за этим столом и разглядывали развешанные на стенах ватманы со схемами и другими иллюстрациями к какому-то докладу.

– Итак, товарищи, все в сборе, и мы можем начинать, – сказал начальник академии. – Все здесь присутствующие назначены членами специальной государственной комиссии, предназначенной для рассмотрения и заслушивания защиты дипломного проекта инженер-капитана Берия Сергея Лаврентьевича. Пригласить инженер-капитана Берия.

Доклад Серго мне понравился. Речь шла о принципиально новой системе оружия, состоявшей из самолета-носителя и запускаемых с него самолетов-снарядов, наводимых по радио на морские корабли. На мой вопрос о фазирующем кольце Серго ответил, что это деталь, которую он сейчас не помнит. Других вопросов не было, и Серго, вяло повернувшись налево кругом, вышел из помещения. После этого начальник академии обратился к нам с речью:

– Товарищи, мы имеем дело не с обычным дипломным проектом и не с обыкновенным, а весьма талантливым выпускником нашей академии, которому мы будем иметь удовольствие присудить звание инженера по радиолокации. Нам следует особо высказать рекомендации о практическом воплощении доложенного проекта. Может быть, надо подумать о создании при нашей академии специального НИИ или КБ под руководством автора проекта.

– А что тут думать? Об этом мамином сыночке уже давно без нас все продумали и решили. И никакой он не талантливый. Разве не ясно, что проект ему писали, вероятно, десятки, если не добрая сотня специалистов? Короче говоря, давайте признаем проект выдающимся, выдадим автору диплом с отличием и на этом кончим всю эту комедию.

Это сказал генерал-майор инженерно-технической службы Н. С. Бесчастнов, автор одного из известнейших в те годы учебников по радиопередающим устройствам, начальник кафедры.

Наступило неловкое молчание. Все присутствующие старались, потупив очи, не смотреть друг на друга. Я и без того испытывал чувство неловкости, как инженер-капитан, случайно оказавшийся в обществе людей с высокими воинскими званиями. Теперь же это чувство заменил страх от того, что я стал свидетелем весьма рискованного высказывания, которое может иметь самые непредсказуемые последствия. Молчание прервал начальник академии:

– Мы все знаем, что Николай Сергеевич любит пошутить. Но в данном случае будем считать, что он неудачно пошутил.

Заседание комиссии закончилось вызовом дипломанта и объявлением ее решения с вручением ему диплома.

А через два-три месяца после «шутки» Бесчастнова в академии начались события, о связи которых с этой «шуткой» я боялся признаться даже самому себе. Бесчастнов был исключен из партии как бывший троцкист и уволен из армии без пенсии. Причем он долго не мог устроиться на работу, пока его не взял к себе в НИИ член-корреспондент АН СССР В. Н. Вологдин. Далее был арестован как чей-то шпион генерал, начальник кафедры телефонии, арестован полковник Кособоков – «английский шпион», передававший сведения англичанам при занятиях со слушателями на военных радиостанциях. Начальник кафедры военных радиостанций за притупление бдительности был исключен из партии и демобилизован. Был арестован полковник – преподаватель тактики авиации, оказавшийся «американским шпионом». Начальника академии вызвали в Москву, и никто не знал, что с ним.

Однажды, когда я был в Москве по делам своей докторской диссертации, начальник академии разыскал меня по телефону в Академии наук СССР и осторожно пригласил к себе в номер гостиницы «Москва». «Если вы, конечно, можете», – сказал генерал. У меня мелькнула мысль, что за генералом и за теми, кто приходит к нему, вероятно, следят, но я отмахнулся от нее и через полчаса уже был в неуютном номере, гостиницы, где он ждал решения своей участи. Константин Хрисанфович деликатно выспросил у меня, как прошло собрание партактива в академии, какие были выступления, что говорил о нем, Муравьеве, начальник политотдела. И сообщил мне, что ждет вызова в ЦК к самому Швернику, председателю КПК.

Уже вернувшись в Ленинград, я узнал, что Муравьеву в высоких инстанциях вынесли строгий приговор, он был снят с должности и уволен из армии за

притупление бдительности и злоупотребление служебным положением при строительстве дачи на Карельском перешейке.

...Много лет спустя Константин Хрисанфович, ректор Ленинградского института инженеров связи, отдыхая в подмосковном санатории «Архангельское», тоже разыщет меня по телефону, и я приеду к нему на ЗИМе, прихватив с собой бутылку коньяку. Мы будем сидеть в номере санаторного люкса, вспоминая старые дела, и в номер, постучавшись, зайдет бывший мой сослуживец по кафедре инженер-полковник, профессор, доктор технических наук, по-прежнему старший преподаватель той же кафедры.

– Сколько лет, сколько зим! – скажет этот полковник, стреляя взглядом в сторону рюмок.

– Проваливай отсюда, нечего тебе здесь делать! – ответит ему Муравьев.

После ухода полковника я спрошу у Константина Хрисанфовича:

– За что вы его так обидели?

– Такого обидишь. Теперь я открою секрет, что еще тогда, когда мы сидели в гостинице, я точно знал, что именно этот тип настучал в тысяча девятьсот сорок седьмом году насчет «шутки» Бесчастнова. Потом ты помнишь, сколько было разоблачено врагов, пригревшихся при таком ротозее, как я. А мне еще и врезали за то, что не донес на своего давнего друга... И все же я тогда не из подхалимажа расхваливал Серго, и Николай Сергеевич был неправ. Серго никогда не чванился, не бравировал и не пользовался своим фантастически исключительным положением. Он был интеллигентно воспитанным и тактичным. И голова у него варила неплохо.

– Насчет того, что вы сказали о Серго, я полностью с вами согласен. Во всяком случае, по всем этим качествам он явно выделялся среди других известных мне отпрысков современных сиятельств.

Между тем как в академии связи вылавливали троцкистов и шпионов, в Москве происходили события, подтверждающие слова генерала Бесчастнова о том, что о Серго «уже давно без нас все продумали и решили».

В сентябре 1947 года к воротам номерного НИИ тогдашней окраины Москвы подъехала новенькая темно-синего цвета «Победа». В то время корпуса НИИ, находившиеся недалеко от окружной железной дороги и от конечной станции метро, и несколько рядом расположенных многоэтажных жилых домов возвышались над окружавшими их поселковыми домишками как океанские лайнеры над

обломками старинных парусных шхун и баркасов. И пожарная вышка, ныне утонувшая в провале между многоэтажными домами, тогда еще виднелась издалека, как маяк, обозначающий вход в гавань.

Ворота НИИ, как в древней восточной сказке, сами открылись перед «Победой», и она бесшумно, не сбавляя ходу, без всякой проверки, скользнула к зданию НИИ мимо вытянувшегося по стойке «смирно» вохровца. Рядом с вохровцем стоял полковник госбезопасности, который движением руки указал водителю машины в сторону главного подъезда институтского здания. Там при полном параде прибывших ждали директор института и главный инженер. Из машины вышли и поздоровались с ними двое в штатском. К ним присоединился и полковник, встречавший своих шефов при въезде на территорию института.

Один из прибывших был высоким, плотно сбитым мужчиной лет около пятидесяти, в черном добротном костюме, белой рубахе с галстуком, без головного убора. Его густые, совершенно седые волосы, зачесанные с пробором направо, гладко выбритое, отдававшее матовой белизной моложавое лицо, орлиный нос, какая-то бесспорная, словно бы врожденная интеллигентность, сенаторская солидность, строгость костюма и что-то неуловимо благородное во всем его облике – все это создавало образ цельной незаурядной личности.

Спутником «сенатора» был совсем молодой человек, двадцати с небольшим лет, в светлом бежевом костюме отличного покроя и такого же цвета туфлях, в белой рубашке апаш, черноволосый, но уже чуть-чуть начавший лысеть. Можно было подумать, что к его пухловатому, по-детски румяному лицу не касалась бритва, если бы не аккуратные, по-грузински ухоженные усики.

– Прошу ко мне в кабинет, – предложил директор приехавшим, незаметно для себя обращаясь к младшему.

– Сначала, пожалуй, осмотрим институт, – ответил за обоих «сенатор».

При осмотре института прибывших сопровождал полковник госбезопасности, делая какие-то пометки на сложенной в гармошку синьке. Затем, уже в кабинете директора, он развернул синьку на столе. Это была планировка институтских помещений.

– Пока что нас устроят вот эти помещения, – сказал полковник, показывая на карандашные птички, ранее поставленные им на синьке. – А ваши кабинеты полагал бы лучше всего иметь здесь, с общей приемной... – полковник показал своим шефам, где именно.

– Через неделю нам следовало бы сюда перебраться, – сказал «сенатор».

– Через неделю все будет готово, – поспешно сказал директор. – Мы имеем личные указания от министра, Дмитрия Федоровича Устинова.

– До свиданья, спасибо.

Оба гостя, попрощавшись, уехали, а полковник остался для обсуждения, как он выразился, деталей.

В течение назначенной недели в помещениях НИИ, отмеченных на синьке, ломались старые перегородки и ставились новые, работали штукатуры, маляры, паркетчики. Потом туда были завезены новые шкафы, лабораторные и письменные столы, стулья. В лабораторных помещениях телефоны были сняты, зато в коридорах у дверей появились столики с телефонами и стульями для дежурных. Все помещения были компактно расположены в одном отсеке институтского здания, выгорожены и взяты под специальную, откуда-то прибывшую, охрану, которая подчинялась только полковнику госбезопасности. Это были не вохровцы, а настоящие солдаты в синих фуражках с красными околышами; у них были винтовки с примкнутыми штыками, а на туго затянутых ремнях – подсумки с боевыми патронами.

Кабинеты грузина и «сенатора» были обставлены новой мебелью, которую в те времена можно было увидеть разве что в совминовских кабинетах или в ЦК партии, на письменных столах кроме обычных телефонных аппаратов красовались изящные, украшенные гербами, с мелодичным звоном, кремлевские «вертушки» – аппараты правительственной АТС. Массивные дубовые тамбуры и двери, ведущие из приемной в кабинеты, были обшиты звуконепроницаемыми слоями войлока и сверху покрыты светло-коричневым дерматином. Полковник госбезопасности разместился в кабинете напротив директора НИИ.

По истечении назначенной недели на территории НИИ начала работать новая организация Министерства вооружения СССР – Специальное бюро № 1, сокращенно СБ-1, несекретное название – «предприятие почтовый ящик 1323». Ее директором стал Павел Николаевич Куксенко – никакой не «сенатор», а профессор, доктор технических наук, один из старейшин советской радиотехники; главным инженером стал Сергей Лаврентьевич Берия, только что закончивший Военную академию. Полковник госбезопасности Кутепов Григорий Яковлевич стал заместителем директора. При нем состояла группа офицеров госбезопасности, с которыми он в свое время командовал «шарашкой» заключенных авиаконструкторов Туполева,

Мясищева, Томашевича и других.

Сотрудники СБ-1 организованно приезжали на работу и уезжали с работы на автобусах, время прихода и ухода которых соблюдалось с поразительной точностью. В рабочее время – никаких хождений по коридорам, только дежурные находились в коридорах неотлучно у телефонных столиков. Эти дежурные приходили на работу и уходили с работы вместе с остальными сотрудниками: один шел впереди группы, а другой сзади, а часовые проверяли пропуска только у этих дежурных.

Мало кто знал, что у дежурных были не пропуска, а удостоверения офицеров, и не армейского образца, а красненькие, какие были приняты в МГБ и МВД. Остальные пассажиры автобусов были «спецконтингентом». В одних автобусах «спецконтингент» оживленно разговаривал на немецком языке; в других же разговаривать не полагалось, но на работе их пассажиры разговаривали по-русски. Это были заключенные из числа осужденных советских ученых и инженеров, и был среди них даже известный математик член-корреспондент АН СССР Кошляков Николай Сергеевич.

К слову сказать, и сам Павел Николаевич успел побывать в лапах НКВД, но потом его освободили, и он даже стал носить форму сначала капитана госбезопасности, а потом инженер-полковника и генерал-майора ИТС действующего резерва. Но что поразительно: несмотря на установившиеся у нас доверительные отношения в последние годы его жизни, всякие мои попытки выведать у него, какие были против него обвинения, наталкивались на глухую стену, – мол, что вы, что вы, я ведь дал подписку о неразглашении!

Однако СБ-1 очень быстро начало расширяться за счет приема вольнонаемных сотрудников, тесня приютивший его НИИ, отбирая у него одно помещение за другим. Во многих случаях при этом зачисляли по переводу в СБ-1 и специалистов НИИ, проставляя в их паспорта штампы о приеме на работу на предприятие п/я 1323. Для этого номера остряки придумали название: «Чертова дюжина с перебором». Но охотников повторять эту шутку было не много: с нею нетрудно было загреметь в спецконтингент. Еще меньше было желающих повторять кем-то придуманную расшифровку названия СБ-1: «Сын Берия» или «Сергей Берия».

По мере расширения СБ-1 в нем появились два «немецких» отдела, разбавленных русскими специалистами, и один конструкторский отдел, большинство которого составляли заключенные, но было и не мало вольнонаемных;

его техническим руководителем был Томашевич Дмитрий Людвигович – бывший заместитель авиаконструктора Поликарпова, в свое время отсидевший за гибель Валерия Чкалова. Создавались и отделы, в которых не было ни немцев, ни заключенных, хотя к некоторым из них прикреплялись 1-2 заключенных. Общая тенденция в руководстве отделами заключалась в том, что начальниками отделов (администраторами) назначались офицеры из команды Кутепова, а знающие дело специалисты назначались техническими руководителями.

Читатель, вероятно, догадался, что на СБ-1 была возложена задача реализации идей по созданию нового вида оружия, изложенных в дипломном проекте Сергея Берия. Этот проект, по-видимому, был выполнен под руководством П. Н. Куксенко (естественно, вместе с Серго) на основе немецких трофейных научно-технических материалов в основном силами немецких специалистов. Для выполнения работ по созданию системы оружия, получившей шифровое название «Комета», Куксенко и Серго добились откомандирования в СБ-1 наиболее сильных выпускников академии связи, которых Серго знал лично и которые стали его и Куксенко ближайшими помощниками. При этом в СБ-1 направлялись и те выпускники академии, которые были уже направлены в другие места.

Куксенко и Серго, помимо своих административных должностей, приняли на себя обязанности главных конструкторов системы «Комета» и всю свою административную деятельность проводили в интересах разработки этой системы. Два главных конструктора на одной разработке – дело вроде бы невиданное, но они сумели работать по принципу: «Один ум – хорошо, но два ума – лучше».

В то время в СБ-1 никто, – не исключая и основателей этой организации, – не мог знать, что СБ-1 станет колыбелью отечественных систем управляемого реактивного оружия. Никто не мог знать, что здесь будут созданы первые системы «воздух-море», «воздух-воздух», «берег-море», «воздух-земля», зенитно-ракетные (противосамолетные) системы, противоракетные системы, противотанковые управляемые ракетные снаряды, специальные системы космической техники, лазерные локаторы (как никто еще не знал, что появится такое слово – лазер). Никто не мог знать, что в СБ-1 (впоследствии КБ-1) вырастут новые производственные корпуса, в которых будут трудиться многотысячные коллективы первоклассных специалистов, и только убеленные сединой ветераны будут помнить о спецконтингентах, а КБ-1, расширяя свою тематику, будет выделять вновь создаваемые самостоятельные НИИ, КБ, ЦКБ, ЦНИИ.

Я тоже не знал и не подозревал, что моя судьба может оказаться как-то связанной с СБ-1, что эта связь уже записана в книге кадровых судеб. Я даже не знал, как называется организация, в которой стал работать Сергей Берия, не знал, что к этой организации имеет какое-то отношение П. Н. Куксенко, не знал об этом даже тогда, когда нашу кафедру в военной академии посетили П. Н. Куксенко и А. Л. Минц – известные корифеи отечественной радиотехники, оба в форме полковников МВД. Особенно дотошно они интересовались созданной моими стараниями лабораторией сверхвысоких частот с самодельными приборами, собранными и изготовленными на кафедре. Демонстрируя эти приборы перед впервые увиденными мною знаменитыми радиоспециалистами, я не подозревал, что эта встреча явится предвестником серьезного поворота в моей судьбе, который произойдет в 1950 году.

Павел Николаевич Куксенко (25.04.1896-17.02.1980) встретил первую мировую войну студентом-физиком МГУ. Был призван в царскую армию, окончил школу прапорщиков связи и направлен на Румынский фронт, где дослужился до чина поручика. Был ранен, находился на излечении, когда свершилась Октябрьская революция. После выздоровления вступил в Красную Армию, где служил в войсках связи. В частности, был начальником связи Западного фронта, когда командующим фронта был М. Н. Тухачевский. (Не этот ли факт послужил поводом для ареста Павла Николаевича в 30-е годы?)

По окончании гражданской войны работал в засекреченных организациях над созданием самолетных радиосвязных станций. Первой из них была радиостанция самолета-бомбардировщика РСБ-5 с приемником УС-П. После освобождения из-под ареста был назначен в звании «капитан госбезопасности» главным инженером номерного НИИ НКВД радиотехнического профиля. Совместно с А. Л. Минцем является автором разработки радиоприцела бомбардировщика, удостоенной Сталинской премии за 1946 год с формулировкой: «За создание нового типа радиоприбора». Радиоприцелы Куксенко-Минца были впервые использованы в налетах нашей авиации на Берлин.

П. Н. Куксенко – автор многих изобретений, за совокупность которых в 1947 году ему была присуждена ученая степень доктора технических наук. С 1946 года он – действительный член Академии артиллерийских наук.

В том же 1947 году он был назначен руководителем новой организации, именовавшейся Специальное бюро (СБ) № 1 по разработке систем

радиоуправляемого реактивного оружия. Первой разработкой СБ-1 была система «воздух-море» (шифр – «Комета»), удостоенная в 1952 году Сталинской премии (главные конструкторы П. Н. Куксенко и С. Л. Берия).

Директор СБ-1, он же главный конструктор, Павел Николаевич Куксенко имел обыкновение работать в своем служебном кабинете до глубокой ночи, просматривая иностранные научно-технические журналы, научно-технические отчеты и другую литературу. Такой распорядок диктовался тем, что в служебном кабинете Павла Николаевича был кремлевский телефон, а Сталин если звонил, то всегда именно глубокой ночью и именно по кремлевской «вертушке». В таких случаях дело не ограничивалось телефонным разговором, и Павлу Николаевичу приходилось выезжать в Кремль, куда у него был постоянный пропуск. По этому пропуску он всегда мог пройти в приемную Сталина, где верным и бессменным стражем у входа в сталинский кабинет сидел Поскребышев.

Но на этот раз Павла Николаевича, прибывшего по вызову Сталина в два часа ночи, офицер охраны проводил в квартиру Сталина. Хозяин квартиры принял своего гостя, сидя на диване в пижаме, просматривал какие-то бумаги. На приветствие Павла Николаевича ответил «Здравствуйте, товарищ Куксенко» – и движением руки с зажатой трубкой указал на кресло, стоявшее рядом с диваном. Потом, отложив бумаги, сказал:

– Вы знаетэ, когда нэприятельский самолет последний раз пролетел над Москвой?.. Десятого июля тысяча девятьсот сорок второго года. Это был одиночный самолет-разведчик. А теперь представьте себе, что появится над Москвой тоже одиночный самолет, но с атомной бомбой. А если из массированного налета прорвется несколько одиночных самолетов, как это было двадцать второго июля тысяча девятьсот сорок первого года, но теперь уже с атомными бомбами?

После паузы, в которой он словно бы размышлял над ответом на этот вопрос, Сталин продолжал:

– Но и без атомных бомб – что осталось от Дрездена после массированных ударов авиации наших вчерашних союзников? А сейчас у них самолетов побольше, и атомных бомб хватает, и гнездятся они буквально у нас под боком. И выходит, что нам нужна совершенно новая ПВО, способная даже при массированном налете не пропустить ни одного самолета к обороняемому объекту. Что вы можете сказать по этой архиважной проблэме?

– Мы с Серго Лаврентьевичем Берия внимательно изучили трофейные

материалы разработок, проводившихся немцами в Пенемюнде по управляемым зенитным ракетам «Вассерфаль», «Рейнтохер», «Шметтерлинг». По нашим оценкам, проведенным с участием работающих у нас по контракту немецких специалистов, перспективные системы ПВО должны строиться на основе сочетания радиолокации и управляемых ракет «земля-воздух» и «воздух-воздух», – ответил П. Н. Куксенко.

После этого, по словам Павла Николаевича, Сталин начал задавать ему «ликбезные» вопросы по столь непривычному для него делу, связанному с радиоэлектроникой, каким являлась в то время техника радиоуправляемых ракет. А Павел Николаевич не скрывал, что еще и сам многого не понимал в зарождающейся новой отрасли оборонной техники, где воедино должны слиться и ракетная техника, и радиолокация, и автоматика, точнейшее приборостроение, электроника и многое другое, чему еще и названия не существует. Он подчеркивал, что научно-техническая сложность и масштабность проблем здесь не уступают проблемам создания атомного оружия. Выслушав все это, Сталин сказал:

– Есть такое мнение, товарищ Куксенко, что нам надо незамедлительно приступить к созданию системы ПВО Москвы, рассчитанной на отражение массированного налета авиации противника с любых направлений. Для этого будет создано при Совмине СССР специальное Главное управление по образцу Первого Главного управления по атомной тематике. Новый главк при Совмине будет иметь право привлекать к выполнению работ любые организации любых министерств и ведомств, обеспечивая эти работы материальными фондами и финансированием по мере необходимости без всяких ограничений. При этом главке необходимо будет иметь мощную научно-конструкторскую организацию – головную по всей проблеме, и эту организацию мы предполагаем создать на базе СБ-1, реорганизовав его в Конструкторское бюро № 1. Но для того чтобы все это изложить в постановлении ЦК и Совмина, вам, как будущему Главному конструктору системы ПВО Москвы, поручается прояснить структуру этой системы, состав ее средств и предложения по разработчикам этих средств согласно техническим заданиям КБ-1. Подготовьте персональный список специалистов человек на шестьдесят, – где бы они ни были, – для перевода в КБ-1. Кроме того, кадровикам КБ-1 будет предоставлено право отбирать сотрудников для перевода из любых других организаций в КБ-1.

Вся эта работа по подготовке проекта постановления, как впоследствии вспоминал Павел Николаевич, закрутилась с непостижимой быстротой. В этот

период и даже после выхода постановления Сталин еще несколько раз вызывал к себе П. Н. Куксенко, – главным образом, пытаясь разобраться в ряде интересовавших его «ликбезных» вопросов, – но особенно дотошно допытывался он о возможностях будущей системы по отражению «звездного» (то есть одновременно с разных направлений) массированного налета и «таранного» массированного налета. Впрочем, вопросы, которые задавал Сталин Павлу Николаевичу, лишь отчасти можно назвать «ликбезными». Похоже, что Сталин лично хотел убедиться, что будущая система ПВО Москвы действительно сможет отражать массированные налеты вражеской авиации, а убедившись в этом, уже не считал нужным вызывать Павла Николаевича для личных бесед, предоставив «Беркута» на полное попечение Л. П. Берия.

В постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР система ПВО Москвы получила условное наименование – система «Беркут». Ее главными конструкторами были назначены П. Н. Куксенко и С. Л. Берия. Система была засекречена даже от Министерства обороны. Проект постановления был завизирован министром обороны А. М. Василевским, минуя все подчиненные ему инстанции. Заказчиком создаваемой системы было определено вновь созданное Третье Главное управление (ТГУ) при Совмине СССР. Для этого в ТГУ создавалась своя собственная военная приемка, свой зенитно-ракетный полигон в районе Капустин Яр, а по мере создания объектов системы – и подчиненные ТГУ войсковые формирования для боевой эксплуатации этих объектов. Короче говоря, систему «Беркут» предполагалось передать в Министерство обороны готовой к боевому дежурству, с техникой, войсками и даже с жилыми городками.

Согласно первоначальному замыслу система «Беркут» должна была состоять из следующих подсистем и объектов: два кольца (ближнее и дальнее) системы радиолокационного обнаружения на базе РЛС 10-сантиметрового диапазона (шифр «А-100», главный конструктор Л. В. Леонов);

– два кольца (ближнее и дальнее) РЛС наведения зенитных ракет (шифр РЛС – изделие Б-200, главные конструкторы П. Н. Куксенко и С. Л. Берия);

– размещаемые у станций Б-200 и функционально связанные с ними пусковые установки зенитных управляемых ракет (шифр ракеты – В-300, генеральный конструктор С. А. Лавочкин; главные конструкторы: ракетного двигателя – А. М. Исаев; боевых частей – Жидких, Сухих, К. И. Козорезов; радиовзрывателя – Расторгуев; бортовых источников электропитания – Н. С. Лидоренко; транспортно-

пускового оборудования – В. П. Бармин);

– самолеты-перехватчики, вооруженные ракетами «воздух-воздух», барражирующие в зонах видимости радиолокационных станций А-100 (шифр Г-400). Впоследствии разработка этих средств в составе системы «Беркут» была прекращена, то есть огневые средства системы определены в составе двух эшелонов (внешнего и внутреннего кольцевых рубежей) зенитно-ракетных комплексов Б-200 – В-300.

С реорганизацией СБ-1 в КБ-1 и переподчинением его из Министерства вооружения в ТГУ произошли изменения в структуре руководства этой организации. П. Н. Куксенко и С. Л. Берия сосредоточились целиком на своих обязанностях главных конструкторов, а начальником КБ-1 и главным инженером были назначены другие лица. Первый начальник КБ-1 имел ранг замминистра вооружения, из бывших директоров НИИ, но он не поладил с главными конструкторами, и его заменили в том же ранге бывшим директором артиллерийского завода, Героем Социалистического Труда, генерал-майором инженерно-технической службы Амо Сергеевичем Еляном. Елян не вмешивался в дела главных конструкторов, но зато капитально занялся созданием опытного производства КБ-1 и его лабораторной базы.

До войны сотрудниками НИИ-9 в Ленинграде Н. Ф. Алексеевым и Д. Е. Маляровым был реализован и описан в «Журнале технической физики» № 10 за 1940 год принципиально новый тип магнетронного генератора СВЧ сантиметрового радиодиапазона. Высокие уровни генерируемых мощностей открывали возможность создания в этом диапазоне радиолокаторов, отличающихся от локаторов метрового диапазона малогабаритностью, высокими точностями и разрешающимися способностями. Однако война не позволила продолжить эти работы в СССР. Зато открытием ленинградцев успешно воспользовались США и Англия, благодаря чему у них как раз во время войны и появились локаторы сантиметрового диапазона. В конце войны союзники продали нам образцы станций кругового обзора и станций орудийной наводки на волне 10 сантиметров и авиационные бомбоприцелы на волне 3,2 сантиметра. Освоение сантиметрового диапазона стало задачей № 1 для советской радиолокации. В соответствии с этим на меня, как преподавателя теоретических основ радиолокации, была возложена задача создания курса теоретических основ техники СВЧ: генерирование и усиление (магнетроны, клистроны), полые резонаторы, радиоволноводы. Пришлось

начать с собирания наглядных пособий по этому курсу в корпусах лабораторий НИИ-9, находившихся рядом с академией и оказавшихся в состоянии блокадного запустения со следами варварского разгрома. И все же в этом хаосе мне удалось найти несколько магнетронных макетов по типу описанных в ЖТФ 1940 года и воспроизведенных в магнетронах заморских РЛС сантиметрового диапазона.

Однако в научной литературе интересующих меня теоретических материалов было очень мало, хотя видно было, что тематикой СВЧ во время войны основательно занимались такие зарубежные физики-теоретики, как Э. Ю. Кондон (США), Дж. К. Слэтэр и Хартри (Англия), Л. Бриллюэн (Франция). Оказалось, что еще в 30-е годы Я. И. Френкель в своей «Электродинамике» мимоходом, в качестве иллюстративного примера, дал решение задачи о собственных колебаниях полых резонаторов, доказал ортогональность их собственных функций, и этот подход был впоследствии успешно развит Э. Ю. Кондоном применительно к задаче о возбуждении полых резонаторов заданными токами.

В то время я обратил внимание на то, что среди теоретических проблем в технике СВЧ особенно остро ощущался пробел в освещении вопросов возбуждения радиоволноводов, и я сразу же увлекся этой проблемой. Ее решение удалось найти, можно сказать, с ходу: уже весной 1945 года я показал рукопись Я. И. Френкелю, в июле она была представлена академиком Б. А. Введенским в «Доклады Академии наук СССР» и опубликована в № 3 этого журнала за 1946 год. Однако еще до опубликования эта работа получила положительный резонанс благодаря моему докладу в Москве 7 мая 1945 года на Всесоюзной научной конференции, посвященной 50-летию изобретения радио. Доклад был опубликован впоследствии в виде статей в «Известиях АН СССР (серия физическая)», в «Журнале технической физики» и в «Трудах ВКАС им. С. М. Буденного».

В 1948 году я узнал, что до меня задачу о возбуждении волноводов пытался решать Луи де Бройль и полученное им решение было помещено в его книге, изданной в Париже в 1941 году. При переводе ее на русский язык редактор перевода в предисловии отметил, что для решения этой задачи «автор использовал метод разложения решения по собственным функциям соответствующей однородной краевой задачи. При проведении этой плодотворной идеи автором допущены ошибки. Этот раздел написан редактором перевода заново на основании работы Г. В. Кисунько».

За пять лет работы в Военной академии мною был опубликован ряд статей по

электродинамике СВЧ в научных журналах, изданы две монографии, представлена к защите докторская диссертация. Ее защита состоялась в марте 1951 года в Москве, в НИИ академика А. И. Берга.

Наряду с преподаванием в Военной академии мне довелось в 1945-1950 годах читать спецкурсы в Ленинградском госуниверситете, в политехническом институте, Военно-морской академии кораблестроения и вооружения, консультировать секретные разработки в ленинградских номерных НИИ Минсудпрома и Минавиапрома. Одним словом, мои преподавательские и научные дела складывались неплохо, и единственное, о чем я мог мечтать, – вернуться на гражданку (что не исключало и преподавание в Военной академии). И в самом деле: какой из меня военный? Я стал военным из-за войны, но теперь война закончилась, и почему я, без пяти минут доктор наук, должен тянуться и козырять перед любым слушателем, у которого воинское звание выше моего инженер-капитанского? К тому же многие начальники считали, что мои лекции слишком «университезированы» и не отвечают требованиям подготовки военных кадров: мол, военных надо учить только тому, что нужно на войне, ссылались при этом на самого Суворова.

Меня приглашал на физфак ЛГУ его декан С. Э. Фриш, но вопрос отпал в связи с тем, что я проживаю в военном городке, а возможностью исхлопотать для меня ленинградскую квартиру университет не располагал. Приглашал и член-корреспондент В. П. Вологодин к себе в НИИ, обещал «выбить» мне городскую квартиру через свои связи, но когда я заговорил с начальством о демобилизации – меня вызвал начальник политотдела, запретил «об этом думать» и добавил: «Или вы думаете, что армии не нужны умные люди?»

В Военной академии меня не только по воинскому званию, но и по возрасту нельзя было отличить от слушателей, среди которых были и майоры и подполковники из довоенных командиров-выпускников нормальных военных училищ, старше меня по возрасту. В числе слушателей были многие мои однокашники по военному училищу и однополчане по 337-му орб ВНОС в равных со мной воинских званиях. От них в академии распространялось не мало курьезных историй о том, как мне, кандидату физико-математических наук, довелось в училище слушать объяснения на уровне курсантской программы устройства телефона, электронной лампы, закона Ома. А он (это обо мне) под видом конспекта в своей курсантской тетради рисовал какие-то интегралы и даже написал статью об электронном заряде в вакууме, которую потом, уже будучи в академии,

опубликовал в «Журнале технической физики». Ходило обо мне не мало и выдуманных историй в этом же духе, но вскоре уже здесь, в академии, произошла реальная, всколыхнувшая слушателей история.

В весеннюю (1948 г.) экзаменационную сессию, направляясь в назначенную для проведения экзаменов комнату, мне довелось проходить по коридору, в котором начальник курса полковник Коптевский построил подчиненных ему слушателей для очередной «накачки». Когда я проходил мимо Коптевского, он загородил мне дорогу своей фигурой и прорычал:

– Куда прешь без разрешения старшего? Кругом – марш!

Вышколенный за семь лет военной службы, инженер-капитан, доцент, на виду у своих слушателей, как автомат, повернулся налево кругом и возвратился в свой кабинет этажом ниже.

Вскоре в кабинете зазвонил телефон. Мне, заместителю начальника кафедры, приносил свои извинения замначальника факультета по политчасти.

– Это произошло потому, что полковник из-за вашего воинского звания принял вас за слушателя, – пояснил замполит.

Через несколько дней после этого инцидента слушатели старших курсов на собрании партийного актива академии один за другим начали высказывать свое осуждение поступка полковника Коптевского. На собрании присутствовал прибывший из Москвы Маршал войск связи И. Т. Пересыпкин. После одного из таких выступлений маршал подал реплику:

– А не слишком ли много внимания мы уделяем этому эпизоду? Я думаю, будет лучше, если присутствующий здесь начальник академии представит потерпевшего инженер-капитана досрочно к званию майора... пока какой-нибудь дурак в высоком звании не посадил его на гауптвахту.

Эти слова маршала были встречены аплодисментами веселым оживлением участников партактива. Присвоение мне звания майора почти совпало с вызовом в Москву, в ЦК КПСС. В комнате, номер которой был указан в разовом пропуске «к тов. Сербину», кроме самого Сербина находился еще один в штатском, фамилию которого я узнал потом: Арутюнянц. После короткой беседы с ними мне было предложено в отдельном помещении написать автобиографию и заполнить подробные анкеты по хитроумнейшей форме. Например, надо было в деталях расписать сведения о моих и жены братьях, сестрах, родителях. В частности, мне пришлось описать, как моя сестра в составе студенческой группы в октябре 1941

года находилась на уборке картофеля в Донбассе, а в это время на картофельном поле появились немецкие танки, девушки разбежались по лесопосадкам, потом сестра пробиралась в село к тете Дарье (маминой сестре), проживала там якобы как чужая. Затем у нее отобрали паспорт и назначили явиться на сборный пункт для отправки в Германию, но она не явилась и полгода скрывалась, пока не пришли наши войска. (Между прочим, потом тетя Дарья и ее дочь рассказывали, что все эти подробности проверялись у них и у сельчан какими-то представителями из района.) Сербин и Арутюнянц просмотрели заполненные бумаги, передавая их друг другу, после чего Сербин задал мне вопрос:

– Как бы вы смотрели, если мы будем рекомендовать вас решением ЦК перевести на другую работу? Не преподавательскую.

– Если мной интересуется ЦК, – значит, работа предстоит очень важная и очень нужная стране. Постараюсь сделать все, что в моих силах и в меру моих знаний, чтобы оправдать доверие.

– Постараюсь – этого мало. Надо оправдать.

– Именно так я это понимаю.

– Наш разговор с вами носит предварительный характер, – сказал Сербин, вопросительно, как мне показалось, поглядывая на Арутюнянца. – Мы еще посмотрим, взвесим, прежде чем будет принято окончательное решение.

– Но решение, по всей вероятности, будет положительным, – сказал Арутюнянц. Из этих слов я понял, что мои дни в Академии связи сочтены. Этот молодой симпатичный Арутюнянц, похоже, из тех самых органов, которые несколько месяцев назад через военных кадровиков провели анкетирование намеченных заранее лиц по такой же форме, которую я только что заполнил в ЦК, изучили полученные анкеты и теперь вызывают отобранных кандидатов для личного ознакомления. Поэтому Арутюнянц так уверенно «предположил», что решение будет положительным.

Вернувшись из поездки в ЦК, я окунулся в свои кафедральные дела, к чтению лекций по спецкурсу, который я сам же и формировал, во многом опираясь на свои статьи в научных журналах и две монографии, вышедшие в издании ВКАС имени С. М. Буденного. Отсутствие учебных пособий по курсу при его новизне создавало большие трудности для слушателей. Нельзя было запускать материал, накапливая неясные вопросы: чтобы понять содержание очередной лекции, надо было хорошенько разобраться в записях по предыдущей. Не помогали и прошлогодние

записи старшекурсников, так как курс лекций с каждым годом существенно углублялся, отдельные места его основательно перерабатывались. Поэтому слушатели старались почти дословно конспектировать каждую лекцию, а некоторые, поочередно сменяясь, вели один конспект на двоих. Я это понимал и, поддерживая жесткий темп лекций, старался, где нужно, выделять особо важные места повторением или же паузой, чтобы слушатели могли их осмыслить и сделать необходимые записи. Так было и в тот памятный для меня день, когда я сделал очередную паузу и, близоруко щурясь, проведя взглядом по аудитории, заметил едва уловимое движение среди слушателей: словно сговорившись, они посматривали на свои часы. Раздался звонок. Команда: «Встать! Перерыв». Я положил мел и начал поправлять чуб тыльной стороной перемазанной мелом пятерни, и в это время в аудиторию зашел дежурный по академии и передал мне приказание немедленно зайти к начальнику строевого отдела.

Начальник строевого отдела вручил мне предписание, в котором было написано: «Майору Кисунько Григорию Васильевичу. С получением сего предлагаю Вам убыть в г. Москва, СБ-1, для прохождения дальнейшей службы». На словах добавил, что все дела с отчислением из академии надо оформить немедленно, а завтра утром я должен явиться к новому месту службы в Москве. На мое замечание, что мне надо дочитать вторую половину двухчасовой лекции, полковник ответил, что этот вопрос теперь не должен меня беспокоить.

Обойдя с обходным листом соответствующие службы, я получил проездные документы и аттестаты, приобрел билеты на поезд и в тот же день вечером, за пять минут до полуночи отбыл в Москву поездом «Красная стрела». В жестком купе моим попутчиком оказался инженер-капитан Семаков И. В. – преподаватель кафедры радиолокационной аппаратуры, а в соседнем мягком вагоне ехал начальник этой кафедры инженер-полковник Лившиц Н. А., – профессор, доктор технических наук, один из кадровых воспитанников и ветеранов ВКАС. У них были такие же предписания, как и у меня. Будучи вышколенными насчет служебных разговоров в неслужебных местах, мы с Семаковым быстро уснули под размерный стук вагонных колес.

Где-то между Калинином и Клином я проснулся, тихонько вышел из купе, умылся, побрился и стал смотреть в окно вагона на пробегающие мимо и сменяющие друг друга желто-багрово-зеленые леса, овраги, строения, телеграфные столбы, линии электропередач. Но вскоре перестал замечать все это, мысленно представляя себе,

как в Ленинграде сейчас просыпаются мать, жена, оба сына. Правда, младшему три года, и ему спешить некуда. А старшему надо собираться в школу, а так как ему сегодня исполняется 10 лет, то мальчику непременно хочется поскорее узнать, что ему подарят в эту круглую дату. До пяти лет он жил в эвакуации с мамой и бабушкой и все ждал папку с войны. А теперь в день его рождения папка опять, как нарочно, уехал, хотя уже и нет войны...

А ведь на самом деле война не прекращалась. Только ведут ее между собой бывшие союзники, и называется она холодной войной. Хотя куда уж может быть горячей война в Китае, в Корее. А еще незримая война идет в институтских лабораториях, в конструкторских бюро, где создается новое, фантастическое оружие для будущей большой горячей войны. Не на эту ли незримую войну едем мы – Лившиц, Семаков и я? Не зря американцы и англичане рассекретили все свои радиолокаторы. Значит, в этих делах готовится что-то новое и у них и у нас.

Вот уже промелькнула станция Сходня. Химки. Москва. Я взял свой нехитрый багаж – коричневый портфель из пупырчатой свиной кожи, и мы с Семаковым нырнули в толпу пассажиров московского метро, направляясь к загадочному СБ-1.

Указанное в предписании «место дальнейшей службы» было обнесено высоким дощатым забором, по верху которого на угольниковых перекладинах было натянуто несколько рядов колючей проволоки. За забором виднелись строительные леса: это, как я потом узнал, заключенные сооружают будущие новые корпуса СБ-1.
Отдел кадров (почему-то именуемый как «отдел найма и увольнения»), куда мы явились с Семаковым, размещался в неказистом, типа времянки деревянном одноэтажном строении. В нем было полно народу – и военных, и штатских, откомандированных в СБ-1. За столом в отгороженной части служебного помещения сидел майор госбезопасности, с ним рядом – тучный мужчина в сером однобортном костюме поверх белой рубахи с галстуком.

– Не хочу я в ваше СБ! – говорил какой-то штатский, обращаясь через конторскую перегородку то к майору, то к толстяку. – Отпустите меня обратно.

– Но вы даже не узнали, что мы вам предложим, – отвечал ему толстяк, в говоре которого угадывался нерусский, возможно, татарский акцент. – Может быть, мы предложим слетать на Луну.

– Кто предложит – пусть тот и летит...
В это время майор, заметив меня и Семакова, взял у нас предписания и пакеты с опечатанными воинскими личными делами, вышел в другую комнату и вскоре

вернулся с разовыми пропусками, сказал, что сейчас за нами явится сопровождающий. С сопровождающим (а это был недавний мой ученик по Военной академии) мы прошли в приемную, где сидела секретарша двух главных конструкторов. Она объяснила сопровождающему, что ему надо проводить Николая Васильевича Семакова к начальнику отдела (назвала его фамилию), а меня пригласила пройти в кабинет Павла Николаевича, где сейчас находится и Серго Лаврентьевич. «Они предупреждены и оба ждут вас», – сказала секретарша.

Зайдя в кабинет, я машинально одернул гимнастерку, заправленную, как было принято в академии, под ремень с портупеей, близоруким прищуром окинул кабинет. По левой от входа стенке за письменным столом сидел генерал-майор инженерно-технической службы, а в одном из двух кожаных кресел напротив него боком к столу и лицом к двери сидел, по-мальчишески подвернув под себя ногу, молодой человек в нарядном свитере. Повернувшись лицом к генералу, я отрапортовал по форме о том, что «согласно предписанию прибыл для прохождения дальнейшей службы».

Генерал, смутившись, заерзал в кресле, поднимаясь с места, чтобы поздороваться со мной. А более проворный Серго вскочил с кресла, успел раньше, чем Павел Николаевич, поздороваться.

– Вот мы и снова встретились, – сказал Серго.

– Мы с вами встречались, когда я с профессором Минцем был у вас в лаборатории на кафедре, – добавил Павел Николаевич.

– Значит, – сказал я, – это были смотрины?

– Отчасти да, – ответил Павел Николаевич, – но вас и без смотрин с охотой возьмет к себе любой НИИ. Мы просто опередили других.

– Что же мы стоим? Присядем, вспомним Ленинград. Как там в академии? – спросил Серго.

– Пощипали вы две наши главные кафедры. Сначала забрали двух моих аспирантов, а теперь вот и меня. И еще начальник дружественной нам кафедры и его преподаватель прибыли со мной в одном поезде.

– У вас есть пожелания насчет рода работы здесь? – спросил Павел Николаевич.

– Думаю, что в этом вопросе у вас все намечено заранее, не зря же устраивались смотрины. Я полагаюсь на ваше решение.

– Вы успели защитить докторскую? – спросил Серго.

– Не успел, но к защите представил. Здесь, в московском НИИ, у академика

Берга.

– Это хорошо, можно сказать, что успели. Здесь, по крайней мере в первое время, будет не до диссертаций. А пока принимайте лабораторию номер два и продумайте, как ее развернуть в сектор. Познакомьтесь на месте, осмотритесь и заходите к нам с предложениями.

Знакомясь с делами лаборатории № 2 (оказавшейся волноводной лабораторией), я установил, что СБ-1 довольно успешно продвинулось в реализации проекта системы оружия «воздух-море» (система «Комета»), о которой мне впервые довелось узнать при защите дипломного проекта Сергея Берия. Самолет-носитель, оборудованный радиолокатором 3-сантиметрового радиодиапазона, с подвешенным к нему самолетом-снарядом, захватывал морскую цель на сопровождение и сбрасывал самолет-снаряд, который оказывался в том же луче, что и цель, и наводился на нее по лучу аппаратурой, находившейся в хвостовой части снаряда, обращенной к носителю. Затем производилось переключение на наведение снаряда от автономной системы, находящейся в носовой его части. Вся эта система уже работала, была опробована на полигоне при пусках самолетов-снарядов. В лабораториях СБ-1 производилась доработка аппаратуры с целью устранения отдельных технологических недоработок. В СВЧ-устройствах это были в основном дефекты, выявляющиеся при климатических испытаниях; к их устранению пришлось подключиться и мне. Но это не была работа, которая могла загрузить лаборатории СБ-1, а между тем в эту организацию продолжали прибывать новые массы людей, производилась реорганизация существующих подразделений и создание новых. В ходе этих «оргов» я оказался начальником отдела, объединяющего всех разработчиков радиотракта: антенн, волноводных систем, переключателей приема-передачи, приемников, передатчиков. Но так как новые задачи перед отделом не ставились, а новые люди прибывали, то это только увеличивало реактивную мощность, вхолостую гулявшую в подразделениях. А люди все прибывали, и однажды, проходя по коридору, я встретил знакомого мне по политехническому институту в Ленинграде профессора Л. А. Сена, специалиста в области физики газового разряда.

Я был рад нечаянной встрече, поздоровался с Львом Ароновичем, пригласил к себе в кабинет, но он вел себя как-то странно, мне даже показалось, что он предпочел бы пройти мимо меня незамеченным. На мое приглашение он ответил:

– Спасибо, но я не один, и мы очень спешим.

Только теперь я заметил, что немного сзади от профессора, словно бы стесняясь, остановился его спутник, молодой человек в штатском. Я подошел к нему, поздоровался, сказал ему:

– Милости прошу зайти ко мне на несколько минут вместе с Львом Ароновичем.

Молодой человек поблагодарил и сказал, что он подождет своего товарища в коридоре.

Мы прошли с профессором ко мне в кабинет, и тут он мне объяснил:

– Я имею честь быть заключенным из спецконтингента, а оставшийся за дверью «товарищ» – мой конвоир.

Я, конечно, не стал расспрашивать – за что и на какой срок посадили моего знакомого ленинградца. Не потому, что подобные разговоры с заключенными были запрещены, а из чувства такта и внутренней убежденности, что за этим человеком нет никакой вины. Мы договорились с профессором, что я буду ходатайствовать, чтобы его прикрепили к моему отделу для работы в вакуумной лаборатории, и начальство дало на это согласие.

Надо сказать, что у меня в отделе уже было два прикрепленных еще до моего прихода в СБ-1. Они числились за антенной лабораторией. Их вместе со всеми зэками привозили и увозили на автобусах и разводили по отделам и лабораториям, к которым они были прикреплены. Кроме трех «моих» зэков – Сергея Константиновича Лисицына, Алексея Владимировича Часовникова и Льва Ароновича Сена – остальные были компактно сосредоточены в конструкторском отделе № 32, составляя ведущее ядро специалистов этого отдела.

Совсем недавно несколько человек заключенных было и в теоретическом отделе, но они были досрочно освобождены (без снятия судимости) и теперь продолжали работать в этом же отделе «вольнонаемными», среди них – член-корреспондент АН СССР Николай Сергеевич Кошляков, завлабораторией Георгий Васильевич Коренев, начлаборатории Сергей Михайлович Смирнов.

В СБ-1, недавно переименованном в КБ-1, непрерывным потоком прибывали люди из других НИИ и КБ, отобранные кадровиками, и мне не раз приходилось апеллировать к главным конструкторам по поводу того, что кадровики хватают сотрудников отовсюду без согласования с заинтересованными отделами. И вот однажды, выйдя из кабинета П. Н. Куксенко, я встретил в приемной своего однополчанина военных лет Иосифа Исааковича Вольмана.

– Гора с горой не сходится! Какими судьбами здесь? – спросил я Осипа.

– Такими же, как и ты. Один из шестидесяти по списку ЦК. Правда, есть разница: мне не привыкать к подобным учреждениям, а тебе это совсем ни к чему.

– Почему ты так считаешь?

– Ты – ученый, автор известных научных трудов, обе твои книги нарасхват у специалистов, по ним учатся инженеры и аспиранты, а здесь на тебя будут орать неучи, будут стараться ездить на тебе всякие ловкачи, да еще и погонять: «Давай, давай!» Будут и завистники, и подсиживания. Я тебе давно говорил, чтобы ты представил на докторскую степень свою послевоенную работу по возбуждению радиоволноводов. Твое место – на кафедре, растить учеников, сколачивать научную школу. Кстати, наш НИИ поддержал выдвижение твоей книги на Сталинскую премию.

– Вы-то поддержали, и в Ленинграде поддержали Госуниверситет, политехнический институт, Военно-морская академия, два почтовых ящика, но поддерживать некого: наша академия передумала.

– Почему?

– На ученом совете, когда зачитали все отзывы и хотели уже голосовать, выступил начальник кафедры основ марксизма-ленинизма и заявил, что у меня только в предисловии о приоритете отечественной науки, а в самой книге – сплошь иностранные фамилии: Максвелл, Лаплас, Гельмгольц, Герц, Дирихле, Нейман, Бессель, Матье... Всех не сосчитать. Мне прислали экземпляр книги с пометками этого ортодокса красным карандашом. Даже слова «электродинамические идеи и методы» подчеркнуты и отмечены вопросительным знаком: надо полагать, идеи и методы могут быть только марксистско-ленинскими и никакими там электродинамическими.

– В общем, я еще рад, что только провалили, а не раздули дело о преклонении перед иностранщиной. Ты читал в газетах, как клеймят за «физический идеализм» моего учителя по аспирантуре Якова Ильича Френкеля? А он не чета такой сошке, как я: член-корреспондент Академии наук СССР, человек с мировым именем в науке.

– Идиоты! Ведь ты решил задачу, которую пытался решить сам де Бройль, один из основателей квантовой механики.

Надо сказать, что в то время я все чаще с ужасом думал о других идиотах, ратовавших за проведение дискуссии по философским вопросам физики, – по типу лысенковской. Ведь было ясно, что если состоится этот шабаш, то главной мишенью

для них будет именно Яков Ильич. Идеи о возможности такой дискуссии буквально носились в воздухе, крикливые «ортодоксы» в официальных «трудах» и в печати развенчивали ими же придуманный «физический идеализм» Френкеля. Правда, Яков Ильич при этом оказывался в одной компании с такими обвиняемыми в идеализме зарубежными физиками, как Эйнштейн, Бор, Гейзенберг, Шредингер, Луи де Бройль, но от этого его «идеализм» приобретал еще один «крамольный» оттенок в виде низкопоклонства перед иностранщиной. Особенно усердствовал в антифренкелевской газетной писанине некий Львов. После его статей даже мне, бывшему довоенному аспиранту Якова Ильича, довелось ощущать холодок отчуждения со стороны сослуживцев. Какой же климат должен был складываться вокруг самого Якова Ильича!

Из этого периода вспоминается эпизод на фтамехе политехнического института, где мне довелось читать небольшой спецкурс по электродинамике СВЧ. Встретившись с Яковом Ильичом в коридоре, я решил отсалютовать ему выбеленной мелом рукой, но он ее ловко перехватил и, пожимая, сказал, что мел для педагога – не грязь, а благороднейший атрибут благороднейшей профессии. Мне было приятно видеть Якова Ильича в таком полушутливом настрое после очередной статьи о его «идеализме» во вчерашней газете. Но я размышлял – что лучше: промолчать об этой статье, будто я ее не читал, или высказать свое отношение к ней. Я решил действовать по второму варианту, сказав, что вся эта возмутительная история напоминает игру одной команды в одни незащищенные ворота и очень странно, что никто из именитых наших физиков не хочет ввязываться в эту игру. Где же их научная порядочность?

– Не надо расстраиваться, Гриша, – ответил Яков Ильич. – Так написано мне на роду. Дело в том, что я родился в день смерти Пушкина. Проклятая, невезучая дата. И тут же перешел к моим делам по радиоволноводам, вспомнил о моей статье, которую он представлял в «Журнал технической физики».

Я хорошо знал замечательное чувство юмора Якова Ильича, но в данном эпизоде, как говорится, было не до юмора. Каким гражданским мужеством и оптимизмом надо было обладать, чтобы в его положении не только читать лекции студентам, работать с аспирантами, но и читать по своей инициативе лекции для широких аудиторий по современным проблемам физики, не считаясь с тем, что его будут разглядывать как диковинный экземпляр «физического идеалиста», задавать подковыристые вопросы!

Признаться, при виде пометок бдительного философа на моей книге у меня закралось подозрение: не узрел ли он в ней крамольную попытку ученика Френкеля протащить «электродинамические идеи» своего учителя? И это при том, что в книге, изданной в год семидесятилетия Сталина, я имел неосторожность ни разу не упомянуть имя величайшего корифея науки, вождя и учителя, гениального зодчего коммунизма!

Не желая продолжать с Вольманом разговор о моей книге, я предложил ему:

– Давай ближе к делу: при разговоре с главными конструкторами проси назначения в отдел сорок первый. Он только еще формируется, я – врио начальника. Готов, как когда-то в 337-м орб, поработать твоим замом.

– Я в начальники не гожусь. Именно тогда, в 337-м, я показал свое неумение ладить с вышестоящими. С ними лучше через буфер. Поэтому давай так: я у тебя замом, а ты будешь буфером, – предложил Вольман.

С этим предложением мы оба зашли к Павлу Николаевичу, и вопрос тут же был решен. Теперь нам выпало поработать вместе в загадочной организации, структуру и задачи которой не мог понять даже Вольман – человек бывалый в номерных НИИ. Наш отдел, именовавшийся радиотехническим, должен был отвечать за разработку высокочастотных устройств: антенных, волноводных, радиопередающих, радиоприемных, – но каких именно, в каком радиодиапазоне, для чего? Об этом ни мы с Вольманом, ни начальники формировавшихся нами секторов, лабораторий – никто не имел ни малейшего представления. От главных конструкторов тоже невозможно было добиться какой-либо ясности: они были либо в разъездах, либо проводили совещания, – «банковали» то с теоретиками, то с немцами, то с руководителями координационных отделов, переведенных в КБ-1 все по тому же «списку шестидесяти», что и Вольман, Семаков, Лившиц, Бункин, Заксон, Колосов, Расплетин, я и многие другие. Было как-то обидно, что главные конструкторы при обсуждении общего технического замысла новой разработки ориентируются в основном на немцев и не считают нужным привлекать нас, отраслевых специалистов. Выходит, что на нас смотрят как на простых исполнителей, которым в свое время скажут, что делать «от сих до сих»? Или же мы еще не доросли до того, чтобы нам можно было доверять особо важные секреты? Забегая несколько вперед, должен сказать, что такое командно-административное отношение к отраслевым специалистам приводило к серьезным просчетам комплексников при выдаче технических заданий отраслевым подразделениям.

Прошло не мало времени, пока улеглись первые организационные неурядицы в КБ-1 и отделы начали получать технические задания по системе «Беркут». Нашему отделу было поручено разработать антенно-волноводные и приемо-передающие системы для многоканальной РЛС Б-200, предназначенной для одновременного слежения за большим числом самолетов и наводимых на них зенитных ракет и выдачи их точных координат. А для самих ракет мы разрабатывали приемоответчики, которые на каждый принятый от Б-200 зондирующий сигнал должны откликаться ответным радиосигналом. Технические задания на все эти работы нам выдавал координационный отдел за подписью его начальника А. А. Расплетина – заместителя главных конструкторов по станции Б-200.

Сотрудники лабораторий с головой окунулись в расчеты, эскизы макетов, в проверки вариантов облучателей антенн, волноводных узлов, резонаторов, ловлю проклятых КСВ – коэффициентов стоячей волны. Техники, измерявшие КСВ, придумали ему свою расшифровку: «Какая сволочь выдумала?»

В наши дела постоянно вникал Амо Сергеевич Елян, оказывал помощь в изготовлении макетов в опытном производстве. В одном из разговоров с ним мы с ведущим конструктором по антеннам Б-200 Заксоном вскользь высказались о необходимости иметь для антенных измерений ровную площадку, свободную от всяких предметов, деревьев и строений. Елян тоже как бы вскользь спросил о требуемых размерах площадки. А через два дня он вызвал меня к себе, показал распоряжение Совмина о передаче в КБ-1 площадки испытательного аэродрома номерного авиазавода и предложил вместе проехать осмотреть эту площадку. Она оказалась сверх всяких ожиданий: огромная территория аэродрома с травяным покрытием и дренажными канавами для стока воды, новый ангар, построенный пленными немцами из металлоконструкций, вывезенных из Германии, деревянное здание контрольно-диспетчерского пункта. В дальнем углу огороженной территории виднелась низина, заполненная водой, и на ней плавали дикие утки. Я мысленно представил себе, где будут установлены вышка со спецаппаратурой для антенных измерений, измерительные пункты. В ангаре разместятся лабораторные службы антенного полигона.

– Нравится? – спросил меня Елян.

– Не то слово, Амо Сергеевич. Я чувствую себя как тот казак, который не успел рот открыть, как туда сама полезла галушка.

– Не галушка, а вареник, искупавшийся в масле и сметане. И потом, как это

понимать: если вы – Вакула, то я – Пацюк, который знается с нечистой силой? Ну ладно, я не в обиде, но вы постарайтесь поскорее подготовить приказ для хозяйственников по оборудованию антенного полигона. А сейчас вернемся в КБ, надо созвониться с директором завода насчет выселения его хозяйства с этой территории.

Директор авиазавода ответил Еляну, что в распоряжении сказано о передаче площадки аэродрома, поэтому ангар передаче не подлежит. Елян ответил, что это называется крючкотворством, но если уважаемому директору так угодно, то будет специальное распоряжение и по ангару.

С тех, пор прошло всего лишь полгода, а на антенном полигоне уже проверяется по вышке экспериментальный макет высокочастотного тракта Б-200: антенны, передатчики, приемники. И ничего, что все это хозяйство еще капризничает, порой выдает всевозможные фокусы, – главное в том, что оно работает, а все фокусы и капризы – дело поправимое. Фактически макетный радиотракт уже готов к стыковке с аппаратурой макетного видеотракта – низкочастотной части станции.

На первый взгляд вполне успешно шли дела и с разработкой приемоответчика. Мощность ответчика, замеренная в лаборатории, с хорошим запасом была больше заданной. И не только по приборам, но и по яркому свечению неоновых индикаторов, по смачно трещавшим искрам на ногте, прикладываемом к фидеру. Аппаратура была признана готовой к облету на самолетах, чтобы убедиться, что можно устанавливать приемоответчики на ракетах. Но именно при облетах выяснилось, что дальность видимости сигналов ответчика на локаторе в десять раз меньше требуемой. В чем дело? Проходили сроки, близился Новый год, а ребус остался неразгаданным, и вокруг него зашевелились офицеры госбезопасности.

В этот довольно острый период Вольман все чаще начал жаловаться на плохое самочувствие. Прижимает сердце, особенно к концу дня. Наверное, от переутомления: до перехода в КБ-1 пришлось два года быть без отпуска, после перевода неудобно было начинать работу на новом месте с отпуска. Да и теперь – какой может быть разговор об отпуске при такой срочной работе?

Я посоветовал Осипу оформить себе санаторную карту и путевку – в декабре это не очень сложно, пообещал отпустить его, как своего зама, в отпуск хотя бы на время действия путевки. А пока начал его насильно выпроваживать с работы пораньше. Перед отъездом Вольмана в Сочи я посоветовал ему подать заявление на имя начальника КБ-1 Еляна об оказании материальной помощи на лечение и тут

же написал свое ходатайство на заявлении. Когда же референт докладывал это заявление Еляну, в кабинете Амо Сергеевича случайно оказался Расплетин. Услышав, о чем идет речь, он сказал:

– Вольмана сейчас нельзя отпускать. У них в отделе полный завал с приемоответчиком.

– Но ведь Кисунько ходатайствует. В отделе много специалистов, и там делаются ответчики не только для «Беркута». Разберутся, тем более Кисунько остается на месте. Доктор наук, – ответил Елян.

– Одно дело читать лекции, писать книжки и диссертации и совсем другое дело – самому сделать вещь.

По настоянию Расплетина Елян написал на заявлении: «В предоставлении отпуска воздержаться». Потом сообщил об этом по телефону мне, но я ответил, что Вольман уже в отпуске и речь идет только об оказании ему материальной помощи. Тогда Елян вызвал меня к себе и устроил мне разнос за нарушение порядка предоставления отпусков руководящему составу, состоящему в номенклатуре начальника КБ-1. Я ответил, что отпуск оформлен отделом кадров, который, вероятно, счел достаточным моего согласия как начальника отдела на отпуск своего зама. После этого телефонная буря прошла из кабинета Еляна в отдел кадров, а Расплетин решил добавить оборотов разбушевавшемуся Амо Сергеевичу:

– Я прошу отозвать Вольмана из отпуска. Иначе я как зам. главного конструктора снимаю с себя ответственность за срыв сроков по приемоответчику.

– А я как начальник отдела снимаю с себя ответственность за все работы, если вместо меня в отделе начнут безответственно командовать все, кому захочется, – ответил я и добавил, обращаясь к Расплетину:

– Тем более что вы прекрасно знаете, что Вольман – чистый антенщик и никакого отношения к приемоответчикам не имеет.

Елян как-то сразу успокоился и примиряюще сказал:

– Может быть, пусть все же человек отдохнет? Если бы не уехал – тогда другое дело. Давайте не торопиться, подумайте.

Но через полчаса он опять позвонил мне и приказал немедленно представить ему на подпись завизированную телеграмму с вызовом Вольмана из Сочи. Я сразу же передал ему через референта бланк телеграммы, на котором было написано: «Амо Сергеевич! Очень Вас прошу не вызывать Вольмана из отпуска». На это Амо Сергеевич ответил мне по телефону:

– Сообщаю мою устную резолюцию на вашу «телеграмму»: «Вы упрямец!» – Но сказано это было с нарочитой притворной строгостью. Значит, буря миновала.

Все же через несколько дней за подписью полковника Кутепова был послан телеграфный вызов Вольману в Сочи. Об этом не знали ни я, ни Елян. Я был удивлен, увидев вошедшего ко мне в кабинет Вольмана, по-детски растерянного, виновато улыбающегося, с правительственной телеграммой в руке. С ним успели «поговорить» кутеповские молодцы-госбезопасники. Обвинили, что он сбежал в отпуск, обойдя руководство, в самый сложный момент дезертировал. Грозили тем, что он может попасть в спецконтингент и там уж ему помогут всерьез заняться делами «Беркута». Говорили многое, от чего этот мягкий, впечатлительный человек, добросовестный работяга, долго не мог прийти в себя. У него был нездоровый цвет лица, я его как мог успокаивал и отправил домой на отдельской «Победе».

На следующий день Вольмана видели на пути от троллейбусной остановки к проходной, где он часто останавливался, прислоняясь к троллейбусным столбам. От проходной прошел, пошатываясь, в одну из лабораторий. А вскоре из этой лаборатории позвонили в санчасть. Его уложили на лабораторном столе, кто-то расстегнул ему воротник рубашки, кто-то подносил ему стакан с водой. Из санчасти ответили, что у врача нет пропуска в лаборатории. В бюро пропусков сказали, что заявку на разовый пропуск надо подавать через начальника режима за сутки. Санитарной машины в санчасти не было, а отдельская «Победа» тоже не имела пропуска на территорию КБ-1. Врач по телефону посоветовала вывести больного к проходной (или вынести, если не может идти) и посадить в машину. В машине Вольман попросил доставить его в поликлинику для ученых, к которой он прикреплен. Но скоро ему стало плохо, и, когда машина подъехала к площади Маяковского, он умер. Машина завернула к институту Склифосовского, и там приняли еще не остывшее тело умершего.

В этот день я впервые услышал короткое и резкое, как звук выстрела, слово: «Инфаркт». Да, именно как выстрел, которым жестокие бездушные люди (а точнее – нелюди) убили учёного из плеяды создателей первых отечественных радиолокаторов РУС-2. Хотя, похоже, что целились не в него.

Случилось так, что в то самое время, когда машина с агонизирующим Вольманом проезжала через площадь Маяковского, я находился совсем рядом, в здании, где сейчас ресторан «Пекин». Тогда это здание было обнесено высоким дощатым

забором с колючей проволокой, пройти к нему можно было по обшитому досками туннелю, упиравшемуся в бюро пропусков. Дальше с разовым пропуском надо было пройти через пост между двух солдат МВД с винтовками в просторный вестибюль, в котором мне запомнился указатель в виде фанерной дощечки с нарисованной на ней стрелкой и выведенной каракулями надписью: «ГУЛАГ». Все это было намазюкано – иначе не скажешь – чем-то вроде дегтя. К счастью, мне надо было идти в другую сторону, где размещалась организация, именуемая «Московский филиал Ленгипростроя». Она проектировала все сооружения системы «Беркут». В будущем «Пекине» размещались не только рабочие помещения этой организации, но и жилье для прикомандированных к ней из Ленинграда сотрудников. Здесь, в кабинете главного инженера, в здании, напичканном конторами МВД и МГБ, меня разыскала по телефону секретарша и сообщила о смерти Вольмана.

Администрация предприятия отказалась материально субсидировать похороны, ограничившись лишь выделением автобуса. Помощь семье по расходам на похороны была оказана в складчину друзьями покойного по прежнему месту работы. Мною были сняты из сберкассы деньги от гонорара за книгу и вручены вдове, как якобы собранные сотрудниками КБ-1.

Вернувшись с похорон к себе в отдел, я увидел на столе машинописную брошюру с кратким рефератом по одному из трофейных отчетов фирмы «Телефункен». Раскрыв ее, сразу же настолько увлекся чтением, что даже забыл снять фуражку, шинель и сесть за стол. Поразительно просто раскрывается ларчик с ответчиком: основная его мощность генерируется на совсем другой, паразитной волне, а на нужную волну приходится ничтожная мощность по сравнению с паразитной. Из лаконично составленного документа сразу же улавливался и метод, которым можно заставить ответчик генерировать нужную мощность в нужном радиодиапазоне и подавить «паразитов». Надо обзавестись многодиапазонным контролем частоты при отработке генератора.

Я вызвал кнопкой секретаршу, спросил ее, почти потрясая перед нею брошюрой:

– Откуда это?

– Это для вас лично прислал Павел Николаевич. А там... что-нибудь плохое?

– Наоборот. Спасибо, на сегодня вы свободны.

«Пожар» с ответчиками, в котором так трагически погиб без вины виноватый Вольман, был быстро погашен. Но остались от него тлеющие угли межличностных отношений, готовые вспыхнуть в подходящий момент с новой силой. И невозможно

было предсказать, где и когда произойдет эта вспышка и кому суждено в ней сгореть. Зато мне было ясно, кто будет раздувать эти угли и подливать масло в огонь. Но зачем ему это нужно?

В ту пору, задавая себе этот вопрос, я еще не созрел для понимания того, что в любом деле возможны ситуации типа Моцарта и Сальери. Я был в плену наивных представлений, что «правда свое возьмет». Забыл я, что ли, что при аресте моего отца, когда мать протянула ему наспех собранный узелок, он сказал: «Не надо. Иду не надолго. Правда свое возьмет». Увы! – правда, в которую он верил, верили его родные и близкие, была просто расстреляна в энкаведецком подвале или, может быть, «на свежем воздухе» у края ямы, наполовину уже заполненной телами расстрелянных «врагов народа».

Нет, ничего этого я не забыл. Но и не мог не верить в правду, в то, что она рано или поздно свое возьмет. Человек не может жить без веры и надежды. И я надеялся, что маховик наших отношений с Расплетиным не пойдет в разрушительный разнос. Должен же одуматься Александр Андреевич после трагедии с Вольманом! Да и что нам делить? К чему злобствовать? Оба вдоволь нахлебались шилом патоки: я – как сын кулака, расстрелянного НКВД в 1938-м, он – как сын купца, расстрелянного в 1918-м при подавлении контрреволюционного мятежа в Рыбинске. Я полагал, что человек, познавший беду, должен быть обостренно сострадательным к чужой беде и осмотрительным, чтобы не навлечь беду на другого, а, наоборот, помочь ему в беде. И только явная патология может вызывать у такого человека желание и других заставить испытать что-нибудь похожее на то, что испытал он сам.

А может быть, он, как зам. главного конструктора, видит во мне соперника, навострившегося перебежать ему дорогу, и старается сбить в глазах начальства мое реноме как перспективного молодого доктора наук? Но я терпеть не могу – быть чьим-то замом. Лучше маленький сам, чем большой зам – причем явно исполнительского толка в структуре, где все принципиальные вопросы решаются главными конструкторами напрямую с теоретиками и немецкими специалистами.

К тому же я не из того замеса, чтобы кому-то перебегать дорогу, устраивать подвохи и интриги. К сожалению, я не умею даже отбиваться от подстраиваемых мне пакостей.

Глава девятая

А потом заморский атом

под прицелом нас держал,
городам и нашим хатам
супербомбой угрожал.

В кабинете Павла Николаевича, куда я был вызван, уже находились Расплетин, Томашевич со своим замом Зыриным и Заксон. На большом столе в стороне от письменного стола Павла Николаевича были разложены ватманы с набросками общего вида антенн станции Б-200. У грузного, шароподобного, но, несмотря на это, необыкновенно подвижного Заксона был вид молодого разъярившегося бычка, только что отбодавшегося от нападавших на него волков и приготовившегося к отражению очередной их атаки. В передышке он нервными движениями пальцев протирал платком толстые стекла массивных очков, то и дело придыхая на них, чтобы запотели. Его сильно близорукие глаза учащенно мигали, словно бы сигнализируя хозяину о пропаже очков.

– Вот Михаил Борисович отказывается подписать общие виды антенн, – сказал Зырин, кивая на Заксона. – И это несмотря на то, что ватманы уже подписаны Александром Андреевичем Расплетиным. Нам надо успеть к сроку выпустить рабочие чертежи, а общие виды представителями вашего отдела еще не согласованы.

– Такие общие виды ни Михаил Борисович, ни я не подпишем. Мы можем гарантировать требуемую диаграмму излучения только при плоской форме излучающих раскрывов, а вы предлагаете их дугообразными.

– Зато, – настаивал Зырин, – в нашем варианте роторы антенн будут совершенно круглыми, вроде огромных точильных кругов, и вращаться они будут практически без сопротивления воздуха. А в вашем варианте вместо кругов – треугольники. Два треугольных лопуха, размером каждый с двухэтажный дом, насаженные на общий вал, при вращении со скоростью шестьсот оборотов в минуту создадут такой ветродуй... – Зырин, выпалив эти слова скорым говорком, замолк, считая, что вопрос с ветродуем яснее ясного.

– Если они так боятся ветра, – сказал Заксон, – то я уже предлагал дополнить треугольник до окружности неметаллическими накладками в виде сегментов.

– Но мы не знаем таких неметаллических материалов, существуют ли они вообще, – не сдавался Зырин.

– На это я заметил, что обязанность конструкторов – знать все конструкционные материалы, в том числе неметаллические.

– Павел Николаевич, эти споры у нас идут давно, – вмешался Томашевич, – и мы ничего нового друг другу не скажем. Тут нужно чье-то окончательное решение. Может быть, ваше лично.

– Антенну с треугольными роторами мы проектировать отказываемся, – не унимался Зырин. – Пусть такую конструкцию передают другому отделу, а мы, слава Богу, не безработные. К тому же у нас из-за ваших антенн может сорваться наша серьезная основная работа, мы напишем об этом докладную на имя Серго Лаврентьевича.

Зырин явно намекал на разрабатываемый отделом № 32 вариант зенитной ракеты, особо опекаемой обоими главными конструкторами.

Неизвестно, подействовала ли на Павла Николаевича угроза срыва работ по зенитной ракете, или ему просто надоела вся эта перепалка между конструкторами и антенщиками, но он сказал:

– Хорошо, примем решение. Пусть компромиссные обводы раскрывов на роторах антенн назначит Александр Андреевич, мой заместитель, и все здесь присутствующие подпишут общие виды антенн в предложенном им варианте.

– Я предлагаю контуры раскрывов провести посередине меж окружностью, предлагаемой конструкторами, и вписанным треугольником, который предлагают антенщики. Тогда треугольник получится с выпукло-округленными сторонами, – почти как круг.

«Компромиссный» контур был тут же прорисован, с ним согласились конструкторы, но мы с Заксоном решительно возражали. Правда, мы не могли сказать, как повлияет искривление раскрыва антенны на ее характеристики. Такие варианты нигде никем не применялись, не было методик их расчета, и для их оценки необходим весьма трудоемкий эксперимент на макетном образце антенной секции.

– Вот и проэкспериментируем на первом образце антенны, – заметил на это Павел Николаевич.

– Но на чертежах, – добавил Расплетин, – никаких оговорок по этому вопросу не должно быть, ибо мы должны запускать серийное производство, не дожидаясь экспериментов.

Мои и Заксона возражения выглядели как упрямство, хотя мы предупреждали, что изделия, запущенные в производство без экспериментальной проверки, все равно придется переделывать, а может быть, и выбрасывать. Но, в конце концов,

«упрямцев» уломали, общие виды были подписаны.

«Компромиссное» решение отомстило за себя сразу же после монтажа и проверки по самолетам первого экспериментального комплекта антенн. Проверку проводили инженеры из расплетинского отдела, но результаты хранились в тайне от меня и Заксона. Нас пригласили только на официальное обсуждение у Павла Николаевича. Оказалось, что антенна со скругленным раскрывом формирует веерный луч с большими искажениями, возрастающими от центрального направления веера к его краям. Вздутые части веерного луча на его краях докладчик с ухмылкой назвал «заксоновскими ушами», и вообще, во всем докладе сквозил душок едкого злорадства в адрес антенщиков. Было ясно, что при такой форме антенного луча будет падать дальность действия и точность определения координат, особенно на краях рабочего сектора станции. После окончания доклада взоры всех присутствующих обратились ко мне и Заксону.

– Что и требовалось доказать, – спокойно, с улыбочкой, проронил Заксон. – Теперь уже всем должно быть ясно, что вместо закругленных раскрывов надо делать плоские.

– И вы это так спокойно говорите? – возмутился Расплетин.

– А я уже достаточно покипятился, когда старался доказывать это раньше, в том числе и вам.

– Что будем делать? – спокойно, будто не замечая перепалки, спросил Павел Николаевич, обращаясь взглядом то ко мне, то к Заксону.

Я ответил, что лучше всего было бы вернуться к плоским раскрывам, как предлагает Михаил Борисович.

– Но тогда придется выбросить и конструкторский и производственный задел. Чтобы сохранить задел, – конечно, с доработками, – лучше всего на каждом дуговом раскрыве как бы срезать по хорде среднюю часть дуги, а по краям сделать накладки – «законцовки». Тогда каждый ротор будет иметь форму обычного правильного треугольника, но со срезанными углами в пределах существующих радиальных габаритов ротора.

– Черт знает что такое! – выпалил Расплетин. – На заводах уже столько наклепали таких антенн – и все это опять переделывать? Это хуже, чем выбросить.

– Что хуже, а что лучше, – ответил я, – это надо решать с конструкторами и технологами. Но на этот раз нам уже никак нельзя промахнуться. Я прошу, Павел Николаевич, дать нам одну из долек любого ротора на полное «раскурочивание»

для экспериментальной отработки «законцовок» с проверкой на заводском антенном полигоне. И все это делать прямо на заводе, с участием конструкторов наших и заводских, с переселением туда одной из наших лабораторий и, конечно же, Михаила Борисовича.

– Это само собой... Мы привычные, – разведя руками и добродушно улыбаясь, ответил Заксон.

Я понимал, что под маской добродушной улыбки у него все кипело внутри. Как, впрочем, и у меня. Оба мы чувствовали себя и свою антенную профессию отомщенными за волевые «компромиссные» решения дилетантов. Но эти чувства были далеки от злорадства, ибо слишком дорогой оказалась цена отмщения. Во всяком случае, у меня закипала злость на самого себя за допущенное соглашательство с теми, кто силой навязали мне и Заксону «компромиссный вариант», а теперь не прочь поострить насчет «заксоновских ушей». Невольно вспомнились слова Вольмана: «Здесь на тебя будут орать неучи, стараться ездить на тебе всякие ловкачи, да еще и погонять...»

Лабораторно-макетные работы по законцовкам мы организовали сразу на двух антенных полигонах круглосуточно. Основные силы сосредоточены на полигоне серийного завода под руководством Заксона, часть экспериментов велась на антенном полигоне КБ-1 под моим постоянным присмотром. Ребята из отдела – инженеры, техники, механики – посменно работают и тут же отдыхают, не выходя с охраняемой полигонной территории. Мы с Заксоном приспособились регулярно бывать на площадках друг у друга, знакомиться с результатами, договариваться об уточнениях и взаимоувязке планов работ, и каждый на своей площадке – следить за передачей и уточнениями заданий от смены к смене и за возникающими в работе «утыками». А «утыков» – хоть отбавляй, и разгадать их бывает крайне трудно. Нередки бывали ошибки измерений от усталости самих ребят, работавших круглосуточно, а отдыхавших урывками. Пробовали каждое измерение повторять двумя, тремя лицами, и тогда возникала проблема: как отличить ошибки человека от инструментальных ошибок при измерениях? Однажды несколько дней потратили на разгадку странных результатов антенных измерений, пока кто-то не обратил внимание на то, что непонятные всплески в диаграмме антенны получаются с направлений, где находится заводской забор. Но откуда такое непостоянство в положениях этих всплесков? Оказалось, что это зависит от того, где находится во время измерений часовой с винтовкой, совершающий обход вдоль забора. Значит,

на результаты измерений влияют отражения радиоизлучений от металлических частей винтовки.

Большая трудность для меня лично и для Заксона заключалась в том, что высокому начальству, обеспокоенному состоянием работ, невозможно было объяснить технологию их проведения. Поэтому начальство оказывалось в неведении относительно того, движется ли дело в нужную сторону или стоит на месте. Это усугубляло нервозность обстановки, которая обрушивалась на нас с Заксоном.

В одну из ночей меня прямо с антенного полигона вызвал главный инженер ТГУ Валерий Дмитриевич Калмыков для доклада, со всеми имеющимися материалами. А материалы – это графики и таблицы на листах миллиметровки, сшитых в засекреченные блокноты, прошнурованные, пронумерованные и просургученные секретной частью. Но я на ночь отпускал с площадки работников секретной части, и поэтому у меня не было возможности опечатать в пакете нужные мне блокноты в связи с вызовом в ТГУ. Не было и вооруженного сопровождающего, без которого не разрешалось ехать даже с опечатанными секретными документами. Пришлось ехать без всех этих мер, просто завернув блокноты в газету.

В кабинете Калмыкова меня ждали, кроме самого Калмыкова, начальник ТГУ Василий Михайлович Рябиков и начальник ПГУ Борис Львович Ванников. О Ванникове я много слышал, но видел его впервые. Его фамилию вышколенные на секретности люди вообще старались не произносить, а называли его «условным обозначением» по инициалам: БЛ (так же, впрочем, как мы называли Рябикова его инициалами: ВМ).

Поздоровавшись со мной, Ванников начал задавать мне вопросы, как будто именно он, а не Рябиков и Калмыков, был хозяином в этом кабинете ТГУ.

Признаться, я изрядно оробел, оказавшись перед легендарным начальником Первого Главного управления при Совмине СССР, ведавшего всеми атомными делами в СССР. Но это быстро прошло, и я доложил об организации экспериментальных работ на двух площадках, а затем, разложив свои блокноты, перешел к графикам и таблицам.

– А вот из этого графика видно, что...

– Из этих графиков мне и подавно ничего не видно, – перебил меня Ванников, – если даже вам, доктору наук, приходится ломать над ними голову. Вы лучше скажите, когда будут готовы откорректированные чертежи антенн с этими, как их...

законцовками?

– Это пока что трудно сказать, потому что...

– Ну, сколько пудов вот такой бумаги вам надо еще подкинуть, чтобы не трудно было сказать? – снова перебил меня Борис Львович, при этом как бы взвешивая на руке один из моих блокнотов.

– Дело не в бумаге, а в необходимости изготовления разных вариантов и подвариантов макетов, на которых потом наши антенщики должны провести электрические измерения и выбрать наилучший вариант. Да и для измерений не хватает стендов.

– Василий Михайлович, – обратился Ванников к Рябикову, – у тебя все ученые такие застенчивые? У него мало стендов, людей, ему медленно изготавливают макеты, а он стесняется нажать на своих начальников. На твоем месте я бы хорошенько взбодрил и Еляна, и директора завода, чтобы лично помогали своим антенщикам. А что касается сроков, то, поскольку вам его трудно назвать, придется это сделать мне: через неделю чертежи доработанных антенн должны быть готовы. Мне Лаврентий Павлович поручил только заглянуть в ваши дела и доложить ему свое мнение. Так вот, я доложу, что этот срок назвал ты, Василий Михайлович, со своим доктором наук. Ровно через неделю я прибуду к тебе, чтобы присутствовать при подписании чертежей общего вида.

Меня отпустили, но передо мной встала новая загвоздка. При выходе из ТГУ солдат в синей фуражке с винтовкой, повертев мой пропуск и взглянув на блокноты, сказал: «На это нужен отдельный пропуск из секретной части». Пришлось вернуться к Калмыкову и рассказать, как были привезены блокноты. Калмыков вызвал начальника секретной части, приказал опечатать блокноты и выдать пропуск на вынос пакета. Но секретчик ответил:

– Не имею права. Материал у нас не вскрывался. Надо составить акт о нарушении инструкции...

– Материал в таком виде мы привезли сюда в моей машине, а теперь майор должен забрать его обратно. Вам этого достаточно?

– Видя, что секретчик мнется, Калмыков почти гаркнул:

– Живо выполняйте!

Через неделю мы с Заксоном и Зыриным на заводском антенном полигоне подписали тут же исполненный на пергамине эскиз директивных размеров законцовок для изделий А-11 и А-12 и в опечатанном виде повезли его к Рябикову.

Туда же прибыли Д. Ф. Устинов и Б. Л. Ванников. Ванников встретил меня как старого знакомого – с шуточками-прибауточками. Его, видно, уже проинформировали о положении дел.

– Ну-ка, разворачивайте ваш папирус. Посмотрим, за что боролись... Э, да это же не общие виды, а какой-то эскиз. Нас с тобой надули, Василий Михайлович!

– Общие виды у нас в КБ-1 на основании этого эскиза уже откорректированы, – сказал Зырин. – У конструкторов к антенщикам нет вопросов.

– Но антенщики, я уверен, захотят завтра же что-то улучшить, менять, и от этого эскиза останутся рожки да ножки, сказал Ванников. – Поэтому давай, Михаил Васильевич, и мы с тобой поставим свои автографы на этой бумаге, да еще попросим присоединиться к нам министра – Дмитрия Федоровича Устинова. Ведь это его заводам придется расхлебывать всю эту антенную кашу.

Когда все три высокие подписи были поставлены, Ванников спохватился:

– Василий Михайлович, как же это мы с тобой подписали такую бумагу без твоего главного ученого – Щукина?

– Он такими делами не занимается. Он возглавляет у нас научно-технический совет, который рассматривает наиболее важные научно-технические вопросы, – ответил Рябиков.

– Странно. Оказывается, все мы колготились в эти суматошные дни вокруг ерундового вопроса. А вот мои академики тоже занимаются важными вопросами, но не оставляют меня, дурака, в беде и на ерундовых вопросах. Теперь я понял, что ТГУ означает – Тяжелое Главное управление.

– А ПГУ? – спросил Рябиков.

– Полегче Главное управление.

Тем временем явился вызванный Рябиковым А. Н. Щукин и, помявшись, тоже поставил свою подпись на эскизе, после чего Ванников сказал:

– Значит, такой уговор: вместе подписывались, – значит, никому никаких изменений без согласования с остальными не вносить.

Станции Б-200 проектировались как капитальные стационарные объекты с размещением их аппаратуры в бетонированных казематах, обвалованных землей и замаскированных травяным покрытием под живописные лесные холмики. Но по внутренним планам КБ-1 предусматривалось упреждающее запуск в серийное производство создание экспериментального макета с сокращенным составом аппаратуры, размещаемой в автофургонах по типу фургонов (кабин), применяемых

в станциях орудийной наводки. В составе этого макета наш радиотехнический отдел оборудовал кабину «Р» радиотракта, состыкованную на входе по волноводам с антеннами, смонтированными на зенитно-артиллерииских тележках КЗУ-16. На выходе аппаратура радиотракта должна была стыковаться по кабелям с аппаратурой «А» видеотракта, начинку которой по правилам секретности мне знать не полагалось. Исходя из общих соображений, я понимал, что это должна быть аппаратура автоматического сопровождения самолетов и зенитных ракет, определения их координат и выработки команд управления для передачи их на зенитные ракеты. Однако как разработчики собираются решать эти задачи одновременно по двадцати целям и по 1-2 ракетам на каждую цель, – об этом я не имел никакого представления. Да у меня и не было времени вникать в эти вопросы, так как хватало своих забот по радиотракту.

Однажды от знакомого инженера из ленинградского НИИ я случайно узнал, что в состав видеотракта кроме кабины «А» должна входить еще кабина «Б» со счетно-решающими устройствами, которую поручено разрабатывать этому НИИ по заданию КБ-1. При этом мой знакомый очень скептически отозвался о техническом задании КБ-1, уверяя, что, по мнению специалистов, аппаратура, разработанная по этому заданию, не будет работать, и это же относится к аппаратуре кабины «А».

– Мы пытались обратить на это внимание представителей КБ-1, но убедились, что с вашим п/я лучше не спорить. Сделаем все точно по вашему заданию – и забирайте свой хлам, делайте с ним что хотите.

После этого разговора я начал догадываться о причинах задержки аппаратуры координатных систем для кабины «А», с которой должна была стыковаться фактически уже готовая аппаратура радиотракта. Похоже, что у разработчиков что-то не вяжется в самом принципе построения аппаратуры, и это подтвердилось последовавшими вскоре событиями, в которых решающую роль суждено было сыграть немецким специалистам.

Для меня эти события начались с того, что мне было приказано откомандировать в какую-то сверхсекретную комиссию начальника сектора радиоприемных устройств А. А. Колосова. Потом полковник Кутепов Г. Я. приказал мне организовать ознакомление группы немцев из отдела Панфилова Н. В. с высокочастотной частью Б-200, причем сделать это надо обстоятельно, чтобы у немцев не оставалось никаких неясных вопросов. Я спросил: «А как быть, если немцы начнут интересоваться рабочими частотами?» – на что получил ответ:

– Рассказывать надо обо всем, что они спросят.

– Но... это же секрет особой важности.

– Григорий Васильевич, вы большой специалист в своей области, и в отношениях с немцами вам надо действовать в пределах своей специальности. А по тем другим вопросам, которые вас смущают, у нас есть другие специалисты, которые свое дело знают не хуже, чем вы свое.

На встречу с немцами мы пошли вдвоем с Заксоном. Я отвечал на их вопросы, но меня самого неотступно преследовала мысль о том, на что же рассчитывают те самые «другие специалисты», которых не смущает, что немцам станут известны секреты особой важности.

Прошло немного времени, и я был приглашен на большое совещание с участием Еляна, Куксенко и Сергея Берия. Там были Кутепов и все подопечные ему офицеры госбезопасности, все руководители научных отделов, ведущие специалисты из подразделений по видеотракту.

Совещание открыл СЛ. Сначала он провел почти по-детски открытым взглядом по огромному кабинету, не фиксируясь ни на ком из присутствующих. Затем по-девичьи мягко опустил глаза, полуприкрыв их длинными ресницами и как бы разглядывая перед собой что-то на столе. Наконец вскинул взгляд куда-то поверх голов присутствующих и тихим голосом начал свою речь:

– Группа немецких специалистов, работавших по нашему с Павлом Николаевичем заданию, нашла очень удачный метод наведения зенитных ракет на цели, а для реализации этого метода предложила построение координатных и счетно-решающих устройств полностью на электронных схемах. Поэтому сейчас всем специалистам, занимавшимся видеотрактом Б-200 по техническим заданиям Александра Андреевича Расплетина, надо без промедлений приступить к изучению научно-технических материалов немецких специалистов и к их быстрейшей реализации в станции Б-200. Теоретикам – ознакомиться с предложенным немецкими специалистами «методом С» и переориентировать на этот метод всю дальнейшую разработку контура управления зенитными ракетами. Предварительные контакты специалистов по этим вопросам уже состоялись, и сегодня хотелось бы услышать мнения о том, как наиболее эффективно организовать эту работу, какие выявились трудности.

Первым взял слово технический руководитель отдела № 38, в котором работали немцы – авторы системы «АЖ», упомянутые во вступительной речи Серго:

– По указанию руководства мы уже успели ознакомить с материалами системы «АЖ» специалистов от товарища Расплетина, а немецких специалистов – с высокочастотной частью станции Б-200, разрабатываемой в отделе товарища Кисунько. Немцы считают, что предлагаемая ими система «АЖ» состыкуется с высокочастотной аппаратурой без каких-либо доработок последней.

– А как идет освоение системы «АЖ» нашими специалистами?

– У нас создана рабочая группа. Но ее работа не закончена, – ответил Расплетин.

– Прошу высказаться руководителя рабочей группы. Хотя бы предварительное мнение, – сказал Серго.

– Большинство наших специалистов в рабочей группе склоняется к мнению, что система «АЖ» не будет работать. В ней предлагается применить схемы на кварцах, которые для эксплуатации не пригодны.

– И что же предлагает это большинство?

– Вместо системы «АЖ» предлагается система «БЖ», в которой вместо капризных кварцев будут надежные фантастроны.

Серго потеребил усики, потвердевшим взглядом резанул по всему кабинету, на какой-то миг задержался на Расплетине, жестко отрезал:

– Будем считать это рацпредложением к системе «АЖ», и пусть его рассмотрят немецкие специалисты. Как они скажут – так и будем делать. Нам хорошо известны настроения некоторых наших специалистов, мы точно знаем, кто, что, когда, где и с кем говорит о системе «АЖ». Советуем прекратить всю эту игру самолюбий и заняться делом.

Серго, задавая вопросы, лучше, чем кто другой, знал, что происходит в рабочей группе, и знал, какие могут быть ответы на эти вопросы. Знал он и подоплеку всего происходящего. «Нашенские» ребята, оказавшись перед фактом, что немцы «утерли им нос», начали придираться ко всяким несущественным деталям в проекте немцев. Их тактика состояла в том, чтобы изчезло само название системы под шифром «АЖ». Система должна была быть забракована из-за ловко подысканной мелочи, а потом ее же, но под другим названием можно будет предложить от других авторов. А для этого надо эту мелочь раздуть как некий принципиальный вопрос, и в спорах утонет суть новизны системы «АЖ», как сугубо электронной, в отличие от системы «А», которую пытались смастерить наши ребята по заданию Расплетина на электромеханических элементах. Но и у немцев заговорило авторское самолюбие,

и они упорно стояли на своем даже в несущественных, второстепенных деталях. Поэтому рабочая группа яростно схлестывалась с немцами.

Видимо, главные конструкторы разгадали и роль Расплетина в этом деле: сам оставаясь в тени, он играл на самолюбии наиболее горячих и шумливых из своих ребят. Поэтому вскоре отдел Расплетина был объединен с отделом русских координатчиков и с «немецко-русским» отделом Панфилова. В объединенном отделе под командой Панфилова враждующие стороны оказались как бы в одной лодке, в которой плыть или тонуть – только вместе. Но номер объединенному отделу был сохранен от номера отдела, ранее возглавлявшегося Расплетиным, который теперь оказался заместителем главных конструкторов по станции Б-200 вне какого-либо отдела.

Жестокие сроки не давали времени для бесплодных дискуссий, и система «АЖ» получила путевку в жизнь.

Теперь уже над нею трудилось множество людей в лабораториях, в конструкторском отделе, в технологических службах, на заводе. И сами немцы не остались в стороне от стремительно разворачивающихся работ по созданию координатных блоков системы «АЖ» и в святая святых теоретического отдела, подчиненного напрямую главным конструкторам без каких-либо замов, где отрабатывались технические параметры системы управления ракетами по предложенному немцами «методу С».

Вихри живого дела забрасывали немцев и в заводские цеха, и даже – к ужасу работников режимных органов и к моему удивлению – на испытательный полигон в Капъяре, куда и русских допускали с очень придирчивым отбором. В совместной работе русские и немецкие специалисты быстро нашли общий язык, тем более что некоторые немцы хорошо овладели русским языком и стали, что называется, своими парнями, на «ты» с нашими ребятами-координатчиками.

Однако первые координатные блоки «АЖ», изготовленные в опытном производстве КБ-1, удалось настроить с большим трудом, и только благодаря виртуозности немецких умельцев. На серийном заводе таких умельцев не было, и большая партия блоков, выставленная в настроечных цехах головного завода, оказалась грудой железа, не послушной человеческой воле.

Не помогали ни обещания бешеных денег настройщикам, ни командирование на завод по приказу самого Л. П. Берия в качестве настройщиков лучших разработчиков радиоэлектронной аппаратуры из других промышленных НИИ.

Главные инженеры этих НИИ лично возглавляли бригады своих специалистов, производивших круглосуточно настройку отведенных им «линеек» шкафов координатных блоков. Но настройка все равно не ладилась. Консультации представителей КБ-1 тоже были бесполезны: специалистам КБ-1 надо было еще у себя в лабораториях с помощью немцев познать детские болезни «АЖ», провести доработку аппаратуры сначала местными подпайками, а затем откорректировать конструкторскую документацию, проверить корректировку производством.

На головной завод сплошным потоком шли приказы на изменения конструкторской документации, нередко отменяющие друг друга, и это еще более обостряло кризисную ситуацию на заводе. Кое-кто злорадствовал: мол, говорили же мы, что «АЖ» не будет работать.

В этих условиях завод, имея жесткие сроки выпуска аппаратуры, контролируемого и министерством, и ТГУ, и специальным аппаратом при Берия, не выпустил ни одного координатного шкафа. В связи с этим в КБ-1 по личному заданию Берия приехали Ванников и Рябиков. По их указанию в кабинет Еляна были вызваны начальники отделов КБ-1 и ведущие специалисты, представители заводов и министерства.

– Что же вы, голубчики, опять пустили коту под хвост всю программу завода по координатным блокам? – спросил Ванников. – И опять Василия Михайловича и даже меня впутали в это дело. Или вы думаете, что у меня своих дел нет?

Ванникова Берия уже не первый раз подключал по «пожарным» делам к «Беркуту», словно бы не полагаясь на Рябикова или желая ему помочь опытом Ванникова, приставленного правительством к Курчатову и поднявшего на ноги атомные дела. Сам Рябиков вряд ли был в восторге от такого шефства, навязываемого ему сверху, но внешне этого не проявлял, тем более что Борис Львович осуществлял свою миссию ненавязчиво, с большим тактом. Он был человеком большого ума, большого опыта, динамичным и внешне и внутренне, остроумным, вносившим непередаваемую неугомонность и живость во всякое дело, к которому прикасался.

– Вам что? – продолжал он. – Написал приказ на изменение чертежей, послал на завод, бумага все стерпит. А на заводе – железо, оно не терпит таких фокусов, железо стонет от ваших бумаг. Вы завод поставили на карачки. Вы хоть понимаете это? Все, что сделано, – на свалку, и начинай сначала. Когда-нибудь кончатся эти изменения?

– Мы все это понимаем. Но если ничего не менять, то аппаратура не заработает, – ответил Павел Николаевич Куксенко.

– Ну, знаешь, если нам, старикам, каждый день менять, да еще молодых, то и у нас заработает. Но это уже не та работа.

Все присутствующие грохнули хохотом, кроме Павла Николаевича, который заерзал на стуле, пожевал губами и с гордой осанкой откинулся назад, как бы высказывая возмущение столь глупой по его понятиям шуткой. А Ванников, кругленький, подвижный, укоризненно покачал выбритой лысой головой, прищурил и без того узкие щелки глаз, прогнал с лица редкозубую улыбку, с деланной строгостью набросился на смеющихся:

– Регочете, потому что молодые и глупые. А нам от таких шуток плакать хочется. Но я ведь без смеха, Павел Николаевич. Неужели все изменения так необходимы? Может быть, можно доработать аппаратуру, не выбрасывая задел?

– Тут уж ничего не поделаешь. Мы в самом начале предупреждали, что запуск серийного производства до проведения испытаний головного образца чревато бросовыми работами. Нам сказали, что на это придется пойти, потому что время – деньги.

– Оно-то чревато, но такое чрево нагулять – это тоже надо уметь. Давайте так договоримся: вы на завод никаких бумаг не посылали, а завод их не получал. Пусть заводские и ваши конструкторы соберутся вместе и прожуют эти бумаги так, чтобы задел не выбрасывать. Оставить только минимум изменений, действительно необходимый для того, чтобы все, как вы говорите, заработало. А конструкторам за сохранение задела подкинем премию. Правильно я говорю, Василий Михайлович?

– Оно-то правильно, но мы уже все варианты перепробовали и убедились, что сделанную партию аппаратуры придется выбросить. Лучше начинать новую партию по новой документации, – ответил за Рябикова Куксенко.

– Тогда слушайте меня внимательно. Я уразумел из нашего разговора и собираюсь доложить ЛП, что все вы здесь забыли, что такое ответственность. Поэтому надо заставить КБ-1 отвечать за выпуск первой партии изделий на заводе. Пока эти изделия примет военная приемка, за их выпуск спрос будет с вас, а не с завода. Завод клепать железки научился, как ему скажут, так он и сделает. Вы, разработчики, должны настроить первую партию изделий, показать заводчанам, как это делается, причем не по липовым инструкциям, а делом. И перезжайте на это время на завод хоть всем своим КБ и со всеми вашими немцами. А представители

министерства и завода учтите, что выпуск первой партии блоков взамен выброшенных будет запланирован вместе со второй партией, так что для завода и министерства вместо индульгенции будет двойная программа.

– Но нам и заводу нужна кое-какая помощь, – отозвался Елян.

– Вы избаловались и думаете, что вам все дозволено. Вам давали все, что вы просили, без всякого разбору. Думаю, что вам отдали бы даже коней с Большого театра, если бы попросили. А теперь хватит, теперь вы давайте. И мне тоже надо по своим делам. А вы уже без меня маракуйте насчет двойной программы.

История с координатными блоками была не первым и не последним из крупных «пожаров» на «Беркуте». К счастью, никто в нем не сгорел, обошлось и без ожоговых травм, без поисков виновников и козлов отпущения. Что будет дальше? Не повторится ли что-нибудь похожее на драму с приемоответчиком?

Тысяча девятьсот пятьдесят второй год выдался особенно сложным и хлопотным для КБ-1, как головного разработчика системы «Беркут» в целом и ее сердцевинной части – зенитно-ракетных комплексов. К тому же он ознаменовался рассказанным в самом начале страшным событием – доносом на меня Сталину с резолюцией на нем Берия: «...Разобраться и доложить». Кто не прошел через это, вряд ли может представить, как можно было жить и работать под таким тяжким прессом. А работать надо было – да еще как!.. Разворачивалось строительство сооружений одновременно для всех 56 зенитно-ракетных комплексов и соединяющих их двух кольцевых бетонных дорог вокруг Москвы. Приходилось выдавать проектантам этих сооружений извлекаемые из воображения исходные данные по не существующей еще аппаратурной начинке: ее пошкафный состав, габариты, размещение шкафов, их энергопотребление, кабельные коммуникации, требования к охлаждению, фундаменты для антенн (тоже несуществующих), отверстия для волноводов в бетонных стенках аппаратных бункеров (рассчитанных, между прочим, на выживание при прямом попадании ФАБ-1000, то есть тысячекилограммовых фугасных авиабомб). Любые неизбежные в такой обстановке просчеты и их исправления вызывали нервозность и напряженность во всей цепочке связанных с КБ-1 организаций, начиная с проектно-технологическои группы А. Л. Минца, Московского филиала Ленгипростроя, возглавлявшегося В. И. Речкиным, и кончая строителями, которым пришлось бы при переделках проектной документации даже долбить уже застывший сделанный на совесть бетон.

Но особые сложности возникали из-за того, что аппаратура запускалась в

серийное производство по технической документации, не проверенной изготовлением опытных образцов. Изготавливаемые заводами изделия невозможно было настроить без их серьезных доработок и корректировок технической документации. А для этого необходимо было время, и на это время застопоривался производственный цикл, срывались планы производства и поставок аппаратуры, с заводов в их министерства и в ТГУ шли жалобы на КБ-1 как головного разработчика. Жалобы были и по вопросам, касающимся возглавлявшегося мною радиотехнического (высокочастотного) отдела.

Официальным письменным жалобам обычно предшествовали телефонные звонки, так как начальство обычно отфутболивало письменные жалобы стандартным аргументом: «Решайте свои вопросы напрямую с КБ-1». В ответ заводчане предъявляли копии телефонограмм в КБ-1.

Нелегкими и далеко не медовыми были самые первые недели и месяцы нашей совместной работы с головным антенным заводом. Это был один из прославленнейших, особенно в военные годы, патронных заводов. И вдруг по приказу Устинова заводу поручили делать какие-то шестиметровые сборки, а из них собирать еще более крупные изделия А-11 и А-12 – огромные махины, и все это по высшим классам точности. Все первые сборки пошли в брак, заменили директора завода, но дела не поправлялись, и теперь грозные тучи начали сгущаться и над самим министром Д. Ф. Устиновым.

На совещании, собранном Устиновым прямо в одном из цехов, новый директор завода заявил, что по указанию министерства при помощи технологической бригады от авиазавода проведено освоение и внедрение новой для завода плазовой технологии. Но сама конструкция изделий нетехнологична и несерийноспособна. Устинов, будто разыскивая взглядом кого-то из присутствующих, спросил:

– А кто разрабатывал конструкцию изделий? Отметив про себя наигранную забывчивость министра, я встал и назвал нашу организацию:

– КБ-1.

– Как же это столь уважаемая организация ухитрилась выдать нетехнологичную и несерийноспособную конструкцию?

– Это субъективная оценка, вызванная тем, что заводу нужно еще овладеть некоторыми тонкостями новой технологии.

– Что нужно заводу – это мы уж как-нибудь сами, – перебил меня директор

завода. – Здесь присутствует руководитель технологической бригады, и у него к нам – никаких претензий. Виновата конструкция.

– В таком случае, – сказал Устинов, – послушаем мнение объективного специалиста. В конструкции загвоздка или в технологии. Сергей Павлович, вы успели ознакомиться с чертежами?

– Да, Дмитрий Федорович, – с неторопливой уверенностью, почти нараспев, ответил коренастый, плотно сбитый, с приветливым лицом, незнакомый мне Сергей Павлович. – В освоении плазовой технологии завод продвинулся основательно... Хотя, конечно, здесь есть еще над чем поработать. Что же касается конструкции... Чтобы обеспечить указанные в чертежах допуски – без доработок конструкции не обойтись.

Последние слова Сергей Павлович произнес, повернувшись всем корпусом в мою сторону.

– Голословное заявление! – не выдержал сидящий рядом со мной руководитель нашего конструкторского отдела Н. Г. Зырин. – Мы можем это доказать прямо на чертежах, элементарными расчетами.

– Зачем же горячиться? – заметил Устинов. – Мы для того и собрались, чтобы разобраться и в чертежах, и в расчетах, и в технологии... и вообще в производстве изделий, товарищ директор завода! А поскольку здесь переплелись и конструкция и технология, то вам сам Бог велел создать у себя комплексную конструкторско-технологическую бригаду. Технологическая бригада от авиазавода у вас работает, а где, я спрашиваю, ваша собственная конструкторская группа? Разве нет у вас своих толковых конструкторов? Немедленно создайте заводскую группу конструкторов по изделиям А-11 и А-12, и таких, чтоб не сваливали все на КБ-1, а сами думали и решали. Имейте в виду, что за изделия я буду спрашивать с ваших конструкторов. А за КБ-1, я думаю, дело не станет, и от них в конструкторской группе завода будут нужные представители. Правильно я говорю? – сказал Устинов, обращаясь ко мне.

– В принципе, конечно, правильно, но в практическом плане этот вопрос надо решать с нашим руководством.

– Так, значит, тебя сюда прислали только в принципе?

Только теперь я понял, что своим опрометчивым ответом невольно усугубил неловкость положения министра, который нашел время лично прибыть на свой завод по делам КБ-1, в то время как начальник КБ-1, не подчиненного Устинову, но

числящийся его замом, направил на совещание всего лишь начальника отдела. И еще понял, чего стоит Устинову, с его крутым нравом, сдерживать себя по отношению к представителю всемогущего КБ-1, имеющего прямой двойной выход на самого ЛП: по служебной линии и через Берия-младшего – главного конструктора КБ-1. Поэтому я тут же поправился:

– Извините, Дмитрий Федорович, я имел в виду, что в составе группы от КБ-1 останутся товарищи Заксон, Зырин и Скигин до окончательного решения нашим руководством вопроса о составе нашей группы.

– Вот это другое дело, – подобрел министр. – А за директора я ручаюсь, что он сегодня же своим приказом определит состав конструкторской группы по вашим изделиям.

По окончании совещания я подошел к Сергею Павловичу и спросил, не найдется ли у него в машине свободного места до Москвы. Свою «Победу» я решил оставить на заводе для Заксона, Зырина и Скигина. Сергей Павлович ответил мне, что в машине он один и место есть, но выезжает немедленно, ждать не может.

Когда мы уселись на покрытое ковром заднее сиденье «Победы», Сергей Павлович, приветливо, хотя и не без иронии, улыбнувшись, сказал:

– Вот мы успели поцапаться на совещании, едем в одной машине, а даже не познакомились. Моя фамилия Королев. Вашу фамилию я узнал от министра, а вот имя-отчество...

– Григорий Васильевич... И все же мы с вами не цапались, хотя вы поспешили с оценкой нашей конструкции.

– Это вашему эмоциональному товарищу показалось, что я давал ей оценку. То, что я сказал как «объективный эксперт», по существу, тривиально. Разве не правда, что любые чертежи дорабатываются в ходе производства? Конструкция как конструкция: помаетесь и с нею и с технологией, как положено, и дело пойдет.
Затем с выплеснувшейся веселой хитринкой Сергей Павлович сказал:

– А если я немного и переборщил, то это тоже объяснимо: у меня свой министр, а у вас свои начальники, которые даже по его просьбе не захотели принять участие в совещании, где присутствовали и представители от самого ЛП. Я просто выручил свое министерство в смягчении тех акцентов, которые кто-то односторонне заострил на заводских вопросах. Мне надо было немножечко сместить эти акценты в сторону КБ-1, чтобы отвести грозу от завода и министерства. А вы для ЛП свои: вас могут не более чем пожурить. Зато наш министр получил время на

технологическую перекантовку завода под новые для него изделия. Вы заметили, что он и после совещания остался на заводе? Сейчас он наверняка подтягивает подкрепления со всего министерства. Дмитрий Федорович будет дневать и ночевать в цехах, пока дело не пойдет на лад.

Тогда Сергею Павловичу легко было сказать: «А вы для ЛП свои...» Нет, в моей ситуации вокруг «вредительского дела» своим оказался Устинов, а те, что рядом... вот тебе и свои.

Сравнительно неплохо складывались дела на другом заводе, которому было поручено изготовление примерно половины от общего количества антенн А-11 и А-12 и, кроме того, важных волноводных узлов для всех антенн, выпускаемых обоими заводами. Завод вышел с предложением ускоренно выпустить весь заказ на эти узлы, но для этого надо было утвердить образцы гальванопокрытий на их рабочих поверхностях. С этой целью Елян решил командировать на завод меня.

В моем присутствии Амо Сергеевич позвонил директору завода:

– Володя, к тебе приедет от нас Григорий Васильевич. Прими его, как принимал бы самого меня. Если чем обидишь – считай, что меня обидел. Понял?.. Да нет, я не про то. Главное – разберитесь и подпишите все технические документы по гальванопокрытиям. А то, на что ты сразу подумал, – само собой, чтобы все было по-кавказски. И еще не забудь: чтобы наш молодой доктор наук не задавался и знал, на какой завод он попал, покажи ему наши штучки для Курчатова. Все покажи. Пусть посмотрит, как мы там решали проблему с гальванопокрытиями и что можно оттуда позаимствовать для наших разработок.

Закончив разговор с заводом по ВЧ, Елян достал из письменного стола документы и билет для меня на поезд, встал из-за стола, лукаво подмигнул:

– У нас, Григорий Васильевич, высший сервис. Как в лучших фирмах. Правда, к поезду надо поторапливаться. Счастливого пути.

По дороге на вокзал я завернул к Большому театру. Удивленная и недовольная моим поздним появлением, женщина-администратор проверила билет и шепотом объяснила, как пройти в ложу. В полумраке ложи разыскал кресло, в котором сидела жена, встал за спинкой кресла. Жена, как-то угадав мое присутствие, повернулась ко мне, показала рукой на кресло рядом и снова прильнула к биноклю. Я стоял, смотрел на сцену и слушал:

– Хозяин просит дорогих гостей прослушать пастораль под титлом «Искренность пастушки».

Наклонясь к жене, неотрывно следившей за сценой, виновато прошептал: «У меня поезд через двадцать минут. До свиданья». Пробираясь на цыпочках к выходу из ложи, успел услышать со сцены: «Мой миленький дружок, отважный пастушок...» Эти слова и мелодия даже в купе поезда словно бы продолжали звенеть в моих ушах, будто исходили они от невидимого патефона, зациклившегося на старой пластинке. А мысленный взор еще долго сохранял торжественное убранство Большого театра, и льющийся со сцены мягкий притушенный свет, и полумрак ложи, и единственное незанятое место в переполненном театре, и просиявшее при моем метеорном появлении в ложе лицо жены. Когда я выходил из ложи, жена плотнее прижала бинокль к глазам, как будто этим можно было остановить набежавшие слезы. Увы, кто-то должен вкалывать ради мирного труда и отдыха «нормальных» людей.

Вращающиеся волноводные узлы для антенн не случайно попали на завод, где до перехода в КБ-1 директором был Елян. Самые трудные для производства и технологически сложные изделия, когда возникали трудности с размещением их заказа на других заводах, по предложению Еляна передавались на бывший его завод. Директорам отказывающихся заводов он говорил:

– Правильно делаете, что отказываетесь. Это дело не для вашей промартели. Придется опять просить Максименко. Как, Володя? Сделаем?

Солидный грузный «Володя», хотя у него пробегали мурашки от такого «арбуза», бодро выпаливал:

– Вы же нас знаете, Амо Сергеевич. Не подведем. Вот только... – «Володя» мялся, словно боялся сказать что-нибудь неприличное.

– Станками поможем, обязательно поможем, – приходил ему на выручку Елян. И тут же с «Володей» начинал прикидывать, где какой станок поставить, что снести, а что достроить.

Заводчане никогда не подводили «своего Амо» и гордились, когда он «устраивал» им заказ, от которого шарахались другие заводы. Они продолжали считать его своим, и он словно бы продолжал незримо присутствовать на заводе, который создавал как директор и который создал его как директора. Здесь он был живой легендой, все его хорошо знали, помнили, рассказывали о нем доподлинные истории, перебивая друг друга и коллективно уточняя детали этих историй. Рабочие рассказывали о нем не только как о директоре, но и, пожалуй, больше всего как о знатоке самых сложных тонкостей их рабочих профессий.

Еще до войны, будучи по личному заданию Орджоникидзе на стажировке в США, Амо работал кузнецом на автозаводе Форда и там не уступал в силе и сноровке фордовским кузнецам, обычно отбиравшимся из самых дюжих негров. Как-то, будто играючи, отковал за смену коленчатые валы сверх нормы и отругал «буржуйский мастер» за встречный план. А в одной фирме познакомился с американцем армянского происхождения, обучил его искусству приготовления шашлыков, в котором сам, как истинный кавказец, был большим мастером. Американец был в восторге от своего кровного земляка и безвозмездно снабдил Амо очень нужными для нашей страны чертежами.

Во время войны слава о заводе и его директоре гремела на всех фронтах грохотом выпускавшихся заводом орудий марки «ЗИС». Завод разработал и впервые в мировой практике применил технологию поточного производства пушек и выпустил их 100 000 штук.

После войны завод Еляна был ведущим предприятием по разработке и производству оборудования для завода по разделению изотопов урана и по созданию первых атомных реакторов. В связи с этим завод столкнулся с проблемой защиты металлических деталей покрытиями, устойчивыми к агрессивным средам. В эту пору Елян, обычно покупавший себе на рынке свежую баранину для шашлыка, начал приглядываться к работе цыгана-лудильщика, несколько раз отдавал цыгану для лужения какие-то посудины, привозил их на завод и отправлял в лабораторию. Потом привез на завод и самого цыгана с его инструментами, отвел ему закуток в цехе, приставил к нему технологов и предложил за хорошее вознаграждение поделиться секретами цыганской лудильной кухни. Режимщики были возмущены тем, что Елян без допуска от органов привез на секретный завод какого-то цыгана. А цыган темнил, боясь, что этот ловкий армянин составит ему конкуренцию через «левую» лудильню, которую, видимо, решил создать со своими дружками прямо на заводе. Пришлось Амо Сергеевичу показаться перед цыганом в форме, и тот был польщен вниманием генерала с геройской звездой на груди, по-кавказски обаятельного и простого. А главное – цыгана убедила простая логика генерала:

– На базаре мы тебе подножку устраивать не будем. Так что, пожалуйста, друг любезный, поделись своими секретами с государством. Заодно хорошо заработаешь.

После ухода Еляна никому на заводе не могла прийти мысль, что освободившуюся его бывшую квартиру мог занять кто-нибудь другой. Она

оставалась «квартирой Амо», и новый директор завода лишь в особых случаях предлагал остановиться в ней приезжавшим на завод высоким начальникам. Такое же внимание было оказано и мне, как личному посланцу Еляна и во исполнение просьбы Амо Сергеевича: «Прими его, как принимал бы самого меня».

...Завершив свои дела по командировке на «еляновский» завод, я уже собирался выехать в Москву вечерним поездом. Но директор завода и службы ГВФ получили команду отправить меня в Москву ближайшим самолетом. Со сказочной быстротой я оказался в кабинете главного конструктора Павла Ивановича Куксенко на подмосковном полигоне КБ-1, где проходили испытания экспериментальных образцов станции наведения зенитных ракет. Здесь кроме Куксенко были начальник КБ-1 Елян, зам. главного конструктора Расплетин, несколько немцев из разработчиков координатных блоков и русские специалисты.

После моего появления Павел Николаевич сказал:

– Давайте начнем. Сначала послушаем господина Айценбергера... Где переводчик? Разыщите переводчика.

Кто-то сказал:

– Обойдемся. Герр Фаулыптих отлично знает русский язык.

Все рассмеялись. Герр Фаульштих настолько овладел русским языком, что работавшие с ним наши специалисты совсем отвыкли считать его немцем.

Герр Айценбергер, руководитель группы немецких специалистов, – видимо, не в первый раз, а теперь уже специально обращаясь к герр доктор оберст-лейтенант Кисунько, – объяснил, что при испытаниях первого образца станции Б-200 обнаружились искажения формы пачек сигналов, поступающих на координатные блоки. Это приводит к ошибкам в определении координат целей, и особенно ракет. Искажения вносятся вращающимися антенно-волноводными узлами – так называемыми «запитками».

– Теперь вы поняли, что ваши запитки г...иные? – обратился ко мне Расплетин.

– А вы поняли, что они точно сделаны по вашему г...иному техническому заданию? Что заказали – то и получили.

– Не будем препираться, товарищи, – примирительно вмешался Павел Николаевич, чтобы прекратить начавшийся обмен явно ненаучными выражениями между своим замом и «герр доктор оберст-лейтенант». – Скажите, Григорий Васильевич, как этот дефект можно устранить.

– Вот принципиальная схема новой конструкции узла запитки, которая не будет

иметь этого дефекта, – сказал я, рисуя схему мелом на доске. – Если бы нам сразу задали правильно требования...

– А сколько времени потребуется, чтобы сделать новые запитки? – спросил Елян.

– Трудно сказать. Потребуется изготовление и проверка лабораторных макетов, инженерам лабораторий и конструкторам придется дневать и ночевать в цеху и экспериментировать с вариантами изделий. Придется вводить специальную систему газонаполнения волноводного тракта, чтобы исключить пробои на высоком уровне мощности. Без этого новые требования выполнить не удастся.

– Тогда по машинам – и поедем в КБ дневать и ночевать, – сказал Елян. – И предлагаю новые узлы называть распределителями.

В этот момент я ощутил в себе жуткий холодок от мысли о том, что на заводе, откуда я только что прибыл, к моему приезду фактически были уже готовы «запитки» на всю серию системы «Беркут» и моя роль свелась к утверждению эталонов гальванопокрытий для военной приемки. Я представил себе состояние заводских умельцев, когда они узнают, что все эти изделия теперь надо выбросить в утиль, а перед тем снять с них гальванопокрытия из драгоценных металлов. С какими глазами я снова покажусь на заводе, чтобы закручивать дела по новой конструкции «запиток» – или распределителей – вместо выброшенных на свалку? Какое им дело до того, что мне было выдано неправильное техническое задание? А может быть, кто-нибудь увидит в этом и очередной факт вредительства антенщиков.

Глава десятая

И был приказ, и был сооружен
ракет зенитных первый наш заслон
от смертоносных атомных гостей –
летающих заморских крепостей.

В самом разгаре работ над новой конструкцией волноводных распределителей в один из поздних вечеров меня вызвал к себе в кабинет Амо Сергеевич Елян. В кабинете уже находился ведущий конструктор станции Б-200 Владимир Эммануилович Магдесиев. Елян возвышался над письменным столом своей могучей фигурой в генеральском кителе со звездочкой Героя Социалистического Труда, с медалью лауреата Сталинской премии и с депутатским значком. Лукаво сощурив один глаз, покручивая кончик уса и добродушно улыбаясь, он словно бы

пристреливался озорным взглядом то к Магдесиеву, то ко мне.

– У меня к вам серьезный разговор, Григорий Васильевич, по просьбе главных конструкторов, – начал Елян. – Принято и одобрено в верхах решение о перебазировании одного комплекта станции Б-200 на капъярский полигон со старыми конструкциями запиток. Туда поедет ответственным руководителем испытаний главный инженер ТГУ Валерий Дмитриевич Калмыков, а заместителем технических руководителей испытаний – Александр Андреевич Расплетин. Но в Кратове останется еще один комплект станции, и на нем должны продолжаться доработки аппаратуры с введением новой конструкции запитки – распределителя с целью обеспечения необходимых точностей. Потом такие же доработки надо будет ввести в капъярский комплект станции, и после этого можно будет перейти к пускам ракет по реальным воздушным мишеням.

– Амо Сергеевич, – сказал я, – мы делаем все возможное, чтобы ускорить создание нового распределителя. Работы ведутся круглосуточно.

– Это мы знаем. Но вот вопрос: кому возглавить техническое руководство работами на кратовской станции? – При этих словах лукавинки в карих глазах Еляна превратились в озорных пляшущих чертиков.

– Хотя это и не моего ума дело, но я думаю, что здесь нет вопроса: сам Бог велел возглавить это дело ведущему конструктору станции Б-200. А все отраслевые отделы, и наш в том числе, – мы всеми силами будем его подпирать.

При этих моих словах Магдесиев схватился за грудь, морщась и как бы напоминая, что у него нелады с легкими.

– Но тогда, – сказал он, – я не смогу осуществлять общую координацию работ с серийными заводами. Совмещать и то и другое мне будет очень трудно.

– Что вы можете возразить на это? – спросил меня Елян.

– Могу только повторить, что не моего ума это дело. Вопрос относится к исключительной компетенции главных конструкторов.

– Правильно. И они его решили. Вот прочтите.

Протянутый Еляном документ оказался проектом приказа по КБ-1 о назначении меня заместителем технических руководителей испытаний станции Б-200 на объекте Кратово. Я ответил, что мне не следует оставлять свой отдел в такой горячий момент, когда идут доработки антенн, от которых зависит повышение точностей станции.

– Логично, – ответил Елян. – Поэтому мы и не освобождаем вас от вашего

отдела. Так что теперь вам предстоит позаботиться и о доработках антенн, и о том, чтобы в результате этих доработок станция имела нужные точности. А оперативное руководство отделом будет осуществлять ваш заместитель... Так что давайте считать этот документ с вами согласованным, и я его подписываю.

Затем он набрал номер по кремлевской «вертушке» и сказал:

– Добрый вечер, Серго Лаврентьевич. Договорились мы с Григорием Васильевичем. Правда, он сначала упрямился и согласился лишь тогда, когда узнал, что это просьба лично ваша и Павла Николаевича. Да сейчас это он сам подтвердит. Передаю ему трубку.

Приложив трубку к уху, я поздоровался с Берия-сыном – главным конструктором КБ-1, а он мне ответил:

– Здравствуйте, Григорий Васильевич. Вы правильно сделали, что согласились. В случае чего – звоните прямо мне или Павлу Николаевичу. Он здесь рядом и тоже вам кланяется. Желаем вам успехов. До свидания.

Итак, в своей новой роли я безвыездно обосновался в Кратове. Здесь один за другим жмутся к великолепному сосновому бору дачные участки, огороженные зелеными дощатыми заборами. Но вот дачные заборы обрываются, и через дорогу начинается другой забор – тоже дощатый, зеленый, но гораздо выше, чем дачные заборы, а главное – по его верху на деревянных угольниках натянуты ряды колючей проволоки. За этим забором в лесу, разрезанном внутренними дорогами, упрятаны строения аэродромных служб, а дальше за ними – гигантская бетонированная зона испытательного аэродрома. И все же, хотя выгороженная забором территория тщательно охраняется, в глубине ее есть еще один забор, такой же как наружный, но из совсем еще свежих досок, с новой, не успевшей поржаветь колючей проволокой. И выгораживает он особо охраняемую площадку, которую здесь не иначе как полушепотом называют «зоной». В «зоне» находится аппаратура экспериментальной радиолокационной станции наведения зенитных ракет, создаваемой для системы «Беркут». Слово «Беркут», как и условное наименование станции Б-200, – секретное, вне «зоны» его никто не решится произнести даже шепотом. На этой станции я облечен полномочиями «заместителя технических руководителей испытаний», то есть заместителя Павла Николаевич Куксенко и Сергея Лаврентьевича Берия, которых в разговорах принято называть только как ПэКу и СЛ. Впрочем, связи с ними у меня нет никакой, так как они тоже безвыездно находятся с другими своими замами на приморском полигоне. Недавно при запуске

с самолета управляемого крылатого снаряда там получено прямое попадание в крейсер «Красный Кавказ», служивший мишенью для снаряда. Многие участники этих работ представлены к наградам и Сталинским премиям.

В «зоне» аппаратура станции Б-200 размещена в длинном одноэтажном бараке, а рядом с ним на бетонных тумбах возвышаются диковинные громадины антенн.

В этом же здании размещены служебные комнаты для инженеров-испытателей, секретная часть с машинописным бюро, мой кабинет и кабинет майора госбезопасности Н. В. Панфилова, который является одновременно и «ответственным руководителем», то есть административным распорядителем работ на кратовском объекте, и начальником отдела в КБ-1, непосредственно подчиненного зам. главного конструктора Расплетину. Из состава этого отдела сформирована и испытательная команда-лаборатория, являющаяся ядром боевого расчета станции.

В помещении станции мне достался в наследство бывший кабинет главного конструктора Куксенко с городским телефоном и кремлевской «вертушкой» на письменном столе. А рядом с письменным столом растет настоящая вековая сосна. Ее ствол покрыт золотистой, в тонких чешуйках шелушавой корой, на которой местами выступают медово-тягучие капельки смолисто-пахучей живицы. Через отверстия в потолке и крыше ствол сосны выходит наружу, а там высоко над зданием шумят и покачиваются на ветру ее ветви, закудрявленные в убранстве темно-зеленой хвои. Чтоб не сгубить такую красавицу, зэки-строители ухитрились вписать ее в конструкцию здания.

В наследство от Павла Николаевича Куксенко ко мне перешел и уютный однокомнатный номер в двухэтажном коттедже. Здесь и телевизор, и холодильник, и ковры, и картина «Утро в лесу»... Но все это мне ни к чему, потому что «дома» я появляюсь после полуночи, чтобы накоротке отдохнуть, и даже не знаю, какие невидимые духи в мое отсутствие тщательно ухаживают за квартиркой, наводят в ней идеальный порядок.

Напротив, через лестничную площадку, – двухкомнатный номер, унаследованный от Берии-сына майором госбезопасности Панфиловым – тем самым, который задавал мне вопросы, выписанные из доноса Сталину на «антенных вредителей».

Под нашими квартирами на первом этаже – холл столовой, в которой кроме нас и нескольких наших помощников питаются немцы из спецконтингента, состоящего

при отделе Панфилова. Остальные сотрудники КБ-1 питаются в поселковой столовой у проходной летно-испытательного центра.

У Панфилова ко мне подчеркнуто уважительное отношение, но это только внешне. Он изрядно надоел мне своими предложениями «посоветоваться с немцами». Со своим неполным средним образованием он ничего не смыслит в технике, но ему хочется показать перед своим начальством, что он эффективно использует знания немецких специалистов. Немцев дважды – после завтрака и после обеда – привозят в «зону» специальным автобусом, и Панфилов в своем кабинете заставляет сотрудников своего отдела докладывать немцам о работах, проводимых на станции по утвержденной мною программе, спрашивает у немцев их мнение, поручает русским записывать высказывания немцев и докладывать их мне. Панфилов на полном серьезе считает своей исключительной заслугой то, что именно возглавлявшийся им «немецкий» отдел разработал систему «АЖ», которая уже пошла в серийном производстве в виде координатных шкафов. Теперь он решил, что пора навести порядок при помощи немцев и в разработках возглавляемого мной высокочастотного отдела. Но организованные с этой целью поездки немцев в Кратово оказались скорее развлекательными, чем деловыми. По координатным блокам вопросов к немцам не было, а высокочастотная аппаратура была не по их части. За неимением серьезных дел немцы отдавали должное армянскому коньяку в гостиничной столовой, который они пили как-то по-своему, запивая уже в самом конце обед или ужин. Я угадывал, что и сами немцы сознают нелепость навязываемой им роли безответственных консультантов-всезнаек по любым вопросам. Это подтвердилось, когда однажды в воскресенье Панфилов неожиданно для меня притащил немцев в цех, где проводилась настройка распределителей, и я обсуждал с настройщиками возникшие вопросы по настройке.

– Григорий Васильевич, – с напускной важностью начал Панфилов, – проинформируйте, пожалуйста, немецких специалистов, что здесь делается, какие трудности, перспективы.

С трудом сдерживаясь, чтобы не вспылить, я ответил:

– Здесь настраиваются волноводные распределители для антенн. Трудности в том, что вот ребята уже двое суток не выходят из цеха, выбились из сил без сна, а настроить изделия во всем частотном литере не удается. Сейчас пробуем каждый литер разбить на два настроечных полулитера. А перспективы такие: если в воскресенье не закончим, придется ребятам заночевать здесь и на понедельник, и

вообще – сколько потребуется.

– Каково ваше мнение, господа? – спросил Панфилов у немцев.

У господ после воскресного обеда с коньячком было отличное настроение. Они почти не слушали ни вопросов Панфилова, ни мои ответы, но на обращенный к ним вопрос на русско-немецком ответил герр Айценбергер, обращаясь прямо ко мне:

– Вместо одного литра два пол-литра – дас ист зер гут, герр доктор оберст-лейтенант!

И все же Панфилову удалось найти среди немцев «высокочастотника», с помощью которого можно убедить Павла Николаевича в необходимости поставить в волноводный тракт измеритель проходной мощности. Впрочем, Павла Николаевича не убедили, а просто взяли измором, при каждом удобном случае напоминая ему, какая это нужная вещь – измеритель мощности, на вводе которого настаивает и Расплетин, но Кисунько отказывается, упрямится. Меня об этом как-то спросил Павел Николаевич, но я ответил, что мощность магнетрона фактически контролируется через напряжение и ток магнетона: надо умножить их друг на друга и на КПД – и с высокой точностью готова мощность. Прибор, который предлагает Гроссе, будет очень грубым и будет только сбивать с толку обслуживающий персонал. Но Расплетину, видно, очень хотелось, чтобы немцы, которые «утерли нос» ему и его команде по координатным блокам, хотя бы символически приложили руку и к высокочастотной части. По принципу: приятно знать, что и у соседа сдохла корова. Измеритель мощности был сделан и введен в станцию помимо меня, показал свою непригодность, был потом выброшен из станции и заменен обычной волноводной вставкой.

Елян часто звонит мне в Кратово и строго спрашивает с меня и за московские дела, за отдел, оставленный на попечение Пивоварова. Вот и вчера мне пришлось выдержать телефонный натиск Амо Сергеевича:

– Григорий Васильевич, что это у вас за заместитель такой – Пивоваров? Захожу в опытный цех, там возле изделия хлопочут инженер и два техника, настройка не ладится, а Пивоварова нет, – он, оказывается, дома! Придется погнать за ним машину.

– Амо Сергеевич, но ведь сейчас уже два часа ночи.

– А для вас и для меня – не два часа ночи?

– Правильно, и нам пора по домам. По примеру Пивоварова. А завтра мы ему врежем как следует. Хотя мне здесь, между прочим, все равно – что на станции, что

в гостинице, не то что Пивоварову.

– Я тоже при случае люблю пошутить, но всему свое время. Тормошите и Пивоварова, и всех, кого надо, из своего отдела, вызывайте к себе из Москвы, помогайте, ругайте, но изделия должны быть отправлены на антенный завод точно в срок, – жестко закончил разговор Амо Сергеевич.

Днем и ночью вертятся в кратовской «зоне», со свистом рассекая воздух, антенные роторы, в здании идет отладка и проверка аппаратуры. В антеннах уже установлены распределители новой конструкции, изготовленные в производстве КБ-1 под личным присмотром Еляна. Второй такой же комплект распределителей отправлен на антенный завод, откуда они в составе новых антенн будут отправлены в Капустин Яр. Но до этого здесь, на подмосковной станции, надо убедиться при облетах, что с новыми распределителями получаются нужные точности и дальности по самолетам и по ракетам. Для этого заходами на станцию и от станции снуют в небе неутомимые Ту-4 и Ил-28, а в их бомбоотсеках, скрючившись от тесноты и от холода, кабэвские «инженегры» включают и выключают тумблеры, что-то подкручивают в приемоответчиках. Другие ребята колдуют с приемоответчиками на сорокаметровой вышке, взбираются на нее и спускаются обратно по обледенелой стремянке, нагруженные аппаратурой, поеживаясь от студеного «высотного» ветра. Аппаратуру с грифом «сов. секретно» надо каждый раз перед работой тащить на вышку, а по окончании снимать с вышки, потому что вышка находится вне пристанционной охраняемой зоны. Поневоле станешь верхолазом. И еще часто приходится таскать аппаратуру на ремонт, так как ее ресурс рассчитан на время полета ракеты, а здесь ее гоняют на износ.

Но вот уже завершен весь объем испытаний с облетами станции, составлены, подписаны и отправлены по нужным адресам технические протоколы, а между тем начал вырисовываться новый «антенный скандал». Оказалось, что без согласования со мной и Заксоном зам. главного конструктора включил в ТУ на антенны проверку антенно-волноводных каналов на их неидентичность и волевым порядком установил невыполнимый для производства допуск на этот параметр. Заводы не могли уложиться в этот допуск, так как неидентичность каналов была заложена в неидентичности поставляемых заводам волноводных труб. Но самое главное – точности радиолокатора Б-200 не зависели от этого параметра, и потому включение в ТУ требований к нему было абсолютно не нужным. Оно загоняло производство в тупик, на меня и Заксона валились шишки, но Расплетин стоял на

своем. Чтобы разрядить обстановку, мною была проведена серия специальных экспериментов на станции с имитацией «разноканальности» в широких пределах. Технические протоколы по этому вопросу мною были высланы в Москву главному конструктору Куксенко и в Капустин Яр его заму Расплетину, и я надеялся, что на основе этих протоколов ненужные требования в ТУ будут если не отменены, то, по крайней мере, установлены в разумных пределах. В духе этих протоколов я разрешил Заксону подписывать на заводе приемо-сдаточную документацию на антенны для капъярской станции Б-200. Для связи с Заксоном Елян добился специального разрешения на выход моего кремлевского аппарата в сеть междугородной правительственной ВЧ-связи.

Антенны были уже готовы к отправке, когда мне по «кремлевке» позвонил Елян:

– У меня на ВЧ Калмыков и Расплетин. Оба категорически возражают против отправки к ним с завода антенн с отступлениями от ТУ, которые вы разрешили. Я звонил на завод Заксону, и он мне заявил, что то, что они требуют, невыполнимо.

– Он правильно сказал. Посоветуйте им внимательно ознакомиться с техническим протоколом проведенного на кратовской станции эксперимента. Они могут провести и у себя такой же эксперимент и убедиться, что отступления от ТУ, разрешенные нами, и даже большие, не влияют на качество работы станции.

– Тогда зачем такие жесткие ТУ?

– Это не сможет объяснить и тот, кто их придумывал. Антенны надо отправлять. После этого примерно через месяц мне приказ: немедленно вылететь в Капъяр. Зачем? Там на месте объяснят Калмыков и Расплетин.

В военно-транспортном самолете ЛИ-2 я оказался на «сиденье из мягкого алюминия» рядом с главным инженером антенного завода, экипированным в ватные брюки и куртку, добротные валенки и шапку-ушанку. Тот, взглянув на мою шинелишку, надетую на подполковничью форму с брюками навыпуск, на коричневые полуботиночки в калошах, молча развязал мешок с валенками, которые вез своим рабочим на полигон. Но для меня все валенки были малы. Когда самолет набрал высоту, а заодно и принял температуру январской атмосферы на этой высоте, я почувствовал себя вроде бы одетым в холодный мягкий алюминий, стуча зубами, пробовал на цыпочках засунуть ноги в голенища валенок, – еще больше задубели ноги. Совсем закоченевший, добрался на газике с заснеженного степного аэродрома до отведенного мне сборно-щитового «немецкого» домика, обшитого изнутри плотным картоном, недавно поставленного и еще не обжитого. Солдат-

дневальный хлопотал около отопительного котла, но в домике вместо желанного тепла гуляли вьюжные струйки, пробивающиеся сквозь щели. Переодевшись в принесенные полигонным хозяйственником ватную спецодежду и валенки, я нахлобучил шапку-ушанку, достал из портфеля бутылку кизлярского коньяка, припасенного для традиционной полигонной «прописки», банку бычков в томате. А дневальный спроворил котелок крутого кипятка.

По полевому телефону позвонили Калмыков и Расплетин. Передавая друг другу трубку, они поздравляли меня с прибытием, спрашивали, как устроился. Я отвечал, что отогреваюсь снаружи и изнутри. Посоветовали отдохнуть с дороги, делами займемся завтра.

На следующий день Калмыков и Расплетин приняли меня на технологической площадке, где смонтирована станция Б-200. Здесь все обстоятельней, чем в Кратове: вместо барака – здание из серого кирпича, а впереди антенной площадки в степи – огороженная колючей проволокой стартовая зона с пусковыми установками для зенитных ракет. И боевой расчет здесь военный, а сотрудники КБ осуществляют ему техническую помощь, отрабатывают программу и методики испытаний.

– Итак, мой дорогой доктор наук, – начал Калмыков, – надо постараться довести антенны до кондиции. Заксон с этим делом не справился, пришлось его отстранить. Нужна ваша личная помощь, мой дорогой доктор наук.

– Разве параметры антенн здесь после сборки хуже, чем были на заводе?

– Не хуже, но нам это не подходит, – вставил Расплетин. – Антенны по разноканальности не укладываются в ТУ.

– Но мы как раз по этому параметру провели исследования на кратовской станции, направили сюда технический протокол. Если у вас есть сомнения, давайте воспроизведем кратовские эксперименты здесь. Разноканальность никак не влияет на точности. Это следует из теории и подтверждено экспериментами.

– Но, мой дорогой, – снова вмешался Калмыков, – перед первым пуском ракеты по реальной мишени хотелось бы все довести до звона. Береженого Бог бережет. Тем более что у нас есть время. Выжать во всех устройствах все возможное. Попробуйте хотя бы что-нибудь улучшить здесь, на месте.

– Стоит ли пробовать, если дело почти безнадежное, а главное – ненужное?

– Безусловно стоит, мой дорогой. Ведь хуже от этого не будет. Собирайте, кого надо и начинайте. Любая помощь к вашим услугам.

Мне претила эта слащавая фальшивость: «мой дорогой доктор наук». В ней угадывался ехидный намек: мол, покажи – какой ты доктор по делу, а не по диссертации. И в то же время – полное неприятие моих попыток обсуждать научно-техническое существо вопроса, изложенное в технических протоколах по кратовскому эксперименту. Но самое страшное то, что для тех, кто знаком с кляузой об антенных вредителях, создается впечатление, что на этой самой разноканальности оба вредителя попались, что называется, с поличным.

Да, трудно перечить Калмыкову. Он здесь высшая власть: ответственный руководитель испытаний, главный инженер ТГУ при Совмине СССР, ежедневно докладывает по ВЧ самому Берия. Выйдя от Калмыкова, я собрал ребят из своего отдела и заводских настройщиков прямо возле антенн, вместе с Заксоном мы стали набрасывать план работ, ставить задачи рабочим группам. За этим занятием нас застали Калмыков и Расплетин.

– А где же бригада заводских механиков? – осведомился Калмыков.

– Она нам не нужна – на эти дела у нас есть свой медник, Петр Ильич. Он умеет гнуть и рихтовать волноводные трубы прямо на коленке, без всяких станков и приспособлений. Прошу любить и жаловать, – ответил я, подмигнув Петру Ильичу и подталкивая его к начальству для знакомства. Петр Ильич правильно понял мой намек: после его рукопожатий Калмыков и Расплетин долго отряхивали кисти рук и уже не сомневались, что этот медник сумеет своими ручищами загнуть любой волновод даже без помощи коленки.

Две недели посменно круглосуточно работала бригада умельцев под моим руководством и Заксона. Оба мы все это время безотлучно находились на технологической площадке, отдыхали поочереди урывками тут же в служебных помещениях на сдвинутых столах, за которыми днем работали расчетчики и теоретики. Про запас у нас были койки в бараке-гостинице для «промышленников» в небольшом поселке недалеко от технологической площадки. Но мы наведывались туда только в обеденный перерыв, чтобы пообедать в столовой и запастись консервами и хлебом на ужин и на завтрак. В мастерских около антенной площадки механики подгоняли настроечные волноводные элементы, проводили электрические измерения настройщики, снова подгонка, снова измерения... Кое-что немного улучшили, но даже немногословный Петр Ильич однажды не вытерпел и сказал, что все это – мартышкин труд.

Почему же Калмыков и Расплетин настаивают на явно бессмысленной работе?

И еще загадка: ход работ их совершенно не интересует, они даже перестали приезжать на площадку, чем-то заняты в главном городке полигона. А потом ко мне дозвонился начальник режима полигона и доложил:

– Товарищи Калмыков и Расплетин срочно выехали в Москву по указанию ЛП (Берия). Мне приказано всю почту на их имя теперь докладывать вам, как старшему от промышленности.

Теперь по праву старшего я прекратил «мартышкин труд» на антеннах и запросил из секретной части протокол по исследованиям разноканальности, ранее присланный мною с подмосковной Б-200. Он оказался подшитым в папку вместе с сопроводительным письмом, на котором была резолюция: «В дело. А. Расплетин». Теперь ниже этой резолюции я написал: «Тов. Капустяну К. К. Обеспечьте воспроизведение такого же эксперимента на полигонном комплекте станции Б-200. Протокол по результатам работы представьте мне для утверждения ...февраля 1953 г. Г. Кисунько». Капустян – ответственный от КБ-1 руководитель боевого расчета станции. Через два или три дня появился протокол, подтверждающий результаты, полученные на подмосковной станции: «разноканальность» антенн не влияет на точностные характеристики станции. И это подтверждено теперь подписями специалистов не только КБ-1, но и полигона. Я разослал экземпляры протокола с наивысшим грифом срочности в Москву на имя Куксенко, Калмыкова и Расплетина. Что-то подсказывало мне, что это очень нужно, но я и не подозревал, насколько вовремя успел это сделать. Ибо на следующий день меня срочно вызвали в Москву по указанию ЛП на то самое заседание в Кремле, о котором я рассказал в начале своих воспоминаний и которое ничего не решило для меня, а лишь отодвинуло развязку – из-за смерти «...до особого указания», как выразился помощник Берия.

Глава одиннадцатая

Возможно ли забыть нам первые полеты
ракет зенитных и локатор первый наш?
Как точно он ракеты вел на самолеты,
их курсом управлял и задавал тангаж!

После моего столь спешного возвращения с полигона Капустин Яр и заседания у Берия в Кремле мы с Панфиловым продолжали по-прежнему держать свои штаб-

квартиры и в Москве и в Кратове, хотя фактически в серьезно планируемых работах на кратовской станции Б-200 уже не было необходимости. Центр тяжести «Беркута» переместился на подготовку пусков зенитных ракет по реальным мишеням на полигоне и на монтажно-настроечных работах на подмосковных боевых объектах.

Работы на пятидесяти шести объектах в Подмосковье велись одновременно, между тем как КБ-1 могло осуществлять авторский надзор только на одном из них, – наряду с тем, что на полигонном стрельбовом комплексе необходима была полная подстраховка военного боевого расчета наиболее квалифицированными специалистами КБ-1. Это создавало большие трудности в организации взаимодействия КБ-1 с организациями промышленности и с войсковыми частями на объектах. В связи с этим возникла идея выбрать среди объектов головной, на котором сосредоточить группу авторского надзора от КБ-1. Этот объект должны отлаживать заводские бригады под техническим надзором КБ-1. Что не будет получаться у заводчан – пусть помогут вызванные группой авторского надзора умельцы из КБ-1. Остальные объекты пусть равняются на головной, как на эталон, без опеки со стороны КБ-1. Чтобы выбрать головной объект, мы с Н. В. Панфиловым проехали по всему внутреннему кольцу системы «Беркут», оценивая состояние по строительной готовности, удаленность от Кратова и от Москвы и даже конкретно от КБ-1. От этих поездок у меня осталось тягостное впечатление от вида строителей-зэков, исподлобья и, как мне казалось, со злостью наблюдавших за майором в форме МГБ и подполковником-связистом, перед которыми тянулись навытяжку их начальники. Может быть, где-нибудь вот так же и мой отец?.. Если жив.

В качестве головного объекта был выбран ближайший к Кратову с тем, чтобы в роли оперативной группы от КБ-1 отрядить на него основной состав лаборатории, обеспечивавшей обслуживание испытаний кратовской станции. Елян одобрил наши совместные с Панфиловым предложения, договорились с Рябиковым и Устиновым, головной объект был утвержден, и были приняты меры для максимального опережения его строительной готовности по сравнению с другими объектами – как будущего эталона для других объектов.

Я считал, что с этим событием закончились мои функции как «заместителя технических руководителей испытаний» на кратовской станции, и старался полностью вернуться к своему высокочастотному отделу. Но Елян по инерции продолжал спрашивать с меня и за техническое руководство головным объектом, хотя у меня не было никаких полномочий по линии главных конструкторов, меня не

признавали военпреды, а по штатным обязанностям ответственным за головной объект считался отдел Панфилова, главенствовавший над отделами-смежниками. Двусмысленность моего положения усугублялась тем, что антенны и на полигоне и на объектах продолжали числиться как не удовлетворяющие ТУ, и это обстоятельство смаковалось как дежурное блюдо на всех совещаниях с обязательным склонением фамилий Кисунько и Заксона, висело над нами как изрядный должок, за который рано или поздно придется расплачиваться. Похоже на то, что нас держали как заложников: если пуск на полигоне окажется неудачным, то можно заявить, как тогда в Кратове заявил Расплетин, что с этими г...ными антеннами станции не могут работать и мы, мол, об этом докладывали в шифровке на имя ЛП. А пока что в планы моего отдела включается «доработка антенн на соответствие ТУ», и Еляну, как начальнику предприятия, приходится изворачиваться, чтобы засчитывать высокочастотникам выполнение невыполнимого плана. К тому же и ответственный представитель панфиловского отдела на головном объекте Марков имел пристрастие собирать за моей спиной надуманные претензии к «опальному» высокочастотному отделу, и это сгущало атмосферу над антенщиками.

Мне надоела вся эта возня, и я предложил Панфилову включить свой отдел на правах подотдела в его отдел, сосредоточив в объединенном отделе всех разработчиков станции Б-200. В одном отделе – единый план, и тогда не только я, но и руководство объединенного отдела будет заинтересовано в выполнении и реальности плановых заданий. И кто бы ни катил бочку на высокочастотников – это будет бочка на весь объединенный отдел. Это предложение было принято, и объединение отделов своим приказом узаконил Елян. Но это лишь частично разрядило обстановку. Дело в том, что на объектах состав наладчиков был еще неопытным, технические инструкции не выполнялись, из-за этого возникали неполадки и даже поломки оборудования. Особенно участились поломки кварцевых герметизаторов в волноводах из-за таких небрежностей, как подача в волноводы воздуха давлением в сотни атмосфер вместо одной избыточной.

Герметизаторы были одним из пунктов обвинения во вредительстве в прошлогодней кляузе на имя Сталина. Теперь же все факты разгильдяйства списывались на мнимые дефекты конструкции, и получалось, что в антенно-волноводном тракте все плохо, а его разработчики – либо слабаки, либо высококвалифицированные вредители. Положение усугублялось тем, что в

министерство, в ТГУ и в КБ-1 поступили письма с оптического завода, в котором три профессора утверждали, что стеклянно-кварцевые герметизаторы с заданными характеристиками вообще нереализуемы, что надо искать принципиально иное техническое решение. Мне было ясно, что эти письма на самом деле были продиктованы стремлением оптического завода избавиться от такой «грубо-стекольной» работы, как волноводные герметизаторы. «Мы завод оптического приборостроения, а не стекольщики для зарвавшегося КБ-1» – так надо было между строк понимать письма трех профессоров. Однако формально высокий авторитет авторов писем, которых хорошо и давно знали Рябиков, Устинов и Елян, начал работать в пользу залежавшейся в сейфах версии о вредительстве, и я снова почувствовал внимание к себе со стороны госбезопасников в КБ-1 и аппарата Калмыкова в ТГУ.

На все вопросы в этой связи и на письма трех профессоров я ответил тем, что направил на завод трех техников из вакуумной лаборатории с задачей: выпустить на заводском оборудовании опытную партию герметизаторов, обучить этому нехитрому делу заводской персонал и даже самих профессоров, если они того пожелают. Эта задача была успешно и довольно быстро выполнена, – правда, без ее «профессорской» части, – и вопрос с герметизаторами был закрыт.

Однако параллельно с этим в КБ-1 по совету одного из знакомых Еляну Курчатовских физиков была предпринята попытка создания волноводных герметизаторов из тефлона, в то время известного под секретным шифром «продукт № 400», который успешно применялся на заводе Еляна в изделиях для Курчатова. Я попытался отговорить Амо Сергеевича от этой затеи, но этим немного разозлил его, и он сказал:

– Значит, не зря говорят, что вы большой упрямец. Но, не будь я Елян, мы с технологами сделаем такие герметизаторы, и вы увидите, что были неправы. Согласны на равных проверить оба варианта?

– Согласен, но давайте заранее договоримся насчет запасной фамилии для вас, когда вы перестанете быть Еляном. Я предлагаю – Стеклян, в честь стеклянного варианта.

– Не возражаю, но предлагаю и для вас запасную фамилию – Тефленко. Если наша возьмет.

Посмотрев на часы, Амо Сергеевич раздраженно нажал кнопку директорского коммутатора, а когда ответила секретарша, сердито спросил:

– Уже прошел час, как я поручил вам найти Лосика, чтоб он срочно зашел ко мне. Где Лосик?

– Амо Сергеевич, никак не могу его найти. В отделе говорят, что он ушел на обед. Продолжаю искать.

Лосика – начальника отдела новых технологий и новых материалов – все же разыскали, и Елян встретил его вопросом:

– Сколько можно обедать? Вы забыли, что находитесь на работе?

– А разве я не имею права по-человечески пообедать?

Елян удивился развязности Лосика, особенно неожиданной для этого подхалима. Он подошел вплотную к Лосику, лицом к лицу, начал его разглядывать и вдруг, сжав кулаки, переменившись в лице, гаркнул:

– Ты пьян, бездельник! Где набрался?

– Я не... не... Мы только немножко коньячку... За обедом в командирской столовой. Здесь, на предприятии.

– Кто разрешил вносить коньяк на предприятие?

– Он продается в столовой. По желанию каждый может взять сам что ему надо из буфета. Хороший такой буфет, резной... старинной работы... из дуба... – тараторил Лосик теперь уже своим обычным подхалимским манером.

– С этого дня мы ваш резной буфет прикроем. А вы, если не хотите горького похмелья, садитесь в цех и не выходите из него, пока не отправите в Кратово сборку 012 с герметизаторами из продукта № 400. Что к чему, вам объяснят специалисты, которых назначит Кисунько.

В одну из ночей цеховые механики-сборщики под командой Лосика привезли в Кратово и установили на антенну сборку 012, как приказал Елян. А утром инженеры начали включать станцию Б-200 на полную мощность. Но при каждом включении сразу же начинались пробои в сборке 012. Станционные слесари-механики вскрыли сборку и доложили мне, а я по телефону Еляну, что в сборках герметизаторов нет.

– Не может быть, – ответил Елян. – Я сам был в цеху, когда пробки из тефлона впрессовали в отверстия при температуре жидкого азота. Там они сидят мертво.

В это время ко мне в кабинет заскочил запыхавшийся слесарь-механик и торопливо выпалил:

– Пробки оказались в трубах, что подключены к сборке.

Я кивнул слесарю и тут же транслировал его сообщение в трубку кремлевского телефона:

– Амо Сергеевич, ваши плотно посаженные в трубе пробки стали болтаться в ней, как только труба немного расширилась от высокочастотного разогрева при включенной мощности. Давлением воздуха их вышибло из сборки.

– Сдаюсь. Ваша взяла. А перемену фамилии уступаю Лосику. Мог бы что-нибудь придумать для компенсации теплового расширения. А ему надо все разжевать...

Между тем как на подмосковные объекты завозилась аппаратура станций Б-200, шли работы по ее монтажу и настройке, – в это же время на полигоне готовились к пускам зенитных ракет по парашютным и самолетным мишеням. Автономные испытания зенитных ракет В-300 прошли год тому назад под руководством Сергея Ивановича Ветошкина – первого зама Рябикова – и генерального конструктора Семена Алексеевича Лавочкина. А в октябре 1952 года состоялся первый пуск ракеты с наведением ее от Б-200 на условно заданную точку. Теперь предстояло научить «Беркута» охотиться на реальную, а не условную дичь.

В апрельский день, назначенный для пусков ракет по реальным мишеням, как и обещали синоптики, на полигоне выдалось безоблачное утро. Степь и воздух над ней не успели прокалиться, и едва заметный легкий ветерок доносит до испытательной площадки станции Б-200 приятную утреннюю прохладу месте с пьянящими, по-весеннему пряными запахами целинного разнотравья, с запахами разморенной, напоенной вешними водами земли. Куда ни глянь – всюду степь как гигантский зеленый ковер, местами отливающий еще не поседевшей полынной синевою, всюду усеянный россыпями диких тюльпанов.

По радио получен доклад о выходе самолета-мишени на боевой курс. Начальник полигона с группой допущенных лиц заняли места на наблюдательной площадке возле большого артиллерийского дальномера, смонтированного рядом с антеннами. Все смотрят в сторону, откуда сначала должен появиться звук самолетных моторов, потом он будет усиливаться, появятся солнечные блики, отраженные самолетом, а за ними на голубизне неба – белесоватый инверсионный след.

Подготовка станции Б-200 к боевой работе с генеральной проверкой от имитаторов велась особенно тщательно. При автономных проверках аппаратуры неугомонный вездесущий Расплетин появлялся на рабочих местах инженеров-настройщиков, присаживался к контрольным осциллографам, крутил ручки, щелкал переключателями разверток, подолгу всматривался в картинки на экранах, давал команды, делал замечания. Сейчас номера боевого расчета на своих рабочих местах внимательно следят за экранами, слушают команды и доклады через

репродукторы громкоговорящей связи.

– Самолет вошел в зону. Взят на автосопровождение.

– Самолет сбросил парашютную мишень. Вышел из опасной зоны.

– Цель захвачена на автосопровождение.

– Первая – пуск!

В этот момент одна из ракет на пусковом столе словно бы покачнулась и начала обволакиваться снизу облаком дыма и пыли, в котором сверкнуло ослепительное пламя. Ракета ревела, но не было заметно, что поднимается. Казалось, что она зависла над пламенем, размышляя, что делать дальше. Потом лениво и нехотя начала продвигаться вверх, не торопясь, набирая скорость и одновременно склоняясь носом в сторону мишени. И совершенно невозможно было уловить момент, когда она, как гончая, заметившая дичь, устремилась к подвешенной на парашюте мишени. Ракета неизмеримо быстрее, чем самолет, чертила инверсионный след на голубом небе, и он в какой-то момент накрыл мишень, продолжая свое движение, между тем как мишень вывалилась из него, падая на землю. До станции дошел приглушенный и задержанный расстоянием звук от подрыва боевой части ракеты.

Выбежавшие из аппаратного помещения «промышленники» и офицеры поздравляли друг друга, но радость выражали сдержанно: расстрелять парашют – это все же не то, что расстрелять самолет. А из репродуктора снова:

– Самолет-мишень вышел на боевой заход.

– Экипаж самолета-мишени парашютировался.

– Самолет-мишень в зоне. Захвачен на автосопровождение.

– Вторая – приготовиться... Вторая – пуск!

Теперь со второй ракетой повторилось на старте то же, что и с первой, но теперь гончая устремилась к голове траекторного следа самолета-мишени. И на небе разыгралась такая картина, как будто сближались друг с другом два сказочных змея, распуская за собой огромные серебристо-чешуйчатые хвосты. Когда змеи схлестнулись лбами, то более быстрый полетел дальше, а у второго голова отвалилась от хвоста и начала падать, облизываемая языками пламени, разваливаться на дымящиеся и горящие куски. Там, где упал самый большой кусок, сверкнул огонь, грохнул взрыв и взметнулось над землей грязно-бурое облако, постепенно приобретая форму огромного гриба, выросшего над степью. А в воздухе продолжали падать, планируя и выписывая замысловатые зигзаги, отсвечивающие

в солнечных лучах металлические обломки – все, что осталось от бомбардировщика Ту-4.

Стоял благодатный апрельский полдень. Подогретый воздух быстро растворил в себе прочерченные в небе следы самолета и сбившей его ракеты, исчезло и грибовидное облако. Над полигоном снова было чистое голубое небо, будто ничего не произошло, от неба до земли продолжали разливаться песни степных жаворонков. И в людях от только что свершившегося в этой степи тоже пела радость за свой труд, гордость за свою причастность к созданию самого гуманного оружия, которое будет стоять на страже чистого неба над землей, на которой еще зияли раны от минувшей войны. Над землей, вокруг которой теперь гнездились новые драчливые ястребы, грозящие ей ядерной войной. Но создателям чудо– оружия некогда было предаваться чувству радости, потому что их ждали новые неотложные дела. Да и мало кто из них мог знать о том, что произошло здесь, в степи. Создатели «Беркута» были поглощены будничными заботами в авралах по монтажу и наладке аппаратуры на создававшихся боевых объектах зенитно-ракетной обороны Москвы.

. ..Итак, полигонный «Беркут» с «негодными» антеннами сбивает цели, и недоразумения с герметизаторами на объектах удалось быстро урегулировать, но пресловутая «разноканальность» антенн продолжала висеть как дамоклов меч, напоминая о гнусной шифровке с полигона. И что удивительно: Павел Николаевич Куксенко, поддержавший меня на совещании у Берия, мог властью главного конструктора одним росчерком пера исключить бессмысленный пункт ТУ, но он почему-то не вмешивался в это дело. Не намекнул ли ему кто-нибудь, чтобы он не препятствовал разоблачению «антенщиков–вредителей»? Могли, конечно, напомнить ему, что он уже однажды побывал в лапах бериевских мальчиков. Выходит, поторопился дядя Захар, когда говорил, что теперь все пойдет по-новому? Похоже, что дело о вредителях не закрыто, – просто небольшая заминка в связи со смертью Сталина. И я решился, воспользовавшись заминкой, поговорить начистоту с Еляном.

– Амо Сергеевич, у меня к вам две просьбы. Первая – дайте мне возможность лично написать объяснение по кляузе, которая лежит у нас в секретной части с резолюцией Лаврентия Павловича.

– Не понимаю, о чем вы говорите, Григорий Васильевич.

– Если вы хотите скрыть от меня эту бумагу, чтобы я не расстраивался, то я вам признаюсь, что я ее видел и читал, и меня как раз и беспокоит то, что у нас в КБ ее

от меня скрывают и ведут негласное расследование по линии офицеров госбезопасности. А ведь резолюция ЛП адресована не им, а лично вам. Если не полагается меня знакомить с этим документом, я могу изложить свое объяснение в виде докладной записки на ваше имя с ответами на вопросы, якобы поставленные вами лично.

Елян позвонил начальнику секретного отдела, объяснил, какой документ ему нужен. Тот принес папку, но, увидев меня, замялся. Елян его успокоил:

– Не бойся, Михаил Андреевич, давай сюда папку, а сам пока погуляй.

– Но, Амо Сергеевич...

– Я, кажется, ясно сказал, товарищ полковник погранвойск!

Полковник вышел, а Елян протянул мне злополучную папку, и в ней я прочел под резолюцией Берия: «Тов. Расплетину. А. Елян». И чуть ниже: «Тт. Панфилову, Гаухману. Внимательно разберитесь и подготовьте доклад руководству по приведенным фактам. А. Расплетин». Все ясно: Панфилов и Гаухман – офицеры госбезопасности, задававшие по шпаргалкам вопросы от имени мифических «некоторых специалистов».

Елян сказал секретарю, чтобы ни с кем не соединяла и никого не впускала к нему, а сам углубился в чтение своих бумаг, пока я вписывал в блокнот текст докладной. Потом вызвал полковника– секретчика, вручил ему папку и блокнот, приказал срочно отпечатать на машинке докладную записку, которая начиналась словами:

«НАЧАЛЬНИКУ КБ-1 тов. А. С. ЕЛЯНУ. По поставленным Вами вопросам разработки антенн А-11 и А-12 докладываем...»

В конце записки – подписи Кисунько и Заксона.

– А какая у вас вторая просьба? – спросил у меня Елян.

– Сейчас дела по моей высокочастотной части подтянулись, и я бы мог побывать в отпуске. Пять лет не отдыхал. Но дело даже не в этом. Письмо с завода, шифровка Калмыкова и Расплетина, – все это как-то висит надо мной. Сын врага народа, да еще вредитель... Со мной может случиться такое, что надо перед этим набраться сил, отдохнуть.

– Все это вы преувеличиваете, но отдохнуть вам действительно надо. У вас расшатались нервы от разыгравшегося воображения. Куда думаете поехать? Может быть, помочь достать путевку?

– Спасибо, но я хочу всей семьей. Поеду «дикарем». В свои тридцать пять я еще

не видел Кавказ. Поеду в Сочи. Говорят, там хорошо. Может быть, для меня это последний шанс.

– Не вешай нос, доктор. Все будет в порядке. А заявление на отпуск давай, пока я не передумал. Но имей в виду: Сочи – это еще не Кавказ. Когда-нибудь я тебе покажу настоящий Кавказ. Может быть, слыхал про Нагорный Карабах?

Перейдя на «ты», Амо Сергеевич озорно подмигнул, улыбнулся. Уходящего доктора проводил взглядом до двери, погасив улыбку и нервно теребя кончики усов. Когда же дверь закрылась, достал из ящика стола таблетку, недовольно, почти враждебно, осмотрел ее, перевернул на ладони, потом отправил в рот, запил глотком боржоми из стакана с пузырящейся водой, в которой плавала долька лимона. Сам Тевосян как-то сказал ему, что лимон в боржоми «очень помогает от давления».

Прилетев в Сочи с семьей, я не переставал восторгаться могучей красотой Кавказа, не подавляющей своим могуществом и величием, а окрыляющей, наводящей на мысли о первозданной чистоте природы и словно бы истребляющей в них все ненужное, недостойное быть рядом с этой чистотой. И очень удивлялся тому, что вообще существует, оказывается, этот другой мир, где люди беспечно купаются, загорают или просто так гуляют у моря, любуясь брызгами прибоя, разбивающегося о гранит набережной. И нет им дела до того, что где-то на объектах «Беркута» выдают повышенные шумы лампы бегущей волны, «говорят» приемники, «дохнут» магнетроны, а антенны не укладываются в какие-то допуски. Но, пожалуй, еще больше удивился тому, что в первый же день, рыская в поисках жилья, встретил сотрудника своего отдела, собравшегося с женой к отъезду в Москву после хорошо проведенного здесь отпуска. Мы сняли комнату, освобождавшуюся после них. Как же такое могло случиться, что я не заметил месячного отсутствия этого сотрудника в КБ? А что было бы, если бы хоть на один день из той же лаборатории исчезли Берендс, Чурсин, Власова, Черная? До меня только сейчас дошло, что в лабораториях есть люди, без которых ничего не случится и отсутствие которых не заметят, если они уйдут в двойной, тройной отпуск и даже вообще уйдут из КБ. Хотя уходить им, конечно же, ни к чему.

В Сочи жизнь моей семьи замкнулась по привычному для «дикарей» кругу. Утреннюю побудку всегда делало радио. Вот и сегодня в шесть часов утра загремели радиоиерихоны, развешанные на уличных столбах. После первых слов сообщения, последовавшего за обычным объявлением последних известий, я мигом вскочил с

кровати и подошел к окну, чтобы лучше слышать, хотя репродукторы гремели так, что было слышно во всех дворах и закоулках. Когда закончилась передача последних известий, мне показалось, что ее не было, что все услышанное мне приснилось. Постоял у окна, потом вышел, как был, в одних трусах, на веранду. Там уже был мужчина, тоже отдыхающий, снимавший комнату на другой половине домика, в котором поселился я. Этот человек, якобы из Воркуты, назойливо набивался на более близкое знакомство со мной, но я избегал общества мнимого воркутянина, подозревая в нем приставленного ко мне «наблюдателя». Сейчас этот сопостоялец казался если не испуганным, то, по крайней мере, растерянным.

– Вы слушали последние известия? – спросил он у меня.

– Да так... не пойму: слушал или спросонку померещилось.

– И все же что именно вам... померещилось?

– Пожалуй, без всякого «померещилось». Вашего шефа арестовали. ЛП – кажется, так его у вас называют?

– И у вас тоже... И что же вы думаете теперь делать?

– А что мне думать? Я в отпуске. Мне еще и здесь надо позагорать, потом на теплоходе в Новороссийск. Оттуда – тоже морем – до Мариуполя. Давно не видел родственников. Еще с довоенных времен.

– Зря... Лучше вам прервать отпуск. Сейчас начнутся серьезные реорганизации. Можно упустить заманчивые служебные перспективы.

– Для меня самая заманчивая перспектива сейчас – догулять отпуск.

– А я уезжаю. До свиданья. Хорошего вам отдыха...

Когда я вернулся из отпуска, уже не было ни Третьего, ни Первого (атомного) управлений при Совмине СССР, ранее подчинявшихся Берия. Из них было образовано Министерство среднего машиностроения, в котором бывшее ТГУ получило новое название – Главспецмаш, однако никаких кадровых изменений в этом главке не произошло.

Зато существенные кадровые катаклизмы произошли в подчиненном Главспецмашу КБ-1. Прежде всего были упразднены две должности главных конструкторов КБ-1, которые занимали основатели этой организации – Павел Николаевич Куксенко и Сергей Лаврентьевич Берия. Серго после непродолжительного содержания под арестом был отправлен на жительство и на работу в Свердловск под новой фамилией и даже с измененным отчеством. Мне довелось читать циркулярное письмо ВАКа об отмене присуждения Сергею

Лаврентьевичу ученой степени доктора физико-математических наук.

Павла Николаевича Куксенко – одного из старейшин отечественной радиотехники, ранее бывшего узника НКВД, теперь объявили «ставленником» Берия, но не арестовали, а только допросили в Прокуратуре СССР. В расстройстве чувств он забыл, что приехал в прокуратуру на служебном ЗИМе, и отправился домой пешком. А водитель ждал его до поздней ночи, подумал, что шефа посадили, и решил сообщить об этом его жене и был обрадован, когда по телефону ответил сам Павел Николаевич. Для «трудоустройства» Куксенко в КБ-1 ввели штатную единицу председателя ученого совета по присуждению ученых степеней и званий. Эта работа обычно входит в круг обязанностей директора НИИ (начальника КБ) или главного инженера, и новое назначение Куксенко можно было понимать как намек, что его штатная единица в любой момент может быть упразднена, если он не проявит должной старательности в остепенении подсказываемых начальством кандидатур. Особенно без защиты диссертаций – для тех выдающихся личностей, которым некогда заниматься диссертационной писаниной в силу их занятости государственно важными делами.

Вакуум, образовавшийся в КБ-1 после устранения двух главных конструкторов, был заполнен назначением на должность главного инженера КБ-1 С. М. Владимирского – бывшего помощника Берия, – и назначением главных конструкторов по всем разработкам КБ-1. При этом система «Беркут» была переименована в С-25, так как в ее наименовании заподозрили намек на фамилии двух главных конструкторов: БЕРия + КУксенко. Главным конструктором С-25 был назначен Расплетин. «Беркуту», как Сергею, поменяли не только фамилию, но и отчество, да еще и назначили отчима.

Из КБ-1 исчезли оба спецконтингента: немцев и русских зэков. На базе отдела № 32 и его экспериментального цеха было создано ОКБ-2 по зенитным ракетам, его начальником и главным конструктором был назначен бывший главный инженер ОКБ Лавочкина – П. Д. Грушин, первым замом начальника ОКБ-2 – Г. Я. Кутепов. Тот самый Кутепов, который был первым замом начальника КБ-1 и возглавлял в КБ-1 всю команду офицеров госбезопасности, вкрапленных в научные отделы. А еще раньше – возглавлял специальное конструкторское бюро, в котором работали заключенные авиаконструкторы, в том числе Туполев, Мясищев, Томашевич – нынешний технический руководитель отдела № 32 – и другие.

В число «ставленников Берия» попал и начальник КБ-1 Елян – бывший директор

прославленного артиллерийского завода, давшего фронту больше пушек, чем вся промышленность фашистской Германии, завода, ставшего одним из ведущих по созданию атомной промышленности, а затем и по созданию системы «Беркут».

Пока я догуливал свой отпуск, в КБ-1 состоялось бурное партсобрание, на котором, как мне рассказывали, клеймили не столько врага народа Берия, сколько его ставленников, каковыми называли Г. Я. Кутепова, П. Н. Куксенко, А. С. Еляна. Куксенко, как беспартийный, на собрании не был. Кутепов, быстро сориентировавшись, начал каяться, что вовремя не раскусил Берия, но это вызвало смех в зале: получалось, будто именно Кутепов виноват в том, что Берия не разоблачили раньше. А он, ободренный смехом аудитории, продолжал:

– Но, товарищи, никаких вражеских заданий от Берия я не получал.

– А заключенные специалисты? – кто-то выкрикнул из зала.

– Их присылали к нам уже осужденными, чтобы мы использовали их знания для пользы родины. И вы знаете, товарищи, что многие заключенные вышли от нас досрочно и даже награждены орденами за выполненные научные разработки.

– Лишить слова ставленника Берия! Нечего оправдываться! – неслось из зала.

И все же после этого выступления больше всех досталось Еляну. Припоминались обиды, когда он наказывал за грязь и беспорядок в цехах, за брак в изделиях, порчу инструментов и оборудования, за пьянки, – и все это притягивалось за уши к тому, что он – ставленник Берия. Кто-то припомнил Еляну даже то, что он не обеспечил санаторной путевкой «нашего талантливого ученого Кисунько Григория Васильевича», который из-за этого где-то скитается дикарем в Сочи. В своем выступлении Амо Сергеевич прошел мимо демагогической истерии, сказал, что КБ-1 выполняет важные государственные задания, а не задания Берия. И мы здесь не ставленники Берия, а поставлены на это дело партией и правительством. Долг всего нашего коллектива – с честью выполнить эти задания.

Елян был глубоко порядочным, честным, принципиальным человеком. Известен, например, такой факт, когда во время войны он отказался от назначения его наркомом вооружения вместо Устинова, когда тот разбился на мотоцикле и попал в больницу. Сталин был разгневан «мальчишеской выходкой» Устинова, позвонил по ВЧ Еляну и приказал ему прибыть в Москву принимать наркомат. Но Елян ответил: «Товарищ Сталин, при живом Устинове принимать наркомат никак не могу!» И настоял на своем – перед самим Сталиным!

Но на крутых поворотах общественного бытия порядочные люди всегда

оказываются беззащитными перед прохиндеями, ловцами чинов, званий и должностей, и сейчас именно в таком положении оказались и Куксенко и Елян.

Я зашел к Амо Сергеевичу в кабинет, как к начальнику КБ-1, чтобы доложить о прибытии из отпуска, как положено, и получить указания. Он сидел один в своем кабинете, и было ясно, что этот неуемный человек, с его кипучей энергией и творческой «живинкой», сейчас не у дел. Он даже удивился, хотя и обрадовался моему появлению в кабинете, куда уже никто не заходит. Все знают, что этот ставленник Берия досиживает последние дни в этом кабинете, и по всем вопросам обращаются к новому главному инженеру Владимирскому. Видно было, что Амо Сергеевич сильно сдал физически.

Особенно заметным был нездоровый, землистый цвет осунувшегося лица. На столе – неизменный стакан боржоми с плавающей в нем долькой лимона. Мне рассказывали, что и в президиуме партсобрания Елян часто запивал водой какие-то таблетки. Сейчас, здороваясь со мной, Амо Сергеевич пошутил:

– Ого, как загорели! Вам бы еще усы – и настоящий Кисуньян.

– А я ведь за этим и ездил в Сочи. Готов без моторов, вручную, крутить обе антенны.

– Насколько я знаю, вам теперь предложат крутить нечто большее.

– Кто предложит?

– Главный инженер КБ-1 Сергей Михайлович Владимирский.

– Тот самый, что был помощником у Берия? Который тогда прищучивал меня в связи с шифровкой Калмыкова и Расплетина насчет негодных антенн?

– Тот самый, но вы ему об этом никогда не напоминайте. Делайте вид, что все это забыто. Насколько я знаю, вам предложат должность начальника отдела по разработке зенитно-ракетных систем. Советую соглашаться. У вас все должно получиться хорошо, и я заранее рад за вас...

Вскоре стало известно о назначении Еляна на должность главного механика одного из подмосковных заводов. Там этот талантливый инженер, знаток и организатор производства, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, генерал-майор инженерно-технической службы, депутат Верховного Совета СССР, будет отвечать за вентиляцию в цехах, нестандартное оборудование и такелажные работы.

Но Елян недолго будет исполнять свои новые обязанности. Последуют три тяжких инсульта, после чего он на многие годы, пока не остановится его на редкость

выносливое сердце, будет обречен на существование в полной беспомощности и неподвижности, при полном отсутствии функций сознания, мышления и памяти. Это будет живое существо с функциями новорожденного младенца.

Хоронить Еляна будут без воинских почестей, положенных при его воинском звании генерал-майора. Отдание почестей будет запрещено завотделом ЦК КПСС И. Д. Сербиным. За гробом Амо Сергеевича будет идти маленькая группа людей, которых успеют оповестить родные и близкие. И среди них будет член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР Василий Михайлович Рябиков.

Но все это будет очень не скоро, а пока что «ставленника Берия» в кабинете начальника КБ-1 сменил бывший помощник Берия С. М. Владимирский, а освободившуюся при этом должность главного инженера КБ-1 стал исполнять главный конструктор С-25 А. А. Расплетин.

Такая расстановка сил в КБ-1, плюс Калмыков В. Д. в должности главного инженера в Главспецмаше, которому подчинено КБ-1, – все это ставило меня, как и тогда, в кабинете Берия, в положение пешки, находящейся под ударом сразу трех – причем тех же самых – фигур. Мне стало ясно, что действия этих трех фигур в реорганизационной партии, проведенной ими на доске КБ-1, были на редкость четко продуманы и взаимосогласованы ради «заманчивых служебных перспектив», на которые мне намекал в Сочи воркутянин. И я не сомневался, что игра будет вестись до тех пор, пока пешка не будет снята с доски, так же как были сняты более мощные фигуры Куксенко и Еляна. И дело здесь не только в спортивном азарте, но и в психологии гомопакостникуса: ненавидеть того, кому напакостил, и еще более ненавидеть того, к кому не пристала подстроенная ему пакость. Да и сам я не смогу сколько-нибудь долго находиться в служебной зависимости от этого злокозненного трио.

Но вот вопрос: куда и как я могу уйти из КБ-1, если в моем ордере на квартиру написано: «В связи с работой в КБ-1»? К тому же я – военнослужащий и не могу просто, найдя новое место работы, подать заявление об увольнении из КБ-1 по собственному желанию. Ибо в этом случае меня не уволят, а откомандируют в распоряжение Главного управления кадров Министерства обороны «для дальнейшего прохождения службы», и тогда вместо интересной творческой работы по созданию новой техники я окажусь где-нибудь на подполковничьей ступеньке военно-чиновничьей иерархии с ее железным правилом: «Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак, будь ты хоть трижды ученый». Нет, не доставлю я такого

удовольствия моим недоброжелателям! Да и не так уж они страшны теперь, лишившись такого ужасного орудия в их интригах, как Лаврентий Берия и его команда! Тем более что вскоре Владимирский ушел начальником Главспецмаша, а на должность главного инженера КБ-1 и исполняющим обязанности начальника КБ-1 (пока подбиралась постоянная кандидатура) был назначен Федор Викторович Лукин. Очень правильно говорил Пьер Безухов: «Если люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое». Но как это сделать?

Увы! – мои наивны были представленья,
что только от годов седеет голова,
что подлость можно отвратить щитом презренья,
что клевета, обман и зависть – трын-трава
и что косить ее – не наше, дескать, дело:
сама собой засохнет в праведных лучах.
А ведь она посевы глушит так умело! –
и не один полезный злак под ней зачах...

Еще совсем недавно Федор Викторович Лукин работал в номерном НИИ, где начинал инженером, потом прошел через все ступени институтской лестницы, был главным конструктором, потом стал главным инженером института. Он никогда не задумывался над тем, что многие из окончивших с ним МЭИ давно уже стали известными докторами наук, даже академиками, между тем как он, едва ли не самый способный из них, с трудом выкроил время, чтобы написать и защитить полгода назад кандидатскую диссертацию. Зато с гордостью мог издали распознать силуэты радиолокационных систем на военно-морских кораблях, созданных под его руководством. С ним советовались в ЦК и Совмине.

Но вот его вызвали в ЦК, сообщили как о не подлежащем обсуждению назначении его в КБ-1, охарактеризовав эту организацию как гнездо бериевских ставленников, которые якобы за спиной у военных, под крылышком Берия построили совершенно негодную зенитно-ракетную систему.

– А кто сказал, что система негодная? – спросил Лукин.

– Таково мнение многих видных военных и специалистов ряда ведущих институтов, в том числе и вашего института.

– В нашем и в других НИИ немало недовольных этим КБ. Одни до сих пор не могут забыть, как у них бесцеремонно забирали и переводили в КБ-1 лучших

специалистов. А иным было завидно и обидно, что их не взяли в КБ, сочли за второй сорт. В КБ-1 собраны специалисты экстра-класса, они просто не в состоянии делать негодную вещь.

Тщательно изучив состояние дел в КБ-1, Федор Викторович счел возможным доложить в ЦК свои выводы о том, что система С-25 очень толковая, ее надо вводить в строй такой, как ее задумали. В принципе она готова, отлично стреляет на полигоне, осталась валовая работа по вводу боевых объектов. Однако совсем другой подход к системе был у председателя Государственной комиссии по испытаниям и приемке системы С-25.

Николай Дмитриевич Яковлев в годы войны с Германией и после войны занимал высокий пост в Министерстве обороны, на котором ему довелось постоянно общаться с Верховным Главнокомандующим. Редко выпадал день, когда его не вызывал бы Сталин, а ежедневные телефонные звонки от Сталина стали для маршала артиллерии обычным делом. Сталин хорошо знал его и высоко ценил. Но во время войны в Корее в судьбе маршала произошла катастрофическая перемена, совершенно неожиданная и для него самого, и для тех, кто его знал.

Из Кореи начали поступать донесения, что в зенитных пушках, недавно принятых на вооружение, противооткатные пружины ломаются, не выдерживая заданного по ТУ количества выстрелов. Николай Дмитриевич распорядился в качестве временной меры немедленно снабдить войска увеличенным количеством запасных пружин, пока в промышленности разберутся и устранят причины выявившегося дефекта. Но личные недоброжелатели раздули эту историю перед Сталиным. Маршал был отстранен от должности и арестован. Освободили его после ареста Берия, и ему было поручено председательствовать в Государственной комиссии по испытаниям системы С-25. В его назначении угадывался намек на то, что эту систему, созданную под непосредственным началом Берия за спиной и без участия военных, можно даже забраковать, а впустую затраченные средства вменить в вину тому же Берия, от которого пострадал и сам Николай Дмитриевич. Но и без этого глубоко подспудного смысла его миссии положение маршала как председателя Госкомиссии оказалось очень трудным. Арест и все, что за ним последовало, надломило его, превратило в «решениебоязненного» человека. Он стал воспитывать и насаждать вокруг себя перестраховщику, прежде всего – в аппарате заказывающего главка, который начал формировать из числа офицеров, ранее работавших у Рябикова в ТГУ. Его девиз для работников нового главка

гласил:

– Прежде чем подписать какую-нибудь бумагу, убедись, что если за нее начнут сажать в тюрьму, то ты будешь в конце списка, а первые номера уступи разработчикам.

Николаю Дмитриевичу, по натуре исключительно добросовестному и дотошному, пришлось начинать с того, чтобы Госкомиссия досконально изучила все возможности системы С-25, все ее плюсы и особенно минусы. Выявление каждого минуса ставилось офицерам в плюс и щедро поощрялось по служебной линии. Свои плюсы система воочию демонстрировала стрельбами по реальным самолетам на полигоне. Но минусы были сильнее, потому что извлекались из воображения. Бесконечные дебаты вокруг них велись и на полигоне, и в московских кабинетах, и на головном объекте системы, но везде они были одинаковыми, так как в постановке вопросов был общий дирижер. По требованию Госкомиссии на капъярском полигоне был создан в полном боевом составе многоканальный стрельбовой комплекс и показано отражение массированного воздушного налета с одновременным поражением 20 самолетов-мишеней зенитными ракетами. Была выдвинута идея провести сравнительные испытания зенитно-ракетного комплекса и группировки зенитно-артиллерийских установок. И такие испытания были проведены, – не в пользу зенитной артиллерии. Появились предложения проверить работу системы в условиях радиопомех, хотя пробные облеты показали, что разработанные в ЦНИИ Миноборонs источники помех слабоваты, чтобы забить станцию Б-200. Но, несмотря на это, наиболее острые споры между военными и промышленностью велись именно по помехозащищенности системы. Помню, как-то вызвал меня первый замминистра среднего машиностроения Б. Л. Ванников, которому КБ-1 подчинялось через Главспецмаш. Он сказал мне, что к нему сейчас подъедет маршал Яковлев с вопросами, касающимися системы С-25.

Встречая Яковлева и двух генералов, Ванников сказал:

– Рад приветствовать вас. И еще более буду рад узнать, как долго вы собираетесь еще тянуть резину с приемкой системы С-25.

Пропустив эти слова как бы мимо ушей, Яковлев решил с ходу повести разговор в заранее продуманном направлении:

– Все это хорошо, что мы постреливаем на полигоне, но все это – в тепличных условиях: всего лишь с четырьмя стрельбовыми каналами, самолеты-мишени идут без постановки активных и пассивных помех.

– Нарушители наших воздушных границ, о которых мы чуть ли не каждый день узнаем из газет, тоже ходят без всяких помех, но на высотах, где их могут достать только зенитные ракеты. А мы ведем пустые словопрения вместо того, чтобы делать дело. И еще скажу вам: запустите на зенитно-ракетный комплекс самолеты с помехами, – и он их собьет. Не верите мне – спросите у разработчика. Верно я говорю? – спросил Ванников у меня.

Я утвердительно кивнул, только теперь поняв свою роль в этом разговоре, на которую рассчитывал Борис Львович.

– Вы пользуетесь тем, что у нас сейчас нет постановщиков помех, хотя теоретически ясно, что система не защищена от помех, – ответил маршал.

Я возразил ему:

– И практически и теоретически ясно, что система уже сейчас может работать при определенных плотностях помех. Пока у вас появятся более плотные помехи – появится и возможность бороться с ними.

– Вот и прекрасно. Проведите модернизацию системы, а потом мы ее испытаем в условиях помех и примем. И заодно введите на полигоне штатное число ракетных и целевых каналов.

– Такие вещи в один день, и даже в год, не делаются.

– А мы согласны подождать, – вступил в разговор один из генералов.

– По помехозащищенности у нас в КБ создана специальная головная лаборатория, туда собраны лучшие силы, и весь наш отдел практически ничем другим не занимается, если не считать разработку подвижного зенитно-ракетного комплекса С-75. Проверку противопомеховой аппаратуры начнем в Кратове, потом на полигоне и только после этого будем внедрять на объектах.

– Очень хорошо: подождем, когда вы дадите нам помехозащищенную, да еще и подвижную систему, – сказал другой генерал.

Ванников молча и внешне спокойно наблюдал, как генералы каждый мой чисто технический довод оборачивают в пользу того, чтобы систему в ее нынешнем виде не принимать. Но последние слова генерала вывели его за порог терпения, и он выпалил, обращаясь к маршалу:

– Вот что я вам скажу, уважаемый Николай Дмитриевич: с..ть легче, чем жрать. Но надо же знать место, где это можно делать, а где нельзя.

– Ну, знаете... – пробормотал Николай Дмитриевич и, не прощаясь, пулей вылетел вместе со своими генералами из кабинета Ванникова.

– А ты, – с укоризной сказал мне Ванников, – как малое дитя. Надо же знать, кому, где, что и когда можно обещать.

Вокруг системы С-25 начало складываться отношение военных к главным конструкторам как к людям безответственным и недобросовестным, которые только и думают о том, чтобы всучить Министерству обороны негодные вещи. Уловив эту обстановку, представители заводов были не прочь списать на разработчиков малейшие затруднения, которые возникали при отладке аппаратуры на объектах системы. Они заявляли, что конструкции несерийноспособные, неэксплуатабельны, что эти конструкции навязало им КБ-1 под нажимом Берия. А военные подхватывали:

– Разве это оружие, если его могут настроить только сами разработчики? У нас его должны обслуживать солдаты, а не академики.

Демагогов нередко поддерживали их начальники, которые не упускали случая дать понять и самому Рябикову, что он теперь не тот начальник ТГУ при Совмине, который мог командовать министрами и за спиной которого стоял сам Берия, а всего лишь начальник ощипанного главка при Минсредмаше. А Василий Михайлович теперь, возглавляя Главспецмонтаж, оказался изолированным даже от КБ-1, как головного разработчика системы, так как КБ-1 при разделении бывшего ТГУ было передано в Главспецмаш, возглавляемый Владимирским. При этом разделение бывшего рябиковского имело легко угадываемый подтекст: мол, пусть Рябиков расхлебывает свою «беркутовскую кашу», а перспективой займутся другие, с ней не связанные.

Официальный рабочий день давно закончился, и я по установившейся у нас практике зашел к Федору Викторовичу, чтобы подвести итог дня по вопросам ввода объектов С-25, зафиксированным за минувший день, и по принятым по этим вопросам мерам. Федор Викторович, как обычно в этой «третьей половине» рабочего дня, сидел, обложившись книгами по динамике полета ракет, по гироскопии, по ЭВМ, по новой технологии в радиоэлектронике. Он согласился возглавить государственную комиссию по ЭВМ «Стрела», преследуя две цели: непосредственно от разработчиков почерпнуть знания новой для него отрасли вычислительной техники и ускорить получение в КБ-1 первых образцов ЭВМ. Одновременно, будучи новичком в ракетной технике, он с первых дней своего прихода в КБ-1 начал упорно изучать ее теоретические и практические аспекты, не стеснялся учиться в лабораториях у своих новых подчиненных. Я знал, что он

основательно готовится закончить этот цикл своего обучения в качестве председателя комиссии по заводским испытаниям созданной коллективом Д. Л. Томашевича зенитной ракеты 32Б с наклонным гартом для подвижных комплексов ПВО. Он был из тех, кто старался осваивать все новое, пощупав его собственными руками.

На этот раз он не стал заслушивать мой доклад, а неожиданно предложил поехать вдвоем на дачу.

Я подумал, что надо срочно ехать на один из объектов С-25 в лесу, которые сотрудники КБ для зашифровки по телефону называли «дачами». Поэтому спросил:

– На какую именно?

– Вы, вероятно, слышали о директорской даче, построенной Еляном? Так вот, рядом с нею я поручил соорудить еще одну – летнюю. Рядом река, лес, много грибов. Вашей семье там будет неплохо. И вы сами сможете туда приезжать. От некоторых объектов до нее ближе, чем до дома.

– Мне как-то не приходилось иметь дело с дачами. Мои приспособились купаться и загорать на Химкинском и Кунцевском пляжах.

– Но вам и самому надо иногда отдохнуть, расслабиться. Тем более, я почти уверен, что в ближайшие пару лет ни вам, ни мне не светит перспектива отпуска.

– Нагорит нам обоим от политотдела за эти дачи.

– С политотделом все согласовано. По миновании аврала на объектах обе дачи перейдут детскому садику. А с нас хозяйственники сдерут кругленькую сумму. Впрочем, я предлагаю пока что ничего не решать, а махнуть туда для осмотра на месте. Советую прихватить с собой супругу, ребятишек, уверен – им понравится.

– Не хочу приучать супругу и ребятишек к казенной даче и машине. Приучить легко, а как потом отучать?

– Итак, через час встречаемся на машинах на выезде из Москвы по Калужскому шоссе, где здание с полукруглым фасадом. За это время мне, как дачному мужу, надо кое-что прихватить в магазинах.

В назначенное место сбора подъехали почти одновременно не две, а три машины: ЗИМ Федора Викторовича, моя «Победа» и «Москвич», главного инженера антенного завода Г. Т. Парамонова. Георгий Тимофеевич успел созвониться со мной, когда я уже вызвал машину и выходил из кабинета.

Мы все вышли из машин. Заводчанин был небрит и имел, что называется, загнанный вид. Здороваясь с нами, он сказал:

– Выручайте, братцы, пока меня живьем не съели. Сделали мы антенны точно по вашим... по утвержденным вами чертежам. И вот при сборке на объектах почти все они оказались негодными. Угловые отклонения оптических осей не укладываются в допуск. Говорят, что от этого будут большие промахи при наведении ракет на самолеты противника. Меня заставляют разбирать антенны и увозить для доработок на завод. А что мне с ними делать на заводе? Допуски – очень жесткие. Можно меня отдать под суд, но выдержать их невозможно. Вы наука, вам решать. Только я вам прямо скажу: в промахах мы не смыслим, мы по части железок, но допуски эти – фикция. Над нами, инженерами, работяги смеются. Некоторые даже изловчились: пока пасмурно – сдают военпредам, а сами знают, что когда пригреет солнышко – все расползется и выйдет за допуски. Соображают ребята в тепловом расширении! Если и в самом деле от этого зависит точность стрельбы ракетами, то наше дело – труба. А военные на объектах прямо говорят, что это, мол, не оружие, а очковтирательство.

Отвечая на вопросительный взгляд Федора Викторовича, я сказал:

– Это очень застарелая идиотская история. Антенны в полном порядке. Но требования на их проверку при сборке на объектах безграмотные. Надо изменить ТУ на отклонения оптических осей излучателей антенн. Проверять на заданный допуск не индивидуальные отклонения осей каждого излучателя, а их среднее значение. Потому что все шесть излучателей при вращении антенны через каждые ноль целых две десятые секунды поочередно включаются в работу на время прохождения их осей через рабочий сектор станции. При этом, например, если у одного излучателя отклонение оси вправо, а у другого такая же по величине, но влево, то их суммарный вклад в ошибку станции будет равен нулю, – как если бы и не было этих отклонений.

– Проводить зачетную проверку антенны по средней величине отклонений всех ее излучателей – это понятно, – сказал Федор Викторович. – Но должна же быть уздечка и на величину индивидуальных отклонений. Иначе получится нечто вроде средней температуры пациентов в больничной палате.

– Правильно. Такая уздечка есть. Это среднеквадратическое отклонение от среднего. Оно определяет амплитуду синусоидальной ошибки с частотой вращения антенн, обусловленной индивидуальными отклонениями. Вот две элементарно простые формулы для среднего и среднеквадратического отклонений. Я убежден, что все антенны, проверенные по этим формулам, окажутся годными.

– Почему же вы до сих пор не откорректировали техническую документацию на антенны, если вам ясно решение вопроса? Надо все это сделать немедленно, завтра же дать указания на объекты, – сказал мне Федор Викторович.

– Военпреды признают изменения в документации только за подписью главного конструктора или его зама. А я не то и не другое.

– Должен вам доложить, – сказал заводчанин, – что этот вопрос уже дошел до скандала и будет на днях рассматриваться начальниками обоих главков и нашим замминистра.

– Вот и хорошо, – сказал я. – Возьмите эти формулы, и пусть ваши расчетчики обсчитают к совещанию замеры, полученные на антеннах, чтоб у вас были таблички с величинами средних и среднеквадратичных отклонений. Я же прихвачу проект нового пункта ТУ и новой методики, и, когда получим «добро» от начальства, все наши антенны будут реабилитированы, а ваш завод из гадкого утенка превратится в белоснежного лебедя.

– Спасибо вам великое. Вопрос остается подвешенным, зато я получил на память листок бумаги в клеточку и на нем задачку по арифметике. – Парамонов холодно попрощался с нами и уехал на своем «Москвиче».

Мы ехали с Федором Викторовичем в его ЗИМе по Калужскому шоссе в сторону Красной Пахры, за нами шла моя «Победа».

– Не нравится мне настроение главного инженера завода, – сказал я. – Думаю, что дачный вопрос от нас не уйдет, а сейчас мне, пожалуй, лучше отправиться на завод, чтобы лично проследить за решением «арифметической задачки» заводскими расчетчиками...

На следующий день Лукин с утра занимался директорскими делами, а после обеда вызвал к себе Расплетина и меня. Прикуривая от зажигалки Расплетина, Федор Викторович обратился к нам обоим:

– После вчерашнего эпизода на Калужском шоссе я еще раз убедился, что организация работ по линии нашего КБ на объектах С-25 никуда не годится. Разве это порядок, когда заводчане буквально на улице ловят начальника отдела зенитно-ракетных систем по вопросам, которые месяцами остаются без движения, лихорадят всю кооперацию заводов? Как будем жить дальше?

Я считал, что первым должен высказаться главный конструктор, поскольку вопрос касается «его» системы. И он после паузы высказался:

– Григорий Васильевич сам виноват, что его ловят заводчане. Ему давно надо

было разобраться вместе с Заксоном, почему ни одна антенна не укладывается в допуск. А как начальнику отдела ему надо было бы лично возглавить группу КБ-1 на головном объекте. Что же касается общей координации работ, то этим сам Бог велел заняться вам, Федор Викторович, как главному инженеру КБ-1.

– В антеннах, как я понял, Григорий Васильевич давно разобрался, – сказал Лукин, – и, по-видимому, кто-то другой тормозит решение довольно ясного даже мне, новичку, вопроса. И вот мне, как главному инженеру КБ-1, сам Бог велел спросить у вас: почему вами до сих пор не утверждена новая документация на проверку оптических осей антенн? Неужели надо было доводить дело до того, что завтра на высоком совещании нам как мальчишкам надерут уши?.. А теперь насчет места, где должны находиться начальники. Советую вспомнить, как разъяснял этот вопрос Чапаев с показом на чугунке с картошкой. И имейте в виду, что по новой структуре КБ-1 на этом чугунке над вами теперь сидит и начальник отдела Кисунько, которого вы с такой легкостью прочите в диспетчеры на головном объекте...

– Кстати, о головном объекте, – сказал я. – На нем мы сосредоточили авторский надзор КБ-1. Этот объект, как эталон для всех остальных, вводится под техническим руководством представителей КБ-1. Помощь остальным объектам оказывается только в исключительных случаях, по методу «пожарной команды». На головном объекте у нас постоянно находится группа сотрудников во главе с начальником лаборатории по испытаниям кратовской станции Б-200. Сейчас на этой станции затишье, а опыт лаборатории оказался очень полезным на головном объекте. Задача наших представителей – знать состояние работ на курируемых ими блоках головной станции и при необходимости вызвать из КБ-1 нужных специалистов. По существу, это диспетчирование, которое позволяет нам держать на головном объекте только тех наших людей, которые в данный момент там нужны. Сидеть мне там в качестве главного диспетчера, бросив отдел, как предлагает Александр Андреевич, нет никакого смысла. Но на головном объекте создается очень много документов, требующих утверждения главным конструктором: протоколы, программы, методики испытаний, стыковок и так далее. Сидеть там постоянно Александру Андреевичу тоже нет смысла, тем более что он большую часть времени должен находиться на полигоне в Капъяре, на стрельбах, которые никакому заму не поручишь. Поэтому мне представляется полезным поднять статус Маркова – нашего представителя на головном объекте, назначив его в этом ранге уже от КБ-

1, а не от отдела, и с полномочиями зам. главного конструктора по вопросам, относящимся к головному объекту.

При последних моих словах Расплетин нервическими движениями начал крутить в пепельнице и растер в порошок только что зажженную сигарету, достал из пачки другую, закурил ее и сказал:

– Какой из Маркова зам. главного конструктора? Он ничего не смыслит в технике. Типичный майор.

Я уже привык к намекам на то, что якобы всюду протаскиваю «своих» военных, прикомандированных к КБ-1 в погонах, как и я сам. Пропустив очередной намек насчет Маркова, я ответил Расплетину:

– В Кратове Марков достался мне по наследству как начальник одной из лабораторий, в свое время созданных в вашем координационном отделе. Так что это не мой, а ваш выдвиженец, уважаемый Александр Андреевич. И оба мы сходимся на том, что он звезд с неба не хватает. Но он помогал мне основательно как пробивной человек, который мог взять мертвой хваткой любого смежника, выбить с завода нужное изделие и все такое прочее в том же духе. Его даже приходилось сдерживать от этакого, я бы сказал, садистского отношения к людям.

– Надо соглашаться, Александр Андреевич, – примирительно предложил Федор Викторович. – Мне тоже обрывают телефоны директора и замминистры: мол, почему задерживается утверждение документов главным конструктором, из-за этого не можем начать работу. А в действительности сами не готовы к работе, прячутся за отсутствие подписи главного конструктора.

– Черт знает что такое, – возмутился Расплетин. – Вы суете мне в замы какого-то безграмотного майора, к тому, же, как вы сами выразились, садиста.

– Ну, насчет садизма я ввернул, считайте, для красного словца. Уж я-то знаю, что такое настоящий садизм. Это, например, кляузная шифровка на имя Берия, направленная с полигона.

С этого момента Федор Викторович с недоумением наблюдал за двумя своими собеседниками, сидевшими перед ним за одним столом напротив друг друга и как-то сразу перешедшими на непонятную ему тему разговора. У того, который говорил о шифровке, словно бы загорелись уши, под синевой выбритых щек заиграли желваки, а в глазах под прикрытием размашистых густых черных бровей накапливались зеленоватые молнии. А его краснолицый коллега при упоминании шифровки рывком откинулся на спинку стула, на его медно-кирпичной лысине

появилась бледная, от лба до макушки, полоска, круговыми движениями языка он провел по пересохшим губам, бледно-голубые, навыкате, глаза стрельнули в потолок, а потом в сидящего напротив коллегу. Федор Викторович, наблюдавший эту сцену, почувствовал, что на миг скрестившиеся взгляды двух его визави словно бы выкресали только им видимый огонь, который ослепил их обоих и лишил способности видеть друг друга. Из этого оцепенения их вывел голос Федора Викторовича, отдававшего секретарше указание вызвать Маркова. Потом Федор Викторович придвинул к себе секретный пронумерованный блокнот и сказал:

– Теперь займемся составлением приказа по КБ об организации работ по сдаче головного объекта системы С-25.

Когда был написан заголовок будущего приказа, в кабинет главного инженера неторопливой походкой вошел Владимир Иванович Марков – невысокого роста, коротконогий, внешне спокойный, невозмутимый, с настороженными, глядящими исподлобья и временами бегающими водянистыми глазами. Остатками волос на лысеющей голове он чем-то напоминал Расплетина, замом которого ему предстояло стать – через несколько минут после того, как и. о. начальника – главным инженером КБ-1 будет подписан рождающийся в его блокноте приказ...

Принцип построения быстро сканирующих антенн А-11 и А-12 для станции Б-200 имел ряд недостатков, главным из которых была многоэлементность конструкции: шесть излучателей, один неподвижный волноводный коммутатор и два вращающихся коммутаторных сочленения в волноводном тракте. Технологически это были очень сложные конструкции. Но нас ориентировали на то, что после московского «Беркута» будет ленинградский, поэтому в задел не возбраняется, а даже очень желательно искать более совершенные конструкции. В этом смысле оказался очень изящным сканер Фостера, который раскопал в литературе и весьма успешно усовершенствовал прикрепленный к нашему отделу заключенный специалист, талантливый инженер Сергей Константинович Лисицын. Конструкция антенны была предельно проста: волноводный тракт без сочленений и коммутаций, заканчивающийся плоским рупорным облучателем, плоско-параболическое зеркало, вращающийся усеченный конус в конусном кожухе, выходной излучающий раскрыв. При большой конструктивной простоте конусные антенны имели более низкий, чем в А-11 и А-12, уровень боковых лепестков паразитного излучения. Кроме того, они допускали возможность укрытия их в бетонных сооружениях всей конструкции, кроме, разумеется, излучающей щели в

бетоне.

Один комплект конусных антенн, получивший шифр А-15, был изготовлен на заводе, где во время войны директором был Елян. Амо Сергеевич фактически из КБ-1 руководил их изготовлением, следил, чтобы это были не штучный, а серийно-технологичный процесс. Технология. А-15 и А-16 и сами эти изделия были любимыми детищами Еляна, и он даже уговорил Сергея Лаврентьевича побывать на заводе, лично увидеть все в натуре. Я сопровождал их в этой поездке на ЗИМе, который почти всю дорогу в 600 километров вел Серго. Заводчане с гордостью показывали технологию и сами изделия, говорили, что готовы хоть сейчас начать производство антенн для ПВО Ленинграда.

Но сейчас, когда дирижерская палочка и деньги заказчика перешли от упраздненного ТГУ к военному ведомству, заикаться о ленинградском «Беркуте» стало совсем неуместным, поскольку оказалась на грани забракования военными московская система. И это несмотря на то, что уже прошли стрельбы по полной программе на полигонном опытно-боевом зенитно-ракетном комплексе. Уже не «академики» из КБ-1, а штатные боевые расчеты войсковых частей эксплуатируют боевую технику. Объекты приобрели образцовый воинский вид. На боевых площадках – газоны, аллейки молодых деревьев вдоль асфальтированных дорожек. В аппаратных помещениях сверкают надраенные соляркой до блеска линолеумы, шкафы и пульты с мигающими и немигающими лампочками. Система была подвергнута всем видам проверок, которые предлагались военными, но, как оказалось, совсем не для того, чтобы обрести уверенность в ее качествах как оружия ПВО, а для того, чтобы наскрести ее «недостатки», которые промышленность должна устранить, прежде чем решать вопрос о принятии системы на вооружение. Но если систему С-25 военные, по существу, предлагали вернуть на доработку, то сам по себе отпадал вопрос о тиражировании «недоработанных» средств этой системы для ПВО Ленинграда, получившей условное наименование С-50.

Другие возражения военных против продолжения производства средств типа С-25 для С-50 основывались на их желании иметь мобильные средства вместо стационарных. На это мы с Лукиным отвечали, что Ленинград – это сугубо «неперевозимый» объект, поэтому бессмысленно требовать, чтобы обороняющие его установки были мобильны. Тем более что на современном состоянии радиоэлектроники мобильные зенитно-ракетные комплексы могут быть выполнены

только в одноканальном варианте. Сейчас нельзя терять такое важное качество комплексов С-25, как многоканальность. Ее можно реализовать, если угодно, и в мобильном варианте, – с размещением аппаратуры в вагонах, антенн и пусковых установок – на железнодорожных платформах. Антенны конусного типа не имеют открытых вращающихся частей и поэтому очень хорошо приспособлены к размещению на железнодорожных платформах прямо в рабочих положениях. Они проверены в составе кратовской станции Б-200 и сейчас смонтированы в Капъяре. Железнодорожные многоканальные ЗРК были бы очень удобными для ПВО городов: ведь к каждому сколько-нибудь важному городу подходит железная дорога, от которой совсем нетрудно сделать отвод для размещения такого комплекса. А сколько понадобилось бы одноканальных подвижных комплексов вместо одного такого комплекса и как можно будет управлять их совместными боевыми действиями при отражении группового налета авиации противника? Исходя из этого, я считал, что одноканальные комплексы хороши только для борьбы с одиночными самолетами, – например, с нарушителями границы, но не для серьезной войны.

Однако перекомпоновка многоканального ЗРК С-25 под железнодорожный вариант (система С-50), модернизированные доработки С-25, так же как и модификация многоканального ЗРК С-25 в одноканальный под автомобильный вариант (С-75), – все эти три направления работ в нашем отделе представлялись мне недостаточно серьезными для того, чтобы задействовать уникальнейший научно-технический потенциал коллектива, выросшего на создании системы С-25. Я считал, что под научно-техническим руководством КБ-1 эти работы по плечу промышленным КБ и заводам, приобретшим опыт при создании системы С-25. Основной же творческий потенциал нашего отдела должен быть задействован на создание ЗРК с существенно увеличенной (например, в два раза) дальностью действия. Идея создания такого комплекса «дальней руки» в то время буквально носилась в воздухе, но, несмотря на это, я, к моему удивлению, не нашел поддержки ни у Лукина, ни у Расплетина.

Лукин мне сказал:

– Может быть, вы и правы, но мы в этом деле опоздали. Генеральный конструктор Лавочкин и министр Калмыков вышли прямо к Хрущеву с предложением о создании дальнобойных многоканальных зенитно-ракетных комплексов «Даль». Военные поддержали это предложение, и вышло

постановление о строительстве комплексов «Даль» в системе ПВО Ленинграда. Так что военные не такие уж противники стационарных систем.

Я ответил, что можно только сожалеть, что инициатива в этом деле исходит не от нас. Это не только подсекает на корню С-50, но и расшатывает доверие военных к С-25. Получается, будто мы зашли не туда, а Лавочкин исправляет положение.

– «Даль» – это авантюра, – сказал Расплетин.

Я, между прочим, тоже так считал, но эта авантюра не по идее, а потому, что без участия КБ-1 – это «не по Сеньке шапка».

Лавочкин – прославленный авиаконструктор, его верткие, остроносые истребители давали жару «мессерам», после войны он сделал опытный образец истребителя, на котором летчик-испытатель преодолел звуковой барьер. Высшее начальство, с самого верха следившее за успехами Лавочкина, решило, что именно ему следует поручить разработку зенитной ракеты для «Беркута». И хотя он упирался, пришлось ему пойти на вторую роль под главенством этого мальчишки Сергея Берия, к которому, как дядька при юнкере, приставлен загадочно немногословный и своенравный Куксенко.

Как авиаконструктор, Лавочкин в свое время привык командовать радистами: выдавал им техническое задание, назначал вес радиоаппаратуры, выделял отсек для ее размещения и место для щитка управления, а все остальное, как говорится, «не ваше дело». Теперь же, при разработке ракеты, в его дела все плотнее стали влезать радисты, «управленцы». Задают материал обшивки и даже силовых узлов ракеты в местах установки бортовых антенн. Случалось и так, что ракета, как бревно, не слушалась радиокоманд: рули отклоняются, а она почти не меняет своего курса или тангажа, и даже поворачивали не в ту сторону. Приходилось делать продувки моделей ракет, экспериментировать, ставить всякие закрылки, выбирать местоположение рулей – вроде бы обычное дело, но все это – под недреманным оком КБ-1. Однако сотрудничество с КБ-1 у Семена Алексеевича сложилось в деловом, взаимно уважительном ключе, и под впечатлением боевой работы станции Б-200 с ракетой В-300 на полигоне он даже «снял шляпу перед радистами», обращаясь к Расплетину.

Вместе с тем Лавочкина не могло не беспокоить то, что КБ-1 собрало у себя отдел из бывших сотрудников Поликарпова и словно бы между прочим создало наклонно стартующую зенитную ракету с твердотопливным ускорителем под руководством Томашевича. После упразднения ТГУ этот отдел выделился из КБ-1 в

самостоятельное ОКБ-2, его главным конструктором был назначен бывший главный инженер из ОКБ Лавочкина – П. Д. Грушин, и оба КБ вышли с предложением о создании перевозимого ЗРК. Выходит, что после С-25 Лавочкин со своим ОКБ может оказаться «безработным». Подыскивая подходящий заказ, Семен Алексеевич взялся за разработку крылатой ракеты дальнего действия – носителя ядерного заряда, но не было никакой уверенности, что такие ракеты выдержат конкуренцию с баллистическими ракетами.

Находясь в таком затруднительном положении, Лавочкину ничего не оставалось, как принять предложение В. Д. Калмыкова – возглавить разработку многоканального дальнобойного зенитно-ракетного комплекса. Только что назначенный министром средств связи, Калмыков подключил к работам по заданиям Лавочкина самые заслуженные НИИ своего министерства, создававшие первые отечественные радиолокаторы. Но эти НИИ, несведущие в радиотехнических системах управления, не могли справиться с комплексно-системными задачами, типичными для КБ-1, и это, в полном согласии с прогнозами Расплетина и моим, привело к полному провалу работ по системе «Даль». Но провал «Дали» проявится много лет спустя, а пока что в этой разработке Калмыкову виделась перспектива под знаменем такого прославленного конструктора, как Лавочкин, поднять престиж своего министерства, оставив далеко позади КБ-1 по тактико-техническим характеристикам разрабатываемых зенитно-ракетных комплексов.

Военные на всех уровнях и Хрущев были настолько заворожены системой «Даль», что, не дожидаясь хотя бы полигонного образца, начали строительство объектов этой системы вокруг Ленинграда. Грандиозные бетонные памятники дилетантства, некомпетентности и безответственности новоявленных разработчиков и заказчиков ЗРК!

Я не сомневался, что Калмыков, прежде чем выступить с предложением по «дальней руке», не мог не посоветоваться с Расплетиным при сложившихся между ними отношениях с капьярских времен. Но почему Расплетин по-приятельски не отговорил Калмыкова от явной авантюры? Не потому ли, что она отводила от него самого завладевшую умами тематику «дальней руки», – по крайней мере, на время, пока Лавочкин со своими новоиспеченными наведенцами не сядет в лужу? А он, Расплетин, за это время сумеет быстро и без хлопот реализовать перевозимый одноканальный комплекс С-75. На базе многоканального комплекса это дело

нехитрое, – можно сказать, без драки в забияки, так что найдется время и для задела по тематике «дальней руки».

Я считал, что одноканальный комплекс можно поручить под нашим шефством любому НИИ или КБ, которые занимались станциями наводки зенитных орудий. Но можно понять и Расплетена: с какой стати уступать кому-то такой хороший и почти готовый кусок? Сколько мучилось КБ-1 над «Беркутом», а теперь весь задел с почти готовыми «пышками» за него отдать, как говорится, дяде?

Разработка одноканального ЗРК С-75 шла в нашем отделе полным ходом, в опытном производстве уже изготавливался его экспериментальный образец. Но все это выглядело как самодеятельность, так как официального решения о создании ЗРК С-75 не было. Даже среди военных было много противников этого комплекса. Ознакомившись с нашими работами, заместитель Председателя Совмина СССР В. А. Малышев пообещал договориться с министром обороны и ускорить принятие решения по С-75.

На совещание у В. А. Малышева по вопросу о системе С-75 прибыли министр обороны маршал Жуков Г. К. и все его заместители, несколько гражданских министров. Я еще ни разу не видел столько маршалов, собравшихся вместе. Только однажды мне довелось встречаться с маршалом и даже здороваться с ним за руку: это было, когда маршал Василевский приезжал на полигонные стрельбы зенитно-ракетным комплексом С-25 по самолетам.

Немного поволновавшись вначале, я сделал общий доклад по системе С-75 и по ее радиотехническим средствам. Затем выступил с докладом о ракете главный конструктор ОКБ-2 П. Д. Грушин.

По докладам было много вопросов и высказываний. Неожиданно для меня самым непримиримым противником системы оказался Калмыков, недавно назначенный министром. После одного из моих ответов он сказал:

– Но это та же Б-200, но только в автомобиле, и вместо многоканальной одноканальная.

Я ответил, что потому и одноканальная, что в автомобиле. За мобильность приходится платить многоканальностью.

– А почему в ракете нет головки самонаведения?

– Техникой самонаведения мы еще не владеем. Вам это хорошо известно. После С-75, вероятно, будет создан и дальнобойный комплекс с головкой самонаведения. Но это будет не скоро.

– А вот генеральный конструктор Лавочкин и наши радиоспециалисты считают, что следующую за С-25 систему обязательно надо делать с головками самонаведения. И мы ее сделаем раньше вашей С-75.

– Ракета для С-75 уже летает на полигоне. Готовы и радиокабины для экспериментального образца. На днях они тоже будут отправлены на полигон.

После этого Калмыков не проронил ни слова и как бы затерялся в дальнем углу большого зала. Но зато начали выступать один за другим маршалы, и все высказывались за то, чтобы в этой системе была головка самонаведения. Напрасно мы с Грушиным пытались объяснить, что для этого пришлось бы разрабатывать совсем новый, другой проект. Никто из выступавших не имел представления о головках самонаведения, а один из них даже заметил, что если такие головки будут созданы для ракет, то их можно будет «навинчивать» и на зенитно-артиллерийские снаряды, что позволит заодно поднять и эффективность стрельбы зенитной артиллерии. В это время Малышев что-то тихо сказал маршалу Жукову, а тот усмехнулся, затем поднялся с места и сказал:

– Эта система нам нужна. – При этом он указал рукой на ковер, где были расставлены заготовленные Грушиным игрушечного вида макеты. – Конечно, хорошо бы иметь в ней и головку самонаведения, но мы должны считаться с тем, что у наших конструкторов эта проблема не решена. Кстати, должен разочаровать товарищей, что, даже когда такие головки появятся, их, к сожалению, не удастся навинчивать на орудийные снаряды.

Эти слова маршала Жукова дали путевку в жизнь зенитно-ракетным комплексам С-75, один из которых 1 мая 1960 года сбил в районе Свердловска американский самолет-разведчик «Локхид У-2», а другие воевали во Вьетнаме, на Кубе и в Египте. За создание комплекса С-75 были удостоены звания Героя Социалистического Труда зам. главного конструктора Борис Васильевич Бункин и главный конструктор ракеты Петр Дмитриевич Грушин. Главный конструктор комплекса Александр Андреевич Расплетин и главный инженер КБ-1 Федор Викторович Лукин стали лауреатами Ленинской премии. Многие из моих «противоракетных» ребят, перешедших вместе со мной в СКБ-30 при реорганизации отдела № 31, были награждены орденами и медалями. На волне триумфа от сбития самолета-разведчика, пилотируемого Пауэрсом, А. А. Расплетин был избран в действительные члены Академии наук СССР.

Глава двенадцатая

То был ударный труд,
отчизной вдохновленный.
Тех будней память тем весома и жива,
что под щитом «зенитной первой конной»
спокойно трудится и строится Москва.

В погожий день бабьего лета в центре Москвы на спуске к Центральному телеграфу и гостинице «Националь» у большого здания с величественным гранитным цоколем стояло около десятка легковых автомашин. Среди примелькавшихся прохожим «Москвичей» и «Побед» у тротуара начальственно блистали чернолаковые ЗИМы и даже один ЗИС-110. Но, к моему удивлению, среди черных ЗИМов оказался мышино-серый с хорошо известным мне номером служебной машины Сергея Берия. Кто бы мог на нем приехать?

Совещание, на которое меня вызвали прямо с объекта, уже началось, в его президиуме сидели Рябиков и Владимирский, который укоризненно покачал мне головой, показывая на циферблат часов. А опоздал я потому, что вскоре после выезда с объекта водителю пришлось заменять проколотое гвоздем колесо. В это время мимо нас проезжал на бричке какой-то дяденька, попросил закурить, а я из любопытства спросил у него, указывая на объект Б-200, – мол, что это такое? И дяденька мне сообщил «по секрету», что это мельница, которая делает специальный порошок против колорадских жуков. Самый мелкий помол идет против чумных блох, которых американцы в Корее распыляют с самолетов. А работает мельница круглосуточно, к ней постоянно приезжают автомашины с какими-то ящиками, а обратно, наверное, по ночам увозят ящики с этим самым порошком.

Между тем на совещании в полной мере разыгрывались отголоски страстей, бушевавших на этих «мельницах». Настройщики от промышленности и личный состав войсковых частей не сразу осваивали искусство настройки, отладки и стыковки очень не простой аппаратуры и во всех неудачах обвиняли саму аппаратуру и нас, ее разработчиков. Наши отсылки к головному объекту (мол, делайте по его образцу) не всегда срабатывали: от КБ-1 требовали прямой помощи. А где мы возьмем людей для оказания помощи сразу на 56 объектах, где постоянно возникали кризисно-пожарные ситуации то на антеннах, то на приемниках, то на координационных блоках, то на бортовой радиоаппаратуре ракет?

Все это валилось шишками на наш 31 отдел, и наши без вины виноватые ребята,

как угорелые пожарники, мчались вместе с пожарными командами от заводов, едва поспевая с одного объекта на другой. Забывались ведомственные тяжбы и личные неприязни, все понимали, что это их общий труд, их общая гордость и дело чести первопроходцев в создании первого, еще не виданного оружия для защиты нашего чистого советского неба.

Попытки отыграться на КБ-1 предпринимались и на этом совещании, но Василий Михайлович Рябиков в таких случаях одергивал представителей СМУ и военных: дескать, до окончания приемо-сдаточных испытаний остались считанные недели, а вы никак не отвыкнете от нянек из КБ-1.

В конце совещания Владимирский попросил остаться нескольких человек, назвав их поименно, потом, взяв лист бумаги с машинописным текстом, в левом углу которой был под скрепкой листочек, видимо, с резолюцией начальства.

– Я думаю, будет полезно довести до сведения присутствующих один документ, так сказать, вне повестки проведенного нами совещания, – начал Сергей Михайлович. – Читаю: «ЦК КПСС. В ближайшее время ожидается появление у вероятного противника баллистических ракет дальнего действия как основного средства доставки ядерных зарядов к стратегически важным объектам нашей страны. Но средства ПВО, имеющиеся у нас на вооружении и вновь разрабатываемые, не могут бороться с баллистическими ракетами. Просим поручить промышленным министерствам приступить к работам по созданию средств борьбы против баллистических ракет».

Письмо в ЦК было подписано начальником Генерального штаба и еще шестью Маршалами Советского Союза.

Сделав паузу для размышлений, Владимирский пояснил, что ЦК поручил нам подготовить свои предложения по этому письму, и поэтому он просит сейчас предварительно, как говорится не для протокола, высказать свое мнение наших ученых и конструкторов.

После приличествующей паузы со своего места поднялся член-корреспондент АН СССР Александр Львович Минц, директор НИИ, разрабатывавшего по заданиям КБ-1 задания для проектировщиков на строительную часть «Беркута». Сейчас он также назначен и главным инженером войсковых частей, эксплуатирующих С-25. Сквозь очки в изящной золотой оправе Минц с бульдожьей солидностью обвел взглядом всех присутствующих, потом на миг изобразил на своем старчески прозрачном лице протокольно-вежливую улыбку и сказал:

– Я не согласен, что затронутый в письме вопрос не имеет отношения к предмету нашего только что закончившегося совещания. Письмо маршалов надо понимать так: «Зачем нам противосамолетная система С-25, если она бессильна против баллистических ракет? Противник просто пустит на нас ракеты вместо самолетов, а система С-25 будет при сем присутствовать без всякой пользы». Это лишний повод для тех, кто не желает принимать на вооружение систему С-25.

– А что можно сказать по научному существу поставленного вопроса? – спросил Владимирский.

– Научного существа здесь нет. Это такая же глупость, как стрельба снарядом по снаряду.

– Правильно. Просто чушь какая-то, – выпалил, не поднимаясь с места, Расплетин.

После этого выступил Александр Николаевич Щукин – председатель научно-технического совета Главспецмаша, ранее – в той же должности в ТГУ.

– Мне представляются неуместными допущенные здесь нетактичные высказывания по поводу письма маршалов. Сейчас военные имеют большой вес в верхах, и только поэтому они затеяли волокиту с приемкой С-25, зная, что с ними считаются там, – Щукин показал пальцем вверх. – Нам не удастся отделаться от них такими словами, как глупость, чушь и тому подобное. Хотя я тоже считаю, что это глупость. Думаю, что нам следовало бы предельно кратко доложить в ЦК примерно в том смысле, что проблема очень сложная и требует специального изучения компетентной комиссией и что нами такая комиссия создана.

– Но потом ведь все равно придет время давать прямой ответ на поставленный вопрос? – заметил Сергей Михайлович.

– Не исключено, что со временем вопрос сам собой заглохнет. В худшем же случае мы выиграем время, чтобы подготовить более аргументированный доклад.

В этом месте выступления Щукина я буквально перебил его, вступая в разговор:

– Не могу согласиться, что вопрос заглохнет. Скорее наоборот. И поставлен он правильно, своевременно, без подвоха. Военные увереннее будут принимать систему С-25, зная, что мы не останавливаемся на противосамолетной обороне, а делаем шаг к противоракетной обороне. А разве не смыкается задача противосамолетной обороны с задачей борьбы против баллистических ракет с дальностью до ста километров, траектории которых проходят в атмосфере? А задача поражения крылатых ракет-снарядов, запускаемых с самолетов? Я считаю, что надо

приступать к комплексной научной проработке проблемы с задействованием всей кооперации разработчиков, сложившейся при создании системы С-25.

После меня слово взял главный инженер КБ-1 Федор Викторович Лукин. Его я видел впервые и даже не знал, что у нас появился главный инженер без и. о. Это был сухощавый человек выше среднего роста с наголо выбритой головой, на которой, впрочем, невозможно было отличить бритую часть от небритой. От хронической язвы в выражении его аскетически худого лица проглядывала застывшая гримаса терпения боли, и она не исчезала даже тогда, когда он улыбался. Можно было подумать, что это сухой, черствый человек. Но в голубизне его умных, молодо глядящих глаз светились и мечтательность ученого, и спокойная рассудительность, неторопливость, доброжелательность. Федор Викторович был мудр и немногословен. Казалось, что каждое слово он после многократного взвешивания в мозгу еще и процеживает через плотно сжатые губы. Поэтому его речь всегда была точной и ясной, в ней не было ни одного лишнего слова и ничего недосказанного. По вопросу о ПРО он сказал:

– Работы по ПРО надо начинать. Как можно скорее. Но пока ничего не обещать. Какой будет результат – сказать сейчас трудно. Но никакого риска здесь нет: не получится ПРО – получится хорошая техническая база для более совершенных противосамолетных систем.

Подытоживая, Владимирский объявил, что по результатам состоявшегося обмена мнениями будет издан приказ по Главспецмашу о создании специальной комиссии по ПРО в составе Щукин (председатель), Минц, Лукин, Расплетин. Кроме того, в КБ-1 и в НИИ Минца необходимо начать предварительные исследования по проблеме ПРО.

По окончании совещания ко мне подошел Лукин, сказал: «Будем знакомы», а я ответил: «Более чем знакомы. Если точнее, то в одной упряжке». Спускаясь к выходу по лестничному маршу, Федор Викторович сказал мне:

– Один умный человек сказал, что дьявол, если хочет загубить какое-нибудь дело, направляет его в комиссию, а в комиссию не включает сторонников этого дела. Вас не включили в комиссию по противоракетной обороне из-за вашего выступления.

По предложению Федора Викторовича мы возвращались в КБ-1 вместе в том самом мышино-сером ЗИМе, в котором мы год назад с Еляном и младшим Берия совершили выезд на антенный завод.

На следующий день Лукин завел речь со мной о работах по противоракетной обороне:

– В этом ребусе мне ясно одно: работы по ПРО придется возглавить вашему тридцать первому отделу. Но кому поручить и как организовать это дело? Мне что-то подсказывает, что вы уже подумали над этим вопросом.

– Да, есть у меня некоторые мысли и прикидки насчет путей решения проблемы. Этим делом я занимался еще в Сочи, во время отпуска.

Успел испортить две ученические тетрадки в клеточку, и даже подготовить наметки исходных данных для наших главных смежников: ракетного КБ и КБ (или НИИ) по системе дальнего обнаружения баллистических ракет. Что же касается работ внутри КБ-1, то мне хотелось бы провентилировать свои прикидки силами небольших групп отраслевых специалистов, даже не отрывая их от работ по зенитно-ракетным системам. Только Я. А. Елизаренков в моем непосредственном подчинении будет освобожден от других дел для общей координации работ. Остальные будут пока что выполнять новую работу как разовые поручения в составе рабочих групп. Если проработки подтвердят мою рабочую гипотезу, то можно будет перейти и к созданию постоянных специализированных рабочих групп в существующих лабораториях, а потом и специальных лабораторий по мере разворота работ.

– А стоит ли вам лично с головой влезать в дебри конкретной работы и не будет ли от этого ущерба для зенитно-ракетной тематики? – спросил меня Федор Викторович.

– Система С-25 уже готова, и вопросы по ней не нашего с вами, а высшего государственного уровня. Систему С-50 под нашим шефством могли бы сделать со своими ОКБ заводы, изготавливавшие аппаратуру для С-25, во главе с ОКБ головного завода. К тому же заказчик не проявляет к ней никакого энтузиазма. А система С-75 – это, по существу, разжевывание научно-технического задела от С-25. Короче говоря, меня не тянет к перелицовываниям и модернизациям зенитно-ракетных систем. К тому же на всех этих системах есть главные конструкторы, у них – заместители, и мне в научно-техническом плане там делать нечего. Моя опека ничего, кроме ненужных бурных эмоций, принести не может.

– Но вы начальник отдела, все главные конструкторы в вашем подчинении, и вам надо ими руководить, контролировать их работу.

– Это заблуждение. Главный конструктор – лицо, которое назначено или должно быть назначено ЦК и Совмином. Он ответствен перед этими инстанциями, а

мы с вами для него – всего лишь администраторы, которые обязаны ему помогать.

– Во всех НИИ, в том числе и там, где был я, главные конструкторы не так избалованы, как у вас. Они без эмоций подчиняются начальникам своих отделов и тем более руководству НИИ. Теперь в КБ-1 тоже пора ставить все это на свои места, искоренять отрыжки старых времен, когда организацией командовали главные конструкторы. В этом вы можете рассчитывать на полную поддержку руководства предприятия, – ответил мне Лукин.

– Работы КБ-1 несоизмеримы по своим масштабам и по своей сути с работами других НИИ и КБ, – даже авиационных. Здесь нужен иной подход и в организации. Возьмите хотя бы авиационные КБ. Там есть главные или генеральные конструкторы и есть директоры, но первых знает вся страна и весь мир, а вторых никто не знает, потому что они – всего лишь административные помощники главных конструкторов.

– Хорошенькую перспективу вы нарисовали для меня, нашего начальника КБ-1, да и для себя самого.

– Насчет перспектив для начальства мне размышлять не положено, но лично меня очень смущает мое ложное положение как начальника над главными конструкторами. Тут есть над чем подумать. Во всяком случае, я настроен на то, чтобы с головой, как вы говори те, окунуться в новую проблему, а там, если это дело пойдет, то и совсем отмежеваться от зенитно-ракетных систем, оставить их на полное попечение Александра Андреевича Расплетина.

– А стоит ли с таким размахом смотреть на это дело? Может быть, противоракетная оборона окажется несбыточной фикцией? Не лучше ли проводить потихоньку частные НИРы, а их результаты использовать для совершенствования зенитно-ракетных систем? Именно здесь может оказаться та неисчерпаемая жила, которая позволит вам диктовать прогрессивные научно-технические новинки главным конструкторам. У конструкторов неизбежно за текучкой обычно не доходят руки до нового.

– Таких конструкторов неизбежно постигнет крах. А что касается фикции, то ПРО никогда не станет фикцией, потому что баллистические ракеты – это не фикция. Такова логика развития военной техники, логика снаряда и брони.

Через некоторое время у Владимирского состоялось совещание, специально посвященное вопросам ПРО. Рассматривалась записка, поступившая в Главспецмаш от Павла Николаевича Куксенко, в которой предлагался способ построения системы

обнаружения и определения траектории баллистической ракеты по двум-трем засечкам прохождения ее через вертикально выставленные веерные радиолучи, размещенные на расстояниях порядка 500 километров вдоль предполагаемой трассы полета баллистической ракеты. Присутствующие быстро вскрыли несостоятельность этого предложения, смаковали ее в мельчайших подробностях. Я не участвовал в этой экзекуции, так как понимал, что Павел Николаевич вышел со столь легковесным предложением, находясь в исключительном морально-психологическом состоянии после недавних событий, круто и несправедливо изменивших его судьбу.

Каково же было мое удивление, когда спустя, может быть, полтора месяца в точности с таким же предложением обратился Александр Львович Минц – уже не как одиночка-изобретатель, от имени института.

И совсем странным было то, что на этот раз те же лица, – в том числе Щукин и Расплетин,– которые раньше вслед за Минцем говорили, что ПРО – это глупость, а потом издевательски потешались над предложением Павла Николаевича, теперь вовсю расхваливали ту же идею, выдвинутую Минцем под названием «Зональная система ПРО».

И они же пропускали мимо ушей мои замечания, что это то же самое, что мы уже рассматривали и забраковали. Было принято решение рекомендовать предложенную идею для дальнейшей проработки в НИИ Минца, создать в этом НИИ специальное подразделение, подыскать в Москве специальную площадку для строительства нового здания НИИ.

Даже я, не осведомленный в закулисной стороне этого дела, понимал, что оно как фарс было разыграно для того, чтобы авторитетом НТС Главспецмаша под флагом особо важной тематики подкинуть «сена-соломы» институту Минца.

За всем этим угадывалось нечто во взаимоотношениях Щукина и Минца, известное только им двоим. И это нечто однажды доверительно раскрыл мне сам Минц.

Оказывается, по делу арестованного по обвинению во вредительстве Минца органами НКВД был привлечен в качестве ученого-эксперта Щукин, и эксперт дал следственным органам такое заключение, которое им нужно было для подтверждения обвинений.

Теперь же, после ареста Берия, когда начались реабилитации, Минц сумел в полной мере использовать этот факт, чтобы держать на невидимом для посторонних коротком поводке высопоставленного ученого-канцеляриста. Он не будет

разоблачать Щукина, а заставит его из кожи вон лезть, чтобы во всем поддерживать Минца и расхваливать перед начальством, при котором состоит. Щукин будет содействовать укреплению престижа Минца и его института перед нужными инстанциями, при случае замолвит насчет выгодной институту тематики, выделения средств на строительство и развитие института, штатных единиц и фонда заработной платы, при представлении к премиям, наградам и прочим «сено-соломам». История с «зональной системой ПРО» была лишь одним из эпизодов этого рода. Но почему в этой истории на стороне Минца и Щукина оказался и Расплетин? Это объяснилось позднее.

Между тем в КБ-1 была начата проработка предложенной мною концепции начального этапа исследований проблемы ПРО, предусматривающей создание полигонного комплекса ПРО в качестве экспериментальной базы для создания научного задела в интересах построения боевой системы ПРО. Идея начала подкрепляться отраслевыми техническими решениями и теоретическими расчетами, подтверждающими возможность и намеченные принципы ее реализации. И в этот период у меня состоялся памятный разговор с Минцем, который он начал следующим образом:

– В КБ-1 вашей работе будет тесно. Но если вы выделитесь из КБ-1, прихватив с собой любую его половину, и объединитесь с нашим НИИ, то мы сможем ворочать большими делами. К тому же я в годах, а вы молоды и сначала будете фактически управлять всеми работами в НИИ, а затем и юридически займете мое место и в НИИ и в Академии наук.

Я вежливо поблагодарил Александра Львовича за лестное для меня предложение, но сказал, что не могу его принять, поскольку мы в корне расходимся в принципиальных вопросах проблематики ПРО. На это он ответил:

– Как строить мост – вдоль или поперек – потом разберемся. Сейчас главное – застолбить проблему за нами.

Тогда я заявил, что не в моем характере заняться расчленением такой уникальной организации, как КБ-1.

Выслушав мой отказ, Александр Львович помрачнел, метнул на меня недобрые огоньки, сказал:

– В свое время вы пожалеете, что сейчас меня не поняли. Нам была бы обеспечена поддержка со стороны Александра Николаевича Щукина и инстанций, при которых он состоит. Что же касается уникальности, то наш НИИ уже сейчас не уступает

вашему КБ-1. А дальше поживем – увидим.

Мы холодно простились и больше никогда не возвращались к предмету этого разговора. А я не сразу понял, что в этом холодном прощании было начало холодной войны, которую потом вел – и не в одиночку, а с могучими союзниками – весь остаток своей жизни Александр Львович Минц. Не осознал я, что появился у меня еще один – и какой! – Сальери.

Я, конечно, понимал, почему Минц сказал, что в КБ-1 мне будет тесно. Для проведения работ по ПРО в КБ-1 не хватило бы всего возглавляемого мной 31 отдела, если бы даже в нем прекратились все работы по зенитно-ракетным системам. Это хорошо понимал и Федор Викторович Лукин, и его беспокоило, как бы я потихоньку не зажал в отделе зенитно-ракетную тематику противоракетной тематикой. Это я почувствовал, когда в феврале 1955 года пришло указание о создании специализированных подразделений по ПРО в КБ-1, как головной организации, и в смежных организациях. Федор Викторович показал мне этот документ, обращаясь ко мне как бы с упреком:

– Вот еще одно постановление по ПРО. Так мы, пожалуй, совсем запустим наши зенитно-ракетные дела, и не будет у нас ни того ни другого.

– Не беспокойтесь, Федор Викторович, – сказал я. – Мы как раз хотели сегодня пригласить вас в экспериментальный цех нашего отдела именно по зенитно-ракетному делу.

Когда мы зашли в цех, я сказал:

– Вот наш сюрприз: радиокабины комплекса С-75 с полной аппаратурной начинкой, и даже работающей.

В командной кабине находились три человека. За пультом сидел зам. главного конструктора Бункин. Он командовал через микрофон, слушал доклады операторов по громкой связи, следил за сигнальными лампочками и экранами, комментировал ход контрольно-боевого цикла для Федора Викторовича:

– Идет работа от имитаторов. Вот на экране отметка цели, а это движется к ней отметка ракеты, сейчас будет встреча... Все в порядке. Не хотите посмотреть еще раз?

Федор Викторович стал дотошно все выспрашивать у Бункина, посидел за пультом, поерзал на вращающемся стуле, пошутил: «Для моего роста вполне удобно, а вам, Борис Васильевич, здесь тесновато».

Выходя из цеха, Федор Викторович спросил у меня:

– Когда вы все это успели?

– Весь фокус в замкнутом цикле: лаборатории, конструкторы, технологи, производство. Все в одном отделе.

– Этот Бункин – толковый мальчик.

– Да, Борис Васильевич здесь и дирижер и первая скрипка. Пока Александр Андреевич на полигоне, а я на объектах С-25, он фактически сам себе начальник и главный конструктор, нашел хорошие связи с отраслевиками, конструкторами, технологами, производственниками, – И вот они дружным колхозом сварганили эту штуку. С Бункиным люди работают охотно и дружно. Мне пришлось лишь немного помочь ему по высокочастотной части и в подборе хватких ребят, а дальше моей задачей было не мешать. Правда, не чаще одного раза в неделю проводил отдельские оперативки по этой работе. Но дело не только в этом. Главное – в том, что у нас на создании С-25 сколотился уникальнейший по сыгранности и мастерству исполнителей оркестр. Для него после С-25 разработка С-75 – все равно что после симфонии чижик-пыжик. Очень жаль, что новую симфонию, многоканальную, дальнобойную, мы упустили приготовишкам, не знающим ни нот, ни инструментов.

В это время к нам подбежал замначальника экспериментального цеха Аркадий Зиновьевич Фильштейн. В свое время он прибыл в КБ-1 с Еляном и работал начальником опытного производства КБ-1. Но потом его, как ставленника Еляна, а значит, и Берия, сняли с этой должности и предложили работу где-то, как говорится, далеко от Москвы. Я с трудом уговорил кадровиков назначить его ко мне в отдел заместителем начальника экспериментального цеха. Мало кто знал, что у этого скромного трудяги, заводного и неугомонного в работе, есть и ордена военного времени за технологию поточного производства пушек, и медаль лауреата Сталинской премии за изделия по тематике Курчатова.

– Я только что от снабженцев. Опять подводят с покупными деталями, в гальванику не дали фольгированного гетинакса, а я сижу без печатных плат... Да нет, я не жалуюсь, я просто так... А с ними я разберусь, заставлю... Вот посмотрите: монтаж стендового комплекта аппаратуры приостановлен! Я, конечно, не жалуюсь, а просто пришел сюда, когда узнал, что вы в цеху.

Аркадий Зиновьевич не отпустил нас, пока не провел по всему цеху. Прощаясь с ним, я сказал:

– Хорошо, двигайте дальше свои дела, а снабженцев Федор Викторович взбодрит.

– Что вы! – испугался Фильштейн. – Зачем мне с ними ссориться? Мы обязательно

договоримся!

– Вы заметили, как Фильштейн шарахнулся от моей попытки помочь ему через начальство? – смеясь, спросил я у Лукина, когда мы вышли из цеха. – Это тоже признак сыгранности оркестра, и он действует не только со снабженцами, но и со всеми цехами опытного производства. Без этого, без Фильштейна и подобранных им цеховых ребят, – именно без него лично и именно на этой должности, – трудно сказать, сколько пришлось бы нам ждать, чтобы радиолокатор для С-75 воплотился в эти кабины, железки, пульты, экраны, аппаратные пульты и блоки, которые мы только что видели. Теперь это все уже можно отправлять на полигон, проверять облетами, стыковать с пусковым ракетным комплексом и начать пуски ракет.

Спустя несколько дней я пригласил Федора Викторовича посмотреть на кратовской станции Б-200, памятной мне по драме с запитками, на экспериментальный образец аппаратуры защиты от дипольных помех.

Для разработки этой аппаратуры в нашем отделе была создана специальная «добровольческая» лаборатория под началом А. А. Гапеева. Аппаратура была изготовлена в цеху у того же Фильштейна и после лабораторно-стендовых проверок подключена к основной аппаратуре станции Б-200. В полумраке командно-индикаторного зала мы с Федором Викторовичем стояли за спинками вращающихся стульев операторов, наблюдая за отметкой самолета на экране и как бы припаянным к ней «крестом» сопровождения. Сначала это была нормальная картинка, к которой все привыкли, но после команды самолету на сброс помехи отметка самолета исчезла в сплошном засвеченном пятне, а «крест» будто пьяный побрел по экрану. По команде «Включить аппаратуру подавления помех» – щелчок тумблера, и на экране исчезает засвеченное пятно, остается чистая отметка самолета, а к ней мчится и будто прилипает «крест» сопровождения. И все это происходит на обоих экранах. Репродуктор объявляет:

– Помеха подавлена, сопровождение цели восстановлено.

Федор Викторович поздравляет инженеров, по дороге в автомобиле спрашивает: «А когда это может быть на объектах?» Я ответил, что аппаратура заводского изготовления месяца через два будет на полигоне, а серийное производство для боевых объектов – это уже как соизволит заказчик и прикажет начальство. Завод закончил изготовление аппаратуры для Б-200 и теперь ищет работу. Начал выпускать неплохие телевизоры, но для такого завода это не нагрузка. Вот если бы ему поручить Б-200 для ПВО Ленинграда, то он, не сморгнув, выдал бы их полную

программу, пока будут испытания С-75. И телевизоры от этого не пострадали бы, и завод не был бы на холостом ходу. А там, глядишь, подоспела бы и многоканальная дальнобойная, но не от Калмыкова и Лавочкина, а от нас.

Федор Викторович промолчал. Видимо, его начинает раздражать упрямство, с которым я как бы упрекаю его за то, что он, главный дирижер КБ-1, допустил размен симфонии на «чижик-пыжика». Хотя я далек от того, чтобы упрекать его в том, что от него не зависит. Но согласие Лукина с предложением Расплетина возглавить комиссию по заводским полигонным испытаниям ракеты для комплекса С-75 меня настораживает. Здесь явный расчет на то, чтобы расстроить установившееся у нас с Лукиным деловое взаимопонимание, прельстив главного инженера возможностью заработать себе «сено-солому», которые в свое время будут раздавать за систему С-75. Конечно, Федор Викторович, кажется, не из тех, кого можно приручить «сеном-соломой», но я его еще так мало знаю! Дай-то Бог! А вообще-то для предприятия будет очень полезно, если наш главный инженер пройдет эту ракетную стажировку.

Похоже, что экскурсией к Бункину и Гапееву мне удалось убедить Федора Викторовича в том, что, вопреки его опасениям, бесплотный джинн ПРО, витающий в КБ-1, не нанес никакого вреда зенитно-ракетной тематике.

Немногочисленные горстки людей, привлеченных к работам по ПРО, выполняют их, как и я сам, можно сказать, по совместительству. Теперь надо было убедить его в том, что такой порядок работ сейчас уже себя исчерпал, так как в результате проработок, выполненных в 1954 году, общая рабочая гипотеза оказалась достаточно углубленной по частным направлениям и дальнейшее продвижение в этих направлениях требует подключения новых сил. Короче говоря, наступило время организационного выделения тематики ПРО в специализированные подразделения как в КБ-1, так и в работающих по нашим заданиям смежных организациях, и это предписывалось специальным постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР, которое так встревожило Федора Викторовича. Однако в КБ-1 подступиться к этой задаче было непросто, пока оставался подвешенным вопрос о судьбе системы С-25.

Испытания этой системы были закончены, но вместо общего согласованного акта госкомиссии в ЦК КПСС были представлены два документа с одинаковыми названиями, но разными выводами.

В первом документе были подписи только военной части комиссии во главе с

маршалом Н. Д. Яковлевым; в нем предлагалось систему С-25 принять в опытную эксплуатацию, а вопрос о принятии ее на вооружение решить после проведения доработок согласно замечаниям госкомиссии.

Другой документ, подписанный представителями промышленности во главе с Рябиковым, предусматривал принятие системы на вооружение с последующим проведением ее модернизаций без нарушения боеготовности по согласованию с Министерством обороны. Видимо, маршал Яковлев решил переложить вопрос о системе С-25 на правительство, и его можно было понять, если вспомнить историю с зенитными пушками. Сейчас в этой системе вроде все в порядке, как у тех пушек, которые он принял. А потом в Корее в них начали ломаться проклятые пружины, и посадили за это не конструктора, а его, маршала. И зубы выбивали ему, – маршалу, которого много лет знал и высоко ценил сам Сталин. А система С-25 – это не пушка. Сколько в ней радиолокаторов, а в каждом из них – электронных ламп, контактов, реле! Эти штуки похитрей пружинок. А ракеты? Это не артснаряды. В них и радионачинка, и точнейшие гироскопические приборы. Нет, его, маршала, теперь на мякине не проведешь.

После многократных обсуждений создавшегося тупика Лукиным, Расплетиным, недавно вступившим в должность начальником КБ-1 Чижовым и мною мы пришли к выводу, что надо попробовать действовать, так сказать, по неофициальному каналу, через помощника Предсовмина Н. А. Булганина. Это был тот самый Николай Николаевич Алексеев, которого я помнил как бывшего преподавателя военного училища. Впрочем, не совсем тот самый: теперь он генерал-майор и в этом качестве хорошо знаком с Александром Андреевичем Расплетиным. В сентябре-октябре 1947 года Алексеев руководил государственными испытаниями радиолокационной станции наземной разведки, разработанной под руководством главного конструктора Расплетина, а в 1951 году оба они получили Сталинскую премию за эту станцию. Впоследствии я узнал, что, подружившись на этом поприще, они очень быстро достигли согласия в том, что слово «радиолокация» является искажением от «радиолакация» от слова «лакать», и убедительно подтверждали это в повседневной практике.

Контакт между двумя «радиолакаторщиками» был восстановлен и оказался весьма полезным для С-25: было дано добро на отправку соответствующих документов на имя Предсовмина, а вскоре после этого Президиум ЦК заслушал Рябикова и маршала Яковлева и было принято компромиссное решение: систему С-25 принять

на вооружение с постановкой на опытную эксплуатацию. Такое постановление с удовлетворением приняли и военные и промышленники, тем более что и тем и другим теперь выпали приятные заботы: надо было составлять наградные документы на наиболее отличившихся участников создания системы С-25. В КБ-1 эти документы заготавливались в отделах «треугольниками» и представлялись руководству предприятия, а в нашем отделе – «треугольником» совместно с Расплетиным.

Вскоре после этого мы узнали о новой реорганизации: КБ-1 и выделившееся из него ракетное ОКБ-2 из Минсредмаша передаются в Миноборонпром вместе с главком, сформированным из части сотрудников бывшего ТГУ. Остальные сотрудники составили костяк нового органа при Совмине, именовавшийся Спецкомитетом, его председателем был назначен Василий Михайлович Рябиков.

Об этой реорганизации мы в КБ-1 не просто узнали из бумаг. Мы с удовлетворением ощутили железную хватку Миноборонпрома и самого министра Устинова. Ему не надо было знакомиться в деталях с возвратившимся к нему КБ-1, которое он когда-то создавал и с которым все время продолжало работать его министерство независимо от происходивших ведомственных переподчинений КБ-1. Его первый приезд в КБ-1 был четко целенаправленным. Он лишь бегло поинтересовался работами по зенитно-ракетной и авиационно-ракетной тематике, а больше всего выспрашивал меня, Лукина и Чижова по вопросам ПРО. Тем самым он невольно вызвал и усилил у кое-кого ревниво-завистливую неприязнь ко мне и горстке моих «противоракетных ребят». А Устинов отчитывал нас за то, что эти ребята распылены и вкраплены по разным лабораториям зенитно-ракетного и других отделов. Я оправдывался тем, что для выполнявшегося нами чисто бумажного начального этапа это было не помехой. На это Дмитрий Федорович резко заметил:

– Вот это меня и интересует: когда и с чего будем начинать небумажные работы?

Отвечая на этот вопрос, я подчеркнул, что баллистические ракеты еще никто никакими локаторами не видел.

А между тем будущим локаторам ПРО придется обнаруживать и сопровождать их на расстояниях, в сотни раз больших, чем принято в противосамолетной обороне, – и это при том, что отражающая поверхность баллистической головки примерно на два порядка меньше, чем у самолета. Поэтому радиолокаторы ПРО должны будут иметь энергетический потенциал в десятки миллионов раз выше, чем у противосамолетных локаторов. Эту разницу придется наскребать везде: за счет

сверхмощных передатчиков, сверхчувствительных приемников, но больше всего – за счет антенн с остронаправленными лучами. Это будут грандиозно крупногабаритные сооружения, в сравнении с которыми, например, антенны Б-200 будут выглядеть малютками. Поэтому одна из первых небумажных работ, с которой мы предлагаем начать, – это создание экспериментальной радиолокационной установки для слежения за баллистическими ракетами и исследования их радиолокационных характеристик.

– А вы хотя бы глазом, а не локатором видели эти самые баллистические ракеты, с которыми собираетесь воевать? – спросил Устинов.

– К сожалению, пробиться к нашим баллистическим до сих пор не удавалось, – ответил я.

– Свяжитесь с Королевым, я ему дам команду, что бы все показал и рассказал. Заодно расскажите ему о своих идеях, чтобы он знал, с чем могут встретиться его ракеты.

Сергей Павлович Королев принял меня весьма доброжелательно, напомнил о нашем знакомстве на антенном заводе, поинтересовался, – мол, как поживают ваши антенны? Он ответил на все мои вопросы сам и с привлечением своих ведущих специалистов, устроил мне и еще двум или трем моим сотрудникам экскурсию на капъярский полигон. Правда, в это время весь его арсенал состоял из Р-1, Р-2 и Р-5. На мой вопрос о межконтинентальной ракете Сергей Павлович ответил уклончиво: о ней мы мечтаем так же, как вы о своей ПРО. На мою просьбу поставить на ракеты датчики для исследования вращательных движений баллистических головок после их отделения от корпусов ракетоносителей ответил, что это будет сделано. Но через несколько дней СП позвонил мне с обидой:

– Нехорошо получается, Григорий Васильевич. Я получил письменное указание от ДФ об установке датчиков. Зачем такие бумаги, если мы с вами об этом все равно договорились?

– Сергей Павлович, я здесь ни при чем. Министр спросил меня о моем ознакомлении с вашими изделия ми, и я ему доложил обо всем, в том числе и об этой нашей договоренности.

– Так-то оно так, но теперь я уже не имею права ни одной ракеты запускать без этих датчиков. Вы уж давайте договариваться без нажима через министра.

Между тем министр продолжал постоянно держать в сфере своего внимания работы по ПРО. На заседании коллегии министерства он поставил мой ознакомительный

доклад, ориентированный, как он говорил, на практическую сторону применительно к задачам, которые придется решать предприятиям министерства.

Я отметил, что начинать придется с создания экспериментальной радиолокационной установки, а в ней для министерства наиболее сложная работа – создание крупногабаритной антенны на заводах, изготавливавших антенны для станции Б-200. Устинов тут же распорядился об издании приказа о подключении заводов к этой работе.

Продолжая доклад, я особо подчеркнул важность подключения к нашим работам по ПРО коллектива разработчиков ЭВМ под руководством академика Сергея Алексеевича Лебедева. В системе ПРО роль ЭВМ будет заключаться в том, чтобы успевать в истинном масштабе времени полета ракеты принимать от объектов системы по линиям связи цифровую информацию, пересчитывать ее в команды управления и передавать их – опять-таки по линиям связи – на управляемые объекты. Это совершенно новый тип оснащения и использования ЭВМ, в отличие от привычных представлений об ЭВМ как инструменте для ускоренного выполнения счетных работ. При этом все взаимодействующие с ЭВМ средства ПРО будут выдавать ей и принимать от нее информацию только в форме цифровых кодов. Сплошная «цифровизация» – так можно охарактеризовать один из фундаментальных принципов построения ПРО. Поэтому надо уже сейчас начинать профилировать ряд заводов и серийных ОКБ на цифровую технику. На сегодня как минимум необходимо подключить к работам академика Лебедева завод, которому будет поручено изготовление первых ЭВМ для экспериментального комплекса средств ПРО на полигоне.

По этому вопросу Дмитрий Федорович тоже дал необходимые поручения, а потом задал мне вопрос:

– Как и чем собираетесь поражать баллистические боеголовки?

Я ответил, что баллистическая цель движется с такой огромной скоростью, что, даже наткнувшись на неподвижный осколок, будет им поражена. На самом же деле поле осколков, выставленное боевой частью противоракеты, будет тоже двигаться навстречу цели, так что скорость сближения и соответствующая ей кинетическая энергия соударения будут еще больше. Главным конструктором Козорезовым выдвинута очень интересная идея создания для противоракеты боевой части, формирующей плоское дискообразное поле осколков, начиненных тротилом. Такие осколки будут поражать цель не только за счет кинетической энергии сближения с

целью, но и за счет взрыва тротиловой начинки.

Серьезные проблемы придется решать при создании противоракет. Это будут ракеты особого рода. Они должны «работать» в заатмосферной космической зоне и для этого иметь газодинамические органы управления, подобно баллистическим ракетам. Но на этом и кончается их сходство с баллистическими ракетами. В остальном между ними существенные различия. Баллистические ракеты не рассчитаны ни на маневрирование, ни на быстрый разгон при выведении боеголовки на заданную траекторию. Противоракета, наоборот, должна быть и высокоманевренной, и высокоскоростной, дело здесь не только в конструкции ракеты как летательного аппарата, но и особенно в ее системе управления. Здесь, как говорится, проблема на проблеме, и в первом полигонном комплексе придется довольствоваться функционально-макетным заменителем противоракеты по типу зенитной ракеты с экстраклассными характеристиками, которой всегда будет назначаться фиксированная высота точки поражения цели – 25 километров.

После заседания коллегии министр пригласил к себе в кабинет меня и начальника КБ-1 Владимира Петровича Чижова, спросил:

– Вот мы делаем все, что зависит от министерства, всех, кого надо, подключаем к работам по ПРО. А есть ли к кому подключать? Как обстоит дело у вас в КБ-1, в организации головного разработчика?

Чижов, еще не вполне освоившийся в своей новой должности, замялся, и я ответил за него:

– У нас по тематике ПРО работает комплексная лаборатория и специальные отраслевые группы в лабораториях моего отдела.

– Не густо, – заметил Устинов. – Как же вы сами, начальник отдела, не могли на эту работу выделить больше людей?

– Больше – это было бы в ущерб зенитно-ракетной тематике.

– Боишься обидеть Расплетина? Ты не стесняйся, у вас там в отделе хватит людей и для старых и для новых работ. Я думаю, что сейчас как раз время выделить противоракетную тематику в самостоятельное подразделение КБ-1. Причем не в отдел, а, например, в ОКБ, как у Королева: он в составе НИИ, но возглавляет в нем ОКБ. Надо и вам в КБ-1 переходить на такую структуру: отдельные СКБ или ОКБ по противоракетной тематике, по зенитно-ракетной тематике, по авиационным и крылатым ракетам. Продумайте у себя этот вопрос, и с предложениями – прямо ко мне.

Последние слова Устинова прозвучали в тоне прямого приказа начальнику КБ-1 Чижову.

Глава тринадцатая

В отряде бойцов не много,
но отвагой сердца их горят.
Пусть далека и трудна дорога –
не дрогнет тридцатый отряд.
Из песни об СКБ-30

Устинов был одним из участников памятного совещания у Берия, когда были посеяны, а может быть, только обнаружились ранее посеянные семена неприязни между мной и Расплетиным. И, может быть, поэтому он не стал ждать предложений из КБ-1 о разделении отдела зенитно-ракетных систем, а просто издал приказ об уточнении организационной структуры КБ-1 путем создания трех СКБ: № 30 – по тематике ПРО, начальник – главный конструктор СКБ Кисунько Г. В.; № 31 – по зенитно-ракетной тематике, начальник – главный конструктор СКБ Расплетин А. А.; № 41 – по авиационным системам ракетного оружия, начальник – главный конструктор СКБ Колосов А. А. Этим же приказом министр обязал начальника КБ-1 Чижова В. П. в двухнедельный срок завершить реорганизацию подразделений предприятия, связанную с созданием СКБ.

Чижов, ознакомив с приказом министра руководителей будущих СКБ-30 и СКБ-31, сказал:

– По существу, речь идет о выделении в СКБ Григория Васильевича людей из возглавлявшегося им отдела. Поэтому мы начнем... это дело... с ваших предложений, Григорий Васильевич.

– Мне из существующих подразделений достаточно всего пятьдесят человек. Вот предлагаемый мною список, – сказал я. – Остальных будем набирать по ходу дела из молодых специалистов.

Повертев в руках список, Расплетин швырнул его на стол:

– Вы хотите развалить работы по зенитно-ракетным системам. Согласен на передачу любых других специалистов, но только не этих.

Я ответил, что это те самые сотрудники, которые работают по новой проблеме и уже никакого отношения к зенитно-ракетным делам не имеют.

– Этих сотрудников вы сняли с моей тематики, пользуясь положением начальника

отдела. Их надо вернуть на те дела, которые теперь оголены в результате вашего самоуправства.

– Отдел практически в ваше отсутствие создал экспериментальный образец С-75, – и при этом вы обвиняете меня в самоуправстве?

Чижов вмешался, чтобы прекратить перепалку:

– Сейчас отдел насчитывает более тысячи человек, а спор идет из-за пятидесяти. Министр приказал передать в новое СКБ сто пятьдесят... это дело... А Григорий Васильевич просит в три раза меньше. Так что хотим мы этого или нет... это дело... все равно надо договариваться и решать... это дело.

– Что вы пугаете меня министром? А вы здесь зачем? Чтоб потакать вот этим... иудейским штучкам? – Расплетин побагровел, ткнул пальцем в список и добавил:

– Найдем управу и на министра! Срывать людей с живого дела... на ловлю каких-то мифических цветных бабочек над зелено-розовой лужайкой...

– Все это вы попробуйте объяснить самому министру... это дело... А я здесь для того, чтобы... это дело... выполнять его приказы, – ответил Чижов.

– Александр Андреевич, – примирительно обратился я к Расплетину, – думаю, что мы сможем спокойно договориться, если рассмотрим конкретно каждую кандидатуру из моего списка: кто по той же специальности остается у вас и какие вы можете предложить замены. Вот, например, Ковалев-Виноградов. Что вы предлагаете?

Расплетин, немного подумав, ответил:

– Берите любого из них, но не обоих.

– Вот видите, Александр Андреевич, вы даже не знаете, что это не два человека, а один с двойной фамилией. Между прочим, он много сделал для Б-200, его лично знали Елян, Куксенко и Серго... Особенно в связи с историей с «запитками».

Наступило неловкое молчание, которое нарушил Чижов:

– Это дело... Я думаю, что вам, Александр Андреебич, надо время, чтобы изучить список, посоветоваться со своими помощниками. А вы, Григорий Васильевич, тем временем подготовьте свои предложения еще на сто человек. Сто пятьдесят – категорическое указание министра.

Я ответил, что насчет остальных ста мне тоже надо посоветоваться со своими помощниками, а они появятся из этих пятидесяти, когда будет решен вопрос о первом списке.

За несколько дней при посредничестве Чижова и Лукина вырисовался

согласованный список первых двадцати шести человек, переводимых в СКБ-30 из бывшего моего отдела. Устинов торопил Чижова, не отступал от назначенной им цифры 150, а у меня «горела» путевка в дом отдыха. Договорились, что я уезжаю в отпуск, а вместо меня дальнейшие переговоры о переводе людей будет вести мой первый зам по новому СКБ – Евгений Павлович Гренгаген. Он получил от меня список предполагаемых руководителей лабораторий, о согласии которых на переход в СКБ-30 у меня была личная договоренность. Все обошлось благополучно, если не считать того, что Пивоваров А. В. отказался от данного им ранее согласия перейти в СКБ-30, стал первым замом у Расплетина и от имени Расплетина вел дальнейшие переговоры с Гренгагеном. Узнав об этом по телефону от Евгения Павловича, я согласился назначить начальником лаборатории вместо «перебежчика» ведущего инженера Олега Ушакова. Я даже сказал, что в этом размене мы проиграли начальника, но выиграли толкового инженера.

Новый, 1956 год СКБ-30 встретило разработкой эскизного проекта экспериментальной радиолокационной установки РЭ для исследования радиолокационных характеристик баллистических ракет. Вместе со смежными организациями были определены общий технический облик, состав и технические характеристики экспериментального полигонного комплекса средств ПРО, задуманного как действующий макет будущей системы ПРО Москвы.

Министр Устинов и после создания СКБ-30 не оставлял меня в покое, интересуясь ходом набора новых сотрудников и тем, что делают другие подразделения предприятия по заданиям СКБ-30 и как складывается кооперация исполнителей в смежных организациях. Особенно рассердился он, когда узнал, что люди, переведенные в СКБ-30, продолжают находиться на своих прежних рабочих местах в подразделениях Расплетина.

Мне пришлось лично объяснять министру, что сейчас уплотнять другие подразделения, чтобы выкроить площади для СКБ-30, – это значит затеять территориальные «бои», вместо того чтобы нормализовать взаимоотношения между подразделениями. Лучше подождать ввода нового строящегося корпуса. Весь корпус будет готов нескоро, но можно вводить его по частям. По мере роста нового СКБ будут расти и производственные площади для него. К Новому году мы отметили и новоселье в своих законных помещениях.

По инициативе Устинова и Рябикова вместе с аппаратом министерства и Спецкомитета в январе 1956 года мы подготовили проект Постановления ЦК КПСС

и Совета Министров СССР о работах по противоракетной обороне. Этот проект вместе с пояснительными альбомами теперь лежали в сейфе Устинова. Но, не дожидаясь принятия постановления, Дмитрий Федорович издал все необходимые приказы по министерству, как если бы постановление уже вышло. В этот период, когда старый год ушел в прошлое, а новый еще не раскачался, я решил побывать в Ленинграде на научно-технической конференции. До перехода в КБ-1 на всех таких конференциях я не упускал случая выступить с докладом, но потом словно бы в воду канул для всех, кто по работе не был связан с КБ-1. Поэтому факт моего появления на конференции был даже специально упомянут во вступительном слове председателя оргкомитета. Но почти сразу после этого в зал заседаний вошел дежурный офицер и объявил:

– Инженер-полковнику Кисунько приказано срочно позвонить по ВЧ министру.

Мой разговор с Устиновым продолжался не более двух минут. Сегодня же в любое время мне приказано быть у министра. С большим трудом удалось достать билет на самолет, следующий рейсом Хельсинки – Москва.

Устинов ждал меня, разложив на столе все хранившиеся у него материалы по ПРО, подготовленные для доклада в верхах. Меня он строго отчитал за самовольный, без его разрешения, выезд в Ленинград.

– Завтра, – сказал он, – в десять ноль-ноль мы будем у министра обороны маршала Жукова, и тебе надо будет доложить ему в течение пяти минут суть всех этих материалов. Может быть, потренируемся – я за Жукова, а ты за себя? Продумай, соберись с мыслями, чтобы все было коротко и ясно, по-военному. Кстати, надень форму. От министерства поедешь со мной.

По тому, что Дмитрий Федорович перешел со мной на «ты», я понял, что у него хорошее настроение.

Жуков встретил его уважительно, как человека, которого хорошо и давно знает. Я ему представился по-военному, он поздоровался со мной, по привычке окинув меня быстрым взглядом с ног до головы, сказал, взглянув на часы:

– Начинайте.

Выслушав доклад, сказал Устинову:

– Все это ты мне уже рассказывал, правда, не так подробно. Нам друг друга уговаривать не надо. Давай подписывать бумагу «наверх».

Устинов достал текст докладной записки в ЦК КПСС, оба министра ее подписали, Жуков сказал:

– Хорошо бы это отправить в ЦК с нарочным прямо сейчас, а я постараюсь, чтобы там успели все оформить к очередному заседанию Президиума ЦК.

Вернувшись в министерство, Устинов распорядился о срочной отправке документов в ЦК и начал снова инструктировать меня, – на этот раз по моему предстоящему докладу в ЦК:

– Учти, что там к тебе могут быть вопросы о возможности создания малогабаритных подвижных комплексов ПРО по типу автомобильных зенитно-ракетных комплексов, вплоть до совмещенных противоракетно-противосамолетных комплексов. В ЦК и Совмин поступает немало предложений в этом духе от твоего давнишнего знакомого, а ныне министра, Калмыкова. Да и кое-кто из твоих коллег-конструкторов не прочь добавить свою лепту в смятение умов вокруг твоих предложений.

Я начинаю замечать, что в определенных ситуациях Дмитрий Федорович в разговорах со мной переходил на «ты», чтобы оказать мне морально-психологическую поддержку.

На заседании Президиума ЦК КПСС предложения по работам в области ПРО рассматривались 3 февраля. В своем докладе, следуя предостережениям Устинова, я особо подчеркнул отличия проблем ПРО от проблем противосамолетной обороны и принципиальные различия относящихся к ним технических решений. Своим преподавательским чутьем я уловил, что доклад воспринимается с интересом, и немного увлекся, перебрал время, подсказанное мне Устиновым и Рябиковым. Ворошилов задал мне вопрос: не будут ли осколки рикошетировать от баллистической головки? Я ответил, что это исключено благодаря огромным скоростям сближения головки с осколками, тем более что и сами осколки (вернее – шрапнелины) будут начинены взрывчаткой. В знак согласия с моим ответом члены Президиума ЦК как-то дружно утвердительно закивали. А у меня промелькнула мысль: «Значит, и до кавалерийского маршала дошло, что поразить боеголовку баллистической ракеты – не то что поразить самолет».

Хрущев предложил по линии ЦК принять короткое принципиальное постановление с одобрением внесенного предложения Миноборонпрома и Минобороны, а Совмину поручить выпустить подробно развернутое постановление с указанием исполнителей и сроков работ по всем объектам экспериментального комплекса ПРО и по созданию противоракетного полигона. Постановление Совмина вышло 17 августа 1956 года, но к этому времени уже была произведена рекогносцировка мест

дислокации и полным ходом шло проектирование объектов будущего полигона в организациях Минобороны; в июле на ближайшую к нему станцию начинали прибывать эшелоны военных строителей, была отдана директива Генштаба о создании полигонной войсковой части, которой был присвоен № 03080. В постановлениях ЦК и Совмина полигону был присвоен шифр «полигон А», экспериментальному комплексу ПРО – «система А».

Спустя несколько дней после заседания Президиума ЦК Устинов взял меня с собой на капъярский полигон ГЦП (Государственный центральный полигон). Летели мы самолетом, оборудованным для министра в салонном варианте. Вчера сидели допоздна, сегодня вылетели очень рано, чтобы успеть проскочить на место без болтанки, и мне очень хотелось спать. Но Устинов все время выспрашивал у меня всякие технические подробности о том, как будут обнаруживаться баллистические ракеты и наводиться на них противоракеты, и при этом каждый раз переводил разговор на то, не надо ли кого еще из министерства подключить к работам по системе «А». Теперь я снова, как и раньше много раз на заводах, в НИИ и КБ в период работ над «Беркутом», продолжал поражаться неутомимости Устинова. Спит ли этот человек когда-нибудь? Или, может быть, таким, как он и Рябиков, выдают особые таблетки из кремлевской аптеки, чтоб могли сколько надо работать и не спать?

На этот раз Дмитрий Федорович особенно настойчиво интересовался вопросами точности наведения противоракет на цели. И я понимал озабоченность министра этими вопросами, может быть навеянную заявлениями Минца, а вслед за ним Расплетина и Щукина, что это глупость – стрелять снарядом по снаряду.

– Вы, вероятно, заметили, – объяснял я Устинову, – что в станциях Б-200 мы все время мучились с угловыми точностями, а точности по дальности получались как бы сами собой с большим запасом по сравнению с требованиями технических условий, и все к этому привыкли. Так вот, напрашивается мысль, чтобы положение целей и противоракет определять по их дальностям, измеряемым тремя пространственно разнесенными дальномерами. Это можно назвать многопозиционной радиолокацией, или методом трех дальностей. Но и при этих условиях точность измерения дальности, то есть времени запаздывания радиолокационных эхо-сигналов, нам придется повышать в десять раз, а может быть, и больше. В более отдаленной перспективе не исключено применение головок самонаведения, работающих по естественному тепловому излучению

баллистических боеголовок. Поэтому предусматривается и исследовательский вариант противоракеты с тепловым координатором для головки самонаведения. Однако в этом вопросе еще очень много неясного, все строится на догадках, и прояснить их можно только натурным полигонным экспериментом...

На полигонном аэродроме, где сел министерский Ил-14, нас встречал подполковник, присланный начальником полигона. Он увидел вышедших из самолета полковника и с ним похожего на монтажника человека в ватных брюках, ватной фуфайке, валенках, в нахлобученной ушанке. Подполковник решил, что министр не прилетел, а на полигон об этом не успели сообщить. Подошел к полковнику, начал отдавать рапорт. Но полковник – а это был я – его перебил и сказал, кивнув на «монтажника»:

– Докладывайте министру.

Добираться до стартовой площадки ракеты Р-5 подполковник предложил на выбор: на газике или вертолетом. Устинов выбрал вертолет, и от этого выбора у меня, что называется, «заекало»: в тот период нередкими были аварии вертолетов из-за поломок винтов.

В вертолете Устинов сначала с любопытством рассматривал его внутренние детали конструкции, пытался заговорить со мной, но в грохочущей коробке это не получилось. Тогда он поднялся со скамьи и начал заглядывать в хвостовой отсек. От его движений вертолет начал раскачиваться, и я подумал, что так и недолго грохнуться. В подтверждение этой догадки показалось рассвирепевшее лицо второго пилота. Он жестами показывал мне, чтобы я угомонил своего попутчика. Пришлось дернуть министра за ватник, жестами объяснить, в чем дело. Дмитрий Федорович неохотно вернулся на свое место на скамье, укоризненно покачал головой. По прибытии на место, прощаясь с экипажем, сказал:

– Спасибо за доставку. Но больше я на такой машине не ездок. Уж больно она у вас сурьезная: ни повернись, ни пошевелись.

На полигоне, где мы сейчас находились, мне довелось побывать в мае прошлого года. Тогда выдалась ранняя весна, и поэтому на бетонке от полевого аэродрома до городка попадалось много уже подросших молодых орлов. Они нехотя, с сердитым клекотом, слетали с дороги с приближением газика. А один, разозлившись, стал преследовать газик, спикировал на него и разбился насмерть о металлическую раму ветрового стекла с той стороны, где рядом с водителем сидел я. По этому случаю я потом в шутку сказал начальнику полигона:

– Что-то у вас, Василий Иванович, орлы начали дичать, совсем отвыкли от газиков, а молодые даже идут на таран.

Тогда нельзя было не заметить, что здесь установилось полное затишье. Показывая стартовые и измерительные площадки, сотрудники Королева говорили о них в прошедшем времени, как будто это уже музейные экспонаты. Теперь уже в другом месте велось строительство полигона для межконтинентальных ракет, а здесь все словно бы отмирало.

Но сейчас на полигоне все оживилось, как в былые времена. Предстоял пуск баллистической ракеты Р-5 с атомным зарядом. Столь серьезного события на полигоне еще не было. Прибыли маршал Неделин с большой группой помощников, Королев со своими коллегами – конструкторами, представителями атомных фирм во главе с замминистра. Запустить ракету Р-5 в привычный для полигона квадрат падения в песках – задача технически несложная: ракета серийная, боевой расчет – штатный военный, натренированный на таких пусках, все отлажено до звона, но... Все дело в том, что надо уловить подходящие погодные условия в районе точки падения боеголовки с атомным зарядом. В ожидании погоды прошло несколько дней, которые Устинов использовал для того, чтобы проехать вместе с Королевым в качестве экскурсовода и со мной и позднее прибывшим Гренгагеном в качестве экскурсантов по объектам полигона. А однажды все мы оказались в роли экскурсантов при демонстрации процесса сборки и разборки атомного заряда. Попутно замечу, что я тогда не задавался вопросом о том, есть ли технический смысл в этом пуске с подрывом атомного заряда всего в ста километрах севернее города Аральска и насколько безопасна эта идея экологически.

Вот она стоит на пусковом столе, готовая к пуску ракета, дьявольская штука, выкрашенная в ангельский белый цвет, чтобы лучше отпечаталась на пленках кинотеодолитов. Мы с Устиновым стоим рядом с нею. При виде ее в памяти министра, наверное, вырастают самые трудные годы первых забот и первых тревог в этой степи. Устинов был единственным из министров, который увидел горизонты и перспективы ракетной техники, тогда как многие специалисты, особенно в авиации, считали ракетную технику всего лишь модным заблуждением, которое скоро пройдет. Устинов создал в своем министерстве два центра по ракетной тематике: один – по баллистическим ракетам, второй – по системам самолетного и противосамолетного ракетного оружия. И здесь, на далеких степных просторах, под его личным присмотром были созданы полигоны для запусков ракет всех классов.

И сейчас, при виде Р-5, он с особой остротой ощутил тяжесть и ответственность той ноши, которую взвалил и на себя и на этого рядом с ним стоящего идеалиста, который сосредоточенно смотрит на верхушку ракеты: похоже, что для него в ракете существует только ее боеголовка, по которой собирается стрелять. Молод еще, горяч и даже не подозревает, что по нему самому не утихает стрельба из нешуточных калибров еще с тех времен, когда он едва не угодил в антенные «вредители». Сейчас не те времена, но число охотников пострелять не убавляется, и ему в одиночку не отбиться от них без подмоги министерских калибров. Устинов помнил брезгливо-пренебрежительные ухмылки маститых и полумаститых скептиков: «Снарядом по снаряду? Ну что ж: безумству храбрых поем мы песню». Ничего, мы еще посмотрим, кто как запоет!

Еще до выхода постановления от 3 февраля у нас сложилась дружная кооперация коллективов разработчиков системы «А», возглавляемых главными конструкторами: центральной вычислительной станции (ЦВС) – главный конструктор академик Лебедев С.А.; системы дальнего обнаружения (СДО) в двух вариантах: главного конструктора Сосульникова В. П. и главного конструктора Минца А. Л.; противоракеты – главный конструктор П. Д. Грушин; пусковых установок – главный конструктор И. И. Иванов; радиолокационной станции вывода противоракет (РСВПР) – главный конструктор Рабинович С. П.; системы передачи данных (СПД) – главный конструктор Липсман Ф. П. Все эти организации работали по нашим техническим заданиям, причем КБ-1 разрабатывало общесистемные вопросы, систему управления противоракеты, радиолокаторы точного наведения, станцию передачи команд, автопилот, бортовую аппаратуру противоракет. У разработчиков указанных технических средств в свою очередь были соисполнители по входящим в них элементам, – например, для противоракеты В-1000: по двигателям первой и второй ступени, по боевым частям, а в специальных комплектациях – также по тепловым координаторам, оптическим и радиовзрывателям и т.п.

В марте 1956 года силами СКБ-30 и соисполнителей был выпущен эскизный проект системы «А» и входящих в нее средств и на этой основе были выданы исходные данные проектантам Министерства обороны. При этом все наши взаимоотношения с проектантами строились под постоянным личным шефством со стороны маршала артиллерии М. И. Неделина. Ему принадлежит и выбор местоположения противоракетного полигона, который определился в нашей первой встрече с ним,

когда я показал Митрофану Ивановичу схему, изображавшую набор объектов системы «А» с привязкой их расположения относительно точек падения баллистических ракет С. П. Королева.

– Насколько мне известно, – добавил я, – это примерно в ста километрах от города Аральска, в песках.

– Правильно, но пока будет создаваться ваш комплекс, наши баллистические ракеты будут иметь большие дальности, и их точки падения будут перенесены вот сюда, – сказал Митрофан Иванович, показывая на карте район западнее озера Балхаш. – Это очень суровый пустынный район, необжитой, непригодный даже для выпаса отар. Каменистая бесплодная и безводная пустыня. Но главный жилгородок противоракетного полигона можно будет привязать к озеру Балхаш. В нем пресная, хотя и жестковатая, вода, и городок будет блаженствовать, если можно применить это слово к пустыне.

– И еще нам нужны будут отчужденные зоны для падения ступеней противоракет. Вот схема с их конфигурациями и размерами.

– За этим дело не станет, – ответил Неделин. – Пустыню Бет-Пак-Дала бог или, вероятнее всего, шайтан территорией не обидел.

Митрофан Иванович был прав: впоследствии оказалось, что на отчужденной полигону территории оказался только один домишко, принадлежавший казаху, которого мы потом прозвали «дядей Колей». Этот дядя получил компенсацию за мнимое выселение из отчужденной зоны, но с разрешения командования продолжал в ней проживать, снабжая полигонщиков искусно закопченной балхашской маринкой и другими дарами Балхаша, многие из которых сейчас следует считать выбывшими даже из Красной книги.

Комиссию по рекогносцировке и выбору мест дислокации объектов полигона и системы «А» возглавил генерал Ниловский Сергей Федорович – бывший начальник капъярского полигона ПВО с начала его создания. В ее состав я включил своего первого зама Евгения Павловича Гренгагена и антенщиков. Борис Иванович Скулкин и Николай Дмитриевич Наследов должны были позаботиться о выборе рельефа местности с минимальными углами закрытия для будущих радиолокаторов ПРО. И вот они после проведенной работы в комиссии явились ко мне с отчетом, не по-московски загоревшие, в приподнятом настроении. После того как все трое, дополняя друг друга, отчитались, Гренгаген, лукаво переглянувшись со Скулкиным и Наследовым, сказал:

– И еще привезли мы образцы тамошней флоры. Вот эта колючка называется боялыч. Местами она там достигает в высоту до щиколоток. В ее зарослях вольготно жируют мыши и суслики, и этой фауной питаются степные орлы.

В это время вошла моя секретарша.

– Григорий Васильевич, вы переключили телефон на меня, но вас по какому-то срочному делу разыскивает Владимир Петрович Чижов. Сказал, чтобы явились к нему немедленно.

В своем кабинете Чижов находился вместе с Лукиным. Поздоровавшись со мной, Владимир Петрович набрал какой-то номер по кремлевскому телефону, протянул трубку мне, шепотом предупредил:

– Сейчас с вами будут говорить.

– Кисунько слушает, – сказал я в трубку.

– Здравствуйте, Григорий Васильевич, – сказала трубка голосом Василия Михайловича Рябикова. – Поздравляю вас с присвоением вам высокого звания Героя Социалистического Труда... Вы меня слышите, Григорий Васильевич?

– Да, Василий Михайлович... Только... как же это так... Спасибо, Василий Михайлович. Большое спасибо... я уж и не знаю, что говорить...

– А что тут говорить? Радоваться надо, работать, работать... Желаю вам успехов. До свидания.

– Спасибо...

Я почему-то продолжал держать трубку с короткими гудками, машинально, как автомат, твердил «спасибо» поздравлявшим меня Чижову и Лукину. Мои глаза предательски взмокли, а горло перехватили спазмы. Визируя вместе с Расплетиным наградные документы на сотрудников зенитно-ракетного отдела почти год тому назад, я, конечно, понимал, что в числе других и мне будет награда за систему С-25. Может быть, даже орден Ленина. Но такого я никак не ожидал. И сейчас искренне считал, что такой награды не заслужил.

– Поздравь Калмыкова. Вот номер его телефона, – сказал Чижов.

Я позвонил Калмыкову, будучи уверенным, что поздравляю со званием Героя. Иначе зачем надо было Чижову советовать мне позвонить министру «чужого» министерства? Позднее я узнал, что так и намечалось по одному из вариантов наградных списков, но Рябиков настоял на том, чтобы в числе семи Героев от аппарата ТГУ было не более двух человек. Ими оказались первый зам Рябикова Ветошкин и председатель НТС ТГУ Щукин. Остальные были от разработчиков:

Лавочкин (вторая Звезда Героя), Исаев – главный конструктор ракетного двигателя, Минц, Расплетин и я. Калмыков, как и Рябиков, был награжден орденом Ленина. Тогда, поздравляя Калмыкова, я ничего об этих закулисных перипетиях не знал и холодный, сдержанный ответ Калмыкова на мое поздравление отнес за счет неприятного воспоминания о злополучной шифровке с полигона на имя Берия в 1953 году. Он даже не ответил мне взаимным поздравлением.

Положив телефонную трубку, я сказал Чижову и Лукину:

– Не по мне эта награда. Ее надо хранить на знамени нашего предприятия.

– Не беспокойся. Наше предприятие награждено орденом Ленина, многие заводы награждены орденами. Награждено много людей, гражданских и военных.

Я попросил посмотреть списки, но Чижов, переглянувшись с Лукиным, поспешно ответил:

– Списки... это дело... до нас еще не дошли.

Лукин понимающе посмотрел на Чижова, который, видно, не хотел расстраивать меня тем, что в списках произошли странные изменения по сравнению со списками, представленными предприятием. Фамилии некоторых сотрудников, перешедших в СКБ-30, исчезли из списков. У Ушакова вместо ордена Ленина оказалась медаль «За трудовое отличие». Зато у перекинувшегося к Расплетину перебежчика на должность первого зама вместо ордена Красной Звезды – орден Ленина. Было много других в этом же духе перестановок, и дело дошло до такой неразберихи, когда один и тот же инженер оказался награжденным сразу двумя медалями.

– Чего уж скрывать, Владимир Петрович, – сказал Лукин. – Пусть Григорий Васильевич лучше от нас узнает правду. Кто-то основательно поработал там, в высоких канцеляриях, от нашего с тобой имени и за нашей спиной.

– Известно кто. Но я так не оставлю... это дело...

– После драки кулаками... – заметил Лукин.

– Да и драки не было. Просто прозевал я это дело. Это дело... меня даже об этом спрашивал и предостерегал Григорий Васильевич. Но я ему... это дело... сказал, чтоб не распространял бабьи слухи.

Грамоты и награды семи Героям Социалистического Труда вручал Ворошилов в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. А недели через две после этого в КБ-1 прибыли Ворошилов и Буденный для вручения ордена Ленина предприятию, орденов и медалей. Люди были собраны в самом большом цеху опытного производства. В проходах между станками были поставлены скамейки, а

у стены, отделяющей цех от бытовок, соорудили помост для столов президиума. Чижов и Лукин, занятые хозяйственными и режимными хлопотами по подготовке к встрече высоких гостей, поручили Расплетину организовать оповещение всех награжденных о времени и месте сбора. Ворошилов и Буденный были в хорошем настроении, шутили, и это вносило радостную непринужденность и раскованность. Когда стихли аплодисменты и все заняли свои места, Чижов спросил у Расплетина, сидевшего рядом с ним в президиуме:

– А почему... это дело... нет Григория Васильевича?

– Не знаю.

– Вы его оповестили?

– Нет. Он свою награду уже получил, здесь собрались только те, кому будут вручаться награды. В том числе из СКБ-30.

– Но вы... это дело... тоже свою награду получили. А сегодня здесь будет вручаться орден Ленина всему нашему предприятию. На таком торжестве обязательно присутствие обоих наших героев... это дело...

В это время я, ничего не ведая о вручении наград, как обычно, занимался у себя в кабинете очередными делами своего СКБ-30. Когда мне позвонил из цеховой бытовки референт Чижова, пройти в цех было уже невозможно. С прибытием Ворошилова и Буденного не только все входы в цех, но и подступы к нему были перекрыты хорошо проинструктированными приезжими парнями в штатском.

При вручении ордена Ленина предприятию Ворошилов сказал:

– Дорогие товарищи! Вы проделали замечательную, грандиозную работу, и за нее вас наградила Родина. Теперь вас ждут еще более трудные дела и за них новые награды. Здесь все допущены, и я не выдам никакого секрета, если скажу, что речь идет о противоракетной обороне...

Сидевшие в зале мои ребята из СКБ-30 не без ехидства заметили, как при упоминании Ворошиловым противоракетной обороны дернулся в президиуме Расплетин. Среди них Ушаков, уже знавший о фокусах со списками, был сильно возбужден, его по-цыгански смуглое лицо потемнело и заострилось, глаза сверкали угольками гнева за то безобразие, которое сейчас свершится под видом торжественного ритуала. Когда же была названа его фамилия, он, странно косолапя и будто спотыкаясь, с опущенной головой заспешил к Ворошилову. Получив медаль, метнул гневные взгляды в сторону президиума и в зал, где на чужой груди уже сверкал предназначавшийся ему орден Ленина и светилась начальственным

самодовольством физиономия самого «орденоносца». С молодой горячностью подумал об отсутствующем Кисунько, которому так верил, но который, оказывается, позаботился только о себе, а на других ему наплевать. В честном, талантливом, трудолюбивом молодом человеке начала рушиться вера в справедливость и человеческую порядочность.

Ответную речь от имени награжденных держал Расплетин. А Ворошилов в это время спросил у Чижова:

– А где же ваш главный противоракетчик?

– Он... это дело... в командировке, – ответил Чижов.

Кроме указа о наградах, – хотя и засекреченного, но все же объявлявшегося на предприятиях, – существовал словно бы в тени также документ, подписанный в Совмине Н. А. Булганиным, – надо полагать, не без стараний его помощника Н. Н. Алексеева, – о премировании А. А. Расплетина легковой автомашиной ЗИМ и денежной премией в сумме 150 тысяч рублей. От этого документа до меня доходили отголоски в виде поздравлений меня с такой же премией. Моим опровержениям не верили, а только удивлялись: мол, какой смысл скрытничать? И даже много лет спустя знакомые автолюбители, случалось, спрашивали: «Как поживает ваш ЗИМ?»

Но аппетит приходит во время еды, и где-то как-то возникла идея возбудить через ученый совет КБ-1 ходатайство о присуждении Расплетину ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации. Для этого надо было иметь положительные отзывы трех докторов наук, и два из них, подписанные Щукиным и Минцем, были уже готовы, когда мне было предложено составить третий отзыв. Получалось, что задержка только за мной. Я предпочел бы отказаться, так как за время рабочих общений с соискателем ничего докторского в нем не обнаружил. Но мой отказ, ничего бы не изменил: при наличии двух отзывов от членов-корреспондентов АН СССР вместо меня нашелся бы другой доктор наук, а мой отказ обыграли бы как проявление личной неприязни. Хотя какая могла быть у нас приязнь после злополучной шифровки Расплетина и Калмыкова на имя Берия? Пришлось мне вымучивать из себя требуемый отзыв.

– Но как должно проходить заседание ученого совета без защиты диссертации? На таких заседаниях я еще не бывал, но по здравому смыслу полагал, что соискатель должен хоть что-нибудь рассказать о своих научных работах. А в нашем случае он сидел как именинник, только выслушивая отзывы Щукина, Минца и мой, а потом – хвалебные отзывы заранее подготовленных, как на профсоюзном собрании,

ораторов. А что он, собственно, мог доложить сам в научно-техническом плане? О разработанных немцами координатно-вычислительных блоках? Об ими же разработанном методе среднеоптимизированных траекторий наведения под названием «метода С»? О радиотракте, который он, как зам. главного конструктора, лихорадил своими некомпетентными требованиями? Или о комплексном замысле системы «Беркут», который по личному заданию Сталина, фактически при стажерской роли Серго формировался под руководством П. Н. Куксенко задолго до того, как нас, 60 человек, в том числе нынешнего соискателя, перевели в КБ-1?

Сейчас на заседании совета я поражался выдержке Павла Николаевича. Какая это была пытка для него: председательствовать на обряде остепенения того, кто на его горбу въехал в рай и теперь парит на крыльях того же «Беркута», перекрещенного, как порося в карася, в С-25! Виноват ли Павел Николаевич в том, что к нему на выучку был приставлен младший Берия? Все это видят и понимают, но деловито, как артисты, выполняют отведенные им роли в этом постыдном фарсе. И самое страшное в том, что фарс начинается и заканчивается не здесь, на заседании совета. Он постоянно творится вне совета, в жизни, и получается, что в жизни мы все – артисты. Общество сплошной артистификации! А абсурдность нашего фарса еще усугубляется его засекреченностью.

До этого мне довелось только один раз после собственной защиты выступать в роли официального оппонента по докторской диссертации. Но тогда я без колебаний забраковал диссертацию, по которой уже были положительные отзывы двух академиков, и защита не состоялась. А сейчас я постыднейшим образом смалодушничал, согласившись плестись в оппонентской тройке пристяжным доктором при двух коренных членкорах.

...Вечером того дня, когда Рябиков поздравил меня с присвоением звания Героя, я пришел домой необычайно рано.

– Ты не заболел? – встревожилась жена.

– Нет, откуда ты взяла?

– А почему так рано домой?

– А потому что я Герой и хочу отметить это дело на троих с этими мужиками, – при этом я сгреб в охапку двух своих мальчиков, которые сидели перед телевизором.

– Папа, ты всегда был у нас героем, мы это знаем, но сейчас дай нам досмотреть интересную передачу, – отшутился старший – Василий, выскальзывая из отцовских объятий. Мое заявление, что я герой, дома восприняли как очередную батькину

хохму.

Правильно, пусть мальчики досмотрят мультипликацию, от души посмеются, заодно погоняют телевизор, который мне завезли для опытной эксплуатации с завода, ранее выпускавшего аппаратуру для станции Б-200. В нем – техническая новинка: монтаж на печатных платах. Продукция сугубо мирная, а в названии все же что-то звучит от ракетной техники: «Старт».

Но все же как быстро и незаметно повырастали сыновья! И, увы, не привыкли к отцу, который как метеор появлялся дома и снова исчезал на какие-то объекты. Их детство проходит, уже почти прошло, мимо меня, их отца. И многое другое, обычное для других людей, прошло мимо. Как в тот вечер, когда я на минуту по пути на вокзал заскочил в Большой театр. Не верится, что старшему – Василию через четыре месяца – получать паспорт, и, слава Богу, что ему не придется решать проблемы, с какими судьба столкнула меня в его возрасте.

А в театры, конечно, хотя бы изредка, надо выбираться, а то можно совсем одичать. Да и абонемент в консерваторию пропадает. Но вот вопрос: смогу ли я в театре отключиться от своих мыслей? Передо мной вместо сцены будет вставать схематический рисунок из американской книжки «Действие атомного оружия». Там изображены границы зон поражения городских зданий при атомных взрывах на разных высотах и при разных мощностях взрыва. И это все показано на фоне условных контуров города на реке, изгибы которой очень похожи на изгибы Москвы-реки, а у самой реки в очень недвусмысленном месте поставлен крестик, обозначающий эпицентр взрыва. И будут вставать передо мной контуры того же города, наложенные на пустыню, где растет боялыч, а вокруг этого условного города на каменистых буграх – радиолокаторы ПРО, стартовые позиции противоракет, радиорелейные линии. На полях театральной программы появятся формулы, цифры, а глядя на сцену, мне обязательно захочется мысленно сравнить проем, отделяющий ее от зрительного зала с будущими антенными раскрывами.

Но это все будет в театре, а пока что здесь, дома, ничто мне не мешает взять несколько томов Большой Советской Энциклопедии, Прочитать статьи к словам боялыч, Бет-Пак-Дала, Балхаш. Потом, поставив тома энциклопедии на их места, взять новую тетрадку в клеточку, заполнить на обложке: «Ученика 3Д класса 30 школы Кисунько Григория». 3Д означает «три дальности», 30 школа – СКБ-30. Это будет не первая из подобных тетрадок с математическим обоснованием метода трех дальностей, который по исходному замыслу системы «А» должен обеспечить

реализацию высоких точностей наведения противоракет на цели. Учитывая ключевое значение этого метода, я действовал по принципу «семь раз отмерь», причем ранее полученные формулы проверял тем, что с самого начала повторял выкладки в новой тетради и затем сличал результаты. Это гораздо надежнее, чем проверять ранее исписанную тетрадь.

Итак, за дело. Я начинаю не спеша, с ученической старательностью, выводить на первой странице тетрадки математические формулы с латинскими и греческими буквами. Терпеть не могу небрежность в написании формул. Выписанные аккуратными строчками и расположенные на бумаге особым образом, они кажутся мне строками вдохновенной поэмы, положенными на волшебную мелодию, которую мы сыграем в Бет-Пак-Дала.

А мальчикам не надо мешать. Пусть никто и ничто не помешает им досмотреть веселые телепередачи, потом будет передача «Спокойной ночи, малыши». Пусть малышам никто и ничто не нарушит спокойной ночи, и пусть чистым, мирным будет над ними небо.

Глава четырнадцатая

Штурмовать пустынь просторы
шли, решимостью дыша,
сталинградские саперы от плацдармов Балхаша.
Вальс о балхашском вальсе

Одна из ветвей Турксиба на участке Мойнты-Чу проходит вблизи западного берега озера Балхаш. И если восточнее этой линии расположены и Балхаш, и Семиречье, и Иртыш, то на запад от нее на сотни километров раскинулась огромная каменистая безводная пустыня. Круглый год беспрепятственно продувают ее буйные степные ветры. Зимой в лютые сорокаградусные морозы перегоняют они с места на место колючие снеговые вихри, а летом оборачиваются черными бурями, вздымая массы песчаной и лессовой пыли, мчащейся с бешеной скоростью, секущей лицо, руки, затмевающей солнце, слепящей глаза, въедающейся в нос, в легкие, в рот, хрустящей на зубах, проникающей в сапоги, в автомашины через герметические дверцы. Такова пустыня Бет-Пак-Дала, в которой войсковой части 19313 предстояло построить противоракетный полигон. Недаром впоследствии говорилось в полюбившейся полигонщикам песне:

Солончаками знаменитая,

ты вся колючками покрытая,
людьми и Богом позабытая,
Сары-Шаганская земля!
Ты от Европы удаленная,
пятном на карту нанесенная,
для полигона отчужденная,
земля вокруг Сары.
Был и припев в этой песне:
Нет мощней дыры,
чем у нас в Сары,
И далее:
Ты степь бескрайняя, голодная,
земля пустынная, безводная,
ты каменистая, бесплодная,
Сары-Шаганская земля.
Но нам давно уже привычные
твои просторы безграничные,
сайгаки водятся отличные
в степях твоих, Сары.

Да, был такой грех: баловались ружьишками и военные и промышленники. Но это были детские шалости по сравнению с официальными отстрелами сайгаков по планам мясозаготовок, к которым полигон не имел никакого отношения.

А вот и вторая половина песни:
Ты летним зноем опаленная,
поземкой снежной заметенная,
солдатским потом орошенная,
Сары-Шаганская земля!
Сухой закон там соблюдается:
там водка спиртом заменяется,
а спирт водой не разбавляется
в степях твоих, Сары.
Зато теперь ты знаменитая,
земля, колючками покрытая,
антиракетами изрытая,

Сары-Шаганская земля.
Так пусть проходят испытания ракет –
на точность попадания, людей –
на смелость и дерзания
в степях твоих, Сары!

В этой песне пустыня Бет-Пак-Дала именуется как Сары-Шаганская земля, потому что плацдармом для наступления первопроходцев на эту пустыню суждено было стать ничем не примечательной железнодорожной станции Сары-Шаган.

Собственно станция – это всего лишь небольшое кирпичное здание и железнодорожная сигнализация: два семафора и керосиновые фонари. По одной стороне от Дороги к станции прижались глинобитные мазанки прибалхашского рыбацкого поселка, отдраенные закручивающимися в закоулках пескоструйными вихрями, поднимающими уличную пыль и мусор. По другую сторону от железнодорожного полотна торчат выстроившиеся в несколько рядов засохшие тополевые саженцы – засохший на корню пристанционный сквер.

В таком виде предстала станция Сары-Шаган полковнику Губенко и двенадцати офицерам, прибывшим с ним поездом 13 июля 1956 года. Стоял жаркий даже для июля солнечный день, температура в тени была выше 40 градусов. Из раскаленных шпал сочилась разжиженная, как чернила, смоляная пропитка. За «сквером» пересохшая земля, покрытая выступившей солью, до боли слепила глаза своей сверкающей белизной. Губенко приметил, что дорога одноколейная, станция проходная, без стрелок и запасных путей, времени на разгрузку будет в обрез, чтобы не мешать движению. А эшелонов с грузами будет очень много. Значит, в первую очередь придется построить отводную ветку для их разгрузки, рампу, прирельсовые склады. Как раз на месте «сквера».

Выйдя из здания станции, офицеры увидели словно бы обезлюдевший поселок. Все живое спряталось от жары. На площади перед зданием станции шуршали, вяло перекатываясь от порывов ветра, бесформенные клочья старых газет. В поселковом Совете тоже не оказалось ни души, хотя все двери были открыты.

Заметив сразу много военных, к Совету начала собираться смуглая босоногая ребятня. Вскоре появился и председатель поселкового Совета. По-русски он говорил и понимал плохо.

– Салам. Здравствуйте. Мы офицеры-строители. Прибыли сюда работать, – начал Губенко.

– Че работать. Где работать?

– Потом увидишь, а пока помоги нам, пожалуйста, разместиться на квартиры и подскажи, где тут можно пообедать.

– Обедать? Асхана. Станция. – Председатель показал рукой в сторону станции.

– А где переночевать? Ночевка, – добавил Губенко, чтобы было понятней.

– Ночка? Ночка асхана йок.

Один мальчик что-то сказал председателю по-казахски, тот заулыбался:

– Понимал, якши! – И тут же быстро начал говорить мальчикам, тыча в каждого пальцем.

Мальчики вихрем сорвались с места и куда-то убежали. Потом начали появляться взрослые, и с ними офицеры разошлись по домам. Губенко распорядился всем офицерам оставить свои вещи на квартирах и собраться в здании станции, где, как он понял, должна быть столовая – асхана. Но асхана оказалась закрытой. От дежурного по станции узнали, что она отпускает обеды только для поездных бригад. Значит, ни обеда, ни ужина, ни завтрака не будет.

Пока соображали, как быть с питанием, начало твориться что-то очень странное. Ослепительно яркий солнечный день как-то быстро сменился густыми сумерками, засвистел ветер, здание станции заполнилось сероватой мутью, из-за которой в нескольких шагах ничего нельзя разглядеть. На лицах, на обмундировании появился пепельно-серый налет. Губенко сказал:

– Пыльная буря. Старая знакомая. Помню еще по двадцать девятому году, когда гонялся за басмачами в Туркмении. Привыкайте, хлопцы.

По железнодорожной связи с трудом удалось выяснить, что следующий в Сары-Шаган эшелон с имуществом войсковой части 19313 прибудет через два дня. Тем временем пыльная буря начала стихать, снова открылось безоблачное белесо-голубоватое небо и на нем – повернувшееся к западу жаркое небо. В здании станции появился председатель поселкового Совета.

– Асхана йок. Бесбармак бар, – сказал он. Учтиво, с поклоном сложил ладони перед собой, обратился к Губенко:

– Мыхман – госьт будешь. Все вы будешь госьт – мыхман у председателя. – Последние слова он сказал, обращаясь ко всем офицерам.

– Рахмет, спасибо, – ответил с поклоном Губенко. – Пошли, хлопцы, здесь такой обычай, что отказываться нельзя. Обидятся. Жаль, что никакого подарка у нас нет.

– Товарищ полковник, – тихо сказал один офицер. – Разрешите, я сбегаю, у меня

есть кое-что такое, что не стыдно подарить.

Председатель жил в мазанке, но у него «во дворе» была еще и юрта. Тут же из небольшого стожка щипал сено верблюжонок.

– Таке малэ, а вже згорбылось, – пошутил Губенко, поглаживая верблюжонка. – Но все равно он очень симпатичный. Малыши у всех животных симпатичные.

Председатель познакомил гостей со своей «маржой» – женой и сыном-восьмиклассником, который свободно говорил по-русски и с этого момента стал выполнять роль переводчика. Пока шли разговоры о том, о сем, пришел офицер с подарком. Передавая сверток полковнику Губенко, он шепнул:

– Здесь самовар. Они ведь очень любят чай.

Губенко развернул сверток и обомлел: самовар оказался электрическим. Передавая подарок хозяину, он сказал:

– Уважаемый Нариман! В честь нашего знакомства мы дарим тебе и твоей семье этот электрический самовар в знак того, что скоро в ваш поселок придет электричество, много электричества, и у вас вместо керосиновых ламп везде будут лампочки Ильича, и вы будете пить чай из электрического самовара.

Хозяин поблагодарил, передал самовар просиявшей хозяйке и пригласил всех в юрту.

В юрте на большом ковре была разостлана белая скатерть, вокруг нее разложены подушки. Офицеры, следуя примеру Губенко, сели по-восточному. Хозяин тем временем выложил на скатерть граненые стаканы и полдюжины бутылок с зелеными наклейками, на которых русскими буквами было напечатано слово «АРАКЫ», и занял свое место напротив Губенко. Хозяйка с сыном начали подносить свежевымытую ярко-красную редиску, – не круглую, похожую на клубни крохотной свеклы, а продолговатую, похожую на длинные огурцы. Потом пошли пучки зеленого лука и пиалы с шурпой. Хозяин принимал пиалы и передавал их гостям. Разливая «аракы» в стаканы, спросил у Губенко:

– Че работать здесь будем?

– Про целину читал?

– Целина? Знаю, знаю, – закивал Нариман.

– Вот мы и есть целинники.

Нариман хитро сощурился, поднял указательный палец:

– Шутишь? Знаю, кем работаешь! Бальшим чылавекам работаешь! За твое здоровье, начальник!

– Ты здесь самый большой начальник от советской власти. За твое здоровье, председатель, – ответил Губенко.

После шурпы был бешбармак, который проголодавшиеся офицеры уплетали, засучив рукава гимнастерок по примеру Губенко. При этом один за другим следовали новые тосты. А Губенко как самому почетному гостю довелось с шутками-прибаутками разделить баранью голову между всеми присутствующими...

В назначенный день на станцию Сары-Шаган прибыл эшелон с имуществом, сопровождаемый командой из 19 солдат и старшин, затем – эшелон комбата Балашова. За «сквером» у станции вырос палаточный городок, куда переселился и Губенко с офицерами. Договорились с управлением дороги об использовании имеющихся на станции запасных рельсов и шпал для сооружения отводной ветки. Через три недели ветка была готова к приему эшелонов. Войсковая часть 19313 открыла себе окно в пустыню, к месту своей адски трудной работы, изготовилась к прокладке первой борозды на противоракетной целине, там, где раскинулась «людьми и Богом позабытая Сары-Шаганская земля»...

В конце июля, в самую жару, к Губенко нагрянули гости. Со стороны ближайшего гражданского аэродрома в воздухе застрекотал Ан-2 с военными опознавательными знаками, на малой высоте пролетел вокруг станции, высматривая место для посадки, приземлился и подрулил поближе к палаточному городку. Из самолета вышел подтянутый сухопарый генерал и, щурясь от обилия солнечного света, легким неторопливым шагом направился в сторону штабной палатки, откуда за прибытием самолета наблюдали Губенко и комбат Балашов. Вслед за генералом семенил, тяжело отдуваясь, тучный пожилой полковник с пухлым портфелем.

– Вот это номер. Сам начальник главка, генерал Григоренко. И с ним начальник проектного института, Иван Иванович, – сказал Губенко Балашову. – Пойдем предстанем.

На положенном расстоянии Губенко остановился, приложил руку к фуражке, доложил:

– Товарищ генерал, войсковая часть девятнадцать тысяч триста тринадцать ведет работы согласно плану. Командир части полковник Губенко.

Генерал поздоровался с Губенко, и Балашовым, а они оба поздоровались с Иваном Ивановичем. Григоренко не без удовольствия разглядывал подтянутую фигуру Губенко, будто влитую в молодцевато заправленную гимнастерку под ремнем и портупеей, густо загоревшее, облуженное горячими степными ветрами лицо, нос с

чуть заметной зашелушившейся горбинкой, густой чуб, подстриженный под короткий бокс, какой умеют делать только войсковые парикмахеры. Во всех внешне видимых чертах полковника и в каких-то неуловимых мелочах угадывались неуемная внутренняя энергия и стремительность этого давно знакомого генералу бывалого воина, наторевшего в делах военного умельца – строителя. Тонкие черты слегка скуластого лица генерала Григоренко и пристальный взгляд по-восточному чуточку скошенных глаз, устремленных на Губенко, излучали заряд добродушного юмора, как будто генерал прилетел сюда не по делам службы, а просто завернул в гости к старым друзьям.

– Наш лучший друг Александр Алексеевич здорово загорел. Нам бы, Иван Иванович, хоть половину такого загара на двоих, – сказал Григоренко.

Иван Иванович, флегматично-рыхлый, по-кабинетному прозрачно-бледный, вытер платком вспотевшее лицо, шею, развел руками:

– Свою долю из этой половины я охотно уступаю вам, Михаил Георгиевич.

– Не выйдет, Иван Иванович. Вам, проектантам, положено больше, чем нам, чиновникам, жариться вместе со строителями. Особенно в таком вот пекле, как здесь.

Сказав это, генерал оглянулся вокруг, обозревая окружающее «пекло», снял фуражку, провел ладонью по пушистому жиденькому хохолку на темени, снова надел фуражку. И, уже перейдя на серьезный тон, спросил у Губенко:

– Сколько сейчас личного состава в войсковой части девятнадцать тысяч триста тринадцать?

– В УИР тринадцать офицеров, старшина и девятнадцать солдат.

– Всего, значит, как в сказке – тридцать три богатыря?

– Товарищ генерал, нам больше подойдет название – чертова дюжина с недобором. Тринадцать офицеров – тут все ясно. А двадцать солдат со старшиной – это же явный недобор. Да еще и главный инженер УКСа у заказчика – полковник Недобора. И в номере части не обошлось без цифры тринадцать.

– С этим номером ваша часть прошла от Сталинграда до Вены со знаменем, которое сейчас украшает Центральный музей Вооруженных Сил. А недобор мы вам поможем восполнить. Если я не ошибаюсь, по штату вам положено иметь триста пятьдесят человек в УИР и около пятнадцати тысяч в линейных частях.

– Так точно.

– А почему у вас в УИР только тринадцать офицеров? Помнится, в Одессе было

гораздо больше.

– В Одессе я собрал офицеров УИР, объяснил, что предстоит большая, исключительно трудная, но интересная и очень нужная работа. И спрос за нее будет очень строгий. Сейчас не военное время, и мне не хотелось бы ни на кого давить одним только приказом. Потом все равно будут добывать себе всякие медицинские справки, если не на себя, то на членов семьи. К тому же есть приказ: пока что ехать без семей. Там голая пустыня, и даже солдатам будет очень трудно. Кто не чувствует себя готовым ко всему этому – пусть скажет сразу. Так что прибыл со мной отряд из одних только добровольцев – в основном из моих фронтовых однополчан, – завершил свой рассказ Губенко.

– А как думаете быть дальше? – спросил его Григоренко.

– Есть у меня на примете надежные люди на объектах, не легче нашего Сары-Шагана, который для этих людей покажется Одессой. С вашей помощью, Михаил Георгиевич...

– В этом деле мы вам поможем, а теперь покажите свое хозяйство, – сказал генерал.

Генерал в сопровождении офицеров осмотрел уже построенную отводную ветку, где в тупике стояли поезд-прачечная и железнодорожная пекарня. Тут же рядом с веткой батальон Балашова достраивал рампу для разгрузки эшелонов и ставил три барака СР-2 из щитов, демонтированных и привезенных с другого объекта на Урале. Здесь они будут использованы как временные прирельсовые склады. Чуть подальше от железной дороги обнаженные до пояса солдаты выдалбливали в скальном грунте котлован для штабной землянки.

– И это все, что вы можете показать в натуре? – уже совсем жестко спросил генерал своего «лучшего друга».

– Товарищ генерал, разрешите доклад продолжить в штабной палатке.

В палатке генерал сел на табуретку перед столом, на который строители успели доставить вместительный бидончик с самодельным солдатским квасом. Просматривая в стакане на свет желто-зеленоватую жидкость, генерал отхлебнул несколько глотков, словно размышляя, стоит ли пить дальше. Потом выпил до дна, усмехнулся:

– Наш, родной, строительный. Тепловат, конечно, но заборист. И по цвету почти как зеленый чай. Универсальный напиток. У меня язва, я много не могу, а вы, Иван Иванович, не стесняйтесь. Что вам один стакан?

Григоренко развернул планшет, достал оттуда тетрадь, положил ее на стол и опять

тем же сухим жестким тоном сказал:

– Докладывайте, полковник Губенко.

– Товарищ генерал, к тому, что вы здесь видели, я могу добавить, что очень плохо обстоит дело с разгрузкой эшелонов из-за полного отсутствия средств механизации. Автомашины, самосвалы снимаем с платформ на солдатских горбах и пупах, бывает, что роняем, гробим технику. Мы рассчитывали с прибытием экскаваторов приспособить их вместо кранов для разгрузки. Но когда они прибудут – неизвестно. Стройбат майора Задорина прибыл пятнадцатого июля и после разгрузки прямо со станции походным порядком был направлен в район строительства объекта № 2, в двухстах пятидесяти километрах западнее Сары-Шагана.

За семь дней добрался до места и там приступил к обустройству служб и личного состава. В радиусе двадцати пяти-тридцати километров от объекта № 2 удалось найти воду, оборудованы три колодца. В двух вода соленая, непитьевая, но для строительства после умягчения пойдет. Воду из третьего колодца... приходится пить, хотя вообще-то она жестковата. Постоит час-два в графине и делается рыжая, как чай. Видно, много в ней железа. Но и этой воды едва хватает для голодной нормы. Воду из колодцев специальные команды солдат вычерпывают круглосуточно в специальные емкости, а оттуда ее разбирают автоводовозы и доставляют на объект № 2. Этот объект рекордный по жаре и безводью. Надо срочно изыскивать и бурить штатную скважину. Товарищ генерал, у меня все.

Генерал не случайно решил завернуть в Сары-Шаган по пути в Тюратам. Он понимал, что сары-шаганская стройка намного сложнее тюратамской и поэтому требует особого внимания со стороны главка. И был внутренне доволен и всем увиденным, и докладом Губенко.

Нет, не ошибся главк, когда рекомендовал назначить в это пекло полковника Губенко – энергичного, знающего дело, до самозабвения преданного порученному делу, не жалеющего себя, требовательного и заботливого командира. Правда, есть жалобы, что он бывает груб и бесцеремонен с подчиненными, но это бывает у него с неисполнительными, недисциплинированными, с разгильдяями. Генерал считал это вполне нормальным, хотя для порядка иногда журил полковника за горячность. Для порядка – потому что знал, что Губенко любил и умел поощрять хороших добросовестных работников, и они тоже его любили. Горяч, – значит, неравнодушен, и люди всегда это поймут. Но генерал ничем не выдал своего удовлетворения увиденным и услышанным. Его худощавое скуластое лицо

посуровело, и он сказал:

– Александр Алексеевич, ваш доклад меня, прямо скажем, огорчил. Вы докладываете так, будто прибыли сюда для обустройства. А что делается по основной задаче?

– Основное задание нам еще не выдано. Нет даже генплана площадки «4в» – временного поселка строителей.

– Это как же у нас такое получается? – Теперь уже генерал обратился к Ивану Ивановичу.

– Товарищ генерал, генплан будет вместе с проектным заданием в назначенный срок. Через полгода.

– Товарищ полковник, вы живете на земле или витаете в облаках? Нам надо не ПЗ через полгода, а через пять месяцев сдать на второй площадке сооружения под монтаж конструктору. Вашим проектантам надо немедленно прибыть сюда и обеспечивать здесь, на месте, без задержек выдачу документации строителям из рук в руки. Как мы договоримся по этому вопросу: прямо сейчас или мне надо придать вам бодрости через ваше начальство?

– Я готов выполнить ваше требование, товарищ генерал, но у нас большая загрузка по другим заказам, – уклончиво ответил Иван Иванович.

– Это вы мне бросьте, все ваши заказы я знаю. В Тюратаме мы, слава Аллаху, прошли через критическую точку, и сейчас у нас нет более важного заказа, чем этот.

– Но, товарищ генерал, я боюсь, что полковник Губенко все равно ничего не сможет сделать, пока у него этот... недобор с рабочей силой, техникой, стройматериалами.

– Это уже не ваша забота, товарищ полковник. Вместо ваших боязней дайте нам, как подобает настоящему проектировщику, квалифицированный расчет этих самых материалов, техники и рабочей силы, за которые вы так усердно агитируете. Я имею в виду расчет потребности на тот первоочередной минимум, который нам задал главный конструктор на этот год.

– У нас есть только предварительные черновые наметки, составленные с учетом моей личной беседы с Кисунько. Исходных данных от него еще нет.

– А мы и не требуем от вас сочинение по чистописанию. Вы отлично знаете, что нужно выдать строителям, когда идет срочная работа, и как все это потом отразить в проектном задании. А насчет исходных данных от конструкторов вы тут явно путаете. Документ, подписанный Кисунько, Грушиным, Сосульниковым, Минцем и

Липсманом, а в части площадки № 35 – и Лавочкиным, в моем присутствии был утвержден маршалом Неделиным в июне месяце.

– Очень большая работа. Одних конструкторов пересчитать – не хватит пальцев на руках. И каждому – подай в первую очередь.

– Иван Иванович, что в какую очередь, определяет один конструктор – Кисунько. Кроме, конечно, тридцать пятой площадки. И он четко определил: вторая площадка, объект РЭ. И не надо никого пересчитывать на пальцах. Короче говоря, если через три дня Губенко не доложит мне о прибытии к нему вашей проектной группы, то я обещаю вам интересный разговор с вашим начальством. Я вам не угрожаю, Иван Иванович, но такова наша с вами планида, – примирительно закончил Григоренко, – что если завалим сроки, то считайте, что вместе с Губенко и мы полетим в тартарары в самом центре сары-шаганского пекла.

У самолета, прощаясь с Губенко, генерал подбодрил его:

– Крепись, Александр Алексеевич. Я все записал, в Москве меня будет принимать маршал Конев специально по сары-шаганскому строительству. Будут вам и подкрепления от министра, и помощь от Бога, и тумаки от его архангела Михаила, который будет прилетать к вам на вот этом самолете.

– Вас понял, Михаил Георгиевич... или Архангелович?

Генерал стоял в проеме самолетного люка, превозмогая улыбкой нестерпимую головную боль – память о контузии, полученной под Кенигсбергом, разыгравшуюся под палящим казахстанским солнцем. А на груди у него в такт прощальным взмахам руки играла солнечными бликами Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Вернувшись в Москву, Иван Иванович поспешил встретиться с главным конструктором системы «А» и с ходу задал ему вопрос:

– Григорий Васильевич, в ваших исходных данных многое нам кажется непонятным и даже... странным. Такая уйма объектов, разбросанных на сотни километров, – все это построить вот так сразу, в один срок... Таких огромных полигонов у нас еще не было.

– Зачем же так – все сразу? Нам для начала нужен лишь минимум первой, а вернее «нулевой» очереди на площадке № 2: дизель-электростанция, сборно-щитовой барак для аппаратуры и рядом с ним – два железобетонных пилона для антенны; башня кинотеодолита, земляная подсыпная площадка для автофургона измерительного локатора. И все это, кроме антенных пилонов, – типовые вещи, хорошо знакомые и вам и строителям по другим полигонам.

– А сколько личного состава будет работать на «нулевой» очереди второй площадки?

– Человек сорок-пятьдесят испытателей. Я имею в виду от промышленности. На монтаже, наладке – прибавьте столько же.

– А сколько от военных? Вы ведь тоже военный.

– Какое ваше мнение?

– Мое мнение, – как и военного и представителя промышленности, – на одного испытателя от промышленности один военный. Для равновесия.

– А как с обслуживающим персоналом, жильем, питанием, водоснабжением? Все это в голой пустыне и в такие сроки.

– Все это не простые вопросы, и я так понимаю, что именно поэтому к ним подключили такую опытную организацию, как ваш институт, за плечами которого и Капустин Яр, и Семипалатинск, теперь уже и Тюра-там...

– То были совсем другие полигоны: покомпактнее, поудобнее.

– Но теперь и мы совсем другие, – с опытом, знаниями, с набитыми шишками.

– Если говорить об опыте, то я не припомню, что бы радиоаппаратуру размещали в деревянных бараках, а вы именно это предлагаете в «нулевом» варианте на второй площадке. При малейшем коротком замыкании все сгорит как свечка. А отвечать будут проектанты, не конструкторы.

– У нас такой опыт был на зенитно-ракетной системе в тысяча девятьсот пятьдесят втором – пятьдесят третьем году, и он себя оправдал.

И сейчас, чтобы быстро провести очень важный эксперимент по радиолокационному наблюдению баллистических головок, у нас просто нет другого выхода. Можем ли мы требовать от строителей построить за оставшиеся до нового года пять месяцев капитальное здание для установки РЭ? Нашлись бы начальники, которые записали бы строителям волевой срок, на деле получилась бы затяжка минимум на два года в создании установки РЭ – якобы по вине строителей. А капитальные здания мы построим для радиолокаторов, которые будут созданы на основе экспериментальных данных, полученных на установке РЭ. РЭ – это «нулевой цикл» для всей системы «А». И тоже с бытом: мы, промышленники, для себя ни на какие особые условия не претендуем, будем делить с военными все полигонные неудобства. Со временем обживемся, обустроимся, а пока... Пока что нам, Иван Иванович, придется не задавать друг другу заковыристые вопросы, а решать их вместе.

– Вместе – это хорошо... – после паузы и как-то неуверенно согласился Иван Иванович.

По интонации, с которой были сказаны эти слова, я уловил и все недосказанное Иваном Ивановичем: дескать, знаем эти басни, не первый год замужем. На словах – вместе, а когда начинают поджимать сроки, то у конструкторов всегда есть, в чем придраться к строителям, если у самих что-нибудь не готово. А у проектантов и строителей – свои дежурные отговорки: от конструктора нет или не хватает исходных данных, исходные данные поступили поздно либо поменялись в самый последний момент... Так всегда было и будет: при большой и сложной работе и сжатых сроках, при жестком спросе нет другого выхода, как кивать на соседа, а самому тем временем, – пока начальство не докопалось до сути дела, – заштопывать свои собственные прорехи. На этом успел поседеть и поредеть ежик у Ивана Ивановича, и на этом же поседеет буйная шевелюра у этого молодого и прыткого конструктора. И здесь ничего изменить нельзя.

– Иван Иванович, может быть, мои слова вам покажутся высокопарными лозунгами, но нам именно вместе, по-честному, и только так, предстоит поработать на переднем крае грандиознейшего дела. А на переднем крае первейшее дело – это взаимная поддержка и выручка. Кто прячется за спину товарища, тот трус и должен получить свое тут же и незамедлительно. А мы в наших буднях как-то свыкаемся с трусливой нечестностью, непорядочностью, и даже находим ей оправдание: мол, «битие определяет сознание». Давайте же договоримся с самого начала не замешивать в нашу совместную работу ничего от лукавого.

Иван Иванович изучающе разглядывал главного конструктора, выслушивая его немного странную речь. Видимо, этот молодой да ранний конструктор еще не был в настоящих передрягах, когда бьют по-настоящему. Ну что ж, и то хорошо, что поначалу, пока не поднатореет, от него больших подвохов не будет.

– Это само собой. Именно вместе и по-солдатски честно и дружно. Так и будем держать. Только хорошо бы без горячки, без сверхсрочных времянок, а покапитальнее, посолиднее.

– Разве не строители придумали пословицу: «Нет ничего постояннее, чем временные сооружения»?

– А если без пословиц, по-честному: у тебя и в самом деле в этом году будет готова аппаратура для второй площадки? Не берешь ты нас, темных, на пушку?

– Обязательно будет. Наш министр Устинов лично следит за работами и на заводах,

и даже в нашем опытном производстве. И потом, неужели я стал бы брать на пушку строителей второй площадки, которых и без того занесла судьба в сары-шаганское пекло?

– По пути в Тюратам мне с генералом Григоренко довелось побывать у Губенко в Сары-Шагане. И там меня генерал загнал в угол: мол, немедленно отправляй группу проектантов на полигон и там на месте рисуй все, что надо, передавай строителям из рук в руки, и чтоб не было никакой проектно-бумажной волокиты.

– У военных людей генерал всегда прав. А в данном случае это, пожалуй, единственно возможный выход на быстрый темп и широкий фронт работ. И если твоим проектантам у Губенко надо будет что-нибудь уточнить по технологической части – к их услугам всегда любые наши представители.

– Поначалу это не понадобится. Там нас захлестнут свои специальные проектно-строительные дела. А твоим людям пока придется плотно поработать здесь, в Москве, с моими, помочь нам быстрее разобраться в ваших бумагах.

Иван Иванович и главный конструктор не заметили, как от первой взаимной настороженности перешли на «ты». Но все это было еще очень хлипким, обговоренным словами, но не сцементированным в делах...

Между тем на станцию Сары-Шаган все чаще стали отовсюду прибывать эшелоны с обещанными генералом Григоренко пополнением, техникой и стройматериалами. Прибывающие батальоны прямо со станции, запасшись водой и сухим пайком, направлялись походным порядком на вторую площадку, по бездорожью на триста километров в глубь раскалившейся как сковородка каменистой пустыни.

Однажды Губенко побывал на очередной планерке у начальника строительства на второй площадке майора Задорина. В конце совещания Задорин, как положено, спросил у Губенко:

– Товарищ полковник, разрешите закончить.

– Нет, позвольте мне пару слов. Меня очень беспокоят вопросы быта. Личный состав у вас размещается в палатках. Сейчас, в жару, оно ничего. Но ведь скоро зима. Зимы здесь, сказывают, лютые. Как вы думаете готовиться к зиме?

– Поднажмем на сборные щитовые бараки СР-2, поставим двухъярусные койки – порядок. Нам не привыкать, товарищ полковник, – бойко ответил Задорин.

– Сборные щитовые... А разве вам не известно, зачем их сюда завозят? Одна – для аппаратного здания. Вторая – лабораторное помещение. Третья – общежитие для промышленников. Четвертая – штаб и казарма для полигонной войсковой части.

Пятая – столовая.

– А для строителей? – почти выкрикнул Задорин.

– Аркадий Дмитриевич, помнится мне, что на фронте ты был мастак по части землянок. Неужели разучился? Пока не грянули холода, зарывайся в землю, как на фронте. Вот так это понимай сам и разъясняй другим: мы на фронте.

– Но дети, женщины... Я понимаю, приказ министра запрещал привозить их сюда, но где их могли оставить офицеры, прибывшие из тайги, с Крайнего Севера?

– Если ты это понимаешь – тем более поживей закапывайся в землю, не жди, пока ударят морозы.

– А дальше какие перспективы? Хотя бы для семей.

– С весны посоветуйте завести огородики. Здесь камень не везде голый, местами попадаются слои лессовой почвы. Если дать воду – все будет расти. К следующей осени семьи переведем с землянок в сборно-щитовые дома на полуострове. И вообще, здесь, на второй площадке, строители – народ временный. Закончим строительство – и уйдем. Скорее закончим – скорей оставим землянки...

Только в октябре Губенко смог выделить один батальон на временный городок строителей – площадку «4в», с задачей приступить к сооружению щитовых СР-2. Губенко лично с комбатом прибыл на полуостров Коктас в сопровождении проектантов, чтоб осмотреть привязку сооружений на местности. Один из проектантов, поеживаясь на холодном ветру, показал на каменистом бугре ранее вбитые колышки, сказал комбату:

– Здесь, товарищ комбат, вами будет заложен первый в будущем городке СР-2. По генплану это должна быть гостиница, но полковник Губенко и начальник полигона решили временно разместить в ней свои штабы. А вот здесь будет специальный СР-2 для штаба строителей и рядом – точно такой же – для штаба полигона. Из окон штабов будет открываться прекрасный вид на этот почти морской пейзаж. Кто-то сказал:

– А волна сейчас по морскому счету на верных пять баллов. Если смотреть только в «море», то полное впечатление, будто стоишь где-нибудь в Крыму.

Проектант ответил:

– А если оглянуться кругом, то полное впечатление Богом проклятого места: рядом с водой – одни голые камни, ни травинки, ни былинки. И будто в насмешку название этого полуострова – Коктас по-русски переводится как Зеленый Мыс. Или, как сказал один наш поэт:

Здесь полуостров – точно как в Крыму:
шумит волна, могли б цвести нарциссы.
И все-таки никак я не пойму:
какая б.... срубила кипарисы?

– Молодец, поэт, – вмешался Губенко. – Но я вот тоже не пойму: как это вы ухитрились посадить этот СР-2 на таком горбатом бугре? Ты представляешь, какой здесь получится фундамент? Настоящий цокольный этаж.

– Так точно, товарищ полковник. Мы крутили и так и этак, но тут, сами видите, сплошные бугры, косогоры, один за другим. Всю местность будто шайтан исковырял. Зато мы этой гостинице придумали хорошее название: «Высотная». Почти как в Москве.

Дальше поэт-проектант показал в натуре колышки, обозначавшие привязку других СР-2: для штабов автобатальона и батальона механизаторов, для солдатской столовой.

– Вот что, комбат, – сказал Губенко. – Начинай с фундаментов под СР-2, что-нибудь с десяток фундаментов до наступления морозов. Оба штаба, две гостиницы, столовую, штабы для автобатальона и батальона механизаторов и еще вот эти четыре, – Губенко пока зал на планшете и на колышках в натуре. – И вовсю гони вот эту гостиницу под крышу. Пора нам с генералом Дороховым выводить свои штабы из землянок на свет Божий.

– А не лучше ли сразу вымахать наш штаб вместо гостиницы? – спросил комбат.

– Как раз это ни в коем случае нельзя делать, – ответил Губенко. – А почему – поймешь, когда выйдешь в большие начальники...

Генерал-майор Дорохов, назначенный начальником строящегося полигона, с первой же встречи начал нажимать на Губенко, чтоб тот построил ему штаб:

– Пойми, Александр Алексеевич: приедет мой главком, спросит меня: «Какой ты начальник полигона без штаба?»

– А ты ему ответишь, что даже у самих строителей еще не построен штаб, – отвечал Губенко.

– Но мы бы и строителям временно предоставили помещения в нашем штабе.

– Тогда наши начальники спросили бы у меня: «Какой же ты строитель, если снимаешь угол в чужом штабе?»

– Не в чужом, а в штабе заказчика, – возразил начальник УКСа полковник Коваленко.

– В таком случае почему бы мне не построить сначала свой штаб, а тебя, Степан Дмитриевич, пустить в квартиранты?

– Для заказчика в квартирантах – не солидно.

Так родилась идея начать строительство на «4в» с «нейтральной» гостиницы, чтобы разместить в ней временно оба штаба. А когда гостиница была построена, то ей быстро придумали название «Казанский вокзал». Потому что в ней штабные комнаты только днем использовались как штаб, а ночью в ней спали офицеры: начальство на столах, а остальные вповалку на полу, прижавшись друг к другу для «сугреву».

Но сам Губенко редко бывал на «Казанском вокзале»: его время почти полностью поглощалось второй площадкой и стройбазой. И в этом времени он отсчитывал дни, оставшиеся до Нового года, когда истекал срок сдачи под монтаж антенных пилонов, аппаратного и лабораторного помещений на второй площадке.

Где-то подспудно теплилась надежда, что у главного конструктора к этому времени не будет готова аппаратура. Но эта надежда рухнула, когда в адрес полигона начали прибывать железнодорожные платформы с запломбированными контейнерами для второй площадки. У этого конструктора, оказывается, железная хватка. Никто не скажет, что он только словами жмет на строителей, а у самого еще ничего нет. Жмет он как раз молча, жмет контейнерами с аппаратурой под спецохраной, и выстроит их как на параде перед комиссией, которая будет принимать строительные сооружения под монтаж аппаратуры. Ну, ничего, академик, мы тоже не лыком шиты. И Губенко «для вдохновения» решил отправить Задорину, да еще передать ему под охрану, несколько прибывших контейнеров: пусть на второй площадке все строители видят, что главный конструктор наступает им на пятки.

Однажды, вернувшись в начале декабря со второй площадки, Губенко узнал, что от железной дороги строителям предъявлен штраф за задержку разгрузки воинского эшелона, прибывшего с войсковой частью инженер-полковника Арзанова в составе 600 солдат и сержантов, 50 офицеров, с ними шесть жен офицеров и восемь детей. С эшелоном была месячная норма продовольствия на весь личный состав, вооружение, боеприпасы, большое количество строительной техники, автотранспорт. На рассвете, когда поезд прибыл на станцию, стоял мороз 40 градусов и вдобавок бушевал сильный буран.

Только к 10 часам Арзанову удалось связаться со штабом Губенко, и ему было

приказано разгружаться и своим транспортом двигаться на площадку «4в». К обеду была разгружена техника и удалось завести три автомашины, на которых командир с двумя заместителями и старшиной прибыли на площадку «4в». Здесь ему предложили для освоения два подведенных под крышу барака СР-2 – без окон, дверей и внутренних перегородок, начатый строительством барак СР-2 под столовую и еще два фундамента с нижней обвязкой под СР-2. Для обустройства Арзанову выделили десять железных печек и материалы для продолжения строительства. Поздним вечером, вернувшись к эшелону, Арзанов, несмотря на протесты начальника станции, вынужден был оставить личный состав и семьи ночевать в вагонах. На следующее утро все хозяйство и люди были перебазированы на площадку «4в», личный состав начал приводить в порядок недостроенные СР-2 и приступил к достройке столовой, жилья, к постройке складов.

Выслушав доклад Арзанова, Губенко, несмотря на поздний час, решил проехать с ним в расположение части. Газик остановился у штаба автобатальона. Дежурный открыл наружную дверь, оба офицера вошли в тускло освещенный коридор. Арзанов одну за другой открыл двери трех небольших комнат. В полумраке Губенко увидел завернувшихся в шинели офицеров, спящих на столах, на стульях и просто на полу.

– Эти три комнаты у нас штабные, – шепотом пояснил Арзанов и добавил, указав на четвертую дверь:

– А здесь размещаются женщины и дети. Сюда вход разрешается только мне и замполиту. Тесновато: восемнадцать квадратных метров на восемнадцать человек. Поставлены двухъярусные койки, но все равно очень тесно.

– Наказать бы вас за то, что так безответственно притащили в эту дыру женщин и детей... А теперь поедем к вашим СР-2.

Подъезжая к недостроенным баракам, Губенко увидел возле них какие-то кучи, закрытые брезентом, а возле них съежившихся от холода, закутанных во что попало людей с керосиновыми фонарями.

– Это наши склады: имущество, вооружение, боеприпасы, продовольствие. Материально ответственные находятся возле них неотлучно. Через сутки-двое закончим складские землянки, – пояснил Арзанов.

В обоих СР-2 Губенко увидел спящих вповалку, по-фронтовому, солдат, сержантов и молодых офицеров. Тут же в углу, в отрытом для котлов водяного отопления котловане, хрюкало около десятка поросят.

– Ну и орлы! – не то одобряя, не то осуждая, усмехнулся Губенко.

– Прихватили с собой для разведения прикухонного хозяйства.

– За это хвалю. А вот за то, что мешкаете с обустройством, не организовали круглосуточной работы, – за это не похвалю. Мучаете себя самих, женщин, детей и даже поросят.

– Слушаюсь, товарищ полковник. Вас понял.

– Ничего ты, мой дорогой, не понял. Вот вам, товарищ полковник, задача. Сейчас декабрь, и нас, строителей, пока немного. Воду таскаем ведрами на себе от прорубей на Балхаше. И еще в ста метрах от берега стоит на льду насос для заправки водовозок. Если к марту не решим задачу водоснабжения, то личный состав, прибывающий на строительство, ляжет от дизентерии и всякой там другой заразы. Водоснабжение к марту месяцу – вот ваша задача, товарищ полковник, с сегодняшнего дня.

– Где мне получить проектные решения, товарищ полковник?

В ответ Губенко раскрыл планшет и резко, требовательно ткнул карандашом в карту:

– Здесь ставить насосную, здесь на горке – водонапорную башню. Линии водопровода ведите по будущим кварталам площадки «4в».

Вот вам и проектное решение. Вам, как инженеру, этого достаточно. Остальное решайте сами. И заметьте, что это только до марта, а потом займетесь водоснабжением второй и седьмой площадок.

В общем, мой дорогой, без воды ни туды, и ни сюды. И быть тебе, Левой Сумбатович, у нас самым главным водовозом. А насчет обустройства, мой дорогой водовоз, считай, что тебе крупно повезло. Ты получил хотя бы начатые строительством СР-2. Но это самые последние остатки из нашего задела. А каково будет частям, которые прибудут после тебя? Что я смогу им предложить? Вот вам репер на карте и в натуре. Разбивайте вокруг этого столбика на собачьем морозе палаточные городки, организовывайте быт и строительство. Прощаясь с Арзановым, Губенко сказал:

– Считай, Левой Сумбатович, что нам выпала судьба открывать наисложнейший фронт. На этом фронте, слава Богу, не свистят пули. Но от нас и от тех, кто еще придет сюда, зависит, чтоб не засвистело что-нибудь пострашнее пуль и снарядов. Так начиналась эпопея освоения каменистой пустыни Бет-Пак-Дала в Казахстане и превращения ее в противоракетный полигон.

Глава пятнадцатая

Не забыть мне рассвета,
когда, встретясь с зарей,
пролетала ракета
над площадкой второй.

Вместе с поздравлениями по случаю Нового, 1957 года я получил с полигона уведомление о том, что технологические сооружения на объекте № 2 сданы под монтаж аппаратуры. Монтаж аппаратуры я решил поручить бригаде рабочих из экспериментального цеха, закрепленного за СКБ-30. Начальник цеха Фильштейн дотошно позаботился и об укомплектовании бригады людьми, и о подготовке необходимых материалов, инструмента, забросил на объект с эшелонами аппаратуры даже некоторые самые необходимые станки, каждого монтажника снабдил индивидуальным чемоданчиком с инструментом. И сразу же после Нового года выехали на объект Фильштейн с цеховой бригадой и начальник ведущей лаборатории по экспериментальной установке РЭ Иванов с помощниками и представителями других лабораторий.

Но я был убежден и понимал, что дебют на объекте № 2 может привести к плохому окончанию всей партии без ввода могучих фигур из Москвы. И не хотел, чтобы такой важный момент в создании нового полигона, как окончание строительства и начало монтажа первых технологических сооружений в далекой пустыне, прошел вне поля зрения тех московских инстанций, от которых зависит и задание тона в этой работе, и оказание ей постоянной помощи. Ибо невозможно помогать, не зная обстановки на месте. Но вот вопрос: кто и как должен сформировать команду московских начальников и благословить их в путь-дорогу на полигон? Я решил начать с малого: объявил, что вылетаю на полигон для решения оперативных вопросов по объекту РЭ, и попросил начальников некоторых главков выделить своих представителей. С такой же просьбой я обратился и к начальнику своего главка, замминистра Шаршавину. Василий Андреевич прикинулся непонимающим, хитро сощурился, улыбнулся:

– А что вы собираетесь делать там, да еще с представителями главков? Не рановато ли для главного конструктора туда ехать?

– В том то и дело, что я точно не знаю, что там буду делать. Все выяснится на месте. Получается, что я отправил людей туда, где они должны начать сами знаете какое

дело, а с чем они столкнутся на своих самых первых и самых трудных шагах? Одно дело бумаги, а другое дело – как оно получается в железе, в бетоне. Это все надо видеть своими глазами, вовремя осмысливать, подправлять, помогать. Сейчас не рано, а завтра будет поздно.

Василий Андреевич, слушая меня, продолжал добродушно улыбаться. Может быть, он вспоминал свою молодость? Завод, рабфак, институт, снова завод, аспирантура. И вдруг, при почти уже готовой диссертации, – вызов в наркомат: придется, мол, на время расстаться с наукой. Надо строить линии связи и радиовещательные станции в самых отдаленных местах Сибири и Дальнего Востока. Ему, сибиряку, в Сибирь – как щуке в воду. Согласия не спрашивали, – ясное дело, партмобилизация. Пришлось распрощаться с мыслью о собственных научных разработках. Теперь его задача – осуществлять замыслы других умных людей, заложенные в проектах. Все это получалось у него неплохо, и когда начали создавать Третье Главное управление при Совмине СССР, то Шаршавин не ускользнул из поля зрения начальника ТГУ Рябикова и благословивших его более высоких инстанций. Встречаясь со мной, он всегда как бы ощущал соприкосновение с мечтой своей инженерной молодости, старался помочь мне чем только мог. Шаршавин быстро и гораздо глубже, чем требовалось для его положения, схватывал научно-техническую суть дела, вызывая этим мое немалое удивление. И сейчас он спросил:

– А зачем вам представитель от нашего главка?

– То, что я увижу своими глазами, главк увидит его глазами.

– А моим глазам вы не доверяете? Нет, мой дорогой, в таком деле, кроме меня самого, никакой мой представитель, даже самый глазастый, не подойдет. В таком деле, как ваше, надо не только погонять из Москвы, но и крепко пахать самому. Только мы с вами вдвоем на второй площадке тоже не много напашем. В нашей упряжке много хомутов, и есть не мало охотников от них отлынивать. Вот, например... – Шаршавин молча начал набирать номер по кремлевскому телефону. Мне было хорошо слышно, как на другом конце линии после длинных гудков отозвался голос Байдукова.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, – шутливо-бодрым тоном начал Шаршавин. – К вам обращаются рядовой необученный Шаршавин и полковник Кисунько. Мы очень просим, чтобы вы возглавили нас при поездке на подчиненный вам полигон.

– А что мне там делать? Это ваша сугубо НИРовская затея. Эксперимент. Нас, военного заказчика, эксперименты не интересуют… Нам нужны боевые системы. Забирайте у нас Дорохова со всеми его объектами, с личным составом и экспериментируйте.

– Мы бы с удовольствием, но ЦК и Совмин поручили создание полигона Министерству обороны, а министр обороны возложил это дело на вверенный вам главк.

– Даже и в этом случае мне на полигоне делать нечего. Вам дали помещения под монтаж аппаратуры, работайте на здоровье.

Шаршавин, закончив разговор, усмехнулся, посмотрел на меня: мол, Филиппыча надо знать; он поворчит, но на полигон поедет.

– А теперь послушаем еще одного генерала, – сказал Шаршавин, набирая новый номер.

Генерал Григоренко, выслушав предложение Шаршавина, охотно согласился выехать на полигон. Но добавил, что для строителей главная сейчас трудность – в поставках инженерного оборудования, которым занимается генерал Мальцев из другого главка. Григоренко обещает через свое начальство обеспечить выезд Мальцева, а через маршала Конева повлиять и на других, кто нужен из Минобороны.

Шаршавин, отпуская Андриенко, сказал:

– Хотя я и рядовой необученный, но все же эту команду соберу. Но, конечно, без помощи Василия Михайловича Рябикова здесь не обойтись. Готовьтесь к вылету на полигон.

Василий Андреевич сдержал свое слово. Команда начальников была сформирована, но выехала без главного конструктора: я заболел воспалением легких и вместо меня к самолету явился мой заместитель Гренгаген. Кое-кто хмыкнул: мол, главный нас спровоцировал, а сам в кусты...

Самолетом Ил-12 добирались до Караганды с большими задержками по двое-трое суток по погоде. Дальше до Сары-Шагана добрались поездом. Тут же с ходу осмотрели площадку, где на снегу лежали металлоконструкции антенны для РЭ, катушки кабеля, различное оборудование. После летучего совещания в «Казанском вокзале» договорились завтра же утром выехать на вторую площадку, в самое пекло пустыни Бет-пак-Дала...

Пустыня Бет-пак-Дала поражает своим удивительным однообразием. Дороги в ней

и везде и нигде. Сопочки, бугорки, лощины, впадины монотонно сменяют друг друга и так же схожи между собой, как волны в море. И что удивительно: езда по ней как-то незаметно оборачивается петлянием примерно по одному и тому же кругу.

Монотонность пейзажа особенно усиливается зимой, когда заметаемый ветром снег течет по степи, словно молоко, заполняет все впадинки и ямки – готовые ловушки для автомашин, моментально заносит колею только что прошедшей машины. При сильном ветре пелена пурги закрывает все, ее не пробивает свет фар, свист ветра заглушает гул двигателей, и даже в колонне автомашины могут терять друг друга.

Но самые страшные ловушки зимой – это солончаковые такыры, манящие водителя с горбатой тряской дороги, с коварных запорошенных снегом колдобин на соблазнительно ровную заснеженную гладь. Под этой манящей гладью – не замерзающая всю зиму солончаковая трясина, в которую ни пешком, ни на машине лучше не попадать. Для наиболее известных из них водители автомашин придумали хлесткие названия: «Веселая долина», «Сары-Шайтан», «Господи, пронеси!».

Исстари через Бет-пак-Дала проходили караванные пути. Сейчас там проходят трассы перегона отар. Они обозначены неприметными для неопытного глаза нагромождениями камней. Но это дорожные вехи для лета, и показывают они пути с севера на юг, – совсем не там, где должны быть проложены новые пути к объектам полигона. Губенко довелось потратить десять вагонов лесоматериалов, чтобы по всей трехсоткилометровой дороге на вторую площадку с востока на запад через каждые полкилометра поставить деревянные вешки с привязанными к ним метелками боялыча, дикого ревеня и любой другой травы, какая попадется. Вешки оказались хорошим подспорьем для водителей: и как дорожные ориентиры, и как топливо для костра на стоянке. Вешки сжигали не без разбору: сначала через одну, потом еще через одну, и так до тех пор, пока опять не начали петлять между уцелевшими вешками.

Сейчас по этой дороге двинулись в ледовый поход на 15 газиках защищенные меховым обмундированием московские гости, генерал Дорохов со своим начальником УКСа и Губенко со своими помощниками. Хотя нынешний январь был и холодным и пуржистым, в день их отъезда от «Казанского вокзала», в 5.00 погода стояла божеская: мороз 42°, но ветер лишь гнал по степи снежную поземку, с отдельными порывами взбивал снеговые вихри, и все же ему не хватало какой-то малости, чтобы запуржить, завьюжить и поднять над степью снеговую мглу. Но зато у него хватало духу, чтобы пробирать путников через собачьи и цигейковые меха.

Немного выручали теплые струи воздушного обогрева в газиках, но через несколько километров пути вода в системе обогрева замерзала, и в кабину вместо обогрева шли обжигающие морозом струи. Приходилось останавливаться, жечь газеты в раструбах печек, чтобы отогреть воду.

Сначала машины шли колонной одна за другой. Вслед за головной машиной ехал генерал Дорохов со своим московским начальником Байдуковым и генералом Мальцевым. В замыкающей колонну машине за рулем сидел Губенко, рядом с ним – солдат-водитель, сзади – Гренгаген и замминистра Шаршавин. Головная машина часто попадала в глубокий снег, буксовала в выемках. Тогда вся колонна останавливалась, и грузовик начинал как буксир перетаскивать все машины по очереди через препятствие. Шаршавин ухитрялся короткими урывками безмятежно засыпать. При остановках просыпался, шутя спрашивал: «Уже приехали?» – и опять закрывал глаза. Гренгаген с добрым чувством наблюдал за спящим «дедом», как называли Шаршавина у нас в СКБ. Хороший нам попался замминистра. Это он, «дед», взбудоражил всех тяжелых на подъем московских начальников, и они не смогли отвертеться от этой поездки.

Частые «пробки» в колонне машин надоели. Пробовали идти машинами, развернув их по фронту, а потом перестраиваться вслед за машинами, которым повезло на неглубокий след. Некоторые участники похода выходили из машин, шли пешком на разведку, топали, проверяя глубину снега. С такими ухищрениями удалось к вечеру добраться до землянки, где находился пункт обогрева, вскипятили чай.

Гренгаген сразу узнал это место. Еще и года не прошло с тех пор, как ему в марте прошлого года довелось участвовать в рекогносцировке и посадке объектов полигона. Тогда здесь были обнаружены полуразрушенные землянки геологов.

Их подлатали, к ним перебазировали автотранспорт рекогносцировочной группы, получилась полевая автобаза, которую назвали «Находкой». Теперь здесь поработали военные строители, и «Находка» приняла более солидный вид. А тогда из полуразрушенных землянок торчали бревна, и за одно из них при посадке зацепился колесом Як-12. Произошла небольшая поломка самолета, люди не пострадали, но пилот был списан с летной работы. Гренгагену хорошо запомнился этот пилот, грузный, уже пожилой старший лейтенант. Он и его напарник обладали удивительной способностью ориентироваться над пустыней и точно доставлять рекогносцировщиков туда, где на карте была поставлена карандашная точка. И еще – бывало, летишь с ним и видишь: рукоятка рулей высоты зажата между колен

пилота, а сам он дремлет. Кашлянешь, он откроет глаза, а через несколько минут опять клюет носом.

В новой «Находке» путники согрелись чаем и двинулись дальше. День начал угасать, а когда стемнело, по вешкам вышли на длинный бугор.

Еще перед выездом у «Казанского вокзала» Шаршавин полушутя предложил:

– От имени рядовых-необученных предлагаю Отто Юльевичем Шмидтом нашей экспедиции назначить генерала Мальцева. Генерал Байдуков не в счет, так как он согласился на поездку с нами только как экскурсант.

– Я согласен, – отозвался Байдуков. – А товарища Шаршавина избрать главным по экскурсоводной части.

Мальцев всю дорогу исправно выполнял обязанности старшего по экспедиции, но с наступлением темноты стал сильно нервничать. Когда выехали на бугор, он остановил колонну, позвал к себе Губенко, спросил:

– Вы здесь старожил. Как вы считаете: мы не сбились с дороги?

– Наоборот, именно сейчас мы вышли на самую верную дорогу. Теперь надо все время ехать по этому длинному хребту, а потом километров за пятьдесят от объекта он выведет нас на равнину. Может быть, на бугре выдуло снег, и теперь дело пойдет у нас веселее.

Но, вопреки ожиданиям Губенко, дело не пошло веселее. С трудом около двух часов ночи добрались до следующего пункта обогрева. Маленькая землянка не могла вместить даже самое главное начальство. Колонна остановилась, и Мальцев сказал:

– Генерал Дорохов! Вы здесь начальник гарнизона, и вы не обеспечили организацию этой экспедиции. За все дальнейшее я снимаю с себя всякую ответственность. Где обещанный вами вездеход?

Дорохов, будто удивляясь вопросу, быстро моргающими глазами глядя в упор на Мальцева, не сразу ответил:

– Тягач-вездеход АТ-12 следует нам навстречу с объекта № 2. Предлагаю переждать здесь, в машинах. Можно по очереди греться в землянке.

Перед рассветом на фоне снежной пелены засветились два прыгающих еле заметных огонька. К утру прибыл тягач. Теперь он пошел впереди колонны машин, проутюживая им дорогу на снегу. К вечеру добрались до объекта, разместились в бараке СР-2, наскребли снегу, растопили в ведре, вскипятили чай. После полуторасуточного «ледового похода» все быстро уснули. Только Гренгаген что-то долго колдовал с ответственным представителем главного конструктора Ивановым

и начальником экспериментального цеха Фильштейном.

На следующее утро приступили к обходу объекта. Рядом с аппаратным зданием РЭ выстроились железнодорожные контейнеры, в которых прибыла аппаратура.

– Полковник Писарев, почему контейнеры не охраняются? – спросил Дорохов у командира полигонной части на второй площадке.

Писарева опередил Гренгаген:

– А там нечего охранять. Контейнеры пустые. Вся аппаратура там, где ей положено быть: в аппаратном здании. А зачем же нам его сдавали под монтаж?

При этих словах на интеллигентно тонком бледно-матовом лице Гренгагена промелькнула по-мальчишески озорная улыбка, и он добавил:

– Прошу, товарищи, посмотреть на наши монтажные дела.

Когда все вошли в здание, к Гренгагену подбежал неутомимый Фильштейн и быстрым говорком, оживленно жестикулируя, начал докладывать:

– Вот посмотрите, Евгений Павлович, под все шкафы уже установлены металлические рамы, половина аппаратных шкафов уже на рамах, остальные установим сегодня или максимум завтра. К шкафам начали раскладку кабелей.

– Прошу обратить внимание, – вмешался Иванов, – что вся эта аппаратура прибыла сюда комплектно со своими подшкафными рамами и с уже разделанными кабелями. Точно так же как в здании РЭ она была размещена и проверена у нас на стенде в Москве. Здесь при монтаже нам не понадобится ни одной новой железки, ни одного нового кабеля. Все будет смонтировано и задействовано так, как было на стенде.

– Сколько потребуется времени на настройку аппаратуры? – спросил Байдуков.

– Аппаратура заработает с первого включения, – ответил Иванов.

– Лихо. Это что-то новое. С трудом верится, – усомнился Байдуков.

– Все дело в стенде. Стенд – великое дело. А передатчик у нас пока что серийный, от известной вам станции Б-200. Главное время у нас займет антенна: сборка, юстировка по вышке, стыковка с остальной аппаратурой. Наиболее трудоемкой будет сборка. Таких махин еще не было ни у нас, ни у буржуев, – пояснил Гренгаген.

– Нашел чем хвастаться. Нам вместо махин что-нибудь попроще. Например, как в проекте «Сатурн», – поддел его Байдуков и обратился к Иванову:

– Какие главные нерешенные вопросы вы видите на период монтажа и ввода объекта?

– Технических вопросов много, но нам ясно, как их решать, а что появится в ходе

работ – будем разбираться. Хуже обстоит с нетехническими вопросами. Вот пилоны готовы для антенн, а металлоконструкции для них еще не доставлены со станции. Есть и другие вопросы, – например, организация круглосуточной работы на монтаже и настройке аппаратуры.

– Это вопрос распорядка дня. Здесь не промышленность, а войсковая часть, – вмешался командир части.

– Но разве в войсковых частях не бывают без нарушений распорядка дня круглосуточные посты, круглосуточные дежурства? – парировал Иванов. – Странно слышать такое от офицера ПВО!

Перепалку командира части и Иванова «подытожил» Шаршавин:

– Вот и для нас, Георгий Филиппович, подоспели нетехнические вопросы, предмет нашей экскурсии. Совместная работа на полигоне военных и промышленности – тончайшая материя.

...Так было положено начало регулярных ежемесячных выездов на полигон межведомственных комиссий. Московские начальники, испытав на себе все прелести ледового похода через пустыню, не могли не задуматься над тем, какие сложности возникают у строителей, когда им надо не только добраться на автомашинах до удаленных площадок, но обжиться на них хотя бы в землянках, доставлять на них стройматериалы и механизмы, громоздкие крупногабаритные изделия, строить сооружения для технологических объектов, здания для размещения личного состава военных специалистов и работников промышленности. И уж никак не могли они не задуматься над тем, как это военные строители в течение сентября-декабря построили и сдали под монтаж на самой удаленной площадке полигона комплекс сооружений для уникальнейшей сверхмощной радиолокационной установки РЭ. Все это не могло не вызывать у приезжих и уважение к труду строителей, и желание им помочь. Тем более что предстояло еще построить и капитальное здание для РЭ, временную и постоянную стартовые позиции для противоракет с необходимыми технологическими зданиями, радиолокаторы обнаружения, радиорелейные линии, радиолокаторы точного наведения, станцию визирования противоракет и передачи команд, сеть полигонных измерительных пунктов, главный командно-вычислительный центр... Оставалось, как сказал Василий Андреевич Шаршавин, «начать да кончить».

Анатолий Васильевич Иванов на объекте № 2 имел полномочия ответственного представителя главного конструктора и технического руководителя работами по

вводу всего комплекса радиолокатора РЭ, а затем и по организации всех экспериментальных работ по радиолокационному слежению за баллистическими ракетами.

Я высмотрел, выбрал и готовил для этой цели Толю Иванова уже давно и сознательно кидал его в самую гущу дел по созданию радиолокатора РЭ. Толя был расторопным, очень дельным и способным инженером. Беспокойно-деятельный, непоседливый по натуре, он не давал заржаветь ни одному звену в махине производств и лабораторий, изготавливающих аппаратуру РЭ, настойчиво, иногда с подковырками, будоражил всех и вся, чем вызывал не мало нареканий со стороны не очень разворотливых начальников лабораторий. Кое-кто называл его несерьезным, несолидным, хотя по техническим вопросам он почти всегда был прав, а если ошибался, то не упорствовал.

Иногда в возникавших конфликтах, доходивших до уровня главного конструктора, некоторые мои помощники советовали мне внушить Иванову, чтобы он все же вел себя с людьми этак погибче и подипломатичней. Но я в ответ только отшучивался: мол, мы инженеры, а не дипломаты и наше СКБ – не дипломатическая академия. А гибкости, и даже с некоторой хитрецой, у Анатолия Васильевича вполне хватает, чтобы с умом заставить участников совместных работ вести дело к общей цели. И даже в том, что для сотрудников он был просто Толей, тоже можно было усматривать, что его слушались и уважали по делу, а не формально терпели по его положению. Тем более что его положение не было облечено в административные формы, а основывалось исключительно на общности выполняемой инженерной задачи, которая всегда сплачивает людей, увлеченных и компетентных в своем деле.

Толя пришел в КБ-1 после окончания техникума, прошел через горнило опытно-конструкторских разработок, затем окончил двухгодичный курс при МАИ, давший ему диплом инженера. Но мало кто знал, что в свое время смешливый, общительный, никогда не унывающий рядовой Толя Иванов, артиллерийский корректировщик, прошагал с пехотой от Сталинграда до Берлина, имея за плечами ранцевую радиостанцию 6 ПК, для которой было хлесткое солдатское название: «шесть пешком». От Толи, бегущего с наступающей пехотой, зависело, чтобы наша артиллерия била по наиболее опасным для пехоты целям, вовремя переносила огонь вперед по мере продвижения нашей пехоты, не лупила по своим. Были и ранения, и оставили они на почти мальчишеском лице Толи Иванова неизгладимую

печать прозрачно-восковой болезненности, а в его характере – чувство высокой ответственности.

Через четыре месяца после приезда московских начальников Толя Иванов со своей командой прорвался через частокол технических и нетехнических вопросов на радиолокационной установке РЭ, и мною была назначена на первую декаду июня готовность к первому пуску ракеты Р-2 с полевой стартовой позиции в район расположения установки РЭ. Вскоре на аэродроме Джезказгана, где сел рейсовый пассажирский самолет Ил-12, в самолет зашли двое военных, выкликнули какую-то фамилию, и из кресла поспешно поднялся человек с портфелем и ушел с военными. Все произошло очень быстро, и пассажиры, наблюдавшие эту сцену, могли только гадать, кого же это поймали военные и увели в самолет Ан-2 с опознавательными знаками ВВС. Приняв пассажиров, Ан-2 сразу же начал выруливать и взлетел, взяв курс напрямую к объекту № 2, обозначенному карандашным крестиком на пилотской карте.

Из этого самолета «тот, кого поймали» жадно разглядывал все, что можно было увидеть через иллюминаторы Ан-2. Сверху пустыня напоминала внезапно окаменевшую поверхность бурно кипящей лавы в гигантском котле. На красноватых и в общем-то невысоких каменистых буграх с высоты полета угадывались зеленовато-бурые пятна пустынной растительности. Но вот на всхолмленной равнине показался сверкающий ослепительной солнечной белизной огромный шар: это закрытый сферическим обтекателем антенный параболоид радиолокатора РЭ. Рядом с «шариком» – кажущиеся крошечными щитовые сборные домики, чуть подальше – стометровая вышка для юстировки локатора и для радиорелейной аппаратуры. Все это быстро приближалось, вырастая в размерах, и я почувствовал, как у меня учащенно застучало в висках.

Вот уже отчетливо видны две опорные колонны из бетона – антенные пилоны. Над ними посередине возвышается рогатая стальная ферма, устремленная рогами вверх. Между рогами – «шарик», будто зажатый в руке сказочного великана между большим и указательным пальцами. Рога вверх, – значит, антенна находится в нейтральном исходном положении: она смотрит в зенит и готова по сигналу тревоги устремиться своим лучом в любую сторону, откуда появится ракета. Но вот ферма начинает поворачиваться вокруг опирающейся на пилоны горизонтальной оси и, будто играя шариком, потащила его за собой, а сам шарик, описывая дугу вниз, еще и вращается вокруг своей оси между кончиками пальцев играющего им

великана. Потом все это опять остановилось, но уже в новом положении. Теперь антенна нацелена в точку ожидания, где должна появиться баллистическая цель. Сейчас по данным станции целеуказания начнется имитация цикла проводки баллистической цели.

И действительно: будто выполняя мысленный приказ главного конструктора, антенна снова завращалась и пошла из точки ожидания, перемещая свой луч вдоль имитированной траектории цели, довела его почти до точки падения, плавно пошла назад, прощупывая траекторный след, и затем снова вернулась в исходное положение. И я только сейчас заметил, что во время всех этих эволюции антенны самолет облетел вокруг нее и только после этого пошел на посадку. Значит, Иванов по договоренности с экипажем разыграл спектакль специально для главного конструктора при его подлете к объекту. Молодцы, все точно по программе и с высоты выглядит очень красиво.

В самом деле, нельзя было не любоваться, с какой легкостью вращалась махина размером с шестиэтажный дом, послушная умной силе могучих электроприводов. Изящество шарообразной формы и необозримая бескрайность степи, в которой затерялся «шарик», скрадывали размеры всего сооружения.

Казалось, что это тот самый настольный макет антенны, уменьшенной в сто раз, который стоит в моем кабинете и который побывал в кабинетах Рябикова, Устинова, в зале коллегии министерства, в кабинетах директоров заводов, которым «сватали» экзотический заказ. Для демонстраций первый параболоид в натуральную величину пришлось сделать силами экспериментального цеха прямо во дворе КБ-1. Цеховые умельцы подзадоривали заводчан: дескать, если наш макетный цех без оснастки, можно сказать на коленках, сработал такую штуку, то вам и сам Бог велел сделать все фирменно и посрамить всех скептиков. А скептики не унимались: такая махина может лежать на земле, земля все выдержит, а как эту марсианскую чашу вращать, да еще так, чтобы поспевала следить за быстролетящей ракетой?

Что сказали бы скептики теперь, увидев «шарик» в действии? И что они скажут, когда на территории СССР появятся станции спутникового телевидения с антенными параболоидами, заимствованными от «шарика»? Необходимое разрешение на это уже подписано мною и Байдуковым.

Самолет пошел на посадку, и я успел заметить, как от аппаратного здания РЭ отъехал газик. Волоча за собой пылевой шлейф, он стремительно мчался к крохотной будочке КДП, около которой на шесте лениво покачивалась наполненная

степным ветром полосатая черно-белая «колбаса», горделиво обозначавшая владения полевого военного аэродрома при объекте № 2.

Вышедшего из самолета главного конструктора встретили его ответственный представитель Иванов и командир войсковой части полигона Писарев.

После короткого совещания в аппаратном здании с объекта № 2 пошла шифрованная радиограмма на СП-2 с просьбой подтвердить согласие на пуск ракеты Р-2 7 июня 1957 года с проведением двух репетиций совместной работы по согласованному икс-плану.

После нескольких репетиций по икс-плану и генеральной репетиции установки РЭ с ракетчиками СП-2 был назначен пуск на предрассветное время, вычисленное с астрономической точностью таким образом, чтобы ракета была подсвечена лучами восходящего солнца, а кинотеодолит при этом визировал ее через воздух, еще находящийся в земной тени и поэтому еще не прогретый. Предпусковой икс-план начали «играть» ровно в полночь, а примерно через час в аппаратное помещение вошли начальник полигона Дорохов и его зам по НИР Трофимчук, только что прибывшие из своей резиденции на балхашском полуострове Коктас.

– Где же Кисунько? – спросил Дорохов у Трофимчука. – Ты же говорил, что работал с ним на капъярском полигоне.

– Точно не скажу, но вон тот длинный немного на него похож.

Длинный, на которого указал Трофимчук, тоже заметил вошедших и направился в их сторону. Он был в холодящей шелковой тенниске и в приобретенных тут же в полигонном военторге ситцевых шароварах, которые были ему коротки, и он носил их с напуском над голенями. Обут он был в спортивные тапочки на босу ногу. Примерно в таком же виде, спасаясь от жары, были и другие представители промышленности, колдовавшие возле аппаратуры.

Дорохов разглядывал главного конструктора не без удивления, часто моргая глазами. Между тем я представился ему и Трофимчуку, пригласил их к письменному столу, на котором находился лист ватмана с разрисованным на нем икс-планом, объяснил, как будет происходить работа.

Икс-план – это, образно говоря, нечто вроде либретто, или партитура, где расписаны действия всех лиц боевого расчета, подача команд готовности, доклады о принятии готовностей или о задержках. Для нас особенно ответственной является команда на СП-2 на заправку ракеты жидким кислородом. После этого ракетчики не могут принимать от нас задержки более чем на пятнадцать минут, подпитывая

ракету окислителем. При больших задержках они должны сливать компоненты и переносить пуск на сутки. Да и нам невыгодно отступать от намеченного времени пуска из-за условий регистрации на кинотеодолитах. Впрочем, у нас вроде бы все меры приняты, чтобы пуск Р-2 и ее проводка прошли в назначенное время, без сбоев и «утыков».

– Но при одном обязательном условии, – вставил Толя Иванов. – Совет промышленников постановил: главному конструктору не бриться, пока не состоится первый пуск. Говорят, что это здорово помогает...

А главный и без постановления не только не брился, но и не мог уснуть после вчерашней ночной генеральной репетиции. И сейчас, – вторая ночь начисто без сна, но меня не тянет в сон, только одолевает какая-то странная зевота. Между объявлениями готовностей по икс-плану выхожу из аппаратного здания, всматриваюсь в звездное небо: не натянуло бы облака к утру в зону кинотеодолитных наблюдений.

И еще – машинально отмечаю про себя названия созвездий, расположенных со стороны предполагаемого подлета ракеты, зачем-то прикидываю, как они сместятся к моменту пуска.

Очень похоже здешнее ночное небо на украинское. Мальчишкой любил разглядывать небо в летние ночи перед тем, как уснуть в бричке с сеном. И сейчас терпкий запах ночного пустынного ветра чем-то напоминает мне запах той давней запорожской травы. Тогда я не знал названий созвездий, кроме двух, известных в народе с чумацких времен: Воз и Стожары. Но сейчас, подобно астрологу, пытаюсь разыскать планету Сатурн. Почему именно Сатурн? Может быть, потому, что под таким условным наименованием где-то в Москве бродит в умах прожект какой-то компактной, перевозимой в автофургонах системы ПРО. Теперь потешаются над громоздкими кисуньковскими бандурами не только те, кто считает глупостью стрельбу снарядом по снаряду, но и «конкуренты» системы «А». И те, и другие ждут сегодняшнего пуска с надеждой на то, что в РЭ что-нибудь откажет, проводка цели не состоится, и это будет хорошим козырем против затеи с системой «А».

У разработчиков новой техники в ходу поверье, что при испытаниях ничего не должно получаться сразу. И хотя это только шутка, но на РЭ всерьез и именно сейчас нужен удачный первый пуск, а неудачи пусть приходят потом, никуда не денутся.

От этих размышлений меня отвлек азартно возбужденный Толя Иванов: проверка

всего комплекса по часовой готовности прошла нормально, стартовики просят разрешения приступить к заправке ракеты. Вместе с ним вхожу в аппаратную, подписываю протокол готовности: это официальное основание для передачи за подписью Дорохова шифрованной радиограммы с разрешением на заправку. Ставить подпись главного конструктора или упоминать его фамилию в радиограмме запрещено режимом, так как считается, что радиограмма обязательно будет перехвачена и, значит, рано или поздно расшифрована...

И все же, видно, есть Бог на небе: проводка ракеты Р-2 на радиолокационной установке РЭ прошла настолько успешно, что кто-то из испытателей даже пошутил: аж смотреть на экран противно. Да, на многих экранах засняты на кинопленки картинки сигналов, отраженных от головки ракеты и от корпуса и от осколков разрушающегося в атмосфере корпуса. С этими пленками я спешно вернулся в Москву, где прокрутил их и в министерстве, и в Спецкомитете у Рябикова, и у Главкома ПВО С. С. Бирюзова, и конечно же у себя в СКБ-30: пусть ребята увидят первые плоды своего труда. Между тем полигонная команда Толи Иванова продолжала проводки ракет Р-2, и уже были назначены даты пусков ракет Р-5. Живое, зримое дело окончательно сняло все «нетехнические вопросы», разделявшие промышленников и военных: распорядок дня стал подстраиваться под испытательные работы, а не наоборот. Теперь работы велись сколько надо и когда надо.

Маршал Бирюзов, заслушав мое сообщение и просмотрев трехминутный фильм, снятый при проводке Р-2, предложил мне слетать вместе на полигон: посмотреть работу радиолокатора РЭ и заодно расшевелить строительные дела по другим объектам противоракетного полигона. Работа на установке РЭ Главкому понравилась, и он по моему ходатайству наградил именными часами нескольких офицеров-испытателей. К приезду маршала неплохо подтянули свои дела и строители полигона, хотя здесь не обошлось и без конфуза. На вопрос Бирюзова, как идут дела со строительством главного командно-вычислительного центра на площадке № 40, начальник строительства бойко ответил, что приступили к строительству. Но представитель УКСа заявил, что это неправда.

– Хорошо, по окончании совещания мы поедем на площадку и проверим на месте, кто из вас прав.

По приезде на место все увидели на площадке только что доставленный на нее бульдозер.

– Товарищ маршал, этот бульдозер появился здесь, пока вы вели совещание. Это очковтирательство, – сказал начальник УКСа.

– Нет, товарищ полковник, это оперативность, и теперь я не сомневаюсь, что объект будет сдан вовремя, – ответил маршал, и в этом ответе были и юмор, и одобрение за находчивость, и серьезное предостережение строителям, и понимание их трудностей.

Между тем как на полигоне строились объекты системы «А», а на заводах изготавливалась для них аппаратура, в Спецкомитет к Рябикову и напрямую и через ЦК КПСС усилился поток бумаг из министерства Калмыкова за подписью самого министра с предложениями по системе ПРО «Сатурн». Однажды Василий Михайлович, после обстоятельного разговора о ходе дел по системе «А», передавая мне увесистую папку, с лукавой усмешкой сказал:

– Посмотрите, Григорий Васильевич. Очень заманчивая идея. Противоракетная оборона на массовых дешевых средствах типа противосамолетных: две автомобильные кабины плюс пусковая зенитно-ракетная установка. Каково ваше мнение?

– Я смотрю на это дело по-крестьянски: дешева рыбка – хренова юшка. Очень умная и полезная пословица.

– Не поспешно ли с ходу отрицаете хорошую идею? Смотрите: аванпроект системы «Сатурн». Солидно оформлено. А вы только полистали, и уже готово мнение.

– Аванпроект – это только название. Здесь никаким проектом и не пахнет. Голая импровизация, никаких обоснований. Заблуждение вроде идеи вечного двигателя – идея энергетического выигрыша в радиолокаторах с непрерывным излучением по сравнению с импульсными радиолокаторами.

– Но отсутствие обоснования не опровергает идею Может быть, нужен более детальный анализ?

– Детальный анализ проблемы мы как раз и начинали с уяснения того, в чем общность и в чем отличие противоракетной обороны от уже известной и наиболее близкой к ней области противосамолетной обороны. И именно этот анализ привел нас к энергетическим моделям типа системы «А».

– Как же нам быть с этими бумагами? Они на контроле ЦК.

– Полагаю, что ответ должен быть кратким: предложение по «Сатурну» по оценкам специалистов ошибочно. Отметить, что министерству Калмыкова надо выполнять работы, возложенные на него постановлением по системе «А». Оно должно было

представить, но не представило предложения о порядке и сроках создания для противоракетной обороны электровакуумных и полупроводниковых приборов и радиоэлементов повышенной надежности и долговечности. Наши радиолампы хуже американских, у нас транзисторы только начинают осваиваться в виде отдельных макетных образцов, а в США они широко используются в серийной военной и гражданской аппаратуре. После экспериментов на системе «А» все равно нельзя будет приступить к созданию боевых средств ПРО на имеющейся у нас допотопной радиоэлементной базе. Надо, чтобы министерство Калмыкова делало для ПРО то, что ему поручено.

Калмыков попал и в самом деле в крайне затруднительное положение в связи с требованиями Устинова и Рябикова по созданию для ПРО таких электрорадиоэлементов, от которых бросает в дрожь. Ему как мальчишке приходилось оправдываться в высоких инстанциях, заявляя, что от него требуют такого, чего и в природе не существует. А ему тут же объясняли, что не существующее в природе существует в США.

Выход из создавшегося положения виделся Калмыкову в том, чтобы собрать под свое начало все НИИ и КБ, которые ведут разработки военной радиоэлектроники. Тогда не его будут вызывать наверх по подсказке Устинова и Рябикова, а он сам вызовет к себе Кисунько и прикажет ему, чтоб не фантазировал насчет новых элементов, а применял в своих разработках то, что ему дают.

Заодно поднимется престиж министерства, когда в его подчинении окажутся прославленные КБ и НИИ по новой технике из министерств оборонной промышленности, судостроения и авиационной промышленности. Но уговорить Хрущева на такую реорганизацию до определенного времени не удавалось, и в Миноборонпроме в кооперации с Минавиапромом беспрепятственно изготавливалась аппаратура для системы «А». Вскоре у нас в СКБ-30 был задействован стенд из аппаратуры трех радиолокаторов точного наведения, которая была задействована в режиме реального информационного обмена через ствол радиорелейной связи с ЭВМ, размещенной в институте академика Лебедева. Затем стенд был дополнен прокачным стендом с автопилотом и рулевыми машинками, так что в конце концов удалось приступить к полунатурному моделированию наведения противоракеты на цель по методу трех дальностей.

С какого-то времени я почувствовал усиленный интерес к нашей работе со стороны куратора с Лубянки П. А. Дриликова и нового зама начальника КБ-1 по режиму Н.

П. Пановкина. Первое знакомство и первые контакты с ними установились у меня еще в бытность мою начальником зенитно-ракетного отдела в связи с составлением органами КГБ справок о степени ознакомления немецких специалистов с секретной тематикой. После ареста Берия немцы, работавшие в КБ-1, были переведены в Сухуми на несекретные работы. Срок их контракта истек, канцлер ФРГ Аденауэр требовал вернуть их на родину, но советская сторона медлила, разгорелся международный скандал по вопросу о «сухумских немцах».

Будучи в курсе наших работ в области ПРО, Пановкин и Дриликов основательно помогали нам по линии своего ведомства в решении таких вопросов, как кремлевская и засекреченная дальняя связь и другие, но однажды они порекомендовали мне позвонить председателю КГБ И. А. Серову и пригласить его посетить СКБ-30, показать ему в действии наш комплексный стенд, а главное – всячески подчеркивать при этом особенно активную роль в наших делах министра Д. Ф. Устинова. Мне по секрету было сказано, что предстоит радикальная реорганизация промышленных министерств, но Хрущев предубежден против Устинова, и Серов – единственный сейчас человек, к которому прислушивался Хрущев в кадровых вопросах министерского уровня. Мне было сказано: «председатель подготовлен» к тому, чтобы приехать ко мне, если я ему позвоню.

Посещение состоялось, Серов остался доволен, а главное – я ему основательно «нажужжал» насчет Устинова, и делал это не по заказу, а совершенно искренне, будучи уверенным, что без той или иной формы шефства с его стороны, а особенно под началом Калмыкова, нашему делу будет труба.

Пановкин и Дриликов мне сообщили, что эта часть моих стараний вполне удалась. И, может быть, это как-то повлияло на состоявшееся впоследствии, при «совнархозовской» реорганизации, назначение Устинова председателем Комиссии по военно-промышленным вопросам при Совете Министров СССР. Эта комиссия была создана на базе Спецкомитета, возглавлявшегося Рябиковым, но сам Рябиков был перемещен на должность зампредседателя Совмина РСФСР, о чем я сильно сожалел. Возможно, что, расхваливая перед Серовым Устинова, я переборщил и невольно навредил Рябикову. Побывав под началом и того и другого, я все же должен отметить, при моем глубоком уважении к ним обоим, что Рябиков по своему характеру был менее жестким, по-человечески более мягким, чем Устинов; если Устинова больше боялись, чем любили, то Рябикова больше любили, чем боялись. Впрочем, здесь слово «любили», может быть, по смыслу ближе к слову «уважали».

В конце августа 1957 года я получил указание от Устинова связаться с Королевым и быть готовым к вылету с ним на полигон. На вопрос о цели поездки Устинов сказал: «Обо всем узнаешь от Королева».

Королев сообщил, что вылет назначен в 5.00 с заводского аэродрома. Самолет оказался оборудованным в салонном варианте. Салон был разделен мягкой шторой на две части: переднюю и хвостовую, в каждой было по Диванчику и столику с двумя креслами. Сергей Павлович предложил для начала поспать каждому на своей половине салона, а потом можно будет поговорить о делах. При посадке на первом промежуточном аэродроме оба пассажира проснулись, Сергей Павлович осторожно заглянул на половину своего гостя, спросил:

– Как спалось?

– Спасибо. Привык отсыпаться в самолетах.

– Заходите ко мне. У меня от Нины Ивановны угощение: бутерброды и термос с чаем.

Закусывая, говорили о всякой всячине. Обычный разговор ни о чем. Покончив с едой, Королев спросил меня:

– Итак, вам кое-что уже известно о цели нашей командировки?

– Абсолютно ничего. Дмитрий Федорович сказал, что обо всем я узнаю от вас.

– Вы едете как эксперт по моей «семерке». Когда-то я выступал экспертом по вашей антенне на заводе. Помните? Теперь ваш черед.

– Я, конечно, помню антенные дела, на которых состоялось наше знакомство. Но то были муки рождения антенны, а ваша «семерка» уже без всяких экспертов покрыла межконтинентальное расстояние, да еще и попала, как говорят, в самую точку. Какие еще нужны эксперты?

– Вы помните, что в сообщении ТАСС было сказано, что головная часть ракеты дошла до поверхности Земли точно в назначенный квадрат?

Так вот, все траекторные измерения говорят именно за это, но ни в квадрате, ни вокруг него никаких следов или остатков боеголовки не нашли. Местность для поисков очень трудная, кое-кто предполагает, что потому и не нашли.

Но что настораживает: на атмосферном участке задолго до падения на землю прекратились все радиосвязи с головкой. Причем как отрезало сразу на всех частотах. Невольно возникает предположение, что это произошло в результате разрушения головки. А с другой стороны, теплозащитное покрытие вне всяких подозрений.

– И чем же я могу быть вам полезным в разгадывании этих ребусов?

– Некоторые специалисты предполагают, что прекращение радиосвязей произошло из-за экранирования головки плазменным слоем, возникающим вокруг нее на атмосферном участке полета. Тогда остается одно: продолжать более тщательно поиски упавшей головки.

– Если бы радиосвязи прекращались из-за экранировки, то это происходило бы не одновременно на всех частотах, а поочередно, начиная от самых низких и далее по мере повышения частоты. Вы же говорите, что все связи оборвались одновременно. Значит, была какая-то общая причина, которая вывела из строя всю радиоаппаратуру.

– Из-за пожара, например? – усмехнулся Королев.

– Это уже не из моей области. Но то, что я сказал относительно радиочастот, если надо по протоколу, могу изложить письменно. Конечно, мне надо будет для верности самому убедиться по телеметрическим записям, что все радиосвязи оборвались именно одновременно.

По прибытии на полигон Королев посоветовал устроиться в отведенном мне домике в главном городке и пообещал потом доставить меня на машине к телеметристам.

Домик, в котором меня поместили, недавно отстроенный и еще пахнувший краской, находился недалеко от берега Сырдарьи. Здесь на полигоне я уже успел побывать этим летом вместе с начальником и главным инженером противоракетного полигона по вызову маршала артиллерии Неделина, который почти безвыездно находился на вновь строящемся полигоне для запусков межконтинентальных баллистических ракет.

С Неделиным был штат помощников и шифровальщиков, был личный самолет Ил-14 с экипажем. С Москвой и любым нужным объектом у него была ВЧ-связь и связь по радио, и он продолжал руководить своими делами как замминистра обороны точно так же, как если бы его сборно-щитовой домик на полигоне был тем самым особняком на улице Грицевец, где находилась постоянная служебная резиденция маршала. Зато здесь он мог ежедневно, а точнее – ежесуточно, – потому что работы велись круглые сутки, – заниматься делами строительства нового полигона, который был предметом особого внимания не только Неделина, но и людей, стоявших выше его и выше министра обороны.

Неделин вызвал к себе Дорохова, Трофимчука и меня, чтобы увязать план учебно-боевых пусков ракет Р-2 и Р-5 с потребностями радиолокационных исследований

на экспериментальной установке РЭ. Но сверх этой задачи он принимал гостей и как радушный хозяин, гордясь произведениями искусства полигонного повара, и как гид по стройплощадкам полигона, объясняя, что, когда и для чего будет сооружено на каждой площадке.

Иногда он говорил: «А вот здесь у нас получилось не совсем удачно, и вы постарайтесь не повторить нашу ошибку на своем полигоне».

По окончании осмотра стартовой площадки МБР Неделин с гордостью сказал:

– Здесь все готово. И вся технологическая цепочка подготовки изделия к пуску – тоже готова, правда, по временной схеме. Конструкторов мы не задержим ни на один день, ни на один час.

Рассматривая сооружения стартовой площадки, я мысленно примерял к ним Р-7, которую мне показывал Королев собранной в специально выстроенном высотном корпусе у себя в ОКБ.

– Вот она, наша межконтинентальная, – сказал Сергей Павлович. – Вчера, в воскресенье, ее осмотрели всем составом члены Президиума ЦК. После них вы первый видите эту красавицу. Так распорядился Устинов. Внизу вы видите четыре двигательных блока первой ступени, в центре между ними – собственно ракета, с двигательным блоком, который будет работать и на первой и на второй ступени.

– Грандиозно и изящно, Сергей Павлович. Очень хотелось бы иметь на ней датчики движения головной части вокруг центра масс после отделения от корпуса, – сказал я.

– Не беспокойтесь, об этом не раз напоминал мне сам министр, – съязвил Сергей Павлович.

Сейчас, с интересом рассматривая стартовую площадку, я обратил внимание на особенно удачное использование рельефа местности.

– Поразительно, – сказал я, – что здесь, в равнинной местности, отыскался такой крутой и глубокий обрыв, к которому как ласточкино гнездо пристроена стартовая площадка. А за обрывом – огромная ложбина, словно чаша гигантского водохранилища, только что нет воды. И совершенно естественно решается вопрос отвода газовых потоков при старте ракет.

– Вы правы, – усмехнулся Неделин, – местность здесь точно равнинная, как сковородка, причем в летнее время не только в переносном, но и в прямом смысле. А насчет обрыва и ложбины, то это уже дело рук наших богатырей-строителей. Только у нас не тридцать три богатыря, как в сказке, а чуть побольше, и дядькой у

них вместо Черномора – генерал Григоренко.

Маршал назвал действительно сказочные цифры кубометров вынутой из котлована земли и уложенного бетона...

В тот приезд я хорошо ознакомился с городком полигона и теперь решил провести два часа свободного времени на берегу Сырдарьи.

На пляже было прохладно и не очень людно. Сняв спортивный костюм, я решил сплавать на тот берег реки и обратно и после этого позагорать. Вода была мутно-кофейного цвета и оказалась довольно холодной, поэтому от намерения плыть на другой берег пришлось отказаться. Войдя в воду повыше пояса, ощутил сильное течение, которое гнало меня вниз, заставляя переставлять ноги, чтобы не упасть. Выйдя из воды, растерся полотенцем, стоя босиком на песке. Песок оказался странно податливым, как-то по-особому мягко щекотал ступни, как бы проседая под ними. Об этом я поведал находившемуся рядом молодому человеку в трусах и тапочках, и тот равнодушно ответил:

– Так это же скорпионы. Молодое поколение, вылупившееся этим летом, зарылось в песок для спячки. Под вашей тяжестью они спросонку ворочаются и отползают в сторону. Отсюда и щекотание.

Пока молодой человек говорил эти слова, я с опаской быстро зашагал к пляжной скамейке, достал из-под нее и надел тапочки. Потом нашел щепку и стал осторожно расковыривать песок. Там на небольшой глубине оказался сплошной слой лежащих вповалку молодых скорпионов. Брезгливо отбросив щепку, быстро оделся и ушел с пляжа.

В условленное время к домику подъехала «Победа», и я вместе с представителем Королева направился к зданию, где располагались телеметристы. С ними вместе быстро убедился, что радиосигналы с головной части исчезли одновременно на всех частотах. Об этом можно было бы доложить Королеву по телефону, но, опасаясь обвинений в нарушении режима, я предложил встретиться лично.

– Таким образом, вы можете смело исключить из рассмотрения «плазменную версию», а меня, как эксперта, отправить по месту основной службы за ненадобностью, если у вас нет ко мне других вопросов, – сказал я в конце доклада.

– Я бы посоветовал вам по примеру своих коллег – других двух экспертов – заняться охотой или рыбалкой. Я скажу, и вам это организуют в лучшем виде.

– Спасибо, Сергей Павлович, но я ни к тому, ни к другому не имею никаких склонностей. Мне бы хотелось ознакомиться с телеметрической записью

информации от датчиков вращения головной части после ее отделения от корпуса. Королев позвонил по телефону, вызвал к себе телеметриста. На поставленный вопрос телеметрист ответил, что записи датчиков вращения головной части имеются, но они не расшифровывались, так как на них не нашелся заказчик.

– Вот заказчик, – сказал Королев, представляя меня. – Покажите ему все материалы, сделайте расшифровку и вообще все, что надо.

С помощью телеметриста я начал изучать пленки с записью показаний датчиков. Телеметрист работал со мной очень неохотно, то и дело отвлекаясь к «своим» пленкам. Поэтому я выспросил у него, что и как записано на дорожках телеметрии, и начал самостоятельно рассматривать пленки. Оказалось, что головка ракеты сразу же после отделения от корпуса вращалась довольно странно: то в одну сторону, то в другую, словно бы приплясывая на торце корпуса. Сказал об этом телеметристу, но тот, занятый «своими» пленками, ответил:

– Значит, какой-то бобик в телеметрии. Видимо, не повезло и вам в этом пуске. А эти пленки придется уничтожить.

– Вы их пока что не уничтожайте, я с ними завтра еще немного поколдую, – сказал я.

Вернувшись к себе в домик, начал по телефону разыскивать Королева. Но это оказалось нелегким делом, и пришлось передать дежурному, чтобы попросили Королева срочно позвонить мне. Когда Королев позвонил, я ему сказал:

– Сергей Павлович, я просмотрел телеметрию, и у меня появилась мысль, которая может дать разгадку вашего ребуса. Но это только лично и с глазу на глаз.

На следующий день при встрече с Королевым я высказал суть своей догадки:

– Все дело в том, что скорость разделения головки и корпуса очень мала, и, пока головка не отошла от корпуса на безопасное расстояние, она из-за вращения ударялась о корпус сначала одним боком, потом от удара меняла направление вращения на противоположное и ударялась о корпус другим боком, и так она, качаясь как маятник, сначала ударялась о корпус своей «юбкой», а потом и боковой поверхностью. От всех этих ударов она намяла себе бока, расколотила теплозащитное покрытие и в таком беззащитном виде вошла в атмосферу и там в конце концов сгорела. Этого можно избежать, если увеличить импульс разделения. Тогда головка будет быстрее удаляться от корпуса, и столкновения за счет ее случайного вращения будут исключены.

– Вы об этом кому-нибудь говорили? – спросил Королев.

– Вам первому сказал и тут же забыл. Конструкторская солидарность.

...Второй пуск МБР Р-7 я наблюдал со смотровой площадки. Все, кто был на этой площадке, наблюдали, как отвалились от ракеты фермы обслуживания, потом низ ракеты окутался черно-бурым облаком и в нем сверкнуло слепящее, как солнце, пламя.

Ракета медленно начала выплывать из облака, волоча за собой солнечно-белый, чуть голубоватый шлейф факела. По громкой связи передавался отсчет секунд от момента старта. Служба единого времени объявила московское время старта с точностью до миллисекунды. Вот уже не стало видно самой ракеты, а виден только факел, и кажется, что он не удаляется, а просто превращается в звездную точку на безоблачном предрассветном небе. И вдруг от звезды отделились и стали от нее отходить в разные стороны еще четыре звезды. Но они недолго сопровождали центральную звезду, а начали оседать вниз и одновременно как бы гаснуть, превращаясь из белых в красные, темно-вишневые, и наконец совсем погасли. В момент отделения звездочек репродуктор объявил:

– Отделение первой ступени прошло нормально.

Между тем звездочка второй ступени не меняла своего ярко-бело-голубого цвета, но ее светимость падала, и вскоре она будто растворилась в голубизне неба. Рябиков опустил ставший ненужным бинокль. Репродуктор продолжал отсчитывать секунды, но все напряженно ждали расчетной секунды отсечки двигателя второй ступени.

– Главная команда! – объявил репродуктор. Стоявшая на площадке тишина сменилась оживленным говором, в котором на все лады повторялось слово «отсечка». Отсечка прошла нормально, – значит, боеголовка выведена на заданную траекторию, а с траектории ее уже никакая нечистая сила не столкнет, как говорят баллистики. Но Рябиков считал, что радоваться еще рано. Вот так же было и во время первого пуска Р-7: пуск прошел нормально, но данных из района падения еще не было, а кто-то уже успел раззвонить в Москву, и не успел Рябиков подъехать со смотровой площадки к аппаратному бункеру, к нему подошел дежурный офицер и доложил:

– Василий Михайлович, вас просят срочно подойти к ВЧ. Приказали срочно разыскать. По указанию самого, – вполголоса добавил офицер.

Рябиков, конечно, помнил указание Хрущева – доложить о результатах пуска незамедлительно. Но он полагал, что без информации с измерительных и

телеметрических пунктов и из района падения о результатах пуска много не скажешь. Но делать нечего, надо идти, к телефону правительственной ВЧ-связи.

– Пойдем, Михаил Георгиевич, со мной. Для моральной поддержки, – пошутил Рябиков, обращаясь к генералу Григоренко.

Рябиков взял трубку телефона, назвал себя. Ему ответил Хрущев:

– Здравствуйте, Василий Михайлович. Что же вы медлите с докладом? Даже Королеву в больницу позвонили, а правительство в неведении.

– Никита Сергеевич, для доклада правительству пока что мало данных. Можно только одно сказать: по материалам, имеющимся на нашем конце, замечаний нет. Изделие выведено на расчетную траекторию с расчетной скоростью.

– Так это же замечательно! Поздравьте от моего имени всех участников. И подготовьте текст сообщения ТАСС. В завтрашних номерах газет для него уже зарезервированы места на первых полосах, и оно как экстренное будет многократно передаваться по радио и телевидению. В сообщении укажите, что головка баллистической ракеты достигла заданной точки на земной поверхности на расстоянии столько-то километров от точки старта.

– Но у нас еще нет данных от измерительных пунктов и поисковой группы в районе падения. Мы не имеем подтверждения того, что головная часть достигла поверхности Земли.

– А куда же она могла упасть, как не на поверхность Земли?

– Могла и сгореть, ведь скорость межконтинентальная.

– Вот это и есть самое главное, что скорость межконтинентальная. А то, чтоб не горела, – это приложится. Короче: крайний вам срок – текст сообщения передать телеграфом в ТАСС и мне через два часа.

– Не успеем, Никита Сергеевич. Пока составим, зашифруем...

– Зачем шифровать? Открытым текстом! Это же для ТАСС!

– Мы всегда передавали такие донесения шифровками. Даже шифр изделия Р-7 разрешалось применять только в секретной переписке. На заводах давали другой шифр.

– Вот и хорошо, что так засекретились. Будет теперь атомным маньякам как снег на голову сообщение ТАСС с намеком: мол, достанем в любой точке земного шара. И еще одно поручение вам, Василий Михайлович. Посылайте самолеты по всем столицам союзных республик за продуктами, вином, водкой, пивом, коньяком – чтоб было все на все вкусы. И закатите там от имени правительства такой банкет, какого

еще свет не видывал. Потому что и такого события еще свет не видывал. И начинайте соображать насчет щедрого награждения участников.

– На сколько человек банкет, Никита Сергеевич?

– На сколько хотите. Еще раз примите мои поздравления и передайте всем товарищам большое спасибо.

– До свидания.

Положив трубку, Рябиков вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони, с напускной строгостью уставился на Григоренко:

– Банкет... Легко сказать. А где я буду устраивать этот банкет?

– Василий Михайлович, у нас тут на выходе здание солдатской столовой, – сказал Григоренко.

– На выходе, – значит, с недоделками? Думаешь, заказчик на радостях даст поблажку?

– Строители такие же люди, как и заказчики. Ради банкета наведем полный марафет. Ведь вы же и нас, грешных, пригласите на банкет?

На банкете царило приподнятое, торжественное настроение. А почти в конце банкета, когда официальные тосты были исчерпаны и пошли региональные тосты по отдельным компаниям, в помещении стоял сплошной веселый гул. И тогда сквозь этот гул прорезался бас, подражающий диктору Левитану:

– Товарищи правительство!

Этот призыв повторялся через равные интервалы времени и постепенно привлекал к себе внимание присутствовавших на банкете. Кто услышал раньше, утихомиривал своих шумливых соседей, многим показалось, что началась передача правительственного сообщения. В зале установилась полная тишина.

– Товарищи правительство! – продолжал полковник из-за стола, где сидели строители. – Строители просят издать закон, по которому им один день засчитывается за три во время пребывания на полигоне генерала Григоренко...

Второй пуск Р-7 прошел безукоризненно. Теперь головка действительно достигла земной поверхности в заданном квадрате, и кое-кто начал намекать Василию Михайловичу насчет банкета по этому случаю. Банкет состоялся, но уже не за государственный счет, а в складчину, в которой участвовал и я. Когда прошли главные тосты, откуда-то появился баян, и Рябиков недурно сыграл несколько старинных русских вальсов, потом вовсю шпарил «барыню», «Коробейники», «Катюшу». Между тем Королев увел меня к столу, налил коньяк в две рюмки и

предложил тост:

– За конструкторскую солидарность!

Потом я разлил по рюмкам оставшийся в бутылке коньяк и в свою очередь предложил выпить «за конструкторскую солидарность по-капъярски», намекая на эпизод из капъярских будней, проведенных в ожидании подходящей погоды для пуска Р-5 с атомным зарядом.

В командирской столовой, временно развернутой в сборно-щитовом домике, к услугам посетителей был шкаф, из которого они по желанию могли сами брать бутылки с коньяком. Мы с моим замом однажды, преодолев робость, тоже решили пообедать с коньяком, но сочли, что выпить бутылку на двоих неприлично, и поэтому половину бутылки оставили на ужин, пристроив ее в тот же шкаф. Но, придя на ужин, обнаружили свою бутылку пустой, с надписью на этикетке: «ГВ! У нас не принято оставлять недопитые бутылки. СП». Теперь, вспомнив об этой капъярской шутке, СП и я вернулись к компании, окружавшей Рябикова – баяниста. Вероятно, я жадно следил взглядом за пальцами, за мехами, и это заметил Василий Михайлович. Остановив игру, залихватски, как деревенский парень, улыбаясь, он сказал:

– Эх, люблю побаянить, да жаль, что некогда. А ты, Василич, видать, тоже баянист? На, повесели душу.

Рябиков протянул мне баян, но я стоял, не зная, что делать с баяном. Василий Михайлович нажимал: мол, давай, играй!

– Не хочу срамиться после вашей игры. Всю жизнь мечтал о баяне, но приобрел его себе только год назад. А учиться некогда. Так и остался я на уровне школьной самодеятельности по классу балалайки, мандолины и гитары.

– Нет, все же я тебе устрою особый тульский баян по спецзаказу. Будет и у тебя самый лучший в России баян, – не унимался Василий Михайлович.

К нам подошел заместитель Королева Василий Павлович Мишин – рослый, плотный круглолицый крепыш, радостно возбужденный, широко улыбающийся, подогретый вином. Обнял меня и говорит:

– Василий Михайлович, правда – он хороший мужик? А занимается дохлым делом. Ну, скажи, разве можно бороться с нашей «семеркой»? Бросай свое дохлое дело и переходи на наши дела.

– Нет, уж ты извини, тезка, – ответил Рябиков. – Ты забыл, что еще недавно и ваше ракетное дело кое-кто считал дохлым. Когда-нибудь мы и у Григория Васильевича

погуляем на банкете.

На следующий день Рябиков пригласил меня лететь в Москву вместе. В самолете он завел речь о работах по ПРО:

– Не кажется ли вам, что наша система «А» строится не на том месте, где надо? Королев через ваш Сары-Шаган – вон куда сиганул. Вот туда бы перекантовать систему «А».

– Я – за. Что нам стоит дом построить?

– Нарисуем – будем жить? Согласен с вами – весь полигон туда не посадить. Это было бы страшно дорого и долго. Но вот вашу РЭ там можно было бы повторить. Для радиолокационных наблюдений за головками МБР на нисходящем участке траектории. Попробуйте набросать наметки к проекту постановления правительства. Дальше у нас в Спецкомитете Киясов поработает со своим отделом без вас, а вы постарайтесь ориентировать в этом вопросе генерала Григоренко, чтобы он прикинул строительную часть этого дела. Думаю, что там надо будет с доставкой строительных и технологических грузов уложиться в короткий навигационный период с привлечением большого отряда самоходных барж.

Так был предрешен вопрос о создании экспериментальной радиолокационной установки РЭ-3 на Камчатке. Из экономических соображений мы не могли позволить себе то, что сделали США на атолле Кваджелейн в Тихом океане: развернуть полный полигонный комплекс ПРО в районе падения своих МБР.

Глава шестнадцатая

Со стартовых наших площадок
ракеты уходят в полет,
на стартовых – полный порядок:
обстрелян, и не подведет
обветренный степью народ.

Все началось с того, что по линии ПВО вплоть до правительственного уровня прошел сигнал воздушной тревоги. Командование ПВО доложило Хрущеву, что это была ложная тревога, выданная по ошибке дежурным одной из радиолокационных станций внешнего кольца ПВО Москвы. Хрущев приказал Рябикову лично с необходимыми специалистами разобраться в этом деле и доложить. Рябиков вызвал к себе инженер-капитана Остапенко – он еще в ТГУ курировал работы по созданию радиолокаторов обнаружения системы С-25, был председателем рабочей комиссии

по приемочным проверкам локаторов на объектах.

– Собирайтесь, поедете со мной на объект. Там уже один капитан сидит на гауптвахте за объявление ложной тревоги, и вы сможете составить ему хорошую компанию, – с напускной строгостью встретил Рябиков Остапенко.

На объекте в кабинете главного инженера провинившийся инженер-капитан подтвердил, что он видел на экране отметку цели, которая то появлялась, то исчезала, но он уверен, что это была настоящая отметка от самолета-нарушителя. Он видит свою ошибку в том, что долго присматривался к экрану и объявил тревогу с включением передачи данных на вышестоящий КП уже тогда, когда цель вышла из зоны станции. Поэтому все начальники решили, что тревога была ложной.

– А вы включали фоторегистрацию? – спросил Остапенко.

– Не помню.

Проверка показала, что фоторегистратор сработал, и зарегистрированные им отметки после нанесения на планшет штриховыми отрезками выстроились в четкую прямую линию в направлении на Москву.

– Почему же сигнал такой рваный? – спросил главный инженер.

– Потому что самолет шел на большой высоте, у изрезанной кромки антенного луча. Но самолет был, – ответил Остапенко.

– Значит, самолет был вне зоны ответственности станции, – как бы оправдываясь, отметил главный инженер.

– Нет, товарищ полковник, это станция оказалась вне вашей личной ответственности, – отрезал Рябиков. – Выходит, что он, стервец, побывал над Москвой. Сошло безнаказанно, – значит, прилетит еще. Придется вам, Николай Кузьмич, остаться здесь на несколько дней, помочь товарищам подкараулить кузькиного сына.

– Но ведь я – тоже кузькин сын? – пошутил Остапенко.

– Ты от другого Кузьки.

Караулить пришлось недолго. На экране радиолокатора повторилась та же картина, но на этот раз по тревоге своевременно включились все радиолокаторы московской, а затем ленинградской ПВО. По их данным был прочерчен маршрут самолета-нарушителя: на Москву, затем на северо-запад через Боровичи, Ленинград и дальше за финскую границу.

Узнав об этом, разгневанный Хрущев вызвал к себе Главкома ВВС, Главкома ПВО и Рябикова.

– У меня к вам, уважаемые главкомы, только один вопрос: почему не сбили?

– Очень большая высота, Никита Сергеевич. Поднимали истребители, они видели нарушителя, но добраться до него на высоте не смогли, – ответил Главком ВВС. Его поддержал маршал артиллерии, замещавший отсутствующего в Москве Главкома ПВО.

– А зенитная артиллерия? Зенитные ракеты? Вы же сами принимали их на вооружение, ордена получали.

– Для зенитной артиллерии это выше всякого их потолка. Что же касается зенитных ракет...

Маршал замялся, и вместо него на вопрос Хрущева ответил Рябиков:

– Система С-25 запросто сняла бы этого нарушителя.

– Но система С-25 находится на опытном дежурстве, – оправдывался маршал артиллерии.

– А что такое – опытное дежурство? – спросил Хрущев.

– На стартах боекомплект ракет обозначен несколькими изделиями без заправки горючим и с весовыми макетами вместо боевых частей...

– При таком опытном дежурстве вы действительно наберетесь опыта продежуривать вражеские самолеты. Приказываю немедленно заступить системой С-25 на боевое дежурство и доложить об этом в Президиум ЦК. А с авиацией, видно, придется разбираться отдельно.

Выходя из здания Совмина, Рябиков ехидно бросил насупившемуся маршалу артиллерии:

– Товарищ маршал, поздравляю с боевым дежурством. И скажите спасибо дяде Туайнингу, – командующему ВВС НАТО, – за то, что помог вашим войскам расстаться с потешным дежурством.

По вопросам авиации Хрущев собрал широкое совещание с участием конструкторов, министров и военачальников. Во вступительном слове он вспомнил одну из своих бесед с иностранными корреспондентами в Лондоне, где он был по случаю коронации Елизаветы Второй. Ответив на вопросы корреспондентов, он сказал:

– А теперь вы ответьте на мой единственный вопрос: почему ваши самолеты летают над территорией СССР? Что им там нужно?

В ответ корреспонденты из стран НАТО дружно расхохотались. И этот смех прозвучал как наглый вызов: а вы, мол, сделайте так, чтобы не могли летать.

– А что изменилось в этом деле с тех пор? – продолжал Хрущев. – Если раньше самолеты-нарушители летали над Закавказьем и Прибалтикой, то сейчас начали среди бела дня летать над Москвой, и наши истребители, оказывается, не могут их достать. Что же это такое творится с нашей авиацией, которая, как говорят, летает выше всех, дальше всех и быстрее всех? – спросил Хрущев.

Министр авиационной промышленности понял, что этот вопрос к нему.

– Такой трюк, не имеющий никакого военного значения, сделать нетрудно. Снять с самолета все, что можно, взять в обрез горючего, раздеть летчика до трусов...

– Насчет летчика в трусиках в стратосфере – это вы оставьте для другой компании, – оборвал министра Хрущев. – Вы рассуждаете о военной стороне дела, но не понимаете ни военного, ни политического значения того факта, что чужой самолет, как у себя дома, летает над Москвой.

Немного поостыв, Хрущев продолжал:

– А что скажут по этому вопросу наши прославленные конструкторы? Например, товарищ Яковлев?

– Наши истребители не хуже американских как летательные аппараты, но их параметры сводятся на нет весами и габаритами бортовой радиоаппаратуры, – начал А. С. Яковлев. Далее он рассказал о ведущихся в его КБ новых разработках, иллюстрируя свой доклад таблицами, графиками, плакатами. Но выступивший затем военный тоже на плакатах и таблицами доказывал, почему предлагаемые Яковлевым характеристики новых машин не устраивают ВВС. Хрущев подытожил оба выступления следующим образом:

– Мне говорили, но как-то не верилось, что авиаконструктор Яковлев стал больше работать на детиздат, чем на авиацию. Теперь я вижу, что Александру Сергеевичу пора окончательно определиться в этом вопросе. Да, товарищ Яковлев, нам нужны не вот эти ваши плакаты, а самолеты, которые закрыли бы наше небо от любых нарушителей.

И все же в выступлениях почти всех остальных ораторов на этом совещании подчеркивалось, что наша самолетная радиоаппаратура намного хуже американской по весам, габаритам и энергопотреблению. Выступивший по этому вопросу министр Калмыков сказал:

– Никита Сергеевич, такое положение объясняется разобщенностью радиолокационных НИИ и КБ по разным министерствам: оборонной промышленности, авиационной промышленности, судостроительной

промышленности. Получается кустарщина вместо единой продуманной научно-технической политики. Я полагаю, что назрела необходимость объединить все это в одном министерстве.

Сидевший рядом со мной главный инженер КБ-1 Лукин при этих словах Калмыкова заулыбался, наклонился ко мне, вполголоса сказал:

– Силен Валерий Дмитриевич: из допотопных электрорадиоэлементов, выпускаемых его министерством, никакие конструктора не сделают хорошую аппаратуру, а чтобы они не рыпались – забрать их под свою министерскую руку. И продолжать клепать допотопную радиолокацию.

Уловив приближение полосы больших реорганизаций, Калмыков продолжал подбрасывать эту свою идею Хрущеву, поддакивая хрущевским идеям передачи заводов в совнархозы, а НИИ и КБ – в госкомитеты. И когда контуры большой реорганизации прояснились, то в наметках калмыковского госкомитета оказалось и КБ-1. Об этом узнали Лукин, Расплетин, Чижов и я на совещании в Кремле, которое проводил Хрущев. По возвращении в КБ-1 я пошутил:

– Все ясно: Калмыков выиграл нас в пинг-понг у Хрущева на крымской госдаче, на отдыхе.

– А если без шуток, – что будем делать? – спросил Лукин.

– Если нельзя оставаться у Устинова, то в любой госкомитет, но только не к Калмыкову, – ответил я.

Расплетин промолчал. Лукин сказал:

– Решение еще не принято, и в деталях, кого куда переводить, возможны уточнения. Хрущев объявил, что министерства и ведомства могут дать свои предложения к проекту постановления. Может быть, попросить Устинова, чтобы внес поправку?

– Устинов сейчас взят на заметку как министр сталинского толка, к тому же имевший неосторожность где-то невпопад высказаться об идее совнархозов. Поэтому не надо ставить его в затруднительное положение, – возразил я Лукину. – Будет лучше, если предложение пойдет к Хрущеву снизу, от КБ-1, но при этом, конечно, нельзя говорить в лоб, что мы не хотим к Калмыкову. И тем более не называть, к кому мы хотим.

– Как же это можно никого и ничего не называть? – спросил Лукин.

– Я бы мог, как Главный конструктор по тематике ПРО, написать на имя Хрущева свои соображения о том, что в разработках ПРО все очень тесно взаимосвязано, и

поэтому основные разработчики системно-электронной и ракетной частей должны быть в одном и том же госкомитете. В любом, но одном. Тогда мы наверняка попадем не к Калмыкову, а к ракетчикам. В этом духе можно было бы подготовить и соображения для Рябикова, с которым Хрущев, надо полагать, будет советоваться по реорганизации оборонных отраслей.

Чижов и Лукин охотно согласились с моим предложением, которое избавляло их от необходимости подписывать документ, противоречащий мнению того, кто может завтра оказаться их начальником министерского ранга. Расплетин промолчал, и мне было ясно, что это молчание – знак согласия с Калмыковым и что эти два капъярских стукача при случае напомнят мне насчет колодца, из которого пригодится воды напиться.

И все же сверх всяких ожиданий мое обращение к Хрущеву сработало: КБ-1 было передано в Госкомитет по авиационной технике вместе с зенитно-ракетным КБ, выделившимся из КБ-1 в 1953 году.

Новый министр сразу же распорядился перевести в СКБ-30 отобранных выпускников вузов 1957 года, ранее направленных в НИИ и КБ Минавиапрома. Для отбора молодых специалистов я направил в госкомитет одного из своих замов – Елизаренкова, который просмотрел представленный ему список и сделал пометки напротив отобранных фамилий. Замминистра по кадрам спросил у него:

– А почему вы обошли вот эту строчку в списке?

В указанной им строчке значилось: «Хрущев Сергей Никитич».

– У нас уже был один Сергей. Был, да сплыл, – не задумываясь, выпалил Елизаренков.

Только много лет спустя узнал я об этой самодеятельности и пришел в неописуемую ярость.

– Вы дурак или провокатор? – спрашивал я Елизаренкова. – Неужели вы не понимаете, что ваша выходка стала известной Никите Сергеевичу, как исходящая не от вас лично, а от меня, как главного конструктора? Понимаете ли вы, что предложение замминистра не могло быть сделано без согласия Хрущева-старшего? Наконец, понимаете ли вы, что все катаклизмы, переживаемые нашим коллективом, являются прямым отголоском вашей дурацкой выходки?

Но об этих катаклизмах речь впереди, а пока что наш коллектив не мог пожаловаться на недостаток внимания в нашим работам. Кроме подпитки нас кадрами два замминистра – Л. Н. Голенищев и В. А. Шаршавин – вместе со мной

сделали объезд некоторых заводов с целью контроля и помощи им в изготовлении изделий по нашему заказу. Из этих поездок мне особенно запомнилась поездка на авиазавод, которому было поручено изготовление крупногабаритных антенных параболоидных зеркал.

Этот заказ особенно импонировал заводу, так как такие же зеркала с разрешения военного заказчика и КБ-1 начали применяться в станциях спутниковой связи и телевидения «Орбита», и это обеспечивало заводу выгодную для него загрузку. Однако в одном из я обратил внимание на довольно странные изделия из дюраля и спросил главного инженера, – мол, что это такое? Галгат Фиттахович помрачнел, зло ответил: «Клетки для кур. Первый сюрприз нам от перехода совнархоз». Сейчас, вспоминая эти изделия, я невольно сравниваю их с конверсионными заказами оборонным предприятиям эпохи перестройки и думаю: то ли еще будет?

Кроме того, госкомитет по поручению ЦК и Совмина начал подготовку проекта постановления о разработке аванпроекта системы ПРО Москвы, которое вышло 8 апреля 1958 года. Система получила условное наименование «система А-35», я был назначен ее генеральным конструктором. Кстати, до этого термин «генеральный конструктор» применялся только в авиационной промышленности и только к самолетным конструкторам, и я оказался первым несамолетным конструктором, к которому приставили прилагательное «генеральный».

Я и сейчас не вижу никакой разницы между «главным» и «генеральным» конструкторами, разве что второй вариант звучит более пышно. Кстати, С. П. Королев назывался главным конструктором, а не генеральным только из-за своей принадлежности к Миноборонпрому, в которой наименование «генеральный» не было принято. Однако в КБ-1 я оказался единственным генеральным среди главных, и это вызвало у кое-кого неприятные эмоции.

Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год для КБ-1 знаменателен тем, что мы с Расплетиным оба были избраны членами-корреспондентами Академии наук СССР.

Федор Викторович Лукин, присутствовавший на выборном собрании, мне рассказывал, что моя кандидатура прошла в первом туре благодаря тому, что академики знали меня по работам, опубликованным до моего перехода в «почтовый ящик». Попутно замечу, что в этом же году были избраны в академики С. П. Королев, А. Н. Щукин и А. Л. Минц.

Для системы «А» наиболее важными событиями 1958 года были начало проводок баллистических ракет станцией дальнего обнаружения «Дунай-2» и начало пусков

противоракет В-1000 с временной стартовой позиции. Правда, первый пуск, состоявшийся 16 октября, был бросковым, то есть с рулями, заклиненными в нейтральном положении, без аппаратной начинки и без горючего второй ступени, – все это было заменено весовыми эквивалентами с соблюдением реальной центровки изделия, – так что фактически работал только пороховой ускоритель, который дал начальный разгон аэродинамически-весовому макету второй ступени. Вторая ступень развалилась на множество кусков, усеявших полосу степи вдоль директрисы стрельбы. При виде этих кусков мне почему-то пришло на ум пушкинское: «О поле, кто тебя усеял...» Между тем представители ОКБ-2 деловито отбирали и грузили в автомашину наиболее интересные для анализа куски. Зам. главного конструктора ракеты то ли в шутку, то ли всерьез уверял всех присутствовавших, что все прошло как задумано, поэтому «прошу без паники».

Вообще надо сказать, что в 1958 году по-настоящему закипела жизнь на всех объектах будущей системы «А». Шел, монтаж аппаратуры, ее отладки по частям, стыковка, – со всеми положенными при таких работах неполадками, которые у разработчиков известны под такими образными названиями, как «бобик», «утык», «чехол», «затыр» и даже какой-то «бэмс». И все эти прелести словно бы совершенствуются от одного этапа работы к другому. Забегая несколько вперед, приведу пример с переходом к этапу пусков противоракет по траектории, задаваемой от ЭВМ по линии передачи данных протяженностью 100 километров. Казалось бы, все, как говорят, «до звона» проверено: противоракета летала с управлением от своего автономного программника и от наземной станции передачи команд, ЭВМ много раз проверена, и теперь новым элементом в испытаниях, по существу, является радиорелейная линия, к которой все привыкли как к самому надежному элементу системы «А».

И действительно, пуск ракеты 12 мая 1960 года прошел нормально, видно было, что она «слушается» передаваемых ей на борт команд от ЭВМ. Вдруг связь с бортовыми радиосредствами прерывается, от наблюдательных пунктов поступает доклад: изделие разрушилось в полете. Зам. главного конструктора Г. Ф. Бондзик, привыкший во всех неполадках винить радистов, приуныл: радио – не тот рыжий, на которого можно свалить поломку ракеты. Придется ждать, пока доставят телеметрические записи. Но вскоре на КП вбегает зам. главного конструктора В. С. Бурцев, обращается ко мне и начальнику полигона С. Д. Дорохову:

– Товарищи генералы, ракета не виновата. Это мы, наша машина ее сломала. Вот

посмотрите на график, выведенный от ЭВМ: из-за какого-то сбоя машина на короткое время выдала вместо заданной по программе сильно увеличенную команду. Видно, от этого произошел заброс рулей, ракета получила аварийную перегрузку и разрушилась.

– Что надо сделать, чтобы такое не повторялось? – спросил у меня Дорохов.

– Нужны три вещи: первая – введем в программу ЗВМ ограничение, чтобы при никаких условиях команда на ракету выдавалась не более заданной заранее безопасной величины, а вторая – ввести на ракете механическое ограничение отклонения рулей.

– Но это две, как вы сказали, вещи. А в чем заключается третья?

– Третья – не допускать присутствия на подобных работах генералов. Ибо существует генеральский эффект: аппаратура не выдерживает их присутствия и ломается. А нас здесь аж двое.

Впрочем, в этот день мой генерал-майорский стаж составлял всего лишь три дня: постановление о присвоении званий мне и начальнику строительства противоракетного полигона А. А. Губенко было опубликовано 9 мая 1960 года, в День Победы. Для меня это было полной неожиданностью, так как мне было ясно, что «моему» министру при сложившемся его отношении ко мне не придет даже мимолетная мысль о том, чтобы представить меня к генеральскому званию. Но на этот раз сработала чистая случайность: в министерстве нашелся главный инженер одного из главков, – обозначим его через К., – возжелавший стать генералом.

Для этого он подготовил необходимые документы на себя, а в качестве «гарнира» – также на меня и директора НИИ А. Д. Батракова. Расчет строился на том, что занимаемая К. должность в министерстве формально выше директора НИИ и подавно выше моей должности, как начальника подразделения (СКБ– 30) в составе КБ-1. Министр обороны, вероятно, согласится поддержать только одну кандидатуру, и тогда «гарнир» автоматически отпадет, и останется единственная кандидатура К., превосходящая две другие по формальному административному рангу.

Случайно или нет, но с этим вопросом К. обратился к министру в моем присутствии, и я оказался невольным свидетелем телефонного разговора нашего министра В. Д. Калмыкова с министром обороны Р. Я. Малиновским. Выслушав просьбу Валерия Дмитриевича, маршал Малиновский ответил, что речь может идти только об одной кандидатуре, а именно – о Кисунько; фамилии двух других товарищей ему

«абсолютно не известны».

Так были в моем присутствии произнесены двумя министрами слова, касающиеся моей персоны, о которых можно в буквальном смысле сказать, что слово не воробей, – как бы ни хотелось кое-кому его поймать и вернуть обратно.

Калмыков все же добился перевода КБ-1 в его госкомитет. Но системе «А» крупно повезло в том, что к моменту этой передачи все объекты системы уже построены, аппаратура для них изготовлена, смонтирована и автономно отлажена. Оставалась чисто интеллектуальная, не требующая поставок аппаратуры работа по «информационному собиранию» системы: подключение объектов к центральной ЭВМ через радиорелейные связи, обучение ЭВМ и объектов «общаться» друг с другом, выполняя общую боевую программу, и отладка самой этой программы.

Это была и сложная и очень увлекательная, благодаря своей принципиальной новизне, работа: ЭВМ впервые использовалась не для рутинных счетных работ, а в виде специализированного управляющего комплекса, приспособленного для информационного взаимодействия с внешними абонентами, для реализации уникальнейших боевых программ, увязанных в истинном масштабе времени с процессом полета баллистической цели. Казалось бы, для министра поезд, как говорится, ушел, поди догони его и останови этих фанатиков.

И все же... Министр показал, что он и в этих условиях многое может. Прежде всего он убрал с предприятия главного инженера Лукина Ф. В., решительно поддерживавшего работы в области ПРО, возглавлявшиеся мною как генеральным конструктором. Затем через удобного и. о. главного инженера В. П. Шишова попытался перевести 300 сотрудников из моего СКБ в другое СКБ для организации подразделения по тематике В. Н. Челомея, вознамерившегося создать истребитель спутников. Эта попытка была предпринята в мое отсутствие, когда я находился на полигоне, и мне пришлось срочно прибыть в Москву, чтобы отразить ее, обратившись за помощью к Д. Ф. Устинову – председателю военно-промышленной комиссии.

Семена неприязни ко мне нынешнего министра были посеяны еще в те жуткие времена, когда он в соавторстве с Расплетиным «настучал» шифровкой с полигона самому Берия. Тогда только вовремя подоспевшая смерть Сталина отвлекла внимание Берия от «вредительского» дела, накручивавшегося вокруг меня и одного из моих «пособников». Но и сейчас есть от чего приходить в ярость министру, хотя и сбылась его давняя мечта и ему удалось «съесть» КБ-1, заполучить эту

прославленную организацию в свой госкомитет. Съесть-то съел, но с начинкой, от которой тошнит.

Это, прежде всего, почти готовая в натуре система «А». И хуже того: разработан аванпроект боевой системы ПРО, принято решение о ее создании, ее генеральным конструктором назначен Кисунько. Непросто вычистить эту начинку: надо найти способ прекратить работы по системе «А», расшатать принятые постановления, дать им благополучно скончаться, перекрыв питающий их кислород. И эту свою программу министр почти открыто изложил в первом же своем выступлении перед собранием ведущих специалистов КБ-1.

– Главная задача вашего коллектива, – сказал он, – противоракетная оборона. А как у вас с ней обстоит дело? Очень и очень плохо! Посмотрите, кто у вас занимается этой задачей? Вся ваша кабэвская гвардия стоит от нее в стороне, занимается старыми работа ми. А ПРО занимаются неопытные люди, молодые специалисты, можно сказать, детский сад. А туда ли мы двигаемся? Какая, например, перспектива у громоздкой, дорогостоящей системы «А»? Только одна: начинаем с буквы «А» и той же буквой закончим, получится «АА», – а вы знаете, что это означает на языке детского сада, – схулиганил министр под смешок подхалимов. – С этим безобразием надо кончать. Надо, что бы все КБ-1, его лучшие силы, а не только СКБ-30, навалились на тематику ПРО.

Выступивший после министра Расплетин отметил, что возглавляемое им СКБ-31, работая над новой подвижной зенитно-ракетной системой, одновременно ищет научный задел на будущее, «которое видится нам в универсальных противосамолетно-противоракетных подвижных комплексах».

– И в этих поисках, – заявил он, – мы очень нуждаемся в установлении прямых научных связей с НИИ вашего, Валерий Дмитриевич, а теперь и нашего госкомитета. Нас особенно интересуют новые виды радиолокационных сигналов, предложенные в проекте «Сатурн», – подвижной противоракетной системы.

Эти два выступления мне напомнили игру в волейбол: один игрок выбрасывает мяч «свечой», а другой гасит. А в результате со счетом 1:0 проигрывает СКБ-30. Не нужны ни специализированное по ПРО СКБ, ни сама ПРО, поскольку перспектива – за универсальными противоракетно-противосамолетными комплексами.

В своем выступлении я ответил на выпады министра:

– Здесь наш молодой коллектив назвали детским садом, способным только на «АА». Как же обстоят у нас дела в действительности? Все правительственные сроки до сих

пор мы успешно выполняли. За считанные месяцы в условиях безводной пустыни была создана первая экспериментальная радиолокационная установка, на которой ведутся исследования радиолокационных характеристик баллистических ракет. Начата межобъектовая стыковка средств системы «А» на полигоне. Причем предварительно она была отрепетирована в Москве на нашем стенде и на ЭВМ в НИИ академика Лебедева, для чего между ними организована радиорелейная связь. Этот стендовый комплекс мы можем продемонстрировать в действии хоть сейчас. На полигоне начаты автономные испытания противоракеты с нашей бортовой радиоаппаратурой и автопилотом СКБ-36. Что же касается двух «А», то к этому финалу явным образом идет система «Даль», – ваше любимое детище, Валерий Дмитриевич. А ведь там работают заслуженные НИИ вашего госкомитета, о которых никак не скажешь, что это детский сад. И еще – о задаче номер один. У каждого коллектива задачей номер один является та задача, которая ему поручена. Противопоставлять нашу задачу задачам других СКБ неправильно. У нас нет второсортных задач.

Выступление министра было рассчитано не только на охаивание противоракетного СКБ-30: мол, взялись не за свое дело и делают его не так как надо. Он еще и натравливал на СКБ-30 другие подразделения КБ-1: дескать, ваша тематика – второй сорт, а первый сорт вы упустили – и кому? Какому-то детскому саду. Но исправить положение еще не поздно, и я вам помогу. Разжечь нездоровый ажиотаж вокруг проблемы номер один, разогнать детский сад, а разработку ПРО взять в гвардейское СКБ – таков был даже не подтекст, а прямой текст его речи. И главные козыри против СКБ-30 он ищет в научном замысле работ: в ту ли сторону едем, не проглядели ли более разумного пути решения проблемы? Министр будет напускать на нас всевозможных критиков и ревизионистов. И проект «Сатурн» здесь – только первая темная лошадка, дальше пойдут табуны. Только успевай отбиваться. А когда же работать?

Но реакция на призывы министра оказалась совершенно неожиданной для него. Теоретический отдел № 42, непосредственно подчиненный главному инженеру предприятия, высказался за включение его в СКБ-30, и это его предложение было оформлено приказом по предприятию. С таким же предложением выступило партбюро СКБ-41 и добилось замены начальника СКБ, проявившего пассивность в этом вопросе. Новый начальник СКБ-41 с полным составом партбюро явился ко мне с предложением полностью переключить силы СКБ на выполнение работ по ПРО

под моим научным руководством, как генерального конструктора. Было выражено мнение, что мне необходимо взять на себя такую же роль в управляемом реактивном оружии, как роль Курчатова в атомной технике.

Поблагодарив товарищей за столь лестное для меня предложение, я заявил, что не заслужил сравнения с Курчатовым, а что касается изменения тематического направления СКБ-41, то этот вопрос должен решаться на правительственном уровне одновременно с вопросом о том, кому должны быть переданы разработки, выполняемые СКБ-41. Иначе меня могут обвинить в попытке развала тематики СКБ-41 и захвата власти в КБ-1.

И действительно, под влиянием этих событий, по-видимому, у многих могло сложиться впечатление, будто я рвусь к власти в КБ-1: мол, уже проглотил отдел № 42, на очереди – СКБ-41, готовое добровольно прыгнуть в пасть крокодилу, а после СКБ-41 крокодил запросто закусит Расплетиным с его СКБ-31. К сожалению, в этот бред, вероятно, поверил как в реальность и Александр Андреевич Расплетин, и мысль об этом постоянно его беспокоила. Помню, как это выплеснулось у него наружу даже в такой непринужденной обстановке, когда в июле 1960 года мы оба с женами возвращались домой в хорошем «послебанкетном» настроении в честь 60-летия академика Щукина А. Н.

От станции метро «Динамо» к дому чета Расплетиных шла впереди, мы с женой немного отстали, и вдруг Александр Андреевич начал «выступать». Нина Федоровна его успокаивала. Но он продолжал свой монолог, в котором было и такое: «Подчиняться Кисунько? Не буду!» И кто знает – не было ли в недоговоренной части этого монолога угрозы подмять под себя Кисунько, – угрозы, впоследствии исполненной в сговоре с министром, о чем мною будет сказано ниже.

Позиции, занятые отделом № 42 и СКБ-41, показали, что общественно-моральная обстановка в КБ-1 складывается не в пользу того, к чему призывал министр. Поэтому активные его действия против СКБ-30 были временно приостановлены в надежде на то, что работы по системе «А» потерпят провал, что даст повод для решительных действий. Одновременно делалась ставка на вышибание тематики ПРО якобы более актуальной тематикой противоспутниковой обороны, идею которой в самых высоких инстанциях проталкивал В. Н. Челомей.

Этот конструктор умело использовал факт пребывания в его КБ того самого Сергея Хрущева, от которого в 1958 году отказался мой зам Елизаренков. Челомей получил возможность лично подзаряжать Никиту Сергеевича своими прожектами, и первым

из таких прожектов был истребитель спутников. Поводом для этого послужило сбитие зенитно-ракетным комплексом С-75 американского высотного самолета-разведчика Локхид У-2 1 мая 1960 года, главной целью которого, между прочим, была аэрофотосъемка территории нашего противоракетного полигона.

Этот факт получил большой международный резонанс, в известной мере поднял престиж нашего государства. Поскольку теперь надо было ожидать, что США перейдут (точнее, уже переходили) на средства спутниковой разведки, то казалось заманчивым произвести очередной фурор сбитием американского спутника-разведчика. Хотя, между прочим, спутник сбить невозможно: даже весь изрешеченный, он будет продолжать движение по своей орбите.

Но на эту «мелочь» никто не обращал внимания, как никто не задумывался над тем, каким образом можно отличить спутника-шпиона от куска металла из космического мусора, создаваемого при запусках космических аппаратов. На фоне антиспутникового ажиотажа возник проект системы ИС, как совершенно обособленной от средств ПРО, со своей автономной системой обнаружения на базе радиолокаторов ЦСО-П, пока что только строящихся в составе системы «А» как вариант обнаружения баллистических ракет.

Я понимал, что в техническом замысле РЛС ЦСО-П заложен принципиальный изъян, делающий ее непригодной ни для ПРО, ни для противоспутниковой системы. Разработчики ЦСО-П тоже не могли этого не знать и поэтому не торопились выходить со своей координатной информацией на ЭВМ центральной вычислительной станции системы «А», где обнаружились бы безобразно низкие точности ЦСО-П.

Зато они активно подключились к проекту ИС, надеясь пристроить свой дрянной товарец под крылышком фирмы Челомея, семейственно родственной с самим Хрущевым. А для того, чтобы смягчить изъяны своей станции, они предложили разместить две станции с ориентированными в зенит рабочими секторами, – одну в районе Иркутска, другую в районе Балхаша, в расчете на то, что ИСЗ на двух соседних витках пересечет секторы сначала одной, а потом другой станции. По этим двум засечкам намечалось определять траекторию ИСЗ и его положение на ней с тем, чтобы вывести на него истребитель спутника, оснащенный головками самонаведения.

Здесь нет надобности углубляться в технические детали, характеризующие абсурдность проекта ИС. Тем более что если уж кому приспичило

продемонстрировать поражение американского ИСЗ, то это можно было сделать с помощью радиолокационных средств системы «А», состыкованных со специальным ракетным противоспутниковым комплексом на базе МБР С. П. Королева Р-7 с истребителем спутника в качестве последней ступени.

Между прочим, именно такой вариант противоспутниковой системы по инициативе С. П. Королева был предложен в совместном отчете, подписанном Королевым, Микояном (авиаконструктор) и мною. Из сочетаний фамилий КОролев, МИкоян, КИсунько как-то сложилось слово, которое, как мне казалось, намекало на бессмысленность дела, в которое серьезные люди дали себя впутать какому-то авантюристу. Королев усмехнулся в ответ на эту расшифровку фамилий и предложил «комикам» пройти кое-что посмотреть. В высотном корпусе мы увидели ракету с каким-то шариком наверху. Мы поднялись к нему на лифте, и Сергей Павлович сказал:

– Скоро в этом шарике полетит человек, которого зовут Юрий Алексеевич.

Это было в ноябре 1960 года.

После первого пуска по программе ЗТПР (заданная траектория противоракеты) 12 мая, когда ЭВМ «поломала» противоракету, мы сделали еще 10 пусков по этой программе, которые прошли нормально. После этого перешли к пускам противоракет по условным целям, имитируемым по параметрам траекторий, заложенных в памяти ЭВМ (сокращенно – программа БРУЦ, боевая работа по условной цели).

Этим пускам каждый раз предшествовало моделирование на электронной аппаратуре процесса наведения противоракеты на цель и выбор параметров боевой программы ЭВМ, реализующей этот процесс. Этим занимались наши теоретики, возглавляемые О. В. Голубеевым. Однако долгое время не удавалось получить хорошее качество наведения.

Система наведения напоминала человека, который старается держать прицел на центр мишени, но из-за дрожания рук на самом деле все время блуждает стволом вокруг этого центра. Эту дрожь, или колебательность контура управления, надо было устранить, – но как? Нужный для этого набор параметров контура управления при моделировании и анализе пусков удалось найти инженеру-теоретику Свечкопалу, и он показал мне результаты моделирования и предложения по вводу нового набора параметров к очередному пуску.

Пуск прошел блестяще, колебательность исчезла. Но Голубееву не понравилось,

что Свечкопал вышел со своим предложением ко мне, минуя его, как начальника лаборатории. За такое дело (хотя и не объясняя причин) он включил Свечкопала в список на вылет в Москву ближайшим самолетом. Мне об этом доложили как о несправедливом решении друзья Свечкопала, и я почти перед самым вылетом московского самолета отменил решение Голубеева.

Голубеев вообще казался мне каким-то скользким, неискренним человеком, но мало ли что может показаться. Этот же случай впервые заставил меня подумать насчет замены Голубеева. Я считал, что этот человек с такими замашками не должен возглавлять лабораторию. Но я решил не торопиться, не рубить сплеча.

И все же эта выходка Голубеева заронила во мне сомнение: имею ли я моральное право и впредь доверять ему руководство лабораторией? Ведь он разгневался на Свечкопала за то, что тот лишил его возможности лично блеснуть перед генеральным конструктором: вот, мол, мы в лаборатории провели моделирование и по его результатам предлагаем...

И генеральный, не зная, что «мы в лаборатории» – это Свечкопал, подумал бы: «А все-таки молодец этот Голубеев». Такие молодцы, охотники въехать на чужом горбу в рай, – не редкость в «почтовых ящиках» на всех начальнических уровнях. Неужели и Голубеев из этой породы? Неужели я обманулся в нем, когда приглашал его на работу в формировавшееся мною СКВ по ПРО?

Помню, тогда он засомневался: дескать, это будет большая работа, которая не позволит выкроить время для диссертации. Но, беседуя с ним, я убедился, что у него не было даже намека на какие-либо идеи, которые он надеется развить в диссертации. Одно только желание написать и защитить диссертацию, – совсем не важно, на какую тему.

Здесь мне и надо было подумать, нужен ли в будущем СКБ такой работник, для которого диссертация – самоцель, а вместо научных интересов – интерес к получению ученой степени. Но я, увы, в то время просто не был настроен на подобные рассуждения и поэтому, не задумываясь, предложил Голубееву и тему диссертации, и свое научное руководство, и даже готовую теоретическую основу для диссертации в виде многажды «обкатанных» мною разработок по методу трех дальностей, – главному из «китов» в замысле системы «А».

Голубееву я поставил задачу: по полученным мною формулам рассчитать таблицы и построить графики зависимости точностей метода трех дальностей в верхней полусфере. Я исходил из того, что эти достаточно рутинные и уж никак не

диссертабельные расчеты все равно придется поручить группе сотрудников в рамках проектирования системы «А» и обоснования ее тактико-технических характеристик и пусть руководителя группы вдохновляет то, что все это автоматически работает и на его диссертацию.

Сработанная столь необычным способом диссертация очень легко прошла все предзащитные процедуры, и диссертант без моего участия провернул все договоренности с ученым советом вплоть до назначения даты защиты. И вдруг, к моему крайнему удивлению, Голубеев обращается с просьбой разрешить ему выехать с полигона в Москву для защиты диссертации как раз в разгар подготовки системы «А» к первому пуску противоракеты по реальной баллистической цели, то есть к пуску, в котором методу трех дальностей предстояло впервые защищать себя не на бумаге, а в железках.

По логике диссертанта, он должен был бы сам позаботиться, чтобы его защита была проведена после этого пуска, что позволило бы ему выйти на защиту во всеоружии данных натурного полигонного эксперимента. К тому же подготовка к пуску, открывающему завершающий этап испытаний системы «А», была служебным и моральным долгом всех участников испытаний, который превыше всяких диссертаций.

Однако и здесь я не проявил административной твердости перед эгоистичной настырностью диссертанта, которую и я, и сослуживцы Голубеева расценили как бегство ради того, чтобы спешно, именно до решающего пуска, защитить диссертацию. Банальная причина этой спешки состояла в том, что диссертация Голубеева не была выстрадана, а досталась ему на дармовщину, поэтому он не прочувствовал ее суть и боялся, что результаты намечаемого пуска могут оказаться отрицательными для оценки метода трех дальностей, а значит, и для оценки диссертации. Он не верил в метод трех дальностей.

Надо сказать, что в это время я как-то впервые подумал, что в этой затее с дармовой диссертацией для Голубеева я сделал ему плохую услугу в воспитательном и морально-этическом аспекте. Но всю глубину моей ошибки в этой истории я осознал позднее, когда оказался объектом азартной травли, развязанной против меня всесильной кучкой чиновников из ЦК КПСС, министерства и военно-промышленной комиссии. Выслуживаясь перед ними и исполняя порученную ему роль в инсценированном заседании марионеточного партбюро, Голубеев сказал: «Я – ученик Григория Васильевича, но считаю своим партийным долгом заявить, что

будет лучше, если Григорий Васильевич не будет работать в нашей организации».

Впрочем, тогда я уже привык воспринимать подобные вещи с чувством невозмутимого презрения, которого они заслуживают:

Если в драку с тобой
подлецы собрались, –
ты такою судьбой
непременно гордись.
Вывод ясен и прост:
ты для них как бельмо, –
значит, ты не прохвост,
значит, ты не дерьмо.
Если кто из твоих
даже давних друзей
стал своим среди них, –
ты о нем не жалей.
Вывод ясен и прост:
за твоею спиной
подвизался прохвост
под личиной двойной.
Ну а если в беде
выручали друзья, –
будь им верен везде,
в них опора твоя.
Вывод ясен и прост:
надо верить в людей,
даже если прохвост
покидает друзей.
Если в трудные дни
был ты крепче любим, –
ты в беде не стони:
ты любовью храним.
Значит, вывод таков, –
смысл понятен его:
если рядом любовь, –

не страшись ничего.

Но что поразительно: даже сейчас, много лет спустя, Голубеев при случайных встречах со мной спешит поздороваться, первым протягивая руку. Ему не приходит мысль, насколько это мне противно. А я каждый раз в таких случаях думаю: неужели опять не догадается, извиниться?

В промежутках между БРУЦами мы отрабатывали также радиолокационную проводку баллистических ракет по штатной схеме: станция дальнего обнаружения обнаруживает цель, ЭВМ по ее данным выдает целеуказания Радиолокаторам точного наведения (РТН), строит по Данным РТН траекторию цели, на которую должна наводиться противоракета. Потом в программу ЭВМ была Добавлена электронная модель противоракеты, и мы при проводках реальных целей «стреляли» по ним условными противоракетами. Этот режим мы называли БРУП: «баллистическая ракета – условная противоракета».

Во всех проводках и боевых работах системы «А» из двух вариантов станций дальнего обнаружения участвовала только станция «Дунай-2» главного конструктора Сосульникова Владимира Пантелеймоновича. С августа 1958 года велись пробные и настроечные проводки ракет Р-2, Р-5 и Р-12. В конце июня 1960 года была назначена первая совместная проводка станцией «Дунай-2» и тремя РТН. Я знал, что на станции «Дунай-2» процесс сопровождения целей зависит от некоторых действий оператора, и очень опасался, что он может нас подвести. Не исключались и неисправности и разгильдяйство. Поэтому я решил подстраховаться: если по данным «Дуная» не будет целеуказаний на РТН, то ЭВМ должна выдавать целеуказания по условной (теоретической) цели с траекторией, соответствующей запущенной на нас ракете. В процессе проводки «Дунай-2» оправдал мои опасения. В конце работы Сосульников начал по телефону извиняться и оправдываться, что сорвал нам работу, но еще более огорчился, когда узнал, что обошлись без него. Так или иначе, но в конце октября мы раздельно отработали оба режима: и БРУЦ и БРУП. Теперь можно было переходить к пускам реальных противоракет по реальным баллистическим ракетам. Первый такой пуск был назначен на 5 ноября 1960 года. Однако он оказался аварийным для ракеты Р-5, запущенной в качестве мишени.

Первая комплексная работа системы «А» с перехватом ракеты Р-5 противоракетой В-1000 прошла 24 ноября 1960 года и была вполне успешной. Все средства системы сработали нормально, цель была перехвачена противоракетой в пределах радиуса поражения осколочно-фугасной боевой частью противоракеты, и я пожалел, что к

данному пуску боевая часть этого типа у нас еще не была готова.

Но это всполошило наших недоброжелателей, рассчитывавших на пшиковый финал работ по системе «А». Теперь и ежу стало понятно, что еще один такой пуск, но с боевой частью К. Козорезова, – и баллистическая ракета будет сбита. И тогда – пусть еще кто-нибудь скажет, что СКБ-30 – детский сад! В этой обстановке мои «заклятые друзья» решились на крайнюю меру по разгрому СКБ-30 под прикрытием модного знамени Челомея.

Прежде всего, был издан приказ министра о назначении А. А. Расплетина генеральным конструктором КБ-1 по тематике Челомея, а в связи с этим приказом было назначено заседание парткома. После прочтения приказа выступил зам Расплетина по СКБ-31 А. В. Пивоваров с предложением: иметь в КБ-1 единого генерального конструктора; учитывая сложность тематики Челомея, назначить на эту должность А. А. Расплетина; заместителем генерального конструктора КБ-1 назначить Г. В. Кисунько.

При этом оба эти лица должны отвечать за всю тематику КБ-1. Я, конечно же, не мог согласиться с тем, чтобы А. А. Расплетину по решению парткома было дано право командовать тематикой ПРО, которая поручена мне ЦК и правительством как генеральному конструктору. В ответ заранее подготовленные лица предложили квалифицировать мою позицию как «антипартийную фракционную групповщину».

Это был более чем странный спектакль, в котором главное действующее лицо не проронило ни слова, а только благосклонно выслушивало, очи долу скромно опустив, заранее обговоренные, а теперь якобы идущие от научно-партийного актива требования о возведении его в сан «сверхгенерального» над необъятным для любого смертного множеством разработок систем управляемого ракетного оружия: «земля-воздух», «воздух-воздух», «воздух-море», «берег-море», ПРО, противотанковые комплексы, космические системы (пока еще даже не ясно какие). В этой необъятности заключался величайший абсурд, независимо от того, кто бы ни выступал претендентом на роль «сверхгенерального» дилетанта. Во всяком случае, лично я, как генеральный конструктор по тематике ПРО, не сказал бы, что мне хватает 24 часов с сутки на эту тематику, и тем более не смог бы выделить из них какую-то часть суток на другую тематику в качестве зама генерального конструктора КБ-1.

Тем не менее, «идя навстречу мнению парткома», министр узаконил его своим приказом и, кроме того, наделил генерального конструктора КБ-1 и его заместителя

высшими административными полномочиями: Расплетин стал еще и ответственным руководителем КБ-1, а я – первым заместителем ответственного руководителя КБ-1; начальник КБ-1 В. П. Чижов стал также и заместителем ответственного руководителя КБ-1; главным инженером КБ-1 был назначен А. В. Пивоваров, а исполняющий эту должность В. П. Шишов – начальником СКБ-30 (переименованного в ОКБ), то есть вместо меня в связи с моим «повышением». При этом из СКБ-30 в прямое подчинение руководству предприятия было выведено подразделение по вычислительной технике.

В КБ-1 фактически образовалась дурацкая административная структура, в которой поди разберись, кто кому дядя. И все это для того, чтобы изолировать меня от ОКБ-30 и тем самым парализовать мою деятельность как генерального конструктора ПРО. Это был сговор, разыгранный под флагом тематики Челомея в расчете на то, что противодействовать ему никто не станет, учитывая особое положение Челомея в близком окружении Н. С. Хрущева. И в самом деле: мои попытки апеллировать в военно-промышленную комиссию на весь этот произвол закончились тем, что мне посоветовали быть поаккуратнее и не идти на конфликт с министром.

Но в этом балагане был еще один примечательный нюанс, касающийся СКБ-41, в котором задолго до «челомеевской» реорганизации КБ-1 велись разработки по заданиям Челомея по тематике ИС и по спутниковой разведке. Теперь же главному конструктору ОКБ-41, возглавлявшему эти работы, по существу, отводилась роль тягловой лошади, на которой будет пахать новоявленный «генеральный конструктор КБ-1 по тематике Челомея». Поистине – на чужом горбу в рай! Для меня же дело оборачивалось таким образом, что надо было срочно возвращаться на полигон, чтобы успеть довести до конца начатые по системе «А» комплексные работы, пока не растащили ОКБ-30 на какую-нибудь «задачу номер один» по этой же тематике.

В этот мой заезд на полигон у меня появились, кроме прямых дел по системе «А», новые заботы, как первого заместителя ответственного руководителя КБ-1. Мне позвонил Расплетин и попросил посодействовать его ребятам из ОКБ-31 (теперь уже возглавляемого Бункиным) в решении некоторых хозяйственно-бытовых вопросов со стороны командования полигона. Я вызвал к себе ответственного представителя ОКБ-31, спросил, какие у него вопросы к полигону. Выяснилось, что нужно закрепить за бригадой ОКБ-31 газик. Я попросил начальника полигона выделить автомашину, но проследить за ее использованием.

На второй день машину, возвращавшуюся из Сары-Шагана, остановили на КПП. Она оказалась загруженной ящиками водки, в связи с чем выделение машины бригаде ОКБ-31 было отменено, но мне никто не жаловался. Я тоже помалкивал, будто ничего об этом не знаю.

«Наш дед» – замминистра Василий Андреевич Шаршавин в этой своей должности перемещался синхронно с перемещением КБ-1 и при «совнархозовской» реорганизации – из Миноборонпрома в Госкомитет по авиационной технике, и при переходе в 1960 году в Госкомитет по радиоэлектронике, оставаясь при этом курирующим замминистра по тематическим разработкам КБ-1. Тем самым он вместе с небольшим аппаратом главка, – тоже странствующим с ним из одного министерства в другое, – служил для нас хорошим буфером, гасившим идущие сверху реорганизационные толчки.

Василий Андреевич цепко держал в своих руках связи с заводами-смежниками, наведывался и на полигон, но и здесь не докучал мне «руководящей помощью», а засекал обстановку в тай ее части, которая требовала его вмешательства по линии смежных организаций. Короче говоря, на полигоне мы, технари, были полными хозяевами своих действий, не обременяемых руководящей «помощью» сверху.

Совсем иная картина была на объекте № 35, где отрабатывался опытный образец системы «Даль». Здесь постоянно находились первые замы министров авиационной техники и радиоэлектроники – Сергей Михайлович Лещенко и Георгий Петрович Казанский, оба дельные и энергичные руководители. Поддерживая постоянную ВЧ-связь с Москвой, они задавали тон своим министерствам по любым вопросам обеспечения работ на системе «Даль», какие только поднимались синклитом главных конструкторов этой системы, находившихся в полном составе на полигоне. Однако, несмотря на то, что заводами-смежниками уже давно были поставлены на объект и смонтированы все входящие в систему «Даль» изделия, ее радиоэлектронную часть, состоявшую из радиолокатора и электронно-вычислительной машины, никак не удавалось заставить работать как единый комплекс. По существу, это была груда мертвого железа, и это печальное обстоятельство я имел в виду, когда отвечал министру В. Д. Калмыкову, обозвавшему нас, противоракетчиков, детским садом.

Банкротство системы «Даль» из-за некомпетентности ее разработчиков для меня не было неожиданностью, но разработчики этого еще не осознали и в качестве прикрытия подбрасывали всевозможные претензии к полигону. На одном из

совещаний они при поддержке своих замов министров потребовали проложить водовод протяженностью 100 километров от Балхаша до объекга «Даль». Когда это предложение было принято, то я потребовал, чтобы от 50-километровой отметки будущего водовода была проложена и 50-километровая «нитка» до объекта № 6, где находятся уже действующие стартовые позиции противоракет системы «А». Честно говоря, сам я не додумался бы до 100-километрового водовода в пустыне из соображений экономии государственных средств.

Так или иначе, но о состоянии дел на объекте «Даль» стало известно Н. С. Хрущеву, и он вызвал генерального конструктора системы «Даль» С. А. Лавочкина для доклада на Президиуме ЦК. Лавочкин доложил, что собственно ракета этой системы готова к комплексным испытаниям, задержка – за радиоэлектронной частью.

– А вы лично, товарищ Лавочкин, когда последний раз были на полигоне? – спросил Хрущев.

Выяснилось, что Семен Алексеевич был на полигоне единственный раз, перед началом строительства объекта «Даль», а непосредственно на объекте генерального конструктора представляет его ответственный представитель.

– Итак, товарищи, – сказал Хрущев, обращаясь к членам Президиума ЦК, – Семен Алексеевич фактически самоустранился от работ на полигоне, и поэтому дело застопорилось. А вот другой наш генеральный конструктор, – я имею в виду Кисунько, – лично, практически безвыездно, занимается своими делами на том же полигоне, и результаты у него налицо. Поэтому я предлагаю: объявить товарищу Лавочкину выговор и обязать его лично возглавить работы на полигоне, пока не будут получены положительные результаты испытаний системы «Даль».

Это происходило летом 1960 года. Семен Алексеевич перед вылетом на полигон разыскал меня и предложил встретиться, – благо, я как раз оказался в Москве. Семен Алексеевч был обеспокоен тем, что мы не оформили нашу договоренность о нецелесообразности разработки в его ОКБ варианта противоракеты для системы «А» с вертикальным стартом.

«Чтоб ко мне не было претензий от бюрократов из ВПК, – пояснил он, предлагая мне подписать совместный документ по этому поводу. – Хватит с меня выговора от Президиума ЦК». После краткого, не лишенного юмора рассказа о состоявшемся вызове его в ЦК Семен Алексеевич заметил: «Представляю, в каком парадоксальном положении окажется первичная парторганизация, когда я в соответствии с уставом обращусь к ней с заявлением о снятии с меня выговора,

вынесенного Президиумом ЦК. Уникальнейший случай!»

После прибытия Семена Алексеевича на полигон подчиненные решили порадовать его пуском ракеты-перехватчика по воздушной мишени без участия радиолокатора наведения: вместо него для слежения за целью и перехватчиком были использованы кинотеодолиты, по данным которых перехватчик был выведен радиокомандами с земли в зону захвата цели головкой самонаведения. Цель была захвачена головкой, и был осуществлен успешный перехват цели в режиме самонаведения. Это было убедительное доказательство того, что созданный в ОКБ Лавочкина перехватчик для системы «Даль» в полном порядке и вся загвоздка в радиоэлектронике, за которую отвечает НИИ из министерства Калмыкова. Выходит, что Лавочкин отхватил в ЦК выговор, по праву принадлежащий, может быть, самому Калмыкову.

На радостях по случаю удачного пуска ракеты в «домике Лавочкина» на берегу Балхаша был организован скромный ужин с символической бутылкой коньяка на пять человек: Лавочкин, его помощник Закс, замминистра Лещенко, начальник полигона Дорохов и его зам по НИИР Трофимчук. У всех было приподнятое настроение, между тостами шутили, в тостах поздравляли Семена Алексеевича с успешным пуском. Лещенко «поздравил» его необычным закруглением тоста:

– И все же ты, Семен Алексеевич, не конструктор, а г…но.

Семен Алексеевич, услышав слово, которое сам никогда не употреблял, по инерции выпалил:

– То есть как это... г…но?

– А так, что ты ни разу не сидел. Вот я, к примеру, не конструктор, а сидел, и даже с самим Андреем Николаевичем Туполевым. В омской шарашке. И сидели мы ни за хрен. А тебя, Семен Алексеевич, только выговорочком пожурили, хотя во времена оные был бы ты удостоен не выговора, а тюряги. По всему видно, что ты даже сейчас мыслишь как конструктор летательного аппарата, а не генеральный конструктор системы. Понимаешь? Системы! Это тебе не В-300 под крылышком КБ-1.

Наступило неловкое молчание, и для его разрядки Трофимчук задал вопрос:

– Сергей Михайлович, если не секрет, – за что вы сидели?

– Я же ясно сказал: ни за хрен. Но если вас интересуют подробности, то вкратце дело выглядело следующим образом.

Свой рассказ Лещенко начал с того, что по личному заданию Серго Орджоникидзе

он отправился в США через Стокгольм под видом невозвращенца, унаследовавшего большое состояние в виде вклада в стокгольмский банк, завещанного Сергею Михайловичу богатым родственником-белоэмигрантом. В США он должен был разыгрывать роль дельца, намеревающегося построить и задействовать собственный тракторный завод.

Начал с того, что купил участок земли для будущего завода и организовал проектное бюро: дело в том, что конечной целью этой операции была разработка и доставка в СССР проектной документации на строительство будущего Челябинского тракторного завода. Проектантам Сергей Михайлович платил щедро, и проект был уже готов, когда мистер Лещенко получил вызов в суд для рассмотрения дела о незаконном заимствовании им технологических секретов ряда фирм через нанимаемых проектантов из этих фирм.

Лещенко решил обратиться за советом в советское посольство, хотя ему было категорически воспрещено любое общение с официальными советскими представителями в США. В посольстве его не приняли и даже демонстративно на виду охраны поколотили, обзывая белогвардейской сволочью. Но на следующий день неизвестное лицо по телефону назвало ему адрес адвокатской конторы, куда должен обратиться наш мнимый бизнесмен. Владелец этой конторы добился отсрочки судебного рассмотрения в связи с какими-то юридическими тонкостями, а Сергею Михайловичу назвал дату отплытия из Нью-Йорка парохода, на который ему надлежит взять билет до Стокгольма.

В назначенный день Лещенко был готов следовать в порт с тюками проектной техдокументации, но ему порекомендовали опоздать на пять минут после окончания посадки пассажиров, что он и сделал. Пароход уже отшвартовывался и начал выходить на фарватер в бухте, но в это время к нему устремился от берега катер таможенной службы с опоздавшим пассажиром и его вещами на борту. Снять его с катера и принять на борт парохода было делом чисто техническим, и мистер Лещенко с грузом благополучно прибыл в Стокгольм, где его встретили представители нашего посольства и приняли у него груз. По прибытии в Москву Сергей Михайлович явился к Орджоникидзе, сделал устный доклад о своей бизнесменской одиссее и представил письменный отчет о произведенных затратах. Но Серго, не читая, выбросил этот отчет в корзину и сказал:

– Нет, голубчик, ты у меня отчетом не отделаешься. Теперь изволь возглавить строительство ЧТЗ по этим твоим американским бумагам.

Согласно плану организации работ проект предусматривал выполнение в первую очередь всех земляных работ на площадке будущего завода, прокладку сети дорог, коммуникаций, фундаменты для зданий. Эти работы были в разгаре, когда Орджоникидзе посетил стройку ЧТЗ. Он остался доволен ходом работ, но на прощанье сказал Сергею Михайловичу:

– Не хотел тебе говорить, чтоб не расстраивать: я уже дважды отбивал попытки НКВД арестовать тебя как вредителя, закапывающего народные деньги в землю вместо того, чтобы строить заводские корпуса. Поэтому постарайся, хотя бы символически, начать кладку одной или двух стен, чтоб меньше было этих самых... доносов. Да и мне будет легче отбиваться от прытких ребят с Лубянки, охотящихся на вредителей.

...Когда не стало Орджоникидзе, прыткие ребята не заставили себя долго ждать. Начальник «вредительского» строительства ЧТЗ был арестован.

На этом месте своего рассказа Лещенко посмотрел на часы и сказал:

– Время уже позднее, Семен Алексеевич прямо с самолета – на газик, нахлебался нашей пылищи, жарищи, к тому же надо учесть и эмоциональные нагрузки... Поэтому, товарищи, пора дать возможность ему хорошо отдохнуть, пожелаем ему спокойной ночи.

Никто из гостей С. А. Лавочкина, уходя из его полигонного домика с пожеланиями спокойной ночи, не мог знать, что эта ночь будет для него упокойной. В два часа ночи он скоропостижно скончался от инфаркта.

После смерти С. А. Лавочкина предпринимались отчаянные попытки вытащить «Даль» из трясины неудач, в которой она увязла отнюдь не по его вине. Бывая мимоходом на полигонном образце «Дали» и беседуя с разработчиками, я убедился, что сделать это невозможно из-за неправильно принятых ими принципов построения управляющей ЭВМ и ее сопряжения с радиолокатором СОК и ПК (станция определения координат и передачи команд).

Мои «советы постороннего» никто всерьез не принимал. Калмыков, озабоченный тем, что в системе ПВО Ленинграда вовсю создаются боевые объекты «Дали» в надежде на то, что на полигоне все образуется, решил поправить дело введением специальной должности генерального конструктора «Дали» по радиоэлектронной части. На эту должность был переведен из КБ-1 фаворит Расплетина и Калмыкова – В. П. Шишов, тот самый, который был поставлен начальником ОКБ-30 в связи с моим «повышением» в замы Расплетину, а еще раньше исполнявший обязанности

главного инженера КБ-1 после ухода Ф. В. Лукина.

Но «Даль», увы, была обречена, и ее инициаторам предстояли непростые объяснения с Н. С. Хрущевым на тему огромных бросовых затрат, ухлопанных под Ленинградом. И чтобы избежать ответственности, нужны были срочные, согласованные по принципу круговой поруки, упреждающие действия головного, обанкротившегося на «Дали», министерства и военного главка-заказчика.

Было представлено наверх предложение о прекращении разработки комплексов «Даль», ввиду того что они представляют собой громоздкие стационарные сооружения, а для ПВО Ленинграда использовать начатые разработкой в КБ-1 комплексы С-200 перевозимого (автомобильного) типа (генеральный конструктор А. А. Расплетин). Это был спасательный круг министру Калмыкову от его капъярского дружка Расплетина, и он отлично сработал.

Но это произошло потому, что никто не удосужился вникнуть в суть представленного предложения. Прежде всего – какой смысл в прекращении создания боевых комплексов системы «Даль», если на их сооружение уже истрачены большие средства и эти средства будут просто омертвлены? Более того: будут выброшены аппаратура и ее задел в производстве для этих комплексов. На такой вопрос, поставленный в лоб, мог быть только один ответ: годной для объектов отработанной аппаратуры не существует.

Мог быть задан и такой вопрос: равноценна ли замена многоканальных комплексов «Даль» одноканальными комплексами С-200, к тому же с существенной меньшей дальностью действия? Никто не догадался (или не захотел) задать эти вопросы. Ибо все были заинтересованы в том, чтобы без шума списать затраты на авантюру, засекреченную под шифром «Даль».

Впрочем, нашлись шустрые ребята, которые додумались использовать списанную опытную партию ракет системы «Даль» для «дезинформации вероятного противника». С этой целью несколько таких ракет на транспортных тележках стали возить через Красную площадь во время военных парадов в сопровождении дикторского текста: «Высокоскоростные перехватчики воздушно-космических целей». В сочетании с бетонными чудищами – памятниками «Дали» под Ленинградом это, по-видимому, должно было служить намеком забугорным спецслужбам о наличии в СССР противоракетной обороны. Думаю, что эта туфта вряд ли могла ввести в заблуждение компетентных зарубежных специалистов. Хотя в некоторых обзорах США по вопросам военной техники СССР упоминалась

«Таллинская система ПРО», можно полагать, что это делалось исключительно для аргументации заявок Пентагона на выделение средств на НИОКР в области ПРО.

Глава семнадцатая

Ракетой в ракету попасть – не пустяк.
А мы вот попали: поди погляди!
Эй, кто там по умным бумажкам мастак!
А ну-ка попробуй и ты – попади!

В противоракетной системе при перехвате баллистической ракеты все свершается с непостижимой для человеческого восприятия быстротой. Сближение противоракеты с целью происходит со сверхкосмической скоростью, и отслеживать этот процесс, управлять наведением противоракеты на цель невозможно без использования быстродействующей ЭВМ и без автоматизации на основе ЭВМ взаимодействия всех средств ПРО. Для этого ЭВМ и все подсистемные компоненты ПРО должны быть связаны между собой линиями обмена информацией, принимаемой и передаваемой в реальном масштабе времени.

В системе «А» центральная ЭВМ должна была обеспечивать взаимодействие в реальном масштабе времени полета цели восьми абонентов, территориально разнесенных от нее на расстояниях до 250 километров. Таким образом, речь шла о создании компьютерно-автоматизированной многокомпонентной системы, не имевшей прецедентов ни в военной, ни в гражданской технике.

Нелегко было «собирать» систему, подключая объекты один за другим через радиорелейные связи к центральной ЭВМ, учить машину и объекты «общаться» друг с другом, выполняя общую боевую программу. Для этого на полигоне велась круглосуточная работа боевых расчетов, составленных из военных и работников промышленности. И требовалось практически безвыездное мое присутствие на полигоне, как генерального конструктора, но... в постоянной готовности к вылету в Москву для отражения очередных попыток «антикисуньковской» реоганизации КБ-1.

Было и такое: когда убирали из КБ-1 «на повышение» Лукина, то его же, как «кисуньковца», отрядили вместе с начальником КБ-1 на полигон, чтобы уговорить меня согласиться с тем, чтобы на его место главным инженером стал Расплетин. Я ответил (и Федор Викторович со мной согласился), что в этом случае главный инженер Расплетин начнет перетаскивать одеяло с меня на главного конструктора

Расплетина, и мне с моим СКБ-30 придется удирать из КБ-1. Я был решительно против того, чтобы любой из нас, трех главных конструкторов (Кисунько, Колосов, Расплетин) получил административную власть над двумя другими. Кто хочет получить такую власть – пусть слагает с себя обязанности главного конструктора, уступает место другому.

...На полигоне эту небольшую комнату на третьем этаже в здании главного командно-вычислительного центра (ГКВЦ) называли коротко: ЦИС. На самом же деле ЦИС (центральный индикатор системы) – это небольшой пульт-индикатор, мало заметный в комнате, носившей его имя, среди аппаратных шкафов, гудевших своими выпрямителями и мигавших сигнальными лампочками. Внешне он был похож на двухтумбовый письменный стол, тумбы которого густо начинены радиоэлектронной аппаратурой, а на его «столешнице» сзади установлен блок индикаторов с двумя экранами кинескопов и вертикальной панелью цветных табло, похожих на прозрачные прямоугольные клавиши, подсвечиваемые изнутри сигнальными лампочками.

На свободной от индикаторов передней части «столешницы» – кнопки управления, сверху на индикаторном блоке – электронные часы, показывающие время сменяющимися через каждую секунду цифрами. Во время боевой работы это – время, оставшееся до старта противоракеты, рассчитанное и постоянно уточняемое на ЭВМ после старта противоракеты время ее полета. А на экранах ЦИСа можно наблюдать высвеченные точки стояния расположенных в пустыне Радиолокаторов наведения и стартовой позиции противоракет, отметки баллистической ракеты и наводимой на нее противоракеты, отклонение противоракеты от расчетной траектории наведения в течение всего времени ее полета от старта до встречи с целью.

В комнате ЦИС разрешается находиться только дежурной смене офицеров полигона и строго ограниченному кругу ближайших помощников генерального конструктора. Отсюда осуществляется управление боевыми работами системы «А», стыковочно-отладочными работами, проверка готовности средств и системы в целом к пускам, в том числе путем проведения электронных имитаций боевой работы. За всеми ставшими привычными миганиями табло и движущимися на экранах отметками стояла напряженная круглосуточно-посменная, а для ведущих специалистов чаще всего сверх всяких смен работа сотен людей на радиолокаторах и стартовых позициях, на главном вычислительном центре и на радиорелейных линиях,

связывающих его с объектами.

В напряженный период «сборки» и комплексной отладки системы приходилось и мне, как генеральному конструктору, неотлучно сутками находиться в ЦИСе. Не без того, чтобы часок-другой вздремнуть на старом скрипучем диванчике с матерчатой обивкой неопределенного цвета, кем-то будто специально для меня поставленного у стены за аппаратным шкафом с поэтическим шифровым названием «Василек». Но как-то получалось так, что я и сквозь сон словно бы ухитрялся следить за командами и докладами по громкоговорящей связи. Дежурные офицеры пробовали отключать репродуктор, чтобы «дать человеку вздремнуть», но человек в тот же момент просыпается и спрашивает: «Что случилось с ГГС?»

Сквозь дрему подслушивая ГГС, иногда приходилось подниматься, чтобы посоветоваться с дежурным программистом или с теоретиками, а то и вызвать кого-нибудь из специалистов, послав за ним дежурный газик к общежитию. Или взять микрофон ГГС в связи с очередным «утыком» на «Орле», «Байкале», «Соколе» или «Причале» – под такими позывными зашифрованы на ГГС объекты системы:

– Я – «первый». Пригласите к микрофону нашего ответственного представителя (по режиму – упаси Боже сказать «представителя генерального конструктора»!).

В ночное время дежурный иногда может ответить, что ответственного сейчас разыщут. Тогда «первый» уточняет:

– Если он отдыхает, то пригласите кого-нибудь из наших.

Но и в этих случаях тот, кого искал генеральный, обязательно вскоре появлялся на ГГС. Люди знали, что если кого спрашивает «первый», то его надо непременно найти в любое время суток. Впрочем, долго искать не приходилось, так как мои представители тоже взяли себе за правило «подночевывать» прямо в аппаратных помещениях. В таком режиме работали и главные инженеры войсковых частей полигона. Иногда давалась команда перебросить специалиста с одного объекта на другой, и летчики выполняли ее незамедлительно на своих Як-12 и Ан-2. Люди работали, не зная выходных дней, а офицеры дальних площадок неделями не бывали дома и при этом даже не теряли чувства юмора. На полигоне в ходу была песня с такими словами:

Зачем систему «А» придумал
лохматый член-корреспондент?
Не тем он местом, видно, думал
в тот роковой для нас момент.

Из-за такого разгильдяя
загнали нас в Бет-Пак-Дала.
Ах, доля наша роковая!
Зачем сюда нас привела?
И не дают нам здесь пощады
бураны, вьюги, пыль да зной.
Я ждал привета и награды,
а разучился спать с женой.

Но это, как говорится, и в шутку и всерьез. А если вполне серьезно, то вот слова из песни о ЦИСе:

Я люблю тебя, ЦИС, –
для других непонятное слово.
Ты и клятвой звучишь,
и командой короткой, суровой.
Вот экраны зажглись,
а на пультах табло замигали
Я люблю тебя, ЦИС,
и людей, что тебя зажигали.
Мне отсюда видны
над отчизной небесные дали,
плеск балхашской волны,
и друзья, что немного устали:
ведь и ночью и днем
им ни отдыха нет, ни покоя!
Планом «икс» мы живем,
и гордимся мы жизнью такою.

Здесь упоминается «икс-план» – своеобразное либретто, определяющее действие лиц боевого расчета системы «А» при комплексных работах. А сколько непредвиденных «иксов» выскакивало при комплексной обработке системы? И даже в уже отлаженной системе, как это было с шальной командой ЭВМ, от которой сломалась противоракета. Эти иксы гнездились в ненадежной элементной базе для радиоэлектронной аппаратуры. Система была как бы напичкана тысячами подвохов в виде возможных отказов электронных ламп и других элементов, и любой из таких отказов мог сорвать работу всей системы.

Тем более поразительно, что первая работа системы «А» по перехвату противоракетой баллистической ракеты Р-5 прошла 24 ноября 1960 года вполне успешно (после того как 5 ноября ракета Р-5 «завалилась» наполовину заданной дальности и не вошла в зону действия системы «А»).

Но среди технарей-разработчиков не зря существует не лишенное юмора поверье: «Нехорошо, когда с первого раза все получается хорошо». И действительно, после первой удачи 24 ноября пошла полоса сплошных неудач: 8 декабря система не сработала из-за короткого замыкания в лампе 6Н5С в центральной вычислительной машине; 10 декабря в противоракете во время полета отказал программный механизм ПМК-60; 17 декабря – неисправность блока питания приемника в радиолокаторе точного наведения; 22 декабря – ошибка оператора радиолокатора дальнего обнаружения; 23 декабря – незапуск двигателя второй ступени противоракеты.

Итак, пять нулей подряд, с израсходованием пяти ракет Р-5 и двух противоракет. Незавидная картина в преддверии Нового, 1961 года! И что характерно: у каждой неудачи – своя причина, каждый раз выскакивает новая неприятность, попробуй угадай, какая пакость и где выскочит при следующем пуске.

Что-то надо было предпринять, прежде чем продолжать пуски, но – что? Недельный круглосуточный, без выключения, прогон всей системы «А» в режиме централизованного управления, с имитацией боевой работы по условным целям! Только так, как я полагал, можно заставить «выгореть» все ненадежные элементы в аппаратуре, заменить их новыми, все средства системы «приработаются» друг к другу, надежность системы на какое-то время повысится. После прогона – предновогодний пуск, и если он будет удачным, то командированные люди из «почтовых ящиков» сами согласятся не улетать на Новый год, а после Нового года сразу же, без потери темпа, закончить всю программу пусков.

В режиме прогона не скучали и противоракетчики: все противоракеты были подвергнуты глубокой профилактической ревизии, были проведены четыре пуска противоракет с макетами боевых частей по условной (имитированной) цели. Наконец на 30 декабря назначена боевая работа по ракете Р-5, и режим прогона плавно переходит в предпусковые проверки системы по икс-плану. Не обошлось без перестраховочных задержек, и пуск был перенесен на 31 декабря.

Готовность одна минута. Идут певучие сигналы «Протяжка-1» и «Старт-1», их прохождение высвечивается на табло ЦИСа – центрального индикатора системы.

Это значит, что на измерительных пунктах запущены лентопротяжные механизмы записывающих устройств и уже произведен старт ракеты Р-5. На табло ЦИСа высвечиваются «Захват СДО», «Захват РТН», на экране появляется и начинает ползать отметка точки падения Р-5, прогнозируемой по данным СДО – системы дальнего обнаружения – и затем уточняемой по данным РТН – радиолокаторов точного наведения. По мере уточнения точка падения стабилизируется... Старт противоракеты. По отметкам на экране и по светящимся табло на ЦИСе видно, что ракета устойчиво наводится на цель по данным РТН. Очень красиво идет боевой цикл! И вдруг... при переходе в режим точной ступени пропадает сигнал сопровождения цели радиолокатором точного наведения на объекте «Сокол». Запрашиваю по громкоговорящей связи:

– «Сокол», от вас нет 16–9!

– Я «Сокол». 16–9 нет и не будет.

Из-за отсутствия точных координат цели наведение на нее прошло с большими ошибками, цель прошла без поражения. Шестой нуль после 24 ноября. Хороший новогодний подарочек для злопыхателей! За десять лет работы в «почтовом ящике» я вывел эмпирическое правило: «У каждого Моцарта должен быть свой Сальери». Но на мою долю (хотя мне далеко до сравнения с Моцартом) этих «заклятых друзей» выпало многовато, и все они действуют на редкость согласованно и высокоорганизованно, поощряемые и предводительствуемые лично самим министром.

Разбираться в причинах неудачи было некогда: до Нового года оставались считанные часы, надо успеть на самолетах вывезти полигонных ребят в Москву, – благо, было еще в запасе три часа разницы в поясном времени. У меня было препоганое настроение от мысли о том, что я впервые возвращаюсь с полигона с бутафорским ярлыком очеломеенного «зама от ветру», отгороженного от дружного, созданного мной СКБ-30 административными барьерами. Такова была «обстановочка», когда я 31 декабря с приунывшей полигонной братией летел в Москву, надеясь успеть домой к Новому году.

В самолете ИЛ-18, следовавшем спецрейсом в Москву, противоракетную инженерию застал полигонный Новый год – 21.00 по московскому времени. В хвостовом отсеке у кого-то нашлась бутылка шампанского, и этот факт символически отмечен тостом генерального конструктора. Я высказался в том смысле, что сегодня нас подвела нелепая случайность, мы в ней разберемся, и

будет для нас грядущий год завершающим на системе «А», и навалимся мы на создание боевой системы. Под шумный новогодний галдеж, смешавшийся с гулом авиационных двигателей, никто не обратил внимания на мимолетный мой разговор с ответственным представителем генерального конструктора на объекте «Сокол».

– Григорий Васильевич, – обратился ко мне Леонид Кондратьев, – а ведь мы могли ее сбить сегодня. Цель была захвачена автоматом, но мне очень уж захотелось подстраховать захват вручную, кнопкой. И почему-то нажал кнопку «сброс». Какое-то наваждение получилось. Всего-то и надо было: смотреть на экран и не вмешиваться.

– Не расстраивайся, Леня, – зато ты теперь на всю жизнь усвоишь, зачем в автоматику обязательно надо вводить «защиту от дурака». А твой секрет пусть останется между нами, – иначе ребята выпихнут нас без парашютов из этого великолепного лайнера.

Признание Лени не рассердило, а обрадовало меня тем, что аппаратура, оказывается, в происшедшей неудаче ни при чем.

По погодным условиям наш Ил-18 смог приземлиться только после пяти попыток зайти на посадку, а второй самолет – Ту-104 – был переадресован на Ленинград, и летевшие в нем полигонные странники встречали Новый год в поезде «Красная стрела».

По пути домой из Внукова я попытался представить себе встречу с женой и сыновьями при моем появлении дома за несколько минут до Нового года. Они настолько привыкли к моим частым и длительным отъездам на какие-то объекты, что могут, здороваясь со мной, спросить: «А когда обратно?» А ведь и в самом деле: для вылета обратно на полигон уже заказаны спецрейсы, сформированы бригады промышленников – своих и от смежников. Да и сам я не задержусь, чтобы успеть к первому пуску в Новом году, назначенному на 13 января, точно в канун «старого Нового года».

За новогодним столом я пробыл недолго. На меня словно бы сразу навалились все полигонные недосыпы, бдения на ЦИСе...

В Новом году в первом же запуске 13 января произошло пропадание сигнала ответчика на 38,4 секунде полета противоракеты. Зато в этом пуске и в четырех последующих – 14 января, 18 и 22 февраля и 2 марта – весь наземный комплекс работал безотказно, – явно плодотворной оказалась идея предновогоднего прогона. И это позволило наконец-то заняться радиолокационной селекцией головной части

от обломков корпуса баллистической ракеты: 14 января – вручную, 18 и 22 февраля – автоматически с использованием схемы сторожевых стробов.

Во всех трех случаях попытки селекции оказались неудачными, но были получены данные для доработки схемы сторожевых стробов. Эти данные незамедлительно передавались по ВЧ-связи в СКБ-30, где круглыми сутками колдовали над расчетами, схемами и аппаратурой начальник лаборатории Юрий Шафров со своими помощниками Аникеевым, Корнеевым, Поняевым, Парамоновым и многими другими, которых министр окрестил детским садом. Любые задания или запросы с полигона, передаваемые по телефону, воспринимались во всех подразделениях СКБ-30 как приказ, который должен быть выполнен «впереди паровоза и даже впереди паровозного дыма».

Однако для доработки аппаратуры селекции и доставки ее на полигон потребовалось некоторое время, которое мы решили использовать для проверки системы по ракете Р-12 с уводом корпуса. Этот пуск был проведен 2 марта 1961 года, аппаратура работала безотказно, но оператор радиолокатора точного наведения № 2 по недосмотру вместо головной части захватил корпус, и противоракета наводилась на некоторую фиктивную цель между головной частью и корпусом.

Поскольку все средства системы сработали безотказно, не было оснований откладывать очередную работу системы «А» по ракете Р-12 с уводом корпуса. Такая работа была назначена на 4 марта. Во время предпусковых проверок по икс-плану не обошлось без перестраховочных задержек, и система вышла на готовность с общей задержкой в несколько часов от назначенного времени, но внезапно режимными службами был объявлен запрет на все виды излучений. Оказалось, что неподалеку проходил поезд, в котором находился иностранец, следовавший в Алма-Ату. Предполагалось, что он может вести радиоразведку.

В связи с этим системе «А» и СП ракеты Р-12 был объявлен режим ожидания, личному составу с подменой разрешены отлучки на обед. Отбой запрета – снова предпусковые проверки, наконец – готовность одна минута, после нее – привычная команда: «Протяжка-1» и «Старт-1», – значит, на нас запущена Р-12. «Захват СДО», «Захват РТН» на табло ЦИСа. Точка падения Р-12 на экране. От репродуктора ЭВМ идут мягкие звуки, похожие на успокаивающий шепот. И вдруг... отметки цели беспорядочно замельтешили по экрану и затем совсем исчезли. Погасли все табло. Исчез и характерный звук из репродуктора, подключенного к ЭВМ. Жуткую тишину

нарушает голос по громкоговорящей связи. Это мой голос, но мне самому он кажется абсолютно чужим:

– «Днепр», в чем дело?

– Остановилась программа, – отвечает «Днепр» голосом дежурного программиста Андрея Степанова.

– Пустить снова программу!

В ответ послышалось сначала знакомое чуфыканье репродуктора ЭВМ, а затем по громкоговорящей связи – голос программиста:

– Программа пущена!

На индикаторном пульте все началось сначала, но теперь уже в какой-то спешке выскакивают одна за другой светящиеся надписи табло, на экране – отметка цели и отметка точки ее падения... А вот уже из репродуктора ЭВМ следуют один за другим тринадцать напоминающих рычание звуков. Это «рычат» итерации «подшиваловской» (по фамилии программиста) программы для определения точки перехвата и выработки команды «Пуск» для противоракеты.

После пуска внимание всех находящихся у центрального пульта-индикатора приковано к правому индикатору, на котором высвечивается сигнал рассогласования между истинным положением противоракеты и требуемым для ее точного наведения на цель. Визуально по экрану рассогласование не улавливается, воспринимается как нулевое. Наконец ЭВМ выдает сигнал «Подрыв» для боевой части противоракеты и затем сигнал «Исходное положение» для всех средств системы. Итак, на весь боевой цикл от повторного запуска программы до поражения цели было затрачено 145 сек! Можно сказать, инфарктные секунды. Получилось, что мы нечаянно, проверили систему в жестком цейтноте.

– Итак, Або Сергеевич, – обратился я к полковнику Шаракшанэ, – главное сейчас – быстро доставить и проявить пленки кинофоторегистрации цели и противоракеты в районе их встречи. Только по пленкам сможем узнать, что там произошло на высоте двадцать пять километров, да еще и на удалении более ста пятидесяти километров отсюда. Визуально на центральном индикаторе все вроде выглядит неплохо, но, пока не разберемся с пленками, давайте договоримся: никаких комментариев ни промышленникам, ни военным.

На следующий день, в воскресенье, я случайно встретился с Шаракшанэ на пункте голосования по выборам депутатов в местные советы. Шаракшанэ сказал мне, что пленки проявлены, в них ничего особенного, – разве что после подрыва боевой

части противоракета развалилась на несколько кусков.

Это сообщение меня не очень встревожило: в конце концов, ведь мы еще не знаем, как ведет себя при поражении осколочно-фугасными элементами головка баллистической ракеты, снаряженная вместо боевой части стальной плитой весом в полтонны. В ней нечему взрываться, и она, может быть, продолжала лететь как продырявленная железяка. Значит, надо ускорить поиски ее в квадрате падения. В точности наведения я не сомневался, но не было полной уверенности, что скорость разлета поражающих элементов соответствует теоретической, которую я закладывал при определении упреждения подрыва. А что, если действительная скорость совсем иная и тогда подрыв произведен либо слишком рано, либо слишком поздно? В любом из этих случаев цель не будет поражена.

Вернувшись к себе в домик, я вызвал прикрепленную мне от полигона «Победу» и предложил двум своим сотрудникам съездить на рыбалку на озеро Карагач. Помнится, однажды там удалось надергать из-под молодого льда полный багажник окуней. Но на этот раз не было никакого клева: говорят, что к весне рыба в этом маленьком водоеме задыхается от недостатка кислорода. На обратном пути в Сары-Шагане заглянул на рынок. Там стояли две женщины с товаром: у одной – 250 яиц, у другой – кусок сала.

По возвращении в домик поджарили яичницу с салом, закусили и разошлись отдыхать. Но вскоре меня разбудил звонок аппарата ВЧ-связи. Дежурный по предприятию из Москвы сообщал, что ночным рейсом с понедельника на вторник на полигон выезжает новый главный инженер предприятия А. В. Пивоваров.

Итак, все ясно как Божий день – любимое выражение министра. До Москвы информация о кинофотопленках дошла как слух об очередном ляпе на системе «А», уже двенадцатом подряд, случившемся 4 марта. Удобный повод, чтобы направить на полигон «боярина из Москвы», который, якобы ознакомившись с делами на месте, предложит начальству приостановить пуски и назначить комиссию, которая должна разобраться: стоит ли продолжать впустую пулять ракетами и противоракетами или лучше закрыть эти работы, а систему «А» демонтировать и списать?

При нынешней организационной структуре КБ-1 такую комиссию может создать даже не министр, а, например, ответственный руководитель – генеральный конструктор КБ-1, которому теперь подчинены и генеральный конструктор системы «А» и СКБ-30. А министр, получив решение комиссии, выйдет в ЦК и напомнит кому

надо, что это Устинов вместе с маршалом Жуковым в 1956 году протащили через ЦК и Совмин постановление о создании системы «А». Это по вине Устинова и Жукова пущены коту под хвост (тоже любимый оборот министра) государственные средства на создание громадных дорогостоящих бандур системы «А» и специального огромного полигона в пустыне для их размещения и испытаний. И это при том, что были отвергнуты предложения о создании компактных противоракетных комплексов «Сатурн» автофургонного типа и даже универсальных противоракетно-противосамолетных комплексов.

Весь этот сценарий с «боярином из Москвы» представлялся мне тем более вероятным, что на роль «боярина» был избран хорошо мне известный Пивоваров – тот самый, который согласно другому сценарию выступил на памятном заседании парткома с предложением о реорганизации руководящей верхушки КБ-1 и в награду за это был назначен главным инженером КБ-1, то есть вторым лицом после начальника КБ-1.

В понедельник утром ко мне в домик позвонил Шаракшанэ.

– Григорий Васильевич, я очень виноват перед вами. Вчера я доложил вам о пленках со слов солдата, проявлявшего пленки. Сейчас я посмотрел их сам и могу вас обрадовать: после подрыва боевой части начала разваливаться на куски баллистическая головка. Сейчас принимаем меры к поискам ее остатков. Все наши офицеры поздравляют вас.

– Приезжайте ко мне с пленками и поручите группе анализа подготовить проект шифровки на имя Никиты Сергеевича, в ЦК КПСС.

Пока Шаракшанэ ехал к «домику Кисунько», в этом домике уже стояли на столе графины со спиртом и водой, стаканы, а на сковородке шкварчала яичница с салом. Весть об успехе быстро разнеслась по полигону, и к домику потянулись полигонные военные и промышленники. Спирт по вкусу разбавляли или просто запивали водой, закусывали сырыми яйцами и ломтиками сала. Так пошла в дело вся провизия, закупленная мною вчера на Сары-Шаганском рынке.

Вечером мы вместе с начальником полигона и представителями промышленности рассматривали проект шифровки.

– Итак, Степан Дмитриевич, все изложено правильно. Будем подписывать?

– Оно-то правильно, но я человек военный и могу подписывать документы не выше чем в адрес моего непосредственного начальника. Да и вам я бы не советовал посылать эту шифровку прямо в ЦК, в обход своего министра. Начальство такое

никому не прощает.

– Своему министру я позвоню по ВЧ-связи. А вам почему бы не позвонить своему начальнику и попросить разрешения подписать эту шифровку?

В конце концов вопрос о подписании шифровки уладился, и она срочно была отправлена в ЦК КПСС, министру обороны и председателю военно-промышленной комиссии Д. Ф. Устинову. Но еще раньше этого я позвонил Устинову. А министру не звонил. Пусть подольше потешится иллюзией, будто 4 марта в системе «А» опять получился пшиковый пуск.

Подписывая шифровку, я испытывал смешанное чувство радости от выстраданного успеха и одновременно – чувство тревоги от сознания того, что именно теперь, после 4 марта, станут еще более агрессивными, изощренными и опасными для возложенных на меня работ козни моих могущественных недоброжелателей. Но зато система «А» теперь и сама за себя сможет постоять, и за своих создателей.

...Поразительно, что после 4 марта система «А» действительно словно бы решила посрамить своих хулителей. Ее объекты как бы натренировались, приработались друг к другу, сократилось число отказов, предпусковых задержек. 26 марта была уничтожена боеголовка ракеты Р-5: ее штатная боевая часть, содержащая 500 килограммов тротила, взорвалась на траектории под воздействием поражающих элементов противоракеты. Представитель поисковой группы ракетных войск сказал офицерам полигона: сверлите дырки в кителях.

Всего в системе «А» было проведено 11 пусков с уничтожением баллистических боеголовок, а также пуски противоракет в специальных исследовательских комплектациях: С2ТА – с координатором для тепловой головки самонаведения, Р2ТА – с радиовзрывателем, Г2ТА – с оптическим радиовзрывателем. При этом исследовательские пуски были задуманы как элементы научного задела для следующего поколения средств ПРО, которые должны были бы включаться в состав системы «А», как постоянно развивающейся полигонной научно-экспериментальной базы по тематике ПРО.

Но осуществиться этим замыслам не было суждено из-за процессов по тематике ПРО, вызванных неожиданными для многих результатами испытаний системы «А». Если раньше бытовало мнение, что ПРО – это такая же глупость, как стрельба снарядом по снаряду, то теперь у тех же скептиков появилось желание «застолбить» эту ставшую престижной тематику за собой. Но для этого надо было убрать из ПРО первопроходцев, на которых повели дружную атаку все

новоявленные энтузиасты ПРО. Как грибы после дождя стали появляться дилетантские прожекты, поощряемые и поднимаемые на щит самим министром, соблазнительные для военного заказчика. Однако для дезавуирования системы «А» были запущены не только прожекты, но и нечто материальное.

Летом 1961 года на полигоне в моем кабинете появился незнакомый мне человек, представился, что он – Плешаков Петр Степанович, прибыл сюда для испытаний средств преодоления ПРО, просит моего содействия. Будут запущены на противоракетный полигон баллистические ракеты, оснащенные надлежащим образом, и надо посмотреть, как это отразится на работе радиолокаторов системы «А».

Я согласился помочь, но попросил, чтобы меня ознакомили с тем, что представляют собой средства преодоления ПРО, которыми хотят забить наши локаторы. Плешаков замялся, но я сказал, что проводить испытания кота в мешке мы не будем. Тогда, ссылаясь на секретность, он согласился ознакомить со своими изделиями только одного меня и тут же на словах рассказал идею построения этих изделий, разрабатываемых под шифрами «Верба», «Кактус» и «Крот».

Первым испытывалось изделие «Верба» – ложные цели надувного типа. Из рассказов Плешакова я понял, что отраженные от них радиосигналы будут более спокойными, чем быстро пульсирующие сигналы от головки и корпуса баллистической ракеты. Этот признак «Вербы» был указан в инструкции операторам радиолокаторов, так что с учетом запрета на захват «вербовых» сигналов в остальном работа операторов ничем не должна отличаться от работы по привычной для них парной цели: головная часть – корпус.

После множества проведенных пусков операторы безошибочно научились различать друг от друга сигналы от головной части и корпуса по признакам, которые постигаются только опытом и не могут быть описаны словами. Поэтому в инструкциях мы и не пытались давать такое описание. Однако на этот раз командование полигона потребовало от меня ввести его в инструкцию. Я попытался записать, что «захвату на автосопровождение подлежит сигнал, который по опыту предыдущих работ идентифицируется как сигнал от головной части». Но полигон стоял на своем: давай признаки.

И я сдался, записав в инструкцию, что «захвату на автосопровождение подлежит тот из двух «невербных» сигналов, который соответствует объекту, летящему впереди другого». Этот признак не исключал возможности ошибки, так как при

определенных пространственных ракурсах корпуса во время его увода он мог оказаться на траектории и впереди головной части. Однако при любых условиях за «Вербу» мы не зацепимся, и я дал команду готовить противоракеты для стрельбы по «вербной» ракете Р-5. Независимо от того, поразим ли мы головную часть или корпус, – все равно это будет вещественное доказательство того, что от ложных целей мы благополучно отделались.

Во время работы по «вербной» Р-5 с локаторов на центральный пульт системы «А» по громкоговорящей связи шли взволнованные доклады: «Сработали по инструкции, но надо явно наоборот!» Но центр отвечал: «Прекратить разговоры, выполнять инструкцию!» Между тем все шло четко по боевому алгоритму системы «А». Вот уже зарычали в динамике ЭВМ подшиваловские итерации, сейчас на табло высветится «Пуск» – и противоракета устремится на перехват... корпуса Р-5. И тут мне подумалось, что это даже к лучшему, что мы сейчас жахнем по корпусу, в котором наверняка есть остатки топлива, последует их взрыв в точке встречи, и это будет полезное зрелище для незадачливого Плешакова, чтоб знал, какие могут быть на вербе груши. Так оно и произошло, и на этом закончились испытания «Вербы».

С помехами типа «Кактус» дело обстояло еще проще: они просто не раскрылись на траектории ракеты Р-5.

«Крот» представлял собой аппаратуру активных помех, специально созданную в диапазоне частот радиолокаторов системы «А». Он был рассчитан на выдачу шумовых посылок в ответ на каждый зондирующий импульс локатора. В качестве контрмеры мы ввели впереди каждого зондирующего импульса короткий «импульс подначки», провоцирующий выдачу помехи до прихода зондирующего импульса. Таким образом, радиолокатор нормально сопровождал цель, в то время как помеха работала, зацепившись за «подначку».

В другом пуске мы запустили «подначку» с высокой частотой следования импульсов, от чего «Крот» словно бы захлебнулся и вообще замолк. Как говорили наши ребята, «Крот» сдох. Таким было начало нашего знакомства с будущим заместителем министра, а затем министром радиопромышленности СССР, отстранившим меня от ПРО.

Я, конечно, мог отказаться вести работы с изделиями Плешакова, ссылаясь на то, что в нынешнем их виде средства системы «А» не рассчитаны на работу в условиях помех, что помехозащищенность средств ПРО видится нам как фундаментальная

задача специальной программы дальнейших работ. Можно было сослаться на отсутствие указаний сверху, на отсутствие программы и методики проведения работ с этими изделиями. Можно было затеять бумажную волокиту по любому из этих поводов, но мне представлялось более эффективным без бумаг, прямо на «железках» системы «А», отучить и Плешакова, и тех, кто его подослал, соваться к нам с халтурными помехами.

Между тем академик Александр Львович Минц после пуска 4 марта стал жаловаться в различные московские инстанции, что я в системе «А» игнорирую его РЛС ЦСО-П, не включаю ее в комплексные работы. На многочисленные звонки по этому поводу из Москвы я отвечал, что готов хоть сию минуту провести пуск баллистической ракеты при подключенной к системе станции Минца, пусть Александр Львович сам назначит время ее готовности к такой работе.

Однако и военные, и сами сотрудники Александра Львовича подтвердили, что станция не готова работать в системе «А». Это не было для нас новостью, так как мы располагали записанной на магнитных лентах информацией станции ЦСО-П при ранее проведенных пусках. Так как записи были сделаны факультативно, то я не считал возможным односторонне объявлять официально наши выводы по ЦСО-П, но везде где мог заявлял, что для системы ИС эта станция непригодна. Однако поскольку меня никто об этом не спрашивал, то мои заявления воспринимались как «подрывная деятельность» против системы ИС.

Видимо, чтобы пресечь такую деятельность и при «встряхивающем» действии пуска 4 марта, был ускорен выпуск Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР о создании системы ИС с использованием в ней РЛС ЦСО-П. Этим как бы подводилась черта под словесными баталиями и давалось добро на бессмысленные затраты средств на невыгодные РЛС, прототип которых вскормлен формально в составе системы «А», то есть под моим – как ее генерального конструктора – ведением.

Дело оборачивалось таким образом, что я уже не имел права не объявить официально имеющиеся у меня данные о неудовлетворительных точностных характеристиках станции ЦСО-П. Тем более что ровно через год А. Л. Минцу удалось «пристроить» эти же станции для узлов раннего предупреждения о ракетном нападении в районе Мурманска и Риги (РО-1 и РО-2).

Летом 1962 года Янгель начал запускать с Капъяра первые ИСЗ серии «Космос», предназначавшиеся согласно нашему заданию в качестве мишеней для проверки функционирования радиолокационных средств ПРО. Я решил использовать эти

пуски для сравнения точностей построения траекторий ИСЗ по данным каждой РЛС системы «А». Это было нетрудно сделать, так как координатная информация от всех РЛС, включая и ЦСО-П, поступала на центральную ЭВМ и там регистрировалась на магнитных лентах. Результат обработки этой информации был ошеломляющим для ЦСО-П: при каждой проводке ИСЗ по ее данным получалась траектория, пролонгация которой врезается в землю. То есть как будто это не ИСЗ, а баллистическая ракета! Это значит, что с такими станциями узлы РО-1 и РО-2 могут из-за пролета ИСЗ выдать ложную ракетную тревогу!

Эти данные, наряду с данными по другим РЛС системы «А», подкрепленные конкретными цифрами, включались в шифротелеграммы за подписями начальника полигона и моей. По логике здравого смысла, из этих данных следовало, что принятые постановления об ИС, РО-1 и РО-2 ошибочны. Но сработала логика круговой поруки заказчика и военно-промышленного комплекса: полигону было категорически запрещено отправлять шифротелеграммы с данными о результатах проводок ИСЗ станцией ЦСО-П.

То, что свершилось 4 марта 1961 года, воспринималось создателями и испытателями системы «А» с чувством глубокого морального удовлетворения от добротно сделанной работы, от успеха в творческих поисках, в самозабвенном труде в НИИ, КБ, на заводах, в Богом забытой пустыне, без отпусков и выходных, в отрыве от семей, сутками напролет без сна и отдыха. Но выражались эти чувства с технарской сдержанностью, с достоинством, как будничное дело, но с пониманием того, что сделан лишь начальный первопроходческий шаг к самой сложной военно-технической проблеме 20-го столетия.

Но в ОКБ-30 сильнее всех этих чувств был взрыв возмущения учиненным над ним произволом, направленным на развал тематики ПРО. Было собрано экстренное партсобрание, которое потребовало снятия навязанного ОКБ начальника и выделения ОКБ-30 с тематикой ПРО в самостоятельную организацию. Копия решения была направлена в партком предприятия и в ЦК КПСС. По этому решению началась «битва» между партбюро ОКБ-30 и парткомом предприятия, – все с обменом решений, направляемых в копиях в ЦК КПСС.

Наконец, в августе 1961 года был подписан документ о принципах выделения ОКБ-30 из КБ-1. При посредничестве замминистра В. А. Шаршавина его подписали Расплетин и Чижов со стороны КБ-1 и я со стороны ОКБ-30. Договорились позднее (в связи с отпусками) приступить к фактическому выделению ОКБ-30. Мог ли я

предполагать, что это был маневр, рассчитанный на возобновление игры с центра поля после передышки? Да, это был маневр тех самых злокозненных высокоорганизованных сил, которые противодействовали созданию системы «А», ждали провала ее, считая, что «это такая же глупость, как стрельба снарядом по снаряду».

Я опасался, что после 4 марта эти силы будут еще агрессивнее и изощреннее мешать продвижению этого дела, началом которого явилась система «А». Ибо благодаря первым успехам этого дела оно в воображении вчерашних скептиков уже перестало быть глупостью, превратилось в мираж уплывающего от них престижного казенного пирога, и они, движимые воспаленной алчностью и корыстолюбной завистью, изо всех сил начнут работать локтями, пробиваясь к этому пирогу.

Горько и обидно писать об этом, но, увы, мои опасения более чем оправдались. Дело, начатое в системе «А», – поражение баллистических ракет безъядерными противоракетами, – не получило продолжения и преемственного развития в наших работах по проблематике ПРО. Оно было задушено и предано забвению невежественными охотниками до легких противоракетных хлебов и пирогов, способными лишь заглатывать зарубежную дезинформацию либо зарубежные идеи, отработавшие свое и за ненадобностью выброшенные на свалку.

Но я, конечно, не мог даже на секунду помыслить о возможности такого жуткого финала, когда 31 августа докладывал Президиуму ЦК КПСС о результатах работ, выполненных на средствах системы «А» и об уточнениях тактико-технических характеристик системы ПРО Москвы. Проект представленного при этом докладе постановления был принят, и в нем был даже пункт о представлении к награждению орденами и медалями СССР наиболее отличившихся участников создания и испытаний системы «А». Впрочем, этот пункт никто не собирался выполнять, так как руководство головного министерства в лице самого министра Калмыкова было против него. И, конечно же, не мог я подозревать, что моим «родным» Минрадиопромом вместе с неугомонным Челомеем готовится мощная торпеда против всего, что записано в этом постановлении. И будет ей название – система «Таран».

...Впервые фамилию Челомея я услышал в июне 1960 года на собрании отделения технических наук Академии наук СССР, посвященном очередным выборам в члены-корреспонденты и действительные члены (академики). Академик А. А. Благонравов зачитывал фамилии выдвинутых кандидатов, среди которых был и «известный

конструктор летательных аппаратов член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Николаевич Челомей».

Я бы и не обратил внимания на эту кандидатуру, если бы не одно, показавшееся мне странным, обстоятельство: специалист по механике выдвинут на избрание в академики по автоматике. Я вообще впервые, после избрания меня в членкоры в 1958 году, присутствовал на выборах, не знал положения о выборах, думал, что это такая же примерно процедура, как выборы в профсоюзной организации. Не знал я и того, что голосовать будут только академики и поэтому не очень даже прилично членкору высказывать свое мнение по кандидатам в академики. Более того: я первым взял слово при обсуждении и заявил, что В. Н. Челомея надо избирать по специальности «механика», а не «автоматика».

Когда я сел, сидевший рядом со мной Сергей Павлович Королев тихонько сказал мне: «Ну и мудрец же ты, ГрЫша (он так и назвал меня по-украински через «Ы» и на «ты», чего никогда не делал раньше): ловко ты отвел кандидатуру Челомея». Я искренне удивился, сказал, что никакого отвода я не имел в виду. Тогда Сергей Павлович объяснил мне, что по механике вакансии не объявлялись и поэтому, выборы по этой специальности проводиться не будут. Таковы уставные правила. Я сказал: «Тогда и нечего было ему выдвигаться».

После меня поспешно поднялся с места завотделом ЦК КПСС по науке, членкор В. А. Кириллин и сказал, что Челомей – ученый широкого профиля и практически много занимается проблемами автоматики, поскольку она широко применяется в современных летательных аппаратах. Прозрачно намекнул, что ЦК может выделить дополнительные вакансии, чтобы кроме Челомея можно было избрать и других кандидатов по автоматике. Голосование показало, что устами новичка-членкора глаголила истина: в первом же туре на объявленную вакансию по автоматике был избран Вадим Александрович Трапезников, директор института автоматики и телемеханики АН СССР.

На дополнительно раздобытую Кириллиным вакансию был избран Борис Александрович Петров – впоследствии председатель «Интеркосмоса». Предложение попросить в ЦК еще одну вакансию для оставшегося единственного кандидата академики отвергли, заявив, что на этот раз откажутся от участия в голосовании, один из них даже заявил, что все это начинает походить на балаган.

Это происходило летом 1960 года, а год спустя 31 июля мне позвонил по кремлевке Сергей Павлович и предложил встретиться. Место встречи – в переулке у

«устиновского» входа в Миноборонпром. К нему почти одновременно причалили Королев на ЗИС-110, я – на ЗИМе. Сергей Павлович выпроводил своего водителя к моему, – мол, у вас и у нас найдется о чем поговорить. Потом поднял стеклянную перегородку, отделявшую пассажирский салон ЗИСа от водителя, в лоб поставил мне вопрос:

– Григорий Васильевич, до каких пор мы будем терпеть этого бандита – Челомея?

– А что мы можем сделать? Он не один и действует через подручных и всевозможных подлипал.

– Давайте напишем вместе письмо в ЦК.

– Но оно все равно попадет к Хрущеву.

– Хрущев – это еще не ЦК, – сказал Сергей Павлович.

Сергей Павлович вел разговор твердо и решительно, и я понял, насколько его допекла проводимая с одобрения Хрущева «всеобщая челомеизация» ракетно-космической техники. Ставка делалась на то, чтобы прибрать к рукам Челомея вспаханную и засеянную Королевым и Янгелем ракетно-космическую целину. Мне довелось присутствовать на ряде совещаний, проводившихся Никитой Сергеевичем в присутствии в качестве статистов Л. И. Брежнева и Ф. Р. Козлова. На этих совещаниях Челомей выступал со своими прожектами «универсальных» ракетно-космических систем с иллюстрацией на плакатно-ватманскои живописи.

Причем это все, как правило, сопровождалось указаниями о подключении в ОКБ Челомея работавших с Королевым или Янгелем конструкторских организаций по двигателям, системам управления, без которых разработки Королева и соответственно Янгеля повисали в воздухе. Я случайно был свидетелем очень резкого разговора Королева с Глушко в кулуарах одного из таких совещаний. Сергей Павлович говорил примерно следующее: «Ничего, мы с Кузнецовым обойдемся и без тебя, но ты еще будешь на коленях просить у меня работу» (подлинные образные выражения я отпускаю).

Я понял, что Глушко переметнулся на более легкие челомеевские хлеба, оставив Королева без двигателей в его лунном проекте, а Кузнецов – конструктор авиационных двигателей, который, по замыслу Королева, должен был его выручить в связи с отступничеством Глушко.

Вспомнил я и другой случай, когда Челомей жаловался Хрущеву на Янгеля за то, что тот не разрешает переслать записи, сделанные сотрудниками Челомея при ознакомлении с изделиями главного конструктора Янгеля. Михаил Кузьмич с

ехидцей ответил, что это материалы особой важности, которые вывозить с предприятия не разрешено по режиму, но Хрущев его резко оборвал:

– Товарищ Янгель, это секреты советского государства, а не вашей частной лавочки. Немедленно вышлите их товарищу Челомею.

Таким образом, не только разрушались сложившиеся у Королева и Янгеля кооперации соисполнителей, но и в открытую воровался научно-технологический задел этих прославленных конструкторов.

Вспоминая все это, я подумал, что слишком большая сила стоит за челомеевщиной и вряд ли ее можно перешибить нашим с СП письмом. Но главное, – и я об этом прямо сказал Сергею Павловичу, – мы с ним сейчас в разных общественно-весовых категориях: он подпишет письмо, выражая мнение мощной конструкторской организации, мою же подпись от имени КБ-1 легко дезавуирует взгромоздившийся надо мной ответственный руководитель и «сверхгенеральный» конструктор. Поэтому я считаю, что с письмом надо повременить, пока я не добьюсь выделения ОКБ-30 в самостоятельную организацию. Завтра я уезжаю в отпуск, через месяц вернусь и вплотную займусь этим делом.

– Хорошо, – сказал Сергей Павлович. – А я через неделю запущу человека в космос на сутки, – это тоже будет аргумент в нашу пользу. Желаю вам успеха.

Мы расстались, а у меня неотвязно вертелась мысль: вот он запустит человека в космос на сутки, народ будет ликовать и не будет знать, что у инкогнито прославленного творца нашего космического триумфа уже подрезаны крылья и ему уготована перспектива безработного главного конструктора из-за желания заиметь дорогую космическую игрушку, взыгравшего у капризного недоросля – племянничка богатого дяди. Вроде купринского белого пуделя: хочу! – и баста.

Но если они могут вытворять такое с самим Королевым, то на что могу рассчитывать я? Королев пока что все же остается хозяином в своем ОКБ; хотя от него и отсекают смежные конструкторские организации, по существу являющиеся тематическими продолжениями этого ОКБ, он все же может искать себе новых смежников. Меня же бесцеремонно выдернули из моего ОКБ, подчинив его «генеральному конструктору систем управления для изделий В. Н. Челомея», а сам я оказался зажатым, как в тисках, между этим самозванцем и его нижепоставленными сообщниками. То есть разгром возглавляемой мной тематики ПРО решили учинить одним махом, путем ее обезглавливания, развалив ОКБ генерального конструктора.

Тогда я не мог знать, куда и как повернутся все эти события, но сейчас, оглядываясь

в прошлое, можно с полным основанием сказать, что «нет повести печальнее на свете, чем повесть о советской противоракете».

После выполнения основных задач, которые ставились при создании системы «А», нам было поручено срочно подготовить и задействовать все средства этой системы для проведения экспериментов с целью исследования влияния высотных ядерных взрывов на работу радиоэлектронных средств. Было проведено пять таких экспериментов, условно именовавшихся «Операции К». Первые два эксперимента были проведены в октябре 1961 года, три других – в октябре 1962 года, с тем чтобы успеть до вступления в силу договоренностей между СССР и США о запрещении ядерных взрывов в атмосфере, в космосе и под водой. (К этому времени США провели аналогичные взрывы над о. Джонстон в Тихом океане.)

В каждом эксперименте производился запуск с капъ-ярского полигона цугом двух баллистических ракет, нацеленных в «центр обороны» системы «А», так что их головные части летели на одной и той же траектории одна за другой с некоторым запаздыванием друг от друга. Впереди летящая ракета была оснащена ядерным зарядом, который подрывался на заданной для данной операции высоте, ГЧ второй ракеты была нашпигована датчиками поражающего действия ядерного взрыва. Перед системой «А» ставилась задача: обнаружить и сопровождать радиолокационными средствами эту вторую ракету и осуществить ее перехват противоракетой В-1000 в телеметрическом варианте (без боевой части).

Высоты подрыва ядерных зарядов: в операциях К1 и К2 – 300 и 150 километров, в операциях К3, К4, К5–300, 150, 80 километров – при существенно больших мощностях зарядов, чем в первых двух операциях. Кроме системы «А» в экспериментах участвовали специально привлеченные технические средства, сосредоточенные вдоль трассы полета баллистических ракет, здесь же работали ионосферные станции, производились запуски метеозондов и геофизических ракет. На всех радиоэлектронных средствах фиксировались нарушения их работы, вызванные ядерными взрывами.

Во всех указанных экспериментах высотные ядерные взрывы не вызывали каких-либо нарушений в функционировании «стрельбовой радиоэлектроники» системы «А»: радиолокаторов точного наведения, радиолиний визирования противоракет, радиолинии передачи команд на борт противоракеты, бортовой аппаратуры стабилизации и управления полетом противоракеты. После захвата цели по целеуказаниям от РЛС обнаружения «Дунай-2» вся стрельбовая часть системы «А»

четко срабатывала в штатном режиме вплоть до перехвата цели противоракетой В-1000 – как и в отсутствие ядерного взрыва.

Совсем другая картина наблюдалась на РЛС обнаружения метрового радиодиапазона «Дунай-2» и особенно ЦСО-П: после ядерного взрыва они ослеплялись помехами от ионизированных образований, возникавших в результате взрыва. Тем самым подтвердилась целесообразность принятого нами построения РЛС обнаружения «Дунай-3» в дециметровом диапазоне для системы ПРО Москвы. Из результатов экспериментов было ясно, что переход в дециметровый диапазон необходим и для РЛС СПРН, сооружавшихся в районе Мурманска и Риги по прототипу ЦСО-П, так как в противном случае они могут быть ослеплены высотным ядерным взрывом в космосе и не обнаружить налет МБР. Однако личные амбиции и круговая порука чиновников и дельцов военно-промышленного комплекса не позволили им признать допущенную ошибку и выйти в правительство с предложениями по корректировке ранее принятых решений.

Операциями К руководила назначенная правительством Государственная комиссия в составе: председатель – генерал-полковник А. В. Герасимов, замминистра обороны; научный руководитель – академик А. Н. Щукин; зам. научного руководителя (?!) – генерал-майор К. А. Трусов, замначальника Четвертого Главного управления Министерства обороны... Два порученца А. В. Герасимова в звании полковников составляли секретариат комиссии. Поскольку средства системы «А» составляли ядро научно-экспериментальной базы, обеспечивающей проведение операций К, то и местонахождением комиссии во время этих операций был командный пункт системы «А».

Для выполнения работ были собраны наиболее квалифицированные специалисты из разработчиков этой системы и инженеров-испытателей полигона. Был задействован штатный механизм взаимодействия научно-испытательных служб полигона с организациями промышленности, отработанный, при создании системы «А», не нуждавшийся в «руководящем» вмешательстве со стороны какой бы то ни было комиссии и, более того, не допускавший такого вмешательства по элементарным условиям безопасности. Поэтому фактически комиссия генерала Герасимова оказалась в роли как бы высоких гостей на спектакле, восседающих в правительственной ложе.

Но кто бы мог подумать, что эти высокие лица ухитрятся наградить себя орденами за просмотр даже не всего спектакля, а только первых двух его действий – К1 и К2?

Об этом невероятном факте, упрятанном за завесой секретности, мне поведал генерал К. Г. Никифоров, бывший в то время начальником штаба на полигоне. Он оказался единственным из не членов комиссии, награжденным орденом (не помню каким) за проведение операций К1 и К2. Это было неожиданностью и для него самого и для командования полигона.

Но весь казус состоял в том, что во время проведения указанных операций Константин Григорьевич был в отпуске и на полигоне отсутствовал, «У меня не мало боевых наград, – говорил он мне, – но этой наградой меня опозорили. Мне стыдно перед вами и вашими ребятами, перед командованием и офицерами полигона, хотя в этом гнусном деле нет никакой моей вины. Просто список, состоящий только из членов комиссии, потребовалось разбавить фамилией представителя полигона». Высокие гости явно не успели из престижной ложи разглядеть действующих лиц и их исполнителей, не разобрались, что службы, обеспечивавшие операции К, подчинены не начштаба, а заместителю начальника полигона по научно-исследовательской и испытательной работе (НИИР) генералу Трофимчуку М. И.

После окончания в октябре 1962 года работ по операциям К3, К4, К5 начальник полигона генерал Дорохов С. Д. пригласил членов Госкомиссии и представителей промышленных организаций на товарищеский ужин в одном из начальничьих коттеджей «на диком берегу Балхаша». Естественно, не обошлось без коньяка, были тосты, наступила некоторая общая раскованность, один из промышленников попытался спеть самодеятельную песню, в свое время популярную на капъярском полигоне, но его голос заглушался галдежом разогретой тостами компании. Попытка певца спеть «Санта Лючию» тоже не имела успеха у публики. Тогда я взял гитару и предложил спеть полигонную песню, но не капъярскую, весьма удаленную от нас в минувшем времени, а современную сары-шаганскую, нашенскую. Вот она, песня нами созданного и нас же создавшего полигона:

Занесла нас судьба
на край планеты,
уронила с крыла
на юге где-то.
Теперь вся жизнь моя течет
в пыли, в тумане:
прозябаю, друзья, прозябаю, друзья,
в Сары-Шагане!

И день и ночь грызет тоска
от жизни серой;
ох и злая судьба, ох и злая судьба
у инженегров!
Я приехал сюда
забить монету;
но проходят года –
монеты нету!
Я пропил все, иссяк арак
в моем стакане.
Что мне делать еще,
что мне делать еще
в Сары-Шагане?

С первых аккордов гитары галдеж прекратился, кое-кто начал мне подпевать, гости комиссии слушали с одобрительными улыбками. Но по окончании песни начальник полигона генерал Дорохов поднялся с места и сказал, обращаясь к генералу Герасимову:

– Товарищ генерал, эта песня – клевета на полигон! На высокий моральный дух личного состава! На бытовые условия наших офицеров! Есть недостатки, но чтобы так...

– Очень жаль, – ответил я, – что у вас, уважаемый Степан Дмитриевич, что-то произошло с собственным чувством юмора, м это помешало вам уловить здоровый юмор в словах этой песни. А вот у полигонных «инженегров» с юмором все в порядке. Они даже придумали оздоровительную процедуру, заменяющую воскресную поездку на берег Балхаша: начинать надо с массажа досками по седалищным местам и заодно вываляться в пыли; это заменяет езду по ухабам в кузове грузовика, оборудованном дощатыми сиденьями; затем – обливание водой и выбрасывание участниками по два червонца на помойку; это заменяет купанье в Балхаше и выпивку с закуской на его берегу. После этого можно смело отправляться в обратный путь уже знакомым способом (досками по седалищам)...

Это был элитарный ужин в уютном коттедже. Через открытые окна доносился услаждающий слух шум балхашского прибоя. На столе – коньяки, изысканные блюда, арбузы, дыни, виноград, всевозможные фрукты. Все это – дары благодатной Ферганы, доставленные специально слетавшим за ними самолетом. А где-то далеко

в пустыне, на объектах, первом, втором, третьем, шестом и на многих других, те же самые «инженегры», которые сочинили не понравившуюся генералу песню, наверно, тоже отмечали успешное завершение работ по операциям К.

Я мысленно представил себе картину: на столах – графины с привозной водой и технологическим спиртом, «сэкономленным» при промывке контактов, волноводов и даже мифических оптических осей. Это – вместо коньяка. А вместо даров Ферганы – дары военторга, от которых вправду хочется «помахать рукой Сары-Шагану». Перед моим мысленным взором проходили те самые сподвижники, которые подобно атлантам вынесли и продолжали держать на своих плечах систему «А». И я предложил поднять за них бокалы.

После этого генерал Трусов К. А. попросил меня спеть под гитару что-нибудь более веселое, – мол, сары-шаганская и в самом деле отдает пессимизмом. Его просьбу поддержали многие. Меня взбесило выражение «отдает пессимизмом», и я решил: хорошо, я поддам вам оптимизма. Разыгрывая ускоренное опьянение и потерю самоконтроля, я запел:

Как на Дерибасовской
в доме номер шесть
четверо молодчиков –
воровских налетчиков
у старушки-бабушки
похитили честь.
Бабушка здорова,
кушает компот
и мечтает снова
пережить налет.

Этот дивертисмент вызвал у участников застолья нечто похожее на шок, но скандал, на который я рассчитывал, не получился. И тогда я с ходу выдал безобразнейшую площадно-хулиганскую частушку, начало которой, впрочем, было вполне пристойным:

Шел по лесу –
встретил беса,
бес – в чугунных сапогах...

После того как прозвучало окончание этого «произведения», первым вскочил с места и направился к выходу А. Н. Щукин. Вслед за ним то же самое, но словно бы

нехотя, сделал председатель комиссии, а после этого – все члены комиссии и начальник полигона. Однако выходу из-за стола мешал плотный ряд стульев между столом и стеной. Поэтому образовалась «пробка», а из-за нее – заминка, которой я воспользовался, чтобы высказать кое-что уходящей комиссии под видом обращения к Трофимчуку:

– Михаил Игнатьевич! Я вижу, что вы колеблетесь: уходить с комиссией или оставаться с нами. Оставайтесь! У них – свои заботы, у нас – свои. Нам еще вкалывать и вкалывать здесь, на полигоне, а разным комиссиям – получать тайком ордена за нашу ишачью работу. Вот и сейчас комиссия спешно уходит – а знаете куда и зачем? Туда, где совсем недавно ее выдающимся членам раздавали ордена за операции К1 и К2. И они уже сверлят дырки в мундирах для новых орденов за К3, К4, К5...

На следующий день, здороваясь со мной, Антон Владимирович Герасимов сказал мне:

– Вчера я имел удовольствие узнать, что вы не только большой ученый и конструктор, но и очень веселый человек.

...Операции К были лебединой песней системы «А». Ее списали и демонтировали, передав радиоаппаратуру для использования в учебных лабораториях военных и гражданских вузов, а крупногабаритные антенны радиолокаторов точного наведения и поныне несут мирную службу в науке в качестве радиотелескопов. Один из них – в Туркменской Академии наук – особенно дорог мне как символ нашей дружбы с туркменскими учеными. Два других – в дорогой моему сердце нэньке Украине.

Преждевременным списанием системы «А» была упущена реальная возможность продемонстрировать высокоточное наведение антиспутника на спутниковую мишень и осуществление кинетического поражения этой мишени, продемонстрированного в системе «А». С целью пропаганды этой идеи мне удалось даже эффектно показать работу системы «А» в присутствии В. Н. Челомея и Сергея Хрущева. Но все мои старания в этом плане принимались как подкоп под систему ИС и лишь усиливали у ее сторонников желание поскорее разделаться с системой «А».

Глава восемнадцатая

Опять я вижу свору эту

и слышу лай из камыша,
когда пускаем мы ракету
над диким брегом Балхаша

В августе 1961 года Расплетин, Чижов и я подписали согласованный документ о принципах выделения ОКБ-30 из КБ-1 в самостоятельную организацию. Договорились, что после отпусков займемся подготовкой проекта постановления ЦК и Совмина по этому вопросу. Казалось бы, что подведена черта под войной решений партбюро ОКБ-30 и парткома КБ-1. Но, увы, после отпуска Расплетин и Чижов заявили, что ранее согласованный документ они считают ошибочным; выделение ОКБ-30 – это развал КБ-1. Начались новые потоки бумаг в ЦК КПСС от партбюро ОКБ-30 и парткома КБ-1, и после баталий в верхах между сторонниками и противниками самостоятельности ОКБ-30 перед Новым, 1962 годом вышло постановление о выделении из КБ-1 Особого конструкторского бюро № 30 в качестве самостоятельной головной организации по проблематике ПРО.

Весь первый квартал 1962 года ушел на разделительные процедуры, завершившиеся подписанием разделительного акта. Все эти процедуры при поддержке министерства проводились под девизом: «Голым в Африку пущу!» Из исконных производственных площадей КБ-1 ни одного квадратного метра не было выделено новой организации. Занимаемые подразделениями ОКБ-30 помещения подлежали освобождению в оговоренные разделительным актом сроки, так что с выделением ОКБ-30 КБ-1 получило существенное приращение производственных площадей.

Из территории КБ-1 для ОКБ-30 был выделен на задворках тесный закуток, на площади которого размещался заброшенный прогнивший деревянный барак, числившийся на генплане как «строение № 42», и строительная площадка будущего лабораторно-конструкторского корпуса, куда нам по его готовности предстояло перебраться. Разрешение на строительство этого корпуса мне пришлось пробивать через три постановления ЦК и Совмина: сначала – разрешение на создание подземного (в целях радиомаскировки) стенда для отработки сверхмощных передающих СВЧ-устройств; второй раз – разрешение (в целях удешевления строительства) на создание этого стенда в виде наземного (вместо подземного) сооружения, имея в виду применение радиопоглощающих и экранирующих покрытий для радиомаскировки; третий раз – разрешение на пристройку площадью 5000 квадратных метров к стендовому корпусу.

Главная хитрость здесь заключалась в том, что так называемая «пристройка» была в двадцать раз больше (по площади), чем стендовый корпус, к которому она «пристраивалась». То есть, честно говоря, надо было сразу ставить вопрос о строительстве лабораторно-конструкторского корпуса площадью 5000 квадратных метров и стендового корпуса площадью 250 квадратных метров, но это противоречило бы существовавшему запрету на строительство в Москве производственных объектов. В обход этого запрета приходилось не раз прибегать к аналогичным уловкам по принципу «перекрестить порося в карася».

Например, упоминавшийся выше барак, числившийся как «строение № 42», был снесен, а на его месте был построен капитальный многоэтажный корпус, – и все это называлось модернизацией корпуса № 42. Короче говоря, с выделением из КБ-1 к моим обязанностям генерального конструктора прибавились чисто директорские заботы по созданию с нуля инфраструктурной базы нового предприятия. Причем в этом деле приходилось действовать в основном не с помощью министерства, а вопреки линии, задававшейся лично министром.

Нелегко было всю разрешительно-бюрократическую документацию через аппарат Мосгорисполкома и Совмина выбивать, по существу, втайне от министерства. Но дальше все зависело от выделяемых министерством средств на проектные и монтажно-строительные работы. И здесь я должен с благодарностью вспомнить замминистра по строительству Н. Г. Федорова, который с пониманием относился к нуждам вновь создаваемой организации.

Николай Григорьевич как-то доверительно сообщил мне, что при утверждении планов финансирования строительства по организациям министерства министр практически интересуется только строкой по ОКБ-30, в которой обязательно срезает предлагаемые суммы.

– Чувствуется какая-то предвзятость к вашей организации у министра. Хорошо бы вам поговорить с ним, – посоветовал мне НГ. – Постарайтесь наладить с ним отношения.

Впрочем, Николай Григорьевич не стал ждать налаживания отношений, а активно действовал в пределах своих отношений с генподрядчиком. Он звонил по телефону начальнику Главспецстроя и говорил ему примерно следующее:

– Николай Иванович, пусть вас не смущают малые суммы, указанные в титульном списке по объектам генерального конструктора Кисунько. Министерство гарантирует оплату строймонтажных работ при любом объеме перевыполнения

плана, физически возможном для ваших строителей. Гарантию могу подтвердить письменно.

Вообще надо сказать, что аппарат министерства тонко улавливал неприязненное отношение ко мне министра, но именно поэтому большинство «аппаратчиков» старалось всячески помочь мне во всех вопросах, касавшихся ОКБ-30. Постоянно по отечески, а не только по служебной обязанности помогал мне наш симпатичный «дед» – замминистра Шаршавин. Только один стукачишко из курирующего главка настрочил на меня бумагу с обвинением в «незаконном» строительстве складских помещений и автобазы, и мне пришлось помыкаться в Мосгорисполкоме, чтобы получить разрешение на строительство этих объектов.

Однако главные направления интриг против меня находились не в хозяйственной, а в научно-технической сфере. Они были нацелены на то, чтобы соблазнить военного заказчика на якобы более перспективные, более прогрессивные и более экономичные варианты построения ПРО, чем то, что отрабатывалось в ОКБ-30.

Первой акцией «противоракетного антикисунькизма» явилась запись в постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР, предусматривавшая разработку по предложению Минрадиопрома (Калмыков, Расплетин) универсальной противоракетно-противосамолетной передвижной (автомобильного типа) системы С-225. Эта акция сразу же ставила под сомнение целесообразность продолжения только что начатых работ по созданию первой отечественной системы ПРО для защиты Москвы: вместо строительства громоздких дорогостоящих сооружений по проекту Кисунько не лучше ли подождать и потом развернуть вокруг Москвы стрельбовые комплексы системы С-225, предлагаемые генеральным конструктором Расплетиным?

Заманчивость такой идеи усугублялась заверениями разработчиков системы С-225, что эти комплексы проектируются в расчете на то, что комплексы С-225 должны работать по целеуказаниям от РЛС раннего предупреждения узлов РО-1 и РО-2. Получалось так, что система ПРО, построенная на комплексах С-225, не потребует специальных РЛС ПРО! Сторонники этой идеи в упор не замечали зафиксированных на полигоне фактов, описанных мною в предыдущей главе, из которых следовало, что РЛС, сооружаемые в узлах РО-1 и РО-2, непригодны ни для предупреждения, ни для ПРО, что именно станции обнаружения, создаваемые для ПРО, позволят одновременно выполнять и задачи предупреждения.

Я был поражен, когда один из высокопоставленных представителей военного

заказчика доверительно мне сказал следующее: «В принципе вы правы: станции А. Л. Минца – не фонтан, но они просты, дешевы и могут быть созданы быстрее, чем станции ПРО; американцы их засекут своими спутниками-разведчиками, и им не придет в голову мысль о том, что эти станции, как вы говорите, ни на что не годны. Неэффективность узлов РО-1 и РО-2 выявится только в ядерной войне, но если это, не дай Бог, случится, то некому и некого будет привлекать к ответственности».

Короче говоря: под видом оборонных объектов гони любую туфту, лишь бы обмануть вероятного противника и получить правительственные награды, – таков был беспредел цинизма, который скрывался за квазинаучной демагогией моих конкурентов и оппонентов в проблематике ПРО – СПРН. И эта демагогия в виде сказочки о простой, дешевой системе ПРО в составе минцевских узлов РО-1 и РО-2 и расплетинских стрельбовых комплексов С-225; пошла гулять по московским высокономенклатурным кабинетам.

И высокочиновные дубы верили обещаниям двух академиков! Если же до них доходили отголоски моей критики узлов РО-1 и РО-2, то их вполне устраивало разъяснение А. Л. Минца: мол, в этих узлах и не нужны локаторы с высокими техническими характеристиками, ибо их задача – выдать «звоночек» Генштабу и правительству о начале ракетного нападения. А каковы могут быть наши ответные меры по этому «звоночку», когда не известно: откуда, по каким нашим объектам и в каких количествах запущены вражеские ракеты, по каким траекториям и сколько времени осталось до их падения? Нажать кнопки запуска наших ядерных ракет? А если этот «звоночек» окажется ложным? – ведь не раз на полигоне по данным РЛС ЦСО-П траектория ИСЗ выдавалась как траектория баллистической ракеты!

И, конечно же, от такого «звоночка» не может быть и речи о целеуказаниях стрельбовым комплексам С-225. Но никто в эти технические тонкости не хотел вникать ни в управлении военного заказчика, ни в ВПК, ни в ЦК КПСС. Мои же попытки привлечь внимание к этим вопросам встречались с нескрываемым раздражением, как проявление «хохлацкого упрямства».

И все же этот альянс двух академиков, поддерживаемый властными структурами военно-промышленного комплекса, оказался лишь предтечей куда более опасного для работ в области ПРО высокоорганизованного авантюризма по типу ранее упоминавшейся системы «Даль», который по возможным бросовым затратам можно было бы оценить как «Даль» в квадрате, если не в кубе. И почерк в провоцировании этой авантюры был «далевский»; с той лишь разницей, что на заглавную роль в нее

был втянут (аналогично С. А. Лавочкину) генеральный конструктор В. Н. Челомей. Называлась эта авантюра системой «Таран».

Система ИС (истребитель спутников) была лишь первой ласточкой в амбициозных притязаниях В. Н. Челомея на ракетно-космическую тематику. Причем в интересах создания противоспутникового космического аппарата в подчинение В. Н. Челомея в качестве филиала возглавлявшегося им ОКБ-52 было передано ОКБ-301 (покойного С. А. Лавочкина) с опытным заводом.

Главными же минами в предложениях В. Н. Челомея, заложенными под тематику главных конструкторов С. П. Королева и М. К. Янгеля, были предложения о создании трех видов ракет: УР-100, УР-200 и УР-500 – «три урки». УР-100 предлагалась как массовая МБР с ампулизированными компонентами для жидкостно-реактивного двигателя. Под это дело В. Н. Челомей получил еще один филиал – ОКБ авиаконструктора В. М. Мясищева с опытным заводом. Сам же Владимир Михайлович Мясищев, генеральный конструктор самолетов-бомбардировщиков, в том числе первого межконтинентального бомбардировщика, был назначен на должность начальника ЦАГИ. О ракетах УР-200 и УР-500 заявлялось как о мощных носителях для вывода космических аппаратов в околоземный космос.

Я никак не мог понять, почему на «совещания» по «уркам», проводившиеся Н. С. Хрущевым прямо на фирме В. Н. Челомея, приглашали, кроме «баллистических» конструкторов, и меня. Может быть, потому, что на Н. С. Хрущева произвел впечатление научно-документальный фильм «Система «А», который был продемонстрирован ему 17 апреля 1962 года, в день рождения Никиты Сергеевича? Не могло мне прийти в голову, что где-то уже состоялся сговор о «челомеизации» работ в области ПРО. (Слово «совещание» я беру в кавычки, ибо на самом деле это были доклады Челомея и его диалоги с Хрущевым в присутствии безмолвствовавших Л. И. Брежнева и Ф. Р. Козлова, а также приглашенных министров и главных конструкторов, которым тут же мог давать распоряжение Н. С. Хрущев)

Однажды случилось так, что я из-за несвоевременного оповещения прибыл на очередное такое совещание с небольшим опозданием. Меня встретили и проводили в зал заседаний, где были развешаны выполненные на ватмане иллюстрации к докладу Челомея, но, к моему удивлению, в зале кроме меня оказался только один человек, рассматривавший эту плакатную живопись, – Михаил Кузьмич Янгель.

Здороваясь, он с иронией спросил меня, указывая на один из плакатов:

– Это твоя система?

На плакате была изображена предельно примитивная схема перехвата баллистической ракеты другой ракетой. Почти детская картинка. Указывая на ракету-перехватчик, я ответил Янгелю в тон его шутке:

– Но как в моей системе очутилась вот эта твоя ракета? Помнится, у меня была прописана ракета Петра Дмитриевича Грушина с пороховым ускорителем.

В это время к нам подошел сотрудник (вероятно, из режимной службы) и пригласил нас пройти в дверь, ведущую в соседнее помещение. Там оказалось застолье, во главе которого восседал Никита Сергеевич, слева от него – Ф. Р. Козлов, справа – Л. И. Брежнев и Н. Челомей. Перпендикулярно столу президиума, образуя букву «П», располагались два стола, за которыми сидели приглашенные на совещание. Никита Сергеевич с шуткой-прибауткой приветствовал Янгеля и меня и лично распорядился, где кому сесть. Мне досталось место слева от Р. Я. Малиновского, но здесь со мной случился казус, когда я не сообразил, что моя тарелка с хлебом и пирожками находится по левую руку, и мы с маршалом очень быстро опустошили его тарелку. Хрущев, – как это ни странно, – заметил эту мою оплошность и сказал:

– Есть предложение переместить товарища Кисунько на место рядом с Фролом Романовичем, чтоб он не отбивал хлеб у министра обороны.

Были тосты, а между тостами Никита Сергеевич рассказывал разные истории, связанные с убийством Кирова, с Берия и Сталиным, с пребыванием его членом военных советов на фронте. Все слушали его не перебивая, и только меня угораздило перебить и поправит: Никиту Сергеевича, когда он неправильно назвал год убийства Кирова. Поскольку я теперь сидел рядом с Ф. Р. Козловым, он вполголоса и легким подталкиванием локтя дал мне понять, что мне не следует вступать в спор с Н. С. Хрущевым. В своих рассказах Н.С. не чурался и «соленых» историй.

Вот одна из них, – о том, как Хрущев и Берия вместе со Сталиным в его машине ехали на кунцевскую дачу и в пути Сталину захотелось по большой нужде. Случилось это на специально охраняемом шоссе, где по установленному режиму, кроме машины Сталина, никакой другой машины не могло быть. Но о том, чтобы справить нужду в кустарниках у обочины шоссе, не могло быть и речи, так как Сталин и Берия опасались террористического акта.

Вышли из положения следующим образом: остановили машину, открыли дверцу

пассажирского салона и, поддерживая вдвоем Сталина за вытянутые руки, помогли ему пристроиться на корточках в проеме дверцы с обращенным наружу соответствующим обнаженным местом. Так как дело было ночью, то дежуривший в придорожных кустах постовой охранник, увидев в полутьме остановившуюся машину (а он знал, чья это машина), вышел к ней, чтобы выяснить – не нужна ли какая-нибудь помощь. Увидев приближающегося охранника, Берия гаркнул:

– Вон отсюда! Нэ видышь – вождь сэрыт?

По окончании застолья началась деловая часть совещания.

Его главная, можно сказать, сенсационная часть была посвящена предложению В. Н. Челомея о создании системы ПРО от массированного ракетно-ядерного удара со стороны США (условное наименование – система «Таран»). Основные принципы построения этой системы выглядели настолько просто, что у дилетантов не мог не возникнуть вопрос: «Как до этого никто не додумался раньше? Хотя бы тот же Кисунько, который уже седьмой год мудрит вокруг да около ПРО».

И в самом деле: разве не заманчиво предложение использовать в качестве противоракеты баллистическую ракету УР-100? Только при этом надо ее нацеливать не на наземную цель, а в предвычисленную точку перехвата баллистической цели, и рассчитать, чтобы боеголовка УР пришла в эту точку одновременно с боеголовкой вражеской ракеты. Вроде как охотничьим ружьем: хочу – стреляю по наземной дичи, хочу – влет по уткам. Все очень просто: для ПРО «Таран» никаких иных ракет, кроме УР-100, не потребуется.

Единственным новым объектом в системе «Таран» будет многоканальная РЛС ЦСО-С, вынесенная на 500 километров от Москвы в ракетоопасном направлении (в сторону Ленинграда). По данным этой станции, работающей на волне 30 сантиметров, будет осуществляться обнаружение баллистических ракет и пролонгация координат точек перехвата и моменты прихода целей в эти точки. Станция ЦСО-С будет включаться по тревоге от узлов РО-1 (Мурманск) и РО-2 (Рига).

Для поражения боеголовок неприятельских баллистических ракет предполагается оснащать боеголовки ракет УР-100 сверхмощными ядерными зарядами мощностью 10 мегатонн тротила и более. Считается, что радиус поражения целей такими зарядами будет настолько большим, что боеголовки противника будут поражаться при любых их положениях в облаках ложных целей.

Слушая все эти импровизации Челомея, нельзя было не обратить внимание на то,

что для его ракетного ОКБ система «Таран» не содержит каких-либо новых задач, поскольку противоракета для «Тарана» ничем не отличается от ракеты УР-100. И в то же время явно угадывается почерк А. Л. Минца:

во-первых, монополия на разработку РЛС (РО-1, РО-2 плюс ЦСО-С).

во-вторых, уход от проблемы селекции боеголовок от ложных целей станцией ЦСО-С в очень сомнительной надежде на спецзаряды противоракет.

в-третьих, не менее несбыточные мечты на обеспечение высокоточного пролонгирования пространственно-временного положения баллистических целей по данным ЦСО-С и высокоточной по координатам и времени доставки в пролонгированные точки перехвата боеголовок ПРО, запускаемых по баллистическим траекториям.

Пролонгация – любимый конек Александра Львовича еще со времен 1954 года, когда он выступил с заимствованной у П. Н. Куксенко идеей «зональной системы», которую ему удалось пристроить в систему ИС для пролонгации траектории ИСЗ-цели по двум радиолокационным засечкам на «иркутской» и «балхашской» ЦСО-П. И сейчас, наблюдая «таранный балаган», я невольно вспомнил историю с «Далью». Очень уж все похоже! Похоже, что и сейчас некоторая мафия ловко использует в качестве тарана имя В. Н. Челомея, – как тогда было использовано имя С. А. Лавочкина, – на этот раз чтобы пристроить ЦСО-С. И еще вспомнил я изречение А. Л. Минца, когда он приглашал меня войти с ним в альянс по ПРО: «Главное – застолбить за собой проблему, а как строить мост – вдоль или поперек – потом разберемся».

Теперь он вроде бы застолбился и вдоль и поперек: с Расплетиным – по С-225, а теперь и с Челомеем – по «Тарану». Получается очень мощный тройственный союз трех академиков (А. Л. Минц был избран академиком в 1958 году, а В. Н. Челомей и А. А. Расплетин – в 1962 году по представлению академиков А. Л. Минца и А. Н. Щукина и своих министров) с четкой и весьма заманчивой идеей отражения массированного ракетно-ядерного удара: «Таран» уничтожает основную массу атакующих ракет, а комплексы С-225 добивают одиночные прорвавшиеся сквозь «Таран» баллистические цели. А система А-35 в этом раскладе оказывается никому не нужной, и сам собой напрашивается вывод о том, что надо отменить все постановления, относящиеся к ее созданию.

Хотя и без официальной отмены, все теперь пойдет в соответствии с изречением того же Минца: «Чтобы начать работу – нужно постановление ЦК и правительства,

а чтоб ее остановить, достаточно пустить слух». А здесь – не просто слух, а предложение, как принято говорить, маститых ученых, одобренное на высшем государственном уровне. Тем более что артистически разыгранные, рассчитанные на дилетантов «доклады» Челомея и Минца произвели благоприятное впечатление на Хрущева, и он поручил продумать организацию работ по системе «Таран» и внести проект постановления в ЦК КПСС.

Одобрение Н. С. Хрущевым предложений по «Тарану» окрылило тех, кто рассчитывал «заклевать» систему А-35 объединенными силами так называемой научно-технической общественности. Первая попытка такого рода была предпринята еще до выделения ОКБ-30 из КБ-1. Для этого была затеяна волокита с выполнением ранее достигнутой договоренности о выделении ОКБ-30 в расчете на то, чтобы успеть заслушать на НТС КБ-1 аванпроект системы А-35 и с треском его провалить объединенной командой из представителей ОКБ-31 и ОКБ-41. Но те, кто строил такие расчеты, не учли, что аванпроект – не просто груда томов, что за этой «бумагой» – действующая система «А».

Поэтому я в качестве вступления к докладу по аванпроекту продемонстрировал для участников заседания НТС научно-документальный фильм «Система «А». Заснятые на полигоне киноленты, показывающие работу системы «А» по перехвату и неядерному уничтожению баллистических боеголовок, произвели ошеломляющее действие. Вместо провала защиты аванпроекта, после чего встал бы вопрос не о выделении ОКБ-30, а о его расформировании, – вместо этого проект получил высокую оценку и был одобрен в качестве основы для разработки эскизного проекта системы ПРО Москвы (система А-35).

Теперь же, когда выделившееся в самостоятельную организацию ОКБ-30 вместе со смежниками было занято разработкой эскизного проекта, мне предстояло пройти через судилище, составленное из куда более представительных заседателей. Это была созданная по приказу министра – председателя Госкомитета по радиоэлектронике В. Д. Калмыкова межведомственная комиссия под председательством Ф. В. Лукина, хорошо знакомого мне по совместной работе в КБ-1, бывшего главным инженером в этой организации.

Сейчас же Федор Викторович уже более двух лет директорствовал в НИИ-37, – головном по разработке системы и станций радиолокационного обнаружения для ПРО (главный конструктор В. П. Сосульников), – а в порядке разового поручения ему предстояло возглавить межведомственную комиссию из представителей

ведущих институтов ГКРЭ и военного заказчика. Официально задача комиссии формулировалась так: «Выработать и представить предложения о направлениях работ в области ПРО». А неофициально, с глазу на глаз, В. Д. Калмыков устно уточнил эту задачу Ф. В. Лукину следующим образом:

– Местом работы вашей комиссии и безвыездного проживания всех ее членов, пока не будет подписан итоговый документ, будет только что построенный новый корпус нашего министерского дома отдыха «Покровское». Он расположен в живописном месте в лесу, примерно в, шестидесяти километрах от Москвы по Можайскому шоссе. Постарайтесь, чтобы после работы комиссии из можайского леса вместо генерального конструктора Кисунько вернулся просто генерал Кисунько.

– Но ведь Кисунько назначен генеральным постановлением ЦК и Совмина, – ответил, прикинувшись непонятливым, Ф. В. Лукин.

– Ошибаетесь. Судьбы генеральных конструкторов решаются в министерствах. Пример тому – бывший генеральный конструктор авиационных двигателей академик А. А. Микулин. Он потому и бывший, что на этом настояло министерство.

– Не ломал шапку перед министерством? И заработал на этом инфаркт. Говорят, что даже не один.

– Это дело авиационного министерства. А нам вполне хватит признания межведомственной комиссией нецелесообразности продолжения работ по созданию системы А-35, генеральным конструктором которой является Кисунько. Нет системы – нет и генерального.

– Но чем можно мотивировать такое решение по системе А-35? – спросил Лукин.

– По заданию система А-35 рассчитана на поражение считанного на пальцах количества баллистических ракет, к тому же не оснащенных средствами радиолокационной маскировки. А вот система «Таран» сможет отражать массированный налет баллистических ракет, да еще и с ложными целями. Чем не мотивировка?

– Но в состав нашей комиссии не включен главный конструктор системы «Таран». Об этой системе нам ничего не известно. Нам нужен обстоятельный доклад о ней.

– Такой доклад для комиссии сделает Александр Андреевич Расплетин. Он теперь Генеральный конструктор по системам управления по тематике Челомея. Об этом конфиденциальном разговоре с министром мне рассказал Федор Викторович по окончании работы комиссии 26 ноября 1962 года. Свой рассказ он закончил так:

– Как видите, задание министра я не выполнил, и теперь мне придется уходить в

другое министерство. Валерия Дмитриевича я знаю очень давно. Знаю, что за ослушание меня ждет расплата министерского калибра. И вам не советую оставаться под эгидой нынешнего нашего министра. Рано или поздно он вас доконает.

Я понимал, что для меня уйти в другое министерство означает бросить на произвол министра систему А-35; мои недруги позлорадствуют: мол, сбежал, расписался в собственном банкротстве, раскрутят «Таран» и сварганят многомиллиардный абсурд по подобию печально знаменитой «Дали». И я ответил Федору Викторовичу, что в моем положении не остается ничего иного, как последовать примеру моего тезки Гришки Незнамова:

– «Иду туда, куда влечет меня мой жалкий жребий». А жребий мой – А-35. И никуда от этого не денешься.

А Федор Викторович вскоре перешел в Госкомитет по электронной технике, на должность генерального директора строящегося центра микроэлектроники – будущего Зеленограда, города-спутника Москвы.

Что же касается системы А-35, то благодаря гибкому председательству Федора Викторовича ее удалось в итоговом документе комиссии прописать как исключение для ПРО Москвы с функциями промежуточного эшелона между будущими мифическими эшелонами «Таран» и С-225.

Однако это не спасло работы по А-35 от новых злоключений. Новая беда нависла над противоракетой А-350 для А-35, разрабатывавшейся в ОКБ генерального конструктора П. Д. Грушина. Для этой ракеты создавался впервые в СССР ракетный двигатель с поворотным соплом, что исключало необходимость в рулевых «движках». С этим двигателем уже было проведено несколько успешных пусков изделия А-350, но совершенно неожиданно по требованию В. Н. Челомея стендовый комплекс для испытательных запусков этого уникального двигателя был разрушен, – якобы для того, чтобы освободить место для испытательного стенда ЖРД ракеты УР-100.

Как будто в Салде на Урале не нашлось свободного места для нового стенда! Это было сделано для того, чтобы развалить систему А-35, оставив ее без противоракеты. Но Петр Дмитриевич Грушин не растерялся: он быстро перекомпоновал свою ракету под двигатель ракеты УР-100 с неповоротным соплом, ввел рулевые движки.

После этого на меня начали нажимать через министра, чтобы я вписал в систему А-

35 ракету УР-100 вместо противоракеты П. Д. Грушина. По существу, мне предлагалось войти в альянс с сиятельным придворным генеральным конструктором, заплатив за эту милость предательством своего сподвижника по системе «А». Мне даже намекали, что тем самым мои работы по А-35 окажутся под покровительством Челомея и его высоких связей.

Чтобы затолкать меня в эту чудовищную безнравственность, на фирме Челомея устраивались «технические совещания» под председательством нового первого замминистра Госкомитета по авиационной технике (назначенного вместо С. М. Лещенко, который хлопнул дверью, не желая, как он выразился, «быть на побегушках» у этого авантюриста). За этой настойчивостью таился план поглощения Челомеем ОКБ Грушина (разумеется, без Грушина) в качестве очередного филиала челомеевской фирмы.

На этих совещаниях я как мог тянул резину: просил дать мне технические характеристики УР-100, брал время, чтобы подумать, потом сообщал, что такие-то параметры меня не устраивают, а мне нужны вот такие, после чего представители Челомея в свою очередь брали тайм-аут, чтобы выяснить возможность обеспечить требуемые мною параметры, причем характерно, что все мои требования полностью принимались. Затем такая же тянучка начиналась по другой группе параметров.

Все это разыгрывалось мною для того, чтобы меня не обвинили, что я с ходу отвергаю использование УР-100 в А-35. Я как мог демонстрировал, что стараюсь без всякой дипломатии разобраться исключительно в технической стороне дела, и только под занавес этого спектакля подкинул моим партнерам ребус, который для УР-100 был неразрешим без переделки ее в ракету с твердотопливным ускорителем. Поскольку такая возможность исключалась, то мною была предложена для совместной проработки встречная идея: вместо замены А-350 на УР-100 – взаимодействие системы А-35 с системой «Таран», при котором противоракета А-350 обеспечивает заданную для А-35 зону перехвата баллистических целей, а противоракеты УР-100, наводимые по данным РЛС системы А-35, обеспечивают дальний эшелон перехвата, вынесенный в ракетоопасном направлении.

Это была вынужденно надуманная идея, чтобы притушить страсти вокруг противоракеты А-350, предотвратить тем самым проглатывание ОКБ Грушина в очередной филиал Челомея, и даже создать видимость альянса вместо конфронтации между А-35 и призраком «Тарана».

Доклад в комиссии Ф. В. Лукина о системе «Таран» А. А. Расплетин начал с

сообщения о том, что академик Челомей В. Н. обратил внимание на то, что траектории МБР США, атакующих СССР, будут проходить через небольшую пространственную область, то есть как бы фокусироваться в этой области, которая является, таким образом, наиболее удобным геометрическим местом точек перехвата баллистических целей средствами ПРО. Это якобы позволяет обеспечить территориальную компактность в размещении средств ПРО и даже поражения более чем одной цели сверхмощным ядерным боезарядом. Короче говоря, одним махом семь побивахом.

После этого более чем абсурдного вступления докладчик мелом на доске провел две взаимно пересекающиеся изогнутые линии, долженствующие изображать баллистические траектории цели и ракеты УР-100, используемой в качестве противоракеты, причем траектория цели в зоне перехвата строится путем пролонгации траектории, ранее построенной по данным многоканальной РЛС. И в заключении – о применении сверхмощных ядерных зарядов в УР-100, которые якобы обеспечат большие радиусы поражения боеголовок противника без необходимости их селекции среди ложных целей. В плотном потоке целей при массированном ударе возможно даже поражение нескольких боеголовок одним спецзарядом.

Вот и весь доклад. Ни одной цифры об ожидаемых точностях пролонгации траекторий целей, о точности попадания УР-100 в заданную точку перехвата в заданный момент времени при полете по баллистической (то есть неуправляемой) траектории, о промахах и радиусах поражения целей. Голая идея! И тем не менее никто из членов комиссии не отважился копнуть ее глубже, и даже те, которые в кулуарах подтрунивали над «Тараном», в официальной обстановке расхваливали эту идею как весьма перспективную. В соответствии с рекомендациями комиссии 3 мая 1963 года вышло Постановление ЦК и Совмина о разработке аванпроекта системы «Таран», начинавшееся словами: «Учитывая особую важность...» Генеральным конструктором системы был назначен В. Н. Челомей, руководителем разработки аванпроекта А. Л. Минц.

Разработка аванпроекта системы «Таран» и его рассмотрение прошли, можно сказать, триумфально, но за этим триумфом проглядывалась показушная пустота. Причем это, мне кажется, начал понимать и сам В. Н. Челомей. Иначе как объяснить его попытку пристроить УР-100 в качестве противоракеты в систему А-35 и позитивное отношение к моему встречному «предложению» об упоминавшемся

выше «взаимодействии» систем А-35 и системы «Таран» путем наведения противоракет УР-100 по данным РЛС системы А-35? В обоих этих случаях В. Н. Челомей, по существу, проявил готовность отказаться от основной идеи системы «Таран» – поражения боеголовок МБР путем баллистического (то есть неуправляемого) заброса ракет УР-100 в точки перехвата целей на пролонгированных их траекториях.

Похоже, что эта идея была подброшена ему извне и не стала предметом его внутренней убежденности. Поэтому его не смущало то, что в моем предложении речь шла об альтернативном принципе, использованном в системе «А»: непрерывное (а не только на этапе разгона и выведения) управление полетом противоракеты при наведении ее на реальную, непрерывно до точки встречи отслеживаемую (а не пролонгированную) цель. А ведь для реализации этого принципа противоракета УР-100 должна была отличаться от баллистической ракеты УР-100, и тем самым утрачивалась такая «козырная карта» системы «Таран», как унификация баллистических ракет УР-100 для использования их также и в целях ПРО!

Чтобы согласиться на такое, Владимиру Николаевичу надо было основательно усомниться, если не разувериться, в правильности так неосмотрительно разрекламированной концепции системы «Таран».

Но соображения престижа не позволяли признать это официально, хотя несостоятельность концепции «Таран» была очевидной для всех, кому довелось ближе соприкоснуться с проблематикой ПРО. В первую очередь это относится к чиновникам военных ведомств, курировавшим работы по системе «А», которым теперь предстояло стать заказчиками по системе «Таран» и нести ответственность за миллиардные затраты на ее создание. Их положение было особенно щекотливым: вякнешь против «Тарана» – полетишь с должности, но никого не прельщала и перспектива вляпаться в «таранную панаму» по типу «Дали» в квадрате, если не в кубе.

Все эти нюансики незримо путались между строк проекта постановления о создании системы «Таран», который готовился в Министерстве обороны под личным присмотром первого замминистра А. А. Гречко. Но документ никак не получался, и это неудивительно, так как аванпроект, на который он должен был опираться, по существу, был не научно-техническим документом, а легковесной декларативной импровизацией.

В этой ситуации состоялось неожиданное для меня посещение строительства головного радиолокационного узла (ГРЛУ) системы А-35 маршалами А. А. Гречко и М. В. Захаровым – начальником Генштаба. После осмотра помещений и антенн А. А. Гречко, оторвавшись от сопровождающей его свиты, начал задавать мне «особо секретные» вопросы, и главным из них был вопрос: «А это правда, что РЛС «Дунай-3» сможет наводить ракету УР-100?» Я ответил утвердительно и добавил, что достаточно ввести лишь одну (из двух) РЛС данного узла, чтобы закрыть все возможные направления на Москву с территории США, а четыре таких узла обеспечат радиолокационной информацией круговую систему обороны не только Москвы, но и значительной части европейской территории СССР.

При этом я не упустил возможность подчеркнуть, что МБР США будут засекаться нашей РЛС раньше и точнее, чем станциями СПРН в узлах РО-1 (Мурманск) и РО-2 (Рига), но маршалы пропустили это мое замечание, что называется, мимо ушей. В остальном же они остались довольны моими ответами, и я был рад этому: ведь говорят, что Гречко и Хрущев – свояки. Может быть, за чашкой чая или чего покрепче зайдет речь о ПРО и будет сказано, что А-35 «не надо трогать», так как из нее может получиться хорошее подспорье для «Тарана». Во всяком случае, в моем представлении сам факт посещения станции «Дунай-3» столь высокими гостями доказывал, что со стороны военных ведомств угроза для системы А-35 практически миновала, причем явно благодаря начавшемуся протрезвлению в восприятии рекламной шумихи вокруг системы «Таран».

В этом я окончательно убедился, когда через несколько дней меня пригласили в Министерство обороны и предложили ознакомиться с проектом Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР о создании системы ПРО «Таран». К моему крайнему изумлению, в этом документе появилась запись о назначении меня первым заместителем Генерального конструктора системы «Таран», то есть первым заместителем самого В. Н. Челомея!

Многое было более чем странным в этом предложении. Прежде всего: если В. Н. Челомею нужен первый зам по «Тарану», то почему бы не назначить на эту роль одного из его соавторов по этой системе? Например, академика А. Л. Минца, разрабатывавшего аванпроект, а теперь прописанного в проекте постановления как руководитель разработки эскизного проекта системы «Таран». Самоустранение В. Н. Челомея как генерального конструктора системы от личного руководства разработкой ее эскизного проекта и перепоручение этой работы лицу, фактически

не несущему никакой ответственности за последующую реализацию проекта, в моем понимании выглядело как абсурд, чреватый самыми губительными последствиями для всего хода намечаемых работ.

И еще одна странность, которая не могла меня не интересовать: если В. Н. Челомей все же решил видеть меня своим первым замом, то почему разговор со мной ведется не напрямую, а через посредников из генералитета?

Мысленно зафиксировав все эти несуразности предложенного мне документа, я решил в разговоре с принимавшими меня генералами строго держаться в рамках лично касающегося меня пункта о назначении первым замом Генерального конструктора системы «Таран». Мой ответ был краток: являясь Генеральным конструктором системы А-35, я чисто физически не в состоянии совмещать эту свою работу с еще более масштабной работой, предлагаемой мне по системе «Таран».

На это один из генералов возразил мне следующим образом:

– Руководство Министерства обороны не сомневается, что вам удастся унифицировать технические решения системы «Таран» на базе принципов системы А-35, так что вместо двух систем получится единая система – своего рода «Большая А-35», но под названием «Таран». Именно в вашем лице мы видим фактического (хотя и не де-юре) Генерального конструктора этой системы.

Я не без юмора мысленно представил себе уготованное мне положение «фактического генерального» между двумя «де-юре»: сверху (Челомей) и снизу (Минц). Можно было съязвить по этому поводу, но это придало бы межличностный оттенок моему ответу. Я начал с того, что принципы построения системы А-35 на современном этапе при любом наращивании ее до «Большой А-35» не могут обеспечить выполнение задачи, провозглашенной авторами системы «Таран», – по отражению массированного ракетно-ядерного удара при использовании противником ложных баллистических целей.

В то же время и технические принципы, предложенные для системы «Таран», тоже не обеспечат выполнение этой задачи. Поэтому в настоящее время вообще бессмысленно проектировать и создавать новые (после А-35) системы ПРО, пока не решена в научном плане проблема селекции боевых блоков баллистических целей от ложных целей в заатмосферной зоне. В заключение я подчеркнул, что система «Таран» в предложенном виде не смогла бы поражать даже одиночные баллистические цели и при отсутствии ложных целей. И это вряд ли вдохновило моих собеседников-генералов на продолжение работы над проектом постановления

о создании системы «Таран».

Я, конечно, понимал, что попытка втянуть меня в «таранную» компанию в виде слуха дойдет до генерального конструктора П. Д. Грушина и может вызвать у него обеспокоенность: не продам ли я на этот раз его противоракету А-350 в обмен на УР-100 и соблазнительное положение в «таранной» элите. Такой шаг с моей стороны автоматически означал бы превращение ОКБ Грушина в филиал ОКБ Челомея, но, конечно, уже без Грушина. Надо было срочно разрядить создавшуюся в этом вопросе ситуацию неопределенности.

С этой целью я подготовил совместный технический протокол по какому-то не очень даже срочному вопросу, касающемуся предстартовых проверок изделия А-350 в составе стрельбового комплекса системы А-35, и предложил Петру Дмитриевичу встретиться для подписания этого протокола. Это должно было означать, что противоракета А-350 остается твердо и бесповоротно прописанной в системе А-35. Петр Дмитриевич тут же по телефону выразил готовность заехать ко мне в ОКБ для подписания документа, и таким образом документ был быстро подписан в моем кабинете.

После этого я извлек из ящика письменного стола пригласительный билет на торжественное заседание, посвященное 50-летию академика В. Н. Челомея, и спросил у Петра Дмитриевича:

– А что будем делать с этими бумажками? Ведь это как раз сегодня, и сейчас уже, пожалуй, пора выезжать. Но я думаю, что для нас это не обязательно, – добавил я, разрывая свой пригласительный билет.

– Вполне согласен с вами, – сказал Петр Дмитриевич.

Мы отпустили свои ЗИМы и пошли домой, – благо, наши дома находились почти рядом. По дороге Петр Дмитриевич с возмущением вспоминал о всех проделках «этого негодяя», направленных на удушение «изделия А-350». Я же был рад тому, что он обрел уверенность в том, что никакой «Таран» не в силах разрушить то, что было нами выстрадано совместно на пути к 4 марта 1961 года.

Впоследствии дотошные наблюдатели рассказывали, что на праздновании юбилея В. Н. Челомея отсутствовали три генеральных конструктора: Туполев, Грушин и Кисунько. Зато банкет был на уровне кремлевских банкетов и даже обслуживался тем же персоналом, который обслуживает кремлевские банкеты. Правда, говорили, что кремлевские официанты были в специально сшитой для этого случая униформе.

Система «Таран», – незримо, подобно поручику Киже, – просуществовала до

антихрущевского дворцового переворота. Ее конец символически был обозначен включением П. Д. Грушина и меня в президиум торжественного собрания в Кремлевском Дворце съездов, посвященного 47-й годовщине Октябрьской социалистической революции (впоследствии Петр Дмитриевич был избран членом ЦК КПСС, а я – депутатом Верховного Совета СССР).

Однако незримый призрак «Тарана» оставил вполне зримые следы в виде развала работ по проблематике ПРО. Ожидание постановления о создании системы «Таран» воспринималось как фактическая отмена ранее вышедших постановлений по ПРО. В частности, были приостановлены работы по созданию объектов системы А-35 – первой системы ПРО Москвы. Многие московские начальники прямо указывали директорам заводов, что затраты на А-35 могут оказаться бросовыми, если вместо А-35 пойдет «Таран». В этом же духе директора получали указания и при обращении в оборонный отдел ЦК КПСС.

Но все это были указания устные, и когда «Таран» исчез, то те же начальники начали строго спрашивать с директоров: «Кто разрешил не выполнять постановления ЦК и Совмина?» Но время ушло, и нужны были новые постановления, чтобы возродить развалившуюся кооперацию исполнителей по созданию системы А-35 и определить основные направления дальнейших работ в области ПРО.

В связи с этим нами в ОКБ-30 были разработаны и направлены в ЦК КПСС соответствующие предложения вместе с решением парткома, в котором, в частности, отмечалась активная поддержка «таранного волюнтаризма» в ПРО со стороны зав. оборонным отделом ЦК И. Д. Сербина.

Впоследствии сей матерый цекашный тигр, со сталинских времен и до конца дней своих возглавлявший в ЦК контору, ведавшую делами военно-промышленного комплекса, покажет нам, неразумным, какая кара ждет каждого, кто осмелится хотя бы потрогать его за хвост. И будет он действовать в союзе с нашим давним «заклятым другом» – министром радиопромышленности и его шустрыми замами.

Глава девятнадцатая

Пэ-эр-о – очень сложная штука.
От нее я не зря поседел.
В ней искусство интриг и наука
вместе с уймою хлопотных дел.

При испытаниях противоракет все свершается с непостижимой быстротой. Шутка ли: противоракеты сближаются с целями на сверхкосмических скоростях! И все же к этому можно привыкнуть, можно даже ориентироваться в обстановке, если на экранах отображаются отметки положений ракет-мишеней и противоракет, на табло и пультах – ход боевого цикла и его выполнение всеми испытуемыми объектами, и вообще если... все идет как надо. Но если все идет как надо, – значит, система отработана и испытана.

А пока этого нет – обязательно надо ждать «по закону подлости» какого-нибудь подвоха в противоракете, в радиолокаторе, в вычислительных машинах (пусть даже и в полупроводниковых), в стартовой автоматике. Именно в таком, начиненном подвохами, состоянии находился в сентябре 1967 года полигонный комплекс ПРО «Алдан» – прототип восьми стрельбовых комплексов, которые сооружались на боевых позициях в Подмосковье. На разгадку и устранение возникающих дефектов затрачивалось драгоценное время, срывались сроки отладки системы.

...В тот памятный день предпусковая подготовка комплекса шла удивительно гладко, строго по расписанному во времени икс-плану, четко выдерживался порядок проведения многочисленных проверок противоракеты, наземных систем и подсистем, всего комплекса в целом. Но именно это и беспокоило меня, вызывало недоверие к кажущемуся благополучию. Ибо в системе сотни тысяч всевозможных элементов и деталей, и в каждой тысяче даже совершенно одинаковых из них найдется один или несколько штук со скрытыми изъянами, неуловимыми даже при самом тщательном контроле на заводе-изготовителе.

Поэтому на полигоне аппаратура должна пройти период начальной обкатки, во время которой дефектные элементы покажут свои «ослиные уши» и будут выловлены, заменены другими. От этого весь комплекс аппаратуры в целом начинает «дышать» все более легко, становится более надежным, пока не заработает наконец «железно».

Мне представлялось, что «Алдан» уже вышел на уровень надежности, достаточный для проведения пусков противоракет на условные цели. И все же... Все же немного странно, что дело идет уже к объявлению 30-минутной готовности, а у меня, в «домике генерального», еще ни разу не зазвонил ни один из телефонов по поводу какого-нибудь «утыка» в подготовке к пуску. Не только в надежности аппаратуры, но и в квалификации испытательно-боевых расчетов проявляется качественное отличие «Алдана» от системы «А». Давно уже нет на КП диванчика, на котором в

былые времена подночевывал генеральный конструктор, сквозь дрему и под гудение аппаратных шкафов прослушивая команды и доклады по громкоговорящей связи.

Взглянув на часы, я надел фуражку и вышел на открытую веранду домика, окруженного густо посаженными тополями, кленами, карагачами, серебристым лохом. А ведь совсем недавно здесь был голый каменистый бугор, со всех сторон обдуваемый буйными казахстанскими степными ветрами. Вспомнилось, как холодной осенней ночью вдвоем с начальником строительства Александром Алексеевичем Губенко мы с ветерком выскочили на газике на этот бугор, развернули при свете луны генплан площадки № 4 – будущего городка Приозерска – и нашли на нем квадратик № 219. Я пошутил:

– Здесь будет домик заложен! Но только строго по проекту, без феодально-байских замашек и... генеральских излишеств. Тем более что мы всего лишь полковники.

На следующее лето домик был готов, а вокруг него уже колыхались тоненькие лозины посаженных с весны первых в городке (которого еще не было) деревьев. А после того как 4 марта 1961 года впервые была сбита баллистическая ракета, комсомольцы-строители посадили деревья на всем прибрежном участке между домиком и Балхашом. Приняв тонюсенькие привезенные из Алма-Аты прутики за саженцы какого-то кустарника, я попросил строителей посадить их двумя рядами вдоль дорожки, ведущей к озеру, и пояснил:

– Потом будем постригать, и получится кустарниковая изгородь, как в Ялте. И будет у нас парк имени Четвертого марта.

Но из этих густо посаженных прутиков выросла великолепная вязовая аллея, в конце которой из веранды виднеется полоска воды с непередаваемым бирюзовым оттенком, а на ней от крутого берега до горизонта – гонимые ветром седые буруны стригущих балхашских волн.

В другой раз хозяйственники прислали из Москвы тоже неведомые саженцы, которые были высажены вдоль фасада домика, обращенного к озеру. Кто-то сказал, что это – черноплодная рябина. Саженцы выросли – и вот сейчас они красуются свисающими прямо на веранду гроздьями темно-багровых ягод боярышника. А между боярышником и окном моей спальни растет настоящая русская рябина, единственная на полигоне, саженец которой я сам выкопал в подмосковном лесу. Мне, уроженцу села, затерявшегося в безлесой запорожской степи, доставляло особое удовольствие где только возможно посадить и вырастить дерево.

Полюбовавшись осенними красками прибалхашского «леса», мы вместе с двумя моими помощниками отправились на подъехавшей машине на главный командно-вычислительный центр (ГКВЦ) системы «Алдан». На ГКВЦ мы с главным инженером полигона заняли свои места за особым столиком с табличками: «ТЕХНИЧЕСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ИСПЫТАНИЙ» и «ОТВЕТСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ИСПЫТАНИЙ».

– Эти таблички, – сказал я главному инженеру, – напоминают мне кинофильм «Волга-Волга»: я буду кричать, а вы – отвечать.

– Нам с вами не превыкать отвечать вместе, а любителей кричать на нас – хоть отбавляй.

– Так-то оно так, но на этот раз свербит у меня на душе: предпусковые циклы идут гладко, а во время пуска выскочит в аппаратуре такое, что и не приснится. И скажут умники, что мы некачественно подготовились к пуску, а вы, военные, развесив уши смотрели в рот генеральному, «не потребовали».

В этот момент за моей спиной раздался голос:

– Какие указания будут у моего генерального?

Обернувшись, я увидел генерал-майора Ненашева Михаила Ивановича, комично, по-швейковски вытянувшегося передо мною, – человека небольшого росточка, в очках, чем-то смахивающего на японца.

В свою очередь я отчеканил наигранно начальническим басом:

– Разрешаю глазеть на экраны и табло, но чтоб ничего не сглазить. – Далее, уже своим нормальным голосом добавил:

– Рад видеть вас и приветствовать в наших краях, уважаемый Михаил Иванович. Что новенького в Москве?

– В ваших краях – это очень верно сказано. Вы совсем отбились от Москвы. А не мешало бы изредка бывать и в Москве: по восточному обычаю, жен пересчитать, детишек повидать, бельишко постирать, начальством поруководить. А то вашим начальством в Москве кое-кто начинает руководить не в ту сторону. Поговаривают, что здесь у вас получается пшик и пора делать оргвыводы. Может получиться как у моряка с порезанного автогеном линкора:

На палубу вышел, а палубы нет...

– Порезать линкор – большого ума не надо. А вот построить...

Генерал Ненашев перебил меня:

– Очень недовольны там, – он показал рукой на верх, – вашими делами здесь. Надо как-то разрядить обстановку, объяснить, кое-что пообещать.

– Объяснять, обещать – это слова, а Москва, как известно, верит не словам, а делам. И поскольку сейчас главные дела свершаются именно здесь, на полигоне, то здесь и мое место, что бы ни наговаривали там, в верхах, паркетные шаркуны в погонах, лампасах и квазиученые умники. Но возмутительно то, что заодно с этой компанией активно участвуют в создании вокруг «Алдана» завесы деаинформации и те, кому по служебному долгу надлежит знать и докладывать начальству истинное положение дел.

– Но разве это дезинформация, а не факт, что надежность «Алдана» – ноль целых и хрен десятых? И еще вопрос: как вы собираетесь поправить дело?

– Здесь нечего поправлять, – ответил я Михаилу Ивановичу. – Как начальнику заказывающего управления, вам следовало бы понимать и разъяснять хулителям «Алдана», что он («Алдан») сейчас – как новорожденное дитя. В свое время он научится держать голову, сидеть, ползать, вставать на ноги, делать первые шаги, снова вставать, – так много раз, пока не вырастет сначала мальчик, а потом мужчина.

– А пока что, товарищ генерал-лейтенант, разрешите доложить, что ваш ребеночек ничего не умеет, кроме как делать в пеленки.

Сказав это, Ненашев хохотнул, подмигивая окружавшим наш столик офицерам, но их не развеселила острота их московского начальника. Они считали «Алдан» в той же мере своим делом, как и генерального конструктора. Только два-три человека, имея в виду обещанное повышение или перевод в Москву, подчеркнуто громко, но неестественно изобразили состояние смеха.

– Для ребеночка это вполне понятно, – ответил я. – Хуже, когда взрослые дяди, да еще с лампасами, делают то же самое в штаны. Это те самые дяди, которым показалось, что из «Алдана» получается пшик, и они торопятся отмежеваться от разработчиков, чтобы не делить с ними ответственность.

Наш с Михаилом Ивановичем диалог был прерван командой по громкоговорящей связи:

– Доложить о подписании протоколов к принятию готовности пятнадцать минут.

По этой команде на столике руководителей испытаний были разложены бумажные ленты с записями графопостроителей по результатам контрольного проигрывания на электронных имитаторах предстоящего пуска противоракеты.

«Все параметры комплекса «Алдан» в норме» – таким было согласованное заключение представителей промышленности и полигона по результатам анализа

этих записей.

После этого офицер – начальник смены командного пункта положил на стол руководителей прошнурованный секретчиками журнал боевой работы, на обложке которого был наклеен фабричный ярлык «Амбарная книга», а на открытой странице было написано от руки:

Все средства системы и измерительного комплекса полигона к боевой работе готовы. Протоколы готовности на объектах подписаны. В районе измерительных пунктов №№... облачность соответственно... баллов.

Пуск №... противоракеты А-350 разрешаем:

Технический руководитель испытаний Г. КИСУНЬКО

Ответственный руководитель испытаний П. ГРИЦАК

После того как генерал Грицак и я поставили свои подписи, Ненашев напомнил Петру Клементьевичу:

– Вы лично отвечаете за безопасность при проведении пуска.

– Под вашим личным руководством, – съязвил я Михаилу Ивановичу, – поскольку вы присутствуете на КП и являетесь старшим над генералом Грицаком начальством.

А после объявления 5-минутной готовности Михаил Иванович покинул КП, пояснив, что с улицы визуально наблюдать пуск интересней. После его ухода П. К. Грицак сказал мне:

– Очень хорошо. По крайней мере, не будет здесь никому мешать.

– Оно-то хорошо, но я боюсь: не успел ли он что-нибудь сглазить.

...Минутная готовность. Мелодично пропели «протяжки». На табло загораются: «СТАРТ», «ОТРЫВ». Противоракета захвачена на автосопровождение. На экране в виде светящейся точки появилась отметка ее местоположения... И вдруг на экране беспорядочно замигало множество точек, а потом все погасло. На табло осталось светиться только «АВТОСОПРОВОЖДЕНИЕ ИЗДЕЛИЯ». Что-то случилось. Но где?

Мы с Грицаком переглянулись. Оба понимали, что ракета летит неизвестно куда, может выйти за пределы отчужденной территории полигона, и тогда... Секунды бегут, ракета уходит все дальше. По инструкции надо дать команду на аварийную отсечку двигателя, чтобы ракета упала ближе от точки старта при наименьшей вероятности выхода за границы полигона.

Но при этом она упадет с приличным запасом высокотоксичного топлива и окислителя, в месте падения будет сильный взрыв, пожар и интоксикация местности на большой площади. Нет, уж лучше пусть она шлепнется как пустая железка. Все

это мигом проскочило в моем сознании, и я чуть заметным жестом руки дал понять Петру Клементьевичу: «Пусть все идет своим чередом». А он понимающе кивнул в знак согласия.

Когда все закончилось, группа анализа установила, что ракета сопровождалась и выполняла команды, передаваемые через станцию управления, в течение полного полетного времени, до полного израсходования топлива. Но на рули шли постоянные, словно бы замороженные команды, непрерывно заворачивая полет ракеты вправо, и она вышла далеко за пределы полигона. Пролонгированная точка падения оказалась недалеко от одного из целинных совхозов. Узнав об этом, генерал Ненашев напомнил Грицаку:

– Я вас предупреждал! Вы ответите! И вы тоже, – добавил он, обращаясь ко мне, и покинул КП, чтобы лично доложить о случившемся начальнику главка.

Между тем я пригласил к себе начальника Особого отдела и попросил его через органы КГБ поскорее уточнить место падения ракеты и помочь в разыскании и сохранении ее остатков. «И вообще, – добавил я, – выясните, пожалуйста, все ли там благополучно».

Потом поговорили с офицерами из состава боевой смены в том смысле, что во время пуска они точно выполняли указания генерального конструктора, никаких замечаний к ним у генерального нет, и при необходимости я готов подтвердить это в письменной форме.

Начальник главка Минобороны, в чьем ведении был полигон, не упускал случая отчитать полигонщиков за отсутствие жесткой линии по отношению к разработчикам системы ПРО А-35 и ее полигонного образца «Алдан». Для себя он давно решил, что из «Алдана», а значит, и от всей затеи, выйдет пшик, а задачу полигона видел в том, чтобы доказать это как можно скорее и пустить под бульдозер все начатые строительные объекты. В этом духе обыгрывались любые неполадки, возникавшие при отработке системы в целом и ее отдельных средств.

Выход противоракеты за пределы полигона был как нельзя более удобным поводом для того, чтобы просмаковать его в московских верхах, а здесь на полигоне устроить разнос командованию и личному составу за плохой контроль над действиями промышленности. То, что ракета упала в стороне от совхозного поселка, не причинив никакого вреда, не смягчает ничьей вины: просто генеральному конструктору в этот раз повезло. А кто скажет, что произойдет в следующий раз?

Расследование начальник главка проводил лично. Первым вызван программист, совсем недавно получивший звание майора.

– В чем причина неудачного пуска?

– Нарушение контакта в вычислительной машине. Из-за этого машина выдавала все время одинаковые команды управления на противоракету.

– Вы вводили программу в машину?

– Так точно...

– А разве это дело полигона? Пусть программы разрабатывают работники генерального конструктора, а вы должны их контролировать. В программе были меры защиты от случайных сбоев в машине?

– Не предусмотрено заданием. Но это был не сбой, а отказ, который программно устранить невозможно.

– Почему не выдали команду на аварийную отсечку двигателя?

– По инструкции это делается только по команде с КП.

Петр Клементьевич пояснил:

– Находясь на КП, мы с генеральным решили такую команду не выдавать.

– «Мы с генеральным», – передразнил его начальник главка. – Привыкли заглядывать ему в рот, как оракулу, развесив уши. При таком раскладе вы запросто можете отхватить выговорешник. Вместо генеральского звания. «Чтоб были позубастей да поглазастей».

В этот момент я открыл дверь кабинета и своим появлением невольно прервал речь генерал-полковника, направляясь прямо к нему со словами: «Разрешите войти». Он нехотя поднялся, протянул руку, спросил: «С чем пожаловали?» Я ответил, что в пуске из-за случившейся неисправности реализовалось максимально возможное время управляемого полета противоракеты системы А-35. На это мы не могли рассчитывать при существующих ограничениях отчужденной территории полигона.

Генерал немедленно съязвил:

– Тогда просите ЦК и Совмин об отчуждении дополнительной территории. До решения этого вопроса и получения от вас полной гарантии невыхода ракет за территорию полигона пуски будут прекращены.

– Отчуждать землю для полигона не надо. Пусть лучше на ней пасутся отары или колосятся хлеба. Космические и баллистические ракеты пролетают над многими городами СССР, но еще никому не приходило в голову «отчуждить» половину территории страны под ракетные полигоны.

– Повторяю, мне нужны ваши гарантии. Я не хочу из-за вас под суд. Вопрос о возобновлении пусков может быть рассмотрен только после реализации промышленностью по согласованию с полигоном специальных мероприятий.

– Для повышения надежности вычислительных средств нами предусматривается вместо одной ЭВМ с заводским номером 1 иметь две ЭВМ: № 16 и № 17, которые будут подстраховывать друг друга в режиме резервирования, не говоря уже о том, что каждая из этих ЭВМ (№ 16 и 17) надежнее, чем подлежащая демонтажу ЭВМ № 1.

– Меня не интересуют ваши ЭВМ. Нужны гарантии генерального конструктора. И еще: если пуск не состоится – отвечает промышленность, но если он состоится с выходом ракеты за пределы полигона – отвечать будет командование полигона. Причем в помощь полигону мною поставлен вопрос перед главкомом о прикомандировании к полигону химроты с вертолетами и оборудованием для дегазации остатков горючего.

– Нам все ясно, товарищ генерал-полковник, – сказал начальник полигона, – но я бы просил не присылать нам химроту. Будут трудности с ее размещением, но главное – она здесь не нужна. При падении противоракеты с остатками горючего оно все сгорит или испарится, пока мы разыщем точку падения и доставим туда химроту.

На эту просьбу генерал-полковник возразил, мягко говоря, неудачно:

– Не забывайте, что в зоне падения могут быть и человеческие жертвы.

– И тогда химрота будет их дегазировать, – сказал я. – Это что-то новое в деятельности химических войск. Ну что ж, давайте ищите, ждите химроту, а мы пока позагораем.

Начальник главка ответил на эту подковырку тем, что «с химротой мы разберемся без посторонних». Он был зол и на начальника полигона за то, что вытащил этот вопрос в присутствии острого на язык генерального, и на самого себя за то, что поспешил с идеей вызова на полигон химроты. И отступать было нельзя, так как по его просьбе уже пошла шифровка от одного главкома к другому и отданы необходимые распоряжения.

Наверное, с досадой подумал, что зря ввязался в эту историю с выходом ракеты за пределы полигона и довелось ему из-за нее оторваться от увлекательнейшей охоты в самый разгар сезона в благодатной дельте реки Или на той стороне озера Балхаш. По совести говоря, он и на полигон прибыл ради этой охоты, хотя формально

считалось, что он с группой своих офицеров инспектирует подчиненный ему полигон.

...Вернувшись с охоты, перед убытием в Москву начальник главка накоротке озадачил ведущий состав полигона:

– А вообще, нужно ли продолжать испытания и отработку этой системы, если окажется – а я в этом разделяю уверенность многих видных ученых, – что она «не потянет» на заданные для нее требования (к тому же явно устаревшие). Мы ждем от полигона скорейший и недвусмысленный ответ на этот вопрос.

Генерал-полковник улетел, но на полигоне на память об этом его посещении осталась песенка с бравурным мотивчиком и заочное прозвище для самого генерала – Дед Аким:

В Приозерске вредный газ
как-то внюхал Дед Аким.
Оттого теперь у нас
свой Осоавиахим.
Прилетел к нам Дед в субботу
с намерением таким,
чтоб создать у нас химроту
и Осоавиахим.
Заодно и на охоте
поразмялся Дед Аким
на казенном вертолете
из Осоавиахим.
И теперь мы не стреляем,
как бездельники сидим:
все химроту ожидаем
к нам в Осоавиахим.

Забегая вперед, скажу, что, несмотря на чинимые «Алдану» препятствия, его конструкторские испытания прошли блестяще. Их окончание ознаменовалось дуплетным пуском противоракет А-350 с раздельным наведением на головную часть и корпус, как бы имитирующих два элемента разделяющейся головной части. И еще: пуск баллистической ракеты был произведен в режиме внезапности по отношению к «Алдану», находившемуся как бы на боевом дежурстве, а момент пуска выбран в ночное время, именуемое у моряков «собачьей вахтой». Это

произошло 29 ноября 1969 года, в охотничий сезон; на полигоне присутствовал Дед Аким, но ни малейшего любопытства к нашей работе не проявлял.

Полигонщики ликовали вместе с нами, но акт конструкторских испытаний отказывались подписывать: такова была команда членам комиссии, переданная через представителей главка. Мне пришлось обратиться за помощью к начальнику полигона М. И. Трофимчуку, и тот перед своими представителями поставил вопрос прямо: можешь писать любое особое мнение, но акт подписать обязан.

Представителям главка тоже (посоветовавшись со своим начальством) пришлось подписать, не желая оказаться в противостоянии и с разработчиками, и с полигоном. Я чувствовал – и не ошибся – что в главке что-то затевается, чтобы дезавуировать нашу предъявительскую на госиспытания «Алдана». Поэтому договорился, что предъявительскую подпишет В. Д. Калмыков (наш министр) на имя Главкома ПВО П. Ф. Батицкого. Впрочем, при этом предъявительская все равно попала в главк, но уже под контролем сверху. Заказчик потребовал продолжить испытания «Алдана» для выяснения его взаимной увязки с системой дальнего обнаружения.

Но НТК Генштаба согласился с нами, что это относится к общесистемным проверкам, а не к «Алдану». Госиспытания «Алдана» прошли всего за два месяца с отличными результатами. Мрачный прогноз Деда Акима не оправдался.

Начиная с 1962 года наша работа по созданию системы «А» представлялась на соискание Ленинской премии как первопроходческая в области ПРО. Однако дилетантская эйфория вокруг «Тарана» намертво заглушила эти попытки.

Поэтому только в 1966 году, то есть с пятого захода, нам была присуждена Ленинская премия: Г. В. Кисунько – руководитель коллектива, главный конструктор системы «А»; С. А. Лебедев – академик, главный конструктор вычислительных средств системы «А»; В. С. Бурцев – его заместитель (с 1992 года тоже академик); В. П. Сосульников – главный конструктор РЛС обнаружения баллистических ракет; В. П. Васюков – его заместитель; Соколов А. Е. – конструкторская разработка крупногабаритных антенных систем; Ф. П. Липсман – система передачи данных; В. Г. Васетченков – ведущий конструктор противоракеты В-1000; Н. А. Сидоров, И. Д. Омельченко, Я. А. Елизаренков, Ю. Д. Шафров, О. В. Голубев – заместители главного конструктора системы; М. И. Трофимчук – руководитель испытательного полигона МО; К. А. Трусов – представитель заказчика МО.

Однако принятию окончательного решения о присуждении нам Ленинской премии

предшествовал телефонный звонок мне, как руководителю авторского коллектива. Замминистра обороны Н. Н. Алексеев, он же председатель секции по рассмотрению засекреченных работ, представленных на соискание Ленинской премии, сообщил мне, что на этот (пятый!) раз обстановка, кажется, складывается благоприятно для присуждения премии нашему коллективу.

В связи с этим он просит меня включить в список соискателей его помощника генерала Трусова Константина Александровича. Я понял это как завуалированный ультиматум: мол, хотите стать лауреатами – не откажите в моей просьбе. Я согласился, но при условии, что кандидатура Трусова добавляется в наш список, то есть включается с сохранением в списке всех представленных нами кандидатов.

Однако Николай Николаевич твердо заявил, что список и так перегружен, поэтому речь может идти только о включении Трусова вместо кого-то из наших. В его «просьбе» начали все более явно проявляться ультимативные акценты, и я вынужден был капитулировать. Передо мной встал вопрос: кого вычеркнуть?

В этом вопросе я допустил непростительную ошибку, выбрав для вычеркивания кандидатуру Олега Александровича Ушакова: того самого, с которым 10 лет тому назад такую же «шутку» сыграл Расплетин при распределении наград за систему С-25. Пусть эти строки послужат моим покаянием перед Олегом Александровичем, если ему доведется их прочитать.

После того как десять лет тому назад Олегу отомстили за переход в мою «команду» при организации СКВ по ПРО, – зная об этом, как я мог решиться на такой шаг, который иначе и не назовешь, как черной неблагодарностью по отношению к верному сподвижнику? Увы, я сейчас не могу вспоминать об этом без чувства вины и стыда.

Через считанные недели после вручения нам лауреатских дипломов К. А. Трусов по телефону сообщил мне, что им подготовлена кандидатская диссертация по вопросам ПРО и он просит моего согласия дать на нее отзыв головной организации. Я дал согласие и пообещал без задержек дать отзыв после получения диссертации. Однако, получив диссертацию, я убедился, что она «не тянет» на кандидатскую степень, – не только потому, что является компилляцией из ТАССовской экспресс-информации по материалам зарубежных газет, но главным образом еще и потому, что в ней «обосновывается» ошибочная концепция построения системы ПРО страны на базе стрельбовых комплексов с высокоскоростными перехватчиками типа американских ракет «Спринт», рассчитанных на поражение баллистических целей,

отселектированных на атмосферных участках их траекторий.

Порочность этой концепции состоит в том, что она принципиально неприменима для обороны объектов городского типа, поскольку при перехвате боевых блоков баллистических ракет после их селекции в атмосфере обороняемый объект подвергался бы воздействию дуплетных воздушных ядерных взрывов боевых частей противоракет и перехватываемых ими баллистических боеголовок. Для городов это была бы не оборона, а ядерное харакири. К тому же из-за жесткого баланса полетного времени перехватчика при атмосферной селекции целей боевые позиции противоракет необходимо было бы располагать непосредственно у границ застройки обороняемых городов. То есть для обороны города потребовалось бы его «ядерное заминирование» по периметру городской черты. Потрясающий абсурд!

Учитывая все это, я предупредил Трусова, что мой отзыв на его диссертацию будет отрицательным. Но он ответил, что его это не смущает, так как у него уже есть положительные отзывы от двух академиков: Минца и Расплетина. И вообще нет ничего плохого в том, что один из отзывов будет отрицательным: наоборот, защита пройдет более живо и интересно, и пусть ученый совет решит – на чьей стороне истина. Я понял, что сей новоявленный лауреат абсолютно уверен в благожелательной заранее предрешенной позиции «карманного» ученого совета, подобно тому как по телефонному звонку было предрешено его лауреатство. Пришлось пригласить его к себе к ОКБ для личного разговора и разъяснить ему примерно следующее:

– Был бы вместо вас другой диссертант, я бы просто выслал разгромный отзыв в ученый совет, и не помогли бы вам два академических туза, которых вы подкинули на кон против моего членкоровского. Вы не учли, что мой туз хотя и членкоровский, но козырной и еще у меня на руках козыри поменьше рангом, за которыми – одиннадцать сбитых системой «А» баллистических ракет. Но я, ваш бывший преподаватель, хорошо помню вас как весьма способного слушателя Военной академии, и нет вашей вины в том, что судьба занесла вас не в КБ или НИИ, а на канцелярско-чиновничье поприще. Поэтому мне хочется вам помочь советом: напишите дополнение к диссертации, отобразив в нем следующие два момента:

1) изложенная в диссертации концепция ПРО может найти применение только для обороны малоразмерных объектов в виде инженерно защищенных сооружений типа бетонированных пусковых шахт межконтинентальных баллистических ракет,

2) для ПРО городов необходимо решение проблемы селекции и перехвата

баллистических сложных целей в заатмосферной зоне на высотах и расстояниях, безопасных для гражданских сооружений и населения при ядерных взрывах в зонах перехвата.

Мы договорились, что дополнение перед его рассылкой Константин Александрович покажет мне. Я понимал, что от этого его писанина не станет диссертабельной, но зато из нее будет вычищена явная глупость.

Пока Трусов занимался сочинением дополнения к диссертации, я успел угодить в больницу. Повод был пустяковый: хирургическое удаление опухолевого образования вокруг осколка в области локтевой сумки. Константин Александрович дважды приезжал ко мне в больницу: первый раз – с готовым дополнением и черновым засекреченным блокнотом, в котором я набросал текст отзыва на диссертацию с учетом дополнения; второй раз – с отпечатанными на машинке экземплярами этого отзыва, которые мне необходимо было подписать.

Защита диссертации состоялась в конце февраля 1967 года, без моего участия, а 1 марта, в понедельник, меня выписали из больницы, и я, созвонившись с начальником 13 главка Минрадиопрома В. Н. Кузьминым, прямо из больницы поехал к нему на Китайский проезд. Мы прозанимались с Виктором Николаевичем в его кабинете до обеденного перерыва, пообедали в министерской столовой и снова вернулись в тот же кабинет. За обедом я встретился с Александром Андреевичем Расплетиным, который, оказывается, занимался своими делами с начальником технического отдела главка. За обедом шутили, рассказывали анекдоты. Александр Андреевич поинтересовался: правда ли, что у меня удаляли раковую опухоль? Я отшутился небольшим анекдотцем. На его лице угадывались следы обильной обмывки диссертации Трусова за два выходных.

Примерно через час после обеда в кабинет Кузьмина позвонили: Александру Андреевичу плохо. Я сразу же по кремлевке вызвал «скорую помощь» и прошел в помещение, где находился Александр Андреевич. Он сидел на стуле, размякший, опираясь корпусом на письменный стол и как бы сползая с него вправо. Вокруг него в растерянности стояли сотрудники технического отдела главка. Сзади его под мышки подстраховывал от сползания со стула Константин Капустян – сотрудник КБ-1.

Я подошел к Капустяну, сказал, что, по-моему, надо уложить Александра Андреевича в горизонтальное положение, расстегнуть воротник, открыть окна. Но на меня загалдели женщины: мол, в таких случаях нельзя трогать больного, одна

даже выкрикнула: «Вы угробить его хотите?» Капустян мне вполголоса сказал: «Это конец. Точно так же было с моим отцом».

В комнату вошли две женщины-врача и почти слово в слово повторили то, что я предлагал: мол, как это вы додумались держать больного в таком неудобном даже для здорового человека положении? По команде врачей мы уложили Александра Андреевича на сдвинутые стулья (или, может быть, столы?), потом пришли санитары с носилками и унесли его в машину, доставившую Александра Андреевича в больницу на улице Грановского.

Там он скончался 8 марта 1967 года. Мне на всю жизнь запомнились прощальные взмахи его левой руки, устремленный на меня взгляд и перекошенное подобие улыбки, когда санитары выносили его из комнаты. Все это, – я не мог ошибиться, – было адресовано мне, как жесты прощания или, может быть, примирения. Я ответил ему таким же жестом, – и этот обмен жестами и взглядами был наполнен глубоким таинством, которое, увы, только в эти минуты раскрылось перед нами.

Всем этим я был сильно взволнован, поэтому отпустил свой служебный ЗИМ и решил, чтобы успокоиться, пойти домой пешком. Но помимо моей воли в голову лезли мысли о наших межличностных отношениях с Расплетиным. Вспоминались слова гениального физика Альберта Эйнштейна, что «разум представляется нам особенно слабым, когда мы противоставляем его безумству и страстям человечества, которые почти полностью руководят судьбами человеческими как в малом, так и в большом».

Дед Аким не был одинок среди военных в негативном отношении к системе А-35. Их позиция объяснялась просто: оборона от 6-8 парных (ГЧ + корпус) никому не нужна. Противник легко ее преодолеет, запустив большее число целей, причем не парных, а многозарядных, да еще и с ложными целями. Отсюда вывод: объекты А-35 – под бульдозер, а конструкторам задать систему против массированного налета баллистических ракет с многоблочными головными частями и средствами преодоления ПРО. Если такую задачу не ставить перед конструкторами, то они ее никогда и не решат, а будут пробавляться НИРами.

Сейчас, более 30 лет спустя, как говорится, и ежу ясно, насколько примитивны и наивны были представления военного заказчика о проблеме крупномасштабной ПРО, требовавшего в административно-приказном порядке решить ее в двухгодичный срок, и даже ставивших в пример «научную смелость» авторов «Тарана». Заказчик настаивал, чтобы в очередное постановление по ПРО была

включена разработка аванпроекта территориальной системы ПРО от массированного удара баллистических ракет, оснащенных средствами преодоления ПРО.

Было совершенно бесполезно объяснять им, что постановка этой задачи для аванпроекта преждевременна, что любой «проект» на эту тему будет такой же авантюрой, утопией, какой был проект «Тарана», пока остается нерешенной проблема селекции баллистических целей.

Впрочем, среди настаивавших на аванпроекте были и такие, – отнюдь не наивные, и не только у заказчика, – которые в заведомо абсурдном поручении на разработку аванпроекта видели ловушку для руководителя проекта. Когда же я предлагал вместо аванпроекта записать НИР по проблеме территориальной ПРО от массированного ракетно-ядерного удара, то меня уверяли, что именно это же и подразумевается под более кратким термином «аванпроект», – и давайте, мол, считать такое понимание этого термина как наше джентльменское соглашение.

Вопрос об аванпроекте возник и при рассмотрении проекта постановления на заседании Совета Обороны, состоявшемся 5 ноября 1965 года. После моего доклада единственный вопрос был задан председательствовавшим Л. И. Брежневым:

– А стоит ли спешить с аванпроектом? Не лучше ли сосредоточиться на фундаментальных исследованиях, продолжить работы в задел для будущих проектов?

На этот вопрос поспешил ответить вместо меня представитель военного заказчика: мол, именно в этом смысле «мы все» и подразумеваем термин «аванпроект», то есть как предпроектные фундаментальные исследования. Очень боялся заказчик, что я воспользуюсь вопросом Л. И. Брежнева, чтобы вместо аванпроекта записать фундаментальные исследования. Но я считал неэтичным отступать от ранее достигнутой договоренности, и предложенный нами проект постановления был принят без каких-либо исправлений.

В исходных данных, выданных военным заказчиком на разработку аванпроекта территориальной системы ПРО, ключевое значение имели следующие три момента:

– массированный налет МБР США на европейскую часть СССР задавался таким образом, чтобы все участвовавшие в налете ракеты выходили одновременно на рубеж их обнаружения средствами ПРО; считалось, что это должно вызвать перенасыщение вычислительных средств системы обнаружения ПРО и системы целераспределения;

– все баллистические ракеты противника оснащены ложными целями, каждая по 7 ложных целей (как было принято для системы «Таран»), а их запуск осуществляется с наземных баз МБР США;
– должно быть показано взаимодействие радиолокационных средств ПРО и СПРН.
Приступая к аванпроекту, я решил для себя, что он должен охватывать два круга вопросов: 1) Какие из существующих или разрабатываемых средств ПРО уже сейчас могут и должны быть вписаны в будущую систему крупномасштабной территориальной ПРО? 2) Каковы другие элементы системы, создание которых невозможно без решения определенных проблем, и каковы эти проблемы?
На первый вопрос ответ был однозначен: необходимо закончить в интересах ПРО и СПРН развертывание центрального (вокруг Москвы) кругового радиолокационного поля системы А-35 на базе надгоризонтных РЛС «Дунай ЗУ» и затем на базе таких же РЛС развернуть периферийный пояс радиообнаружения в наиболее ракетоопасных направлениях. В частности, РЛС Рижского, Мурманского и других узлов РО заменить на «Дунай ЗУ»; по американским обозначениям – «курятники» Минца заменить на «собачьи будки» Мусатова.
Эти предложения с необходимыми тезисными обоснованиями были помещены во введении и в заключении к заглавному тому аванпроекта по принципу «тяни-толкай». Указывалось на такие преимущества «Дунай-ЗУ», как дециметровый радиодиапазон (менее подверженный ослеплению от высотных ядерных взрывов, чем метровый радиодиапазон, в котором работают станции Минца), выигрыш в балансе времени за счет малой пригоризонтной мертвой зоны (всего 1,5 градуса), малые затраты за счет технологической освоенности в массовом производстве, одновременное сопровождение (при необходимости) до 1500– 3000 элементов баллистических целей. Тем самым решается вопрос взаимодействия радиолокационных средств ПРО и СПРН.
Наиболее сложными проблемами из вопросов второй группы являются: селекция и безъядерное поражение боевых блоков баллистических ракет в заатмосферной зоне (по условиям безопасности обороняемых объектов). Эти задачи должны выполнять многоканальные стрельбовые комплексы дальнего перехвата с поворотными антенными фазированными решетками, получающие целеуказания от РЛС единого упомянутого выше радиолокационного поля ПРО и СПРН.
Но, – как я и предостерегал своих партнеров по джентльменскому соглашению, – в этих проблемах никакого проблеска к системе ПРО от массированного ракетно-

ядерного удара в аванпроекте не появилось. И более того: в аванпроекте к ядерному поражению целей добавилась довольно спорная гипотеза их селекции при силовом воздействии на них селектирующих мощных ядерных взрывов.

Это вызвало справедливую критику комиссии, рассматривавшей проект, но в то же время подтвердило, что любые попытки проектирования «новых» систем ПРО будут несостоятельными, пока не решены фундаментальные проблемы из приведенных выше вопросов второй группы. А для этого необходима своего рода «система «А» второго поколения» как научно-экспериментальная база для решения этих проблем, и ее первоочередным объектом мыслился полигонный образец многоканального стрельбового комплекса «Аргунь», в построение которого была заложена гипотеза распознавания баллистических целей по их поляризационным портретам.

Другим направлением работ предполагалось повышение точности наведения безъядерных ракет на отселектированные цели. Однако всем этим соображениям, вытекающим из аванпроекта, не суждено было осуществиться.

Прежде всего опубликованные одновременно с нашим аванпроектом варианты ПРО США («Сентинел» и «Сейфгард») многие околопроблемные «специалисты» ошибочно восприняли как признак того, что в США решена проблема территориальной ПРО от массированного ракетно-ядерного удара. И у многих взыграл зуд первыми доложить начальству эту потрясающую новость, подчеркнуть, как безнадежно мы, в СССР, отстали от США в этом деле (что видно из аванпроекта) и кто персонально виновен в этом отставании.

По совокупности этих обстоятельств был срочно созван военно-технический совет МО с докладом генерала К. А. Трусова о состоянии работ по ПРО. Решение совета по заслушанному докладу было однозначным: отстаем, виноват Кисунько, никого не слушается, потерял авторитет среди конструкторов. И эта бумага была разослана в ЦК, в ВПК и в Минрадиопром. В связи с этим по указанию Сербина (Оборонный отдел ЦК) была создана специальная комиссия Т. Р. Брахмана для оценки американской системы «Сейфгард»: способна ли эта система отражать массированный ракетно-ядерный удар?

Если способна, то будет удар по Кисунько, но тех, кто утверждает, что способна, заставят спасать отечество, – и это «но» спасло меня от судилища лукавого и неправедного. Но те, кто пытался утопить меня в «массированном ударе», после этого еще больше возненавидели меня за то, что не утонул.

Итак, совокупный результат двух комиссий: массированный удар – не по зубам ни американскому «Сейф-гарду», ни нашей «Авроре». Ее аванпроект комиссией Ю. В. Вотинцева отклоняется, но что дальше? Дальше сторонники фирм Минца и Расплетина в этой комиссии выступают с предложением: рекомендовать построение системы ПРО на базе стрельбовых комплексов С-225 и РЛС «Донец». Комиссию призывают как бы забыть о задаче отражения массированного удара, ради которой разрабатывался аванпроект, и взять на себя труд самой сконструировать систему на базе средств, не рассматривавшихся в аванпроекте, с непонятными тактико-техническими характеристиками.

Выслушав это предложение, я взял слово и заявил: «Если вы хотите иметь такую систему, то поищите для этого другого генерального конструктора». Потом спросил у рядом сидевшего Або Сергеевича Шаракшанэ, нет ли у него валидола. Шаракшанэ предложил пройти с ним вместе к дежурной медсестре. Но вместо медсестры меня приняла врач. Измерила давление: 60 на 80. Вызвала кремлевскую «скорую». А пока – прилечь на диване и – укол...

Случилось это 19 октября 1967 года. В больнице накануне праздника меня посетил и поздравил со званием генерал-лейтенанта Дмитрий Федорович Устинов.

Здороваясь со мной, Дмитрий Федорович пошутил: дескать, нашел время болеть. Я ответил, что не болен, просто сдуру попросил у Шаракшанэ валидолу, – слышал, что есть такое лекарство, а потом врачи, ясное дело, для перестраховки закатали меня в стационар, видно, подумали, что я важная птица.

– А ты и есть важная птица, – сказал ДФ, – вот уже и генерал-лейтенантом стал, только надо иметь выдержку, когда жизнь преподносит «майну» вместо «виры». Мне рассказывали, но я хочу знать от тебя лично, в чем заключаются твои разногласия с комиссией по аванпроекту «Авроры»?

– Комиссия отклонила аванпроект «Авроры» под тем предлогом, что он не решает задачу отражения массированного ракетно-ядерного удара, не разобравшись в том, что решение этой задачи не было, да и не могло быть целью аванпроекта ввиду отсутствия необходимого научного задела. Цель аванпроекта была более скромной: определить на обозримое время первые шаги, которые необходимо сделать на пути к решению такой задачи. Почему же комиссия в упор не замечает обоснованное в аванпроекте предложение о создании единой для ПРО и СПРН системы обнаружения баллистических ракет на базе РЛС «Дунай-3» и «Дунай-3У», разработанных для системы А-35? Хуже того: наблюдается тенденция ограничить создание

радиолокационного поля системы А-35 только двумя РЛУ, уже начатыми строительством в районе Кубинка и Чехов. Зато вовсю продолжается тиражирование РЛС «Днепр» академика Минца, негодных ни для ПРО, ни для СПРН.

– Все это хорошо, что у тебя, Григорий Васильевич, боевой настрой, – перебил меня ДФ, – но вот тебе мой совет: постарайся, особенно в спорных вопросах, наладить контакт с военными.

Этот совет ДФ повторял каждый раз, когда в трудные времена я обращался к нему за помощью. Он был очень озабочен возрастанием негативных отношений ко мне военных после доклада Трусова на военно-техническом совете МО, подогреванием этих отношений конкурирующими фирмами.

Сердечная боль
Я был на Алдане,
служил в Казахстане,
и волны Аргуни хлестали меня,
я ширь Енисея
проплыл, не робея,
поил из Тобола лихого коня.
И вдруг я в столице
в центральной больнице.
Сигналит сердечная мышца моя:
упало давленье,
ей нужно леченье,
и сердце мне будто сжимает змея.
Прошло две недели.
В больничной постели
лежал я покорно, уколы сносил.
Микстуры, пилюли
мне силы вернули,
мне доктор по парку гулять разрешил.
У окон больницы
хлопочут синицы,
и в парке на соснах вороны кричат,
а в небе осеннем,
разбившись по звеньям,

на юг запоздалые птицы летят.
И правильно, птицы:
спешить не годится,
в полете нас много опасностей ждет!
Зачем горячиться?
Куда торопиться?
Инфаркт миокарда от нас не уйдет.
Живут ведь вороны,
совсем как бароны:
спокойно жиреют, плодят воронят,
и каркают зычно,
и гадят прилично,
и делают вид, что орлами парят.
А может, мне тоже
на них стать похожим:
ни сеять, ни жать и на все начихать?
Чуть-чуть подучиться,
чтоб после больницы
суметь по-вороньи крылами махать?
К тому ж из больницы
зачем торопиться?
Моя торопливость леченью вредит.
Вредят мне заботы
и вести с работы.
«Побольше покоя», – мне доктор твердит.
Увы, докторица!
Я мог бы открыться
и вам рассказать, ничего не тая:
в быстринах Алдана,
в степях Казахстана
сердечная боль затаилась моя.
Больницы, лекарства –
ведь это мытарства
для тех, что в буран уходили в полет.

Заметить могли вы? –
вороны пугливы,
и им не достигнуть орлиных высот.
Лишь буйные ветры,
пустынь километры
да море тюльпанов в далеком краю
вернут мне давленье,
дадут исцеленье,
из мышцы сердечной изгонят змею.
А если случится –
не выдержит мышца, –
я птицей подстреленной ринусь к земле,
чтоб силы набраться
иль вовсе остаться
на дикой степной казахстанской скале.
19 октября 1967 г.

Примечание. Алдан, Аргунь, Енисей, Тобол – зашифрованные наименования полигонных и боевых объектов ПРО.

Глава двадцатая

Мы сбили ракетой ракету,
и нас обхамила за это.
Пока мы ракеты сбивали,
КБ наше в прах раздолбали.

В 1964 году в связи с уходом Ф. В. Лукина освободилась вакансия на должность директора НИИ-37 – головного по разработке радиолокаторов обнаружения целей для ПРО. В связи с этим главный конструктор В. П. Сосульников предложил создать научно-производственное объединение, головное по ПРО, в составе ОКБ-30 и НИИ-37 с их опытно-производственными базами.

С этим предложением мы вышли вдвоем с Сосульниковым к руководству Минрадиопрома. Целесообразность такого объединения обосновывалась тем, что разработка всех радиолокационных средств ПРО, – как РЛС обнаружения, так и стрельбовых РЛС, – сосредоточивалась бы в единой организации, с обеспечением наивысшей степени оптимизации этих средств как взаимодействующих элементов в

единой системе.

Это было бы логическим закреплением и развитием опыта целеустремленности и взаимодополняемости в совместной работе, накопленного при создании системы «А», в недрах которой родились и обе тяготеющие к объединению организации.

Однако руководство Минрадиопрома ответило на наше предложение тем, что поспешило назначить на должность директора НИИ-37 Владимира Ивановича Маркова – бывшего начальника тематической лаборатории КБ-1 по координации авторского надзора за эксплуатацией объектов системы С-25, а также по тематической координации работ по созданию системы С-225, – то есть человека из команды А. А. Расплетина – А. Л. Минца. Это назначение я не мог расценивать иначе как предвестник атаки против меня и ОКБ-30 путем внедрения троянского коня антикисуньковской породы в кооперацию организаций – создателей ПРО.

И действительно: первыми шагами нового директора НИИ-37 явилось замусоривание тематики института тупиковыми разработками в ущерб сложившемуся развитию научно-технического потенциала в области создания первоклассных РЛС ПРО в дециметровом радиодиапазоне. В частности, В. И. Марков демонстративно приютил в своем НИИ группу разработчиков РЛС «Программа-2», прожект которой был мною забракован при попытке его авторов пристроиться в околопроблемной кормушке под вывеской ПРО, спекулируя на действительно важной проблеме селекции баллистических целей по способу Ходжи Насреддина, касающемуся шаха и его ишака.

Впервые шифр «Программа» появился как обозначение РЛС в составе противоракетной системы «Заслон» в докладе возглавлявшейся Ф. В. Лукиным «лесной комиссии», причем авторы доклада В. П. Шишов и Бурлаков (от НИИ-244 – между прочим, это тот самый головной НИИ Минрадиопрома, который завалил систему «Даль», стоившую государству многие миллиарды бросовых затрат) по технической сути своего предложения ничего не могли разъяснить, кроме того, что в интересах распознавания целей предполагается применение широкополосных радиолокационных сигналов.

Но никто не мог ответить на вопрос – какие именно признаки широкополосного сигнала отличают боеголовки от ложных целей и как эти признаки могут быть из него извлечены. Короче говоря, распознавание целей по широкосигнальным признакам у авторов «Программы-2» оказалось блефом. Забегая вперед, отмечу, что Бурлакову, при поддержке Маркова уже в ранге замминистра, все же удалось

реализовать «Программу-2» в виде полигонного образца. Однако, как и следовало ожидать, никакого даже намека на распознавание не получилось. Просто были выброшены на ветер сотни миллионов рублей в доперестроечном исчислении.

Зато в тех же доперестроечных мерках уверенно тянут на много миллиардов бросовых затрат другие потрясающие абсурды, зачинателем которых в том же институте, затем в Минрадиопроме, а в конечном счете – в Военно-промышленном комплексе СССР суждено было стать В. И. Маркову. О сути этих абсурдов речь пойдет впереди, а пока что перечислим хотя бы наиболее «миллиардные» из них: это, во-первых, афера с созданием загоризонтных РЛС, засекреченных под шифром «Дуга», которой более подходящим был бы шифр «не в дугу». Во-вторых, так называемое «радиолучевое оружие» для ПРО. В-третьих, «двухэшелонная ПРО», а по существу – ядерное харакири Москвы с ее ядерным заминированием.

Девятнадцатого апреля 1968 года меня вызвал к себе на Старую площадь завотделом ЦК КПСС по оборонной промышленности Иван Дмитриевич Сербин. К моему приходу в его кабинете уже находились еще четыре человека. По левую сторону от письменного стола, за которым вальяжно восседал в судейской позе сам Иван Дмитриевич, за длинным столом для совещаний, на председательском его торце, «заседал» Леонид Иванович Горшков, недавно назначенный заместителем председателя Военно-промышленной комиссии при президиуме Совмина СССР; на противоположном конце этого же стола, прямо перед грозными прокурорскими очами Леонида Ивановича, сидели двое «обвиняемых»: замминистра радиопромышленности Василий Андреевич Шаршавин и начальник 13 главка Минрадиопрома Виктор Николаевич Кузьмин, совсем недавно сменивший на этом посту ушедшего на повышение Л. И. Горшкова.

Еще один «обвиняемый» – директор завода «Мосприбор» Иван Захарович Соколов – сидел на отдельном стуле у стенки напротив письменного стола И. Д. Сербина. Поздоровавшись со всеми общим поклоном, я сел на стул у стенки рядом с И. З. Соколовым. Здороваясь с ним за руку, я уловил идущий от него запах валидола.

– Вот, полюбуйся, Григорий Васильевич, – сказал Сербин. – Директор завода, сорвавшего срок поставки бортовой аппаратуры для твоих с Грушиным изделий. И теперь он просит отсрочку. Вот мы и побеспокоили тебя, чтобы посоветоваться: устраивает ли тебя такая отсрочка?

Пока Сербин произносил эту тираду, Иван Захарович отправил в рот еще одну таблетку валидола.

– Ну что ж, будем подстраиваться под новые сроки, – ответил я Сербину.

– Но учти, Григорий Васильевич, что за окончательные сроки по всей системе А-35 ты отвечаешь персонально, и я бы не советовал тебе либеральничать с такими вот молодцами, как Соколов.

Отпустив Соколова, Сербин и Горшков дружно принялись «изобличать» Шаршавина и Кузьмина в том, что они якобы мало помогают мне как генеральному конструктору, и вот, мол, наглядный пример: «В вашем же министерстве такие директора, как Соколов, срывают сроки, а вы и в ус не дуете, и заниматься этим делом вместо вас приходится нам здесь, в ЦК и в ВПК. Такое терпеть дальше нельзя. Своей бездеятельностью вы сами напрашиваетесь на оргвыводы». Похоже, что это было продолжение разговора, начатого до моего прихода.

Здесь я не выдержал и вклинился в разговор в защиту Шаршавина и Кузьмина в том смысле, что если говорить о помощи мне как генеральному конструктору со стороны Минрадиопрома, то она исключительно и единственно держится на Шаршавине, а помощь на уровне главка я стал ощущать только после того, как его возглавил Кузьмин. То есть помощь на уровне главка я, как генеральный конструктор, «не ощущал», пока начальником главка был Л. И. Горшков.

Уловив этот прямой выпад с моей стороны против Леонида Ивановича, Сербин поспешил оборвать мою речь, заявив, что мне не следует забивать себе голову всякими организационными вопросами: мол, твое дело – наука, а организационные дела предоставь решать нам, так что тебя мы больше не задерживаем.

Выйдя из кабинета Сербина, я мысленно старался понять: зачем меня вызывал Сербин? Чтобы согласовать со мной отсрочку на поставку бортовой аппаратуры? Но ведь это можно было согласовать по телефону. Этот вопрос так и остался для меня загадкой. Зато я однозначно уяснил себе, что Сербин с Горшковым решили убрать с занимаемых должностей Шаршавина и Кузьмина якобы с тем, чтобы усилить помощь мне как генеральному конструктору, а на самом деле – чтобы заменить их людьми, которые помогут развалить возглавляемые мною работы и окончательно свалить меня как генерального конструктора.

Вызов к Сербину выбил меня из намеченного распорядка рабочего дня; к тому же я был крайне возмущен той гнусностью, которую, используя меня в качестве ширмы, раскручивают Сербин и Горшков против Шаршавина и Кузьмина, – явно не без ведома остающегося в тени министра – моего давнего «друга» Калмыкова. Я даже подумал, что своим выступлением в защиту Шаршавина и Кузьмина навредил

им, сам того не желая. По совокупности этих обстоятельств я почувствовал себя не в состоянии заняться чем-либо серьезным в оставшуюся часть рабочего дня и решил завернуть в поликлинику, вспомнив, что меня уже не раз приглашали на диспансеризацию, я обещал, но так и не смог выбрать для этого время.

Моя лечащая врач предложила начать с кардиограммы, а потом, дескать, решим – что делать дальше. После снятия кардиограммы я вернулся к кабинету лечащего врача и стал ждать вызова к ней после ознакомления ее с кардиограммой. Вскоре я увидел, как к ней прошла зав. терапевтическим отделением, а затем пригласили меня и объявили, что вынуждены меня немедленно госпитализировать. У меня оказалась «плохая» кардиограмма. Убедившись, что мне не удастся избежать госпитализации, я предложил назначить мне время явки в больницу на завтра, чтобы я смог сдать хранящиеся в моем сейфе секретные документы и отдать необходимые распоряжения моим замам.

Тем более что я субъективно чувствовал себя абсолютно здоровым и не было никаких оснований для экстренной моей госпитализации. Но врачи были непреклонны в своем решении. Они даже вызвали дюжих мужиков-санитаров с носилками, которые и доставили меня в санитарную машину. Так, лежа на носилках, в сопровождении врача, я был доставлен в кунцевскую кремлевскую больницу, где меня приняли в кардиологическое отделение. Я понял, что вся эта нелепая история произошла в результате неосознанной мной реакции нервной и сердечно-сосудистой системы на то, чему я оказался свидетелем в кабинете у Сербина.

А через несколько дней в том же больничном отделении мне составили компанию Шаршавин и Кузьмин, «освобожденные» от занимавшихся ими должностей в Минрадиопроме. От них я узнал, что вместо Шаршавина заместителем министра радиопромышленности назначен Владимир Иванович Марков; ему поручено возглавить подготовку проекта нового постановления ЦК и Совмина о противоракетной обороне, и он же подбирает кандидатуру на должность начальника главка, которую ранее занимал В. Н. Кузьмин.

Это был тот самый В. И. Марков, который возглавлял лабораторию, выполнявшую функции эксплуатационно-испытательного расчета на кратовской станции Б-200, где мне довелось в качестве технического руководителя осуществлять доводку точностных характеристик станции в октябре 1952 – феврале 1953 года в связи с вводом в нее новых волноводных распределителей. По окончании этих работ по

моему предложению он был назначен ответственным представителем на головном объекте системы «Беркут», а после ухода Ф. В. Лукина с поста директора НИИ-37 (впоследствии НИИ дальней радиосвязи) Марков возглавлял этот институт в качестве его директора.

Марков зачастил ко мне в больницу с целью обсуждения (а вернее – навязывания мне) своих предложений к проекту постановления по ПРО. Главным из них было назначение А. Г. Басистова моим замом как генерального конструктора и начальником научно-тематического центра в возглавлявшемся мною ОКБ-30. Я возражал против этого предложения, исходя из того, что:

во-первых, назначение замов к генеральным конструкторам относится к номенклатуре не выше министерского уровня, а назначение начальника подразделения в ОКБ-30, а именно – начальника СБ-30, переименованного в НТЦ, является исключительно моей прерогативой как начальника ОКБ-30,

во-вторых, я хорошо знал Басистова в бытность мою начальником отдела зенитно-ракетных систем в КБ-1, когда мне пришлось отстранить его от руководства лабораторией с объявлением ему служебного несоответствия,

в-третьих, меня вполне устраивают замы генерального конструктора, с которыми мне довелось пройти от самых истоков работы по тематике ПРО, в том числе и начальник НТЦ (СБ-30) Яков Артемьевич Елизаренков.

Мне было ясно, что Марков выполнял задание более могущественных чиновников по внедрению в ОКБ-30 Басистова в качестве троянского коня.

Другим, поразительным по своей наглости, предложением предусматривалось мое «добровольное» сложение с себя полномочий начальника ОКБ-30 и передача их специально назначенному директору. Все это мотивировалось как якобы «помощь» мне в том, чтобы освободить меня от административных забот и дать возможность сосредоточиться непосредственно на научно-технических вопросах ПРО, оказавшись в роли просителя перед директором в вопросах кадрового и административно-хозяйственного обеспечения работ, за которые я ответствен перед правительством.

Но как ни старался Марков, я, конечно, не мог согласиться с обоими «предложениями», по существу направленными на создание вокруг меня вакуума внутри моего же ОКБ, чтобы в конечном счете убрать меня как генерального конструктора. И тогда вступили в действие вышестоящие его повелители – истинные авторы этих предложений: завотделом оборонной промышленности ЦК

КПСС И. Д. Сербин, министр радиопромышленности В. Д. Калмыков и зампредседателя военной промышленности Л. И. Горшков. Они заявились ко мне в больницу и начали с заверений, что предлагаемая реорганизация исключительно в моих интересах.

И. Д. Сербин сказал, что «нельзя дальше генеральному пытаться тянуть лямку одному и за себя, и за номинальных замов. Так можно и надорвать здоровье. Разве это не тревожный сигнал, когда менее чем за полгода ты дважды оказывался в больнице?». Но я продолжал стоять на своем, и это вывело из себя мнимых радетелей моего здоровья. Сербин сбросил с себя маску доброжелателя и перешел на язык ультиматума: «Тогда вот что я тебе скажу, Григорий Васильевич: продолжать тянуть эту резину мы тебе не позволим. Все наши предложения одобрены Дмитрием Федоровичем Устиновым, а тебе лишь предоставляется право назвать кандидатуру будущего директора ОКБ-30, который заменит тебя в этой должности».

Я ответил, что в таком случае прошу доложить Дмитрию Федоровичу, что я категорически против всех ваших предложений. На что Сербин ответил, что не следует торопиться с категорическими возражениями, что у меня есть еще время обдумать все это дело до завтрашнего утра. «Вот тебе номер телефона, по которому ты завтра в девять ноль-ноль можешь позвонить и высказать свое окончательное мнение». Я ответил, что мое мнение окончательное и поэтому никаких уточнений по телефону не будет.

Как я и предполагал, данный мне Сербиным номер телефона оказался блефом. По этому телефону, сколько я ни пытался дозвониться, никто не отвечал. Зато в тот же день, 20 мая 1968 года, вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, в котором меня принудительно «осчастливили» новым замом генерального конструктора, одновременно назначив его начальником НТЦ, как было обещано мне в больнице Сербиным, Калмыковым и Горшковым.

Но сверх обещаний этой троицы в постановлении была неожиданная для меня запись о назначении моим первым замом И. Д. Омельченко, который и без этого согласно приказу министра занимал эту должность с момента выделения ОКБ-30 в самостоятельную организацию. Таким образом, оба мои замы были назначены на уровне ЦК с явным замыслом на фактическую их независимость от меня, как генерального конструктора.

После моей выписки из больницы от меня потребовали назвать кандидатуру на пост

директора (начальника) ОКБ-30. Я назвал Николая Андреевича Сидорова, но с сохранением за ним обязанностей зам. генерального конструктора по координации связей ОКБ-30 с заводами-смежниками, которую он успешно совмещал с обязанностями главного инженера ОКБ-30. Признаться, в этом моем предложении была маленькая хитрость: я полагал, что совмещение обязанностей директора и зам. генерального будет сдерживать Сидорова от соблазна возвысить свое директорское единоначалие над генеральным конструктором, на что очень рассчитывали и впоследствии жестко давили на Сидорова наши «заклятые друзья» из ЦК, ВПК и Минрадиопрома.

Но это была наивная хитрость. Постановление от 20 мая, назначение Маркова заместителем министра и фактическое отстранение меня от рычагов управления научными разработками – все это было лишь началом четкой, далеко вперед продуманной акции, имевшей целью разрушение ранее заложенной мною структуры научно-технического руководства в области ПРО и в конечном счете – полное отстранение меня от ПРО. Четко просматривалась роль Маркова и его ассистентов из Четвертого ГУ МО в приведении в исполнение всей акции, а также более завуалированная роль авторов и высшего руководства акции в лице Сербина, Калмыкова, Горшкова Л. И., замминистра обороны Н. Н. Алексеева и его помощника К. А. Трусова.

В ходе реализации этой акции мне и уцелевшим моим единомышленникам довелось вести длительную неравную борьбу против абсурднейших, разорительных для государства тупиковых работ по тематике ПРО и СПРН, навязанных дезинформацией из-за «бугра». В финале этой акции один из ее исполнителей заявил: «Зря мы чикались с ним (то есть со мной) полных семь лет. Надо было более решительно требовать замены генерального». А я, узнав об этом генеральском изречении, подумал: «Как же это мы сумели выстоять эти семь лет величайшего стресса и потерять только одного бойца – Владимира Порфирьевича Васюкова? А Мусатов только на пенсии узнал, что давно где-то приобрел микроинфарктные отметины от тех далеких неспокойных дней и ночей».

Предметом акции была самая уязвимая точка в развитии новой техники, а именно – формирование научно-технической политики и доведение ее до уровня директивных документов, после чего даже без участия автора этих документов вступает в силу вся система управления промышленностью, система заказов военной техники, контроля, НИРов и ОКРов – пусть даже самых дурацких. Именно

в этой дуракоопасной точке Марков занял в 1968 году ключевой пост замминистра МРП – головного министерства по ПРО и СПРН. И именно административные рычаги и свобода действий на этом посту предопределили масштабы бедствия, каким явилось его губительное вторжение в сложнейшую оборонную проблематику 20-го столетия.

В канун Нового, 1970 года замминистра В. И. Марков созвал руководящий состав подведомственных ему организаций Минрадиопрома и обратился к присутствующим со следующей речью:

– Я собрал вас, чтобы объявить приказ министра Валерия Дмитриевича Калмыкова о создании Центрального научно-производственного Объединения (ЦНПО) «Вымпел» по тематике ПРО, СПРН и контроля космического пространства.

В него войдут следующие организации: ОКБ «Вымпел» с его филиалами, Радиотехнический институт (директор Александр Львович Минц), НИИ ДАР (и. о. директора Франц Александрович Кузьминский), КБ радиоприборов (директор Георгий Георгиевич Бубнов), Днепропетровский радиозавод (директор Леонид Никифорович Стромцов), головная организация ЦНПО – научно-тематический центр (НТЦ) выделяется из ОКБ «Вымпел»; Тринадцатое Главное управление Минрадиопрома реоганизуется в Спецуправление в составе НТЦ. Генеральным директором ЦНПО «Вымпел» и начальником НТЦ министр назначил меня, заместителем генерального директора по научной работе – Григория Васильевича Кисунько.

Первым взял слово академик Александр Львович Минц.

– Категорически возражаю, – сказал он. – Этот приказ ставит меня в положение административного диктата со стороны Григория Васильевича Кисунько по научным вопросам, в которых наши взгляды принципиально противоположны.

На это Марков ответил репликой: «Значит, нам придется подобрать другого директора РТИ».

Выступление А. Л. Минца свидетельствовало о том, что для присутствующих зачитанный Марковым приказ выглядел как явно прокисуньковский, возможно даже и составленный с участием Кисунько. В самом деле: вновь созданное ЦНПО даже свою «фамилию» взяло от ОКБ «Вымпел». И более того: одно из подразделений этого кисуньковского ОКБ, а именно – НТЦ поднято до статуса головного предприятия объединения. И, наконец, – повышение статуса Кисунько до уровня первого лица после генерального директора в объединении.

В действительности министр Калмыков совместно со своим замом Марковым просто повторил уже применявшийся ко мне в 1960 году способ удушения меня как генерального конструктора путем отключения моих связей с возглавлявшимся мною ОКБ-30, под предлогом назначения меня якобы на более высокую, а на самом деле бутафорскую должность. В 1960 году такой бутафорией была должность первого зама ответственного руководителя КБ-1, сейчас – должность зама генерального директора ЦНПО.

Таким образом, я оказываюсь подвешенным в административном вакууме, отгороженным директорскими барьерами от моих сподвижников (теперь уже бывших?) по системам «А» и А-35. Эти барьеры, – и главный из них – барьер начальника НТЦ, – необходимо будет преодолевать каждодневно и ежечасно по всем «генконструкторским» вопросам, непрерывно возникающим при отладке объектов системы А-35. Все это куда страшнее и безысходнее, чем то, что было в 1960 году. Возражать против приказа министра – бессмысленно, жаловаться в ЦК и ВПК – тоже бесполезно, ибо приказ наверняка был обговорен с Сербиным и Горшковым.

С такими мыслями я выслушал приказ министра и обмен репликами между Марковым и Минцем, который увидел в приказе административный диктат над собой по научным вопросам «со стороны Григория Васильевича». И я подумал: «Мне бы ваши заботы, уважаемый Александр Львович! Вы по-прежнему остаетесь полноправным директором НИИ и генеральным конструктором выполняемых институтом разработок. И никто не собирается расчленять ваш НИИ на части и «разгружать» вас от административных дел путем отстранения от директорского поста. И ваш «конфликт» с Марковым не разыгран ли по сговору специально для меня?»

Вскоре после объявления приказа о создании ЦНПО Марков в дополнение к другим должностям подмахнул у министра приказ о назначении себя техническим руководителем ЦНПО «Вымпел».

На предприятиях, вошедших в ЦНПО, началась стремительная «реорганизация» путем чисток и перетасовок кадров, в процессе которых Марков насаждал на ключевые посты лично обязанных и преданных людей – не сведущих в области ПРО и СПРН. Устранялись строптивые и приручались страхом и подачками менее стойкие, подверженные шкурническим соблазнам, выдвигались явные бездарности и изгонялись творчески активные кадры, несогласные с новшествами Маркова. О

всесилии Маркова говорили шепотом, повторяя им же распускавшиеся слухи о том, что у него наверху – «рука» в лице члена Политбюро К. Т. Мазурова, с которым Марков якобы дружен с партизанских времен.

Вот пример распространения этого мифа: Марков вызывает к себе Курышева, скажем, к 15.00, но за полчаса раньше приказывает подать машину и просит секретаршу от его имени извиниться перед Курышевым, когда тот явится, но при этом никому не сообщать, что Маркову пришлось срочно выехать к Мазурову. Ясно, что этот «секрет» получает идеальные каналы для своего распространения в виде слухов, обрастающих подробностями, передаваемых «по секрету».

И хотя эти слухи были блефом – им верили, когда видели, что академик Минц вынужден был уйти из своего института, видели, как в открытую травят членкора Кисунько, как сняли члена коллегии МРП Васюкова. Марков запросто то разделял главки, то упразднял, то снова создавал, кого хотел – выводил в генералы, а кого – за ворота предприятия: так было с Сидоровым – главным инженером НТЦ: за время отпуска его уволили из армии и из НТЦ, а после отпуска просто отобрали у него пропуск, когда он, ничего не подозревая, явился на работу.

В то же время Марков не упускал возможности продемонстрировать, что умеет оценить сговорчивость и приспособленчество: он мог запросто прямо в ресторане достать из кармана орден Октябрьской Революции или орден Ленина и тут же на банкете вручить его имениннику. Можно себе представить, с какой легкостью управлялся Марков с людьми меньших рангов, особенно из бывших моих сотрудников.

Интересен эпизод, в котором Марков привел к повиновению группу ученых НТЦ, по совместительству во времена ОКБ-30 преподававших на спецкафедре МФТИ. Занятия этой кафедры происходили на территории предприятия в рабочее время. Узнав о негативном отношении этих бывших моих сотрудников к марковским новациям, он издал приказ об учете часов преподавания в рабочее время и вычете соответствующих сумм из основной зарплаты преподавателей.

Этим нехитрым приемом ученая оппозиция не только была приведена к удобному Маркову виду, но и возжелала иметь его во главе своей кафедры. Это и было немедленно оформлено с присвоением ему звания «доцент», которое сотрудники стали применять с иронией наподобие паханской клички. С привлечением ученой верноподданнической команды Марков тасовал людей как хотел не только в подразделениях, но и особенно в НТС и в секциях НТС.

Это давало ему возможность штамповать от имени «научной общественности» любое нужное ему решение, которое затем становилось основой для подготовки директивных документов для представления на утверждение вышестоящих директивных органов. Но, поскольку эти решения заимствовались из тупиковых идей, подкинутых из США, мне ничего не оставалось, как писать на них особые мнения и сложить с себя должность зама по научной работе генерального директора ЦНПО.

А Марков изображал меня как упрямца, игнорирующего научно-техническую общественность, устраивал проработки и взыскания на поддакивающем партбюро с участием прирученных моих «учеников» типа Пугачева В. Н. и «орденоносца» Голубева О. В., заранее подготовленные выступления которых Марков комментировал в том смысле, что вот, мол, от Кисунько отшатнулись даже его ученики. Кстати, Марков не случайно скомпоновал карликовую «головную организацию ЦНПО» в виде НТЦ с присоединением к нему небольшой группы бухгалтерского и диспетчерского аппарата: по численности коммунистов это предприятие «не тянуло» на организацию парткома. Из наличных коммунистов с трудом наскребли состав «карманного» (для Маркова) партбюро.

И все же большинство кадровых специалистов, сформировавшихся на первопроходческих работах бывшего состава ОКБ-30, находилось в состоянии глубоко спрятанного глухого недовольства «марковскими процессами», и даже спустя 5 лет существования ЦНПО возникла реальная угроза того, что коммунисты «прокатят» своего «доцента» на очередных выборах в партийные органы. Выход из положения был найден в том, что столы выдачи бюллетений и сразу же рядом с ними стол с урной для тайного голосования были выставлены в узком проходе между сценой и первым рядом кресел.

А на сцене над всем этим конвейером стояли Марков и секретарь Ленинградского РК КПСС Репников, так что люди голосовали под их прямым наблюдением: получил бюллетень – сразу же бросай его в урну. Если кто пройдет мимо урны, чтобы даже только прочитать бюллетень, будет сразу же взят на заметку, а потом еще раз при вторичном прохождении через конвейер, чтобы опустить бюллетень в урну. Таким образом, Марков прошел «единогласно» и в партбюро, и на районную партконференцию, а дальше – и на съезд КПСС.

Характерно, что Марков был делегатом всех съездов КПСС, начиная с Двадцать третьего, причем из-за особых отношений его с Репниковым (сложившихся еще в

период их совместной работы в КБ-1) ЦНПО «Вымпел», территориально находясь во Фрунзенском районе, «в порядке исключения» оказалось в ведении Ленинградского райкома партии (впрочем, Репников не удержался от соблазна подстроить себе единогласное избрание делегатом съезда на ленинградской партийной конференции и за это впоследствии был бесшумно «освобожден» от кресла секретаря райкома и получил убежище в одном из главков Минрадиопрома). Позднее я случайно узнал, что Марков и его команда, третируя и «выдавливая» меня от противоракетных дел, не гнушались использовать мою фамилию вне ЦНПО в своих целях. Приведу два примера.

Пример первый. У меня в кабинете раздается звонок кремлевской «вертушки». Снимаю трубку, а из нее – грубая словесная тирада: «Слушай, по-хорошему предупреждаю: не лезь на мои заводы. Туполев говорит». Я отвечаю, что не лезу ни на какие заводы, стараюсь спокойно выяснить, о чем идет речь, но Андрей Николаевич не дает сказать слово, продолжает:

«Не валяй ваньку, будто ничего не знаешь. Не прекратишь – буду жаловаться Косыгину». И после этого – короткие гудки в телефонной трубке. Оказалось, что на заводы Минавиапрома ЦНПО «Вымпел» (при посредничестве «сталинского пенсионера» М. З. Сабурова) начал выходить с заказом на изготовление антенн для РЛС «Неман» с комментарием для пущей важности: «Это по заданиям главного конструктора Кисунько». А ведь «Неман» – это измененный шифр уже известной читателю забракованной мною «Программы-2»!

Пример второй. В ученом совете МАИ защищается докторская диссертация секретаря парткома ЦНПО «Вымпел» Валерия Васильевича Сычева. На защите присутствует и выступает замминистра радиопромышленности В. И. Марков, специально подчеркивая, что диссертант – «один из ведущих сподвижников и учеников нашего генерального конструктора Григория Васильевича Кисунько» (впоследствии, в связи с обнаружившимся в диссертации плагиатом, на мой вопрос академику В. П. Мишину об общем его впечатлении о диссертации по результатам ее защиты Василий Павлович сказал, что у него лично были серьезные сомнения, но он проголосовал в ученом совете «за», «учитывая ссылку на твою фамилию»).

Между тем внутри режимного пространства, ограниченного ширмой секретности, вовсю и довольно открыто велась травля и вытеснение меня как главного конструктора. Дело дошло до того, что 26 мая 1971 года Марков в присутствии своего первого зама Заволокина заявил мне:

– Сейчас вам самый удобный момент уйти по-хорошему из ЦНПО с сохранением всех чинов и регалий, например, главным конструктором в ЦКБ «Луч». В противном случае ваш авторитет в ЦНПО будет постепенно падать, и вам все равно придется уйти, но уже не по-хорошему, а по-плохому.

Тогда, отвечая отказом на предложение Маркова, я как-то не задумывался над тем, на каком основании замминистра радиопрома предлагает мне работу в ЦКБ другого министерства, выделившегося из моего ОКБ-30 в Миноборонпром во главе с сыном секретаря ЦК КПСС Д. Ф. Устинова. Причем люди, бежавшие из ЦНПО Маркова, охотно и без каких-либо ограничений принимались в ЦКБ «Луч».

Не исключено, что предложение Маркова по моему «трудоустройству» было сделано с согласия самого Дмитрия Федоровича, который под влиянием известных академиков стал горячим сторонником идеи поражения баллистических ракет с фокусированными мощными лазерными лучами. Для воплощения этой идеи возникла аналогия с созданием КБ-1 под началом Куксенко и Берия-младшего. Почему бы не повторить этот опыт в ЦКБ под началом Кисунько и Устинова (младшего)? Так завязывались в один узел тупиковые научно-технические направления в ЦНПО «Вымпел» и в ЦКБ «Луч».

Еще один пример. В сентябре-октябре 1972 года Марков спровоцировал выступление с предложением Омельченко и Пугачева на его имя, минуя меня как генерального конструктора, об «упрощенной» модернизации системы А-35. Марков для рассмотрения этого предложения создал рабочую группу и командировал ее на полигон с задачей выработать предложения в варианте, фактически не затрагивающем ни аппаратуру, ни боевые программы ЭВМ стрельбовых комплексов.

При этом он заявил, что «если генеральный конструктор не согласится с этим вариантом, то руководство работами будет поручено другому лицу». Об этих «играх» Маркова вокруг идеи «упрощенной» модернизации я узнавал от преданных мне членов рабочей группы «по секрету». Сейчас мне приятно назвать некоторых из этих ребят: Вячеслав Закамский, Евгений Баршай, Виктор Рипный. Это они в то смутное время спасли модернизацию А-35, которая впоследствии под шифром А-35М будет принята на вооружение.

Между тем Марков уже в открытую не упускал случая заявлять о своем намерении поручить работы по системе А-35 «другому лицу», устранив ее генерального конструктора. Например, в марте 1972 года на совещании у зампреда ВПК при

Совмине Л. И. Горшкова Марков заявил, что модернизацию системы А-35 в заданные сроки ЦНПО проведет выделенными для этого силами и без генерального конструктора, причем без него даже быстрее и лучше.

Это сказано в присутствии представителей многих министерств, но председательствующий пропустил заявление Маркова мимо ушей. И не удивительно: ведь это тот самый Горшков, который вкупе с Сербиным из ЦК и министром Калмыковым разрабатывал сценарий устранения генерального. Посетив меня в больнице 19 мая 1968 года, эта «особая тройка» уже имела подписанный на меня приговор, закамуфлированный под Постановление ЦК и Совмина от 20 мая и спущенный Маркову для исполнения. И вот Марков старается под понимающим взглядом Горшкова показать, что все идет как задумано.

В моем дебюте в структуре ЦНПО хорошо запомнился эпизод с запуском в разработку РЛС «Неман» в ОКБ «Вымпел», когда меня пригласили в партком этого ОКБ, чтобы «посоветоваться» в связи с письмом на имя генерального директора, подписанным заместителями генерального конструктора Сидоровым (он же директор), Омельченко и секретарем парткома Мурашко.

Суть письма – просьба поручить ОКБ «Вымпел» (а точнее, его обрубку после ампутации НТЦ) разработку РЛС «Неман», а это означало коренные расхождения дирекции и парторганизации ОКБ с генеральным конструктором в вопросах перспективной тематики. Но тогда зачем меня пригласили? Может быть, в расчете на то, что ради сохранения себя в шутовском генконструкторском звании я соглашусь посадить на шею нашего славного «Вымпела» кучку пришлых неманских авантюристов?

Все эти вопросы я выпалил в виде тирады с вставками из непарламентских выражений, после чего все три подписанта – особенно Омельченко – наперебой стали меня уверять, что их письмо не предательство, а тактическая уступка генеральному директору: под флагом «Неман» будем делать то, что считаем нужным. Я ответил, что перебежка под чужой флаг – это всегда измена своему флагу, и в эти игры я не играю. С этими словами я покинул заседание парткома.

Нелепая история с «Неманом» была лишь одной из многих наблюдавшихся мною в ЦНПО интриг, инициируемых сверху в расчете на холуяжно-пресмыкательское капитулянтство предателей снизу при демонстративном игнорировании меня и как генерального конструктора, и как зама генерального директора по научной части.

Думаю, что у читателя невольно возникнет вопрос: в условиях потрясающего

административного произвола, интриг, травли, отторгнутости от бывшего своего коллектива, в условиях унижения человеческого достоинства, – при всем этом что мешало вам, генеральному конструктору, по примеру академика А. Л. Минца протестующе хлопнуть дверью?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить угрозу мне «уйти по-хорошему» и мой ответ из арии варяжского гостя: «Мы в море родились – умрем на море». Мой уход был бы истолкован как бегство генерального конструктора с системы А-35 (а также с системы «Аргунь») на завершающей фазе ее создания; систему, с которой сбежал генеральный, объявили бы как плод его несостоятельности и могли бы просто закрыть, лишив СССР важного аргумента в военно-техническом соперничестве с США.

Мой уход также избавил бы Маркова от всякой критики его прожектов на научно-технических совещаниях, советах и т. п. Поэтому для меня единственно возможным оставался вариант – стоять до конца, хотя было ясно, что дело кончится насильственным устранением меня из ЦНПО «Вымпел» и из МРП.

...Вколачивание РЛС «Неман» для разработки коллективу первопроходцев системы ПРО сопровождалось удушением научного задела этого коллектива. Это видно на примере РЛС 5Н24 («Аргунь»), создание которой удалось заложить, когда Марков еще директорствовал в НИИ и нам даже в сновидениях не мог привидеться в будущей своей зловещей роли.

Станция «Аргунь» – первая в СССР, не имеющая ни отечественных, ни зарубежных аналогов РЛС, с крупногабаритной поворотной фазированной антенной решеткой, которая регистрирует и обрабатывает в текущем масштабе времени не только моноимпульсные замеры координат сопровождаемых целей, но и моноимпульсные замеры амплитуд и фаз матриц обратного излучения каждой цели.

Математическая обработка этих замеров предусматривалась на специально заказанной нами в Зеленограде ЭВМ «Электроника». Однако ЦНПО расторгнуло в свое время подписанный мною договор на «Электронику», лишив тем самым «аргуньцев» возможности проведения научных исследований в натурных экспериментах по распознаванию баллистических целей в заатмосферной зоне. К тому же ввод «Аргуни» и в сокращенном составе аппаратуры (без «Электроники») пришлось вести тающей горсткой энтузиастов, возглавлявшихся А. А. Толкачевым и Н. К. Остапенко.

Тем не менее, по ее данным было осуществлено высокоточное слежение за

аварийно обесточенной космической станцией «Салют-6», когда стало невозможным следить за нею траекторно-измерительными средствами, рассчитанными на работу по активному ответному сигналу. По данным «Аргуни» был выведен в зону стыковки со станцией «Салют-6» космический корабль Джанибекова, а после выполнения экипажем корабля ремонтных работ информация от «Аргуни» обеспечивала высокоточный прогноз траектории и точки падения станции «Салют-6». НИИ А. А. Толкачева накопил информацию по проводкам «Аргунью» баллистических ракет СССР и КНР.

Несмотря на это, Марков даже для нового поколения РЛС СПРН (РЛС «Дарьял») остановил свой выбор на предложенном Минцем традиционном для узлов РО метровом диапазоне. При этом было отвергнуто предложение Мусатова о построении вместо «Дарьяла» РЛС дециметрового диапазона на базе конструктивно-технологических элементов «Дунай-3У». Для промышленности это означало бы воспроизведение уже освоенных в производстве изделий по сложившейся кооперации и отработанной технологии.

В конечном счете – выигрыш в сроках создания мусатовских «Дарьялов», на порядок более высокая устойчивость их к превентивным ядерным взрывам, выигрыш в стоимости: 160 миллионов рублей против 750 миллионов рублей в варианте минцевской РЛС, причем последней цифре еще предстояло подскочить в процессе разработки и создания хотя бы первого образца «Дарьяла».

В октябре 1991 года собственный корреспондент «Известий» по Хабаровскому краю Борис Резник случайно наткнулся на «таежное чудо» в районе поселка Большая Картель в виде странных циклопических сооружений стометровой высоты, километровой протяженности, напичканных радиоэлектронной аппаратурой. Эти сооружения никем не охранялись, кругом – ни души, если не считать пришлых любителей – раскулачивателей радиоэлектронной начинки бесхозных объектов. Если бы не эта случайная находка дотошного корреспондента и последовавшие затем публикации в газете – никто из непосвященных не узнал бы о величайшей афере в советской оборонке и о ее главаре.

Мне довелось случайно присутствовать при ознакомлении В. И. Маркова с НИИ-37 (впоследствии НИИ ДАР) после его назначения директором этого института. Он остался крайне недоволен докладом Штырена за его (Штырена) нерешительность и топтание в теоретических дебрях, вместо того чтобы строить экспериментальный объект загоризонтной радиолокации (ЗГ РЛС) и на нем наблюдать за пусками

сначала своих, а потом и американских баллистических и космических ракет.

Но эту идею Маркову не удалось продвинуть вне своего НИИ, пока не состоялось его назначение на должность замминистра. Во всеоружии этой и многих других должностей, ему удалось для начала построить экспериментальный комплекс ЗГ РЛС (шифр – «Дуга») в районе Николаева. Но этот комплекс оказался «не в дугу»: пуски ракет он не засекал, но зато глушил связные рыбацкие радиостанции в Баренцевом море, из-за чего в МИД СССР посыпались протесты. Это был единственный результат создания николаевской «Дуги».

Но Марков и его приятель – главный конструктор «Дуги» Ф. А. Кузьминский, не смущаясь, добиваются создания «первого боевого» объекта ЗГ РЛС в районе Чернобыля. Результат – тот же, что и в «экспериментальной» ЗГ РЛС. Но Марков не унимается. Подобно азартному игроку, он предлагает построить еще один «боевой» объект в районе Большой Картели на Дальнем Востоке: дескать, ракурс от Чернобыля на США неблагоприятен по ионосферным условиям.

Но испытания Большой Картели снова подтверждают, что ни одного ракетного пуска ЗГ РЛС и в этом ракурсе не могла засечь. Теперь остается ухватиться за соломинку: дескать, зато ЗГ РЛС способна засекать массированный старт баллистических ракет. Можете спокойно ждать массированного удара, товарищи заказчики! Но если говорить серьезно, то нетрудно доказать, что накопление амплитуд сигналов при массированном ударе будет отсутствовать. Круг замкнулся, и Маркову остается потихоньку уползать от всех своих должностей, вернувшись в НИИ ДАР на директорское кресло, и – концы в воду.

И все это после того, как огромные средства, время и труд сотен тысяч людей, наивно считавших, что они работают на оборону СССР, оказались выброшенными на ветер и, может быть, где-нибудь совсекретно списаны на научные исследования особой важности. И из публикаций в газете «Известия» (номера от 18 и 24 октября и от 18 ноября 1991 года) для всех, кто знаком с историей объектов, засекреченных под шифром «Дуга», было ясно видно, что кто-то всячески пытается зациклить внимание корреспондентов и прокуроров только на фактах разворовывания и разграбления электронной начинки, – особенно содержащей драгметаллы, – на одном из таких объектов в районе Большая Картель, незашифрованное название которого (объекта) – загоризонтная радиолокационная станция (ЗГ РЛС).

Кому-то очень хочется представить эти факты как безхозяйственность на морально и технически устаревших, списанных или подлежащих списанию объектах военной

техники. И все это делается для того, чтобы не выпустить из-за завесы секретности главные охраняемые от народа чудовищно криминальные тайны и большекартельской (разворованной и сгоревшей) ЗГ РЛС, и такой же чернобыльской – тоже разграбленной и прекратившей свое существование, а также экспериментальной в районе Николаева.

Первая из этих тайн состоит в том, что в основу построения ЗГРЛС были заложены подброшенные «из-за бугра» тупиковые идеи, и поэтому создаваемые объекты были изначально мертворожденными. И именно по этой причине, а не из-за мнимого «морального и технического старения» созданные объекты не были приняты Министерством обороны на вооружение. То есть изначально бросовыми были затраты на создание ЗГ РЛС.

Вторая тайна объектов, скрывающихся под шифром «Дуга», состоит в том, что решения об их создании принимались вопреки научно обоснованным предостережениям компетентных специалистов, а сами эти специалисты подвергались жестким санкциям. Например, очень четко, по-военному был изгнан в запас из управления военного заказчика ПВО полковник-инженер Зинин Валерий Иванович. А вот с Главным конструктором надгоризонтных РЛС А. Н. Мусатовым руководству НИИ ДАР пришлось повозиться. Зато и результат: не только выгнали из НИИ ДАР, но и уволили из кадров Вооруженных Сил, да еще исключили из КПСС при поддержке оборонных отделов МГК и ЦК КПСС (Олег Беляков, Игорь Дмитриев).

В период подготовки предложений о создании ЗГ РЛС А. Н. Мусатов представил в НТС института докладную записку, в которой доказывал, что на ЗГ РЛС эхо-сигнал от факела МБР будет в десять тысяч раз слабее сигналов от помех и поэтому строить ЗГРЛС бессмысленно. Для рассмотрения этой записки в НИИ, по указанию его недавнего директора В. И. Маркова, – ставшего заместителем министра, генеральным директором и техническим руководителем ЦНПО, а также председателем межведомственного НТС по проблематике ПРО, СПРН и ПКО, – был созван надлежащим образом сформированный карманный «президиум НТС», в который для массовости были включены парторг НИИ, профорг, комсорг, директор и главный инженер опытного завода и другие несведущие в рассматриваемом вопросе лица.

Этот «президиум» единогласно, – десять против одного А. Н. Мусатова, – высказался за создание ЗГ РЛС: дескать, американцы вовсю строят ЗГ РЛС, – значит, по Мусатову выходит, что они дураки?

А американцы действительно через прессу пустили утку для наших дураков, – а может для своих «хмурителей» среди нас, – будто США приступают к строительству ЗГ РЛС в варианте «на просвет»: передающая позиция на территории США и две приемные позиции на островах Кипр и Тайвань. Причем эта информация «подтверждалась» интенсивными работами на Кипре и Тайване по созданию радиоприемных центров, и это помогло заглотнуть «загоризонтную наживку» сначала военному заказчику (ПВО), а затем и НИИ ДАР после того, как его директором стал В. И. Марков.

После повышения В. И. Маркова на должность замминистра он получил возможность протащить решение о создании ЗГ РЛС при поддержке военно-промышленной комиссии (Л. И. Горшков) и военного заказчика на уровень ЦК КПСС и Совмина СССР. Между тем американцы, убедившись, что мы необратимо вляпались в «загоризонтную» авантюру, объявили, что они прекращают строительство ЗГ РЛС, а приемные центры на Кипре и Тайване передаются службам радиоперехвата ЦРУ.

Предостережения против создания ЗГ РЛС, сделанные в докладной записке А. Н. Мусатова, полностью подтвердились, когда по данным уже построенных ЗГ РЛС разработчики представили материалы 44 проводок, якобы полученных по радиолокационным сигналам при пусках баллистических ракет. На самом деле – как показал проведенный Мусатовым анализ – это были «проводки» случайных выбросов помеховых сигналов (Ю. В. Вотинцев ошибается, утверждая, что Чернобыльский и Дальневосточные узлы способны обнаруживать только массовый старт.

Это голословное утверждение было выдвинуто разработчиками ЗГ РЛС, чтобы спихнуть их на вооружение, притом, что они оказались неспособными обнаруживать одиночные цели), в связи с чем тогдашний начальник Генштаба Н. В. Огарков заявил на заседании коллегии Министерства обороны, что такие ЗГ РЛС нельзя принимать на вооружение.

...Хотя уникальный коллектив НИИ, сформировавшийся на создании надгоризонтных РЛС дециметрового диапазона, был задействован в основном на ЗГРЛС, Мусатову все же удалось сохранить небольшое подразделение на тематике РЛС технологически нового поколения.

Однако в результате конфликта с вернувшимся в НИИ в качестве директора В. И. Маркова Мусатов был, как я уже писал выше, изгнан из НИИ, из кадров Вооруженных Сил и из КПСС; был произведен разгон и его ближайших помощников.

Тем самым было обезглавлено создание новой РЛС в районе Гродно, строительство которой было начато в 1982 году со сроком окончания в 1987 году. То есть объект превратился в бессрочный долгострой, строительная часть которого уже обошлась государству к началу 1990 года в более 200 миллионов рублей. Еще один кандидат в «мертвые» объекты под стать объектам ЗГ РЛС.

Таким образом, авантюра с ЗГ РЛС, кроме прямого материального ущерба государству, привела также к полному развалу разработок надгоризонтных станций дециметрового диапазона, хотя именно в этом диапазоне работают все РЛС СПРН США.

И весь этот театр абсурдов вершился за ширмой секретности, которая служила не столько сохранности государственных тайн, сколько всевозможному прохиндейству. Опорой Маркова стала специально созданная команда из лично преданных и лично обязанных ему людей. Среди них особо выделялся В. В. Сычев, выдвинувшийся из послушных начальству партийных секретарей в заместители генерального директора по научной работе.

За послушность он получил мощную поддержку из министерских калибров при докторской защите и особенно в секретных коридорах ВАКа, когда надо было притушить скандал в связи с выявившимся плагиатом в его диссертации (докторская диссертация В. В. Сычева продвигалась как до защиты, так и после защиты по обходным, незаконным путям, в режиме протекционистского благоприятствования). Сей высокопроходительныи партийно-научный выдвиженец впоследствии сиганул аж в Военно-промышленную комиссию при Совмине СССР на должность председателя ее НТС в ранге зампреда ВПК, а оттуда вышел в первые перестроечные министры, заполучив департамент Госстандарта СССР.

Не будь «Дуги» – имели бы мы и круговое поле вокруг Москвы, и еще три 90-градусные станции «Дунай-ЗУ» для северной линии СПРН. Причем сплошное круговое поле обслуживало бы информацией СПРН всю европейскую часть России со всех ракетоопасных направлений, – даже если бы в ближнем зарубежье все страны, подобно Латвии, уничтожили оказавшиеся на их территориях РЛС СПРН бывшего СССР.

Резким контрастом нашей дырявой изнутри и снаружи сети надгоризонтных РЛС ПРО – СПРН является созданное в США сплошное круговое радиолокационное поле дециметрового радиодиапазона, четырежды эшелонированное в направлении на СССР: Бимьюс, Кобра Дейн, ПАР, Пэйв Пос. Это поле является устойчиво живучим

и гарантирует получение и выдачу высокоточной достоверной информации о характере и структуре налета МБР на территорию США с любого направления.

Казалось бы, более нелепой и более опасной для обороноспособности государства, чем затея с «Дугой», невозможно придумать, ан нет! Не иссяк порох в пороховницах ЦНПОвских изобретателей: их потянуло на радиолучевое оружие для ПРО. И с 1970 года по инициативе ЦНПО «Вымпел» ЦК КПСС и Совмин СССР издали постановление о развертывании работ по проблеме создания СВЧ-оружия для поражения баллистических ракет остронаправленными радиолучами.

Многие специалисты пытались обратить внимание власть имущих на абсурдность этой идеи. В частности, в моих письмах на имя Л. И. Брежнева и Д. Ф. Устинова она была названа «чистейшей утопией». Но забугорная дезинформация пересиливала наши даже расчетно обоснованные доводы. Работы по этой теме приобрели статус особой важности, для них было открыто ничем не ограниченное финансирование, на которое как мухи на мед слетались желающие вкусить от казенного пирога. Разоблачению этого безобразия препятствовали особые меры секретности, а также умело подбрасываемая дезинформация, вплоть до липовых подделок под «патенты» США.

И все же после моего письма на имя Л. Н. Зайкова от 24 февраля 1986 года эту тему бесшумно спустили на тормозах, и было упразднено ее головное подразделение. Но 2 апреля 1993 года подспудно, в каких-то секретных дебрях НИИ, возглавляемого Р. Авраменко, И. Омельченко и А. Басистовым, вылупилась новая СВЧ-утка: в России изобретено «плазменное» оружие ПРО и президент России в Ванкувере предложит США принять участие в совместном с Россией эксперименте «Доверие» на противоракетном полигоне США.

И приводнилась эта утка в главной известинской луже в ожидании команды на взлет для сопровождения президентского самолета аж в Ванкувер и обратно. Но команды не последовало, а вместо нее появилось в «Независимой газете» от 8 июля 1993 г. интервью специалиста – генерального конструктора систем предупреждения о ракетном нападении А.А. Кузьмина, в котором он сказал: «…у президента оказались достаточно осторожные помощники и он поехал в Ванкувер с повесткой дня, в которой данного вопроса уже не было. В черновике – да, это присутствовало. Но только в черновике».

Глава двадцать первая

Нет повести печальнее на свете,
чем о советской противоракете.

Система А-35 успешно прошла госиспытания и была принята в эксплуатацию двумя очередями: первая очередь – в июне 1972 года, вторая – в 1974 году (подключение к объектам первой очереди и сдача в эксплуатацию системы в целом). Окончание госиспытаний первой очереди было отмечено рапортом XXIV съезду КПСС за подписями министров Гречко, Калмыкова и Дементьева с указанием фамилий генеральных конструкторов Кисунько и Грушина. При этом в акте госкомиссии по результатам испытаний системы «Алдан» была зафиксирована вероятность поражения системой назначенной ей баллистической цели – 0,93. Столь высокая эффективность стрельбы не была достигнута ни в одной из ранее испытывавшихся систем ПВО.

Как я уже писал, система А-35 была рассчитана согласно заданию на поражение парных целей, состоящих каждая из боеголовки и корпуса ракеты-носителя. Однако в построении системы была заложена возможность ее модернизации (на основе изобретения, разработанного мною с группой моих сотрудников), позволяющей при минимальных доработках аппаратуры осуществлять перехват как парных, так и многоэлементных целей.

Научно-экспериментальные работы в целях создания задела для модернизационных доработок системы А-35 нам довелось вести одновременно с испытаниями и сдачей системы под парную цель при сильно сокращенном составе исполнителей в связи с переводом разработчиков на другую тематику. Но, несмотря на малочисленность моих «последних могикан», нам удалось довести работы по модернизации до уровня, требуемого для предъявления системы «Алдан» на совместные испытания.

В соответствии с принятым порядком мы даже подготовили предъявительскую записку, которую руководство предприятия должно направить военному заказчику. Но руководство выдержало записку от 17 сентября до 20 ноября, а потом 31 декабря 1974 года за подписью министра Плешакова ушло письмо в адрес Главкома ПВО с предложением прекратить работы по модернизации системы А-35.

Оказавшись перед фактом прямого административного удушения модернизации системы А-35, – да еще на министерском уровне! – мне ничего не оставалось, как обратиться с письмом прямо к Л. И. Брежневу. От помощника генсека я узнал, что Леонид Ильич переадресовал его министру обороны Гречко и секретарю ЦК КПСС

Устинову.

Три месяца шла невидимая для меня чиновничья возня вокруг моего письма, и вот меня знакомят с приказом Минрадиопрома от 28 апреля 1975 года: в НТЦ создается НИО-4, меня назначают его начальником, и на меня возлагается «ответственность за проведение доработок средств и системы А-35 в установленном объеме и в заданные сроки».

Я, конечно, понимал, что этот приказ – лишь один из многих отголосков более объемного документа по ПРО, к разработке которого меня не привлекают. Но – удивительное дело! – мне предложили (правда, через клерка, разносящего бумаги большим начальникам) завизировать общий документ в виде проекта постановления, когда на нем уже стояли все визы, с которыми такие документы представляются на подпись генсеку. Так что моя виза получилась как бы завершающей!

Внимательно ознакомившись с этим документом, я обнаружил, что он целиком нашпигован в духе моих недругов-псевдоноваторов. В нем приемлемым для меня был только один пункт: о проведении доработок системы А-35 с последующим принятием ее на вооружение (система А-35М). Вот тут бы мне и догадаться завизировать документ с пометкой: «Только в части А-35М». Без этой пометки я как бы согласен со всеми глупостями в документе, даже с радиолучевой ПРО. Может быть, так и докладывали мои недруги Л. И. Брежневу? Мол, одумался Кисунько.

В апреле 1974 года я заболел гриппом с довольно неприятным осложнением. Моя лечащая врач предписала мне строгий режим, снабдила лекарствами, посещала и наблюдала меня на дому, открыла бюллетень. Я с трудом отвертелся от госпитализации (при осложнениях на сердце мне довелось трижды побывать с стационаре ЦКБ и на полигоне не один раз). Сейчас как-то неожиданно моим состоянием стал интересоваться Владимир Иванович Марков: температура, давление, кто лечащий врач. А лечащий врач вскоре появилась очень расстроенная тем, что ее вызвал главврач поликлиники и потребовал немедленно закрыть мой бюллетень. Таков был приказ начальника Четвертого ГУ Минздрава.

25 апреля, с моим появлением на работе, сразу же собрался партком с невразумительной повесткой дня. На заседании экспромтом (по крайней мере, для меня) предлагалось заслушать Басистова и мой содоклад. После (тоже невразумительного) выступления секретаря парткома Сычева он же предложил объявить выговор без занесения в учетную карточку Басистову и Кисунько.

Формулировку уточнить в рабочем порядке. Мне было ясно, что настоящей мишенью для выговора являюсь я. Басистову, явно по сговору, отведена роль камуфляжа.

Секрет этого фарса раскрылся сразу же, когда я узнал, что зам. генерального директора Порожняков по указанию Сычева изъял мое командировочное предписание в Ашхабад, куда я по договоренности с секретарем ашхабадского горкома КПТ должен был вылететь к 5 мая для депутатского отчета. Партком до часа ночи с 25-го на 26 апреля заседал втайне, занимаясь формулировкой ходатайства перед ЦК КПСС о недопущении выдвижения меня кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР 9 созыва, как имеющего партийное взыскание и потерявшего авторитет в коллективе.

А формулировка моего партийного «проступка» в эту ночь «в рабочем порядке» приобрела следующий вид: «За низкий уровень руководства работами по системе А-35 и игнорирование мнений научно-технической общественности». Все это творилось за моей спиной, как и бурная деятельность Сычева по ознакомлению вышестоящих партийных органов с парткомовской фальшивкой. При этом он пытался даже выведать у меня номер телефона секретаря ашхабадского горкома КПТ. А какую околесицу плел Сычев на мой вопрос о командировочном предписании! Дескать, «ожидаются предстоящие неотложные дела, которые вам (то есть мне) необходимо будет выполнить в связи с предстоящими поручениями товарища Горшкова Леонида Ивановича».

Так завершилось мое депутатство в Туркменистане. Но не закончилась моя дружба с туркменскими учеными, и живым напоминанием о ней стоит в Ашхабаде антенна системы «А», переквалифицированная в мирный радиотелескоп.

У меня уже не было сомнений, что после моего письма Л. И. Брежневу обязательно будет предпринят последний и решительный шаг по отстранению меня от ПРО. И я не ошибся.

На этот раз партком решил заслушать меня – как идут дела с модернизацией А-35 с учетом ранее вынесенного мне взыскания. Для участия в этом действе были приглашены одиннадцать хорошо прирученных карманных «выступантов».

Как и следовало ожидать, «выступанты» оказались сориентированными не на модернизационные дела, указанные в повестке заседания парткома, а совсем на другое, Надо было понадергать и вывалить на парткоме «компроматинки», из которых мог бы получиться ядреный компромат-букет против меня. И к этому делу

они приступили сразу же после моего «доклада». Прежде всего меня обвинили за мои особые мнения по ряду научно-технических вопросов, не совпадающих с мнениями большинства. «Ваше особое мнение не безобидно», – сказал мне В. Н. Пугачев. Ф. И. Заволокин: «По «Амуру» не продвинулись далеко из-за особого мнения». А ведь мое особое мнение не располагает ни правом вето, ни какими-либо другими особыми правами!

А вот уже обвинения энкавэдэшного типа: «Сознательно пытался помешать созданию новых средств», «Вел ожесточенную борьбу против перспективных направлений».

В репертуаре «выступантов» в той или иной форме звучит тема, ради которой и был собран этот балаган: «Убрать Кисунько». Наиболее четко выразил ее О. В. Голубеев: «Я – ученик Григория Васильевича. Как он посмел обратиться к Леониду Ильичу? Нет оснований для жалобы в партийные органы. Мне будет очень трудно работать с Григорием Васильевичем. Без него – лучше». А Головкин добавляет: «Ученики и соратники не поддерживают Григория Васильевича. Нужна единая линия по ПРО в целом». «Без Кисунько», – уточняет Швыгин. Та же тема в исполнении Заволокина: «Одно лицо по ПРО». А Пугачев советует Кисунько самому «уйти от руководства».

Правда, было заявление Миронова Николая Васильевича, прорвавшегося на заседание парткома: «Собрались обсудить, что делать по А-35М, а вместо этого обсуждаем, как снять генерального конструктора... Постановление о снятии Кисунько в ПРО будет иметь тяжелые последствия для нашего государства».

Но Миронова, собственно, никто на заседание не приглашал, и его речь заглушил хорошо спевшийся хор «выступантов».

...В кабинете генерального директора ЦНПО «Вымпел» по вызову его хозяина собрались шесть директоров предприятий ЦНПО. Марков предложил всем присутствующим ознакомиться с проектом записки в ЦК, Совмин и в МРП об отстранении от должности генерального конструктора и от тематики ЦНПО Кисунько Григория Васильевича. Мотивировка изложена в тексте записки, которая составлена по материалам обсуждения этого вопроса в парткоме с ведущим научно-техническим активом ЦНПО. Фамилии подписавших документ директоров пока что проставлены карандашом, потом они будут впечатаны на машинке.

После ознакомления с документом первым взял слово директор Днепропетровского радиозавода Л. Н. Стромцов:

– Отказываюсь подписывать эту кляузу и считаю, что каждый, кто ее подпишет, должен быть строго наказан в служебном и партийном порядке.

Леонида Никифоровича поддержал Георгий Георгиевич Бубнов – директор и главный конструктор КБ радиоприборов. Остальные директора согласились подписать документ без замечаний.

– В таком случае вместо двух отказавшихся директоров мы предложим расписаться двум докторам наук: Анатолию Георгиевичу Басистову и Владимиру Николаевичу Пугачеву, – сказал Марков, – а при таком раскладе уже и моя подпись не обязательна.

Так коллективная кляуза, спровоцированная Марковым, приняла видимость директорской инициативы, которую генеральный директор непременно использует против меня вместе с парткомовскими бумагами.

Между тем, не подозревая о запущенной втайне против меня «директорской» мине, я полностью ушел в дела, связанные с модернизацией системы А-35. И там, на ГКВЦ системы во время проводившейся мною планерки дежурный офицер передал мне указание срочно позвонить по ВЧ-связи министру П. С. Плешакову. По приказанию Плешакова мне надлежало немедленно прибыть в министерство, о чем я сообщил участникам планерки и объявил перерыв до моего возвращения из Москвы. Присутствовавший в зале командующий войсками ПРО и ПКО Ю. В. Вотинцев воспринял вызов меня к министру как радостную весть и громко произнес:

– Наконец-то Минрадиопром всерьез повернулся лицом к тридцать пятой системе!

...Плешаков начал разговор со мной, что называется, с ходу:

– Тут такое дело, Григорий Васильевич, что я сегодня же должен подписать приказ о твоем переводе из ЦНПО «Вымпел». Вот давай посоображаем – куда? Есть три варианта: первый – директор министерских курсов повышения квалификации, второй – ученый секретарь НТС МРП, третий – научный руководитель Центрального НИИ радиоэлектронных систем, где директором твой старый знакомый Револий Михайлович Суслов.

– Но я ведь назначен генеральным конструктором постановлением ЦК и Совмина, и смещать меня министерство неправомочно.

– Григорий Васильевич, мы здесь, в министерстве, хорошо понимаем пределы своих полномочий. Я не буду раскрывать перед тобой некоторые детали, но в этой части дела у нас все в порядке. И предлагаем мы тебе не второстепенные варианты. Взять хотя бы должность ученого секретаря министерства. Ведь это же правая рука

министра!

Я попросил дать мне время подумать, посоветоваться с младшим Сусловым, но Плешаков заверил меня, что согласие Суслова он гарантирует. Но я ответил, что мне все равно нужна неделя на раздумье, и добавил:

– Да и вам стоит подумать еще раз: надо ли форсировать мой уход из «Вымпела», хотя бы до сдачи военным модернизации А-35? Все же я ее генеральный конструктор и главный среди авторов изобретения.

– За систему не беспокойся: сдадим, а если выпадет за нее «сено-солома», – тебя, конечно, не забудем.

Пройдет три года, и в Кремле В. В. Кузнецов будет вручать государственные награды участникам модернизации системы А-35. И один из награжденных – Николай Николаевич Родионов – заявит при получении награды: «Очень жаль, что среди нас нет Григория Васильевича Кисунько – изобретателя и генерального конструктора системы А-35М».

Да, обошли меня наградой; но самой ценной, самой высокой наградой для меня всегда будут слова генерал-полковника Юрия Всеволодовича Вотинцева – бывшего командующего войсками противоракетной и противокосмической обороны, сказанные им в интервью газете «Правда» 10 декабря 1992 года:

«Наибольший вклад в создание ПРО внесли Кисунько и Мусатов. Но в самый напряженный период работы над системой, из-за интриг в Минрадиопроме, они были от дела отстранены».

Словарь употребляемых аббревиатур

АК – авиационный корпус.

бч – боевая часть.

ГАУ – Главное артиллерийское управление.

ГКВЦ – главный командно-вычислительный центр.

ГП – главный пост.

ГУ – Главное управление.

ГУК Арт. – Главное управление кадров артиллерии.

ГЧ – головная часть баллистической ракеты.

зап – зенитно-артиллерийский полк.

ЗРК – зенитно-ракетный комплекс.

иап – истребительный авиаполк.

КБ – конструкторское бюро.

МБР – межконтинентальная баллистическая ракета.

МО – Министерство обороны.

МРП – Министерство радиопромышленности.

МФ ПВО – Московский фронт противовоздушной обороны.

НИИ – научно-исследовательский институт.

НИИ ДАР – Научно-исследовательский институт дальней радиосвязи.

НИИР – научно-исследовательская и испытательская работа.

НИО – научно-исследовательское отделение.

НИР – научно-исследовательская работа.

НТС – научно-технический совет.

НТЦ – научно-тематический центр.

НШ – начальник штаба.

ОД ГП – оперативный дежурный главного поста.

ОМА – особая московская армия.

ПГУ – Первое Главное управление.

ПКО – противокосмическая оборона.

ПРО – противоракетная оборона.

РКМ – рабоче-крестьянская милиция.

РЛС – радиолокационная станция.

РО – радиообнаружение.

СВЧ – сверхвысокие частоты.

СПРН – система предупреждения о ракетном нападении.

ТУ – технические условия.

УКС – управление капитального строительства.

ЦАМО, ф. ОМА – Центральный архив, фонд особой московской армии.

ЦКБ – центральное конструкторское бюро.

ЦНПО – Центральное научно-производственное объединение.

ЦСО – Центральная станция обнаружения.

ЭВМ – электронно-вычислительная машина.